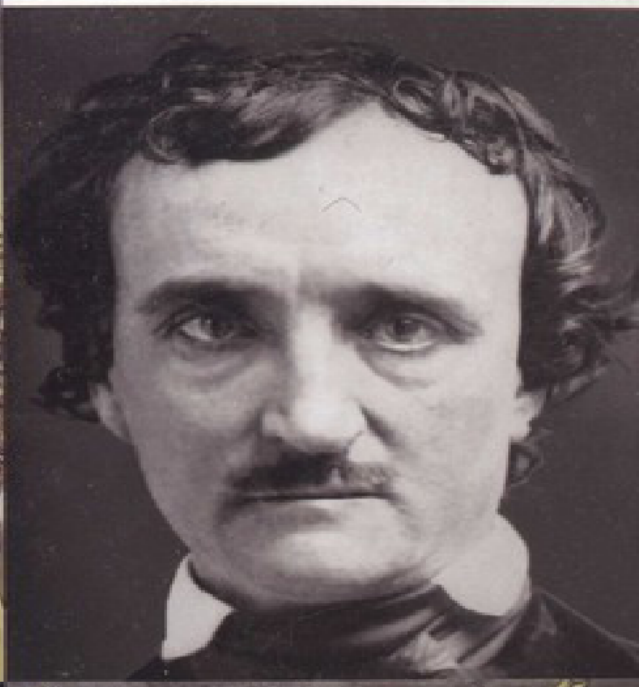
ЭДГАР ПО



Андрей Танасейчук

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Об Эдгаре По написано много, среди его биографий есть удачные, менее удачные, спекулятивные — разные. Речь идет, разумеется, об англоязычном мире. Но до сих пор не было ни одной отечественной биографической книги. Свою задачу автор видит в том, чтобы понять писателя, показать, как и какие обстоятельства, люди и встречи влияли на него, увидеть, что оказывало воздействие на формирование его личности и стимулировало творчество, как рождались сюжеты, как протекала каждодневная жизнь реального человека по имени Эдгар Аллан По.

знак информационной продукции 16 +

- А. Б. Танасейчук
  - ОТ АВТОРА
  - ПРЕДЫСТОРИЯ
    - «Актриса не может составить счастья своим детям…»
  - НАЧАЛО ИСТОРИИ
    - Ричмонд. 1811–1815
    - Англия. 1815–1820
    - Снова Ричмонд. 1820–1826
  - ЗАВЯЗКА ДЕЙСТВИЯ
    - Виргинский университет: обитатель комнаты № 13
    - В доме на Пятой улице. 1826–1827
    - Бостон: «„Тамерлан“ и другие стихотворения». 1827
    - Под именем «Эдгар А. Перри». 1827–1829
    - «Аль Аарааф» и другие события. 1829–1830
    - Кадет Вест-Пойнта. 1830–1831
  - РАЗВИТИЕ СЮЖЕТА
    - Неприкаянный. 1831–1833
    - Первый успех и последующие события. 1833–1835
    - «Сауферн литерари мессенджер». 1835–1837
    - «Плохой год» в Нью-Йорке. 1837–1838
    - Специалист в области конхиологии. 1838–1839
    - Журнал Бёртона. 1839–1840
  - КУЛЬМИНАЦИЯ
    - «Гротески и арабески» и «идеальный журнал». 1840–1841

        - Редактор «Журнала Грэма». 1841–1842
        - В плену иллюзий. 1842–1843
        - Обстоятельства личного и литературного характера. 1843–1844
        - «Ворон» и другие события. 1844–1845
        - Бес противоречия. 1845–1846
    - РАЗВЯЗКА ПРИБЛИЖАЕТСЯ
        - Женщины, скандалы и войны. 1846–1847
        - Фордхэм, смерть Вирджинии. 1847
        - «Эврика». 1847–1848
        - Между Еленой и другими. 1848–1849
    - ФИНАЛ ИСТОРИИ
        - Последнее путешествие. 1849
    - POST SCRIPTUM
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭДГАРА АЛЛАНА ПО
    - ЛИТЕРАТУРА
    - Слова благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156

- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200

- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244

- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288

- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332

- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376

- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420

- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436

А. Б. Танасейчук
Эдгар По. Сумрачный гений

Светлой памяти учителя, профессора Санкт-Петербургского университета Юрия Витальевича Ковалева

…литература — самое благородное из занятий. Пожалуй, единственное, достойное мужчины. Что до меня, то я не сверну с этого пути ни за какие сокровища. Я буду литератором — пусть даже самым обыкновенным — всю жизнь. Ничто не заставит меня оставить надежды, которые зовут меня вперед… ничего из того, чем дорожит человек, посвятивший себя литературе, — в особенности поэт, — нельзя купить ни за какие деньги.

Э. А. По

В Эдгаре По есть именно одна черта, которая отличает его решительно от всех других писателей и составляет резкую его особенность: это сила воображения. Не то чтобы он превосходил воображением других писателей; но в его способности воображения есть такая особенность, которой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей…

В По если и есть фантастичность, то какая-то материальная, если б только можно было так выразиться. Видно, что он американец даже в самых фантастических своих

произведениях.

Ф. М. Достоевский

Соединенные Штаты были для него лишь громадной тюрьмой, по которой он лихорадочно метался, как существо, рожденное дышать в мире с более чистым воздухом… Внутренняя же, духовная жизнь По была постоянным усилием освободиться от этой ненавистной атмосферы.

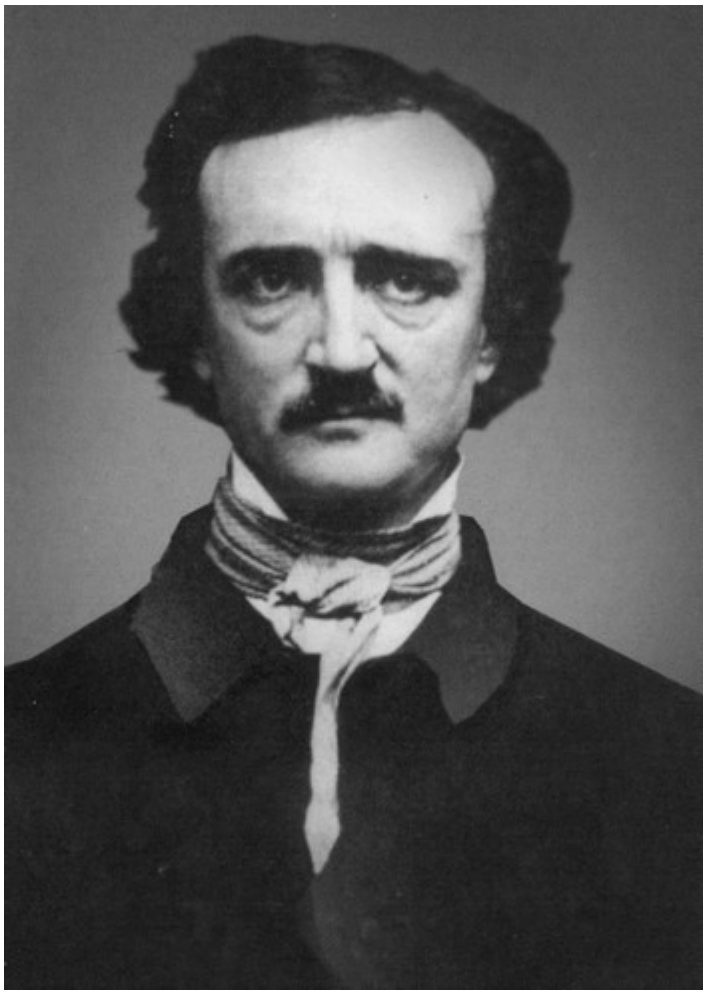
Ш. Бодлер

Как мог жить в Америке этот тончайший из всех тончайших художников, этот прирожденный аристократ литературы? Увы!

Он там не жил, он там умер.

Дж. Б. Шоу

ОТ АВТОРА



Авторы биографий обычно любят своих героев. Любовь — сильное чувство. Без него трудно совершить что-либо значительное. А любая полноценная биография — большой труд. Как по объему проработанного и освоенного материала, так и по количеству прилагаемых усилий. Но, с другой стороны, любовь опасна. Она нередко ослепляет, частенько вводит в заблуждение, а иногда заставляет идти на компромиссы и жертвы. В нашем

случае «жертвой» обычно становится истина, поскольку сильное чувство подсознательно толкает автора к интерпретации событий, фактов и мотивов в выгодном для своего героя свете. Эту «угрозу» сознают многие. И стараются дистанцироваться от «предмета», не поддаваться эмоциям. Так появляются биографии иного свойства. Их подспудной целью провозглашается Правда, но результат обычно не впечатляет. Препарирование вообще процедура не из приятных, а предпринятая по отношению к масштабной личности нередко не только вызывает интерес, но и провоцирует отторжение. К тому же книги последнего рода довольно часто спекулятивны.

Альтернатива обоим типам существует. Она называется «научная биография». Но у нее свои минусы: подавляюще громоздкий справочный аппарат, объемная и часто невнятная полемика с коллегами, ссылки, отсылки, комментарии, комментарии к комментариям и т. д. и т. п. И, конечно, язык. Не всегда это тяжеловесный «воляпюк» для посвященных, но читать труды подобного рода обычно скучно и неинтересно.

Об Эдгаре Аллане По пишут давно. И написано так много, что среди биографий писателя есть и те, и другие, и третьи, и множество «промежуточных». Удачные, менее удачные, спекулятивные — всякие. Речь идет, разумеется, об англоязычном мире. В русскоязычном пространстве ситуация иная. В сознании русского читателя он всегда занимал особое место (не случайно еще в начале XX века Александр Блок замечал: «Эдгар По — подземное течение в России») и, начиная с самых первых переводов его текстов — прозаических и поэтических — на русский язык, привлекал внимание критики и отечественной науки о литературе. Но вот с биографиями как-то не задалось. До сих пор Эдгар По не удостоился ни одной отечественной биографической книги. К настоящему дню российскому читателю доступны всего лишь две: молодогвардейская в серии «Жизнь замечательных людей» Г. Аллена и совсем «свежая» — книга замечательного английского писателя П. Акройда[1].

Книга Герви Аллена, хотя и появилась на русском языке в 1984 году, на самом деле создавалась в начале 1920-х (на языке оригинала вышла в 1926-м). Разумеется, изрядная часть материалов, которыми свободно оперируют современные исследователи, была автору недоступна. К тому же Аллен «влюблен» в своего героя и потому — вольно или невольно — искажает реальность, трактует факты и обстоятельства в пользу выбранной авторской стратегии. А она такова: Эдгар По — жертва. Жертва эпохи, судьбы, отчима, окружающих людей, ситуаций и т. п. А если в чем и «виноват», то только в

собственной гениальности. Разумеется, не пошли на пользу и сокращения. Изъятия составили едва ли не половину оригинального англоязычного текста.

Совсем иная история с книгой П. Акройда. Лаконичная (объемом менее восьми авторских листов), она написана совсем недавно. Стратегия Акройда разительно отличается от позиции Аллена. Он намеренно отстраняется от своего героя — предлагает «объективный» взгляд на его историю. Отдавая должное таланту, он едва ли «любит» писателя. В беллетризованной форме повествуя о жизни Эдгара По, он избегает навязывания оценок. Вывод должен сделать читатель. Акройд не пытается понять, что двигало писателем, лишен сочувствия к нему. Он создает непредвзятый рассказ о его жизни. Но некоторые факты и он искажает, подверстывает под логику сюжета.

Разумеется, все это было известно уважаемому издательству, когда оно предложило автору настоящих строк написать новую — первую русскоязычную — биографию великого американского писателя. Понятно, речь не шла о «научной биографии». В таком случае разумнее было бы не *писать,* а *перевести* фундаментальный труд Артура Х. Квина «Эдгар Аллан По. Критическая биография» и издать его. Будем надеяться, что когда-нибудь произойдет и это. Но в обозримом будущем едва ли — все-таки почти тысяча книжных страниц текста. Да и для неспециалиста книга тяжеловата.

Кстати, в связи с этим автор сознательно избегал литературоведческого уклона. Разумеется, полностью избежать не удалось — все-таки речь идет о писателе. Тех же, кого интересует именно литературоведческий аспект, адресуем к книге замечательного ученого, профессора Санкт-Петербургского университета Ю. В. Ковалева (1922–2000). Он — автор самого авторитетного исследования (по нашему глубокому убеждению, не только русскоязычного) об особенностях художественного метода и творчества американского романтика. Его книга об Эдгаре По — результат долгой, серьезной, обстоятельной работы — вышла в Ленинграде в 1984 году[2]. Юрий Витальевич — Учитель, которому автор и другие его ученики обязаны многим, прежде всего — особым интересом к литературе США. Потому и настоящая книга посвящена ему.

Памятуя об опыте Аллена и Акройда (а также многих других биографов), автор поставил перед собой непростую задачу: пройти между Сциллой «любви» и Харибдой «правды». Что, конечно же, нелегко. Но не потому, что автор «любит» своего героя или, напротив, «судит» его. Отнюдь. Свою задачу он видит в том, чтобы *понять* писателя. Показать, как и какие

обстоятельства, люди и встречи влияли на него, увидеть, что оказывало воздействие на формирование личности и стимулировало творчество, как рождались сюжеты, как протекала каждодневная жизнь, что им *двигало*.

И все же в случае с Эдгаром По несколько сложнее, чем с «обычным» героем. До сих пор не решен вопрос о психическом здоровье писателя. На этот счет существует масса работ, есть даже специальная книга[3]. Эту проблему не может обойти ни один из тех, кто берется говорить о писателе, тем более его биограф. По мнению автора, она не решаема в принципе. Во-первых, писателя давно нет в живых. Следовательно, неосуществимо амбулаторное и стационарное обследование, отсутствует и исчерпывающий анамнез. Конечно, возможна некоторая реконструкция, но она никогда не выйдет за рамки «реконструкции» и останется приблизительной. А во-вторых, нет в этом смысла. Писательство (как и любая иная форма творческой активности) — всегда есть некое «отклонение от нормы». «Нормальному» человеку хватает реального мира. Того, в котором он живет. Более того, обычно хватает с избытком. А «этот» (в смысле — писатель) еще и создает новые и — живет в них. Так что некоторый «когнитивный диссонанс», конечно, присущ художнику изначально. Иначе он бы им не был. Так что творческое сознание, безусловно, девиантно. А вот что касается степени этой самой девиантности… Давайте вспомним Байрона, Шелли, Мопассана, Стриндберга, Достоевского, наконец. Конечно, это крайние случаи. Но тут многое, видимо, зависит от степени таланта (гениальности). Чем-чем, а последним Эдгар По обделен не был. Так что это как раз наш случай…

Сам Эдгар По отчетливо осознавал свою неординарность. В том числе и необычность своей психики, своего сознания, свойств разума. В одном из его рассказов есть такие слова:

«Я родом из тех, кто отмечен силой фантазии и пыланием страсти. Меня называли безумным, но вопрос еще далеко не решен, не есть ли безумие высший разум и не проистекает ли многое из того, что славно, и всё, что глубоко, из болезненного состояния мысли, из особых настроений ума, вознесшегося ценой утраты разумности. Тем, кто видит сны наяву, открыто многое, что ускользает от тех, кто грезит лишь ночью во сне»[4].

Что это, как не декларация собственной необычности и не попытка объяснить природу своего психического своеобразия? Поэтому в заглавии кроме имени «героя» присутствует еще и подзаголовок: «Сумрачный гений». Не потому только, что с юных лет эта эмоция доминировала в характере По. Он существовал в «симбиозе» с *сумеречным* миром — «сумерки сознания»

стимулировали развитие художественного мира. В то же время По был рационалистом: щедро черпая в «снах наяву», в «особых настроениях ума», он (прежде всего в зрелые годы) выстраивал свои сюжеты математически скрупулезно, заранее просчитывая *эффект* своего произведения.

Единственное, что По не сумел «выстроить» (хотя и очень пытался), — собственную судьбу. Почему так случилось — читатель найдет ответ в книге.

Пусть не удивляет структура книги. Жизнь Эдгара По (как и любая!) сюжетна: в ней есть и экспозиция, включающая предысторию, детские и подростковые годы, есть «завязка» и развитие сюжета, имеются кульминация и неизбежная «развязка». Всё как в литературном произведении. Только сюжет этот вмещает судьбу реального человека — писателя по имени Эдгар Аллан По.

ПРЕДЫСТОРИЯ

«Актриса не может составить счастья своим детям…»

В год, когда в городе Бостоне, штат Массачусетс, родился Эдгар По, в далеком от Америки английском Бирмингеме вышли мемуары известной английской актрисы Энн Холбрук. Она писала:

«Актриса не может составить счастья своим детям… Разгоряченная сценой, охваченная страстями, она несет их с собой, к малышам, и, вместо того, чтобы окружить их покоем, теплом и лаской, выплескивает на них возбуждение, раздражение и желчь… добавьте к этому неизбежные переезды, неприкаянность, и так постоянно — из месяца в месяц, в любое время года».

Что заставило мисс Холбрук, блиставшую на столичной и провинциальной сцене в 70–90-е годы XVIII столетия, написать эти слова? Собственная бездетность? Искреннее сострадание к актерским семьям, которых она немало повидала на своем веку? Скорее всего и то и другое. Была ли среди тех малышей, кому сочувствовала британская прима, маленькая Элизабет Арнольд — дочка заурядной (во всяком случае, одной из многих!) коллеги знаменитой театральной мисс? Вполне возможно, ведь они играли в одно время, на одних подмостках и могли встречаться за кулисами «Ковент-Гарден» и «Друри-Лейн» и даже участвовать в общих постановках. Во всяком случае, и тот и другой театры числятся в послужном списке обеих: блистательной мисс Холбрук и малоизвестной Элизабет Смит, в замужестве Арнольд. Таким образом, первая вполне могла наблюдать и за игрой второй, и за неприкаянностью ее дитя.

Впрочем, не так важно, почему именно написала эти слова знаменитая английская актриса XVIII столетия. Важнее другое: их вполне можно адресовать бабушке и матери великого поэта. О них, как, вероятно, догадался читатель, и пойдет речь.

Мисс Элизабет Смит — родом из актерской семьи. Ее отец, Уильям Смит, служил в знаменитом Королевском театре «Друри-Лейн». На его подмостки впервые ступила и она. Понятно, что точная дата ее появления на сцене (как, впрочем, роль и название постановки) — за незначительностью события — не может быть известна. С большой долей вероятности мы можем лишь предположить, что произошло это в начале 1780-х годов, когда юной актрисе было лет десять или одиннадцать: в таком возрасте (а кто-то и раньше) обычно и выходили на сцену дети из

актерских семей той эпохи. Известно, однако, что ее первый успех (и, видимо, первая крупная роль) относится к 1791 году. В ту пору ей минуло уже девятнадцать или двадцать. Она исполняла вокальную партию в популярной тогда комической опере сэра Генри Дадли «Лесной житель». Позднее (и с успехом) она пела и в других постановках модных тогда авторов: в «Златовласке» Джона Фишера, в «Деве с мельницы» Айзека Биккерстаффа, «Андалузском замке» Джона О'Киффа[5] и многих других. Обладала ли она выдающимися вокальными данными? Едва ли. Впрочем, жанр «комической оперы», что сродни современным оперетте и мюзиклу, и не предъявлял особенных требований к вокалистке. Главное, чтобы она была миловидна и имела приятный тембр голоса. Все это у Элизабет Смит, несомненно, было, и постепенно от ролей второго плана она поднималась к ведущим партиям.

Пусть не самая громкая, но какая-то известность к ней пришла, когда она уже давно перестала быть мисс и стала матерью. Сохранилась запись в приходской книге лондонской церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер, которая гласит:

«Генри Арнольд и Элизабет Смит, оба прихожане этого храма, обвенчаны мною, настоятелем, преподобным Питтом, в его стенах 18 мая 1784 года…»[6]

Следовательно, супругой некоего Генри Арнольда начинающая актриса стала в весьма юном возрасте: на момент бракосочетания ей было всего лишь двенадцать или тринадцать лет. Пусть современного читателя не шокирует возраст невесты. Хотя такие ранние браки впрямую и не поощрялись обществом, но были вполне обычны. Церковные документы не сохранили сведений, сколько лет было супругу. Но он, конечно, был старше своей нареченной. Известно, что господин Арнольд тоже принадлежал к театральной среде, но кем он был — актером, театральным антрепренером, драматургом или еще кем-то, — неизвестно. Нет информации и о том, как долго он задержался в жизни актрисы: в 1787 году она родила девочку, нареченную — так же, как и мать — именем Элизабет. Был ли ее отцом господин Генри Арнольд, доподлинно также неизвестно (к моменту появления дочери на свет супруги уже нежили вместе), как, впрочем, и место его пребывания, и дальнейшая судьба.

После рождения дочери имя Элизабет Арнольд (Смит) надолго исчезает с театральных афиш и появляется вновь только в 1791 году на афише упоминавшейся выше комической оперы «Лесной житель», либретто для которой сочинил знаменитый тогда Генри Дадли. В это время, как установили исследователи творчества Эдгара По, у Элизабет Арнольд уже был другой

покровитель, некий Чарлз Таббз — актер, музыкант и театральный антрепренер. Вот как описывает его Н. Барнз, один из биографов американского поэта: «„Чарли“ был крепким, полнокровным мужчиной, не лишенным своеобразного обаяния. Он был актером и аккомпаниатором, особенно искусным в игре на фортепиано, прост в общении и умел находить общий язык с людьми»[7].

Несмотря на то что год от года карьера той, кому он покровительствовал, неторопливо, но все же шла по восходящей, мистер Таббз, видимо, не питал особенных надежд по поводу будущего своей протеже на британской сцене и потому, заручившись предварительной договоренностью с одной из американских театральных трупп, решил перебраться в Новый Свет.

В таком решении не было ничего удивительного: в молодом американском государстве существовал спрос на лицедеев с берегов Туманного Альбиона, их репутация там была весьма высока. Иметь в составе труппы британских актера или актрису было и престижно, и выгодно: о сем факте обязательно упоминали газеты, непременно сообщали афиши, он напрямую влиял на доходы. В конце XVIII века в США театральное искусство интенсивно развивалось: создавались новые театральные коллективы, открывались театры, устраивались гастроли. Наивная американская публика была менее взыскательна, она искреннее и куда с большим энтузиазмом воспринимала театральные действа, нежели искушенные британцы. Да и платили актерам в Америке, безусловно, лучше, чем в Англии. Что же удивительного в том, что многие английские артисты, чья сценическая судьба складывалась на родине не слишком удачно, с удовольствием перебирались за океан.

Так, в начале декабря 1795 года на борту парусника «Упрямица», отплывавшего из Лондона в Бостон, в числе пассажиров оказались мужчина, две женщины и ребенок — девочка. Мужчину, как, вероятно, догадался читатель, звали Чарлз Таббз, женщин — мисс Эллен Грин и миссис Элизабет Арнольд, они были коллегами по актерскому ремеслу. Девочка, которой к моменту путешествия еще не исполнилось и девяти лет, была дочерью последней. Можно только догадываться о том, какие эмоции владели молодыми женщинами, впервые ступившими на палубу корабля: они не умели плавать и никогда прежде не видели моря. А тот ужас, что, наверное, пережила маленькая девочка, даже трудно себе вообразить. Но «Упрямица» одолела бушующий океан (зимой в Атлантике обычно штормит) и 3 января 1796 года ошвартовалась в Бостоне.

О прибытии двух британских актрис сообщила местная пресса. Для бостонцев это было событие. 5 января газета «Массачусетс меркьюри» извещала своих читателей:

«В воскресенье [3 января] в нашем порту ошвартовалось судно „Упрямица“ из Лондона под командой капитана Дэвиса. На его борту прибыли миссис Арнольд из Королевского театра „Ковент-Гарден“ с дочерью и мисс Грин. Дамы ангажированы мистером Пауэллом из Бостонского театра. Обе леди высокого роста и благородной осанки, у них выразительные лица, передвигаются они с безупречной грацией. Возраст миссис Арнольд примерно двадцать четыре года, мисс Грин предположительно двадцать. Они станут ценным приобретением для нашего театра, и мы с нетерпеливой надеждой ждем их выступлений».

Пусть читателя не удивляет бесцеремонность газетного сообщения (невозможная в британской прессе): таковы были местные журналистские нравы того времени. А что до перечисления и оценки «статей» особ женского пола, так ведь республика была торговой. Она была молода, энергична и наивна и к любому приобретению относилась как к товару, а покупатель (в данном случае — американский зритель) должен знать «параметры» своего приобретения — ведь именно ему предстоит им «пользоваться» (то бишь лицезреть). Характерно, что имя мистера Таббза было упомянуто не рядом с двумя «грациями», а лишь в числе «других пассажиров». Это может иметь следующее объяснение: либо он не заявил о себе как об актере и указал иную профессию, либо в его «пропорциях» незадачливый журналист не углядел ничего, что могло бы привлечь к его персоне специальный интерес со стороны бостонского обывателя.

Тем не менее не только на палубе корабля, но и в первые недели на американской земле они были почти неразлучны — мисс Грин, миссис Арнольд, ее маленькая дочь и мистер Таббз. Уже в феврале 1796 года, то есть всего через месяц после водворения в Америке, состоялся дебют актрис на бостонской сцене, и, насколько можно судить по реакции местных газет, он был успешен. Правда, вскоре следы мисс Грин теряются: имя ее исчезает с афиш, и дальнейшая судьба неизвестна. Но что нам за дело до нее? В нашей истории она — персонаж случайный.

Маленькая Элизабет называла мистера Таббза папой. Он и ее мать давно жили вместе, но, по крайней мере в первые месяцы на американской земле, судя по всему, официально супругами не являлись: на театральных афишах по-прежнему фигурирует «миссис Арнольд».

Сезон 1795/96 года в составе труппы Бостонского театра

заканчивается для госпожи Арнольд 16 мая 1796 года. Примерно в это же время (скорее всего в мае — июне) в ее жизни происходят важные перемены: во-первых, из миссис Арнольд она наконец-то превращается в миссис Таббз, легализуя, таким образом, свои предосудительные с точки зрения блюстителей морали отношения (в тогдашней Америке, а тем более в пуританской Новой Англии к этому относились серьезно); во-вторых, ее супруг решает расторгнуть союз с мистером Пауэллом и создать собственный — так сказать, семейный — театральный коллектив. Когда состоялся «развод» с бостонской труппой, достоверно неизвестно, но в распоряжении биографов имеется любопытный документ — объявление, размещенное в газете провинциального новоанглийского городка Портленд. Оно датировано 17 ноября 1796 года и гласит:

«В понедельник вечером, 21 ноября, в зале Городского собрания состоится выступление миссис Таббз, бывшей миссис Арнольд, из Королевского театра „Ковент-Гарден“, что прибыла из Англии минувшим январем… В концерте будут представлены вокальные и инструментальные произведения, после чего мистер Таббз предполагает устроить театрализованное представление, в ходе которого зрителю предстоит увидеть сценки и фарсы из любимых спектаклей. Для этого приглашены несколько известных талантливых исполнителей. Дата приезда актеров уточняется».

Кого из актеров пригласил новоявленный импресарио, действительно ли они участвовали в постановке или это был незамысловатый рекламный трюк — неизвестно, но с этого времени начинается новая фаза в жизни маленького семейного коллектива. Выступления следуют одно за другим, меняются города и сцены; не очень, правда, меняется репертуар: драматическую часть воплощает мистер Таббз, вокально-инструментальную (под аккомпанемент супруга) — миссис Таббз. Время от времени ей помогает маленькая мисс Арнольд: начиная с девяти лет она уже на сцене, исполняет незамысловатые песенки. И первые уроки вокала ей дала, конечно, ее мать, к тому времени — опытная исполнительница.

В 1796–1797 годах коллектив мистера Таббза гастролирует «по городам и весям» Новой Англии: выступает в Массачусетсе, Мэне, Нью-Гемпшире, Коннектикуте. Причем в отличие от существовавшей в то время традиции распускать театральные коллективы на летний сезон — на вакации — труппа Таббза не прерывала выступлений, трудилась и летом, и зимой, и весной, и осенью — круглый год.

При желании можно восстановить и маршруты гастролей, и репертуар семейного предприятия: весьма подробный и

обширный компендиум информации по этому поводу содержит капитальное исследование А. Х. Квина «Эдгар Аллан По. Критическая биография» (1941), к ней мы и адресуем особенно дотошных интересантов. Важнее другое: способен ли читатель представить условия, в которых вынуждены были жить и трудиться актеры? В послереволюционной Америке театр не занимал еще того места, которое займет несколько десятилетий спустя. Подавляющее большинство трупп не имели собственных помещений и принуждены были заключать кабальные соглашения с владельцами театров или странствовать. Нередко актеры выступали в случайных, неприспособленных помещениях, залы плохо освещались, не отапливались, зачастую неважной была и акустика. Ужасны чаще всего бывали бытовые условия, в которых вынуждены были существовать труппы на гастролях, останавливаясь в самых дешевых гостиницах: сквозняки, скученность, насекомые, дурная пища, болезни — все это было привычным уделом комедиантов. Хотя американцы были весьма охочи до представлений, искренни в проявлениях чувств, странствующие актеры зарабатывали мало: львиную долю гонораров съедали аренда помещений, транспортные расходы, питание. Простодушно-восторженный прием, который обычно оказывали обитатели глубинки, имел нередко и оборотную сторону: тогдашние американцы (особенно в пуританской Новой Англии) воспринимали лицедейство как нечто весьма греховное, актрисы в их представлении стояли чуть выше, нежели проститутки, и вне сцены отношение к ним было соответствующим. В такой обстановке проходили первые месяцы и годы жизни маленькой Элизабет Арнольд — будущей (как, вероятно, давно догадался читатель) матери великого американского поэта Эдгара Аллана По.

Конечно, мать любила свою единственную дочь, но в таких обстоятельствах ни о каком по-настоящему «счастливом детстве» не могло идти и речи. И в этом смысле мы вынуждены согласиться с суждением мисс Холбрук о «счастье» для детей актрисы. Элизабет никогда не училась в школе. Она умела читать и писать (видимо, благодаря матери), разбиралась в нотах, мать обучала ее вокалу, приемный отец — игре на музыкальных инструментах. Но питание было скверным, а бытовые условия — ужасными. Все это отражалось на здоровье ребенка: она была слабой, мала ростом (значительно ниже матери), хрупкой, часто болела. Скорее всего лишения детства и предопределили ее короткую жизнь. Во всяком случае, истоки туберкулеза, которым она заболела позднее и который прежде времени свел ее в могилу, конечно, следует искать в детстве. В то же время она

была очень мила, даже красива (об этом говорили многие, кто ее видел), и, несомненно, обладала актерским даром, который проявился довольно рано. Об этом красноречиво свидетельствуют слова из рецензии на представление «семейного коллектива», опубликованной на страницах портлендской (штат Мэн) газеты «Истерн геральд» 12 декабря 1796 года. Корреспондент весьма поэтично пишет:

«…миссис Таббз, как всегда, безупречна. Мы полагаем, что по силе вокала ей нет равных среди тех актрис, что нашли новую родину в этой стране. Но и талант ее дочери, мисс Арнольд, поразил нас. Добавьте к тому ее юность, ее красоту, ее невинность — все это сложится в характер, который, возможно, не сыскать ни в одном из театров. Чудное дитя! Пронесется молодость, как миг единый, увянет красота, но твоя Невинность!.. Быть может, она продлится и одухотворит те образы, что ей предстоит воплотить».

Напомним: к моменту появления упомянутой рецензии «чудному дитя» не сравнялось еще и десяти лет.

Тем не менее забегая вперед заметим, что пожелание неизвестного рецензента сбудется: насколько можно судить по единственному дошедшему до нас изображению матери поэта на миниатюре, на всю свою недолгую жизнь — несмотря на рождение троих детей, невзгоды, разочарования и болезнь — она сохранит этот невинный образ женщины-дитя.

Но это — в будущем. А пока вернемся в 1797 год. В первые месяцы семейный коллектив под руководством мистера Таббза продолжает свою героическую борьбу за существование и популярность: они предпринимают попытку (не слишком удачную) «покорить» Нью-Йорк, несколько раз выступают в Филадельфии, оттуда, морем, перебираются южнее, в Чарлстон, и здесь довольно успешно выступают в местном театре. Но, несмотря на успешную в целом деятельность маленькой труппы, мистер Таббз, видимо, тогда уже понимает, что самостоятельно выжить им не удастся, и решает присоединиться к крупному театральному коллективу. Сначала Таббзы вливаются в труппу некоего Харпера, затем уходят к самому, пожалуй, известному американскому театральному коллективу конца XVIII столетия — труппе Джона Солли, участвуют с ней в гастролях, но в 1798 году почему-то снова возвращаются в Портленд и некоторое время вновь играют в тамошнем театре.

Последний раз имя Элизабет Таббз появляется на театральной афише 2 мая 1798 года. Таббзы уже не играют в Портленде, а являются членами другого известного в истории американского театра коллектива — *Wignell's Company*. В апреле

— мае они выступают с ним в Филадельфии.

Этот год в истории страны был отмечен большой эпидемией желтой лихорадки[8] (или «желтого Джека», как в то время называли заболевание американцы), охватившей почти все крупные города штатов восточного побережья США. В тот год особенно жестоко она обошлась с Филадельфией. Счет заболевших шел на тысячи. Бабушке поэта, которой в то время едва сравнялось двадцать шесть лет, суждено было стать одной из многих жертв этой болезни. Так, в возрасте одиннадцати лет будущая Элизабет По стала сиротой.

Из-за эпидемии с мая 1797-го по февраль 1798 года театры повсеместно не работали и представлений не было. К чести мистера Таббза, он не оставил сироту своими заботами и вниманием, хотя уже зимой покойную миссис Таббз рядом с ее супругом заменила другая женщина, американка миссис Сноуден. Она была, естественно, актрисой и выступала на сцене под псевдонимом «мисс Листранж» (L'Estrange). Дело не могло страдать.

В марте 1799 года (то есть в двенадцать лет) маленькая Элизабет Арнольд впервые вышла на сцену уже в драматической роли. С этого времени и начинается по-настоящему ее актерская карьера. Пусть в небольших ролях, но она задействована в спектаклях труппы почти постоянно. Миниатюрная девочка выступает не под своим именем, а под псевдонимом — мисс Бидди Бельэ. «Французский» псевдоним был своеобразной данью эпохе — в послереволюционной Америке всё, связанное с революционной в то время Францией, было окружено романтическим флёром и неизменно привлекало внимание. Словом: только бизнес, ничего личного.

Миссис Сноуден, заменившая миссис Таббз рядом с мистером Таббзом, оказалась хорошей женщиной — душевной, чуткой и, видимо, в какой-то степени смогла заменить маленькой Элизе мать. Забегая вперед отметим, что она, по сути, совершенно посторонний для девочки человек, не оставила сироту и после того, как умер ее теперешний спутник и она вновь вышла замуж. Но это — в дальнейшем. А пока «мисс Бидди» активно гастролирует с труппой: в 1799 году в основном в Балтиморе, в 1800-м они выступают в Филадельфии и Вашингтоне, в 1801-м снова в Филадельфии, затем опять в Вашингтоне и Балтиморе. Ее театральная карьера явно идет по восходящей: от ролей второго плана, эпизодических, — к главным.

Интересные факты сообщает Г. Смит, автор книги «Короткая карьера Элизы По», посвященной жизни и театральной деятельности матери поэта. Оказывается, первые заглавные роли

молодая актриса исполняет в основном в тех же спектаклях, что и ее рано ушедшая мать, — мюзиклах Дж. О'Киффа, Дж. Фишера, Г. Дадли и других. Что это — ирония судьбы? Или миссис и мистер Таббз смогли дать ей необходимую подготовку? А может быть, этот факт просто объясняется популярностью сочинений этих авторов по обе стороны Атлантики? Как бы там ни было, голос молодой Элизабет Арнольд, пусть на других площадках, но нередко звучит в тех же партиях, что пела ее мать. С 1799 года актриса играет и в шекспировских пьесах — принца Джона в «Генрихе Четвертом», принца Эдварда в «Ричарде Третьем» и, наконец, начиная с 1801 года исполняет роли Офелии в «Гамлете», Джульетты в «Ромео и Джульетте». Успех, отмеченный к тому же газетными рецензиями, красноречиво говорит о том, что способности у мисс Арнольд были, и, видимо, незаурядные.

Но примерно через два года после кончины жены умирает и мистер Таббз. О причинах и обстоятельствах его смерти ничего не известно. Известен лишь период времени: вторая половина 1799-го — начало 1800 года. Двенадцати- (или тринадцати-) летнюю Элизу под свою опеку берет бывшая подруга покойного, миссис Сноуден. И хотя осенью 1800 года она выходит замуж за некоего мистера Ашера, актера филадельфийского Чеснат-театра, и превращается в миссис Ашер, Элиза продолжает жить в ее семье. Нужно ли говорить, что, и когда был жив мистер Таббз, и когда она жила в семье Ашеров, стиль жизни оставался прежним: бесконечные переезды, гастроли, дешевые гостиницы, неприкаянность. Впрочем, справедливости ради необходимо заметить, что никакого настоящего «дома» у актрисы Элизабет Арнольд не было никогда: ни прежде, когда была жива ее мать, ни потом, когда она создала собственную семью.

Вернемся, однако, в Филадельфию. Весной того же 1800 года там случается еще одно важное событие: на сцене упомянутого Чеснат-театра дебютирует двадцатилетний Чарлз Хопкинс. Тринадцатилетняя Элиза, наблюдавшая за игрой актера, тогда же знакомится с ним и… влюбляется. Начинается роман, в основном эпистолярный, изредка прерываемый короткими встречами: маршруты гастролей театральных трупп пусть иногда, но пересекаются. Два года спустя роман венчает замужество: летом 1802 года мисс Элизабет Арнольд становится миссис Элизабет Хопкинс. К тому времени ей исполнилось пятнадцать лет — вполне достаточно по меркам эпохи, чтобы стать женой и матерью. Впрочем, счастье материнства она испытает позднее, уже в другом замужестве. А пока, став женой Хопкинса, присоединяется к мужу, который подвизается в труппе некоего мистера Грина из Виргинии. Так Элиза оказывается на Юге США,

который столь много будет значить в жизни ее сына, да и в ее собственной жизни.

Стиль жизни, понятно, не меняется. Труппа постоянно гастролирует, и хотя обычно они выступают в городе Норфолк, штат Виргиния (здесь мистер Грин учредил собственный театр), постоянно разъезжают по окрестным городам, чаще всего давая представления в Чарльстоне, Александрии и Балтиморе.

В новой труппе Элизабет Хопкинс, безусловно, — «звезда». Она задействована во всем репертуаре и исполняет в основном заглавные роли: поет, танцует, декламирует, воплощает.

Как складывались отношения в семье — бог весть. Да и могла ли быть у актеров полноценная семья? По крайней мере в традиционном смысле этого слова — ведь ни детей, ни общего хозяйства у них, по сути, не было. А что было? Была постель, была сцена, были общие спектакли, роли, эмоции, страсти. Не так уж мало, в конце концов, особенно в столь юном возрасте.

К тому же, когда на сцене кипят страсти, неизбежно они кипят и за кулисами. Интриги коллег по цеху, а также несдержанный характер супруга несколько раз вынуждали чету Хопкинс менять труппы, переезжать, наниматься в разные коллективы и театры. В одной из таких временных «гаваней», скорее всего, в Чарльстоне, штат Южная Каролина, произошла встреча Элизабет с Дэйвидом По, будущим супругом и отцом ее детей. В 1803 году он дебютировал на сцене местного театра в небольшой роли. С июня 1804 года служит с четой Хопкинс в одной труппе, с Элизабет они играют в одних спектаклях. Но уже в июле, когда Чарлз Хопкинс в очередной раз «хлопнул дверью», они расстаются, чтобы встретиться вновь только полтора года спустя.

За эти полтора года в жизни обоих произошло многое. Дэйвид По, к моменту их знакомства еще начинающий актер, утвердился в выборе профессии и довольно успешно «осваивал» национальную сцену; миссис Хопкинс с аншлагами выступала на театральных подмостках Юга, странствуя вместе с супругом «по городам и весям».

26 октября 1805 года Чарлз Хопкинс внезапно умирает. Что свело в могилу совсем еще молодого человека — несчастный случай, инфекционное заболевание или туберкулез, этот бич артистической богемы, — можно только гадать. 6 ноября состоялся бенефис «в пользу безутешной вдовы».

Два месяца спустя, в январе 1806 года, мы встречаем Элизабет Хопкинс уже в Ричмонде: она подписывает контракт с антрепренером той же труппы («Виргиния плэйерс»), в которой играет Дэйвид По. Мы не знаем, что привело ее туда — чувство

или простое стечение обстоятельств. Но, как бы там ни было, 25 января она играет в своем первом в этом коллективе спектакле, а 29 марта труппа уже дает бенефис в пользу «новобрачных» — мистера и миссис По. За полмесяца до этого, 14 марта, Элизабет и Дэйвид сочетались законным браком.

История сохранила словесный портрет Элизы По той поры, данный одним из театральных обозревателей:

«Тонкая, точно у ребенка, фигурка, изящные руки, схваченные чуть повыше локтей рукавами свободного платья с высокой талией и бледным узором из каких-то причудливых цветов; хрупкие, но округлые линии плеч и шеи, гордо поднятая голова. Огромные, широко раскрытые и загадочные глаза, высокий чистый лоб, осененный черной как вороново крыло волной густых вьющихся волос, увенчанных хорошенькой маленькой шляпкой очень старинного фасона».

Словесное описание дополняет сделанный об эту пору и единственный живописный портрет молодой женщины — миниатюра, на которой она изображена в похожем платье и похожей шляпке.

Действительно, Элизабет Арнольд По была очень мила — будущего отца поэта понять нетрудно.

Сегодняшний обыватель, возможно, и упрекнет молодую вдову за столь скоропалительный брак — мол, «еще и ложе не остыло»… Но Элиза По — актриса, следовательно, человек влюбчивый, подверженный страстям, воображению и т. д. Это первое соображение. Второе — глубже. Молодой женщине всего восемнадцать лет. К этому времени она перенесла многое: за ее хрупкими плечами переезд в чужую страну, смерть матери, смерть приемного отца, а теперь еще и смерть мужа. Она одинока, растеряна, лишена какой бы то ни было защиты и поддержки. А ей, хотя люди в ту эпоху взрослели куда раньше, чем в наши дни, напомню, всего восемнадцать. К тому же Дэйвид По — ее коллега, они вместе играют. Он молод, симпатичен и, похоже, действительно влюблен. Что ж удивляться тому, что случилось? Удивительнее, если бы этого не произошло.

Непосредственно о Дэйвиде По известно немногое. Он родился 18 июля 1784 года, роста был выше среднего, строен, черноволос, образован (что среди актеров редкость), обладал хорошими манерами, приятен в общении. Впервые на подмостки он ступил в возрасте девятнадцати лет. В отличие от своей молодой жены он не принадлежал к актерской династии и очутился на сцене, повинуясь «голосу сердца». Интересно, что в рецензии на спектакль с его участием анонимный обозреватель отметил «дефект дикции», но обратил внимание и на способности

исполнителя. Очевидно, По работал, прилагая усилия к тому, чтобы состояться на сцене.

Утверждают, что в его венах текла толика французской крови. Если это и так, то примесь ее была весьма незначительна. Его дедушка, Джон По, родился в Ирландии, в 1749 (или 1750-м) году эмигрировал в Америку и жил в Балтиморе. В Ирландии же родился и его отец — Дэйвид По-старший (точная дата рождения неизвестна; разные источники называют 1748, 1743,1742 годы). Яростный сторонник независимости колоний, Д. По-старший активно участвовал в революционных событиях. В жизнеописаниях поэта деда его нередко величают «генерал По», что не соответствует действительности: Д. По-старший имел звание майора, но действительно очень энергично участвовал в Войне за независимость[9], исполнял обязанности квартирмейстера[10], щедро тратил собственные средства на снабжение революционной армии. Его ценили Дж. Вашингтон и генерал Лафайет[11]. Последний, памятуя о своем соратнике, посещая Балтимор во время триумфального американского турне в 1823 году, захотел с ним увидеться, но «генерал По» к тому времени уже умер (в 1816 году), и Лафайет попросил проводить его к могиле. Отдавая дань памяти, он, говорят, произнес такую фразу: «Ici repose un Coeur noble» («Здесь покоится благородное сердце»). Судя по всему, как раз деятельное сочувствие делу независимости существенно подорвало материальное благополучие семейства. После войны они не бедствовали, но жили довольно скромно. Тем не менее По-старший сумел дать приличное образование своим четверым сыновьям.

Юристом должен был стать и пятый — Дэйвид-младший, но будущая специальность его не интересовала, куда больше времени, нежели в учебной аудитории, он проводил в компании друзей-собутыльников в тавернах или (вероятно, в той же компании) в театрах, на представлениях варьете и в балаганах. Что его самого привело на театральные подмостки, позвало в актерство — можно только гадать: некое смутное «ощущение призвания» или слабость характера, нежелание бороться с собой, как не желал он расстаться с растущей тягой к алкоголю? Видимо, и то и другое. Слабый человек, он выбрал «легкий путь», который, как ему казалось, сулит одни удовольствия — легкую жизнь, признание и ежедневный бесконечный праздник.

Поступок Д. По-младшего, конечно, не мог вызвать понимания (а тем более одобрения) в трудолюбивой квакерской семье. В финансовой поддержке ему отказали не только отец и дядя (человек весьма небедный), но и старшие братья. Впоследствии это обстоятельство сыграет свою роль в

трагической судьбе актера и его семьи. Но об этом расскажем позже. Пока же, по крайней мере внешне, всё складывается более или менее благополучно.

В мае 1806 года молодожены в составе «Виргинских актеров» (*Virginia Players)* отправляются на гастроли в Филадельфию, оттуда в июле переезжают в Нью-Йорк и выступают там. Здесь, однако, по неизвестной причине они расстаются с труппой и уже самостоятельно перебираются в Бостон, который в то время считался (и являлся) неформальной столицей театральной Америки. Там они вливаются в труппу Бостонского федерального театра. Элизабет По — явно ценное приобретение для театра. Она с успехом играет заглавные роли в спектаклях, фарсах и водевилях. Театральные критики особенно отмечают ее выступления в шекспировских пьесах, успехи ее супруга скромнее: он занят главным образом на второстепенных ролях. Бостонская публика куда взыскательнее и искушеннее зрителей-южан. И если на Юге мистер По нередко срывал аплодисменты, то в Бостоне его, бывало, и освистывали.

После 16 января 1807 года имя миссис По на время исчезает с афиш театра. 30 января у нее рождается мальчик. Первенца назвали Уильям Генри Леонард. Но с 25 февраля молодая мать уже снова на сцене: *show must go on.*

Между тем игра По-младшего вызывает все больше нареканий: если имя его жены упоминается в театральных обзорах только в положительном и даже превосходном смыслах, то имя супруга — в разделе недостатков. Последнее, скорее всего, было связано с его пьянством. Видимо, тогда же у семьи начинаются и серьезные финансовые проблемы.

Конечно, актеры в то время жили плохо по обе стороны океана. Но в Америке, как мы отмечали, у них все-таки было больше возможностей для заработка, да и публики было больше, и она была платежеспособнее. Однако эти достоинства ощущались тогда, когда актеры были востребованы, имели постоянный ангажемент, были здоровы и не обременены семейством и долгами. В таком случае им хватало и на наряды, и на еду, и на более или менее приличное жилье. Если же какие-то из этих «слагаемых» вдруг «выпадали», жизнь становилась очень тяжелой. Понятно, что пьянство супруга всё усугубляло.

Судя по всему, первые по-настоящему серьезные осложнения в семье По начались вскоре после рождения первенца. Как свидетельствуют биографы (прежде всего самый «дотошный» из них, А. Х. Квин), невозможно с точностью выяснить бостонские адреса семейства: с рождением ребенка начались переезды с квартиры на квартиру. И это — симптом ухудшавшегося

материального положения семьи. Видимо, каждая новая была хуже (и, вероятно, дешевле) предыдущей. Ребенок болел, болела мать — этим объясняются краткосрочные, но довольно частые перерывы в выступлениях актрисы. Что до выступлений главы семейства, они были достаточно регулярны, но ему, как уже говорилось, почти не поручали больших, а тем более главных ролей, что, конечно, не могло не сказаться на доходах. А если учесть, что летом большинство театров закрывалось, то можно понять, что положение семьи порой становилось просто отчаянным.

Вскоре Элизабет По обнаружила, что вновь беременна. Если судить по тому обстоятельству, что на сцену она регулярно выходила всю осень и зиму 1808 года, а последнее выступление перед рождением ребенка датировано 4 января 1809 года, то можно предположить, что беременность протекала более или менее благополучно. Но если вспомнить о материальном положении семьи, то можно понять и другое: у нее просто не было иного выхода. Поэтому и держалась до последнего. Так было с первым (последнее выступление за две недели до родов, а через три недели — первое после них), так было со вторым (последнее за пятнадцать дней, а через двадцать дней — опять на сцену), так будет и с третьим ребенком (выступления она прекратит за месяц до рождения). А ситуация тогда будет еще отчаяннее.

Ребенок, второй сын Элизабет и Дэйвида По-младшего, родился 19 января 1809 года. Его назвали Эдгар. Это он станет великим американским поэтом. А уже 7 февраля местная бостонская газета поздравляла актрису и ее зрителей:

«Мы поздравляем завсегдатаев-театралов с восстановлением миссис По после недавних родов. Грядущим вечером очаровательная миниатюрная актриса отметит свое возвращение Розамундой в популярной пьесе Абеллино — „Великий Разбойник“, ролью как нельзя лучше подходящей к ее фигуре и талантам».

Супруги продолжали играть в Бостоне до окончания театрального сезона. Последний раз на бостонской сцене Элизабет По увидели 16 мая 1809 года. Она исполняла главную роль в водевиле, пела и танцевала. Ее супруг исчез с театральных афиш раньше — еще в феврале. Тогда же он покинул и Бостон. Нет никакой загадки в том, куда он отправился и зачем. Путь его лежал в Балтимор, к родственникам: он надеялся раздобыть денег и, возможно, рассчитывал на новый ангажемент — более выгодный для себя и жены. Видимо, положение сделалось совсем отчаянным. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в

Балтимор он отправился не один, а с ребенком, с первенцем, — Генри. Родители явно не справлялись с двумя детьми и старшего (который уже начал ходить и активно интересовался окружающим миром) решено было отвезти — конечно, на время! — к бабушке и дедушке.

В силу незначительности события информации о том, на какое конкретно время и на каких условиях Д. По-младший оставил Генри своим родителям, нет никакой. Забегая вперед, однако, скажем, что для последнего эта, казалось бы временная, перемена жительства предопределила земной удел. Она знаменовала и полный разрыв с семьей: ни отца, ни матери он больше никогда не увидел, а с младшим братом встретился только много лет спустя. К тому времени его судьба (неудачная), да и вся его жизнь (короткая) уже, по сути, завершались.

Денег для семьи в Балтиморе Д. По-младший не раздобыл: материальное положение «генерала По» к тому времени изрядно пошатнулось — он отошел от дел, жил на небольшую ренту. Семейный бизнес — торговля и морские перевозки — контролировали братья «генерала» и их дети. Большинство из них жили и вели свои дела в Филадельфии. Туда за помощью (а возможно, и за ангажементом) и направился актер.

История эта довольно грустная и выставляет родственников Дэйвида По-младшего в достаточно неприглядном свете. Но, с другой стороны, позволяет взглянуть и на отца поэта, внести некоторую ясность в характер этого человека и, конечно, оценить обстоятельства, в которых он тогда находился (а следовательно, и его семья).

Свет на это проливает имевшая тогда же место переписка между Джорджем По-старшим, племянником отца актера (и следовательно, его двоюродным братом), и Уильямом Клеммом, женатым на сестре Джорджа[12]. Люди довольно состоятельные, они могли, если бы захотели, помочь своему родственнику, но не стали этого делать.

«Главная улика» — письмо Дж. По У. Клемму, отправленное 9 марта 1809 года. Не будем приводить его целиком — оно весьма подробно и пространно. Суть интересующей нас части сводится к следующему: среди прочего, связанного с их общим бизнесом, По сообщает своему родственнику, что в Филадельфии его посетил Дэйвид По-младший, и в связи с этим пишет:

> «Поведение вышеозначенного господина [Дэйвида По] едва ли можно назвать подобающим. Однажды, уже вечером, он пришел к нашему дому и, заприметив слугу (одного из двух, что мы держим), потребовал от него,

чтобы тот немедленно меня вызвал. При встрече он заявил мне, что настал самый ужасный момент в его жизни. Он настаивал, чтобы на следующий день в 11 утра я пришел по указанному им адресу. С театральным пафосом он сообщил, что явился не просить, и после того, как я обещал ему прийти, удалился. Грядущим днем, связанный собственным словом, я отправился в назначенное место, но там его не нашел и ничего не слышал о нем до вчерашнего дня — когда у нашей двери объявился грязный мальчишка-оборванец и сообщил, что некий человек в расположенной неподалеку таверне попросил его отнести эту записку и получить ответ. Копию послания я прилагаю — чтобы Вы могли оценить дерзостность его содержания.

„Сэр, Вы дали слово чести встретиться со мной 23-го числа. Я клянусь Вам своим словом чести, что если Вы одолжите мне 30, 20, 15 или даже 10 долларов, я немедленно, по возвращении в Балтимор, верну их Вам. Будьте уверены в том, что я сдержу свое обещание, если Вы сдержите свое. Только крайне бедственное положение заставило меня обратиться к Вам. Ваш ответ, переданный с этим посыльным, будет означать, обладаю ли я хоть какой-то ценностью в ваших глазах или меня (как я понимаю) глубоко презирают за то, что, будучи строптивым мальчишкой, выбрал профессию, которую полагал тогда и полагаю сейчас почетной. Но я оставил бы ее уже завтра, если бы это изменило отношение семьи ко мне, да и вообще сделал бы сейчас все, что угодно, лишь бы раздобыть денег“.

Едва ли, после столь дерзостного послания, есть смысл приводить мой ответ — я лишь уверил его, что после такого письма у него нет оснований рассчитывать ни на встречу, ни на поддержку и в будущем не хочу ничего слышать — ни о нем, ни от него. И на этом — покончим с Дэйви».

Приведенное послание — единственное прямое свидетельство об отце поэта (как и приведенная записка — единственный из собственноручных документов Д. По-младшего). Из него можно узнать многое: и об отношении семьи к сделанному им профессиональному выбору, и о его характере — вспыльчивом и негибком, и о неодолимой тяге к спиртному (записка явно написана в состоянии опьянения), и об отчаянном на тот момент финансовом положении. Трудно сказать, насколько

он был искренен, когда обещал бросить актерство, если ему помогут деньгами. Скорее всего, эти слова — следствие алкогольных паров, исступления, охватившего нетрезвого человека. Как бы там ни было, помощи он, как мы видим, не получил, но из своего «крайне бедственного положения» как-то выпутался и, видимо, вернулся в Балтимор. Оттуда он направился в Нью-Йорк и здесь, судя по всему, нашел-таки удовлетворивший его ангажемент.

В сентябре того же года супруги По уже выступают в Нью-Йорке, в тамошнем Парк-театре. Театр был довольно старый и, скажем так, захудалый — не приносивший прибыли владельцам. Но в 1809 году во главе него встал Стефен Прайс — тогда молодой, но очень энергичный и в будущем весьма успешный театральный постановщик и продюсер. Он распустил прежнюю труппу и набрал новых актеров. Среди последних оказались и супруги По[13].

Интересная подробность: Прайс — этнический англичанин и всегда делал ставку на «звезд», прежде всего своих соотечественников. Отсюда можно сделать вывод, что Элизабет По обладала этим статусом (или, во всяком случае, приближалась к нему). Едва ли им обладал ее супруг. Но и это говорит только в ее пользу: видимо, талант актрисы способен был «выдержать» дополнительную нагрузку. Вряд ли Прайс нанял бы Дэйвида По без супруги.

Как бы там ни было, супруги живут теперь в Нью-Йорке и играют в театре Прайса: миссис По — в главных ролях, мистер По — в основном «во втором ряду». Да и то те, кто специально изучал этот аспект, утверждают, что в спектаклях его нередко заменяли. Невыход его, как правило, объясняли «внезапным недомоганием» — характерный для того времени эвфемизм, означавший вульгарный запой. К тому же и театральная критика была к нему теперь жестока. Насколько справедливо — узнать сейчас уже невозможно. Невзгоды, неудачи, беспросветная нищета к тому времени, видимо, уже окончательно сломили этого слабого человека, и прежняя — обычная в общем-то для многих актеров — любовь к спиртному приобрела характер тяжелого заболевания.

Последний раз на сцене Дэйвид По появился 18 октября 1809 года. Он должен был выйти в том же спектакле и 20-го, но… опять случилась замена. Однако теперь причиной ее стало не очередное «внезапное недомогание»: его выгнали, уволили из труппы. Были ли тому причиной «плохая игра», нападки прессы или регулярные запои, неизвестно. Скорее всего, он стал «ненадежен» во всех смыслах.

Интересно, что в декабре 1809 года на страницах бостонского журнала «Самфинг» было опубликовано следующее письмо, озаглавленное «Нашим собратьям, нью-йоркским журналистам»:

> «Господа!
>
> Мы настойчиво и с большим чувством рекомендуем вам поддержать и защитить таланты господина По. У него есть способности, их можно развить или разрушить вашими справедливыми или неосторожными замечаниями. Мы считаем, редактор обязан прежде всего понять и почувствовать, затем взвесить и, наконец, дать определение. Нам хорошо известны ошибки этого джентльмена, но мы знаем и то, что эти ошибки очень часто становились следствием бесчувственной критики. Позорно для любого редактора превращать актеров на сцене в мишень для стрельбы. Если ваше намерение — делать добро, поощряйте; если же после того, как вы исполнили эту свою обязанность, а улучшения не произошло, тогда и осуждайте».

Письмо было подписано: «Некто никто», и, видимо, это был человек, хорошо, скорее всего, близко, знавший отца поэта. Знал он и о том, как тяжело тот переживал свою отставку, и о материальном положении семьи.

Но послание это то ли запоздало, то ли не возымело необходимого действия: на сцену Дэйвид По более не вернулся. Чем он зарабатывал на жизнь, как помогал семье — неизвестно. Можно только предположить, что в жизни Элизабет По он продолжал существовать, по крайней мере, до марта-апреля 1810 года[14].

Сама Элизабет По продолжала свои выступления в нью-йоркском Парк-театре до июля 1810 года, когда театр в очередной раз закрылся в связи «с отсутствием сборов». Кстати, он уже был закрыт по той же причине в начале года — с середины января по февраль. Можно только гадать, на какие средства в этот период существовала семья несчастной актрисы.

Судя по всему, сразу же после закрытия Парк-театра актриса покидает Нью-Йорк и вместе с сыном переезжает в Ричмонд (штат Виргиния). Можно утверждать, что уезжали они уже вдвоем — маленький Эдгар и его мама, отца рядом с ними тогда не было. Он навсегда исчез из их жизни предположительно весной того же года[15].

К сожалению, более точную дату этого прискорбного события мы назвать не можем: исчезновение Дэйвида По-младшего — одна из многочисленных загадок в судьбе великого

американского поэта.

По поводу исчезнувшего отца Эдгара По существует немало версий. Одни утверждают, что он сбежал (но куда?). Другие говорят о фатальном отравлении алкоголем. Третьи убеждены, что он скончался от скоротечной чахотки (но откуда сведения, что он болел туберкулезом?). Наконец, четвертые уверены, что в отчаянии он покончил жизнь самоубийством, бросившись в холодные воды Гудзона. Существует версия о том, что он завербовался матросом, отправился в плавание и сгинул без следа где-то в южных морях. Кто из них прав? Не беремся судить. Тем более что все это — только версии. Документы в пользу той или иной — отсутствуют[16].

Как бы там ни было, уже 18 августа Элизабет По открывала сезон в театре города Ричмонда. Судя по всему, и там успех сопутствовал ей. Но, как отмечают те, кто впоследствии изучал жизнь и карьеру актрисы, в ее выходах на сцену в этот период нередко случались перерывы: видимо, связаны они были с болезнью. Хорошо известно, что уже тогда миссис По была больна чахоткой и болезнь стремительно развивалась. Бедственным, безусловно, было и ее материальное положение. Этими печальными обстоятельствами, скорее всего, объясняется и тот факт, что уже 21 сентября театр устраивает бенефис в пользу актрисы. После 21 сентября следует длительный перерыв: по свидетельствам биографов, сезон в театре в 1810 году длился до 13 ноября, но на сцене актриса уже не появлялась.

В конце ноября или в начале декабря (точная дата не установлена) у Элизабет Арнольд По рождается девочка — ее третий ребенок, которой дали имя Розали. Это была младшая сестра поэта. Забегая вперед скажем, что ей в отличие от братьев была суждена долгая жизнь: она не только переживет их, но пройдет довольно продолжительный по меркам того времени земной путь — без малого шестьдесят четыре года. Хотя с Эдгаром они воспитывались в разных семьях, но в детстве и юности много общались и друг друга очень любили.

В январе Элизабет По уже в Чарльстоне, выступает в составе местной труппы «Плэсидз». Это событие можно считать своеобразным возвращением в прошлое: в ее составе актриса выступала в 1798 году, по сути, только начиная свою карьеру. И вот возвращение. Но возвращение это было наверняка печальным: она была больна и, видимо, знала, что болезнь ее смертельна, а на руках у нее были двое младенцев.

Тем не менее даже в таких, поистине катастрофических для молодой актрисы условиях «шоу продолжалось»: она не только отыграла сезон в составе труппы, но даже отправилась с ней (и с

детьми на руках) на гастроли и летом (в июне и июле) выступала в Норфолке.

Свой последний сезон (и последние месяцы жизни) миссис По провела в Ричмонде. Сейчас едва ли мы сможем ответить на вопрос, что ее заставило вновь переменить город и труппу. Но факт остается фактом: с сентября по ноябрь 1811 года она играла в составе той же компании артистов, которую покинула в прошлом году. Состояние здоровья ухудшилось до крайности, на сцене она появлялась редко. В ее пользу труппа дала несколько бенефисов — чтобы поддержать несчастную материально. О бедственном положении актрисы стало известно в городе, ей помогали — не только коллеги «по цеху», актеры, но и местные дамы-благотворительницы.

В биографии поэта Герви Аллен рисует весьма душещипательную картину:

«Ее печальное и безысходное одиночество изредка нарушали визиты ричмондских гранд-дам и женщин попроще, которые после тщательного осмотра модных новинок миссис Филлипс поднимались — отчасти из сострадания, отчасти из любопытства — в убогую мансарду, приютившую умирающую актрису и ее детей».

Откуда взялась эта версия о «мансарде» над модным магазином некой миссис Филлипс, ответить смог бы только сам биограф. Но его давно нет на этом свете, а версия о магазине, увы, не подтверждается. Впрочем, не существует и иных достоверных сведений о последнем земном пристанище несчастной актрисы. Одни пишут, что ее последние дни прошли в комнате над третьеразрядной таверной «Старая индейская королева», другие сообщают о некоем постоялом дворе, номере в местной дешевой гостинице, о доме 22201/2 по Мэйн-стрит и т. д. Но, повторим, это лишь версии. В чем упомянутый биограф был совершенно прав, так это в том, что актрисе и ее детям сострадали, им помогали, и в комнату (где бы она ни располагалась), в которой умирала актриса, действительно шли люди и несли что могли: еду, какие-то деньги, а кто-то и просто доброе слово.

В этом смысле сделанный актрисой выбор (возможно, случайный) в пользу Ричмонда (а не, скажем, Нью-Йорка или Бостона) можно считать очень удачным. Едва ли в мегаполисе (и тем более в Новой Англии) у нее нашлись бы покровители и благотворители. Жизнь ее завершилась бы в куда более тяжелых условиях. Да и судьба детей наверняка была бы прискорбной.

Один из жителей города — современник событий — непосредственно наблюдал за происходящим и тогда же писал в

письме своей родственнице:

«Ты спрашиваешь меня о модных нынче фасонах. Единственный „фасон“ доминирует у нас в этом сезоне — благотворительность. Ты, верно, помнишь миссис По — очень красивая женщина, — так вот, она теперь серьезно больна (к тому же рассорилась и рассталась с мужем) и сильно нуждается. Ее комната сейчас — самое популярное место в нашем городе. Теперь искусство поваров и сноровка сиделок соревнуются с деликатесами, что доставляют в ее жилище. Кое-что от этого модного поветрия достается и другим страждущим. Похвальная мода — хотел бы я, чтобы она продлилась подольше».

Трудно сказать, сбылось ли пожелание автора письма. Но он был прав в том, что местное общество, прежде всего в лице двух дам — миссис Аллан и миссис Маккензи, в самом деле взялось деятельно (можно сказать, даже самоотверженно — не боясь заразиться чахоткой) ухаживать за несчастной актрисой.

Едва ли справедливо утверждал Г. Аллен, что «по крайней своей бедности она была почти лишена врачебного ухода». Врачи приходили, дежурила сиделка, но что они могли противопоставить болезни, убивавшей женщину? Известно и о том, что дети актрисы находились под присмотром. Сьюзен Вайс, одна из ранних биографов писателя, основываясь на воспоминаниях собственной матери (та была чуть старше нашего героя, и ее дядя жил по соседству), утверждала, что за детьми присматривала няня — высокая статная ирландка с зычным голосом, сильным акцентом и в «большом белом капоре с лентами». Сейчас невозможно установить, кто ее нанял и как долго она надзирала за детьми, но биограф утверждает, что исполняла она свои обязанности ревностно и добросовестно. Правда, она же уверяла, что та поила детей смесью чая с джином — видимо, чтобы поменьше шумели.

А вот «деликатесы», видимо, действительно были. Но помочь в выздоровлении, конечно, не могли — слишком далеко зашел процесс в легких. Все эти фрукты, пирожные, цукаты, что приносили ей, — могла ли она порадоваться их вкусу, да просто ощутить его? Едва ли могли оценить их и дети — слишком были они малы для этого: старшему Эдгару еще не сравнялось и трех лет, а малышке Розали не исполнилось и года.

В последнем обстоятельстве, впрочем, был и свой «плюс», о котором, скорее всего, задумывалась и несчастная мать: какое счастье, что дети не осознавали происходящего. Тревожила ли ее их будущая судьба? Несомненно. Тем более что она все время находилась в сознании. Мать могла быть спокойна за своего первенца — тот жил у дедушки с бабушкой. А вот младшие… Но

посмею предположить, что уходила она все-таки в относительном спокойствии: миссис Аллан и миссис Маккензи обещали взять заботу о ее детях на себя. Обе были богаты. Первая к тому же бездетна, но мечтала о ребенке. У второй были дети, и еще один малыш, право, не стал бы обузой.

К концу осени она была уже очень слаба, эта несчастная Элизабет Арнольд По.

Печальный итог. Она действительно не смогла составить счастья своим детям — вне зависимости от суждений мисс Холбрук. Не смогла она стать счастливой и сама. Но если по поводу детей она могла хоть на что-то надеяться, то надежд относительно себя у нее, конечно, не было.

«Пролетела молодость, как миг единый, увяла красота…». А с ними и сама жизнь…

Скорее всего, она осознавала, что умирает.

В течение осени 1811 года несколько раз в местных газетах доброхоты публиковали объявления, взывающие к согражданам о помощи больной актрисе и сострадании к ее детям. Последнее такое объявление было опубликовано 29 ноября в ричмондской «Инквайрер»:

«К сострадательным сердцам.

В этот вечерний час миссис По, прикованная к постели болезнью и окруженная детьми, взывает к вашей помощи — и, может быть, делает это *в последний раз*. Сострадание жителей Ричмонда не нуждается в дополнительных призывах. Подробности в разделе объявлений».

Знали те, кто давал это объявление, что оно действительно окажется последним? Возможно, предчувствовали. Извещение о смерти актрисы последовало вскоре — в номере той же газеты от 10 декабря. Оно было коротким:

«Миссис По, актриса труппы ричмондского театра, скончалась в минувшее воскресенье утром 8 декабря. С уходом этой леди наша сцена лишилась одного из главных своих украшений. И, вспоминая о ней, мы говорим, что она была талантливой актрисой, ее игра неизменно была отмечена овациями и восхищением аудитории».

Элизабет Арнольд По, матери будущего поэта, было двадцать четыре года от роду. Из них почти пятнадцать она провела на сцене. Сыграла более двухсот ролей; по свидетельствам современников, особенно удавались ей трагические шекспировские героини: Офелия, Джульетта, Корделия, Дездемона, Валерия… Но самой трагичной оказалась ее главная роль — женщины: матери, жены и актрисы. И оказалась такой

пронзительно печальной и короткой…

НАЧАЛО ИСТОРИИ

Ричмонд. 1811–1815

После кончины Элизабет По ее детей — видимо, в тот же день — разлучили: Эдгара забрала к себе миссис Джон Аллан, а Розали отправилась в семью Маккензи. И та и другая принадлежали к имущему классу, их семьи были весьма состоятельны, но решение взять к себе детей, скорее всего, на тот момент было спонтанным. Упоминавшаяся выше С. Вайс утверждала: «После консультаций было решено, что дети будут находиться у господ Аллана и Маккензи до тех пор, пока не будут истребованы родственниками из Балтимора». Что же, это вполне возможно. Если у женщин и существовали какие-то далеко идущие планы относительно судьбы детей, то публично озвучены они не были. Благотворители взяли на себя и заботу о похоронах актрисы.

В такой религиозной стране, как Америка, тем более в тот век, когда земная жизнь рассматривалась в качестве пролога к жизни вечной, мероприятие это было чрезвычайно значимо. Похороны должны быть достойными. Но комедианта («сосуд греха»!) после смерти ожидал скорбный удел, и по обычаям того времени его хоронили за оградой кладбища, на неосвященной земле. Так должно было произойти и с Элизабет По. Но Алланам и Маккензи, очевидно, не без помощи внеочередных пожертвований (в конце концов, за разумное вознаграждение нетрудно найти компромисс, устраивающий обе стороны), удалось решить проблему: актрису похоронили пусть и в дальнем углу кладбища, но внутри ограды, о чем и была сделана соответствующая запись в приходской книге местной англиканской церкви Святого Иоанна. Правда (возможно, этот пункт был одним из условий договора), могила актрисы осталась безымянной. Надгробный камень установили только более века спустя, когда нравы несколько изменились да и мировая слава поэта заставила потомков разыскивать и сохранять даже малейшие следы его земной жизни.

Нет сомнения в том, что маленький Эдгар и его годовалая сестра присутствовали на скорбной церемонии. Впрочем, они были так малы, что едва ли могли удержать в памяти какие-либо ее подробности.

После похорон Эдгар водворился в доме ричмондского торговца Джона Аллана и его жены Фрэнсис. Дом располагался в центральной части совсем невеликого тогда Ричмонда (его население составляло около шести тысяч жителей), на углу Главной и Тринадцатой улиц[17]. Здание было двухэтажным. На

первом этаже располагались магазин и контора фирмы «Эллис и Аллан», совладельцем которой был глава семейства, а на втором — жилые помещения. Пусть современного читателя не удивляет последнее обстоятельство: в эпоху первичного накопления капитала это было делом обычным. Хотя Джон Аллан был человеком небедным и позволить себе отдельный дом наверняка мог, но не считал это первоочередной задачей. Тем не менее он, безусловно, принадлежал к «городской верхушке» и был вхож в дома самых уважаемых и состоятельных горожан.

Кроме главы семейства в доме на Главной улице обитали его жена, миссис Фрэнсис Киллинг Аллан, ее незамужняя (старшая) сестра мисс Энн Валентайн и чернокожие слуги-рабы. Сколько их было, достоверно неизвестно, но, видимо, немного. Впрочем, для маленького мальчика они, скорее всего, сливались в единую массу, разве что кроме «мамушки», помогавшей хозяйке ухаживать за ним: купать, переодевать, кормить. Позднее, став постарше, среди челяди молодой человек выделял двух негров-рабов: пожилого, по имени Томас, и молодого, которого звали Сципион. Видимо, они были «домашними рабами», и мальчик с ними общался.

Как было принято на Юге, Алланы вели довольно активную светскую жизнь: посещали балы, приемы, ходили в театр, откликаясь на приглашения знакомых плантаторов, ездили в гости. Одна из таких поездок состоялась вскоре после появления мальчика в семье. К себе в имение отметить Рождество семейство Аллан пригласил местный богатей, плантатор Боулер Кок. Фирма «Эллис и Аллан» имела с ним дела, так что приглашение было вполне естественным. Усадьба располагалась в десятке миль от Ричмонда, на реке Джеймс, на острове Тарки-Айленд, которым владел плантатор. Вполне заурядное, казалось бы, событие приобрело символический смысл, совпав по времени с трагедией, случившейся в городе: 26 декабря ричмондский театр, в котором совсем недавно играла мать поэта, сгорел. Несчастье произошло во время представления, в огне погибли больше семидесяти человек (в том числе не только многие актеры и зрители, но даже губернатор штата Виргиния с семьей). Семейство Аллан, обычно не пропускавшее премьер, наверняка оказалось бы в театре, и, кто знает, каким мог быть итог этого посещения, находись они там. Но Провидение уберегло их и, таким образом, подвело своеобразную черту под «театральным прошлым» нашего героя.

В биографиях поэта, по сути, «общим местом» давно стали рассуждения о пагубной роли приемного родителя в судьбе пасынка. О том, что он был-де человеком очень черствым и даже жестоким, чуть ли не с самого начала третировал и унижал

приемыша. Факты говорят об ином. И по крайней мере в первые четырнадцать-пятнадцать лет жизни будущего поэта ни о каких «репрессиях» со стороны Джона Аллана или о конфликтах между ними говорить не приходится. Напротив, появление мальчика в семье произошло при самой деятельной его поддержке.

В 1811 году, когда Эдгар вошел в семью, Джону Аллану шел тридцать второй год. Его жене Фрэнсис было двадцать семь. Они были женаты уже восемь лет, но детей у них не было. Винить в этом он мог только свою супругу: «на стороне» в разное время и от разных женщин у него были дети — мальчик и девочка. Но Фрэнсис была бездетна и очень страдала от этого. Поэтому он, конечно, не мог не понять тех чувств, что вспыхнули в душе супруги при виде несчастного отпрыска актрисы, и поддержал ее стремление взять ребенка к себе. Причем его не остановило то обстоятельство, что, как свидетельствуют некоторые биографы, дела фирмы в это время отнюдь не процветали и он даже подумывал свернуть бизнес. «Лишний рот» был, конечно, обузой, но не такой, чтобы противостоять желанию жены. Следовательно, жестокосердие Джона Аллана явно преувеличено. Было и еще одно обстоятельство, которое мешало ему поступить иначе: в свое время он сам познал, что такое сиротство, и не мог не сочувствовать мальчугану.

Джон Аллан, конечно, сыграл огромную роль в судьбе поэта, и познакомить читателя с этим человеком необходимо.

Как мы уже отмечали, почтенный торговец обзавелся новым членом семьи в возрасте тридцати одного года. В отличие от всей семьи он не был американцем по рождению. Он был шотландцем, родился в 1780 году на юго-западном побережье в графстве Эйршир, в деревеньке под названием Дандоленд, в семье потомственных мореплавателей. Довольно рано остался без родителей. Ему еще не было пятнадцати, когда одного, без взрослых, его отправили через океан к дяде в Ричмонд. Дядя (брат матери), Уильям Гэльт, был одним из ведущих местных торговцев (за двадцать лет до этого проделал тот же путь, что и племянник). Он торговал виргинским табаком с Британией и Европой, а оттуда завозил товары, на которые существовал спрос у южан-плантаторов. Первые годы в Америке молодой Аллан подвизался в фирме дяди, но по прошествии пяти лет решил обзавестись собственным бизнесом. Уильям Гэльт не только не препятствовал своему родственнику, но и предоставил тому кредит, и вот уже в ноябре 1800 года фирма «Эллис и Аллан» начала свою деятельность. Партнером Аллана стал товарищ по службе в предприятии дяди Чарлз Эллис. Каждый внес в уставный капитал компании по тысяче фунтов стерлингов.

Свой бизнес партнеры начали в удачное время. Спрос и цены на виргинский табак в Европе были высоки, а конкуренция — напротив: плантаторы-южане, производившие табак, считали ниже своего достоинства заниматься торговлей. Янки еще только создавали и осваивали собственные североамериканские рынки, а на Юге разворачивали свои дела пришлые, в основном ирландцы и шотландцы, такие же предприимчивые, как Уильям Гэльт и Джон Аллан. Дело спорилось, да и дядя помогал — где советом, а где и связями. Основными партнерами фирмы были торговцы из Шотландии и Англии (из Лондона и Ливерпуля), а также из Португалии (известно, что в 1811 году Дж. Аллан несколько месяцев провел по делам в Лиссабоне).

В 1804 году Дж. Аллан натурализовался (то есть стал американским гражданином). За год до этого, 5 февраля 1803-го, он сочетался браком с мисс Фрэнсис Киллинг Валентайн, родившейся в Ричмонде. Какое-то время они жили вдвоем, а затем (вероятно, по смерти родителей жены) к ним присоединилась незамужняя старшая сестра Фрэнсис — мисс Энн Валентайн, известная биографам поэта как «тетушка Нэнси», которую (как и свою приемную мать) Эдгар очень любил и которая тоже была весьма к нему привязана.

Несмотря на то что в обретенной семье мальчик был окружен заботой и лаской, статус его был все же сомнителен. Хотя в начале января 1812 года Эдгара крестили (сын актрисы крещен не был: мать то ли не успела, то ли не нашла сил для этого) и второе имя — Аллан — он получил в честь приемного отца, тот не усыновил его формально. Нет сомнения, что миссис Аллан очень хотела, чтобы ее приемный сын приобрел официальный статус — с соблюдением всех необходимых юридических формальностей. Но супруг не спешил с этим. В чем заключалась причина? Многие биографы поэта видели в данном обстоятельстве красноречивое свидетельство недоброжелательной предубежденности мистера Аллана в отношении пасынка. Исключать некоторую предубежденность, конечно, нельзя. Но едва ли ее можно считать недоброжелательной. Люди той эпохи имели слабое представление о механизмах наследственности, но знали, что «яблоко от яблони недалеко падает». В этом смысле рассудочного мистера Аллана понять можно: в его восприятии Эдди (или Нед, как часто звали в семье будущего поэта) — сын, внук и правнук актеров, отпрыск алкоголика и скандалиста (о характере и пагубных страстях Дэйвида По он знал), сын женщины, не отличавшейся высокой нравственностью. Где-то в закоулках сознания протестанту, пресвитерианцу Аллану (человеку

довольно религиозному) мальчик вполне мог представляться неким «ящиком Пандоры». Но едва ли именно это отвращало от официального признания. Проблема, точнее целый ряд проблем, заключалась в другом. Прежде всего, торговец все-таки продолжал надеяться, что в будущем жена сможет зачать и родить собственного ребенка: несмотря на слабое здоровье, она была еще молода. Официальное признание Эдгара Аллана приемным сыном, безусловно, ущемляло права возможных будущих наследников (или наследника). Не было ясности и с отцом пасынка (судьба его была достоверно неизвестна): а вдруг он жив и со временем предъявит свои права на сына? Определенную (прежде всего процедурную) сложность представляло и неизбежное взаимодействие с родственниками — дедушкой, бабушкой, дядьями и тетками приемыша, проживавшими в Балтиморе и Филадельфии. Необходимо было заручиться их согласием. Хотя, насколько можно судить по письмам, которые в 1812 и 1813 годах миссис Аллан получила от Элизы По, тетки поэта, никто из тамошних родственников вовсе не горел желанием принять маленького Эдгара в свою семью. Скорее, напротив — испытывали признательность к госпоже Аллан и госпоже Маккензи за заботу о младших детях актрисы. Им вполне хватало забот со старшим — Уильямом Генри Леонардом[18]. Но юридическая процедура требовала взаимодействия с ними, следовательно — времени и денег. Едва ли расчетливый торговец желал этого.

Можно предположить, что все эти соображения (или хотя бы часть из них) были ведомы миссис Аллан. И она Скрепя сердце вынуждена была согласиться с ними (хотя, видит Бог, душа ее желала иного) и не настаивала.

Муж ее, человек очень занятой, относился к мальчику хорошо, причем оплачивал расходы не только на одежду, но, возможно, по собственному почину покупал ему и игрушки, заботился о его здоровье, ездил с ним в экипаже на загородные прогулки. Обо всем этом нетрудно узнать, ознакомившись с эпистолярным наследием Дж. Аллана[19], особенно с его письмами партнеру по бизнесу Ч. Эллису, с которым он был весьма доверителен и нередко обсуждал домашние дела, в том числе писал и об Эдгаре. А если и не испытывал особого желания играть и возиться с ним в выходные и праздники, то это можно отнести к общей сдержанности его характера. По крайней мере так могла думать Фрэнсис, и, скорее всего, она была недалека от истины.

Герви Аллен, автор единственной доступной русскоязычному читателю обстоятельной биографии великого поэта, писал по

этому поводу:

«Кто знает, уступи Джон Аллан просьбам жены, и судьба Эдгара По, возможно, сложилась бы совсем иначе. Быть может, не возникло бы тогда преследовавшее его многие годы чувство, что он ест чужой хлеб, что живет лишь милостью своих благодетелей, — то ощущение собственной неполноценности, которое породило в нем почти болезненную гордость, сделавшуюся со временем одной из главных черт его характера. Жизнь, однако, распорядилась по-своему, лишив Эдгара успокоительной уверенности в нерасторжимости самых тесных из связывающих людей уз, ибо существование их, как он обнаружил с течением лет, зиждилось на ненадежном фундаменте благотворительности. Вера в незыблемость домашнего очага и прочность родительской любви является краеугольным камнем, лежащим в основе любой целостной личности. Разрушить или расшатать его — значит обречь душу на вечную тревогу и смятение, ибо все здание жизни кажется ей тогда возведенным на предательских зыбучих песках».

Все это верно и, видимо, вполне приложимо к судьбе будущего поэта. Но едва ли справедливо по отношению к Эдгару По-ребенку и его приемным родителям. Заявлять, что «мальчик, возможно, ощущал, что даже ласки, которыми осыпала его приемная мать, на самом деле предназначались не ему, а ее собственному, так и не родившемуся ребенку», как пишет Г. Аллен, означает наделить его сознанием и мыслями, совершенно неорганичными для маленького мальчика. Хотя миссис Аллан и не была ему родной матерью, едва ли в детстве он ощущал это, будучи (как и любой ребенок) в своем восприятии действительности центром маленькой семейной вселенной. Куда более разрушительным для его психики могло стать (и, видимо, стало) тотальное крушение этой личной эгоцентричной вселенной. Но это произошло позднее. Тогда, когда он повзрослел и смог более или менее адекватно судить о себе и мире.

Что можно утверждать с определенной долей уверенности, так это то, что ему, конечно, не хватало отцовского и — шире — мужского участия в его жизни. Он жил и воспитывался в «женской атмосфере» — в постоянном окружении женщин. Сначала «мир» этот был узок. Он включал «маму», «тетю», «мамушку». Постепенно расширяясь, захватывал новых персонажей: знакомых дам миссис Аллан, тех, кому они наносили визиты и принимали у себя дома, сиделок, которых нанимали, когда он болел, домашнюю учительницу и т. д. Но это по большей части был именно женский мир. Кто знает, не поэтому ли Эдгар Аллан По, уже превратившись во взрослого мужчину, мужскому обществу

предпочитал женское, чувствуя себя в нем куда легче и свободнее, нежели среди лиц одного с ним пола?

Если же говорить о раннем детстве писателя, то оно, скорее всего, было, что называется, «безоблачным», можно даже сказать — счастливым. Эдгар рос в атмосфере любви и ласки. По крайней мере со стороны матери.

Г. Аллен так описывал детство малыша и атмосферу, в которой он рос:

«Мальчик был на удивление умен и хорош собой и вскоре сделался всеобщим любимцем не только в доме, но и среди многочисленных знакомых. Миссис Аллан доставляло большое удовольствие брать Эдгара с собой, когда она отправлялась навестить кого-нибудь из друзей или родственников. В таких случаях она наряжала его в красивую вельветовую курточку, свободные нанковые или шелковые штанишки и красное бархатное кепи с золотой кисточкой, из-под которого ниспадали длинные темные кудри на манер парика елизаветинского вельможи. Сидя на широком диване и болтая ножками в маленьких, с блестящими пряжками, башмачках, он с серьезным видом взирал на собравшихся в гостиной дам в изящных туалетах, с вплетенными по тогдашней моде в волосы лентами, обсуждавших за чаем последние известия о войне с Англией. Иногда, чтобы позабавить общество, Эдгара ставили на стул с высокой спинкой и просили рассказать какой-нибудь детский стишок. Выступления эти, как говорят, неизменно вызывали восторг и умиление присутствующих. Даже Джон Аллан не остался равнодушен к юному таланту, и после семейных обедов, когда убирали скатерть, Эдгар, скинув туфли, взбирался на стол, чтобы станцевать недавно разученный в школе танец, или, стоя посреди зала, с мальчишеским пылом декламировал перед гостями „Песнь последнего менестреля“. В награду за представление ему обычно наливали маленький стаканчик сладкого, разбавленного водой вина, который он выпивал за здоровье собравшихся».

Упоминаемые биографом выразительные штрихи и детали вроде «красивой вельветовой курточки, свободных нанковых или шелковых штанишек, красного бархатного кепи с золотой кисточкой», исполнения на столе «разученного в школе танца», публичной декламации «Песни последнего менестреля» В. Скотта, а тем более «маленького стаканчика сладкого, разбавленного водой вина», который малыш «выпивал за здоровье собравшихся», конечно, следует скорее воспринимать как результат усилий по творческой реконструкции прошлого, нежели числить по ведомству фактов. Тем не менее сам «воздух детства», его

атмосферу, насыщенную радостью и весельем, Г. Аллен передает вполне правдоподобно.

Впрочем, жизнь маленького человека в его новой семье состояла не только из праздников. Были и трудности, и испытания. Например, болезни. Дж. Аллан в письме от 14 мая 1813 года пишет Ч. Эллису о коклюше, которым болеет Эдгар, и сообщает, что «Фрэнсис расстроена и ходит с опухшим от слез лицом». 18 мая делится новостью, что «им уже лучше». Но 26 июля посылает весть, что пасынок «серьезно болел корью, но теперь пошел на поправку».

Это была настоящая обычная жизнь. Испытания, которые только сближают семью. И они, конечно, сближали малыша с его приемной матерью. А с приемным отцом? Вряд ли. Хотя, как мы видим, и он вовлекался в повседневную жизнь семьи, но главным для него было все-таки Дело — торговые операции, которыми он занимался. А семейные новости, если они и всплывали в его переписке, то на периферии — после информации о ценах на табак, тарифах на перевозку и «растаможку», процентах прибыли и кредита.

А вот упоминание о домашней учительнице неизбежно выводит нас на важнейшую тему — образование поэта. Джон Аллан много лет спустя, когда его пасынок из ребенка давно превратился в молодого человека, утверждал, что дал тому куда лучшее образование, чем обладал сам. Вне зависимости от того, в каком контексте прозвучало это высказывание, едва ли отчима можно упрекнуть в неискренности — оно вполне соответствует действительности.

Судя по всему, начатки грамоты маленький Эдгар получил дома — от приемной матери и тетушки Нэнси. Но уже с осени 1813 года у мальчика появилась домашняя учительница — об этом можно судить по чеку в четыре доллара, выписанному Дж. Алланом некой Клотильде Фишер за «обучение в течение четверти года Эдгара А. По». Помимо самого факта существования документа, важно и то обстоятельство, что госпожу Фишер мистер Аллан величает «доктор». Следовательно, преподавательница была дипломированным специалистом и, скорее всего, окончила семинарию[20]. Очевидно, что мистер Аллан весьма серьезно подошел к вопросу о начальном образовании для своего пасынка и нанял педагога с высшим образованием. В тогдашней Америке учителя с дипломом были большой редкостью.

Осенью 1814 года Эдгар пошел в школу. Что это была за школа, какие предметы в ней преподавали — об этом мы можем судить только косвенно. Скорее всего, набор предметов был

вполне обычным для начальной ступени, но это была хорошая школа. Во всяком случае, в другую мистер Аллан не стал бы отдавать своего пасынка. И дело даже не в личном к нему отношении: социальный статус не позволил бы остановить свой выбор на чем-то ином, нежели «самое лучшее». Косвенным свидетельством «качества» школы может служить и письмо ее директора мистера Ювинга мистеру Аллану, в котором наставник справляется о своем подопечном.

«Я уверен, что дела Эдгара продолжают идти хорошо и ему по душе новая школа — так же, как нравилась ему та, что он посещал в Ричмонде. Он чудесный мальчик, и мне будет приятно услышать, как идут его дела в той школе, что Вы для него определили, а также интересно узнать, какие книги он читает… Прошу Вас также передать мое почтение Вашей супруге миссис Аллан и ее сестре. Надеюсь, у них все хорошо, и еще не забудьте передать от меня привет Эдгару, которого они так пестуют».

Письмо датировано ноябрем 1817 года. К тому времени мальчик уже два года жил в Англии и учился в другой школе. Тем не менее бывший педагог справлялся о своем бывшем воспитаннике. И дело, видимо, не в особой любви, что он испытывал к одному из многих своих учеников. Просто в «приличной школе» — «так принято».

Почтенный торговец не ответил на вопрос о том, что читает его ученик. Вероятно, не обращал внимания — у него были дела поважнее. Но, как принято между «приличными людьми», поблагодарил его:

«Примите слова благодарности за то, что Вы так лестно отзываетесь об Эдгаре и нашей семье. Эдгар — хороший мальчик, и у меня нет оснований жаловаться на его успехи».

Школу У. Ювинга (она располагалась в центральной части Ричмонда, неподалеку от конторы и квартиры мистера Аллана) ребенок посещал в течение года. Судя по всему, в школе он преуспевал, невеликие школьные премудрости давались ему легко, и он числился среди первых учеников своего класса. Но, видимо, преуспевали многие. Что его действительно выделяло среди товарищей — он был очень живой и непоседливый, любил шумные игры.

О друзьях его в этот период известно мало — да и можно ли вообще говорить «о друзьях» шестилетнего мальчика? В случае с маленьким Эдгаром, оказывается, можно. У него был друг, точнее, подруга — маленькая мисс Кэтрин Потью, крестница Фрэнсис Аллан. По свидетельствам современников, между детьми была даже не дружба, а некая просто-таки неуемная страсть общаться друг с другом. В тот год, когда Эдгар ходил в школу,

они виделись очень часто, затевали шумные игры или чем-то занимались и… постоянно объяснялись в любви (!). Детская память коротка, но даже год спустя маленькая Кэтрин помнила о своем «сердечном друге», и ее мать — со слов дочери — писала своей подруге в Англию: «Скажи ему, что я очень сильно хочу его видеть…» И, видимо, спохватившись, добавляла: «…скажи ему, что Жозефина и все дети очень хотят его видеть тоже…» «Жозефина и все дети» — это те, кто принимал участие в играх, в которых наш герой был неизменным заводилой. Добавим, что не только «Жозефина», но «и все дети» были девочками. Наш герой, напомним: возможно, в силу обстоятельств, в раннем детстве был окружен в основном представительницами прекрасного пола.

Первый школьный год будущего поэта завершился в июне 1815 года. Окончание учебного периода совпало с очень важным событием — мистер Аллан объявил, что они переезжают в Англию. Как свидетельствуют биографы, торговец давно вынашивал такие планы и, судя по всему, уже в 1811 году собирался их осуществить. С этими планами была связана и упоминавшаяся поездка торговца в Лиссабон. То был самый разгар Наполеоновских войн, сотрясавших Европу. США напрямую не участвовали в войне, но морская торговля очень страдала от блокады, устроенной Британией. Видимо, поездка в Португалию не принесла нужных результатов, а вскоре Америка вступила и в открытую конфронтацию с англичанами, и началась вторая англо-американская война (1812–1815). Она поставила крест на планах Аллана — ему пришлось на несколько лет отложить затею.

Но весной 1815 года война закончилась, и торговец засобирался в Англию. Его переписка, относящаяся к этому периоду, красноречиво свидетельствует, что он отправлялся туда надолго, если не навсегда. Он освободил квартиру над конторой, вывез и распродал часть имущества. Уже с дороги, из Норфолка, 22 июня писал Ч. Эллису, чтобы тот сдал рабов в аренду по цене 50 долларов в год, а молодого Сципиона (видимо, самого ценного) продал за 600 долларов.

Война «придушила» торговлю, дела запутались, поступления упали, состояние и финансовое положение многих контрагентов было неясно. В этих обстоятельствах задуманное Алланом и Эллисом учреждение фирмы, действующей на территории Великобритании в интересах партнеров, было совершенно оправданным. Предприятие должно было обеспечить надежную бесперебойную связь между американскими производителями и европейскими потребителями, внести ясность и финансовую стабильность в торговые операции. Они договорились разделить

свое общее дело на две взаимодополняющие составляющие — американскую и британскую. Оно останется общим, но руководить делами в Америке будет Ч. Эллис, в Европе — Дж. Аллан, и то будет своего рода брат-близнец американской фирмы. Соответственно, предполагалось, что и называться компания будет немного по-другому: не «Эллис и Аллан», а «Аллан и Эллис» — ведь «заправлять» всеми европейскими делами станет Дж. Аллан.

На этот раз Джон Аллан уезжал в Европу не один. С ним отправлялась вся его семья: жена, ее сестра Нэнси и маленький пасынок Эдгар. И это говорит о серьезности планов торговца.

23 июня их корабль отплыл из Норфолка, штат Виргиния, в Ливерпуль.

Англия. 1815–1820

29 июля 1815 года в своем первом письме, отправленном из Ливерпуля, Дж. Аллан писал своему партнеру в Ричмонд:

«Я вновь стою на английской земле — больше двадцати лет прошло с тех пор, как я ее покинул. После 34 дней путешествия все чувствуют себя хорошо — Фрэнсис и Нэнси очень тяжело переносили плавание, но теперь оправились. Эдгар немножко болел, но скоро будет в порядке».

Он вносит ясность относительно времени и даты прибытия, говорит и о том, что намерен задержаться в Ливерпуле: «Мы прибыли вчера (т. е. 28 июля) в пять часов пополудни. Для проживания я избрал гостиницу мистера Лиллимана».

Хотя погода благоприятствовала, путешествие через океан оказалось тяжелым. Главным образом из-за бытовых условий (в том же письме торговец сообщал, что не было кроватей и они принуждены были спать на полу, дамам не разрешалось пользоваться дровяной печкой, «чтобы поджарить бекон», и винил во всем капитана судна). Его настолько, видимо, возмутило поведение капитана, что он даже счел необходимым немедленно по прибытии в порт назначения пожаловаться на него владельцам судна.

Что интересно: в этих условиях центральный персонаж нашего повествования выказал себя «настоящим героем», стоически перенес лишения (о чем сообщал его приемный родитель) и не единожды (видимо, в расчете на отеческую похвалу, столь важную в таком возрасте) спрашивал «папу»: «Па, скажи мне, а ведь я не боялся плыть через море?» (Эту фразу в одном из своих писем приводит его отчим.)

Путешествие через океан, конечно, стало «большим приключением» для ребенка. Не закончилось оно и по прибытии на Британские острова. Первые несколько дней в Ливерпуле семья приходила в себя после длительного плавания. Затем отправились в Шотландию: Джон Аллан решил начать свою жизнь в Британии с восстановления родственных связей. Хотя его родители, как мы помним, давно умерли, в Шотландии — в графстве Эйршир, в Ирвине, Килмарноке и Гриноке — проживали его замужние сестры Мэри, Джейн и Элиза, племянники, другие родственники по линии матери — Гэльты.

А. Х. Квин, с великим тщанием изучавший передвижения семейства Аллан в Британии, утверждал, что в Ливерпуле они провели около двух недель, а оттуда отправились к сестрам торговца в город Ирвин, в котором жили Мэри и Джейн. Но там

они пробыли недолго (едва ли больше недели) и переехали в расположенный неподалеку Килмарнок, где проживала самая младшая сестра — Элиза. Очевидно, здесь они нашли наиболее радушный прием, да и дом по сравнению с владениями Мэри и Джейн был куда вместительнее и удобнее. Видимо, следует согласиться с исследователем, что именно этот дом они избрали в «качестве резиденции» в Шотландии. Здесь на время обосновалась семья торговца, именно отсюда он совершал многочисленные деловые поездки: в близлежащие Эдинбург, Глазго, Гринок и в более отдаленные Шеффилд и Ньюкасл. Нет достоверных сведений о том, навещала ли семья (а с ними и маленький Эдгар) родственников в Гриноке, но сам мистер Аллан бывал там неоднократно.

Среди биографов широко бытует мнение, что жизнь в «краю Бёрнса» (графство Эйр — родина шотландского барда) повлияла на становление поэтического дарования Эдгара По. Там мальчик якобы познакомился с поэзией Бёрнса, полюбил ее и т. д. Хотя уже тогда, в начале XIX века, память великого Бёрнса[21] почиталась и какие-то его строки наверняка были услышаны будущим поэтом, все же вряд ли стоит воспринимать подобные суждения всерьез. Ведь речь идет о шести-, максимум семилетием ребенке, который к тому же воспитывался отнюдь не в атмосфере восхищения всем шотландским. Тем не менее отрицать, что Шотландия в целом и живописные окрестности Килмарнока в частности запечатлелись в памяти мальчика, едва ли имеет смысл. Вящей тому иллюстрацией может служить одно из ранних его стихотворений «К озеру», которое открывается такими строками:

Был в мире мне на утре дней
Всего милее и родней
Забытый уголок лесной,
Где над озерною волной
Я одиночество вкушал
Под соснами, меж черных скал[22].

Были в Килмарноке и сосны, и озера, и черные скалы; и поэт действительно очутился там «на утре дней». Едва ли, правда, красоты эти он «вкушал» в одиночестве. Но несомненно, что по тамошним живописным окрестностям он путешествовал — в сопровождении ли приемного отца, приемной матери, тетушки Нэнси или шотландских родственников, а может быть, и тех и других сразу. Едва ли он кривил душой, когда писал эти строки. Ясно, что картины из безоблачного детства были живы в памяти

семнадцатилетнего юноши[23].

В общей сложности Алланы провели в Килмарноке не менее двух месяцев. Видимо, жили они там небезвылазно. Можно предположить, что вместе с приемной матерью Эдгар побывал в Эдинбурге и Глазго. Но скорее всего ни в одном из этих городов они не жили подолгу. Миссис Аллан нездоровилось, она часто болела, британский (в его шотландском варианте) климат явно не шел ей на пользу.

Нет ясности и с учебой будущего поэта. Герви Аллен утверждал, что Эдгара определили в школу вскоре по прибытии и он якобы пошел учиться уже в августе, в Ирвине. Затем осенью вместе с семьей отправился в большое путешествие из Шотландии в Лондон через Ньюкасл и Шеффилд, а потом уже из Лондона в сопровождении племянника мистера Аллана, пятнадцатилетнего Джеймса Гэльта (сына Мэри Аллан, в замужестве Гэльт), вернулся в Ирвин. Там он и ходил в школу, а в Лондоне (в том числе и в лондонской школе) окончательно поселился только в 1816 году. Позднейшие биографы поэта аргументированно опровергают эту версию и настаивают, что в школу Эдгар отправился осенью 1815 года, и именно в Лондоне. В пользу этой версии говорит и то, что среди бумаг мистера Аллана нет счетов за обучение в школе в Ирвине. А такой аккуратист и педант, как он, конечно, не мог не занести эти расходы, если они действительно существовали. Судя по всему, истина не на стороне Г. Аллена.

Косвенным свидетельством того, что пасынок не был разъединен со своей приемной семьей, может служить письмо Джона Аллана компаньону, датированное 30 октября 1815 года:

«Сижу у зажженного камина в прелестной маленькой комнатке в квартире на углу Саутгемптон-роу, 47, и Рассел-сквер. Настроение располагает к письму. Рядом со мной Фрэнсис и Нэнси, они занимаются вязанием, а Эдгар читает маленькую книжку каких-то историй. У меня здесь нет знакомых, которые могли бы помочь с жильем или советом по этому поводу. Я снял эту квартиру по цене шесть гиней[24] в неделю на шесть месяцев — до тех пор, пока не подыщу что-нибудь более дешевое и подходящее. Конечно, у меня тут нет кабинета, в котором я бы мог заняться своей перепиской, — здесь высокие цены и все очень дорого. Они так тревожат Фрэнсис, что она сделалась очень экономной, но у нее хороший аппетит, и я начинаю думать, что в Лондоне ей будет хорошо».

Ироничная ремарка об экономности миссис Аллан не может скрыть обеспокоенности ее супруга дороговизной жизни в британской столице. Но нам интересно другое: очевидно, что

Эдгар находился с Алланами в Лондоне с самого начала — с конца октября 1815 года — и, видимо, тогда же пошел в школу. Таким образом, кроме новых ярких впечатлений маленький путешественник получил и дополнительные продолжительные каникулы, что, конечно, не могло его не радовать.

Так что пусть с запозданием, но учеба началась, скорее всего, в ноябре 1815 года. Первой английской школой маленького Эдгара стало заведение некой мадам Дюбуа, расположенное на Слоан-стрит, 146, в лондонском районе Челси. В бумагах Дж. Аллана сохранился оплаченный счет, выставленный владелицей школы в июле 1816 года — по окончании учебного года. Счет выписан на «мастера Аллана», и некоторые его пункты, без сомнения, привлекут внимание читателя:

	Фунты	шилл.	пенсы
Питание и обучение за ¼ года	7	17	6
Отдельная кровать	1	1	0
Умывальные принадлежности	0	10	6
Место в церкви	0	3	0
Учителям и слугам	0	5	0
Принадлежности для письма	0	15	0
Тетрадь, ручки и т. д.	0	3	0
Медпомощь, школьные издержки	0	5	0
Штопка простыней	0	3	0
«Правописание» Мэйвора	0	2	0
«География» Фрэншоу	0	2	0
Молитвенник	0	2	0
Катехизис с комментариями	0	0	9
Толкование истории Англии	0	0	9

Представленный документ интересен по нескольким причинам. Во-первых, обучение в британской школе (даже в те

времена!) было, как мы видим, делом весьма недешевым. Во-вторых, счет выписан на имя «мастера Аллана». Это важно. Отсюда можно сделать вывод о статусе ученика. Владельцами школы Эдгар воспринимался как законный наследник торговца, и это не вызывало никаких возражений у последнего. Настоящая фамилия — По — не упоминалась и, скорее всего, была даже неизвестна мадам Дюбуа. Можем мы узнать и о том, что мальчик был определен в школу с полным пансионом, у него была собственная кровать, которую он ни с кем не делил. Значит, мистер Аллан не экономил на пасынке — ведь в британской школе того времени совершенно обычной была «кровать на двоих». И если родители хотели сэкономить, то платили лишь за «полкровати». Можно узнать и о предметах, которые изучал будущий поэт: Священное Писание, география, правописание, история. Добавим сюда еще и французский язык, которому обучали мадам Дюбуа и ее брат Жорж — французы. Кстати, своей искушенностью во французском Э. По, скорее всего, был обязан франкофонным наставникам из Челси. Хотя, по воспоминаниям современников, произношение у него было скверным (а может быть, и это наветы недоброжелателей?), изъяснялся на этом языке он вполне свободно.

Как мы видим, в школе госпожи Дюбуа маленький Эдгар находился на полном пансионе. Но это не означало, что он был полностью оторван от семьи. Едва ли по будним дням он бывал в доме на Слоан-стрит, но то, что он имел возможность проводить в кругу семьи уик-энды, едва ли подлежит сомнению.

С упомянутой школой Эдгар По распрощался летом 1817 года. Точную дату сейчас установить невозможно, но очевидно, что еще в начале августа он находился в Челси. Среди бумаг Дж. Аллана есть письмо Жоржу Дюбуа, в котором он сообщает, что миссис Аллан отправляется на воды в Челтенхэм и «шлет свою любовь Эдгару». Тем не менее заведение мадам Дюбуа давало только начальное образование. В 1817 году будущему поэту сравнялось восемь лет, и приемным родителям пора было подумать о продолжении обучения для мальчика, но уже на более высоком уровне.

1817 год в британской экономике ознаменовался началом «депрессии», которая продолжалась несколько лет. Пострадала и торговля Дж. Аллана: цены на табак упали, резко сократились поступления, жить стало тяжелее. Несмотря на эти обстоятельства, с сентября Эдгар приступил к занятиям в новой школе — преподобного Джона Брэнсби.

Эта была школа иного типа. С некоторой натяжкой ее можно причислить к так называемым публичным школам: школа была

«мужской», здесь обучались мальчики постарше, и платить за нее приходилось куда больше, чем у мадам Дюбуа. В принципе Дж. Аллан мог не посылать пасынка в это дорогостоящее заведение, а выбрать что-нибудь попроще. Но он, несмотря на стесненные материальные обстоятельства, поступил именно так, а не иначе. Можно ли в таком случае упрекнуть этого человека в небрежении, в том, что его не заботило будущее приемыша? Вероятно, тогда он видел в мальчике наследника, да и записан в школу тот был как «мастер Аллан».

Школа располагалась за городом, в местечке Стоук-Ньюингтон (сейчас это часть Лондона), и называлась Мэнор-хаус-скул. В ней Эдгар По учился около трех лет — до самого отъезда обратно в Америку. Годы, проведенные в школьных стенах, оставили глубокий след в памяти писателя. Об этом можно судить по одной из известнейших его новелл — «Вильям Вильсон», что была написана двадцать лет спустя (в 1839 году).

> «Самые ранние воспоминания о моей школьной жизни связаны с большим домом елизаветинских времен, стоявшим в окутанной туманами английской деревне, где росло много гигантских корявых деревьев и где все дома были очень стары. Поистине это почтенное старое селение казалось приснившимся и весьма умиротворяло. Я и теперь как будто чувствую живительную прохладу его аллей, погруженных в глубокую тень, вдыхаю аромат бесчисленных кустов и который раз испытываю невыразимое наслаждение, заслышав гулкий звук церковного колокола, каждый час внезапно и ворчливо вторгавшегося в тишь сумерек, покоивших сон резной готической колокольни. <…> Обширная усадьба имела форму неправильного многоугольника. Три или четыре самых больших угла образовывали площадку для игр, гладкую, покрытую мелким и твердым гравием. Прекрасно помню, что там не было ни деревьев, ни скамеек, ни чего-либо подобного. Разумеется, она помещалась позади дома. Перед фасадом был разбит маленький цветник, усаженный буксом и другим кустарником, но в эту священную часть мы попадали уж в очень редких случаях — таких, как первое прибытие в школу, или окончательный отъезд оттуда, или, быть может, тогда, когда кто-нибудь из родителей или друзей приезжал за нами и мы радостно отправлялись домой на летние или рождественские каникулы.

> Дом был стар и неправильной формы. Всю усадьбу окружала высокая и крепкая кирпичная стена, сверху обмазанная известкой и утыканная битым стеклом. Эта стена, похожая на тюремную, очерчивала границы наших владений; все, что находилось по другую ее сторону, мы видели только три раза в неделю — один раз по субботам после полудня, когда в сопровождении двух надзирателей нам всем классом дозволялось в правильном строю совершать краткие прогулки по окрестным полям, — и дважды по воскресеньям, когда подобным же образом мы маршировали к заутрене и вечерне в единственную церковь деревни»[25].

Такой запомнил свою школу писатель. Трудно сказать, насколько точно его описание совпадало с реальностью — школа не «дожила» и до середины столетия. Викторианский Лондон, расширяясь, уничтожил ее, поглотив попутно и десятки окрестных деревушек. Она была снесена, как и другие, чтобы дать место новым районам британской столицы. Но вот церковь Святой Марии, о которой упоминает автор, сохранилась до наших дней.

И еще один важный факт. «В этой церкви, — писал Э. По в своей новелле, — глава нашей школы был пастором». Это соответствует действительности. Преподобный Джон Брэнсби был и пастором, и владельцем школы одновременно. И, видимо, писатель вполне искренне передает свои первые школьные впечатления, связанные с этим человеком, когда пишет:

> «Дивясь и недоумевая, смотрел я на него с галереи — велелепный, с благостно чинным видом, в торжественном облачении, ниспадавшем лоснящимися складками, в парике, столь тщательно напудренном, столь жестком и столь обширном, — он ли, совсем недавно, брюзгливо сморщенный, обсыпанный нюхательным табаком, вершил с ферулой в руке драконовы законы училища? О гигантский парадокс, слишком, слишком чудовищный, чтобы поддаваться разрешению!»

Правда, как вспоминали те, кто учился в школе, кто знал ее владельца лично, Брэнсби был совсем иным — ничего зловещего и фальшивого в нем не было. Напротив, это был человек добрый, веселого нрава. У него была большая семья, он любил хорошо поесть и выпить, больше всего чтил охоту, и «ученики знали: если утром отец Брэнсби чистит ружье, значит, весь день его не будет в

школе».

Г. Аллен свидетельствовал:

«Образование и степень магистра искусств отец Брэнсби получил в Кембридже. Его ученость, обширные и разнообразные познания, искренняя любовь к природе, сочетавшаяся с прекрасным знанием ботаники и садоводства, не могли не вызывать уважения у окружающих. В свободное от занятий в школе и охоты время он сочинял политические памфлеты, и дни, проведенные в Стоук-Ньюингтоне, считал чудеснейшей порой своей жизни. Питомцы его не чаяли в нем души»[26].

Да и «старым» в то время, когда будущий поэт учился в его школе, он не был: в 1817 году ему сравнялось тридцать три года. Тем не менее факт остается фактом: владельца школы в новелле «Вильям Вильсон» звали Джон Брэнсби, он был пастором, и герой новеллы его боялся. Видимо, в реальности сходные чувства испытывал и маленький «мастер Аллан», и эти давние эмоции реализовались в образе «преподобного доктора Брэнсби» в новелле. Впрочем, как справедливо замечал Э. По в своей истории, «у людей зрелого возраста от событий самых ранних лет очень редко остаются определенные впечатления, разве лишь неясная память о жалких радостях и фантасмагорических страданиях». Нечто «фантасмагорическое», видимо, и всплыло в памяти зрелого писателя, когда он рисовал образ преподобного доктора.

Говорят, Брэнсби был глубоко уязвлен тем, в каком свете его выставил писатель в рассказе. Но (и это красноречиво говорит о его человеческих качествах), когда его расспрашивали о давнем ученике, отвечал, что тот ему нравился: «Аллан был умен, хотя упрям и своеволен». И добавлял, что его баловали родители — «слишком много денег давали на карманные расходы».

Нам больше известно о внутренних интерьерах школы[27], нежели о тех дисциплинах, что там изучались. Тем не менее благодаря счетам, сохранившимся среди бумаг Джона Аллана, можно сделать вывод, что наряду с традиционными для английской школы правописанием, толкованием Священного Писания, латынью, математикой и историей Англии «мастер Аллан» продолжал изучать французский, учился музыке, ботанике, его также обучали танцам и рисованию. Если судить по тем же счетам, изрядные суммы в которых приходились на ремонт обуви и починку одежды — много времени воспитанники проводили на открытом воздухе, — в учебный распорядок входили и физические упражнения. Впрочем, как вспоминали те, кто тогда оказался рядом с нашим героем, тот был большим любителем и заводилой многих активных игр.

В отличие от заведения мадам Дюбуа, обучаясь в котором Эдгар имел возможность проводить дома не только каникулы, но и уик-энды, в школе доктора Брэнсби учеников отпускали домой исключительно на вакации: на пару недель к Рождеству, на неделю ранней весной и на длительные каникулы — на полтора месяца — в июле и августе. В одном из писем, датированном 31 августа 1816 года (Эдгар находился дома на каникулах), Дж. Аллан сообщал Ч. Эллису: «Нэнси весит 146 фунтов, Фрэнсис — 104, я сам имею 157 фунтов живого здорового веса, а Эдгар тонок, как бритва». Прозвучало это в контексте рассказа торговца о здоровье своих домашних. Его волновало состояние постоянно хворавшей супруги (и действительно, вес в 42 килограмма для взрослой, рослой женщины — почти на грани анорексии!). Что касается пасынка, то если в суждении торговца и сквозит ирония, она вполне добродушная. Он убежден: школьная жизнь тому на пользу. И если не задумываться о пресловутых «фантасмагорических страданиях», которые у мальчика, безусловно, были (не случайно много лет спустя свои школьные годы поэт охарактеризовал как «печальные, одинокие и несчастливые»), английская школа помогла ему окрепнуть физически.

Что еще, кроме физической закалки, вынес Эдгар По из английской школы? Герви Аллен утверждал, что за годы, проведенные в Англии, «он приобрел драгоценный запас ярких романтических впечатлений», а также «некоторое знание латыни, поверхностное (и испорченное плохим произношением) знакомство с французским, а также умение решать несложные арифметические задачи… <…> задолго до большинства своих американских сверстников юный По увидел зарю грядущего промышленного века: машины, приводимые в действие силой пара, и первые железные дороги. Кругозор его расширился, и наследственная болезнь американцев — провинциализм — ему уже не угрожала, а его английский язык был облагорожен длительным общением с уроженцами Альбиона».

Со всем этим нельзя не согласиться. Но важнее всего этого стало развившееся в Англии чувство собственного достоинства. Не то, что Г. Аллен назвал «вполне укоренившейся самоуверенностью и мальчишеской гордостью», но интуитивное пока еще осознание себя полноценной автономной личностью. Свою роль в этих процессах, конечно, играла школа. Но не стоит сбрасывать со счетов и поддержку семьи, а прежде всего — миссис Аллан и мисс Нэнси Валентайн, с которыми в эти английские годы будущий поэт особенно сблизился.

* * *

Свой последний учебный год в заведении «доктора Брэнсби» Эдгар По завершил досрочно: в конце мая — в самом начале июня 1820 года. И причиной тому стал стремительный отъезд семьи из Англии. Конечно, «стремительным» он мог показаться только Эдгару, которого «сорвали» с занятий, не дав доучиться месяц или полтора. В семье, видимо, знали (или предполагали — особенно в последний год), что возвращение неизбежно.

Как мы помним, Дж. Аллан, отправляясь с семьей в Британию, собирался обосноваться там надолго (если не навсегда). Он создал фирму («Аллан и Эллис»), открыл контору, нанял клерка, занялся торговыми операциями. Но то ли время было выбрано неверно, то ли бизнес в Англии делали по-другому — дела, что называется, «не шли». К тому же в 1819 году случился резкий обвал цен на виргинский табак. Хотя Аллан занимался не только табаком, но и хлопком, закупкой и продажей оружия, перевозками, табак все-таки был основным бизнесом. Ко всему прочему дела изрядно запутались — ему были должны, он был должен… Уже в ноябре 1819 года он писал своему компаньону в Ричмонд: «Имей, пожалуйста, в виду, что весь капитал, коим я на настоящий момент обладаю, составляет всего 100 фунтов стерлингов, и я полагаюсь только на тебя». Уже в письме от декабря того же года он сообщал Ч. Эллису, что принял решение вернуться в Штаты и только состояние здоровья жены (а также ее страх перед бушующим зимним морем) удерживает его от того, чтобы вернуться немедленно. Думается, не менее важной причиной было и отсутствие наличных — деньги ему обещал прислать (и прислал) Ч. Эллис.

Сложись дела Джона Аллана по-другому, преуспей он в Англии, кто знает, какой была бы судьба его пасынка. Скорее всего благополучнее. Он бы получил британское образование — учился в «публичной школе», затем окончил университет… Возможно, опекун усыновил бы его официально, со всеми вытекающими отсюда репутационными (и финансовыми) последствиями. Как все это отразилось бы на литературной составляющей его жизни, трудно представить, но то, что отразилось бы — несомненно. Впрочем, все это — сослагательное наклонение, и гадать по этому поводу бессмысленно. В среду, 14 июня 1820 года, одиннадцатилетний Эдгар Аллан По вместе со своими близкими ступил на палубу парусника «Марта». В тот же день корабль отдал швартовы и вышел из устья реки Мерси в открытое море. Так в Ливерпуле началась и там же закончилась британская страница в жизни будущего поэта. Никогда больше он

уже не покидал пределов своей родины — Соединенных Штатов Америки.

Снова Ричмонд. 1820–1826

Морское путешествие продлилось тридцать шесть дней, и уже 21 июля корабль прибыл в гавань Нью-Йорка. В отличие от дороги «туда» путь «обратно» прошел, видимо, без особенных эксцессов вроде ночевок на полу, недостаточного питания, пренебрежения со стороны капитана и т. п. Во всяком случае, в письме, отправленном компаньону по прибытии в Нью-Йорк, ни о чем подобном мистер Аллан не упоминает. Тем не менее немедленно продолжить путешествие в Ричмонд семья не смогла: дамы тяжело пережили этот морской вояж, и, чтобы двинуться дальше, необходимо было поднакопить сил. Неделю спустя, все еще из Нью-Йорка, торговец писал Эллису:

«Намеревался уехать сегодня, но вчера миссис Аллан было так худо, что пришлось вызывать для нее врача. Сегодня она уверяет, что ей лучше, и я планирую отправиться завтра на пароходе. Он идет в Норфолк».

В Ричмонд Алланы прибыли 2 августа. Начался второй ричмондский период в жизни Эдгара По. Временные границы — всего лишь пять с половиной лет: с июля 1820-го по февраль 1826 года. Но они стали важнейшим этапом в жизни и судьбе поэта. Можно сказать, он стал переломным: ребенок превратился в подростка, а затем в юношу, испытал первое любовное чувство, начал писать стихи. Это было время высочайшего счастья и глубочайшей печали — эмоций, так много значивших в творчестве Эдгара По.

По возвращении в Ричмонд Алланы не смогли вернуться в свой прежний дом — тот был сдан в долгосрочную аренду. Разорвать договор торговец не мог, это сулило серьезные потери, а финансовое положение семьи на тот момент можно определить одним словом: катастрофическое. В эти дни мистер Аллан всерьез думал оставить бизнес и заняться фермерством, о чем не раз заявлял своему партнеру и даже просил того посодействовать, подыскав приличное хозяйство из числа тех, что сдаются в аренду. Но идея эта не нашла сочувствия у Ч. Эллиса. Он настаивал, чтобы Аллан не выходил из дела, и уверял, что все наладится, со временем удастся разобраться с долгами и вернуть потери. Видимо, ему удалось внушить некоторый оптимизм своему партнеру, тем более что со стороны Ч. Эллиса то были не просто слова: чтобы Аллану было легче «возродиться», он, не требуя платы, поселил семью у себя. Здесь, по адресу «Ричмонд, угол улиц Франклин и Второй», Алланы провели первый после возвращения из Англии год — в материальном смысле, видимо,

наиболее тяжелый для семьи.

Это был большой, просторный дом: двухэтажный, деревянный, опоясанный широкими открытыми террасами, с двускатной крышей. Он стоял в саду, в окружении деревьев.

В тот год Нед (так обычно Эдгара звали в семье) проводил здесь много времени: играл один или с товарищем — Томасом Эллисом, сыном владельца. Томас оставил воспоминания, и, судя по ним, мальчики подружились и весь год были почти неразлучны. Со слов приятеля ясно, что неизменным и безоговорочным лидером в их забавах всегда оставался будущий поэт. И дело не в том, что Томас был моложе, — Нед обладал явными качествами лидера: кипел энергией, был неистощим на выдумки. Младший Эллис вспоминал:

«Никто из мальчишек — моих приятелей не влиял на меня так сильно, как он. Он всегда был заводилой… <…> научил меня стрелять, плавать, кататься на коньках, играть в хоккей на траве, а однажды даже спас, когда я стал тонуть…»

Как видим, в этих словах звучит искренняя признательность. Но было и другое: оказывается, «тонуть» младший Эллис стал потому, что Эдгар «умышленно столкнул его в воду», чтобы тот научился плавать, а бросился спасать тогда, когда увидел, что «это необходимо сделать, а то будет слишком поздно». В словах Эллиса сквозит и явная обида на то, что за все их многочисленные проделки обычно доставалось ему, а не Эдгару: «Мое восхищение им не знало границ, но следствием этого было то, что он толкал меня на совершение многих таких поступков, за которые меня наказывали».

«Единственный раз мистер Аллан устроил ему порку, — вспоминал друг детства, — когда по инициативе Эдгара мы отправились в загородный лес. Это было в субботу, с раннего утра. Мы охотились, стреляли птиц и пробыли там до наступления ночи. Никто из домашних не знал, куда мы пропали».

Кстати, «лес» этот был частным владением. Следовательно, и «птицы», которых стреляли мальчики, тоже имели владельца. По сути, то, чем они занимались, называется браконьерством. Скорее всего за это и наказали Эдгара. К собственности в Америке отношение всегда было серьезным.

Люди, недоброжелательные к поэту (а таких имелось немало — не только в годы, когда он был жив, но и много позднее, в том числе и среди наших современников), примут приведенное свидетельство за красноречивое: вот, даже в детские годы По не отличался моральной чистоплотностью, уже тогда его терзал пресловутый «бес противоречия». Думается, вывод этот

необъективен: кто из нас не совершал в детстве поступков странных, подчас необъяснимых и не всегда благовидных? Куда обоснованнее другое заключение: за многочисленные проделки мальчугана особо не наказывали. Ни о каких постоянных — даже спорадических — «репрессиях» в детские годы не могло идти и речи. Их просто не было. Можно, конечно, предположить, что приемная мать и тетушка Нэнси «покрывали» своего любимца, спасая его от гнева отчима. Но был ли он, этот гнев? Скорее всего мистер Аллан был довольно далек от повседневной жизни семьи, ее каждодневных маленьких радостей и досадных огорчений. А история с поркой явно из числа эксцессов. Нед увлекся, «преступил границы», по стечению обстоятельств досадно вовлек в свой мальчишеский мир человека, существовавшего явно на его периферии.

Интересно, что, по воспоминаниям не только Томаса Эллиса, но и других приятелей по детским играм (Джона Престона, Роберта Салли, Джека Маккензи, Роберта Стэнарда), молодой Эдгар По обладал явными лидерскими качествами, был физически очень развит, ловок, смел, вынослив и крепок. Довольно неожиданно узнать такое о поэте, который уже в тридцатилетнем возрасте воспринимался современниками как «развалина» — человек явно больной, даже немощный, отягощенный недугами. Странно? Но на поверку все оказывается вполне объяснимым. Об этом мы еще скажем, но несколько позже.

А подросток Эдгар действительно был полон жизненных сил и энергии. Вот, кстати, и пример. Летом 1823 года четырнадцатилетний Эдгар на глазах у приятелей устроил заплыв на реке Джеймс и проплыл вверх (!) по течению шесть миль[28]. Вероятно, это было сделано на пари. Мы не знаем, каких сил это ему стоило, но он сделал это! Весьма красноречиво, что и говорить.

Мы упомянули приятелей молодого По: Джона Престона, Роберта Салли и Роберта Стэнарда. Знаменитый заплыв, вероятно, происходил на их глазах. Неизвестно, принимал ли участие в этом мероприятии Томас Эллис. Скорее всего нет. Он был моложе По, и с ним связаны в основном события, относящиеся к первому году жизни будущего поэта в Ричмонде после возвращения из Англии. А Престон и другие — его товарищи по школе, с ними его сблизила совместная учеба.

Эдгара По определили в школу вскоре по возвращении в Виргинию. Можно предположить, что уже в сентябре 1820-го он сидел за новой партой. Судя по всему, место учебы для пасынка выбрали, исходя главным образом из близости учебного заведения к дому. Но школа обладала хорошей репутацией,

функционировала не первый год (с 1818-го), и в ней учились дети людей уважаемых и состоятельных, что для мистера Аллана, человека весьма щепетильного в этих вопросах, было немаловажно. Управлял школой Джозеф Г. Кларк, выпускник знаменитого Тринити-колледжа в Дублине. Впрочем, сие не означало, что учеников в ее стенах наделяли какими-то особыми знаниями. Отнюдь. Школа была вполне обычной для того времени, то есть «классической», предпочтение отдавалось изучению «мертвой классики»: текстов античных (в основном римских, в меньшей степени — греческих) авторов, латыни и греческого. Изучали, правда, еще и родной язык, математику, историю (главным образом древнюю), «натуральную философию» (природоведение) и иностранный язык — все тот же французский.

Впрочем, одно — и существенное — отличие имелось: говорят, мистер Кларк был из числа тех американских педагогов, что уже тогда пытались преподавать родной язык в живой, разговорной форме. В связи с этим большое место в своей программе он отводил знакомству с английской литературой. Конечно, его ученики изучали тексты не своих современников, а классиков, таких как Б. Джонсон, А. Поуп, Дж. Мильтон, Дж. Аддисон и других. И это не могло пройти для нашего героя бесследно. Основы обширной (прежде всего литературной) образованности поэта, безусловно, следует искать в школьных уроках по родной словесности. Можно согласиться и с Г. Алленом, утверждавшим, что «занятия литературой ускорили расцвет очень рано проявившегося поэтического таланта Эдгара По».

Юджин Дидье, составляя биографию поэта в середине 1870-х годов[29], общался с мистером Кларком, и тот сообщил ему следующее:

«В сентябре 1818-го г-н Джон Аллан, преуспевающий шотландский торговец, обитавший в Ричмонде, привел ко мне в школу маленького мальчика лет восьми или девяти. „Это мой приемный сын, Эдгар По, — сказал Аллан. — Его родители погибли в пожаре, когда сгорел театр. Мальчик недавно вернулся из Шотландии, где прожил два года. Там он изучал английский и латынь. Хочу определить его к вам на учебу“. Я спросил Эдгара, что он учил из латыни. Он отвечал, что изучал грамматику и вполне освоил правильные глаголы. <…> Эдгар По пробыл в моей школе пять лет. За это время он читал Овидия, Юлия Цезаря, Вергилия, Цицерона и Горация на латыни, Ксенофонта и Гомера на греческом. Ему явно больше нравилась классическая поэзия, нежели классическая проза. Он не любил математику, но в поэтической композиции равных ему в школе не было. В то

время как другие мальчики версифицировали вполне механически, он писал чудесные стихи: он был прирожденный поэт».

Можно заметить, что слова давнего наставника поэта, скажем так, не совсем соответствуют действительности. Его явно подвела память, когда он утверждал, что По обучался у него с сентября 1818 года: в ричмондскую школу поэт не мог поступить раньше сентября 1820-го. Следовательно, и проучился у него не пять, как утверждал педагог, а только три года (из пяти, проведенных в американской школе). Впрочем, на момент рассказа Дж. Кларку уже исполнилось восемьдесят шесть лет, поэтому некоторые аберрации вполне объяснимы. Скорее всего и его высказывание «он был прирожденный поэт» — экстраполяция посмертной известности ученика. Но то, что уже в школе Кларка По начал сочинять стихи, видимо, все-таки правда. Дополнительным доказательством тому другое свидетельство — школьного приятеля поэта, Джона Престона, утверждавшего, что По-подросток не раз ему «читал свои стихотворения и испрашивал мнение по этому поводу». Едва ли апокрифом в этом контексте звучит бытующая среди биографов информация, восходящая к тому же мистеру Кларку: «…г-н Аллан однажды пришел ко мне с ворохом поэтических рукописей и сказал, что они принадлежат Эдгару. Он сообщил, что молодой человек хочет их опубликовать. Он спрашивал моего совета по этому поводу… Я помню, что это были главным образом небольшие стихотворения, адресованные разным ричмондским девушкам, что время от времени будоражили его юное воображение… Я ответил, что Эдгар — натура увлекающаяся, наделенная к тому же изрядным самомнением, и ему пойдет только во вред, если в его годы о нем начнут толковать как об авторе уже опубликованной книги».

Ю. Дидье отважно утверждал, что часть из этих стихотворений позднее была опубликована поэтом в его первом сборнике «„Тамерлан“ и другие стихотворения», а также что среди них был и первый шедевр молодого поэта — стихотворение «К Елене». Не беремся опровергать или подтверждать это: у нас (да и у любого другого) нет (и не может быть) для того достаточных оснований — рукописи не сохранились. Впрочем, что касается стихотворения «К Елене», то здесь понятно, что биограф явно ошибся: общеизвестный факт — впервые оно было опубликовано только в 1831 году.

В любом случае понятно: если приведенный фрагмент из воспоминаний учителя не досадный сбой памяти пожилого человека, то речь могла идти только о том, чтобы мистер Аллан издал сборник пасынка за свой счет. Вполне возможно, у него и

было такое намерение. Едва ли Эдгар сам явился к отчиму с подобным предложением. Возможно, он даже не знал об этой инициативе. Скорее всего идея принадлежала женской половине семьи — Фрэнсис Аллан и тетушке Нэнси, которые явно были (конечно, если слова пожилого учителя — правда) в курсе поэтических успехов своего любимца.

Но если среди домашних По-подросток слыл способным версификатором, то для своих товарищей он был прежде всего успешным учеником (Престон отмечал: «Как ученик По особенно преуспевал в латыни и во французском») и прекрасным спортсменом («По был самым быстрым бегуном, лучшим боксером и самым отважным пловцом в школе мистера Кларка»). Впрочем, как утверждал другой биограф поэта, Дж. Ингрэм, и в среде одноклассников поэтический дар По не был секретом. В своей книге он привел несколько их свидетельств по этому поводу[30]. Но поскольку свидетельства эти он собирал в начале 1870-х, когда репутация По-поэта уже давно была бесспорна, трудно поручиться, что их воспоминания реальны, а не являются, как и в случае с Дж. Кларком, экстраполяцией посмертной славы их гениального товарища.

В апреле 1823 года Кларка на посту руководителя школы сменил некий Уильям Берк. О нем мало известно, да и он сам не оставил никаких воспоминаний о своем питомце. Новациями мистер Берк тоже не прославился — никаких изменений в школе не произошло. В тех же стенах Эдгар По продолжал учебу по крайней мере до весны 1825 года — до тех пор, пока Аллан не принял решение, что пасынок должен продолжать образование в университете.

Многочисленные биографы поэта не слишком задумываются о побудительных мотивах, заставивших отчима принять это решение. Причина очевидна: все они *a priori* настроены против мистера Аллана, а отправка пасынка в университет, казалось бы, противоречит общепринятой концепции о том, что он всегда негативно относился к приемному члену своей семьи. Более того, хорошо известно, что в 1824 году между отчимом и Эдгаром По произошла первая серьезная размолвка, а решение было принято уже после инцидента.

Можно строить версии: поддался на уговоры супруги, стремился удалить пасынка из своего дома и т. д. Но на самом деле никакой тайны здесь нет. Причина, конечно, не в пасынке и не в миссис Аллан, а исключительно в самом торговце. Виргинский университет открылся в 1825 году. Отправлять туда отпрысков стало модным поветрием в среде местных богатеев и земельной аристократии. Это был своеобразный «знак качества»,

некий символ приобщенности к особой касте. Унаследовав огромное состояние от своего дядюшки, умершего весной 1825 года, мистер Аллан фактически превратился в одного из самых имущих граждан штата, а отправив учиться «приемыша» в Виргинский университет, совершил поступок, приобщавший его к этой касте. Это был прежде всего жест, и он не мог длиться долго.

Впрочем, мы несколько забежали вперед. В 1823 году, в котором мы ненадолго оставили нашего героя, до университета ему оставалось еще два с лишним года, и ни о чем подобном ни мистер Аллан, ни его жена, ни тем более будущий поэт тогда, конечно, и не помышляли.

Первые четыре года после возвращения в Ричмонд с финансовой точки зрения для семьи Аллан были весьма непростыми. Торговцу никак не удавалось наладить дела, рассчитаться с долгами, вернуть фирму на тот уровень, что она занимала в «до-английский» период. Косвенно подтверждают это школьные счета: обучение Эдгара все эти четыре года (в течение трех лет «профессору» Кларку, а затем год с небольшим мистеру Берку) Аллан оплачивал небольшими частями, рассчитываясь не за год или полугодие, как прежде в Англии, а раз в три месяца. Это были относительно небольшие суммы (во всяком случае, гораздо меньше тех, что вносились за обучение пасынка в английской школе) — 12, 14, 17 долларов. И потому сам факт особенно красноречив. Менялись и адреса. Прожив несколько месяцев у Эллисов, в конце года Алланы наконец сняли собственный дом. Хотя город в то время был совсем невелик, дом располагался ближе к окраине и район не считался респектабельным. Да и само здание имело всего лишь один этаж. «Это был длинный невысокий коттедж, — сообщает А. Х. Квин, — на Пятой авеню, между Маршалл-стрит и Клей-стрит, к северо-востоку от Капитолия». Здесь семья прожила довольно долго, но затем были и другие адреса — один или два, — до тех пор пока Алланы не обзавелись собственным жильем весной 1825 года[31].

Отражались ли эти обстоятельства на существовании нашего героя? Напрямую, видимо, нет. Финансовые сложности, безусловно, огорчали супругов, но не Эдгара, во всяком случае, куском хлеба его, конечно, никто не попрекал. Да и не ощущал он их, этих сложностей. Не только в силу возраста (подростки эгоцентричны), но и потому, что жил напряженной внутренней жизнью, в которой много места стала занимать поэзия.

Герви Аллен, автор единственной доступной широкому русскоязычному читателю биографии американского поэта[32], пишет в своей книге:

«Овладение искусством стихосложения требует длительного и упорного труда, и приниматься за него любой поэт, желающий чего-то достичь в своем ремесле, должен как можно раньше. В противном случае к тому времени, когда он вполне познает все секреты поэтического мастерства, он будет уже слишком стар, чтобы творить. И Эдгар По, подобно Китсу и Шелли, начал писать очень рано».

Здесь всё — правда и не совсем правда. Несомненно, что По начал писать рано — примерно в тринадцать-четырнадцать лет[33]. Но в то же время утверждать, что он стал рано сочинять сознательно, поскольку «желал чего-то достичь в своем ремесле», прежде чем наступит старость, конечно, нелепо.

Говоря о первых опытах поэта, тот же Г. Аллен утверждал:

«Это были не обычные рифмованные пустячки, какие все сентиментальные молодые люди в определенный период жизни приносят порою к стопам своих первых возлюбленных, но целая „книга“ стихов, в которой не была обойдена вниманием ни одна хорошенькая девушка в городе».

И с этим суждением биографа трудно согласиться. Конечно, ни о какой «целой „книге“ стихов», скрепленных некой общей идеей, композицией, лирическим героем и прочим (ведь именно это подразумевается, когда мы говорим о «книге стихов»), не может идти и речи. Напротив, первые поэтические опыты По скорее можно числить по ведомству «рифмованных пустячков», нежели видеть в них некое единство. Другое дело, что какие-то из них — вполне возможно — позднее перерабатывались поэтом, улучшались, совершенствовались. Ведь Э. По (это хорошо известно) постоянно возвращался к своим поэтическим текстам — до тех пор, пока результат не удовлетворял его.

А вот что касается адресатов первых поэтических опытов, то здесь, вероятнее всего, Г. Аллен прав. Конечно, не тогда, когда утверждает, что поэт не обошел «вниманием ни одну хорошенькую девушку в городе», а когда, уточняя этот круг, указывает: «Большая их часть была адресована очаровательным питомицам благородного пансиона, который содержала мисс Джейн Маккензи, сестра миссис Маккензи, в чьей семье воспитывалась Розали. Между Эдгаром и прекрасными пленницами, томившимися в заточении за стенами заведения мисс Маккензи, завязалась тайная переписка. Вместе с записками Эдгар часто посылал сласти и поэтические сочинения. Он имел обыкновение делать карандашные наброски приглянувшихся ему девиц и прикреплять к портретам полученные в награду за преданность локоны. Маленькая Розали, которая была в ту пору „чудным ласковым ребенком с синими глазами и розовыми

щечками“, верно служила им вестницей любви до тех пор, пока негодующая мисс Джейн и вооруженная шлепанцем миссис Маккензи самым грубым образом не положили конец ее романтическим хлопотам».

Трудно ручаться за «сласти», а тем более за «шлепанец миссис Маккензи», но то, что юный поэт был знаком со многими подружками своей сестры и некоторым, вероятно, симпатизировал, — не подлежит сомнению. Общеизвестно также, что По неплохо рисовал, и «портреты» (как и «локоны») вполне могли быть. Бесспорно и то, что во второй ричмондский период Эдгар был очень близок и дружен с сестрой, воспитывавшейся в семье Маккензи. А уж то, что она была глубоко привязана к брату, — безусловно.

Биограф преобразил Розали, представив ее «чудным ласковым ребенком». Ей было уже тринадцать лет (на Юге девушки расцветают рано), и физически она соответствовала своему возрасту. Но душой и поведением оставалась ребенком.

Неясно, понимал ли молодой поэт, что сестра ведет себя не совсем обычно? Видел ли он в ее обезоруживающей откровенности, полной открытости, в поразительной наивности, в безграничном обожании (а она действительно именно «обожала» брата — в этом единодушны все, кто наблюдал их в детстве) — отклонения в поведении, девиантность развития? Опытный диагност наверняка уже тогда обнаружил бы симптоматику душевной болезни, навсегда оставившей эту девочку (девушку, женщину, а затем и старушку) в радостном мире детства — легком на восторг, смех и слезы, среди кукол, фантиков и рюшечек[34]. Но, очевидно, не только брат, а скорее всего и никто из окружающих (включая приемных родителей) тогда еще не замечал в слишком детском, скажем так — чрезмерно непосредственном, поведении формировавшейся девушки признаки душевного недуга. Да и не было тогда специалистов подобного рода.

События отделены от нас изрядной временной дистанцией, и все подробности неизвестны, но можно предположить, что Розали страдала некой разновидностью аутизма, принявшей форму психической инфантильности. Как считает современная наука, истоки заболевания заключены в наследственности, в генетике. И хотя генетическое заболевание, конечно, не лечится, но некоторая социальная коррекция является возможной. Но кто тогда знал об этом? А тем более владел ее методикой? Так, Розали физически взрослела, но душа ее оставалась в детстве.

Какие-то генетические «девиации», видимо, имелись и у Эдгара По (не забудем: с Розали они — брат и сестра; неясно,

правда, по отцу и матери или только по матери), но на тот момент его девиантность проявлялась не в отставании душевного от физического, а, напротив, в интенсивном развитии и того и другого. Очевидно, что и физически, и духовно По явно опережал своих сверстников. В отличие от большинства из них в свои тринадцать-четырнадцать лет он из подростка уже превратился в юношу. И поэтическая составляющая его жизни во многом стала следствием этого. Уже в таком юном возрасте Э. По был способен влюбляться. Влюбленности порождали глубокие переживания, которые преображались в поэтические строки.

Но какие бы страсти в сознании юноши ни будили образы юных приятельниц сестры — чувства эти были мимолетны и преходящи. Первая настоящая любовь пришла к нему в образе зрелой женщины, матери его школьного приятеля Роберта Стэнарда — Джейн Крейг Стэнард. В истоках одного из известнейших стихотворений поэта «К Елене» — лежит это чувство:

Елена, красота твоя.
Как челн никейский, легкокрыла,
К морям благоуханным я
Плыву в отцовские края!
Ты древность для меня открыла.
Твои античные черты
С игривой прелестью наяды
Для нас классически чисты:
К величью Рима и Эллады
Скитальца возвращаешь ты.
Тебя я вижу в блеске окон
С лампадой в мраморной руке,
И гиацинтовый твой локон
Созвучен певческой тоске
О райском далеке[35].

Хотя приведенный текст (конечно, перевод дает лишь примерное представление об оригинале[36]) датирован 1831 годом, но первый вариант стихотворения (это широко известно) относится примерно к 1825–1826 годам. А рождение первых строк, скорее всего, восходит к первой встрече юного поэта с миссис Стэнард.

Много лет спустя Э. По послал это стихотворение своей тогдашней возлюбленной миссис С. Уитмен и написал следующее: «Эти строки я написал в мятежном детстве, обращаясь к первой идеальной любви моей души, о которой я

рассказывал вам, — к Елене Стэннард (так в оригинале — с двумя „н“. — *А. Т.),* опалившей мою память». Поэт исказил имя своей героини. Едва ли он забыл настоящее (хотя, конечно, кто знает? — ведь речь о таком причудливом «механизме», как память поэта), но Елена — он признавался в этом неоднократно — его любимое женское имя и поэтому мог поступить так умышленно.

Миссис Уитмен, которая оказалась второй Еленой (ей в 1848 году По посвятил другое стихотворение, но с таким же названием: «К Елене»), конечно, было интересно узнать о той, «первой» Елене. Она расспрашивала его и, со слов поэта, утверждала, что он видел ее лишь однажды, а всего через несколько недель она умерла. Теща По, миссис Клемм, свидетельствовала иное:

«Ошибаются те, кто говорил, что он встречался с нею только однажды. Он навещал ее дом и встречался с нею в течение нескольких лет, а когда она была уже больна, виделся однажды. Роберт (сын Джейн Стэнард, товарищ По. — *А. Т.)* говорил мне, что они вместе с Эдди много раз приходили на ее могилу».

Кто говорил неправду? Думается, что свидетельство тещи все-таки ближе к истине. А «вторую Елену» поэт вполне мог и обмануть (сознательно или бессознательно — не так уж и важно): ведь это так романтично — увидеть один раз и полюбить на всю жизнь…

Миссис Стэнард была женщиной удивительной красоты. Об этом свидетельствует сохранившийся портрет, говорят все, кто видел ее и знал. Красота ее была совершенной, классической: правильные черты, изумительная чистота и белизна лица, рук, удивительная верность пропорций и плавность линий делали ее похожей на ожившую античную статую, неведомой волшебной силой перенесенную из эпохи Гомера в американскую провинциальную современность («красота твоя… древность для меня открыла… твои античные черты… классически чисты… к величью Рима и Эллады… возвращаешь ты»). В глазах молодого поэта она стала воплощением высочайших представлений о женской красоте. Отсюда и имя, которым он наделил ее, — Елена — та самая красавица, что у Гомера стала причиной Троянской войны.

«Так случилось, так совпало», что и встретил он ее на очень непростом этапе своей жизни — из подростка он превращался в юношу. Потребность в любви в пубертатный период — естественна. Материнской любви, которую он получал от миссис Аллан (а это была именно «материнская любовь» — искренняя и самоотверженная), оказывалось, конечно, недостаточно. К тому

же нараставшие проблемы со здоровьем последней (она часто болела), безусловно, отдаляли их друг от друга. Мимолетные влюбленности поэта в приятельниц сестры, конечно, тоже результат этой потребности. Первая и, видимо, случайная встреча с миссис Стэнард породила (по крайней мере со стороны По) глубокую влюбленность, которая не только восполняла вынужденное отдаление от самого близкого человека, но была и следствием рано развившейся сексуальности.

Известный современный английский прозаик Питер Акройд, опубликовавший недавно биографию поэта, писал:

«Роберт Стэнард пригласил По к себе домой, где тот встретил Джейн Стэнард, тридцатилетнюю мать Роберта, которая взяла его за руку и, произнеся несколько приветливых слов, пригласила мальчика. Тот был сражен и к себе вернулся, грезя на ходу. Вероятно, ему показалось, что ожила его собственная мать»[37].

То, что он «был сражен и к себе вернулся, грезя на ходу», хорошо известно и многократно подтверждено самим поэтом. Но едва ли такие ассоциации («ожила его собственная мать») могли возникнуть у юноши, мать свою почти не знавшего и не помнившего. А вот то, что она «брала за руку» и вообще проявила к нему внимание, несвойственное женщине ее статуса и круга, — напротив, очень важно. И, думается, причина вспыхнувшей влюбленности заключалась именно в этом: в необъяснимой для юноши ласке и внимании, с которыми приняла его эта женщина. Как много до того и потом он встречал матерей своих приятелей, приходил к ним в дом, знакомился, но никто не относился к нему так, как миссис Стэнард. И вот здесь необходимо обратить внимание на важное обстоятельство: менее чем через год после той встречи молодая женщина сошла с ума и вскоре умерла. Понятно, что душевное заболевание не случилось внезапно, а развивалось постепенно. И отклонения, видимо, были, но кто из домашних мог их заметить? А ведь люди с психическими отклонениями, как известно, более эмоционально доступны. И вот эту «эмоциональную открытость» человека уже душевнобольного поэт мог принять как некий знак, адресованный ему лично, и… влюбился. В таком возрасте, когда само естество жаждет любви, нужно так мало, чтобы влюбиться. А Джейн Стэнард ему дала так много, что он не мог не поддаться чувству. Да и влюбиться в женщину много старше себя — это так естественно для любого юноши: легко обмануться, когда «обманываться рад»!

Впервые они увиделись и познакомились в 1823 году. Сколько было встреч — неизвестно. Скорее всего, не много — болезнь миссис Стэнард, ставшая явной уже в 1824 году, прервала

их. Но вполне возможно, что была среди них и та, когда она в сумерках провожала его и юный поэт действительно видел свою богиню «в блеске окон, с лампадой в мраморной руке» и ее «гиацинтовый локон» был «созвучен певческой тоске». А может быть, в реальности и не было ничего этого. Но много лет спустя всплыло в поэтическом сознании.

Ее внезапная и безвременная смерть, конечно же, глубоко потрясла юношу. Несомненно, в его воображении любовь была взаимна, причудлива и удивительна. Были планы, были мечты. Они роились в его сознании — одни других волшебнее. Они должны были исчезнуть сами собой — с естественным течением жизни, как исчезают все юношеские грезы. Но этого исцеляющего «естественного течения» судьба не подарила молодому поэту: неожиданная кончина «прекрасной Елены» безжалостно разрушила их. И это глубоко ранило душу, оставив неизгладимый след. Можно строить разные предположения, но совершенно ясно, что доминирующий мотив поэзии (да и прозы) Эдгара По — безвременная смерть прекрасной юной возлюбленной — одним из своих источников (потому что были и другие) имеет смерть миссис Джейн Стэнард в 1824 году.

Но, сколь бы рано ни пробудились музы любви и поэзии в сердце молодого человека, конечно, не только стихами и любовью было наполнено его существование в эти годы. Мы уже отмечали успехи По в учебе, его спортивные достижения. Он любил охоту, общался со сверстниками и товарищами по школе. Биографы отмечают его активное участие в деятельности ученического любительского театра. Ни в коем случае он не был отлучен от повседневной жизни и событий, происходивших в городе. И не только естественным образом был вовлечен в них, но являлся инициатором многих.

Прежде (в связи с дедушкой поэта) мы упоминали о турне по США, предпринятом в 1823–1824 годах героем американской и французской революций, генералом (американским и французским), маркизом де Лафайетом. Путешествие это было большим и длительным: маркиз посетил десятки городов, в том числе и Ричмонд. Везде его встречали как героя, устраивали пышные церемонии и празднества. Естественно, не хотели ударить лицом в грязь и ричмондцы.

Надо сказать, Виргиния (а следовательно, и Ричмонд) много значила в судьбе американской революции и воинской славе самого полководца[38]. Естественно, жители Ричмонда готовили торжественную встречу последнему из еще живущих ее генералов. В числе мероприятий, которыми собирались отметить визит героя, предполагался и эскорт, составленный из числа юных

отпрысков уважаемых семейств Ричмонда. В связи с этим было сформировано специальное подразделение — рота почетного караула под названием «Юные добровольцы Ричмонда». Она должна была сопровождать процессию и промаршировать перед генералом. «Добровольцев» соответствующим образом экипировали, измыслив специальную форму, наиболее живописными элементами которой были отделанная бахромой — «трапперская» — рубаха и украшенная пером шляпа.

Большинство «юных добровольцев» составляли ученики школы Берка, что естественно, поскольку именно в ней и учились дети самых состоятельных горожан. Понятно, что своих собственных командиров дети должны были избрать сами[39]. И вот что интересно: Эдгар По был избран лейтенантом роты, то есть старшим офицером — вторым по старшинству, уступив должность командира некоему Джону Лайелу, которого избрали капитаном. Видимо, в мальчишеской среде он был еще более популярен, нежели наш герой. Но и второй результат — свидетельство, что По знали и весьма уважали соученики.

Сохранился интересный документ — обращение командиров роты «добровольцев» (Дж. Лайела и Э. По) к губернатору с просьбой сохранить выданное им боевое оружие:

> «Джон Лайел (капитан), Эдгар По (лейтенант) губернатору.
>
> По горячему желанию всех „Юных добровольцев Ричмонда“ мы обращаемся к Вам с просьбой дать разрешение оставить в расположении подразделения оружие, которое недавно было нами получено из арсенала. Мы облечены правом заявить, что каждый из нас клянется должным образом заботиться о нем. Мы, со своей стороны, обещаем, что оно будет самым строгим образом и надлежаще храниться в расположении роты».

Письмо датировано 24 ноября 1824 года. Как можно понять по дате и по смыслу, написано оно уже после отъезда знаменитого воителя. Неизвестна реакция губернатора на письмо, подписанное пятнадцатилетними «офицерами». Неизвестно и то, какое место в жизни нашего героя вообще занимала тогда эта самая «рота добровольцев». Возможно, то был всего лишь эпизод, не имевший последствий и связанный только с визитом маркиза-революционера. Но, даже если это был только эпизод, он вполне красноречиво свидетельствует, что среди товарищей по школе у Э. По был авторитет, и, как видим, авторитет немалый.

Таким образом, очевидно, что жизнь вне семьи — жизнь социальная — складывалась для Эдгара По вполне благополучно.

По крайней мере, все внешние признаки этого были налицо: успешная учеба, занятия спортом, масса друзей и приятелей, безусловный и очевидный авторитет среди них.

Куда сложнее с жизнью внутренней — неявной, скрытой от досужих глаз.

Вот здесь, видимо, было всё не так просто. И дело даже не только в том, что существование юного По в эти годы было уже наполнено поэзией и хотя бы этим разительно отличалось от беспечного существования сверстников. Было и другое. Прежде всего, этот период — 1823–1824 годы — знаменует осложнение отношений с отчимом. Свидетельств тому много. Есть среди них косвенные (например, свидетельства биографов, опиравшихся на суждения современников). Есть и прямые. Среди них — письмо Джона Аллана Генри Л. По, брату Эдгара. Вот оно:

> «Ричмонд, ноябрь 1824 года.
>
> Дорогой Генри!
>
> Я только что увидел твое письмо Эдгару от 25-го числа прошлого месяца и был весьма огорчен тем, что он до сих пор не написал тебе. Все это время заниматься ему было почти нечем — для меня он ничего не делает и выглядит, по мнению всей семьи, уныло, хмуро и злобно. Чем мы заслужили все это, выше моего понимания, как, впрочем, и то, почему столь долго я мирился с подобным поведением. Мальчик не выказывает ни единой искры привязанности к кому-либо из нас, ни малейшей благодарности за всю мою доброту и заботу по отношению к нему. А ведь я дал ему образование, намного превосходящее мое собственное. Если Розали придется в какой бы то ни было мере полагаться на его привязанность — пусть Господь не обойдет ее своим милосердием. Я опасаюсь, что его товарищи внушили ему образ мыслей и действий, совершенно противоположный тому, какого он придерживался в Англии. С гордостью за тебя я осознаю всю разницу между твоими нравственными принципами и его, что и побуждает меня столь дорожить твоим уважением. Если бы перед Господом нашим исполнял я свой долг столь же ревностно, как выполнял перед Эдгаром, то Смерть, когда бы она ни явилась, не устрашила бы меня. Однако пора заканчивать, и я всей душой желаю, чтобы Всевышний не оставил его и тебя своим благословением, чтобы успех венчал все ваши начинания и чтобы ваша несчастная сестра Розали не претерпела от вас ни горя,

ни обид.

В конце концов, по крайней мере наполовину она ваша сестра, и боже нас упаси, дорогой Генри, взыскивать с живых за грехи мертвых. Можешь быть уверен, дорогой Генри, что все мы принимаем самое искреннее участие в твоей судьбе и наша общая Молитва, обращенная к Владыке Небесному, благословит и защитит тебя. Уповай на него, мой храбрый и добрый мальчик, милость его не знает пределов. Да убережет он тебя от всех опасностей и хранит всегда — такова молитва, которую возносит твой Друг и Слуга,

Джон Аллан».

Как видим, нарисованный торговцем портрет пятнадцатилетнего пасынка весьма нелицеприятен. Эдгар не только имеет вид «унылый, хмурый и злобный», отчим сомневается, что тот способен любить и заботиться о сестре, упрекает в черной неблагодарности по отношению к приемным родителям и прежде всего лично к нему — его опекуну.

По мнению большинства биографов, приведенное письмо (цитируют его часто) — не только свидетельство злокозненного характера отчима, но и явная иллюстрация холодной решимости посильнее ранить адресата. «Характерно, — в связи с этим писал Г. Аллен, — что на обороте листа все той же благочестивой рукой был вычислен конечный прирост с некой суммы из расчета шести процентов годовых».

Но есть основания предположить, что все было совсем иначе. Очевидно, упомянутое письмо мистер Аллан написал под влиянием момента (и в этом смысле «конечный прирост с некой суммы на обороте листа», если, конечно, помнить о педантизме и аккуратности этого человека, скорее тому подтверждение, а не опровержение). Можно предположить, что ситуация сложилась спонтанно и развивалась примерно следующим образом. Отчим встретил пасынка, тот был хмур и не расположен к общению. Отчим поинтересовался причиной, Эдгар, видимо, ответил недостаточно вежливо; отчим вспылил, пасынок в ответ тоже не сдержался, мистер Аллан упрекнул в непочтительности, Эдгар заявил, что тот его не понимает, не любит и потому, вероятно, не хочет официально усыновить, да и зачем ему это делать, если у него есть родные дети — на стороне? Последняя ремарка, видимо, особенно задела торговца, и тогда уж он вспомнил и о предосудительной профессии матери, следовательно — о небезупречном ее моральном облике, а затем и о сомнительном происхождении, и бог знает о чем еще! В пользу того, что

перепалка случилась в комнате пасынка, говорит и упоминание об оставшемся без ответа письме Генри, которое, вероятно, отчим заметил на столе у Эдгара. После ссоры, наверное, и было написано послание.

Конечно, отчим был несправедлив к Эдгару, заявляя, что «все это время заниматься ему было почти нечем», что «он ничего не делает». Мы помним, что именно в ноябре состоялся визит Лафайета и у По, как лейтенанта роты молодых добровольцев, дел было явно предостаточно.

Интересно и вот что. Мистер Аллан не был лично знаком с братом Эдгара. Он знал о его существовании, видимо, читал письма, адресованные пасынку, но они никогда не встречались. И это тоже говорит в пользу выдвинутой версии.

В то же время переписка между братьями была важна для мистера Аллана. Ожидавшийся приезд Генри в Ричмонд был связан с тем, что тот предлагал брату отправиться с ним в плавание (вероятно, в качестве юнги?). Подобный опыт у самого Генри имелся: в свои семнадцать лет он был уже испытанным моряком, ходил в плавания, а начинал свою карьеру именно в качестве юнги. За несколько лет до этого протекцию ему составил дедушка, «генерал По», пристроив внука на торговый корабль, видимо, один из тех, услугами которых пользовались его сыновья-торговцы.

Как воспринял предложение брата Эдгар? Скорее всего с интересом (учитывая его юношеский возраст), но, видимо, без особенного восторга. Во всяком случае, с ответом не торопился. Мистером Алланом инициатива Генри воспринималась как замечательный способ «пристроить» пасынка. Но не стоит видеть в этом стремление именно «избавиться» от него, как это делают большинство биографов поэта. Торговец был сыном своего времени и своего сословия. У Эдгара он не видел ни способностей, ни желания заниматься бизнесом. К тому же и сам не мог ничего ему предложить — фирма его прекратила существование, каких-либо серьезных дел он не вел. Морская карьера, конечно, была тяжелой и опасной, но в морской державе, каковой являлись Соединенные Штаты, относилась к числу массовых, и быть моряком не считалось зазорным. Напротив, занятие это было окружено романтическим ореолом. Были и такие, кто заслужил уважение и разбогател, связав себя с морем. Почему бы мистеру Аллану не желать морского поприща для приемного сына?

А вот что касается «неблагодарности» пасынка, то «со своей колокольни» торговец был, безусловно, прав. Он действительно «дал ему образование, намного превосходящее его собственное»,

заботился о нем, кормил, одевал и т. д. Но в том-то и дело, что Эдгар воспринимал Алланов как свою семью, а глава семейства — увы! — не видел в нем сына, воспринимая его как приемыша. Поэтому душевная рана, конечно, была глубока (и, вероятно, не единична) — и для Эдгара, и для главы семьи. Очевидно и другое. Обострение отношений между ними явно было связано со множеством факторов. Заглавную роль, конечно, играл переходный возраст Неда. Из подростка он превращался в юношу, а этот процесс никогда и ни у кого не проходит безболезненно. Чтобы миновать его более или менее благополучно, нужно обладать определенным «родительским талантом». Мистер Аллан был его лишен. Свою роль, видимо, играла и болезнь миссис Аллан, отдалявшая ее от Эдгара. Лепту вносила и финансовая нестабильность семьи: отсутствие собственного дома, постоянного источника доходов, неопределенность дальнейших перспектив. Но что характерно: едва финансовые обстоятельства наладились (источником тому стала кончина дяди торговца, Уильяма Гэльта), планы мистера Аллана решительно переменились — теперь о морской карьере для Эдгара речь уже не велась, решено было отправить его учиться в университет.

А что касается Генри — он так и не приехал к брату в Ричмонд. Вряд ли тому виной стало письмо мистера Аллана. Или отсутствие письма от Эдгара. Хотя торговец и писал, что «гордится нравственными принципами» своего «родственника», едва ли в действительности стоило ими «гордиться». Торговец мог уважать Генри за то, что тот выбрал профессию моряка. Но какое отношение это имело к нравственности? Он, может быть, и был, например, лично смел, но нравственен? Отнюдь. И никакого особенного «долга» по отношению к брату (или сестре), видимо, не испытывал. Тогда же, в ноябре или в декабре 1824-го, он вновь отправился в плавание. Говорят, в числе многих морей его корабль бороздил и Средиземное. Тогда Генри По побывал в Греции, где в то время находился и вскоре умер лорд Байрон. Затем у него были и другие плавания — в Атлантике, Тихом океане, северных и южных морях. О некоторых своих приключениях — вымышленных или действительных — он потом расскажет брату, тогда уже писателю. И тот кое-что использует в своих сюжетах. Но в реальности «походить по морям» Эдгару не доведется — ни в компании брата, ни в одиночку.

Трудно сказать, насколько сильно идее морского поприща для пасынка был привержен его опекун. Но даже если она действительно была актуальна, то вскоре перестала таковой быть. И в жизни семьи (следовательно, и нашего героя) все переменилось почти волшебным образом.

На исходе 1824 года тяжело заболел и в начале марта 1825-го умер дядя торговца, Уильям Гэльт. Он умер бездетным, но родственников — потенциальных наследников — братьев и сестер, племянников у него было много. Почти все (за исключением племянника Джеймса Гэльта) проживали в далекой Шотландии. Поэтому или по какой-то иной причине, которая остается неизвестной, львиную долю (почти две трети) своего огромного состояния покойный завещал Джону Аллану. Одну треть получил упоминавшийся и живший в доме дяди Дж. Гэльт (в последние годы он вел дядины дела). Многочисленные британские родственники не получили почти ничего. По свидетельствам современников и биографов поэта, несправедливость раздела имущества и капиталов возмутила обделенных. Они даже собирались судиться с Алланом. Но такова была воля покойного, и в завещании она была выражена определенно. Судиться, в конце концов, родичи не стали, но и знаться с тем, кого недавно принимали у себя, теперь не желали. Впрочем, едва ли это сильно расстроило теперь уже богатого наследника.

Как бы там ни было, буквально в одночасье торговец превратился в одного из богатейших граждан Виргинии. Его состояние (капиталы, ценные бумаги, недвижимость и т. п.) оценивалось современниками в гигантскую по тем временам сумму — примерно в 750 тысяч долларов. Да и по нынешним понятиям, если учесть, что современный доллар где-то в двадцать пять — тридцать раз дешевле доллара 1820-х годов, оно, конечно, велико. Тем более что людей действительно богатых (миллионеров или почти миллионеров) в то время было совсем немного — ведь история наша (напомним!) развивается в эпоху (как говаривали классики марксизма) «первоначального накопления капитала». В США доминировала аграрно-торговая модель экономики, не способствовавшая быстрому формированию крупных состояний. Капиталы плантаторов-южан были овеществлены в сельхозугодьях, рабах, движимом и недвижимом имуществе. Более успешны в накоплениях были торговцы. Но тут все зависело от конъюнктуры, оборотов и удачи. Покойному Гэльту в основном везло.

Самому Аллану накоплений создать не удалось. Напротив, удачливый поначалу бизнесмен, в начале 1820-х годов все свои деньги он потерял. Но накопления (причем, как мы видим, изрядные) сумел сделать его дядя. И вот теперь они оказались в руках отчима нашего героя.

Жизнь, повторим, переменилась. Алланы оставляют дом, в котором бесплатно жили по милости дядюшки, и покупают себе

особняк — один из самых дорогих и комфортабельных в городе. Он стоял на невысоком холме, почти в центре города, на углу Главной и Пятой улиц, в глубине тенистого сада, весь участок был обнесен красивой металлической оградой. Фасад дома украшали портик и обширная открытая тенистая терраса в два этажа. Алланы обзавелись и соответствующей обстановкой, наняли слуг и садовника. Появилось несколько экипажей, устроили конюшню.

Что интересно, даже не стесняясь в средствах, торговец оставался торговцем: совсем новый дом он купил с изрядной выгодой у прежнего владельца, который, срочно нуждаясь в деньгах, продал его с двадцатипроцентной скидкой.

Особняк, повторим, был большим, и теперь у каждого из членов семейства появились собственные просторные апартаменты. Выделили комнату и Эдгару. Она располагалась на втором этаже, в северо-восточной части здания. Из ее окон открывался чудесный вид на излучину реки Джеймс и окрестности.

Любование пейзажами, животрепещущий интерес к природе — все это так типично для той романтической эпохи, и в этом смысле Эдгар По не был исключением, тем более что ему нравилось наблюдать не только жизнь «дневную», но и ночные светила — звезды, планеты, Луну. Он даже выпросил у отчима купленный еще в Англии телескоп и попросил установить его на террасе подле своих окон, чтобы иметь возможность предаваться неспешным ночным обсервациям. Но тогда, в первые месяцы жизни на новом месте, дневные и ночные виды вызывали у юноши не восторг, а меланхолию — он был снова влюблен.

В отличие от Джейн Стэнард в новой любви — во внешнем облике избранницы и ее поведении — не было ничего рокового, таинственного и загадочного. Напротив, насколько можно судить по сохранившемуся изображению, она была вполне заурядна, хотя и весьма миловидна. Г. Аллен, которого всё восторгало в поэте, не преминул восхититься и его новой возлюбленной: «В ту пору ей только что минуло пятнадцать лет. Природа наделила ее изящной стройной фигуркой, большими черными глазами, красивым ртом и длинными темно-каштановыми волосами. Все, вместе взятое, произвело на По неотразимое впечатление». Звали ее Сара Эльмира Ройстер, но ее родственники, друзья и знакомые предпочитали называть ее не по первому, а по второму имени — Эльмира. Это имя нравилось и Э. По. Она жила по соседству с юным поэтом — напротив дома, который занимало семейство Аллан до переезда в собственный особняк.

Познакомились и сблизились они, судя по всему, в начале

1824 года[40] — в дни болезни и смерти «Елены» (миссис Стэнард). Не сразу юный поэт разглядел очарование юной прелестницы — другая владела его думами. Была ли тому виной какая-то особая красота девушки, или ее способность сопереживать (известно, что вместе с Эльмирой он неоднократно навещал могилу «Елены»), или просто время (и возраст) «взяли свое», но теперь уже новое чувство охватило юного поэта. Поначалу они встречались в городском саду Ричмонда (дом Ройстеров, как и прежнее жилище Алланов, примыкал к нему)[41]. Вскоре юноша был принят и в доме Ройстеров — рассказывают о том, как юный поэт пел (?) и играл на флейте (?), а Эльмира аккомпанировала ему на фортепиано. Несомненно, встречались они в других местах. Об этом говорит хотя бы тот, уже упоминавшийся факт, что молодые люди вместе (и неоднократно) навещали могилу миссис Стэнард.

Сохранился карандашный портрет мисс Ройстер. Его нарисовал юный поэт, скорее всего, в 1825 году. Каким-то чудом он уцелел, и через много лет дошел до нас не только как пример несомненного художественного дарования По, но и как бесценное свидетельство его отношения к юной особе. Если По не польстил своей возлюбленной, приукрасив ее образ, то она действительно была красива — юной, застенчивой, еще не расцветшей девичьей красотой.

Неизвестна реакция близких нашего героя на его отношения с мисс Ройстер. Что касается родителей молодой особы, то поначалу они вполне благосклонно взирали на визиты пасынка уважаемого коммерсанта и не препятствовали общению молодых людей. Но затем, видимо, что-то переменилось. Возможно, слишком явными стали взаимная симпатия и знаки ухаживания со стороны юного По, слишком заметной и однозначной реакция предмета обожания. Скорее всего состоялась и беседа отца девушки с опекуном нашего героя (о ней говорят многие биографы поэта), в ходе которой выяснились весьма туманные перспективы По как наследника и, следовательно, как жениха и возможного мужа. К середине 1825 года мисс Ройстер и «мастер Аллан» уже не могли встречаться явно — приходилось делать это тайком, прибегать к уловкам и ухищрениям. Как сие обстоятельство влияло на девушку — бог весть! — а вот что касается нашего героя, то это обстоятельство, конечно, не могло не распалить его еще сильнее. В том числе и поэтическое воображение. Г. Аллен в своей книге приводит следующие поэтические строки:

В тебе обрел все то я,

К чему стремиться мог:
Храм, ключ с водой живою,
Зеленый островок,
Где только моим был каждый
Чудесный плод и цветок…
Все дни тобою полны,
А ночью мчат мечты
Меня в тот край безмолвный,
Где в легкой пляске ты
К реке, чьи вечны волны,
Нисходишь с высоты.[42]

Биограф утверждает, что они посвящены ричмондской любви поэта и написаны тогда же. Едва ли это соответствует действительности: первая редакция стихотворения датируется 1831 годом (и, конечно, стихотворение имеет другого адресата), а последняя — 1849-м. Известно, что эту — последнюю — По действительно посвятил Эльмире, тогда уже зрелой, недавно овдовевшей женщине. Он вновь ухаживал за ней. И, возможно, новая встреча всколыхнула прежние чувства. Но это была уже другая Эльмира, да и поэт был другим. А тогда, в юности, — это хорошо известно, — он, конечно, посвящал ей стихи. Но судить о них мы не можем — они не сохранились. Часть утрачена по неизвестным причинам. Другая часть оказалась в письмах юного поэта возлюбленной. Их (и письма) ему вернули в 1827 году — накануне бракосочетания Эльмиры. Видимо, тогда же они были уничтожены самим Эдгаром По.

В марте 1825 года в судьбе юноши произошли разительные перемены. Связаны они были не с делами душевными (отношения с Эльмирой развивались), а с его собственным ближайшим будущим. Его забрали из школы и вверили заботам специально нанятых учителей тотчас же, как было оглашено завещание покойного Гэльта: чтобы подготовиться к учебе в университете, полагал опекун, необходимы специальные наставники. Не погрешим против истины, заявив, что грядущее студенчество пасынка направлялось прежде всего волей мистера Аллана, а не желаниями его супруги или самого будущего студента. Почти неожиданно превратившись в одного из богатейших людей штата, торговец торопился подтвердить свой новый статус.

Интересно, а как сам Эдгар воспринял эту грядущую — поистине чудесную — трансформацию собственной судьбы? Никаких собственных признаний поэта, равно как и свидетельств современников не сохранилось. Тем не менее можно

предположить, что воспринято это было с восторгом. И не только потому, что молодой человек любил учиться и знания ему давались легко. Но еще и потому, что он был честолюбив. В этом — при всей несхожести со своим опекуном — они были близки. И грядущее студенчество, конечно, тешило его самолюбие. Ведь в Америке начала XIX века в университетах учились немногие.

Эти полтора года, что отделяли его от университетской жизни, оказались очень важными для социального развития поэта. Свалившееся богатство открыло перед Алланами двери всех аристократических домов Ричмонда и заставило их изменить привычный стиль жизни, сделало существование более открытым. Хотя это и несло большие траты, теперь, по южному обычаю тех времен, они часто приглашали гостей, устраивали приемы и сами откликались на приглашения — посещали балы, светские рауты, дни рождения, другие праздники.

Трудно сказать, как вся эта светская суета воспринималась главой семейства. Скорее всего как человеку деловому — докучала, но как человека тщеславного радовала и льстила самолюбию. Естественно, принимали и пасынка. В отличие от опекуна юный По находил в светской жизни удовольствия. Его радовали ритуалы, радушные улыбки и беседы «ни о чем», были приятны те уважение (пусть формальное) и внимание, которые оказывали ему — совсем еще молодому человеку. Все это было очень важно. Едва ли он сам осознавал это, но вовлеченность в светскую жизнь поднимала самооценку, формировала характер и активно социализировала: очень скоро совершенно естественным образом юноша усвоил манеру говорить и держаться как истинный джентльмен-южанин. Эти навыки остались с ним на всю жизнь — не случайно все, кто впоследствии его видел, знал и наблюдал, отмечали пресловутое «джентльменство» поэта.

А как же любовь? Активная светская жизнь молодого поэта не препятствовала развивавшимся отношениям. Скорее, напротив — помогала. Ведь Эдгар и Эльмира могли видеться — и виделись! — на балах, приемах и раутах. Могли танцевать, общаться, обмениваться записками, назначать свидания. И, безусловно, делали это. Так что любовь росла и чувства углублялись. Видимо, и решающее объяснение между ними произошло не без воздействия указанных обстоятельств. Скорее всего оно случилось накануне (или незадолго) до отъезда По в университет. По понятным причинам его обстоятельства и детали, конечно, неизвестны. Но мы знаем, что Эльмира обещала ждать и дала согласие выйти за него замуж. Этот общий договор влюбленные сохранили в тайне — учитывая отношение родителей девушки к Эдгару. Он поклялся ей в вечной любви и обещал писать.

Увы, как часто мы бываем не властны над обстоятельствами! Особенно когда они управляются намеренно злой чужой волей!

Эдгар сдержал обещание: он писал своей возлюбленной. Но она не получала его писем. И поэтому не отвечала. Сердце ее было разбито… Она вышла замуж за другого. Но это случилось уже позднее.

А пока договор был в силе. Они искренне любили друг друга, когда могли — встречались, писали письма…

Последнее письмо от Эдгара Эльмира получила накануне отъезда возлюбленного в Шарлоттсвилл, где ему предстояло учиться в университете. Вероятно, всплакнула, окропив слезами его строки. И приготовилась ждать следующего. Но… ни одного письма она больше не получила…

В дальнейшем мы обязательно вернемся к упомянутым обстоятельствам. А пока — последуем за нашим героем…

ЗАВЯЗКА ДЕЙСТВИЯ

Виргинский университет: обитатель комнаты № 13

Эдгар По покинул Ричмонд в начале февраля 1826 года. Уезжал он не один, а в сопровождении приемной матери. Она была нездорова, но нашла в себе силы отправиться с сыном. Что, несомненно, говорит и о ее любви к нему, и о беспокойстве за его дальнейшую судьбу. 14 февраля Эдгар Аллан По был зачислен в университет. Как и другим студентам, ему выделили отдельную комнату на первом этаже западного крыла жилого флигеля. Современному студенту комната По, вероятно, покажется большой: три с половиной на шесть метров, то есть более 20 квадратных метров. В комнате был отдельный вход с крытой галереи, а единственное окно выходило во двор. Никакого отопления, кроме камина, не было, и зимой там было весьма холодно. Предполагалось, что в ней студент будет жить и заниматься в течение всего времени пребывания в университете. Добавим, что комната, в которой предстояло жить Эдгару, значилась под номером 13.

В Шарлоттсвилле миссис Аллан провела несколько дней, помогая Эдгару обустроиться на новом месте. Едва ли приходится сомневаться, что именно с ее помощью и на ее деньги была куплена и часть обстановки: стол, стулья, конторка, умывальные принадлежности, гравюры, украсившие стены, и т. д. Во всяком случае, если помнить (о чем мы обязательно скажем) о печальной судьбе, уготованной этим предметам нашим героем. Мы не знаем, как и когда они расстались, но то, что ни с той, ни с другой стороны прощание не могло быть радостным, понятно. Юному поэту было всего-навсего семнадцать лет. Он впервые вышел из-под опеки семьи и оказался предоставлен самому себе. И это, учитывая не только возраст, но и неуравновешенный характер Эдгара, не могло не тревожить приемную мать. Как мы увидим в дальнейшем, тревога ее была не напрасна.

Но обо всем по порядку. Теперь пришла пора познакомить читателя с университетом, в котором предстояло учиться поэту. Поверьте, учебное заведение того стоит.

Начать с того, что Виргинский университет — детище великого Томаса Джефферсона[43], третьего по счету президента США, одного из вдохновителей американской революции, гуманиста-просветителя и утописта. Воспитанный на идеях Просвещения, он давно мечтал учредить на своей родине университет современного — «европейского» — типа, свободного

от религиозного влияния. Как писал сам Джефферсон, программа нового университета должна «развивать способности молодежи к самостоятельному суждению, расширять ее кругозор, воспитывать мораль, внушать ей понятия добродетели и порядка и — в целом — формировать у нее привычку к размышлению и правильным поступкам, дабы сделать образцом добродетели для других и счастья для себя». Вполне здравая в буржуазно-добропорядочном смысле цель и в то же время совершенно утопичная. Но ведь Джефферсон и был сторонником буржуазного пути развития Америки и при всех своих гуманистических достоинствах оторванным от реальной жизни утопистом. Он глубоко и искренне верил, что человек совершенно естественным образом тяготеет к добру и красоте. Чтобы эта врожденная способность восторжествовала, необходимо только создать условия — то есть дать соответствующее образование. Для этого необходимы книги и хорошие учителя, что способен предоставить университет.

Поэтому, завершив многолетнюю политическую карьеру и поселившись в своем виргинском имении Монтичелло, поблизости от городка Шарлоттсвилл, он решил оставшиеся годы посвятить воплощению этого замысла. Несмотря на изрядное сопротивление консервативно-клерикальных кругов, ему удалось «заразить» своей идеей власти штата, найти сторонников на федеральном уровне и в Европе (это была огромная работа — отстаивая свою идею, Джефферсон написал тысячи писем). Он собирал пожертвования, создал специальный Фонд для нужд просвещения, который аккумулировал необходимые средства. В конце концов усилия увенчались успехом: в 1817 году в фундамент главного здания был заложен первый камень — строительство началось, а сам Джефферсон стал первым ректором университета.

«Мудрец из Монтичелло» (как называл Джефферсона Дж. Адамс — политический соперник и коллега, второй президент США) принимал самое непосредственное участие в выборе места для «виргинских Афин» и даже проектировании. Потому и располагается университет в весьма живописной местности, и построен в несколько старомодном стиле ампир: с многочисленными колоннадами, галереями, портиками, куполами, ротондами. Стараниями Джефферсона в новое учебное заведение приглашали лучших профессоров Европы. Он был стар и спешил увидеть результат своих грандиозных усилий: хотя строительство еще продолжалось (в 1826 году в одном из писем опекуну Э. По упоминает о незавершенных строительных работах), 7 марта 1825 года университет распахнул двери перед первыми студентами.

Несомненно, многие идеи «великого старца» по поводу устройства университетского образования были передовыми. В то же время его воззрения, повторим, были утопичны, и особенно это касалось представлений о человеческой натуре. Он создал то, что мы называем «инфраструктурой» (университетский комплекс с учебными и жилыми помещениями — кампусом), сформировал библиотеку, нанял лучших учителей, разработал программы, сочинил устав и считал, что этого достаточно. Он полагал, что совести («нравственное чувство» он видел врожденным) и сознания студентов (которое он и намеревался развить) довольно для того, чтобы его детище нормально функционировало и установленные порядки соблюдались. Стоит ли говорить, что в своих представлениях он сильно заблуждался. Его студентами стала молодежь из «хороших семей» (не забудем: учеба в университете — дорогое удовольствие!) — сыновья плантаторов-рабовладельцев, торговцев, политиков. Сие, как мы понимаем, совершенно не предполагало «благонравности» воспитанников. Скорее наоборот, ведь это были отпрыски людей нередко грубых, порой жестоких, часто склонных к пороку, властных и очень амбициозных. Естественно, все эти качества они не просто «принесли с собой», они оказались помножены на молодость и отсутствие должного контроля.

Так что миссис Аллан беспокоилась не зря. Женской своей природой она ощущала угрозу тому, кого любила. Конечно, несчастливую судьбу Эдгара По-студента нельзя объяснить только пагубным влиянием окружения. Были и другие причины. И о них речь впереди.

Итак, в феврале 1826 года Эдгар А. По стал одним из тех 177 молодых джентльменов-южан, что записались в число студентов первого на Юге университета.

В наши дни общим местом стали сетования на неэффективность высшего образования. Что и учат-де не так и не тому, что современному обществу на самом деле нужно. А необходимы ему специалисты, обладающие навыками выполнения совершенно конкретных действий. Например, правильно забить определенного типа сваю в конкретный грунт. Или владеть такими-то и такими-то программами и живенько начислить зарплату такому-то числу служащих. Нимало не смущаясь тем, что и грунты бывают разными и не всегда надо забивать в них сваи, да и программы меняются, как и сферы деятельности. Во все времена университетское образование предполагало прежде всего *развитие,* а не *научение* конкретному набору действий. Помните, что думал по этому поводу Джефферсон? Университет призван «развивать способности

молодежи к самостоятельному суждению, расширять ее кругозор и формировать у нее привычку к размышлению и правильным поступкам», а не выполнять определенный набор действий, желательных работодателю. Поскольку, если ты умеешь мыслить и научился учиться, любым действиям ты обучишься.

Хотя тезис этот не очень понятен современному властному (особенно российскому) ареопагу, его истинность была очевидна «мудрецу из Монтичелло». В соответствии с этим учебный процесс в своем заведении он разделил на два этапа. Первый (он составлял примерно два года) имел гуманитарный уклон и своей целью ставил так называемое общее образование (по сути, учил учиться). Студенты записывались на курсы каких-либо профессоров (в сфере новых и древних языков, литературы, истории, математики и т. п.), посещали занятия, слушали лекции, выполняли задания. Второй этап (еще два года) предполагал уже некоторую специализацию. В то время когда учился поэт, никто из студентов, разумеется, еще «не добрался» до второго этапа, но предполагалось, что он сможет специализироваться в области философии, политических наук, ботаники, архитектуры и астрономии. Никаких религиозных, как, впрочем, и сугубо прикладных — инженерных, — дисциплин в университете Джефферсона не было.

Хорошо известно, что Эдгар По предполагал провести в Шарлоттсвилле два года и получить «общее образование». Во всяком случае, таковы были ближайшие планы — они обсуждались в семье и, в частности, с мистером Алланом. Вполне возможно, что сам поэт мог мечтать и о «полном образовании» (в те годы это была редкость), но никаких разговоров в доме по этому поводу не вели.

Учитывая очевидные способности молодого человека к словесности, предполагалось, что он выберет древние и новые языки. Опекун хотел, чтобы пасынок изучал еще и математику. Чем он руководствовался — способностями Эдгара к точной науке или имел в виду некие грядущие перспективы, — неизвестно.

Студент По числился под номером 136 в матрикуле вновь записавшихся в феврале 1826 года. Большинство из них выбрали по три курса для обучения — такова была обычная студенческая практика тех лет. Эдгар выбрал только два: классическую филологию (латынь и греческий) и современные языки (французский, итальянский и испанский).

Не следует в данном обстоятельстве видеть свидетельство лености нашего героя. Причина этого самоограничения крылась в другом — в материальной составляющей его жизни. Понятно, что

пребывание в университете требовало денег, и немалых. Позднее, в письме от 3 января 1831 года, адресованном опекуну, поэт вносит ясность в этот вопрос:

> «Минимальные расходы для существования в университете составляли никак не меньше 350 долларов в год. Вы отправили меня с суммой в 110 долларов. Из них 50 долларов я был должен внести немедленно — за содержание. Еще 60 долларов необходимо было заплатить за учебу у двух профессоров. И Вы не преминули упрекнуть меня в том, что я ограничился двумя курсами и не взял третий. Затем нужно было внести еще 15 долларов за аренду квартиры — напомню, что все это необходимо было *платить вперед* из тех 110, что у меня имелось, — а еще 12 долларов за постель, да еще 12 долларов за мебель. Мне, конечно, пришлось взять взаймы — а это против традиций, — и в глазах окружающих я немедленно превратился в попрошайку. Вы, должно быть, помните, что неделю спустя после моего приезда я написал Вам и попросил прислать немного денег и книг. Вы ответили в совершенно оскорбительном тоне. Если бы я действительно был самым распоследним негодяем, Вы не могли бы написать обиднее. Но и в таком случае мне никак не удалось бы заплатить 150 долларов из тех 110, что у меня имелись. Следуя Вашему настоянию, я вложил в письмо подробный отчет о своих тратах — и они составили 149 долларов. Чтобы свести доходы с расходами, мне необходимы были еще 39 долларов. Вы выслали мне 40 долларов, оставив 1 доллар на карманные расходы. Через некоторое время я получил посылку с книгами, в которой, среди прочих, обнаружил „Жиль Блаза“[44] и Кембриджский учебник математики в двух томах, в коем я совершенно не нуждался, поскольку не имел намерения посещать занятия по математике. Но я нуждался в книгах, поскольку хотел учиться, — и вынужден был приобретать их *в кредит* (выделено Э. По. — *А. Т.)*… А еще я был обязан нанять слугу, покупать дрова, платить прачке и совершать тысячи других мелких трат».

Оставим в стороне эмоции, которые, несомненно, владели поэтом, когда он писал приведенные строки, но факты — красноречивы. И они объясняют, почему он выбрал только два курса вместо обычных трех.

Все биографы единодушны во мнении, что у Эдгара По были очень хорошие учителя. Классическую филологию преподавал профессор Дж. Лонг, выпускник колледжа Святой Троицы в Кембридже, впоследствии профессор Лондонского университета[45]. Как вспоминали те, кто у него учился, он превратил свой предмет в увлекательное занятие, сочетая изучение греческого и латыни с экскурсами в географию и историю античных цивилизаций.

Джон Ингрэм, один из первых биографов поэта, беседовал с пожилым профессором в 1875 году. Тот не помнил По, но вот что ответил на расспросы биографа о поэте:

«Если По учился в Виргинском университете в 1826 году, то он, скорее всего, учился в моем классе — тот был самым большим… Начальная пора в университете была ужасной (профессор имеет в виду дисциплину. — *А. Т.)*. Там было несколько блестящих молодых дарований и немало совершенно отвратительных персонажей. Я отчетливо помню имена как тех, так и других и думаю, что припоминаю По, хотя память уже не та; но полагаю, что запомнил бы его хорошо, если бы он был среди самых лучших или среди самых худших».

Впрочем, память действительно могла подвести пожилого профессора, ведь в 1875 году ему было уже за восемьдесят. Во всяком случае, те, кто учился у Лонга вместе с По, утверждали, что тот был как раз в числе лучших.

Наверняка нашего героя запомнил другой его наставник — профессор Георг Блэттерманн, преподававший современные языки. Так же как и Лонга, Блэттерманна Т. Джефферсон (по рекомендации из Гарварда) «выписал» из Англии, где тот преподавал в университете. Блэттерманн был немцем, человеком весьма экстравагантным (насколько «экстравагантны» могут быть немцы[46]), если не сказать странным, но отличным лингвистом и свой предмет знал блестяще. Уильям Уэртенбейкер, университетский секретарь и библиотекарь, припоминал такой эпизод, связанный с нашим героем: Блэттерманн предложил своим студентам составить стихотворный перевод отрывка из поэмы Тассо[47], Эдгар По оказался не только единственным, кто справился с заданием, но и поразил учителя совершенством своего перевода.

Вообще, как вспоминали те, с кем учился поэт, несмотря на то, что он преуспевал в классической филологии, живые языки (и, соответственно, литература) ему нравились больше. Неудивительно, что чаще в руках у него можно было видеть не латинскую грамматику или томик Горация, а произведения поэтов итальянского Возрождения, французских и английских

писателей XVII–XVIII веков. К сожалению, как отмечал упоминавшийся Уэртенбейкер, тогда, в самые первые годы Виргинского университета, систематическая запись выдаваемых из библиотеки книг еще не велась, но известно, что библиотека начала функционировать с апреля 1826 года и По был активным ее читателем. А библиотека для того времени была богатой. Книги для нее подбирал сам Джефферсон, и кроме античных классиков значительную ее часть составляла изящная словесность. Опубликованный «Каталог книг президента Джефферсона для Библиотеки Виргинского университета», составленный в 1825 году, сообщает, что он передал университету 409 книг. Английские авторы, как и следовало ожидать, представлены «классическими» для того времени именами — Шекспир, Джонсон, Драйден, Аддисон, Конгрив, Уичерли и т. д., но «новых авторов», представителей романтической школы, в нем не найти. Нет даже романов В. Скотта и поэм Байрона. Впрочем, такая подборка соответствовала представлениям ректора — ведь книга «должна просвещать, а не развлекать». В то же время известно, что именно в университете По по-настоящему узнал и полюбил поэзию Байрона. Понятно, что его сочинения он брал не из библиотеки, а у товарищей. Чтение новомодных романтиков считалось делом пагубным и отчасти поэтому было весьма распространено в студенческой среде[48].

Но если бы пагубное влияние со стороны тех, кто окружал нашего героя, ограничилось только чтением предосудительного в глазах университетского начальства Байрона… Увы, оно было не столь безобидным…

Джозеф У. Кратч, автор «психоаналитической» биографии поэта, назвал воздействие университетской атмосферы «отравляющим»[49]. И мы, несмотря на спорность его (фрейдистской по своей сути) интерпретации личности и судьбы По, не можем с ним не согласиться.

Чтобы понять характер и векторы этого влияния, необходимо уяснить одно немаловажное обстоятельство. Эдгар По совершенно искренне считал себя подлинным «виргинским джентльменом» как по происхождению (мать-актриса в расчет не принималась), так и воспитанию, образованию (в том числе британскому), социальному статусу. С одной стороны, данное обстоятельство дистанцировало его от тех студентов, которые были выходцами из других штатов, особенно из Кентукки, а кентуккийцев южане в то время воспринимали (отчасти вполне справедливо) как варваров, а с другой — делало неизбежным и совершенно органичным влияние той среды, что воспринималась

им как подлинно аристократическая. Поэтому не могло быть и речи о том, что студент По (как какой-нибудь необузданный кентуккиец) мог с кем-то подраться[50], но, безусловно, он должен был играть в карты, пить вино, изысканно одеваться, быть сдержанным и учтивым, как и подобает истинному южному джентльмену.

Учились в университете шесть дней в неделю, день начинался рано — в 6.30 утра, занятия начинались в 7.00. Для большинства (у кого было три курса) аудиторные занятия заканчивались около одиннадцати, для тех, кто (как и По) имел только два, и того раньше — в 9.30. Остальное время, по мысли утописта Джефферсона, студент должен был посвящать выполнению домашних заданий и чтению книг, то есть «просвещению» и развитию ума.

Мы знаем, что Эдгар По много читал, но в целом занятие это считалось предосудительным и было не в чести у тех, кто полагал себя джентльменом. Куда больше времени занимали развлечения, в том числе выпивка и карты. Не участвовать в пирушках, избегать ломберного стола было немыслимо, поскольку и то и другое подразумевалось как важная составляющая жизни виргинского студента благородного происхождения.

Как, вероятно, помнит читатель, значительная часть новеллы «Вильям Вильсон» посвящена эпизодам, связанным с игрой в карты. И это не случайно. Выше, говоря о новелле, мы указывали на ее автобиографический характер — в связи с английским периодом в жизни писателя. Автобиографическую подоплеку явно содержит и та часть фабулы, что связана с азартной игрой. И пусть читателя не смущает, что действие разворачивается в Англии — за Итоном и Оксфордом, в которых учился Вильсон, вполне различимы черты Шарлоттсвилла времен студента По.

Где и когда играли? Как правило, в одной из занимаемых студентами комнат. Обычно в игре не участвовали «посторонние» — играли в своем, «джентльменском» кругу. Играть начинали поздно ночью, когда в соответствии с распорядком университет должен был спать, и играли нередко до утра. Впрочем, предоставим слово *alter ego* нашего героя — Вильяму Вильсону:

«…не хочу прочерчивать во всех подробностях стезю моего гнусного распутства — распутства, что бросало вызов законам, но ускользало от бдительности итонских властей… После недели, посвященной бездушному разгулу, я пригласил к себе на тайный кутеж небольшую компанию самых развратных приятелей. Мы собрались поздно ночью, ибо наш дебош мы предполагали усердно длить до утра. Лилось вино, не было недостатка и в других, быть может, более опасных соблазнах, и серая заря едва

заметно забрезжила на востоке, когда наш разгул достиг апогея»[51].

Почти во всех биографиях (а многие биографы опирались на свидетельства университетских товарищей По) можно найти слова о «страсти к игре», владевшей поэтом. Но была ли эта «страсть» следствием некой внутренней склонности к пороку? Едва ли это так. Вильям Вильсон, если помнит читатель, «по части расточительства переиродил Ирода», поскольку обладал «предоставленными возможностями к пороку» — деньгами, которыми его щедро снабжали родители. У Эдгара По, как мы помним, собственных средств не было. И хотя у его отчима были деньги — и немалые, — тот, несмотря на отчаянные письма (они сохранились), делиться ими с пасынком не спешил. Именно это обстоятельство, как считают многие, и подтолкнуло поэта к игре. За ломберным столиком он пытался поправить материальное положение, раздобыть средства к существованию.

Почему он полагал, что станет выигрывать? Ведь в карточной игре Эдгар был совершенно неискушен и с картами познакомился только в университете. Скорее всего, именно поэтому — в силу неискушенности. Да и верил в свою звезду, в то, что удача просто обязана ему улыбаться. Не стоит судить его строго — ему было всего семнадцать лет, и нам не следует забывать об этом. К тому же вполне логично предположить, что в глубине души он надеялся, что отчим в конце концов «одумается» и начнет высылать необходимые суммы для жизни: ведь он сообщал ему[52] о том, сколько денег необходимо, и знал, что деньги у того есть.

Но удача не улыбалась. Он больше проигрывал, чем выигрывал. Единственное «благо» — в среде «джентльменов» можно было не расплачиваться тотчас же, а играть в долг. В конце концов, карточный долг — «долг чести». Благородный человек платит такие долги, можно и подождать, когда богатые родители пришлют очередную сумму. А о нашем герое товарищам было хорошо известно, что его «папаша» — один из наиболее состоятельных граждан штата.

В «Вильяме Вильсоне» есть интересный пассаж:

«…с трудом верится, что я настолько попрал правила благородного человека, что ознакомился с гнуснейшими приемами игрока-профессионала и, преуспев в этой презренной науке, постоянно в ней упражнялся за счет неразумных моих однокашников ради увеличения моих и без того огромных доходов. Тем не менее так оно и было. И сама чудовищность этого преступления противу всякой честности и порядочности служила, несомненно, причиной безнаказанности, с каковой оно совершалось. И в самом деле, самые отпетые из моих

собутыльников скорее бы усомнились в ясных свидетельствах своих чувств, нежели заподозрили бы в подобном Вильяма Вильсона — веселого, откровенного, душа нараспашку — самого великодушного и щедрого студента в Оксфорде, того, безрассудство которого было лишь безрассудством юности да буйной фантазии, проступки — лишь неподражаемыми причудами, а чернейшие пороки — лишь следствием безгранично широкой натуры».

То есть, как мы видим, размышления об игре как способе зарабатывания средств к существованию у него были, но к тому, что он действительно «попрал правила благородного человека и ознакомился с гнуснейшими приемами игрока-профессионала», едва ли можно относиться всерьез — настолько (как можно судить по сюжету новеллы) его устрашала сама мысль об этом. Да и в среде джентльменов-южан это было равносильно самоубийству. Долги — для человека «благородного» это вполне нормально, а вот шулерство — за гранью.

Не был он, конечно, и «веселым, откровенным, душа нараспашку» — напротив, как вспоминали его знакомцы-школяры, их товарищ большей частью бывал сумрачен и замкнут. Но, зная ситуацию, тут нечему удивляться. Долги росли. Юноша не только проигрывал в карты, но и вынужденно прибегал к займам «на жизнь» и наряды у местных евреев-ростовщиков — сохранилось довольно много расписок По на разные суммы — от 10 до 40 с хвостиком долларов — довольно приличные по тем временам деньги. И это не могло веселить молодого человека. К тому же имелась другая — менее очевидная, но куда глубже ранившая причина. Речь идет о любви.

Он не получал писем от Эльмиры Ройстер — той, кому поклялся в любви, с которой тайно обручился, которая обещала хранить верность и, разумеется, отвечать на его письма. Он писал ей постоянно. Насколько часто, исследователям неизвестно, поскольку письма не сохранились. Но можно представить состояние молодого человека, который каждый день ждал писем от возлюбленной, а они — не приходили… Разгадать эту «тайну», находясь вне Ричмонда, он не мог, а попросить помочь кого-нибудь (приемную мать или кого-то из приятелей) был не в состоянии. Это была настоящая пытка.

И в таком стрессе — постоянном безденежье, обременительных долгах, проигрышах за ломберным столиком, мучительном беспокойстве о любимой — Эдгар По проживал 1826 год. И при этом еще учился! И, по воспоминаниям товарищей, учился очень хорошо. Можно только представить, каким напряжением нервов и психики ему это давалось.

Очень заманчиво вышесказанным объяснить пьянство поэта — ведь именно в университете (и это признают все биографы) он весьма основательно познакомился с алкоголем. Конечно, в таком состоянии он мог искать забвения в вине. Но со спиртным тоже не все однозначно. С одной стороны, как справедливо отмечал Г. Аллен, «употребление вина было одним из обычаев того времени, и дань ему в университете платили щедро и охотно». Нельзя не согласиться и с тем суждением, что наш герой «не чужд был известной бравады, свойственной многим в его возрасте, когда так не терпится доказать всему миру, что ты настоящий мужчина». Тем более что в кругу своих товарищей он явно воспринимался как человек, уже кое-что повидавший и обладающий манерами (не забудем о британском опыте!), да к тому же наследник одного из самых богатых людей Виргинии. Репутацию необходимо было поддерживать. С другой — алкоголь оказывал на него необычное, возбуждающее действие. «Я был донельзя взбудоражен вином», — заявляет Вильям Вильсон. И это, конечно, самохарактеристика *alter ego* автора. Спиртное не снимало напряжение, а только усиливало его. Под воздействием винных паров поэт становился еще более нервным и возбужденным. Такова была его индивидуальная реакция на алкоголь. Эта особенность сохранится у По на всю жизнь. Знаменитый Т. Майн Рид, приятельствовавший с поэтом в начале 1840-х годов в Филадельфии, замечал: «Единственный бокал шампанского оказывал на него такое сильное воздействие, что он едва ли способен был контролировать собственные действия»[53]. Вторит ему и миссис Клемм, теща поэта, — человек, который был рядом с ним на протяжении многих лет. В письме Томасу Чиверсу, приятелю По, она предупреждала: «Не наливайте ему вина… когда он выпьет стакан или два… он не отвечает ни за свои слова, ни за собственные поступки». А. Х. Квин утверждал, что причиной такой реакции на спиртное является наследственность поэта, отец которого и, вероятно, дед, «генерал» По были алкоголиками. С данным суждением можно (и, вероятно, нужно) согласиться, но болезненной тяги к спиртному в университетский год юноша не испытывал и совсем не часто «поклонялся Бахусу». Как вспоминали те, кто был рядом, Эдгар почти не употреблял спиртное «просто так». Как правило, возлияния сопровождали игру в карты. И брался он за стакан не потому, что его тянуло сделать это, — просто так было принято. Но наследственный недуг, до поры до времени дремавший, судя по всему, именно тогда пустил корни.

Кстати, а что пили Эдгар По и его приятели? Ведь у каждого времени и региона своя мода на напитки. Во Франции XVII века

предпочитали бургундское и анжуйское, в России — медовуху, в Англии — джин и «добрый» эль. Затем пришла мода на шампанское, виски, перно, абсент, мадеру, портвейн и т. п. С чего началось приобщение поэта к алкоголю? А. Х. Квин сообщает, что в среде виргинских «школяров» повсеместно пили *peach and honey* (буквально: «персик и мед») — довольно крепкий и очень сладкий напиток. Судя по всему, речь идет о коблере — коктейле из фруктов и бренди (или виски), вошедшем в большую моду в США на рубеже 1800–1810-х годов. Нарезанные фрукты смешивали с медом, добавляли спиртное и лед — на современный вкус противное зелье, но и сегодня среди американцев оно продолжает пользоваться спросом. Главное — добавить побольше льда. Освежает. И здорово ударяет в голову. Вот этот напиток и ударял в голову поэту весной и летом 1826 года.

Впрочем, от спиртного вернемся к финансам. По подсчетам исследователей, общая сумма долгов, что наделал Эдгар По за десять с небольшим месяцев пребывания в университете, примерно равнялась 2500 долларам. Из них почти две тысячи составляли карточные долги, остальное он был должен за платье, перчатки, книги, топливо для камина, стирку и т. п.

Как мы видим, сумма изрядная. Большая ее часть («долг чести») образовалась к сентябрю 1826-го. В сентябре Эдгар По прекращает играть в карты. Что тому стало причиной? Он одумался? Или с ним просто не хотели дальше играть в долг? Ответа на этот вопрос нет. О своих карточных долгах (видимо, опасаясь гнева отчима) он не сообщал домашним. Но продолжал просить денег. Что-то он получал, но — немного и нерегулярно. На эти деньги можно было существовать, но, конечно, не расплатиться с долгами. Известно, что осенью он обратился к Джеймсу Гэльту — тому самому, кого знал по Англии, в компании с кем пересекал океан, возвращаясь с семьей в Америку. Тогда Джеймсу было двадцать лет, они с Эдгаром много и хорошо общались. Теперь Гэльт превратился во владельца изрядного состояния (примерно в половину того, чем владел мистер Аллан). Эдгар По написал письмо и попросил денег. Видимо, речь шла как раз о «долгах чести». Он полагал, что родственник, недавний приятель и человек, близкий по возрасту (Джеймс был старше Эдгара на девять лет), сможет его понять. Возможно (письмо не сохранилось, известно только о самом факте), он обещал расплатиться, когда будет усыновлен официально (По был уверен, что это все-таки произойдет). Гэльт не ответил. По отправил второе письмо. Но на него также не последовало ответа. Возможно, Дж. Гэльт знал (или догадывался), что его юный приятель никогда не станет наследником торговца

и не сможет расплатиться. Но что интересно: о письмах и просьбах По мистер Аллан ничего не узнал. Догадываясь о возможной реакции последнего (и зная его вспыльчивый характер), Гэльт не захотел (или не счел нужным), чтобы тот узнал о проблемах пасынка от него.

Оба письма к Гэльту были отправлены в ноябре — самом начале декабря 1826 года. В переписке с мистером Алланом в тот же период ни о каких больших долгах (тем более карточных) поэт не упоминал. Но развязка неминуемо приближалась: наступал конец года, пришла пора сводить дебет с кредитом, торговцы и ростовщики принялись предъявлять векселя к оплате. И полетели по всему Югу письма из Шарлоттсвилля — к родителям и родственникам школяров с требованиями оплатить заимствования любимых чад.

В свою очередь, «письма счастья» — те, что касались мистера Аллана и незадачливого пасынка, — достигли и Ричмонда.

«Прижимистого шотландца, должно быть, чуть не хватил удар, когда взгляду его предстали многочисленные вехи счетов и векселей, отметившие путь утех, пройденный его воспитанником», — пишет Герви Аллен. И, учитывая характер торговца, скорее всего, он прав. Не далек от истины, видимо, и следующий пассаж биографа: «Немедля велев заложить экипаж, он во весь опор помчался в Шарлоттсвилл. Двухдневный переезд по тряским дорогам, проложенным в гористой части Виргинии, вряд ли помог умерить его гнев».

Бурное объяснение пасынка с торговцем состоялось немедленно по приезде последнего. Где произошла их встреча: в комнате номер 13, которую занимал поэт, или он был вызван для объяснения в номер гостиницы, который снимал мистер Аллан, — неизвестно, да и не столь важно. Но то, что дискуссия была шумной и эмоциональной, не подлежит сомнению. Не приходится сомневаться и в том, что обе стороны многое припомнили друг другу: торговец упрекал в лености (что не соответствовало действительности: мы помним, почему По взял два курса вместо трех, да и учился он хорошо), в мотовстве, отсутствии скромности и т. д.; Эдгар опекуна — в скупости, нелюбви, бессердечии и т. п. Но эта дискуссия не могла повлиять на результат: юноше было объявлено, что его пребывание в стенах университета закончено.

Что касается долгов. Из общей суммы в 2500 долларов торговец признал только 250 (главным образом за книги и услуги) и тогда же оплатил их. Остальные счета (в том числе от портных и ростовщиков) им оплачены не были — он отказался их признать и, следовательно, не собирался платить. О «долгах чести» он вообще ничего не хотел знать[54].

Исполнив свою «миссию», задерживаться в «виргинских Афинах» мистер Аллан не стал и вскоре отбыл. Его пасынок остался — чтобы собраться и попрощаться с товарищами.

Предпоследним днем пребывания нашего героя в университете стало 20 декабря. Известно, что в середине дня По вместе с товарищами навещал профессоров (такова была традиция — семестр заканчивался, студенты разъезжались по домам на рождественские каникулы), а затем в сопровождении одного из приятелей (Г. Аллен утверждает, что это был Уильям Уэртенбейкер, что вызывает сомнения[55]) вернулся к себе, в комнату № 13. Здесь он, по словам спутника, устроил дебош: принялся крушить мебель, жечь бумаги, книги и другие вещи.

На следующий день рано утром Эдгар По занял место в дилижансе (судя по всему, дорогу оплатил опекун), отправлявшемся в Ричмонд, и отбыл восвояси.

Итак, каковы же итоги пребывания будущего поэта в стенах Виргинского университета?

В учебе Эдгар По преуспел и все экзаменационные испытания прошел успешно. Много читал, без особого энтузиазма занимался классической филологией и очень успешно — современными языками. Особенно хорошо ему давался французский. Среди товарищей память оставил в основном не самого лучшего свойства: задолжал многим, а долгов не вернул (письма с требованиями вернуть их мистер Аллан продолжал получать даже годы спустя).

Но главное — именно в университете Эдгар По начал сочинять. Трудно сказать, насколько серьезно он сам относился к сочинительству. Герви Аллен приводит такой эпизод:

«Однажды По прочел друзьям какой-то очень длинный рассказ, и те, желая над ним подшутить, стали обсуждать достоинства произведения в весьма ироническом духе, заметив, между прочим, что имя героя — Гаффи — встречается в тексте слишком часто. Гордость его не могла снести столь откровенной насмешки, и в приступе гнева он, прежде чем ему успели помешать, швырнул рукопись в пылающий камин; так был утрачен рассказ незаурядных достоинств и, в отличие от других его сочинений, очень забавный, напрочь лишенный обычного сумрачного колорита и печальных рассуждений, сливающихся в сплошной непроницаемый мрак».

К поэзии, видимо, Эдгар По относился серьезнее и не особенно афишировал свои поэтические тексты. В комнате номер 13 он начал сочинять «Тамерлана». Вероятно, что и какая-то часть стихотворений, впоследствии опубликованных в первой книге

поэта («„Тамерлан“ и другие стихотворения», 1829), была сочинена за тем самым столом, что накануне отъезда он разломал и сжег в камине.

Как бы там ни было, 21 декабря 1826 года была перевернута и эта страница жизни, связанная с учебой в университете.

Судя по всему, в дни отъезда было начато стихотворение «Счастливый день! Счастливый час!» (законченное, скорее всего, уже в Ричмонде), полное горького разочарования и в то же время надежды, что он еще вернется в «виргинские Афины». Оно, как может судить читатель, пронизано глубокой печалью:

Счастливый день! Счастливый час!
И я был горд и ослеплен!
Но дух мой сир и слаб мой глас —
Растаял сон!

Познал я сил своих расцвет,
Свой молодой и смелый пыл,
Но юных лет давно уж нет —
Я их забыл.

И гордость я вотще познал —
Пускай другим венки дарит —
Еще жестокий яд похвал
В душе горит.

Счастливый день! Счастливый час!
Ты не обман мечты пустой —
Ты мне сиял, но ты погас,
Мираж златой.[56]

Догадывался Эдгар По или нет, что больше уже не вернется в «виргинские Афины»? Скорее всего, надеялся, что возвращение состоится.

Но он не вернулся.

С отъездом из Шарлоттсвилла закончилось и то, что можно назвать регулярным и целостным образованием поэта. Он еще будет учиться — в Вест-Пойнте, в военной академии, но едва ли то короткое время, что он там провел, можно считать продолжением образования.

В доме на Пятой улице. 1826–1827

Домой Эдгар По, как и большинство студентов, разъехавшихся на каникулы, поспел к Рождеству. Но едва ли этот праздник принес ему много радости. Конечно, было приятно вернуться в «отчий дом» и можно только представить те эмоции, что владели миссис Аллан. Но положение молодого человека было неопределенным — он не имел представления о собственных дальнейших перспективах. При расставании в Шарлоттсвилле мистер Аллан заявил ему, что обратно он не вернется. В глубине души пасынок, возможно, надеялся, что опекун переменит решение и возвращение состоится. Но заводить разговор на эту тему немедленно не решался, вероятно, рассудив, что «время лечит». Скорее всего, эту идею подала ему миссис Аллан. Вот она-то, безусловно, была счастлива видеть своего Эдди и — вполне может быть — надеялась убедить мужа простить его. Сама она, выслушав сбивчивый рассказ и объяснения, разумеется, простила его. Да и как могло материнское сердце не простить того, кого глубоко и искренне любит? Но и она не предпринимала никаких решительных шагов — зная характер своего супруга и понимая, что «худой мир лучше доброй ссоры». К тому же сил, чтобы активно способствовать примирению самых близких ей людей, у нее не осталось: она была очень слаба и уже тогда большую часть дня проводила в постели[57].

В целом обстоятельства пребывания Эдгара По в Ричмонде по возвращении из университета неясны. Достоверно неизвестно, чем он занимался эти три с небольшим (с Рождества 1826-го по конец марта 1827-го) месяца — безвыездно ли жил в доме на Пятой улице или уезжал куда-то[58], работал или нет[59]. Единственное, что можно утверждать с большой долей вероятности, что одним из первых действий молодого человека был, конечно, визит в дом возлюбленной — Эльмиры Ройстер.

Можно предположить, что расспросы о ней начались немедленно по водворении поэта в «отчем» доме. Но скорее всего ни миссис Аллан (которая в связи с болезнью была мало осведомлена о жизни вне дома), ни тетушка Нэнси (об умственных и человеческих качествах которой большинство биографов поэта отзываются сдержанно) ничего (или почти ничего) сказать не могли. Исчерпывающей информацией о девушке, разумеется, располагал отчим, вовлеченный в коллизию с письмами пасынка. Но, разумеется, о его роли (неблаговидной) тот ничего не знал. И ничего не зная о ней, опять же, разумеется, не расспрашивал. Впрочем, по возвращении в Ричмонд и тот и

другой явно избегали общества друг друга.

Можно представить, какие чувства владели молодым человеком, когда он спешил к дому возлюбленной: отчаяние, надежда, сомнения, ревность, мрачные предчувствия, растерянность, решимость… Но… «мир рухнул», когда он оказался на пороге ее дома. Внутрь его не впустили: хозяева отсутствовали. Но ему сообщили достаточно: его возлюбленная готовится к свадьбе, его соперник очень достойный молодой человек из состоятельной виргинской семьи и носит фамилию Шелтон, а сейчас будущая миссис Шелтон находится за городом, на принадлежащей Ройстерам плантации, где и состоится торжество.

Едва ли кто-то из родных (или слуг) будущей новобрачной мог сказать По, что его невеста не получила ни одного письма от него, потому что эти письма перехватывал отец Эльмиры. Тем более никто не знал о роли мистера Аллана: о том, что опекун поэта и отец девушки обсуждали любовную коллизию, о словах торговца, что не стоит всерьез рассматривать его пасынка в качестве жениха, что денег ему никто не даст и он не будет усыновлен. Что на брак его возлюбленная согласилась через слезы, мольбы и страдания — под давлением родителей. Все это (за исключением чувств невесты) он узнал очень скоро — в ходе решающего объяснения с отчимом. Но и того, что ему стало известно, было достаточно — его мир действительно рухнул.

По-человечески то, что узнал юноша, было, конечно, жестоко и несправедливо. И ему было от чего прийти в отчаяние. Но уже тогда Эдгар По был поэтом, а поэт, при всей глубине постигшей его трагедии, способен одолевать ее — у него есть средства, недоступные обычным людям. Он превращает ее в материал для творчества. Страдания он претворяет в поэтические сюжеты и строки. Сочинительство, конечно, усиливает переживания, но оно и лечит, сублимируя их, переплавляя в поэзию.

Потрясение другого могло толкнуть на отчаянные поступки — в стремлении вернуть любовь, восстановить справедливость, объясниться, наказать соперника и т. п. Но Эдгара По случившееся усадило за стол — в комнате на втором этаже в доме по Пятой улице. И едва ли он обратил внимание, что каникулы закончились и его товарищи вернулись в университет, а он — остался. В иное время это наполнило бы его сердце глубочайшей печалью и почти наверняка привело к конфликту с опекуном, но тогда, видимо, иное владело его сознанием и подчиняло все помыслы — он сочинял. Судя по всему, именно там — на втором этаже — был завершен «Тамерлан», и, конечно, только утраченная любовь могла родить такие строки:

Не ад в меня вселяет страх.
Боль в сердце из-за первоцвета
И солнечных мгновений лета.
Минут минувших вечный глас,
Как вечный колокол, сейчас
Звучит заклятьем похорон,
Отходную пророчит звон.

Он восхищается своей возлюбленной:

Она любви достойна всей!
Любовь, как детство, — над гордыней.
Завидовали боги ей, она была моей святыней,
Моя надежда, разум мой,
Божественное озаренье,
По-детски чистый и прямой,
Как юность, щедрый — дар прозренья;
Так почему я призван тьмой —
Обратной стороной горенья.

И вспоминает:

Любили вместе и росли мы,
Бродили вместе по лесам;
И вместе мы встречали зимы;
И солнце улыбалось нам.
Мне открывали небеса
Ее бездонные глаза.

…И я читал в ее глазах,
Возможно, чуточку небрежно —
Свои мечты, а на щеках
Ее румянец, вспыхнув нежно,
Мне пурпур царственный в веках
Сулил светло и неизбежно.

Но… все погибло, разрушилось, исчезло, когда:

Пришел домой. Но был мой дом
Чужим, он стал давно таким…
…Я странствовал в былые дни,
Искал Любовь… Была она

Благоуханна и нежна
И ладаном окружена.
Но кров ее давно исчез,
Сожженный пламенем небес.[60]

Скорее всего и другие стихотворения из первого сборника поэта были написаны в комнате на втором этаже. И можно совершенно определенно утверждать, что одно из лучших (если не лучшее) ранних стихотворений — «Песня» — было сочинено именно там и тогда. И, вероятно, это произошло по получении известий о состоявшейся (а возможно, и предстоящей) свадьбе Эльмиры и господина Шелтона. Другой бы ринулся к алтарю — с намерением предотвратить роковое событие. Поэт — сочинил «Песню»:

Я видел: в день венчанья вдруг
Ты краской залилась,
Хоть счастьем для тебя вокруг
Дышало все в тот час.
Лучи, что затаил твой взор, —
Как странен был их свет! —
Для нищих глаз моих с тех пор
Другого света нет.
Когда девическим стыдом
Румянец тот зажжен,
Сойдет он вмиг.
Но злым огнем
Горит его отсвет в том,
Кто видел, как, венчаясь, вдруг
Ты краской залилась,
Хоть счастьем для тебя вокруг
Все расцвело в тот час.[61]

В эти первые недели после возвращения в Ричмонд поэзия, похоже, наполняла каждый день Э. По. Но стихи, увы, не могли заменить того, что называется жизнью. Хотя мистер Аллан и Эдгар стремились свести обоюдное общение к минимуму, напряжение в доме нарастало — стычки между ними происходили все чаще. Справедливости ради необходимо заметить, что инициатива всегда (или почти всегда) принадлежала торговцу. Он выступал атакующей стороной, а его пасынок оборонялся. Но оборонялся, судя по всему, решительно и ожесточенно. Но то, что говорил ему опекун, было действительно

больно и обидно.

«Сколько раз я слышал, как вы говорили (полагая, что я не слышу, и потому, думаю, говорили искренне), что не испытываете ко мне ни малейшей привязанности, — писал По 20 марта 1827 года Аллану вскоре после решительного разговора и разрыва. — Вы постоянно попрекали меня, что я даром ем ваш хлеб, и упрекали меня в праздности, хотя, по справедливости, были единственным человеком, способным исправить ситуацию и дать мне хоть какое-нибудь дело… Вы превратили меня в мишень для своих капризов и придирок и распространялись обо мне не только среди белых господ, но и в присутствии чернокожей челяди — обиды сильнее трудно себе представить…»

Похоже, отчаявшись получить содействие в трудоустройстве от отчима, ближе к весне Эдгар сам начал искать себе занятие, встречаясь в Ричмонде и списываясь с потенциальными работодателями в других городах. Г. Аллен свидетельствует о письме поэта «некоему Миллсу» из Филадельфии, в котором По просит о месте. Автору не удалось найти сведения о таинственном Миллсе (не содержит их, кстати, и подробнейшая работа А. Х. Квина). Но, видимо, нечто похожее имело место. Так или иначе, инициативы пасынка становились известны опекуну: в конце концов, Ричмонд тех дней был не столь уж велик, а те, к кому обращался По в других городах, скорее всего, знали мистера Аллана (возможно, были его партнерами по бизнесу). В данном контексте совершенно понятна фраза из упоминавшегося письма: «Вы с восторгом разоблачаете меня перед теми, кто, по вашему мнению, мог бы поспособствовать в моих начинаниях». Как очевидно и отношение торговца к пасынку.

Трудно сказать, зачем все это делал мистер Аллан. Рассуждая здраво, прежде всего именно в его интересах было найти какое-нибудь занятие для пасынка, определить его на службу. Применить, так сказать, трудотерапию — если он полагал, что его подопечный нуждается в перевоспитании. Но он не только не делал ничего для этого, но, напротив, всячески тому препятствовал. Видимо, считал необходимым, чтобы пасынок помучился. Осознал, как говорится, «степень вины».

Желал ли он, как полагают многие биографы, чтобы Эдгар покинул семью и город? Трудно ответить на этот вопрос положительно. Вполне возможно, что в глубине души мистер Аллан и хотел этого, но едва ли действовал осознанно и расчетливо. Как мы можем видеть из приведенных эпистолярных фрагментов, в отношениях этих двух людей доминировали чувства, а не расчет.

Естественно — учитывая взрывной темперамент и того и

другого, — долго продолжаться это не могло: «критическая масса» накапливалась быстро и неотвратимо. Г. Аллен утверждал, что «спусковым крючком» стало упоминавшееся письмо таинственного Миллса[62]. Скорее всего это — домысел (как детали и темы разговора между оппонентами), необходимый автору для «развития сюжета». Во всяком случае, никто из биографов поэта не подтверждает информацию о «роковом» письме. Но никто не оспаривает, что решающий разговор между ними, скорее всего, состоялся именно в ночь на 19 марта 1827 года: факт, что рано утром 19 марта Эдгар По покинул «отчий дом», общеизвестен.

Подробности столкновения между опекуном и его воспитанником, естественно, неизвестны (что понятно, ведь разговор происходил без свидетелей). Но сказано и с той, и с другой стороны, видимо, было достаточно, чтобы Аллан предложил Эдгару «выметаться», а тот исполнил «пожелание» немедленно. Утро того же дня юноша встретил в номере при ричмондской таверне «Корт Хаус», которая, вероятно, находилась неподалеку от дома на Пятой улице.

Не все из того, что хотел сказать По своему опекуну, было сказано, и в тот же день он пишет письмо мистеру Аллану, в котором продолжает «дискуссию» и выдвигает аргументы, свидетельствующие о низости, предубежденности и несправедливости оппонента (выдержки из этого письма приведены выше). По тексту можно судить и о том, что свой уход юноша не планировал заранее — это произошло спонтанно, под влиянием мгновения. В послании — после упреков, обвинений и самооправданий — он пишет:

> «Я прошу вас прислать мой сундук с одеждой и книгами и — если у вас осталась хоть капля привязанности ко мне, в последний раз уповая на вашу щедрость, и, чтобы не сбылось высказанное вами пророчество, вышлите мне любую сумму денег, лишь бы она была достаточна для того, что добраться до одного из городов на Севере и продержаться там в течение месяца. К этому времени я сумею поместить себя в ситуацию, когда я смогу не только иметь средства к существованию, но и — в один прекрасный день — заполучу сумму достаточную, чтобы продолжить учебу в университете…»

Нетрудно догадаться, о каком «пророчестве» опекуна идет речь в письме. Несомненно, мистер Аллан предрекал ему голод, нищету и бесславный конец. Но мы видим, что юноша верил в

свой «звездный час», в свою — особую — судьбу. Что он имел в виду? В письме нет ответа. Но на вопрос нетрудно ответить: это, конечно, поэтический талант и тот ворох рукописей стихотворений, который он издаст отдельной книгой, а та принесет ему славу и богатство. Но это — в будущем. А пока, завершая послание, он просил:

«Пришлите мой сундук с одеждой в таверну „Корт Хаус“ и, я умоляю, немного денег — немедленно — у меня огромная в них нужда, если вы не услышите мою мольбу — я содрогаюсь, думая о последствиях».

Интересна приписка. То ли угроза, то ли крик отчаяния: «Только от вас зависит — услышите ли, увидите ли вы меня снова».

Мистер Аллан не ответил. И Эдгар По на следующий день, во вторник, 20 марта, пишет снова:

> «Дорогой сэр!
>
> Будьте так любезны выслать мой сундук с одеждой. Я писал вам вчера, объясняя мотивы своего ухода. Полагаю, то, что я до сих пор не получил ни своих вещей, ни ответа на письмо, объясняется тем, что вы его не получили. Я — в ужасной нужде; со вчерашнего утра у меня во рту не было и маковой росинки. Я не спал всю ночь, я бродил по улицам — и сейчас опустошен совершенно, я прошу вас — ведь вы не хотите, чтобы ваше пророчество действительно сбылось, — выслать мне без промедления сундук с моей одеждой и одолжить, если вы не можете дать, достаточно денег, чтобы я смог оплатить путешествие в Бостон (12 долларов), и небольшую сумму дополнительно, чтобы можно было продержаться до тех пор, пока не определюсь к какому-то делу. Я отплываю в субботу».

Отчаянное послание завершается очередным напоминанием о вещах и адресе, по которому их следует направить. Есть и приписка, которая, видимо, должна была растопить ледяное сердце: «У меня нет ни единого цента, чтобы заплатить за еду».

Письма, конечно, были получены адресатом. Получил поэт — вскоре по отправке второго письма — и ответ на первое.

Нам неизвестно содержание письма мистера Аллана. Но, видимо, в нем не было ничего, что открывало бы дорогу к примирению. Юноша пишет ответ. Это было уже третье послание за неполных два дня. Можно представить то напряжение, в котором он находился! Оставим в стороне его упреки опекуну. Сам он пишет: «Список ваших претензий ко мне настолько велик,

что не требует с моей стороны ответа — особенно теперь, когда вы совершенно отказались нести ответственность за меня. (Слова опекуна об „отказе нести ответственность“, видимо, были спровоцированы бегством воспитанника из дома.) Я просто хочу быть понят вами, и ваше сердце, если оно, конечно, не высечено из мрамора, подскажет вам, что у меня не было иного способа».

Тем не менее дорожный сундук и вещи (включая книги) были доставлены. Об этом упоминает сам поэт, возмущаясь, что ему положили не только тома «Жиль Блаза» и «Дон Кихота» (действительно, зачем они в дороге?), но и учебник математики. Видимо, то была инициатива торговца: таким образом он хотел посильнее ранить пасынка. Можно предположить, что с вещами ему передали какие-то продукты и немного денег, — во всяком случае, в третьем (последнем ричмондском) письме он уже не сетует на то, что умирает с голоду.

Письмо это дошло до нас в неполном виде — бумага по краю второго листа (возможно, был и третий) оборвана, и последняя сохранившаяся фраза звучала так: «…вы содрогаетесь, думая о последствиях, и тем не менее я обращаю к вам просьбу ссудить меня деньгами…»

«Ссудил» опекун своего пасынка или нет — сведения по этому поводу отсутствуют. Скорее всего да — ведь какие-то средства у него появились: он сумел заплатить за путешествие из Норфолка в Бостон, за дилижанс до Норфолка, расплатиться с гостиницей и т. п. Забегая вперед отметим, что у него оказалось достаточно денег, чтобы прожить (отчаянно нуждаясь, но все же) два месяца в Бостоне и даже издать там свою первую книгу. Можно предположить, что деньги ему дали и отчим, и миссис Аллан (скорее всего втайне от мужа).

Остается нерешенным вопрос с отъездом. Как и откуда все-таки уезжал Э. По? Г. Аллен в своей книге живописует картину пьяного разгула, в который погрузился поэт после 20 марта: собутыльником его якобы был Эбенезер Берлинг, товарищ детских игр (он же и проводил его до Норфолка). Но что-то здесь все-таки не стыкуется. Во-первых, версию разгула не подтверждают ни Дж. Ингрэм, ни А. Х. Квин, ни другие серьезные биографы поэта. Во-вторых, отсутствуют письма, написанные после 20 марта. А ведь По глубоко и искренне любил свою приемную мать и просто не мог с ней не попрощаться. В-третьих, непонятно, откуда деньги: на пиршество, на дорогу, на жизнь в Бостоне? Вызывает сомнения и многодневный «пьяный разгул»: По, собираясь навсегда покинуть Ричмонд, мог «наплевать» на приличия, но его молодой друг (кстати, он был моложе, ему не исполнилось даже восемнадцати), отпрыск одного из уважаемых

семейств города, — едва ли. Да и его семья этого ему бы просто не позволила.

Какой из этого следует вывод? Он довольно прост: проведя два или три дня в номере «Корт Хауса» после ссоры с отчимом, обменявшись с ним полными упреков письмами, По (скорее всего по настоятельной просьбе матери, возможно даже, она сама приезжала за ним) вернулся в «отчий дом». Это, конечно, не привело к примирению с опекуном. Но, во всяком случае, многое объясняет: дальнейшую переписку с отчимом — в конце 1820-х — начале 1830-х годов; его помощь (пусть с оговорками), обращения в письмах поэта к торговцу «дорогой па» и многое другое. В том числе и пресловутый финансовый вопрос. И именно из дома на Пятой улице рано утром 23 марта, в пятницу, дилижанс увез Эдгара По в Норфолк, а уже оттуда в субботу, под именем Генри Ле Рене, поэт отплыл в Бостон — навстречу судьбе и своей славе. Сомневался ли он в последнем? Очевидно, душа его была в смятении. Он — пользуясь его же выражением — «трепетал», но выбор был сделан, и сделан, что бы ни говорили иные биографы, самостоятельно, и надежда вела его.

Бостон: «„Тамерлан“ и другие стихотворения». 1827

Период с апреля 1827 года по декабрь 1829-го долгое время считался (а для многих не слишком искушенных в истории литературы США первой половины XIX века — и остается) одним из самых «темных» в биографии поэта. Он окружен легендами, насыщен апокрифами, сомнительного свойства историями и слухами, источником которых по большей части был сам Эдгар По. Впрочем, многое домыслили и добавили и современники поэта, и ранние (главным образом в рамках XIX века) американские и европейские биографы. Здесь и морские путешествия — в северные моря за китами, через Атлантику в Европу, по Средиземному морю в Грецию; и сухопутные приключения — участие в борьбе греков за независимость от османского ига, жизнь во Франции и таинственный визит в Санкт-Петербург. Пищу для биографических спекуляций, повторим, дал сам Э. По, усердно распространяя — письменно и устно — мифы о себе. Но мы должны с пониманием отнестись к его мифотворчеству — все-таки он был поэтом. Это так естественно и заманчиво — тем более в ту романтическую эпоху — примерить на себя судьбу вдохновенного Байрона и, таким образом, встать почти вровень с кумиром эпохи, который, как известно, был и его собственным кумиром.

Хотя на одном из писем, полученных миссис Аллан от любимого пасынка, и стоял начертанный его собственной рукой адрес «Санкт-Петербург, Россия» (что это было — шутка или сознательная мистификация?), а опекун через несколько недель после отъезда воспитанника в послании своему торговому партнеру утверждал, что «Эдгар… отправился искать счастья на море», на самом деле «Генри Ле Рене» уплыл совсем недалеко: Бостон стал конечным пунктом его путешествия.

Почему своей целью юный поэт избрал именно этот город? Едва ли можно всерьез воспринимать слова Г. Аллена, утверждавшего, что По «попытался найти кого-нибудь из старых друзей отца и матери». Впрочем, предположение это даже ему показалось сомнительным, поскольку «о существовании таковых он… знал лишь понаслышке; родители его были людьми малоизвестными, и по прошествии шестнадцати лет в Бостоне не осталось никого, кто бы их помнил». Вся беда в том, что и поэт, скорее всего, о своих родителях знал как раз «понаслышке», поскольку почти не помнил мать, а тем более — отца. Что уж тут

говорить о каких-то эфемерных «друзьях»? Конечно, не восстановление мифических родительских связей влекло его в Бостон, а репутация города как интеллектуальной и — что еще важнее — литературной и издательской столицы Америки. Его вело честолюбие: уже тогда он верил в свое литературное призвание, и хотя представления о собственном будущем были, конечно, весьма смутными, не приходится сомневаться, что связаны они были в основном с поэзией.

«Бостонский» период жизни Эдгара По продлился недолго — всего лишь несколько месяцев. Главным событием было, конечно, появление его первой книги — поэтического сборника под названием «„Тамерлан“ и другие стихотворения». Это издание стало серьезной вехой на его пути — как и любая первая книга в жизни любого писателя.

К сожалению, ни Эдгар По, ни те, кто был рядом с ним в эти месяцы, не оставили воспоминаний. Не написал он и писем, в которых мог бы рассказать о своем житье-бытье в интеллектуальной столице страны. Особенно «темными» в этом смысле остаются первые два месяца его жизни в городе. Достоверно неизвестно, где жил, с кем общался юный поэт. В жизнеописаниях По бытует версия, что в Бостоне он якобы — вслед за родителями — пытался стать актером и даже играл в каких-то постановках. Но никаких достоверных свидетельств в пользу этой версии не существует. Да и само предположение о театральной карьере Э. По трудно воспринимать всерьез — ни в Ричмонде, ни в Шарлоттсвилле он почти не увлекался театром, да и приемные родители наверняка попытались внушить ему отвращение к этому малопочтенному в их представлении занятию. Едва ли есть основания верить и в то, что, по информации некоторых биографов, какое-то время он служил клерком в одном из местных торговых предприятий, а затем подвизался репортером в бостонской «Уикли рипот» («Weekly Report»). В таком случае он вряд ли предпочел бы армейскую службу гражданской. Скорее всего он вообще не занимался поисками какой-нибудь должности. Можно предположить, что с самого начала пребывания в Бостоне его усилия были направлены прежде всего на поиски издателя, пожелавшего бы опубликовать его рукопись. Очевидно, поиски были долгими и порой, вероятно, мучительными. Не раз ему приходилось выслушивать отказы или предложения, которые он в негодовании отвергал. И последних, разумеется, было немало.

Вряд ли начинающий литератор представлял, отправляясь практически с «пустыми карманами» в книгопечатную столицу Америки, реальное положение дел в издательском бизнесе,

особенности взаимоотношений между автором и издателем. В те годы американские издатели с большой неохотой издавали соотечественников — если они не обладали известностью, предпочитая публиковать книги иностранцев, прежде всего англичан. Да и те выпускались в основном «пиратским» способом — для «оптимизации» расходов. А своих соотечественников если и печатали, то главным образом за счет автора. Особенно если речь шла о начинающих. Для «известных» применялась другая схема: затраты (как и возможная будущая прибыль) делились пополам между писателем и публикатором. На практике сие чаще всего означало, что автор оплачивал не половину, а львиную долю типографских расходов. И лишь очень немногие — писатели уровня Фенимора Купера и Вашингтона Ирвинга — могли рассчитывать на то, что издатель возьмется напечатать их труд, не испросив некую сумму «на покрытие рисков», и даже — по мере реализации тиража — выплатит гонорар.

Поразительно, но Эдгару По повезло. Он встретил своего издателя — того, кто согласился издать его поэтический сборник. Звали его Кэлвин Томас, он только-только начинал свой бизнес и был всего годом старше поэта. Наверное, последним обстоятельством — неопытностью — и объясняется тот факт, что Эдгару По каким-то образом удалось убедить Томаса напечатать книгу.

О К. Томасе известно мало: родился в Нью-Йорке в 1808 году, юношей перебрался в Бостон, в 1827 году начал собственное издательское дело. До 1830 года жил и трудился в Бостоне, затем уехал обратно в Нью-Йорк, но и там не задержался: в 1835 году обосновался в городе Буффало, на границе с Канадой, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Дело свое он не бросал, издавал медицинский («Buffalo Medical Journal») и литературный («Western Literary Messenger») журналы. С Эдгаром По больше никогда не встречался, воспоминаний о нем не оставил, умер в 1876 году.

На каких условиях Томас издал сборник, можно только предполагать. Ясно, что По не мог полностью оплатить появление книги — у него просто не было для этого необходимых средств. Вполне может быть, что какую-то сумму он и заплатил Томасу, но явно недостаточную для выпуска книги в свет: видимо, ему каким-то образом удалось убедить молодого издателя в своем незаурядном таланте и в том, что, «вложившись» в него, тот не проиграет. Чего-чего, а апломба у По уже тогда хватало — куда там молодому неискушенному янки против настоящего виргинского джентльмена!

На пороге типографии Томаса по адресу Вашингтон-стрит,

70, По оказался в начале мая 1827 года. Тогда же началась и работа над книгой, которой суждено было стать одной из самых редких и дорогих книг, когда-либо изданных на английском языке[63]. Маленький сборник в сорок страниц был напечатан в необычном для поэтических книг формате — в одну вторую тогдашнего печатного листа[64] — в то время в таком виде обычно издавались политические памфлеты. Видимо, такой формат избрал печатник: технологически это был самый удобный формат и, следовательно, самый дешевый в производстве. Сборник был «упакован» в самую простую обложку желто-коричневого цвета и имел довольно непрезентабельный вид. Г. Аллен писал по поводу полиграфического оформления издания: «Шрифты и виньетки, которыми он (К. Томас. — *А. Т.)* пользовался, изобличали в нем новичка в печатном деле, еще недавно, наверное, подвизавшегося учеником у какого-нибудь опытного типографа». С этим суждением нельзя не согласиться. Едва ли поэт пришел в восторг, впервые увидев неказистый облик своего «первенца». Тем не менее это была книга, которую создал не кто-нибудь, а он сам.

В свой первый сборник По включил поэму «Тамерлан»[65], сочиненную незадолго до приезда в Бостон «Песню» (стихотворение имело название «К***»), написанные прежде «Мечты», «Духи мертвых» (имело другое название — «Visits of the Dead»), «Вечерняя звезда», «Подражание», три стихотворения без названия (русскоязычному читателю они известны как «Стансы», «Сон», «Счастливый день! Счастливый час!»). Завершало сборник стихотворение «Озеро», самое раннее из вошедших в книгу.

В предисловии, предпосланном стихотворной части сборника, поэт писал:

> «Большая часть стихотворений, составляющих эту скромную книгу, написана в 1821–1822 годах, когда автору не было еще и четырнадцати лет. Для публикации они, разумеется, не предназначались; причины, в силу которых вещи эти все же увидели свет, касаются лишь того, кем они написаны. О коротких стихотворениях нет нужды говорить много — они, быть может, обнаруживают чрезмерный эгоизм автора, который, однако, был в пору их написания еще слишком юн, чтобы черпать знание жизни из иного, чем собственная душа, источника…»[66]

Поэт погрешил против истины: хотя писать он действительно начал очень рано, но «большую часть» из вошедших в сборник стихотворений он, конечно, написал не в четырнадцатилетнем возрасте. Даже если некоторые (как, например, «Озеро») и были

сочинены в ту пору, позднее, при подготовке сборника, все они (или почти все) были серьезно переработаны, возможно даже, переписаны заново: уже тогда По начал тщательно работать над поэтическим текстом, постоянно — при каждой новой публикации — совершенствуя свои строки. Позднее эта особенность наиболее ярко проявится при сочинении знаменитого «Ворона», но уже и в ранние свои годы поэт стремился добиваться совершенства.

В этом смысле нельзя не согласиться с суждением Ю. В. Ковалева, наиболее авторитетного из российских исследователей творчества поэта: «Готовя к изданию первый сборник… восемнадцатилетний Эдгар По сурово оценил собственное „наследие“ и отобрал лишь одну поэму и семь лирических стихотворений. Он отказался от откровенных подражаний античным авторам, Шекспиру, Попу, от заведомо слабых ученических опытов. Уже в юные годы он умел быть беспощадным к себе — черта, которую он сохранит до конца жизни»[67].

В связи с этим добавим, что книга была первой, и «миру» о «рождении поэта» автор, конечно, хотел объявить лучшими строками.

В то же время первый сборник, безусловно, был еще ученическим. В стихотворениях, его составивших, без особого труда читается влияние английских романтиков. И прежде всего Байрона, которому Эдгар По тогда вполне осознанно подражал, и не скрывал этого. Исследователи говорят и о воздействии поэтических образов Китса, Шелли, Вордсворта. «Следование английским романтическим образцам было характерной чертой американской поэзии — в целом, и американского Юга — в особенности, — справедливо заметил Ю. В. Ковалев. — Южная культура с ее провинциальным аристократизмом, традиционным отсутствием самостоятельности была болезненно восприимчива к влияниям… Общее увлечение американцев поэзией Байрона… приобретало на Юге черты культа. Десятки поэтов строчили стихи „под Байрона“; журналы с удовольствием их печатали, а публика с неменьшим удовольствием читала». И поэтому «подражание Байрону, Вордсворту, Китсу, Скотту было нормой в поэзии американского Юга. Раннее творчество Эдгара По соответствовало этой норме»[68]. Естественно, это влияние отразилось в первом сборнике поэта.

Сборник «„Тамерлан“ и другие стихотворения» вышел анонимно — на его титульном листе автором значился некий «Бостонец» (A Bostonian). Почему Эдгар По скрылся за безликим псевдонимом? Едва ли сейчас можно найти вразумительный

ответ на этот вопрос. Ясно одно: не робость заставила его скрываться. Робость, неуверенность в своих силах уже тогда были ему несвойственны — он был уверен в своем таланте. Может быть, опасался, что публикация книги под собственным именем вызовет гнев отчима — ведь тот считал поэзию никчемным делом? Даже если предположить, что это действительно было так, очевидно, что и отсутствием честолюбия автор не страдал — его стихи должны были «прогреметь» в национальном масштабе. Неужели он действительно рассчитывал (или надеялся) на такой резонанс? Бог весть! Но несколько экземпляров сборника он разослал по журналам. Откликов, увы, не последовало[69].

Всего Томас отпечатал пятьдесят экземпляров книжки и продавал их по 12 с половиной центов за штуку. Покупал их кто-нибудь или они выцветали и пылились в витрине типографского заведения на Вашингтон-стрит? Скорее всего последнее. Ведь К. Томас был только типографом (тем более начинающим), а не опытным издателем, и не имел необходимых контактов с книготорговцами. А без этих связей распространение книги было делом довольно проблематичным. Можно было надеяться, что кто-то заметит книжку в витрине и приобретет ее. Если кто-то и купил «Тамерлана» таким образом, едва ли речь может идти больше чем о нескольких случайно проданных экземплярах. Основным покупателем был, скорее всего, сам Эдгар По.

Книга вышла в начале июня. К этому времени в жизни поэта многое поменялось — судьба его совершила очередной поворот. Да и носил он теперь другое имя — не Эдгар Аллан По и не Генри Ле Рене, а Эдгар А. Перри и одет был не в партикулярное платье, а в мундир армии США.

Под именем «Эдгар А. Перри». 1827–1829

В солдата армии США поэт превратился 26 мая 1827 года, явившись в бостонский вербовочный офис. В армию он записался добровольно под именем Эдгар А. Перри.

Дж. Вудберри, один из биографов По, в начале 1880-х годов предпринял специальное расследование в связи с армейской службой поэта, переписывался с военным министерством и сотрудниками архива[70]. Личное дело «Эдгара А. Перри» сохранилось в анналах ведомства, и по просьбе биографа были высланы копии имеющихся там документов. Из них можно узнать, что По не только скрыл свое имя, но и добавил себе лет — в опросном листе, который заполняли с его слов, указано, что ему 22 года. В качестве места постоянного жительства он указал Бостон, а своим занятием в гражданской жизни назвал профессию клерка. Зачем он придумал все это? Остается только гадать.

Тем не менее документ военного ведомства сохранил приметы По, и это ценно: у него «серые глаза, каштановые волосы», он «худощавой комплекции, рост составляет пять футов восемь дюймов[71]». Его зачислили рядовым в одну из батарей Первого артиллерийского полка армии США, расквартированного в ту пору в форте Индепенденс, в пригороде Бостона.

К сожалению, никто из тех, с кем он нес службу, не оставил воспоминаний. Мы не знаем его должности и круга обязанностей, и версию о том, что он «уже с первых дней старался держаться поближе к квартирмейстерскому хозяйству», озвученную Г. Алленом, ни подтвердить, ни опровергнуть не можем.

От своих приемных родителей он явно скрывал, что служит в армии, — не случайно на письмах, которые он слал миссис Аллан в Ричмонд, в качестве адреса отправителя фигурирует и столица Российской империи — город Санкт-Петербург.

Чем было вызвано нежелание признаться, что он служит в армии? Ответ на этот вопрос очевиден: солдат — это поражение, косвенное признание правоты отчима, сулившего пасынку нищету, прозябание и голод. Той же причиной объясняются и письма из Санкт-Петербурга — это как раз успех, хотя никаких подробностей он не сообщал, уже сам факт пребывания в заморской столице подразумевал это.

Нетрудно догадаться, что́ привело поэта в армию и заставило влезть в тесный мундир — крайняя нужда: деньги кончились, а найти работу он не смог или не захотел искать. Прибегнуть к испытанному средству — займам — не представлялось возможным: ему как чужаку денег никто бы не дал, а о

поручительстве отчима не могло идти и речи. Не мог он, видимо, рассчитывать и на поддержку миссис Аллан.

Решение стать солдатом было, конечно, спонтанным, как и многое в жизни Э. По, как прошедшей, так и будущей. Стандартный армейский контракт, который подписал поэт, предусматривал пятилетний срок службы. Собирался ли он все пять лет носить армейский мундир? Судя по всему, об этом обстоятельстве он поначалу не задумывался.

Первый месяц «Эдгар А. Перри», скорее всего, находился в расположении части безвылазно — проходил курс «молодого бойца». Так что свою книгу поэт впервые увидел не раньше конца июня — начала июля 1827 года. Видимо, тогда же разослал какое-то количество экземпляров в газеты и журналы. Если, конечно, этого не сделал сам К. Томас по просьбе По, который к тому времени уже знал, что скоро распрощается с Бостоном: был получен приказ о передислокации. Первый артиллерийский полк перебрасывали на юг страны, в Южную Каролину, в Чарлстон. Военным предстояло разместиться в форте Моултри на острове Салливан, расположенном у входа в Чарлстонскую бухту. Приказ предписывал подготовить полк к 31 октября. В реальности «переселение» состоялось в начале ноября.

Остров Салливан и выстроенная на нем крепость — примечательное место. С фортом связан целый ряд славных страниц американской истории: во время Войны за независимость здесь произошло важное сражение, в ходе которого американцы нанесли тяжелое поражение английскому флоту. В декабре 1860-го гарнизон крепости первым среди армейских подразделений Юга отказался поддержать мятежников-конфедератов, а на завершающем этапе Гражданской войны его мощные пушки успешно противостояли броненосцам северян, пытавшимся прорваться в гавань Чарлстона.

Эдгар По провел на острове ровно год. Трудно сказать, какие впечатления ему даровала воинская служба, а вот тот клочок суши, на котором он провел это время, отложился в его памяти совершенно отчетливо:

> «Это очень странный остров. Он тянется в длину мили на три и состоит почти из одного морского песка. Ширина его нигде не превышает четверти мили. От материка он отделен едва заметным проливом, вода в котором с трудом пробивает себе путь сквозь тину и густой камыш — убежище болотных курочек. Деревьев на острове мало, и растут они плохо. Настоящего дерева не встретишь совсем. На западной оконечности острова,

> где возвышается форт Моултри и стоит несколько жалких строений, заселенных в летние месяцы городскими жителями, спасающимися от лихорадки и чарлстонской пыли, — можно увидеть колючую карликовую пальму. Зато весь остров, если не считать этого мыса на западе и белой, твердой, как камень, песчаной каймы на взморье, покрыт частой зарослью душистого мирта, столь высоко ценимого английскими садоводами. Кусты его достигают нередко пятнадцати-двадцати футов и образуют сплошную чащу, наполняющую воздух тяжким благоуханием и почти непроходимую для человека»[72].

Этот фрагмент взят из знаменитого детективного рассказа «Золотой жук». Сочинил его он много лет спустя — в 1843 году, — но, как видим, память об острове и его необычной природе сохранилась.

Насколько можно судить по рассказу, за год, проведенный на острове, у Э. По было немало времени, чтобы изучить его и облазить все закоулки. Не раз, видимо, приходилось ему покидать остров. Следовательно, службой он был не слишком обременен.

Запомнились ему и особенности климата: «Зимы на широте острова редко бывают очень суровыми, и в осеннее время почти никогда не приходится разводить огонь в помещении». Видимо, контраст между совершенно уже зимним Бостоном (в первой половине XIX века климат в северной части Америки был куда суровее современного) и почти еще летним, «благоухающим» островом Салливан, где «в осеннее время почти никогда не приходится разводить огонь», изрядно впечатлил юного Эдгара А. Перри.

Форт Моултри (впрочем, как и другие форты Чарлстона — Самтер, Джонсон и Пинкни) славился своей мощной крупнокалиберной артиллерией. Но едва ли наш герой стрелял из этих пушек или обслуживал их. Как свидетельствует Дж. Вудберри, тогда Эдгар А. Перри уже служил при штабе, занимался оформлением бумаг. То есть, по сути (вне зависимости от того, как на самом деле называлась его должность), был писарем. Что, впрочем, совершенно естественно: рядовой Перри был грамотным, писал без ошибок и обладал четким почерком, что в ту эпоху массовой малограмотности было явлением для армии редким и, конечно, выделяло обладателя уникальных качеств среди сослуживцев. А если добавить к этому великолепные манеры, неизменную вежливость, правильную речь,

всегда аккуратный мундир и несомненное «джентльменское» происхождение, станет ясно, что он был обречен на симпатии офицеров штаба и, следовательно, успешное и быстрое продвижение по службе. Действительно, уже 1 января 1829 года (менее чем через полтора года воинской службы) Эдгару А. Перри было присвоено звание главного сержанта полка. То есть он стал главным делопроизводителем части — управляющим канцелярией и, таким образом, достиг апогея своей армейской карьеры. Выше подниматься ему было некуда.

Упомянутое звание По было присвоено уже на новом месте службы: в декабре 1828 года полк перебросили севернее — в штат Виргиния, в форт Монро. Это были почти родные для него места: крепость располагалась в местечке Хэмптон, на самой южной оконечности Виргинского полуострова (на мысе Олд Пойнт Комфорт), неподалеку от Норфолка и всего в полутора сотнях километров от Ричмонда. Батареи укрепления прикрывали устье реки Джеймс и вход в гавань Норфолка. Впрочем, слово «крепость» тогда можно было использовать лишь условно: ее каменные цитадели еще только начинали возводить[73]. Вряд ли По принимал непосредственное участие в строительстве. Ведь он занимался «бумажной работой» и состоял при штабе. Известно, что основная фаза возведения каменных бастионов связана с началом 1830-х годов. Одним из деятельных ее участников суждено было стать будущему главнокомандующему армией южан генералу Роберту Ли. Впрочем, тогда он был еще только лейтенантом.

Как мы уже отмечали, службой главный сержант Первого артиллерийского полка Перри обременен не был. У него имелось немало времени для досуга. На что он тратил свободные часы? Можно утверждать, что былые — университетских времен — пороки остались в прошлом. В июле 1829 года непосредственный командир, начальник штаба полка капитан Г. Грисволд так характеризовал своего подчиненного: «Он является образцом в поведении, верен и точен в исполнении своих обязанностей и полностью достоин доверия»[74]. Едва ли подобная характеристика могла иметь место, если бы наш герой был замечен в чем-то неблаговидном.

Можно утверждать и то, что свой досуг он в основном посвящал чтению и сочинительству стихов. В пользу этого говорит тот факт, что, уйдя с военной службы, Э. По почти сразу принялся хлопотать об издании второго своего поэтического сборника — «„Аль Аарааф“, „Тамерлан“ и малые стихотворения». Следовательно, в основном книга была закончена еще в форте Монро. Конечно, он не только сочинял новые стихи, но много

работал над текстами, опубликованными прежде, — в сборнике «„Тамерлан“ и другие стихотворения». Мы уже отмечали, что поэт трудился над совершенствованием поэмы «Тамерлан» и даже сократил ее почти вдвое. Переписывал он и другие стихотворения, среди них «Сон», «Духи мертвых», «Стансы».

Хотя по службе По продвигался успешно и нареканий не имел, очевидно, что уже на втором году она стала его изрядно тяготить. Он интенсивно развивался как поэт, дар его совершенствовался — он чувствовал это и понимал, что напрасно теряет время. Вполне возможно, его посещали и мысли о том, что он сделал серьезную ошибку, подписав армейский контракт. Судя по всему, такие раздумья начали особенно одолевать его с осени 1828 года. Своими мыслями он поделился с офицером штаба, неким лейтенантом Дж. Ховардом, — скорее всего, это был человек, к которому поэт испытывал симпатию и которому доверял. Видимо, и лейтенант покровительствовал нашему герою. Неизвестно, конечно, какую часть правды (а то, что это была только «часть», не подлежит сомнению) о себе он рассказал. Но, очевидно, признался, что «Эдгар А. Перри» — псевдоним, а на самом деле его зовут Эдгар Аллан По; что ему не двадцать три года, а только неполных двадцать лет. Рассказал и о ссоре с мистером Алланом, видимо, ею и объяснив свое пребывание в армии. Трудно сказать, знал ли Ховард о поэтическом даре По и мечте прославиться на литературном поприще. Вполне вероятно, что да, и это обстоятельство могло объяснить в его глазах стремление молодого человека оставить службу. Ховард обещал принять участие в его судьбе и, возможно, наметил для этого какие-то шаги. Прежде всего необходимо было просить опекуна связаться с командованием части и сообщить, что Эдгар Аллан По, числящийся в списках полка под именем Эдгар А. Перри, является его воспитанником, что ему еще нет двадцати одного года и поэтому он, мистер Аллан, несет за него ответственность. Что в свое время молодой человек бежал из дому и до сей поры его местонахождение не было известно, а к настоящему времени былой инцидент исчерпан, примирение состоялось, Эдгар По, хотя и не усыновлен официально, должен находиться в семье, это необходимо. Что мистер Аллан ходатайствует об увольнении пасынка со службы «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами»; естественно, после того, как ему будет найдена замена и внесена необходимая в таком случае компенсация тому, кто возьмет на себя исполнение его обязанностей. Вероятно, примерно это мог советовать лейтенант Ховард своему подопечному.

Но Эдгар По не решился написать опекуну сам. И, видимо,

смог втолковать лейтенанту, что мистер Аллан относится к нему предвзято и не склонен доверять. Чем он объяснил это? Скорее всего, скверным характером опекуна. Может, даже и повинился, что какое-то время вынужден был обманывать последнего. Как бы там ни было, Ховард решил сам написать торговцу в Ричмонд, изложив все то, что было обговорено.

Вскоре представился и случай. Мероприятия по приготовлению части к передислокации, конечно, включали закупки продовольствия и иных припасов. Среди тех, кто занимался этим, был некий Джон Лэй — местный бизнесмен, знакомец мистера Аллана, возможно, его партнер по торговым операциям. Скорее всего, По был представлен Дж. Лэю. Лейтенант Ховард написал письмо Аллану и передал его через Лэя. Судя по всему, в послании он писал о тех шагах, которые необходимо предпринять, чтобы освободить пасынка от службы, и характеризовал последнего самым выгодным образом. Лэй должен был не только передать письмо, но и засвидетельствовать лестную для поэта характеристику офицера.

Письмо было передано и свидетельства предоставлены. Но торговец не ответил ни воспитаннику, ни Ховарду. Правда, через некоторое время написал Лэю, объяснив задержку с ответом недомоганием. Лэй переслал ответ лейтенанту. Среди прочего там были и такие слова: «Будет лучше, если он останется тем, что он есть, до истечения срока заключенного контракта». Слова жестокие и унизительные. Они бросали тень сомнения на все, что рассказал поэт о себе и об отношениях с отчимом своему командиру.

В создавшейся ситуации Эдгар уже не мог не написать своему опекуну лично. 1 декабря 1828 года, накануне отплытия в форт Монро, такое письмо было написано и отправлено.

Возможно, жестокие слова в письме Джону Лэю были написаны без расчета на то, что их прочтет По. Но они, разумеется, были прочитаны, и пасынок не преминул оповестить об этом опекуна. Но в целом (начиная с обращения «дорогой сэр», а не просто «сэр», как прежде — в письмах от марта 1827 года) послание было выдержано в миролюбивом духе, даже упомянутые слова он объяснил его недомоганием и начал с сожаления об этом прискорбном известии.

Он сообщал, что ему нравится служба в армии, что она продвигается весьма успешно, но у него нет дальнейших перспектив — в офицеры он не выйдет, так как для этого необходима учеба в Вест-Пойнте[75].

«Я служил в американской армии, пока служба удовлетворяла меня и не противоречила моим целям, — писал

он, — и вот теперь пришла пора оставить службу. Потому я и посвятил в обстоятельства собственной жизни лейтенанта Ховарда, который обещал мне содействие, при условии, что мы с вами помиримся. Но, видимо, напрасно говорил я ему, что вы всегда желаете мне того же, что желает любой отец своему ребенку (как вы заверяли меня в своих письмах)…»

В приведенных словах отчетливо слышен упрек. Но, пожалуй, это был единственный упрек, содержавшийся в письме. По продолжал:

«Он [Ховард] настоял, чтобы я написал вам, и, если вы все-таки согласитесь, обещал, что мое желание исполнится». И объяснял: «Срок моего контракта — пять лет. Расцвет моей жизни будет потрачен впустую». Но в любом случае он будет добиваться того, что задумал: «…мне придется прибегнуть к более решительным мерам, если вы откажетесь помочь».

Он убеждал опекуна, что уже не тот своенравный ребенок, каким был прежде, что он выдержал испытание невзгодами и добьется успеха:

> «Вам не стоит опасаться за мою будущность. Я изменился совершенно, я уже не тот мальчишка, что скитался по миру без цели и смысла. Я чувствую, что внутри меня есть сила, способная воплотить все ваши надежды относительно меня, и вы должны изменить свое представление обо мне. <…> Я говорю уверенно — разве может честолюбие и талант не предощущать успеха? Я бросил себя в мир, как Вильгельм Завоеватель на брега Британии, и сжег за собой флот, будучи уверен в победе и зная, что нет пути назад. Так и я обязан либо победить или умереть — добиться успеха или покрыть себя позором».

Просил написать лейтенанту Ховарду, добавив: «…напишите и мне, если вы меня простите».

Он не просил денег:

«Денежной помощи я не желаю — если только на то будет ваше собственное, свободное от чего бы то ни было, желание — теперь я сам могу бороться с любыми трудностями…»

Послание завершалось словами о матери:

«Дайте мне знать, как моя ма, печется ли она о своем здоровье… передайте мою любовь ма — только в разлуке можно оценить, чего стоит дружба такого человека. Я так надеюсь, что мой ветреный нрав не извел ту любовь, что она прежде питала ко мне».

Завершалось письмо словами: «С уважением и любовью,

Эдгар А. По».

Они не были формальными, как это часто бывает, а шли (по крайней мере те, что касались миссис Аллан) от чистого сердца.

Казалось бы, такое послание не могло не тронуть сердце торговца. И уж тем более сердце его супруги. Но почти наверняка письмо это не попало в руки Фрэнсис Аллан, а сам мистер Аллан на него не ответил. Не написал он и лейтенанту Ховарду.

Выждав три недели, По пишет снова, уже другими словами повторяя многое из того, о чем писал прежде. Решение его оставить армию остается неизменным. Не оставляет его и уверенность в грядущем признании. В этом смысле интересна фраза, прозвучавшая в письме, — настоящее Провидение, которому, увы, суждено было сбыться только через много лет после смерти поэта: «Ричмонд и американское государство слишком малы для меня — весь мир станет моим театром».

Но и на это письмо ответа не последовало. Тем не менее, как можно узнать из очередного послания опекуну (от 4 февраля 1829 года), По не оставляет попыток связаться с ним, пишет даже Джону Маккензи, опекуну Розали, с тем чтобы тот связался с торговцем и действовал в его интересах. В этом письме впервые возникает тема Вест-Пойнта: «В свое время вы выказывали заинтересованность в том, чтобы меня зачислили в число кадетов Военной академии». Он сообщает в Ричмонд, что «вел расспросы» по этому поводу и выяснил, что «зачисление нетрудно устроить — через ваше личное знакомство с мистером Уиртом, или по рекомендации генерала Скотта[76], или даже офицеров форта Монро…».

Можно предположить, что мистер Маккензи имел разговор с мистером Алланом и наверняка написал старшему брату своей приемной дочери, но результат этого разговора неизвестен. Впрочем, как и содержание письма — оно не сохранилось.

Трудно сказать, знала ли о письмах своего любимца миссис Аллан. Скорее всего, нет. Во всяком случае, не знала подробностей и писем не читала. Но то, что в эти — последние — месяцы жизни она постоянно думала и тревожилась о его судьбе и, видимо, не раз говорила о нем со своим супругом, очевидно. Едва ли разговоры эти случались часто, едва ли они были долгими — слишком слаба она была и почти не покидала постели. Но то, что они были, — безусловно. Иначе не объяснить перемену к пасынку, произошедшую с мистером Алланом после смерти жены. Видимо, он дал слово не оставлять его опекой. Может быть, даже поклялся.

В то время клятвы не были пустым звуком. Люди были религиозны. И даже такой черствый человек, как Джон Аллан, не

мог поступиться клятвой.

Скорее всего, такая клятва была дана уже у постели умирающей. Хотя, вероятно, торговец не думал, что она умирает. Об этом говорит то обстоятельство, что он, несмотря на неоднократные просьбы больной жены, не посылал за Эдгаром и сдался только в ночь на 28 февраля, когда ей, видимо, стало уже совсем плохо. Он написал короткую записку о состоянии жены и просил пасынка не мешкая приехать. Эдгар По смог выехать только вечером 1 марта. Он спешил и не знал, что его приемная мать уже умерла: это случилось тогда же, 28 февраля, поздним утром. Эдгар По приехал в Ричмонд во второй половине дня 2 марта и не успел даже на похороны: миссис Аллан похоронили утром на городском кладбище Шоко-Хилл.

Обычный срок увольнительной, связанной с необходимостью, тогда был равен десяти суткам. Вероятно, на такой срок была дана увольнительная и Эдгару По. Все эти дни он безвыездно провел в доме на Пятой улице, в своей комнате на втором этаже. Тогда же с опекуном он обсудил и планы, связанные с поступлением в Вест-Пойнт, и, как можно судить из будущих писем и грядущих событий, нашел на этот раз у него поддержку.

«Многие факты позволяют с уверенностью утверждать, что решение По поступить в Вест-Пойнт с самого начала было не более чем уступкой желаниям Джона Аллана. Сам он, без сомнения, предпочел бы навсегда распрощаться с армией и всецело посвятить себя литературе», — писал Г. Аллен. Однако: «По стал теперь мудрее. Он уже понимал, сколь трудно поклоняться музам на пустой желудок, и был готов скорее пойти на компромисс, чем снова гордо покинуть дом и оказаться, как и раньше, без средств к существованию. <…> Уступив на время требованиям опекуна и преуспев в Вест-Пойнте так же, как и в армии, По рассчитывал вернуть себе благорасположение Джона Аллана. <…> Унаследовать хотя бы небольшую часть состояния Аллана тоже было весьма заманчиво, ибо даже скромный достаток избавил бы По от необходимости заботиться о хлебе насущном, предоставив столь желанную возможность для занятий творчеством и прогнав прочь страшный призрак нищеты».

В целом с суждением биографа стоит согласиться. Не очень, правда, понятно, о каких «многих фактах» он говорит. Да и едва ли на самом деле «решение По поступить в Вест-Пойнт с самого начала было не более чем уступкой желаниям Джона Аллана». Как мы увидим в дальнейшем, он мог (если бы захотел) легко уклониться от поступления в академию. А он, напротив, настойчиво добивался зачисления, постоянно «теребя» опекуна. Видимо, все-таки мысль украсить себя офицерскими эполетами —

по крайней мере какое-то (и довольно продолжительное — до тех пор, пока он не стал кадетом) время — была ему приятна.

По возвращении в часть, заручившись необходимыми документами и свидетельствами от опекуна, По энергично занялся устройством дел, связанных с увольнением из армии. Дж. Аллана он держал в курсе того, что происходит, обменивался с ним письмами. По этим посланиям можно судить, что примирение между ними действительно произошло. Было оно искренним со стороны торговца или продиктовано лишь клятвой, данной умирающей супруге, можно только гадать. Но то, что со стороны поэта оно было таким, — очевидно. Об этом говорит и содержание писем, но более всего — обращение к отчиму: «дорогой папа…»

Лейтенант Ховард, покровитель По, был совершенно прав, когда утверждал, что дело можно устроить довольно быстро. Немедленно по возвращении своего подопечного в часть он написал представление начальнику штаба капитану Грисволду, тот — коменданту крепости Монро подполковнику У. Уорту, комендант — командиру части полковнику Дж. Хаусу. В свою очередь последний отправил соответствующую бумагу командующему Восточным округом армии США генералу Э. Гейнзу.

Этот документ, думается, будет небезынтересен читателю, поэтому приведем его целиком:

> «Форт Монро, 30 марта 1829 года
>
> Генерал, я прошу вашего разрешения уволить от службы Эдгара А. Перри, который в настоящее время является мастером-сержантом Первого артиллерийского полка.
>
> Означенный Перри — один из несчастных сирот родителей, погибших при пожаре театра в Ричмонде в 1809 году. Он был взят под опеку господином Алленом (так в письме. — *А. Т.),* жителем того же города и человеком весьма состоятельным, и теперь, насколько я понимаю, является его приемным сыном и наследником. В свое время, намереваясь дать ему гуманитарное образование, он поместил его в Виргинский университет, учебу в котором тот, несмотря на очевидные успехи, по юношеской опрометчивости оставил и скрылся. Несколько лет его опекун ничего не знал о нем. Между тем молодой человек записался в армию и вступил в полк, начав свою службу в форте Индепенденс, в 1827 году. После того как полк был переведен к месту

настоящей дислокации, он связался со своим покровителем, по просьбе которого молодому человеку разрешено было навестить его. В результате он полностью простил его, принял в семью и восстановил в правах. Я получил от него письмо, в котором тот просит уволить его от службы на условиях замены. Опытный солдат в звании сержанта готов занять место Перри, как только будет дано соответствующее распоряжение. Дела службы, таким образом, в результате замены ничуть не пострадают.

Полковник Джаспер Хаус, 1-й артиллерийский полк,

Генералу, командующему Восточным округом армии США, Нью-Йорк».

Из приведенного текста нетрудно догадаться, что история Перри, изложенная полковником, была сочинена нашим героем. «Несущественные детали» он опустил, и полковник (как, впрочем, и другие офицеры) не был посвящен в непростые отношения между опекуном и пасынком. Впрочем, для них они не были интересны. Главное, что «дела службы в результате замены ничуть не пострадают».

Генерал реагировал соответствующим образом и уже 4 апреля 1829 года подписал представление. Согласно ему Эдгар А. Перри увольнялся от службы Соединенным Штатам начиная с 15 апреля того же года.

Бумага поступила в штаб полка накануне указанной даты. И вот тут имеется интересная подробность, игнорировать которую не стоит. По стечению обстоятельств в тот день, когда пришел приказ об увольнении, в расположении части не оказалось ни лейтенанта Ховарда, ни капитана Грисволда. А Эдгар По то ли не захотел, то ли не мог их дожидаться. В соответствии с принятой тогда процедурой, прежде чем будут подписаны бумаги об увольнении, увольняемый должен представить себе замену (об этом как о свершившемся факте упоминает полковник Хаус, но на самом деле никакой замены тогда еще не было). В свое время лейтенант Ховард объяснял, что сделать это довольно легко: он отдаст распоряжение какому-нибудь из новобранцев, и тот займет освобождающееся место. Единственное, что должен сделать По, — выплатить месячное содержание — 12 долларов — тому, кто его заменит (так было принято). Но Ховард отсутствовал, найти желающего (а тем более отдать приказ) главный сержант полка не мог. И вот, вместо того чтобы подождать Ховарда, По решил найти добровольца самостоятельно. Почему? Ведь поступать так было совершенно нелогично. Но многое в своей

жизни По совершал спонтанно — под влиянием эмоций. Видимо, и на этот раз они возобладали: ему просто не терпелось сбросить — теперь уж ненавистный — армейский мундир.

В конце концов добровольца он нашел. Это был один из старослужащих сержантов — Сэм Грейвз. Но соглашался он занять место только при условии, что По выплатит ему не 12, а 75 долларов. Связано это было, скорее всего, с тем, что Грейвз уже выслужил собственный пятилетний срок и теперь ему предстояло служить еще три года. Видимо, хотел подзаработать. Хотя у По было всего 50 долларов (отчим дал их на устройство дел и дорогу домой), это его не остановило. Пребывая в лихорадочном возбуждении, он не стал торговаться, а тем более менять планы и поступил так: отдал сержанту 25 долларов, а еще на 50 долларов написал вексель. Позднее Джон Аллан отказался его оплатить. Он не поверил пасынку — посчитал, что тот его обманул и деньги «прикарманил». Ведь он говорил, что нужно только 12, откуда же взялась эта сумма в 75 долларов? Объяснения По предоставил, но даже несколько лет спустя этот «обман» припомнила ему вторая миссис Аллан, хотя тогда ее еще не было рядом с торговцем. Следовательно, он запомнил. И не поверил.

Как бы там ни было, 15 апреля служба нашего героя в армии США завершилась. Не навсегда он простился с армией. Впереди еще был Вест-Пойнт. Но это уже другая история. А «Эдгар А. Перри» перестал существовать, вновь превратившись в Эдгара Аллана По. И теперь снова возвращался в Ричмонд — «к отеческим гробам, к родному пепелищу».

«Аль Аарааф» и другие события. 1829–1830

Отставка и обратное превращение Эдгара А. Перри, солдата армии США, в Эдгара Аллана По, воспитанника уважаемого виргинского негоцианта, знаменовали для нашего героя не только возвращение в родной Ричмонд, но и начало неприкаянных скитаний, конец которым положит только смерть. Разумеется, ни о чем подобном он не задумывался, хотя, конечно, знал, что на этот раз его пребывание в Ричмонде будет недолгим: предполагалось, что вскоре он отправится в Вашингтон для поступления в академию.

В доме на Пятой улице на этот раз он провел меньше месяца — вторую половину апреля и первую неделю мая — и все это время большей частью был занят подготовкой к отъезду. Насколько можно судить по сохранившейся бухгалтерской книге партнера мистера Аллана господина Эллиса, важное место в этих приготовлениях принадлежало «обмундированию» юноши: записи за этот период сообщают об отпущенных по просьбе Аллана перчатках, носовых платках, тканях на белье, рубашки и верхнюю одежду. Понятно, что ему необходимо было основательно приодеться. Но, конечно, не только походы в лавку, к портным и сапожникам поглощали его время. Необходимо было заручиться рекомендательными письмами от видных жителей города к военному руководству.

К этому немало стараний приложил мистер Аллан: он не только приодел своего воспитанника, но и заручился поддержкой многих уважаемых граждан города. Среди них конгрессмен полковник У. Уорт, спикер конгресса США преподобный Эндрю Стивенсон[77] и другие. Конечно, он и сам сочинил послание, присовокупив к другим рекомендательным письмам в военное ведомство, адресовав его военному министру майору Джону Итону[78]. Письмо это стоит привести, поскольку оставляет оно двойственное впечатление, разительно отличаясь от других рекомендаций, данных будущему кадету:

> «Ричмонд, 6 мая 1829
> Дорогой сэр,
> юноша, податель настоящего письма, то же лицо, что представило вам рекомендации лейтенанта Ховарда, капитана Грисволда, полковника Уорта, нашего представителя в конгрессе и спикера преподобного Эндрю Стивенсона и моего друга майора Джонатана Кэмбелла.

В свое время мы расстались с ним в связи с его игрой в карты (во всяком случае, полагаю, что это так), которой он увлекся в университете в Шарлоттсвилле, а я отказался оплатить его „долги чести“. С огромным удовлетворением хочу отметить, что он очень изменился в лучшую сторону за последний год и многого добился. Его история коротка. Он внук генерал-квартирмейстера По из Мэриленда, вдова которого, насколько мне известно, и сейчас продолжает получать пенсию за службу и утраты, понесенные ее мужем.

Сэр! Должен открыто заявить, что мы не состоим в каком бы то ни было родстве; много в ком я проявлял подобную заинтересованность, с тем чтобы помочь им в делах; те же побуждения движут мной и сейчас, ибо забота моя принадлежит всякому, кто оказывается в нужде. Я ничего не прошу для себя, но был бы признателен, если бы вы явили любезность, поддержав юношу в свершении его планов. Мне доставит огромное удовольствие ответить на любую услугу, которую вы можете ему оказать. Прошу извинить меня за откровенность, но я обращаюсь к солдату.

Ваш покорный слуга

Джон Аллан».

Помимо мистера Аллана к военному министру обратились отец одноклассника Эдгара — Дж. Престон, конгрессмен, а также священник Дж. Барбер, помнивший Эдгара ребенком. Их письма, конечно, были куда сердечнее послания торговца и представляли юношу с самой выгодной стороны.

Письмо мистера Аллана датировано 6 мая. То есть было написано накануне отъезда По из Ричмонда. Неужели торговец желал своему воспитаннику провала? Конечно нет. Скорее всего, в тот день между ними произошла очередная размолвка, и приведенные строки — прямое ее следствие. Это был небольшой эпизод, который почти не оставил следа — за исключением слов из упомянутого письма, которые характеризуют автора куда больше, нежели рекомендуемое лицо. Тем более что письмо мистера Аллана от 18 мая с подробными наставлениями воспитаннику, как действовать в Вашингтоне, было сердечнее по тону, нежели то, что будущий кадет вез министру. Да и тот факт, что он щедро снабдил По деньгами — 50 долларов дал с собой, вскоре выслал еще 100, а затем добавил еще 50, — говорит о том, что размолвка была пустячной.

Биографы, не расположенные к опекуну, полагают, что эти

деньги были своего рода отступным — чтобы Эдгар По «убрался» из Ричмонда. Можно считать и так. Но едва ли кто оспорит, что заплатил торговец щедро. И, безусловно, желал, чтобы пасынок поступил в Вест-Пойнт.

Сведения о пребывании По в Вашингтоне скудны. Нет информации о том, «прорвался» он к министру или нет, с кем встречался и где жил в столице. Но мы знаем, что визит был кратким: претендент передал бумаги, их приняли, и ему было велено ждать решения. Во всяком случае, никаких гарантий поступления предоставлено не было.

Явно с согласия опекуна из Вашингтона По отправился в Балтимор, где жили его родственники: брат Генри Леонард, тетка Мария Клемм и ее дети — Генри и Виргиния, а также бабка, вдова «генерала» По, престарелая Элизабет По. Это согласовалось с планами молодого человека заняться продвижением рукописи уже почти готового нового сборника поэтических произведений, которому он решил дать название по заглавной поэме «Аль Аарааф», законченной, видимо, в дни службы.

Он, конечно, помнил о несчастливой судьбе своей первой книги и понимал, что напечатать книгу — не самое сложное дело. Куда важнее, чтобы ее заметили. Для этого необходимо, чтобы ее читали, значит, нужны отзывы людей с именем, к тому же разбирающихся в литературе, необходимы рецензии в журналах.

Знакомств в литературных кругах у Эдгара По, разумеется, не было. Но был один человек, к которому он мог обратиться, — Уильям Уирт. Он жил теперь в Балтиморе, только что вышел в отставку с поста, который занимал двенадцать лет. Еще в начале года Уирт исполнял обязанности генерального прокурора Соединенных Штатов — что и говорить, совсем недавно он был человеком очень влиятельным. Вполне возможно, что к нему молодой поэт обратился с подачи опекуна: в свое время У. Уирт по просьбе Дж. Аллана ходатайствовал о зачислении По в студенты Виргинского университета. Разумеется, опекун имел в виду содействие для поступления в академию, а не литературу. Но Уирт был не только видным юристом и политиком, но и писателем, автором целого ряда литературных трудов, в том числе одного из первых американских исторических романов и беллетризованного жизнеописания Патрика Генри[79]. Конечно, он был далек от поэзии, да и, будучи воспитан на образчиках литературы европейского Просвещения и тяготея к сентиментализму, вкусы имел несколько старомодные, но ни к кому иному за поддержкой и советом По обратиться не мог.

Неизвестно, получил ли наш герой содействие в поступлении в академию, да и просил ли об этом. Но вот о литературе и, в

частности, о стихах молодого автора они побеседовали. А. Х. Квин сообщает: «Уирт встретил его самым радушным образом и прочитал „Аль Аарааф“ в один присест, не отрываясь». Но он не считал себя специалистом в поэзии, да и, видимо, был немало обескуражен необычной формой поэмы и причудливым полетом фантазии автора. Молодому поэту он посоветовал обратиться за консультацией к редактору «Американ куотерли ревью» Роберту Уолшу[80], коего видел человеком весьма сведущим в современной поэзии, и написал ему рекомендательное письмо. Тот жил в Филадельфии, которую Уирт полагал (надо сказать, справедливо) культурной столицей страны — этакими «американскими Афинами», где в отличие от провинциального Балтимора кипела литературная жизнь, издавались журналы, выходили книги, был сосредоточен мощный творческий потенциал. Если добиваться успеха, то где еще дерзать, как не там? К данному суждению Уирт присоединил и собственноручный отзыв о поэме, о достоинствах которой он отозвался, впрочем, весьма обтекаемо, но выразил уверенность, что «современному читателю поэма понравится». Так поэт впервые очутился в Филадельфии — городе, который в дальнейшем будет много значить и в его жизни, и в творческой судьбе.

К сожалению, с Р. Уолшем Эдгар По смог только увидеться: тот срочно уезжал в Нью-Йорк и просто не успел составить рекомендательное письмо и дать развернутый отзыв на книгу молодого поэта. Тем не менее По сослался[81] на него, составляя письмо владельцам издательства «Кэри, Ли и Кэри» с предложением издать поэтический сборник. Ссылка на Уолша была, конечно, не лишней, поскольку тот, будучи владельцем и редактором журнала, который выпускался их издательством, пользовался авторитетом и к мнению его прислушивались. Свое письмо автор посвятил объяснению смысла заглавного произведения сборника — поэмы «Аль Аарааф».

«Ее название — „Аль Аарааф“, — пишет поэт, — совпадает с тем значением, что Аль Аарааф имеет у арабов. Это место между небесами и адом, где люди не подвергаются наказанию, но и не достигают того спокойствия и даже счастья, кои, как они полагают, являются обязательными атрибутами райского блаженства. <…> Я поместил этот „Аль Аарааф“ на знаменитой звезде, открытой Тихо Браге[82], которая появилась внезапно и так же внезапно исчезла. Она представлена как божественная звезда-вестник и отнесена ко временам Тихо, когда и была послана в наш мир. Одна из особенностей Аль Ааараафа такова, что после смерти те, кто избрал эту звезду местом своего

пребывания, не обретают бессмертия, но — после второй жизни, исполненной удовольствий, — тонут в бездне забвения и смерти».

По писал, что поэма еще не закончена, и, хотя им написаны четыре ее части, он намерен опубликовать только первые три[83]: «…поскольку характер последней зависит от успеха или неудачи остальных… Этих трех частей недостаточно для объема — поэтому вместе с „Аль Аарааф“ я хотел бы опубликовать и несколько небольших стихотворений. Но так как вся книга зависит от основного произведения, само собой разумеется, что пока рано говорить об остальных».

То есть он воспринимал свою книгу не как более или менее «произвольную» подборку поэтических текстов, но как единое целое, скрепленное общей идеей и обладающее внутренней, притом весьма непростой, архитектоникой. Поэтому явно не случайны были и сами стихотворения, и их порядок в книге (например, тот факт, что сонет «К Науке», в котором поэт сокрушается «засильем» рационализма, убивающим мечту, предваряет «антинаучный» «Аль Аарааф»), Впрочем, мы не ставим перед собой задачу разобраться в идейно-эстетическом единстве сборника и особенностях его структуры. Тем более что блестящий анализ книги поэта представлен в упоминавшейся прежде монографии Ю. В. Ковалева. К ней мы и адресуем тех, кого интересует литературоведческий аспект проблемы[84].

Интересны заключительные строки письма: «Если поэма будет опубликована, значит, я „безвозвратно — поэт“. Оставляю ее на ваш суд…»

Не стоит думать, будто По сомневался, что он «безвозвратно — поэт». Едва ли искренни и его сетования в письме издателям на возможное несовершенство некоторых строк. То был понятный и необходимый ритуал — он соблюдал его, желая издать свою книгу. Симптоматична в этом смысле и приписка в конце послания: «Не могу удержаться от повторения, не добавив, что голос м-ра Уирта звучит в мою пользу».

Из письма в «Кэри, Ли и Кэри» можно узнать и адрес, где остановился По в свой первый приезд в Филадельфию. Об этом информирует приписка: «Я остановился у Хейскелла». Это — гостиница «Индейская королева», которой владел некий Хейскелл. Она располагалась в доме под номером 15 по Южной Четвертой улице. Впрочем, известно, что По недолго жил по этому адресу, да и вообще недолго гостил в тот раз в Филадельфии. Ответ издателей не заставил себя ждать: они были не против опубликовать сборник, но выставили стандартное в данных обстоятельствах условие: им должны быть предоставлены гарантии от убытков. То есть, чтобы опубликоваться, нужно

заплатить. Как и все издатели, они не хотели рисковать.

Ответ из издательства — единственное, что удерживало По в Филадельфии. Получив письмо, он, видимо, немедля вернулся в Балтимор. И уже оттуда 29 мая написал опекуну письмо, которое начиналось такими словами: «Дорогой папа! Собираюсь обратиться к тебе с просьбой, весьма отличной от тех, с какими я обращался прежде…»

А затем весьма пространно — на трех с лишним страницах — рассказывает, что сочинил поэму, послал ее господину Уирту и тот принял ее благосклонно. По его совету представил свое произведение на суд господину Уолшу, и тот рекомендовал его издателям, а те согласились опубликовать, но хотели застраховаться от убытков:

«Стоимость издания обычна для Америки и составляет 100 долларов. Но это, конечно, подразумевает полное покрытие расходов — в том случае, если ни один экземпляр книги не будет куплен. Но я уверен, что книга будет успешной и вместо убытков принесет доход — даже в денежном выражении».

Зная отношение Аллана к Байрону, По специально указывает, что давно отказался от подражания ему. И говорит о том, насколько важна для него эта книга: «Я думаю, что вы свободны от предубеждения и поможете мне, если поймете, что в мою пору жизни это так много значит — *явить себя миру* (выделено По. — *А. Т.)».*

Ответ пришел быстро. Опекун отказался помочь поэту и сурово отчитал за неподобающее поведение, которое заключалось как в сочинении стихов, так и в стремлении их напечатать, и тем более в обращении за дополнительной материальной помощью к человеку, у которого он и так на содержании. И вообще, надо заниматься делом — в частности, прилагать усилия к поступлению в академию. Между тем последнее действительно не продвигалось — никаких известий из Вашингтона не поступало. Это обстоятельство весьма тревожило опекуна, он полагал, что «о деле забыли», и настоятельно требовал, чтобы По вновь отправился в столицу.

Поэт отправился в Вашингтон немедленно по получении «сердитого» письма от мистера Аллана, тем более что следом за посланием из Ричмонда пришли и деньги — 50 долларов. Они должны были покрыть дорожные расходы. Но поэт отправился… пешком. Причиной тому стало прискорбное происшествие, случившееся накануне (о нем воспитанник поведал отчиму уже по возвращении — в письме от 25 июня): его… обворовали. Причем сделал это троюродный брат, Эдвард М. По, с которым Эдгар делил комнату в отеле. Тот признался в содеянном и умолял

брата ничего не сообщать родным (прежде всего жене). Судя по всему, украденные деньги он вульгарным образом пропил — нашему герою досталось только около десяти долларов мелочью. На пропавшую сумму Э. По имел особые виды и написал об этом опекуну: он хотел выплатить старый долг — те самые 50 долларов, которые задолжал своему восприемнику по службе сержанту Грейвзу и которые мистер Аллан упорно отказывался дать.

В том же письме от 25 июня мы находим довольно странную ремарку:

«В Балтиморе я узнал кое-что по поводу моего происхождения, которое, я боюсь, может иметь неблагоприятный эффект — если в военном министерстве станет известно, что я внук генерала Бенедикта Арнольда, — но ведь говорить об этом нет никакой необходимости?»

Откуда взялся этот апокриф? Кто сообщил эту явную и заведомую ложь — бред воспаленного сознания, не имеющий ничего общего с действительностью? Видимо, один из дальних родственников, кто не знал (и не мог знать) истории его семейства по материнской линии. Мать поэта, как мы помним, действительно звали Элизабет Арнольд По, но к пресловутому генералу-предателю Арнольду ее отец, заурядный британский актер, разумеется, не имел никакого — ни прямого, ни косвенного — отношения. Они были однофамильцами. И только[85].

Из того, что поэт поверил этим россказням, можно сделать по меньшей мере два вывода. Первый: в этот период он довольно активно общался с балтиморскими родственниками (это подтверждает и история с ограблением); второй: историю своей семьи (во всяком случае, со стороны матери) он представлял довольно смутно.

Однако мы забежали немного вперед. Поэтому вернемся к путешествию в столицу.

Расстояние от Балтимора до Вашингтона невелико — около 50 километров, — и поэт, несмотря на жару, одолел его за один день. В столице без особого труда ему удалось попасть на прием к военному министру (великая все-таки вещь — американская демократия начала XIX века!). Тот сказал, что помнит о его деле, но пока не может сообщить ничего утешительного: на настоящий момент число слушателей академии на десять человек превышает количество имеющихся мест. Но не следует отказываться от своих планов и забирать рекомендации: кадеты находятся в летних лагерях, и именно на это время приходится большинство прошений об отчислении. Поэтому вполне вероятно, что в

сентябре его все-таки зачислят. Но, даже если этого не случится, в грядущем году его обязательно внесут в список курсантов академии. Обо всем этом По сообщает опекуну в подробном письме от 26 июля. Завершая разговор, министр заметил, что в Вашингтон приезжать было совершенно не обязательно — при положительном решении его бы известили. В тот же день, видимо, тотчас по завершении аудиенции, По — снова пешком — отправился в обратный путь и 25 июня (об этом свидетельствует письмо мистеру Аллану) вернулся в Балтимор.

В Балтиморе поэт, судя по всему, чувствовал себя не очень комфортно. Денег на ту жизнь, которую он хотел вести, недоставало — того, что выделял опекун, хватало только на еду и самую дешевую гостиницу. Да и на той, как мы видим из эпизода с кражей, он стремился сэкономить. Эдгар просил мистера Аллана увеличить содержание, но тот был тверд и советовал жить экономнее. Вероятно, даже рекомендовал По пожить у родственников, а не в гостинице. На это в письме от 15 июля поэт сообщал, что «бабушка совершенно не в той ситуации, чтобы дать мне пристанище», и писал: «…меня очень привлекает мысль вернуться домой… и дождаться зачисления в сентябре, нежели, задержавшись в Балтиморе, нести ненужные траты».

Как видим, дом мистера Аллана в Ричмонде оставался для По и его «домом». Судя по всему, он действительно по нему скучал и в письме от 26 июля вновь писал, что охотно вернулся бы в Ричмонд.

Но опекун, похоже, не горел желанием видеть его у себя и явно вознамерился избавиться от воспитанника, пристроив «на казенный кошт» в Вест-Пойнт. Таким образом, он сразу убивал двух зайцев: удалял от себя пасынка, к которому явно не испытывал теплых чувств, и выполнял клятву, данную жене.

Так поэт остался в Балтиморе. В августе — явно вынужденно — он переехал на Молочную улицу к своей тетке Марии Клемм. Переезд этот был вызван, конечно, материальными соображениями: денег по-прежнему отчаянно не хватало, хотя мистер Аллан более или менее регулярно посылал небольшие суммы. Повторим, совсем недавно, в июле, поэт писал в Ричмонд, что «бабушка совершенно не в той ситуации, чтобы дать мне пристанище». Едва ли что-то в семье бабушки с той поры могло серьезно измениться — разве что в худшую сторону. Впрочем, решающий голос в семейном альянсе Клемм — По принадлежал отнюдь не патриаршей особе (в 1829 году Элизабет По исполнилось 73 года — возраст в ту эпоху весьма почтенный), а старшей дочери. На ее натруженных, но деятельных плечах лежала забота о всей семье. Доходы членов семейной

«корпорации» были очень невелики: грошовую пенсию (за мужа-«генерала») получала Мария, очень мало зарабатывал ее сын, несовершеннолетний Генри Клемм (он был учеником каменотеса), еще меньше приносил в дом старший брат поэта Генри Леонард По (он подвизался клерком в адвокатской конторе), а еще была малолетняя Вирджиния (тогда ей было семь лет), которая к тому же часто болела. На эти скромные средства необходимо было содержать семейство, вот Мария и крутилась как могла: шила, вязала, стирала на своих и чужих, занималась уборкой, готовила, ходила на рынок, где отчаянно торговалась.

Соглашаясь на то, чтобы племянник пожил у них какое-то время, миссис Клемм, скорее всего, прислушивалась не столько к «голосу крови», сколько руководствовалась доводами рассудка: там, где едят пятеро, прокормится и шестой, дополнительный расход невелик. И хотя этот «шестой» нигде не работает, тем не менее сможет помочь семье — он получает деньги, пусть небольшие, от опекуна, и на какую-то их часть семья сможет рассчитывать.

Так поэт очутился в семье своей бабушки Элизабет По[86]. Наверняка он рассматривал свое водворение на Молочной улице как некий эпизод, обусловленный обстоятельствами, и, конечно, не предполагал, что не так много лет спустя Мария Клемм и ее дочь Вирджиния станут для него самыми близкими людьми, с которыми он будет делить и немногие свои радости, и (увы!) многочисленные невзгоды.

Дом, в котором обитало семейство, был деревянным и довольно ветхим. На первом этаже располагалась лавка (кто ее содержал и чем в ней торговали, неизвестно), второй этаж занимали бабушка, миссис Клемм с сыном и дочерью, мансарду — Уильям Генри Леонард По. Естественно, наш герой поселился с ним.

Большую часть своей (увы, весьма краткой!) жизни старший брат провел на море, избороздив изрядную часть водной поверхности планеты. Где он только не был! И конечно, рассказы о дальних странствиях, экзотических краях и народах не могли не зажечь воображения поэта — впоследствии все это нашло отражение в его повествованиях. К слову, брат, обладая изрядным запасом впечатлений, пытался подзаработать литературным трудом — писал «экзотические» очерки и рассказы, черпая материал из собственного опыта. Писатель он был скверный, но время от времени его тексты публиковали в «Норт Американ» («North American or, Weekly Journal of Politics, Science and Literature»), балтиморском еженедельнике, редактор которого был падок до всевозможной экзотики.

Но к тому времени, когда младший поселился в комнате старшего, все плавания и приключения остались позади. Теперь Генри был прикован к суше: за нищенскую плату переписывал бумаги в небольшой адвокатской конторе. Занятие тяготило его, но вновь выйти в море он уже не мог: был смертельно болен — легкие пожирал туберкулез.

Трудно сказать, что стало причиной болезни — наследственность или прежние лишения морской жизни. Впрочем, в ту эпоху, когда туберкулез и смерть от него были обычны, едва ли кто-то из жертв задумывался о причинах недуга. Пытался ли он как-то противостоять болезни? Лечился ли? Увы, ответ на эти вопросы один — отрицательный. Более того, Генри приближал неизбежную гибель хроническим алкоголизмом. Он пил почти ежедневно. В те годы, когда стакан джина стоил несколько центов, для того, чтобы забыться в алкогольном дурмане, денег нужно было совсем немного.

Правда, свою мансарду Генри удавалось покидать не каждый день. Когда случались приступы болезни, сопровождавшиеся кровохарканьем, у него просто не оставалось сил, чтобы встать с постели. В такие дни за старшим братом ухаживал младший — приносил еду, давал пить, развлекал разговорами… Немало, видимо, рассказывал и старший — о своих приключениях в Южной Америке, северных морях и в портах Средиземноморья.

Чем в эти месяцы жизни на Молочной улице был занят наш герой? Он нигде не служил и не предпринимал попыток найти работу. Это известно вполне достоверно. Редко выходил в город и почти не покидал мансарду. Скорее всего, время он делил между больным братом и поэзией — работа над произведениями сборника продолжалась: он сокращал, переписывал, переделывал, редактировал написанное. К тому же вел активную переписку с журналами, пытаясь хоть что-то опубликовать.

Судя по всему, переписка с редакторами периодических изданий была в основном безрезультатной. Единственным, кто счел возможным откликнуться на стихи Э. По, был Джон Нил, известный в то время литературный критик и писатель, редактор влиятельной «Янки энд Бостон литерари газетт» («The Yankee and Boston Literary Gazette»)[87]. В обзоре, опубликованном в сентябрьском номере журнала, он отметил стихи (очевидно, это была поэма «Аль Аарааф» или ее часть) такими словами: «Строки Эдгара Аллана По из Балтимора о „Небесах“ — пусть ему самому они и мнятся превосходящими все, что написано американскими поэтами, не считая несколько вскользь упомянутых безделиц, — есть малопонятная фантазия, хотя фантазия изысканная. Э. А. П. сможет до конца проявить свои способности, ему удастся

сочинить прелестное, может быть, великолепное стихотворение. Здесь есть многое, что оправдывает такую надежду»[88].

Прозвучавшая похвала, скорее, обращена в будущее. Тем не менее она много значила для поэта. Не случайно много лет спустя в письме от 3 июня 1840 года он признавался Нилу, что тот стал «первым, кто придал импульс моей литературной карьере». И действительно, это был «импульс», который заставил По решительнее стучаться в двери издательств.

Вскоре его решительность увенчалась успехом (вполне возможно, свою роль сыграл и отзыв Нила). В письме от 18 ноября 1829 года поэт сообщает опекуну, что его поэтический сборник готовится к выходу в балтиморской издательской фирме «Хэтч энд Даннинг» «на самых выгодных условиях», что они обязались «отпечатать и предоставить мне 250 экземпляров книги».

Непонятно, о каких «выгодных условиях» упоминает поэт, — издатели не занимались благотворительностью. Какую-то сумму По, безусловно, заплатил за издание, но сколько — неизвестно. Интересная деталь: о предстоящем издании он пишет через месяц с лишним после принятия решения о публикации. И еще одна подробность: в предыдущем письме в Ричмонд (от 12 ноября) он не упоминает о своем успехе, но жалуется на полное безденежье, а в письме от 18 ноября благодарит за присланные ему 80 долларов. Можно предположить, что какая-то часть этих денег перешла к «Хэтч энд Даннинг». Во всяком случае, предположение это вполне логично.

Разумеется, деньги опекуна не предназначались издателям, а были даны на возвращение По в Ричмонд. Мистер Аллан, похоже, наконец решил, что существование пасынка вне дома обходится ему слишком дорого. К тому же теперь дальнейшее его пребывание в Балтиморе было лишено смысла — сентябрь давно минул, а известий из Вест-Пойнта не поступало. Значит, зачисление не состоялось.

Предполагалось, что тогда же, в ноябре, пасынок вернется «домой». Но этого не случилось — ни в ноябре, ни в первой половине декабря. По задержался в Балтиморе. Возможно, причина не была понятна опекуну, но нам она понятна: поэт ждал выхода своей книги.

И вот она вышла: «тоненькая книжка в одну восьмую листа в синем картонном переплете, с очень широкими полями и несколькими дополнительными титульными листами». Центральное место в сборнике занимали две поэмы — «Аль Аарааф» и «Тамерлан». Вторая была существенно переработана автором, изрядно сокращена (о чем мы уже писали) и снабжена

посвящением Джону Нилу, который, как мы помним, сочувственно отозвался о стихах поэта на страницах своей газеты. За поэмами после небольшого предисловия следовали девять стихотворений. Четыре из них («Озеро», «Духи мертвых»[89], «Сон во сне» и «Тебя в день свадьбы видел я») в переработанном виде перекочевали из предыдущего сборника поэта.

Экземпляры книги По, судя по всему, получил в самом конце ноября — начале декабря. Вероятно, тогда же разослал их в журналы на рецензию. Сборник не получил широкого резонанса, на его выход в основном отозвались балтиморские издания. Впрочем, и их оценка была довольно сдержанной. Единственным исключением стал отклик влиятельной миссис Сары Хэйл, редактора филадельфийского «Годиз лэдиз бук» («Godey's Ladey's Book»), сравнившей строки По с творениями Шелли. Отзыв маститой критикессы появился на страницах журнала в январе 1830 года.

Что интересно: тогда же в письме троюродного брата поэта, Нельсона По[90], адресованном кузине и невесте (и будущей жене — кстати, тоже родственнице нашего героя) Джозефине Клемм, прозвучали такие слова: «Эдгар По опубликовал поэтическую книгу… Однако так наша фамилия еще и прославится». Едва ли Нельсон По, который и сам «баловался» писательством и трудился в одной из балтиморских газет («Baltimore Gazette and Daily Advertiser»), испытывал по-настоящему теплые чувства к родственнику. Да и ремарка несла отчетливо ироничный подтекст, но — вот ведь действительно ирония судьбы! — оказался прав. Хотя едва ли на самом деле подразумевал нечто подобное!

Но, когда прозвучали эти — как оказалось, пророческие! — слова, поэт был уже далеко от Балтимора. Дождавшись выхода из печати всего тиража (он составлял 250 экземпляров) и выкупив у издателей полтора или два десятка своих книжек, он отправился в Ричмонд.

«Дома» он очутился под самый Новый год — все праздновали Рождество. Несомненно, и нашего героя переполняли радостные чувства — не только от встречи с домом, праздника, но и от перспектив, что рисовало его воображение: ему всего двадцать лет, а он уже автор двух книг; он — поэт, и о его стихах высокого мнения видные критики. Ему, конечно, очень хотелось, чтобы его видели триумфатором. Он показал книгу отчиму, домашним. Несколько экземпляров пристроил в местную книжную лавку, которую содержал некий мистер Сэнкси[91]. Встретился со школьными и университетскими приятелями, двоих или троих даже одарил — и не только книгой в синем переплете, но и

рассказами о своих мифических путешествиях. В его вдохновенном повествовании мелькали заснеженная Россия и столичный Петербург, Греция и просторы Средиземного моря, имя Байрона и намеки на некие парижские приключения особого свойства. Все это он, конечно, придумывал, но стоит ли сомневаться, что ему нравилось наблюдать реакцию бывших товарищей, видеть в их глазах восхищение, смешанное с недоверием, завистью и уважением. И он сам, видимо, почти верил в то, о чем рассказывал, — так очаровывал и манил тот романтический флер, отражение которого ясно читалось в глазах тех, кому были адресованы рассказы.

Дома его приняли хорошо. Он вернулся в свою светлую просторную комнату на втором этаже, что так разнилась с тесной каморкой в мансарде под крышей, которую он делил с больным братом в доме тетушки Клемм на Молочной улице. Его рады были видеть слуги, и уж конечно особенно радовалась шумная и хлопотливая тетушка Нэнси. Впрочем, по воспоминаниям тех, кто ее знал, на все без исключения она реагировала, скажем так, преувеличенно эмоционально. Возможно, только внешне, но ровно и спокойно на этот раз выстраивались и отношения с мистером Алланом. Несмотря на то что опекун был явным противником поэтических устремлений пасынка, он вполне благодушно отнесся к факту издания книги: безусловно, держал ее в руках, возможно, полистал и наверняка читал отзывы критиков, которых удостоились поэтические сочинения его воспитанника и которыми тот гордился. К тому же, согласно сведениям А. Х. Квина, в бухгалтерских книгах мистера Аллана за январь — май 1830 года содержится немало записей, свидетельствующих, что тот весьма деятельно занимался «экипировкой» пасынка. Среди них — счета за одеяла, перчатки, чулки, рейтузы и другие товары для Эдгара[92].

Казалось бы, ничто не предвещало той грозы, что вскоре вновь разразится. Речь идет об очередной (и, увы, серьезной!) ссоре между ними.

Среди биографов поэта распространена версия, что ссора связана с матримониальными планами опекуна — он собирался снова жениться. Якобы пасынок резко возражал против этих маневров и даже препятствовал их осуществлению. Действительно, за год, что минул после смерти супруги, мистер Аллан вовсе не монашествовал: при живой еще жене у него была длительная связь на стороне — с некой миссис Уиллс, молодой вдовой из Балтимора. Связь продолжалась и после кончины Фрэнсис Аллан. Весной 1830 года женщина родила двойню[93], Аллан детей признал и назначил вдове содержание. А еще до

этого торговец сватался к одной даме из Ричмонда, но получил отказ. Циркулировали слухи и о других увлечениях негоцианта. Вероятно, какая-то информация доходила и до пасынка, и наверняка ему было неприятно слышать об амурной активности опекуна, но никаких «разборок» по этому поводу он, конечно, не устраивал. Причины очевидны: во-первых, натянутые отношения с отчимом; во-вторых, после смерти миссис Фрэнсис его положение в семье стало еще более неопределенным; и, наконец, сама эпоха — в целом куда более лояльная к внебрачным связям мужчины. К тому же на рабовладельческом Юге был широко распространен институт наложничества. Многие состоятельные южане имели наложниц из числа рабынь и не особенно скрывали это. К чести мистера Аллана, в этом смысле его репутация была безупречна.

В биографии поэта Герви Аллен ярко живописует ухаживания негоцианта за «тетушкой Нэнси». Якобы мистер Аллан собирался жениться на старшей сестре покойной жены, а пасынок активно тому препятствовал. Потому и разгорелась между ними очередная ссора, в результате которой поэт вынужден был покинуть Ричмонд. Вот что по этому поводу писал биограф:

«Аллан был теперь вдовцом, причем с порядочным состоянием, которое уже само по себе делало его завидной партией. Его хозяйство вела сестра покойной жены, мисс Валентайн, и бережливый торговец стал подумывать, не сделать ли домоправительницу законной женой. За год до смерти Фрэнсис Аллан он написал в одном письме, что мисс Валентайн „все такая же веселая толстушка, как и раньше“. Надо думать, что за столь короткий промежуток времени она не утратила привлекательности; к тому же женщина эта хорошо знала, сколько сахара класть ему в кофе, всегда была рядом и вообще отлично его понимала. И Аллан начал оказывать ей явные знаки внимания. <…> Намерения Аллана возмутили По до глубины души. Со дня смерти Фрэнсис Аллан не прошло еще и года, и он не питал никаких иллюзий относительно утонченности нежных чувств, обуревавших опекуна. По решительно воспротивился этому союзу и напомнил „тетушке Нэнси“ обо всех обидах и несправедливостях, которые претерпела от мужа ее покойная сестра. Быть может, он даже как-то помешал ухаживаниям Аллана. Так или иначе, но мисс Валентайн отказала Джону Аллану — вероятно, под влиянием По, — что окончательно разрушило последние слабые узы, связывавшие воедино семейство Фрэнсис Аллан. Негодованию Аллана не было предела. Неужели он никогда не избавится от этого наглеца, постоянно вносящего расстройство в его столь разумные и логичные планы? Нет, он должен теперь же положить этому конец раз и навсегда! И

По был обвинен в попытке помешать Аллану обзавестись законным наследником»[94].

И в результате был «немедленно отправлен в Вест-Пойнт».

Все это, конечно, домысел. Никаких брачных планов относительно «толстушки Нэнси» у негоцианта не было. Она действительно хорошо знала, «сколько сахара класть в кофе» мистеру Аллану, и вообще «отлично его понимала», но достаточно ли этого для брачного союза? Едва ли. К тому же «тетушка» была все-таки «старовата», чтобы ожидать от нее потомства. Да и разве это «партия» — немолодая и не очень привлекательная сестра покойной жены? Что же касается ремарки «немедленно отправлен в Вест-Пойнт», то мы помним, какие усилия прилагали опекун, пасынок да и другие люди, чтобы По был зачислен в академию, но они были тщетны. Так что «немедленно» отправить туда молодого человека никто не мог.

В действительности все обстояло иначе. После того как обещанное военным министром зачисление не состоялось ни осенью 1829 года, ни зимой 1830-го, мистер Аллан принялся искать более серьезные рычаги воздействия на военное министерство. В этом ему помог партнер мистер Эллис. У последнего был старший брат, П. Эллис, сенатор от штата Миссисипи, который обещал лично переговорить с министром по поводу Эдгара.

Состоялся этот разговор или дело продвинулось обычным порядком, но в конце марта в Ричмонд пришло письмо из министерства, извещавшее, что Эдгар Аллан По «внесен в списки кандидатов к поступлению в Военную академию армии США». К письму прилагался и перечень документов, которые необходимо было предоставить. В том числе и гарантийное письмо от опекуна, что «он не возражает против службы» своего воспитанника.

Требуемое письмо (видимо, не без внутреннего удовлетворения) мистер Аллан представил:

> «Его превосходительству министру обороны, Вашингтон.
>
> Сэр!
>
> Как опекун Эдгара Аллана По, настоящим я удостоверяю свое согласие на подписание им бумаг, которые обязуют его к службе Соединенным Штатам на срок в пять лет, если он не будет уволен раньше, как оговорено в вашем письме о зачислении его в кадеты.
>
> С уважением, ваш покорный слуга
>
> Джон Аллан».

Об эту же пору — по версии Г. Аллена — случилась и ссора с опекуном, после чего поэт покинул Ричмонд и (в апреле) возвратился в Балтимор к миссис Клемм[95].

Как ни прискорбно писать об этом, но упомянутая ссора — целиком на совести юного поэта. И причиной стали не мифические ухаживания опекуна, а неосторожные (и оскорбительные) слова По в адрес мистера Аллана в одном из писем, содержание которого стало известно последнему.

Дело вот в чем. Зимой 1829/30 года, видимо, устав ожидать, когда Эдгар По заплатит обещанные (и обеспеченные векселем) 50 долларов, ему написал сержант Грейвз — тот самый, что заменил «Эдгара А. Перри» на посту главного сержанта Первого артиллерийского полка.

Как, вероятно, помнит читатель, По несколько раз честно пытался скопить деньги и рассчитаться с сержантом. Но ему постоянно что-то мешало: то деньги шли на самое насущное (и очень часто их на это «насущное» не хватало), то их попросту крали, то нужно было заплатить издателям. Опекун же денег не давал, не веря в реальность существующего долга. Так, по сути невольно, Э. По все откладывал и откладывал «расплату». Сержант, понятное дело, терял терпение и вот, раздобыв где-то ричмондский адрес По, написал ему. Поэт ответил и вновь подтвердил, что о долге помнит, обязательно заплатит, но сейчас денег у него нет, однако постарается в очередной раз обратиться к опекуну. Видимо, это намерение было искренним, и, вероятно, он даже верил в успех разговора, поскольку отношения с отчимом были неплохими. Вероятно, разговор состоялся, но, судя по всему, результат снова был отрицательным. Во всяком случае, в письме от 3 мая 1830 года По сообщил Грейвзу, что «уже десять раз пытался получить… деньги у мистера Аллана, но тот, так или иначе, увиливает» и вообще «редко бывает трезв». Вот эта последняя ремарка и оказалась роковой. Конечно, По писал солдату-сослуживцу, потому писал нарочито грубовато и, конечно, не думал, что его слова прочтет кто-то другой. Но вышло иначе. Сержант, видимо, отчаявшись получить свои деньги, написал напрямую мистеру Аллану, требуя заплатить долг и… присовокупил злополучное письмо По к собственноручному посланию.

21 мая 1830 года послание достигло опекуна. Объяснение последовало незамедлительно. Свидетелей разговора не было. Но, зная вспыльчивый характер негоцианта и — не менее несдержанный — его собеседника, о накале эмоций нетрудно догадаться. Понятны и последствия: едва ли не на следующий день Эдгар По покинул Ричмонд.

Но, видимо, Эдгар По чувствовал свою вину и около года спустя (3 января 1831-го) писал мистеру Аллану: «Уезжая от вас, я стоял на палубе парохода и понимал, что больше мы никогда не увидимся».

Так и случилось. Несмотря на взаимные обиды, позднее они продолжали переписываться (переписка была неровной, сарказма и желчи хватало и с той и с другой стороны, но иногда опекун даже отзывался на просьбы непутевого пасынка о помощи), но действительно больше не виделись.

А единственным бенефициаром в этой истории оказался пресловутый Грейвз: мистер Аллан, хотя так и не поверил в историю о долге в 50 долларов, сумму эту все-таки выплатил. Видимо, только для того, чтобы «не трепали его доброе имя». Тем более что в действительности он спиртным никогда не злоупотреблял.

А Эдгар По отправился в Балтимор. Опекун предписал дожидаться там вызова в академию и у себя в доме видеть его больше не хотел.

К чести мистера Аллана, необходимо добавить, что поэт покидал Ричмонд прекрасно одетым, с запасом белья и изрядным багажом. Снабдили его и деньгами: торговец дал 20 долларов.

А матримониальная интрига, о которой мы упоминали, все-таки имела место. Но позднее, и наш герой никакого отношения к ней не имел. Уже после отъезда пасынка из Ричмонда на приеме у одного своего приятеля-плантатора (с ним он вел общие дела) мистер Аллан познакомился с некой молодой особой. Ее звали Луиза Габриэлла Паттерсон, она приходилась племянницей жене хозяина дома и приехала погостить из Нью-Джерси, где жила с родителями. По воспоминаниям современников, она была миловидна, но довольно резка в суждениях и вообще весьма активна. Ей было тридцать лет или чуть больше. Что ее привлекло в негоцианте? Скорее всего, деньги. Да и в таком возрасте трудно быть слишком разборчивой. Очень скоро они обручились. А на следующий год мисс Паттерсон превратилась в миссис Аллан, лишив нашего героя даже призрачных перспектив на наследство.

Кадет Вест-Пойнта. 1830–1831

«В чудесном уголке — красивейшем по всему красивому и приятному нагорью у реки Норт — находится высшая военная школа Америки; она стоит в окружении темно-зеленых холмов и разрушенных фортов и смотрит с высоты на далекий городок Ньюбург, притулившийся у сверкающей на солнце водной полосы, по которой здесь и там скользят челноки, и белый парус под порывом ветра, налетевшего из горной лощины, вдруг меняет галс, — все здесь насыщено воспоминаниями о Вашингтоне и событиях Войны за независимость. Трудно было бы сыскать для академии более подходящее место, а более красивого, кажется, и в мире нет»[96].

Так писал о местности, где расположен Вест-Пойнт, знаменитый Чарлз Диккенс, посетивший ее в 1842 году, — через двенадцать лет после того, как туда поступил Эдгар По. Едва ли в те годы виды, которые открывались перед глазами зрителя, были менее живописными. Разве что форты, о которых упоминает писатель, находились в более приличном состоянии, но и тогда они уже разрушались, поскольку необходимости поддерживать их в боевом состоянии не было[97]. Англо-американский художник и гравер Уильям Беннетт в 1831 году запечатлел на своей гравюре вид, открывающийся с реки Гудзон на Вест-Пойнт. Что и говорить, панорама действительно впечатляет.

Знаменитый английский писатель провел в Вест-Пойнте две ночи и полный день и потому не только видел академию снаружи, но имел возможность (пусть кратко) познакомиться с ее жизнью, распорядком, условиями существования кадетов и преподавателей, совершить подробную экскурсию.

«Система обучения здесь суровая, но хорошо продуманная и мужественная, — писал Диккенс. — Весь июнь, июль и август молодые люди проводят в палатках на широком плацу перед колледжем, а в течение всего года ежедневно проделывают там военные упражнения. Срок обучения для всех кадетов установлен государством в четыре года, но то ли из-за строгой дисциплины, то ли из-за свойственной американцам нелюбви к каким-либо ограничениям, а может быть, и по обеим причинам сразу, но не больше половины поступающих в академию оканчивают ее».

Не окончил ее и Эдгар По, но причины у него были другие — отличные от тех, что упомянул великий англичанин.

Впрочем, мы забежали немного вперед, поскольку водворение поэта на берегах Гудзона состоялось в июне 1830 года, а мы оставили его в мае — за месяц до этого.

По не мог отправиться из Ричмонда в Вест-Пойнт напрямую — вступительные испытания и зачисление в кадеты тогда проходили в последней декаде июня. Но не мог он оставаться и дома. Поэтому направился сначала в Балтимор, к тетушке Клемм и брату, на знакомую Молочную улицу. Здесь он пробыл около месяца, а в Вест-Пойнт прибыл 25 июня — о чем сообщил в письме мистеру Аллану 28-го числа того же месяца.

Каждый кандидат в кадеты кроме предоставления рекомендаций при поступлении в академию должен был держать соответствующие испытания, но на практике они были формальностью, потому что число претендентов соответствовало числу мест. Так что еще до окончания июня Эдгар Аллан По из человека партикулярного вновь превратился в военнослужащего, но теперь уже почти в офицера — во всяком случае, тогда так относились к учащимся академии. Хотя муштру и шагистику никто не отменял, однако с самого начала молодым людям внушали, что они не только будущие офицеры, но «избранные» — джентльмены особого свойства, выковывая, таким образом, кастовость и «чувство локтя».

Первые два месяца кадеты проводили в лагерях: жили в палатках, занимались на открытом воздухе, упражняясь в физической и строевой подготовке. Если помнит читатель, военный министр США говорил будущему кадету, что именно на эти первые два месяца приходится наибольшее число прошений об увольнении. И он нимало не покривил душой: большинство попадали в академию в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. И хотя в ту эпоху мужчины взрослели быстрее, но хватало и тех, кто не в состоянии был справиться с таким резким переломом в собственной судьбе. Для подавляющего большинства новоиспеченных кадетов ранние подъемы, плац, шагистика, палатки, палящее солнце, пот, застилающий глаза, были не только в новинку, но и превращались в тяжкое испытание. Но не для По. В сравнении с «зелеными сосунками» он был опытным солдатом и, вероятно, даже испытывал мрачное удовлетворение, глядя, как тяжело им даются азы военной науки. Он был старше всех на своем курсе — ему шел двадцать второй год, и это был предельный возраст, когда принимали в академию.

В конце августа «лагеря» закончились, и кадетов перевели в учебные корпуса академии.

> «Вест-Пойнтская военная академия состояла в ту пору из пяти каменных зданий, в которых находились административные помещения, классные комнаты и казармы, — сообщает Г. Аллен. — Стояли они на холмах,

склоны которых сбегали к берегу Гудзона, а чуть ниже и ближе к реке располагались кирпичные дома для офицеров и преподавателей и несколько старых военных складов, где хранились оружие и амуниция. Старые деревянные бараки были сожжены за несколько лет до приезда По. Здесь одновременно обучалось около 250 кадетов. Штат офицеров, преподавателей и прислуги насчитывал более тридцати человек. <…> Рассчитанный на четыре года курс предусматривал изучение естествознания, философии, химии, высшей математики, инженерного дела, баллистики, черчения, географии, истории, этики, национального законодательства и французского языка»[98].

Как видим, из кадетов готовили прежде всего инженеров. Что немудрено: согласно тогдашней военной доктрине в грядущей войне особая роль отводилась фортификации. Тем более в Америке, которая нападать ни на кого не собиралась, но могла ожидать нападения со стороны европейских государств.

К слову: в отсутствие гражданского инженерного образования в США офицерский корпус сыграл совершенно особую роль в развитии инфраструктуры страны в первой половине XIX века. Офицеры строили не только форты и укрепления, но и портовые сооружения, здания, мосты, дамбы и плотины, шоссейные и железные дороги, проектировали города, изучали моря, озера, реки и горные массивы, исследовали страну, занимались топографической съемкой, чертили планы и карты.

Чтобы овладеть необходимыми для этого знаниями, нужно было много и интенсивно учиться. Соответственно и распорядок дня в академии был очень жестким, если не сказать жестоким. Будили по звуку горна с рассветом. Затем следовали физические упражнения и умывание холодной водой. Завтракали в семь утра. Потом шли на занятия, которые длились до часу дня. Один час — перерыв на обед, и снова занятия с двух до четырех. После четырех — чай и экзерциции на плацу, ужин и снова учеба до половины девятого. В девять звучал горн — «всем в казармы», около десяти — «тушить огни», ровно в десять — «отбой». И так почти весь год — каждый из четырех, что длилась учеба. Увольнения случались, но были редкостью, праздников для кадетов не существовало, в выходные распорядок дня почти не менялся.

Кроме жесткого распорядка существовала и масса иных ограничений, определявшихся особым академическим уставом, каждую статью которого уже кадеты-первокурсники должны были

знать назубок. Всего таких статей было 304, и подавляющее большинство из них так или иначе ограничивали свободу воспитанников. Понятное дело, устав запрещал курсантам употреблять алкоголь, курить и играть в карты. Но, например, статья 176-я запрещала курсантам также играть в нарды и даже в шахматы, а статья 173-я определяла: «Никому из кадетов без специального разрешения суперинтенданта (начальника академии. — *А. Т.)* не дано право хранить и иметь у себя в комнате романы, стихи или иные книги, не имеющие отношения к учебе».

Трудно сказать, как это правило воспринималось кадетом По, но, видимо, не без внутреннего раздражения.

Впрочем, книг у него с собой, за исключением французской грамматики, взятой из дома, и присланного позднее учебника математики (пригодился-таки многострадальный том, «преследовавший» поэта с Шарлоттсвилла!), скорее всего, не было. В письме, посланном вдогонку уехавшему пасынку, мистер Аллан упрекал, что тот «прихватил» ряд предметов, ему не принадлежавших. В том числе несколько романов и (главное!) бронзовый чернильный прибор, купленный негоциантом в Англии, на котором «выгравировано имя Аллана и год — 1813-й». Что до романов, то они, скорее всего, остались на Молочной улице, прибор же — действительно ценный трофей! — он взял с собой в академию, а затем пронес через всю жизнь, почти никогда с ним не расставаясь. Но справедливости ради стоит отметить, что тот всегда стоял на столе в комнате поэта (той, что на Пятой улице) и он (может, и напрасно) считал его своей собственностью.

Кстати о письмах. Мистер Аллан написал упомянутое письмо в июне 1830 года и до января 1831-го больше пасынку не писал. Хотя Эдгар и сообщал ему о своих успехах (а они были), он не откликался. Тем более не навещал пасынка. Хотя бывал в Нью-Йорке и мог это сделать. «Спровадив» воспитанника, он уже летом начал готовиться к свадьбе и осенью женился. Кстати, и в Нью-Йорке он бывал не по делам, а ездил к невесте. Где там выкроить время, чтобы навестить воспитанника! Тем более что такие визиты хотя и допускались, но не приветствовались руководством академии. И уж подавно не посылал денег, хотя большинству кадетов деньги из дома высылали регулярно.

В последнем обстоятельстве многие биографы склонны видеть очередное свидетельство жестокосердия опекуна. Что ж, может быть, они и правы. Но не следует забывать, что кадет По не только существовал «на всем готовом» (питание, обмундирование, медицинская помощь и т. п.), но ему полагалось и ежемесячное жалованье — 28 долларов. Правда, из них «на

руки» он получал только 16, остальные вычитались за стол, постельные принадлежности, стирку и т. п. В принципе по тем временам совсем неплохо. Хотя, например, книги (прежде всего учебники, а они были дороги) он должен был покупать за свой счет. Тем не менее, если переводить оставшееся на современные деньги, это составляло примерно 500 долларов. Правда, если сопоставить масштабы цен, не только книги, но и многое другое обходилось тогда явно дороже, чем сейчас. Впрочем, обмундирование у него было казенное. В отличие от Шарлоттсвилла в академии По в общем-то действительно ни в чем не нуждался. Поэтому едва ли стоит обвинять мистера Аллана во всех грехах.

Хорошими в академии были и бытовые условия. Хотя помещения, в которых обитали кадеты, и назывались казармами, но жили они в комнатах по три-четыре человека. Конечно, поэта, привыкшего и тяготевшего к приватности, данное обстоятельство не радовало. Но, с другой стороны, во время службы в Первом артиллерийском полку он существовал в куда более стесненных условиях.

Но в целом, повторим, новая жизнь ему давалась, конечно, легче, нежели большинству кадетов, от которых он отличался и возрастом, и армейским опытом. Без особого напряжения давались и занятия. Основными предметами на первом курсе были математика и французский, с которыми проблем у По не было: на курсе из восьмидесяти семи кадетов по итогам первого семестра он держал по иностранному языку третью, а по математике — семнадцатую позиции.

Эдгар занимал комнату № 28 Южных казарм. Его товарищами были Томас У. Гибсон, Аллан Б. Магрудер (предположительно) и Тимоти П. Джоунз. В дальнейшем по крайней мере двое из них окончили академию и стали офицерами. Каждый впоследствии оставил собственные воспоминания о соседе. Едва ли их можно считать особенно ценными, ведь написаны они были много лет спустя (Гибсон опубликовал свои в 1867 году, Магрудер в 1884-м, а Джоунз и того позднее, глубоким старцем — в 1904 году), и, конечно, не только посмертная слава поэта, но и его посмертная репутация, безусловно, не могли не повлиять на них. Куда интереснее в этом смысле слова однокурсника По — Дэвида Хэйла, сына упоминавшейся выше миссис Сары Хэйл. В феврале 1831 года он писал матери:

«Я поговорил с мистером По о том, что ты мне написала, и тебе, возможно, будет интересно кое-что узнать. В свое время он убежал из дома своего приемного отца, очень богатого

виргинского джентльмена, чтобы отправиться в Южную Америку, а затем в Англию, где окончил колледж и получил степень. Затем он вернулся в Америку снова и записался рядовым в армию, но, движимый солдатским честолюбием, решил сделать армейскую карьеру, добился назначения в кадеты и минувшим июнем поступил в академию. Здесь его считают человеком весьма одаренным, впрочем, его любовь к математике очень странна для поэта».

Оставим пока без внимания «странную для поэта любовь к математике» (об этом мы еще поговорим). Но нет сомнения в том, что Хэйл общался с По. И, как многие другие, стал жертвой его мистификаций. Если мы заглянем в воспоминания Гибсона, Магрудера и Джоунза, то и здесь встретим те же (с вариациями) истории о дальних морских странствиях, полученном в Англии высшем образовании и т. п. Видимо, не всему из того, что рассказывал о себе По, Хэйл поверил. Во всяком случае, он не сообщил матери о циркулировавших в академии толках, что тот внук генерала Б. Арнольда[99], не поведал и о других фантастических подробностях из жизни своего однокашника.

Совершенно очевидно, что По распускал о себе слухи сознательно. Для чего это было ему нужно? И здесь — никакой загадки. Очутившись в чуждой для себя среде, которую составляли люди большей частью весьма имущие (в письме отчиму он упрекает его: «…вы отправили меня в Вест-Пойнт нищим, с теми же трудностями по вашей милости прежде я столкнулся в Шарлоттсвилле»[100]), принадлежавшие к самой привилегированной части общества (среди кадетов было немало потомков «славных» фамилий — генералов, героев революции и Войны за независимость), он не мог согласиться на свою «второсортность», но стремился отстоять себя как личность, как человека, которого нельзя не уважать и которым нельзя не восхищаться. Отсюда и причудливые апокрифы, отсюда же сатирические стишки и пародии на господ наставников-офицеров и на порядки академии. Они пользовались большой популярностью и письменно и устно расходились среди кадетов[101].

Вполне резонен вопрос: а как складывались отношения Эдгара По с другими кадетами? Анализ воспоминаний его соучеников указывает, что едва ли он пользовался всеобщей и безоговорочной любовью. Были среди них те, кто считал, что он — пользуясь известным английским речением — «не тот человек не в том месте» (*the wrong man at wrong place)*. Находились и такие, кто спустя годы утверждал: «Он был никчемный парень, очень эксцентричный, предпочитавший решению уравнений сочинение

стишков»[102]. Но большинство из тех, с кем Э. По был знаком, относились к нему с симпатией и уважением. Едва ли не единственный из сокурсников, он избежал повышенного внимания к своей персоне со стороны кадетов старших курсов («дедовщина», как понимают люди искушенные, вовсе не изобретение Российской армии — любая армия держится на внеуставных отношениях). Значение имели, конечно, возраст и армейский опыт, внесли свою лепту слухи, что ходили о нем (не без участия, как мы помним, нашего героя) по академии, вероятно, свою роль сыграла и поэтическая одаренность. Ведь не случайно, когда он вознамерился издать сборник стихотворений, на будущую книгу подписались (и внесли плату) более сотни кадетов.

Раз уж мы упомянули о поэзии и поэтическом сборнике, необходимы некоторые пояснения.

Понятно, что инициатива его издания принадлежала поэту. Неизвестно, как он вышел на издателя, но факт остается фактом: Элам Блисс лично приезжал в Вест-Пойнт, чтобы познакомиться с автором и организовать подписку на книгу.

Интересно и вот что: был ли знаком издатель с содержанием будущего сборника или его это не интересовало? Скорее всего, для него важнее была финансовая составляющая проекта.

Кадеты, подписавшиеся на издание, ожидали от грядущей книжки большой забавы, рассчитывая встретить на ее страницах нечто подобное тому, чем веселил их кадет По, — эпиграммы, пародии и сатиры, и здорово позубоскалить.

Они заблуждались. Эдгар По готовил издание совершенно иного рода. И хотя книга была снабжена посвящением «Кадетскому корпусу армии США», основу сборника составляли лирические стихотворения. Наряду с новыми в книгу он включил и часть прежде уже опубликованных текстов, среди них — поэмы «Аль Аарааф» и «Тамерлан». Среди первых такие известные стихотворения, как «К Елене» («Елена, красота твоя, как челн никейский, легкокрыла…»), «Спящая» («В июне в темный час ночной…»), «Израфил» («Пребывает ангел в высях…»). Это говорит о том, что его поэтический труд продолжался и в совершенно непоэтических мрачных стенах Южной казармы рождались удивительные по красоте строки.

Что ж, большинство подписчиков были разочарованы, а ведь им пришлось заплатить почти по полтора доллара. Не очень, конечно, большие, но и не маленькие деньги за небольшую книжку.

Но со сборником мы забежали вперед. Он вышел в апреле 1831 года — Эдгара По уже не было в академии.

А пока он еще там. И все ладится с учебой. Не было поначалу нареканий и на дисциплину. Инспектор, проверявший их класс в ноябре 1830 года, особо выделил По среди сослуживцев. Так продолжалось до января 1831 года. А 3 января Э. По вдруг пишет письмо опекуну, в котором просит дать разрешение покинуть академию.

Письмо большое. В основном По сетует на несправедливость опекуна, упрекает его в скаредности, приводит примеры и расчеты, что тот недостаточно снабжал его деньгами — и в Шарлоттсвилле, и в Вест-Пойнте, присылал не те книги, всячески ущемлял его — в то время как другие родители совсем иначе относились к своим чадам, и вообще делал его существование невыносимым. Упоминалось и письмо сержанту Грейвзу. По признавал, что он действительно написал *те самые,* так обидевшие Аллана слова. Завершалось послание строками:

> «Мне нечего больше сказать — за исключением того, что моя будущая жизнь (которая, в благодарение Господу, не продлится долго), должно быть, пройдет в болезнях и в бедности. У меня не осталось ни сил, ни здоровья. Если бы я мог, я продолжал бы мириться с теми тяготами, что здесь переживаю, — если бы я находился тут по своей прихоти, но мне это не нужно. Поэтому, как упоминал прежде, я хотел бы уволиться. Для этого необходимо, чтобы вы, как мой опекун (пусть и формальный), дали письменное разрешение. Бессмысленно отказывать мне в этой последней просьбе, — поскольку я могу оставить это место и без какого-либо дозволения, — ваш отказ будет означать для меня лишь небольшие финансовые потери».

Чем было спровоцировано письмо и что заставило По отказаться от офицерской карьеры? Каждый биограф выдвигает свою версию: «надоело», «заболел», «разочаровался», «отсутствовали условия для творчества» и т. п. Разумеется, все это имело место. Хорошо известно также, что в осенние месяцы у поэта резко ухудшилось самочувствие: он быстро уставал, испытывал слабость и тревогу, страдал бессонницей. Все это, конечно, беспокоило, провоцировало депрессию. Тем более что он не мог объяснить причины своего состояния. Депрессию фиксируют стилистика и содержание письма от 3 января. Но ведь такое состояние не случилось внезапно. Значит, был какой-то толчок. Скорее всего, некое известие, заставившее принять решение и написать опекуну.

Что это могло быть за известие? Вероятно, нечто, лишающее

смысла пребывание Э. По в академии. Таковым могло стать (и скорее всего, стало) известие о женитьбе мистера Аллана. Едва ли нуждается в доказательстве, что По отправился в Вест-Пойнт не потому, что очень хотел этого. Его поступления страстно желал опекун, а воспитанник только подчинился его воле. Правда, вполне охотно. Но если он не хотел становиться офицером, зачем делал это? Нетрудно ответить и на этот вопрос: его вела надежда, что мистер Аллан все-таки будет им гордиться, признает его и он перестанет ощущать свою ущербность. Или назначит ему какое-то содержание. Или просто упомянет в завещании — ведь отчим (по меркам той эпохи) уже немолод, да и хворает часто.

Нет сведений о том, что Эдгар По поддерживал с кем-то связь в Ричмонде. Но ведь и не обязательно это известие могло достичь его письмом. Мир вообще невелик. А тем более Америка начала XIX века. Рядом могли быть кадеты из Ричмонда, из Виргинии, наверняка — из Нью-Йорка. Вполне может быть, из Нью-Джерси и даже из того самого Элизабеттауна, в котором проживала пресловутая мисс Луиза Габриэлла Паттерсон. В каком-то — совершенно случайном — разговоре он мог узнать, что произошло 5 октября (ни сам опекун, ни «тетушка Нэнси» ему ничего не сообщили), и… всё. Все рухнуло — планы, надежды… Все, связанное с Вест-Пойнтом, потеряло смысл. Новая миссис Аллан еще молода, у нее будут дети, у торговца — наследники. Да если даже и не будет? Какое место в ее жизни может занять он — пасынок? И известие это, скорее всего, настигло поэта накануне 3 января, наложилось на депрессию и подтолкнуло к решению, а решение — к письму…

Забегая вперед скажем, что мистер Аллан действительно не упомянул пасынка в завещании, которое составил и заверил нотариус 31 декабря 1832 года. Он отказал достойные суммы своим внебрачным детям и их мамашам; оставлял деньги миссис Уиллс из Балтимора на воспитание близнецов, не забыл даже ее дочерей, прижитых в браке, на образование коих предназначил три тысячи долларов; завещал кое-какие мелочи слугам и тетушке Нэнси. Но ничего — Эдгару. Не был он упомянут и в дополнении от 15 мая 1833 года, которое мистер Аллан оформил в связи со смертью одного из своих детей от госпожи Уиллс. Все немалое имущество он оставил супруге.

А если бы Эдгар А. По остался в академии, окончил ее и стал офицером, — упомянул бы тогда опекун его в своем завещании? Трудно дать на этот вопрос как положительный, так и отрицательный ответ. Впрочем, как и на любой, заданный в сослагательном наклонении.

По отправил письмо 5 января, мистер Аллан получил его 10-

го. И не стал на него отвечать. Но заочный — неизвестный поэту, но ведомый потомкам — ответ все-таки прозвучал. Его собственноручно начертал опекун на обороте последнего листа послания из Вест-Пойнта:

«Получил настоящее письмо 10-го и, ознакомившись с его содержанием, не стал отвечать. Я сделал эту запись 13-го и не обнаружил веской причины менять свое мнение. Не думаю, что в этом парне найдется хоть что-то хорошее. Пусть поступает как заблагорассудится, хотя, впрочем, я мог бы его спасти, но не на его условиях — поскольку не верю ни единому его слову».

А наш герой, выждав достаточный, по его мнению, срок для ответа и не получив оного, взялся действовать самостоятельно. Уже 8 января он отсутствовал на классной поверке и затем игнорировал ее на протяжении всех учебных дней месяца, 16 января не вышел в караул, с 18-го перестал выходить на построение, потом отказался участвовать в общем посещении церкви, а с 17 января вообще прекратил посещать занятия.

Еще раньше (судя по всему, в октябре — ноябре 1830 года) он снова стал выпивать. Едва ли это было связано с решением уйти из академии. Скорее, с разочарованием от учебы и армейских порядков и… с академическими традициями. Армия зиждется на ограничении личной свободы — молодость сопротивляется этому, и потому ценится индивидуальная победа над армейскими запретами. На алкоголь наложен запрет, а запретный плод сладок. Но и нарушить правила легко. Поэтому нарушали и видели в выпивке особое молодечество. Разумеется, спиртное нельзя было раздобыть на территории учебного заведения. Но, как вспоминал тот же Гибсон, это нетрудно было сделать за воротами, в кабачке «Олд Бенни», что располагался в паре сотен метров от академии. «Редкий день проходил без бутылки бренди самого лучшего качества из кабачка старины Бенни», — замечал тот же свидетель, и его воспоминания восходят к той же поре[103].

Кадет По активно участвовал в попойках и наверняка был инициатором многих из них. Едва ли он пил много, но мы знаем, какое действие на него оказывали даже небольшие дозы алкоголя. Тем не менее вряд ли соответствуют действительности слухи, будто поэта неоднократно находили мертвецки пьяным. Такое — несмотря на то что офицеры попустительствовали кадетам и смотрели на вечерние попойки «сквозь пальцы» (и сами были молодыми!) — не прощается, а в перечне прегрешений поэта, озвученном на академическом «суде чести», пункт «пьянство» отсутствовал.

Как бы там ни было, даже без учета пьянства грубое и демонстративное нарушение дисциплины со стороны кадета По

не могло долго оставаться без наказания. На что, как мы помним, он и рассчитывал. Наконец, 27 января, по докладу дежурного офицера и последующему распоряжению суперинтенданта академии он был арестован и препровожден в караульное помещение, выполнявшее функцию гауптвахты. На следующий день состоялся суд. Его обвиняли по двум пунктам: «грубое нарушение служебных обязанностей» и «неповиновение приказам». По каждому из них в суд были представлены свидетельства, зафиксированные по датам дежурными офицерами. Нет нужды перечислять их. Отметим только, что все они были запротоколированы и внесены в решение суда. По обоим пунктам — правда, не по всем эпизодам — По был признан виновным. Видимо, некоторые его прегрешения были списаны на болезнь. Тем не менее вердикт военного суда был лаконичен: «Кадет Э. А. По должен быть уволен от службы Соединенным Штатам». О чем и извещал приказ по академии от 8 февраля 1831 года. Датировка приказа объясняется тем, что приговор должны были еще утвердить в военном министерстве. Оттуда пришло и распоряжение: «Считать кадета Э. А. По уволенным от службы Соединенным Штатам и исключить из списков кадетов Военной академии после 6 марта 1831 года».

Исключенный кадет не стал ждать указанной даты и, как известно из его письма мистеру Аллану от 21 февраля, 19 февраля покинул Вест-Пойнт.

«19 февраля следующий из Олбани пароход причалил к пустынной вест-пойнтской пристани, чтобы взять на борт одинокого пассажира, странное одеяние которого состояло из плохонького и изрядно поношенного костюма, кадетской шинели и помятой шляпы, а багаж — из небольшого окованного железом сундучка. Вскоре подняли трап, и старенькое колесное суденышко „Генри Экфорд“ зашлепало вниз по Гудзону, направляясь в Нью-Йорк. Стоявший на палубе молодой человек зябко поежился, не без мрачных предчувствий перебирая жалкую горстку монет в кармане. Билет до Нью-Йорка стоил 75 центов — почти все, что у него было. Буксирный трос, на котором „Генри Экфорд“ тащил за собой две тяжело груженные баржи, натянулся, со свистом и брызгами вырвавшись из воды; на длинный прощальный гудок парохода, прокатившийся по зажатой высокими берегами реке, отозвалась сигнальная труба в Вест-Пойнте. Будущие полководцы армий Соединенных Штатов и Конфедерации, печатая шаг, шли к заветным генеральским звездам. Эдгару По было с ними не по пути».

Так описал отъезд поэта из академии Герви Аллен[104].

Хорошо написано. Ярко. Неясно, правда, откуда он узнал все

эти подробности. Да и вообще: откуда известно, что он был единственным пассажиром? Ведь под судом, кроме него, находились еще двое кадетов. Может быть, и они отбыли с ним вместе? Вопросов — много. Однако биограф не ошибся, утверждая, что поэт «ежился» под ветром — из отправленного вскоре из Нью-Йорка письма опекуну известно, что в этом путешествии По «заработал» воспаление уха. А вот что касается «будущих полководцев», которые «печатая шаг, шли к заветным генеральским звездам», здесь он несколько все же преувеличил. Если и вышли в генералы однокурсники Э. По, то один или два — не больше. Не оказалось на его курсе и ярких фигур. На предыдущем курсе — были. Знаменитый Роберт Ли, например, — будущий главнокомандующий армией Конфедерации. И на последующих — тоже. Но вне зависимости от этого нашему герою в самом деле «было с ними не по пути», куда бы они ни направлялись.

Словом, единственное, что можно утверждать вполне определенно, — Эдгар Аллан По действительно покинул Вест-Пойнт 19 февраля 1831 года, плыл вниз по Гудзону до Нью-Йорка, был легко одет и потому в путешествии изрядно простудился. Все остальное — домысел.

РАЗВИТИЕ СЮЖЕТА

Неприкаянный. 1831–1833

От Вест-Пойнта до Нью-Йорка вниз по Гудзону около сотни километров. Казалось, недальний путь, тем более по течению, но светового дня не хватило, чтобы добраться до пункта назначения. Значит, была ночевка, и едва ли в комфортных условиях. В Нью-Йорк поэт прибыл простуженным — совсем больным и разбитым.

Отчаянное положение, в котором По оказался в Нью-Йорке — больной, растерянный, без денег, — иллюстрирует письмо, отправленное 21 февраля мистеру Аллану в Ричмонд. Хотя в предыдущем, совсем недавнем послании из Вест-Пойнта он заверял опекуна, что больше никогда его не потревожит, в этом писал:

> «Несмотря на все мои утверждения в обратном, я вынужден еще раз обратиться к вам за помощью — и это будет в последний раз, когда я тревожу вообще кого-нибудь из живущих, — я тяжко болен, в постели, и чувствую, что мне никогда с нее не встать. Сейчас я взываю не к вашей любви, ибо я ее потерял, но к чувству справедливости. Я писал вам, прося дать свое разрешение на отставку, — потому что оставаться было *невозможно*… — у меня безумно болит ухо, и это мучит меня постоянно <…> без вашего дозволения я не мог получить отставку… а мне следовало выходное пособие в 35 долларов, 30 — в соответствии с правилами их выплачивают тем, кто покидает академию. В нынешних моих обстоятельствах даже один доллар имеет для меня цену большую, нежели 10 тысяч долларов для вас, но вы *сознательно* отказались отвечать на мое письмо — и я сказал вам, что тогда пренебрегу своим долгом, поскольку иного пути у меня нет, последствия были неизбежны — меня выгнали. Я *был изгнан,* когда всего одна ваша строка могла бы меня спасти, вся академия была на моей стороне, потому что единственное мое преступление заключалось в том, что я *был болен,* но все было бесполезно. Я апеллировал к полковнику Тайеру[105], ссылался на свой послужной список, на собственную репутацию, свой талант — но все было напрасно; если бы вы дали свое разрешение на отставку — всего, что последовало, можно было бы избежать — у меня нет ни сил, ни энергии, чтобы описать хотя бы половину того, что я чувствую… Два дня назад я

покинул Вест-Пойнт и отправился в Нью-Йорк без пальто и вообще без всякой верхней одежды. Я жестоко простыл и теперь прикован к постели — у меня нет денег — нет друзей — я написал моему брату — но он не может помочь — я никогда не встану с постели … — я едва осознаю то, о чем пишу — не могу писать больше. Пожалуйста, вышлите мне немного денег — быстрее — и забудьте все, что я наговорил о вас.

Да хранит вас Бог.

Э. А. По.

Ни слова моей сестре.

Я буду посылать на почту [за ответом] каждый день»[106].

Едва ли есть смысл разбирать, что в словах поэта правда, а что нет. Перед нами письмо человека, встревоженного до паники, впавшего в совершенное отчаяние, — и не только потому, что нет денег, но и потому, что болен, и это пугает его. У поэта воспаление случилось впервые, он в чужом городе, он не знает, что приключилось с его ухом, и не имеет представления, к кому обратиться, и к тому же карман его пуст. Г. Аллен называет письмо поэта «излишне жалостным». Нет, это письмо не «жалостное». Это — письмо донельзя испуганного человека. И он обращается к тому, к кому привык обращаться. Ведь какие бы отношения у них ни были, для По мистер Аллан — суровый, несправедливый, жестокий, но — отец. «Суррогат отца» по крайней мере. Но мистером Алланом 22-летний поэт уже давно не воспринимается в качестве сына. Поэтому он не отвечает на письмо и не посылает денег.

Тем не менее в течение недели ситуация каким-то образом разрешается. Бывший кадет выздоравливает, поселяется на Медисон-сквер (в то время этот район города считался приличным и недорогим). Там, во время прогулки, 1 марта его встречает давний приятель (некий Питер Пиз из Бостона). Поэт в прекрасном настроении, сообщает, что живет неподалеку, много времени посвящает променадам, а также и о том, что «ему улыбнулась удача».

Поскольку встреча была мимолетной, о какой «удаче» говорил По, его знакомец не сообщил. Но, скорее всего, была связана с готовящимся к печати сборником. Вероятно, поэт получил известие, что книгу набирают и вскоре она будет издана. Кстати, первыми числами марта 1831 года датируется и портрет поэта кисти Генри Инмэна[107]. Мы знаем, что у По не было средств, чтобы заказать миниатюру, ее появление связано,

конечно, со сборником. Известно, что Инмэн активно сотрудничал в эти годы (да и позднее) с издателями, в том числе с Эламом Блиссом, и живописный образ поэта, видимо, предназначался для сборника.

Насколько можно судить по изображению, По действительно не выглядит несчастливым. Хотя он несколько напряжен, но пытается быть непринужденным, на губах полуулыбка, взгляд устремлен в пространство, и вид вполне «байронический». Впрочем, а как должен выглядеть молодой поэт? Конечно, как Байрон! Сходство с британским бардом очевидно — и в позе, и во взгляде, и даже в костюме. Интересно, откуда оно? К нему стремился поэт или то была воля художника? Скорее всего, сработал стереотип. Но вот что характерно: на портрете По выглядит явно старше своих лет. А ведь ему только двадцать два года. Не стоит упрекать художника, будто он «состарил» поэта. Так будет всегда. Портретов у По будет еще несколько. Их создадут разные живописцы, но на каждом герой наших строк выглядит старше своих лет. И в этом одна из особенностей Эдгара По — он не только рано повзрослел, но и стариться начал уже тогда, когда его сверстники еще только мужали.

Впрочем, прекрасное настроение длилось, видимо, недолго. Уже 10 марта поэт вновь пребывает в смятенном состоянии духа. Свидетельством тому письмо в Вест-Пойнт полковнику Тайеру, начальнику академии[108]. В нем он пишет, что «при первой оказии намерен отправиться в Париж». Бывший кадет просит дать рекомендательное письмо маркизу де Лафайету со свидетельством, что «он учился в академии», и объясняет, что протекция необходима, так как он собирается «поступить в польскую армию» [?]. Реакция полковника неизвестна, как, впрочем, и обстоятельства странного намерения По, но очевидно, что послание продиктовано очередным приступом отчаяния, охватившего молодого человека.

Как, вероятно, заметил читатель, резкая смена настроений — характерная черта Эдгара По. Он редко бывал весел и почти никогда — беззаботен, чаще всего пребывал в сумрачном расположении духа. Но и сумрачность его была разной — иногда спокойной и сосредоточенной, а порой — суетливой, напряженной, беспокойной — до отчаяния и даже паники. Трудно сказать, испытывал ли он такое в юности. Если судить по некоторым его художественным текстам (например, по упоминавшейся автобиографической новелле «Вильям Вильсон»), подобные состояния были ему знакомы и в отрочестве. Впрочем, художественный текст — ненадежное свидетельство в таком деликатном вопросе. Что можно утверждать наверняка: перелом в

характере поэта произошел в возрасте примерно шестнадцати-семнадцати лет, после того как он отправился учиться в Шарлоттсвилл. Испытания, пережитые там, и — в еще большей степени — те, что последовали, надломили психику поэта, и, начиная с той поры, отчаяние, даже исступление посещали его часто. Нечто подобное, скорее всего, переживал он и 10 марта. Как долго это длилось, неизвестно. Но странное письмо полковнику Тайеру (вероятнее всего, оставшееся без ответа), конечно, оказалось прямым следствием такого состояния.

Какими обстоятельствами оно было вызвано? Как можно заметить, «спусковым крючком», как правило, был некий стресс. В свою очередь, источником стресса могло быть что угодно — ссора, болезнь, внезапное неприятное известие, безденежье. Чаще всего им и было отсутствие денег и, как следствие, чувство беспомощности. Доказательства тому мы увидим и в дальнейшем. Опытный психоневролог мог бы определить, следствием чего были эти спорадически возникавшие состояния: повышенной эмоциональности, особо тонкой нервной организации, душевной болезни? Вопрос непростой. Как нет единственного определения — что есть талант. А тем более — талант выдающийся. И вообще, что такое писательство, сочинительство? Разве не свидетельство некой девиантности? Писатель создает *новые миры.* И живет в них. А обычному человеку нет нужды в иных мирах. Он существует в этом. Да и этот — единственно реальный — для подавляющего большинства из нас — избыточен.

Едва ли мы ошибемся, если предположим, что на этот раз приступ отчаяния спровоцировало банальное безденежье. Действительно, оказавшись в Нью-Йорке, По не мог с уверенностью смотреть в будущее: у него не было ни денег, ни работы. Чем и на что жил поэт в эти мартовские дни 1831 года?

Можно утверждать, что основным источником финансов для поэта в нью-йоркские весенние дни был издатель его книги Элам Блисс. Не стоит считать этого господина особенно щедрым. Скорее всего, давал он совсем немного, и этих денег едва ли хватало даже на самое необходимое (письмо от 10 марта 1831 года — косвенное тому подтверждение). Нет оснований и подозревать Блисса в благотворительности. Он зависел от поэта. Ведь сборник издавался по подписке. И деньги за него могли быть получены только после того, как книга будет напечатана и отослана подписчикам. К тому же чек выписывался на имя автора. И лишь после того, как автор получал чек, издатель мог получить заработанное.

А деньги по тем временам были неплохие. Из 232 кадетов академии на книгу подписался 131 человек. Экземпляр стоил 1

доллар 25 центов. К тому же весьма вероятно, что подписались и несколько офицеров. В чеке на имя Эдгара А. По, выписанном казначеем академии (не забудем, в армии всё происходит централизованно и в соответствии с инструкциями — подписка на книгу производилась с разрешения суперинтенданта полковника С. Тайера), значилась сумма 170 долларов[109]. Следовательно, у издателя были все резоны поддерживать поэта. Во всяком случае, до тех пор, пока из академии не прибудут деньги.

Книга По вышла из печати в апреле. Точная дата выхода неизвестна. Но чек датирован 23 апреля. Следовательно, подписчики получили сборник тогда же или чуть раньше, а тираж, скорее всего, был готов в середине месяца.

Интересно, какую часть из 170 долларов получил Э. По? Скорее всего, небольшую — издание сходной по объему и полиграфии книжки обходилось автору приблизительно в 100 долларов (издателю, конечно, дешевле). А если вспомнить, что издатель еще и «содержал» нашего героя в течение марта и апреля, то станет понятно, что гонорар оказался невелик. Об этом говорит и тот факт, что уже в конце апреля Э. По начинает подыскивать себе работу.

Однако мы еще почти ничего не сказали по поводу вышедшей книги.

Издана она была весьма приличным тиражом — около тысячи экземпляров[110]. Но с точки зрения полиграфии не выглядела шедевром. Формат составлял примерно 17 на 9,5 сантиметра. Бумага была не самого лучшего качества, обложка — оливкового цвета. Да и объем всего 124 страницы.

Уже внешний вид книги, как вспоминали бывшие товарищи автора по академии, разочаровал их — уж очень неказисто она выглядела. Но куда большее разочарование вызвало содержание. Они не нашли в ней того, на что рассчитывали, — никаких эпиграмм и пародий на своих офицеров и товарищей, никаких сатирических стихотворений[111].

Автор дал книге скромное название — «Стихотворения»[112]. Да к тому же сообщил читателю, что перед ним «второе издание». В принципе для этого у него основания были — в сборник входили уже публиковавшиеся произведения, такие как поэмы «Тамерлан», «Аль Аарааф», стихотворение «Волшебная страна». Но были и новые, впервые опубликованные стихотворения — «Израфил», «Победная песнь», «Град обреченный»[113] и другие, среди которых особенно выделяются два: «К Елене» и «Спящая»[114]. Их не только Э. По, но и многие современники и потомки считают одними из лучших его стихотворений. Поэтому

обозначение на титуле вышедшего сборника «второе издание» — не совсем корректно. Однако нам неизвестно, чем руководствовался автор. Видимо, у него были какие-то собственные резоны.

Впрочем, как бы высоко ни оценивались отдельные произведения вышедшего сборника, все-таки главная его значимость — в другом. На его страницах По впервые выступил как теоретик поэтического (и шире — литературного) творчества. Эта сфера приложения таланта впоследствии станет одной из важнейших и во многом обусловит непреходящее значение Эдгара По не только для национальной, но и мировой словесности.

Речь идет о преамбуле сборника — «Письме мистеру_».

«Место рождения» текста обозначено «Вест-Пойнт,_1831», и адресован он «Дорогому Б_».

Большинство исследователей творчества По едины во мнении, что адресатом послания был издатель — мистер Блисс. Вполне может быть. Нетрудно вообразить, что, когда он посещал Вест-Пойнт, они действительно вместе обсуждали некоторые аспекты стихосложения и национальной литературной действительности. Допустимо, что издатель сетовал на «униженное» положение американских авторов и, конечно, нашел в молодом поэте сочувствующего слушателя. Характерны в этом смысле слова из «Письма»:

> «Вам известна главная преграда на пути американского писателя. Если его вообще читают, то он вынужден состязаться со всеми известными именами мира… Можно подумать, что книги, как и их авторы, приобретают некий лоск, когда путешествуют, — так у нас ценятся те, что совершили путешествие через океан. Наши антиквары заменили категорию времени — расстояниями; наши щеголи и те переводят взгляд с переплета на титульный лист, где таинственные письмена, обозначающие Лондон, Париж или Женеву, заменяют рекомендательные письма…»[115]

Разумеется, сетования эти не новы и совсем не оригинальны — о несправедливой «приниженности» американских авторов относительно европейских толки шли начиная с конца XVIII столетия.

Совсем не ново и не оригинально было и отношение Э. По к Вордсворту и Кольриджу, выраженное в послании. Первого как поэта он отвергает, перед вторым — преклоняется. Эту точку зрения разделяли многие из его современников — товарищей по

поэтическому цеху.

Куда важнее два других тезиса «Письма». Во-первых, идея о правомерности суждения поэта о работе другого поэта и возможности справедливой оценки его труда.

«Говорят, что хорошую критическую статью о стихах может написать тот, кто сам не является поэтом. С точки зрения *ваших* и *моих* понятий о поэзии это неверно — чем менее поэтичен критик, тем менее справедлив его отзыв, и наоборот. <…> Справедливость критической оценки пропорциональна поэтическому таланту. Поэтому я готов согласиться, что плохой поэт будет необъективным критиком и его себялюбие неизбежно склонит в его пользу весь скромный запас его суждений; но подлинный поэт, думается мне, и в критике не может быть иначе как справедлив».

Трудно сказать, размышлял По о себе как о литературном критике уже тогда или идея взяться за разбор чужих сочинений пришла к нему позже. Но очевидно, что он был совершенно уверен в своей способности справедливо судить о поэзии других. И когда появилась возможность ринуться в литературную баталию, внутренне он был готов к этому и ни минуты не сомневался в своем праве судить других.

Второй тезис, пожалуй, еще важнее. Он не только иллюстрирует способность По к литературно-теоретическим размышлениям, но закладывает основы его собственной оригинальной поэтической теории, многие из положений которой не утратили своей актуальности и до наших дней.

Вот он, тот абзац, что содержит этот основополагающий тезис:

> «По-моему, стихи отличаются от научного сочинения тем, что их *непосредственной* целью является удовольствие, а не истина; а от романа — тем, что доставляют удовольствие *неопределенное* вместо *определенного* и лишь при этом условии являются стихами; ибо роман содержит зримые образы, вызывающие ясные чувства, тогда как стихи вызывают чувства неясные и *непременно* нуждаются для этого в музыке, поскольку восприятие гармонических звуков является самым неясным из наших ощущений. Музыка в сочетании с приятной мыслью — это поэзия; музыка без мысли — это просто музыка; а мысль без музыки — это проза именно в силу своей определенности».

В дальнейшем к проблемам поэтической теории он будет обращаться постоянно. Они будут обозначаться (под разными

углами зрения) в его многочисленных рецензиях на творения современных ему американских и британских поэтов, а затем окончательно оформятся в работах 1840-х годов — в «Маргиналиях», «Философии творчества» и «Поэтическом принципе».

Однако мы несколько отклонились от канвы повествования. Настала пора вернуться к ней.

Весь апрель 1831 года Эдгар По провел в Нью-Йорке. Он разослал несколько экземпляров сборника по редакциям газет и журналов. Но оставаться в городе, ожидая рецензий, не мог: те небольшие деньги, что он получил за книгу, быстро растаяли. Попытки найти работу не увенчались успехом, тем более что По, видимо, уже решил: его будущая деятельность будет связана со словесностью, и ничего иного для себя не мыслил. Необходимых же связей, чтобы получить место в газете или в журнале (увы, век XIX в этом смысле ничем не отличался от века XX и XXI!), у него не было. Потому ничего удивительного в том, что в начале мая он распрощался с Нью-Йорком и морем отправился в Балтимор.

Читатель может подумать, что, покидая американский мегаполис, По уезжал «в глушь, в Саратов». На самом деле это не так. Балтимор в те годы, о которых идет речь, был, пожалуй, самым (за исключением Нью-Йорка) динамично развивавшимся городом Америки. Это был торговый, промышленный, транспортный центр. Балтимор связывали регулярные пароходные линии с главными портами атлантического побережья США, большинство из них функционировали с 1820-х годов. В 1830 году здесь открыли первую в стране коммерческую железную дорогу Балтимор — Огайо, что немедленно превратило его в крупный транспортный и торгово-перевалочный узел. Город строился, расширялся, сюда ехали люди. Но «не хлебом единым» жил Балтимор. Развивался он и в культурном аспекте. Открывались новые театры («Новый театр» в 1829-м и «Балтимор мьюзеум» в 1830-м), печатались книги, издавались газеты — каждый год появлялось по нескольку новых периодических изданий. Исследователи подсчитали, что в 1815–1833 годах было анонсировано более семидесяти новых изданий. И все они выходили. Понятно, что не каждое из них «прожило» долгую жизнь, век многих был очень короток. Но важно не это, куда важнее тенденция.

Конечно, в Балтимор поэт отправился не потому, что хотел приобщиться к развитию транспорта, промышленности и культуры. Ему просто некуда было деться. Он вернулся бы в Виргинию, но, как писал в одном из писем, «мистер Аллан снова женился, и теперь я уже не могу считать Ричмонд своим местом

жительства»[116]. Потому выбор вновь пал на Балтимор.

Интересно, сознавал ли поэт особое, можно сказать мистическое, значение этого города в своей жизни? На тот момент — едва ли. Но в конце жизни — вполне может быть.

По сути, именно в Балтиморе началась его самостоятельная жизнь. Здесь была «обрезана пуповина», связывающая его с Алланами. Здесь он обрел единственно близких людей, своих кровных родственников. Здесь познал счастье, и здесь — исток многих его творческих начинаний. Отсюда Э. По много раз уезжал, но неизбежно возвращался. Географически город расположен на полпути между сонно-аристократическим Югом и шумно-капиталистическим Севером. Для поэта он — вечный полустанок в его постоянных перемещениях — в Ричмонд, Вашингтон, Филадельфию, Нью-Йорк, другие города — близкие и дальние. Что же удивительного в том, что именно Балтимор стал и последним — посмертным — пристанищем Эдгара По: в катастрофические для него дни конца сентября 1849 года он даже не собирался заезжать в Балтимор, а направлялся в Филадельфию, но вот — заехал и — остался навечно…

Но эти роковые события пока еще далеко впереди. И мы, конечно, о них расскажем подробно. Но факт остается фактом — Балтимор действительно особый город в судьбе поэта.

Итак, в первых числах мая наш герой вновь возвращается в Балтимор, в «гнездо» матушки Клемм. Несмотря на то что семья жила очень стесненно, Эдгара встретили радушно, и он вновь обосновался в комнате, что делил с братом. С тех пор как По расстался с ними, отправляясь в Вест-Пойнт, здесь не произошло особых изменений. Семейством по-прежнему ласковой, но твердой рукой управляла Мария Клемм, с ней жили ее дети — Генри и Вирджиния; тут же обитала и бабка поэта, хотя она почти не вставала с постели. Здесь его встретил и старший брат Генри Леонард По. Но тот был совсем плох: болезнь прогрессировала, и жить ему оставалось немного.

От поэта, конечно, не укрылось, как тяжело и скудно жили его родственники. Незадолго до его приезда они переехали с Молочной улицы на Уилкс-стрит, в район Микэникс Роу, само название которого говорит о том, что там располагались предприятия, мастерские и склады. Жить там было дешевле, но, естественно, место было совсем не престижным.

Ничего удивительного, что сразу же по водворении по новому адресу По взялся за поиски работы. От тетушки узнал, что двоюродный брат Нельсон По, служивший в газете, ушел из нее, неудовлетворенный уровнем оплаты, и, таким образом, в редакции образовалась вакансия. Наш герой загорелся идеей

получить это место, но проблема заключалась в том, что в свое время, когда был опубликован «Аль Аарааф», редактор и владелец газеты[117] Уильям Гвинн довольно пренебрежительно отозвался о поэме, за что удостоился саркастической отповеди автора. Теперь ситуация поменялась, и По оказался в роли просителя. Скорее всего, после произнесенных когда-то слов он не очень надеялся на место. Однако с просьбой обратился. Но сделал это не лично, а написал письмо. Вот оно:

> «Дорогой сэр.
>
> Испытываю большую неловкость по поводу своего неразумного поведения по давешнему поводу, но обращаюсь к вам, поскольку верю в вашу доброту.
>
> Очень хочу остаться и поселиться в Балто (Э. По использует принятое среди горожан усеченное название города. — *А. Т.),* поскольку мистер Аллан снова женился, и теперь я уже не могу считать Ричмонд своим местом жительства. Он в курсе моего решения и одобряет его.
>
> Пишу вам, чтобы вы посодействовали моему трудоустройству.
>
> Величина вознаграждения не имеет для меня большого значения — просто не хочу бездельничать.
>
> Насколько мне известно, Нельсон больше у вас не работает, и, может быть, вы будете добры и возьмете меня на работу в том или ином качестве в вашей редакции.
>
> Если это состоится, буду всеми силами стараться заслужить ваше доверие.
>
> С огромным уважением,
>
> Эдгар А. По».

Это не весь текст. Письмо содержит еще и приписку:

> «Очень хотел вручить [письмо] лично, но ограничен в возможности свободно передвигаться тяжелым растяжением связок в колене».

Было у нашего героя «тяжелое растяжение связок» или нет, мы не знаем. Но едва ли именно упомянутая травма помешала соискателю явиться к мистеру Гвинну лично. Во всяком случае, она не смогла помешать По буквально на следующий день отправиться в расположенный почти в 50 километрах от Балтимора городок Рейстерстаун. Судя по всему, поэт не слишком надеялся на добросердечие редактора. И, кстати, справедливо. Тот даже не затруднил себя ответом.

В Рейстерстаун молодой человек поехал тоже в надежде получить место — преподавателя или надзирателя в Академии Франклина, которая тогда считалась лучшим учебным заведением Мэриленда. Трудно сказать, почему Э. По решил, что сможет заниматься педагогической деятельностью. Скорее всего, он особенно и не задумывался об этом. В академию его погнала нужда. Но путешествие это он совершил напрасно. Вакансий в школе не оказалось. Наверняка в этот период были и другие попытки найти работу. Но — безрезультатно.

Чем еще поэт занимался в те майские дни 1831 года в Балтиморе? Конечно, писал стихи. О «шедеврах», созданных тогда, ничего не известно. Скорее всего, их не было. Зато мы знаем, что он записал несколько стихотворений в альбомы балтиморским дамам. Значит, вел довольно активную светскую жизнь. Были у него и увлечения. Одно из них, судя по всему, довольно серьезное.

Звали «увлечение» Элизабет Херринг, она была дочерью одного из самых состоятельных граждан Балтимора (тот занимался торговлей, владел несколькими домами, в том числе содержал самую респектабельную гостиницу города «Armistead Hotel») и дальней родственницей поэта по линии отца. Насколько далеко зашли их отношения, сказать трудно. Но известно, что Эдгар бывал в ее доме, писал ей в альбом. Видимо, было и нечто большее — вероятно, взаимная симпатия со стороны девушки. Во всяком случае, того, что «было», или того, что «заметили» ее родители, оказалось достаточно, чтобы перестать принимать поэта и строго запретить дочери видеться с «этим человеком».

Кстати, одно из стихотворений По, записанных в альбом девушке, привести стоит, тем более что это акростих с именем адресата и к тому же в блестящем переводе Ю. Корнеева:

Элизабет, коль первым имя это,
Листая твой альбом, увидят там,
Иной педант начнет корить поэта
За сочиненье вирш по пустякам.
А зря!.. Хотя и фокус строки эти,
Бранить меня за них причины нет:
Едва ли был когда-нибудь на свете
Таких забав не любящий поэт.
Размером трудным мысли излагает
Художник не по прихоти своей —
Ему игра созвучий помогает
Раскрыть себя в творении полней.
Раз у него есть дар, его работа

Известным с детства правилом жива:
«Не может в стих облечься то, чего ты
Глубоко в сердце не обрел сперва».

Трудно сказать, что на самом деле «глубоко в сердце обрел» наш герой, но, «размером трудным излагая», талант версификатора он, безусловно, продемонстрировал. Впрочем, сам-то он едва ли серьезно относился к тем «безделицам», что писал в альбомы дамам. Во всяком случае, приведенное стихотворение в свои поэтические сборники он никогда не включал. Как, вероятно, и многие другие.

А на Микэникс Роу молодого человека ждали скорбные дела. Брат таял на глазах, его душил кашель, и нередко по нескольку ночей кряду дежурил он у постели больного, поднося питье, лекарства и всячески пытаясь облегчить его состояние. Старший По сознавал, что дни его сочтены, и совершенно не берегся, будто намеренно (чего исключать нельзя!) сокращая срок своего пребывания на свете. Весной и летом 1831 года приступы следовали один за другим, становясь тяжелее раз от разу. Тем не менее, едва оправившись от очередного приступа, Генри сбегал из дома и обязательно тяжело напивался. Родным, и прежде всего Эдгару По, приходилось его разыскивать и возвращать домой. Не всегда это удавалось сделать быстро, и болезнь снова возвращалась, усиливаясь.

Это не могло длиться долго, и 2 августа 1831 года в одной из местных газет[118] появилось короткое извещение: «Скончался У. Г. По, 24 лет. Его друзья и знакомые приглашаются на похороны этим утром в девять часов к дому миссис Клемм на Уилкс-стрит». Старший брат поэта умер накануне — вечером 1 августа. Непосредственной причиной смерти — к этой мысли склоняется большинство биографов — стало отравление алкоголем. Ослабленный туберкулезом организм на этот раз не смог совладать с отравой.

Похоронили, как мы видим, быстро — на следующий день. В те годы в бедных домах (тем более летом) покойников не держали долго. А Клеммы — По и были самыми настоящими бедняками. Хотя и старались соблюдать внешнюю респектабельность, но это не всегда удавалось.

Смерть Уильяма Генри Леонарда По была, конечно, печальным событием. Но, как ни кощунственно это звучит, и облегчением для семьи. В последние месяцы он нигде не работал, пил, а на выпивку нужны были деньги. И пусть воровством он себя не запятнал, но делал долги. Их нужно было возвращать.

Кстати, привычка старшего брата одалживать вскоре выйдет боком младшему. Но об этом речь впереди. Впрочем, мы и так несколько забежали вперед и пропустили событие, которое многое изменило в судьбе героя повествования. Если не в личной, то в судьбе литературной, творческой — наверняка.

28 мая 1831 года в филадельфийской газете «Сэтеди курир» появилось объявление:

> «ПРЕМИЯ
>
> Издатели „Сэтеди курир“ намерены ежегодно часть прибыли от издания отчислять на дело развития национальной литературы и назначают премию — 100 ДОЛЛАРОВ — лучшему рассказу, сочиненному американским автором».

Не факт, что объявление попалось на глаза Э. По именно 28 мая, но то, что оно не прошло незамеченным, бесспорно.

В объявлении среди прочего сообщалось, что конкурс анонимный («к каждому рассказу должен прилагаться запечатанный конверт с именем и адресом автора; конверт будет вскрыт только в случае победы произведения в конкурсе»), его итоги будут подведены в январе 1832 года. Рассказ должен поступить не позже 1 декабря, почтовые расходы берут на себя издатели.

Прежде Эдгар По не писал прозу. И вообще, как нетрудно понять из его «программного» предисловия к незадолго до этого изданному поэтическому сборнику, считал прозу («мысль без музыки») едва ли достойной внимания настоящего художника, каковым в его восприятии мог быть только поэт. Но гонорар — 100 долларов! — не мог не поразить его воображения: на такие деньги семья могла без особых хлопот существовать не один месяц. Тем более на фоне тех гонораров, на которые Э. По мог рассчитывать как поэт[119]. Конечно, он решил попытать удачу в объявленном конкурсе.

«Приобщение к прозе началось с внимательного изучения и анализа так называемых журнальных жанров, — писал по поводу первых шагов поэта на новом литературном поприще Ю. В. Ковалев в своей книге об Эдгаре По. — Предметом его пристального внимания стали не только американские, но и английские (и даже в первую очередь английские) журналы, все еще служившие образцом для американских читателей, писателей, критиков и издателей». Перечень этих журналов он находит в одном из ранних рассказов По «Страницы из жизни знаменитости» (1835). Что же это были за журналы? Исследователь их перечисляет: «Ежеквартальное обозрение»,

«Вестминстерское обозрение», «Иностранное обозрение», «Эдинбургское обозрение», «Дублинский журнал», «Журнал Бентли», «Журнал Фрэйзера», «Журнал Блэквуда». Трудно сказать, действительно ли начинающий прозаик внимательно проштудировал *все* указанные издания, но какие-то из них — безусловно. Ведь английские литературные журналы на самом деле широко читали в Америке, и многие полагали их верным ориентиром в море литературы. Впрочем, для того чтобы познакомиться с данной ветвью газетно-журнальной словесности, и не было необходимости в досконального изучении всех журналов — достаточно было нескольких. Даже одного-двух. «Двадцатидвухлетний Эдгар По, — утверждает исследователь, — прилежно изучал упомянутые издания именно с целью научиться писать журнальную прозу, популярную у читателей. Он исследовал ее тематику, стилистику, язык, композиционные принципы, пытаясь раскрыть секреты ремесла». Тем более что рассказ как жанр в те годы бурно развивался и в Америке. Ю. В. Ковалев, знаток литературных реалий периода, утверждал, что «рассказы находили прибежище в многочисленных журналах, число которых к концу тридцатых годов приближалось к полутысяче», и потому «рассказ сделался журнальным жанром, и почти всякий писатель пробовал свои силы как новеллист, твердо надеясь, что найдется журнал, который опубликует его сочинения»[120].

Прежде По не предпринимал попыток освоить популярный жанр[121]. Объявленный конкурс и величина вознаграждения заставили пересмотреть пренебрежение поэта к прозе. Для конкурса он сочинил пять рассказов: «Метценгерштейн», «Герцог де Л'Омлет», «На стенах иерусалимских», «Существенная потеря»[122] и «Несостоявшаяся сделка»[123].

Достоверно неизвестно, в какой последовательности они были написаны. А жаль. Это дало бы возможность понять, как развивался прозаик. Впрочем (как бы ни утверждал обратное не склонный к особым размышлениям сонм его многочисленных поклонников), и так очевидно, что ни один из них нельзя назвать шедевром. Печать ученичества лежит на каждом. Но что интересно и характерно: Эдгар По, начинающий новеллист, уже в этих, самых первых своих рассказах не выглядит подражателем. Скорее, пересмешником, знакомство которого с образчиками популярного жанра породило желание не столько подражать, сколько высмеять шаблоны и штампы современной ему газетно-журнальной прозы. Пародийный колорит пронизывает почти все пять первых новелл писателя.

Автор не может удержаться, чтобы вновь не процитировать

слова своего учителя по поводу первых прозаических текстов писателя. Уж очень точно и справедливо оценил их Ю. В. Ковалев:

«Ранние рассказы По оказались в большинстве своем многозначны и неопределенны в жанровом отношении. Это полурассказы, полусатиры, полупародии, временами дурно написанные. <…> Ему пока еще не ведомы законы жанра. Он их только нащупывает. В известном смысле, вся ранняя проза Эдгара По — это серия экспериментов, далеко не всегда удачных».

Справедлива и общая оценка новеллистики писателя. «Слава основоположника научно-фантастического, детективного и психологического рассказа, автора теории жанра, писателя, создавшего блистательные образцы краткой прозы, — утверждает исследователь, — как бы окружает сияющим ореолом все его сочинения и невольно порождает представление, будто все семьдесят новелл По — шедевры. Между тем шедевров среди них не так уж много. Писатель часто экспериментировал, и не только в начале творческого пути. Эксперименты не всегда и не сразу приносили успех: лишь десятка два рассказов По являют собой примеры высокого художественного мастерства. Остальные, вероятно, были бы давно забыты, если бы автором их был не знаменитый Эдгар По, а кто-нибудь другой. Но эти два десятка образуют вполне достаточное основание славы По как одного из крупнейших новеллистов мира»[124].

Есть ли «шедевры» среди первых пяти рассказов По? Скорее всего, исследователь, чьи слова были только что приведены, ответил бы: нет. Автор настоящих строк не столь категоричен. Выше, говоря о пародийном характере ранних новелл Э. По, мы указали, что пародийность присуща четырем из этих пяти историй. Ее нет лишь в одной — «Метценгерштейн». И вот эту — «готическую» — историю об огненном всаднике можно считать бесспорным свидетельством одаренности По как прозаика и его первым серьезным достижением в области новеллы.

Тем не менее все они (скорее всего, в разное время — летом и осенью 1831 года) были отосланы в редакцию «Сэтеди курир». Забегая вперед скажем, что победа в конкурсе (и 100 долларов) достались другому. И несмотря на то что поэт отчаянно нуждался и, видимо, очень надеялся получить заветную сумму, поражение пошло ему во благо — заставило более серьезно отнестись к жанру, стимулировало поиски, размышления и эксперименты в области новеллы и в конце концов привело и к созданию «шедевров», и к разработке оригинальной теории новеллы, многие положения которой до сих пор не утратили своего значения.

Однако все это — и «шедевры», и теории — пока еще впереди.

А в реальности была действительность, в которой По существовал и в которой ему жилось очень нелегко. Но — необходимо не забывать о справедливости! — существование его могло быть много крат горше, не имей он ангела-хранителя в лице приютившей и заботившейся о нем тетушки, неоднократно упоминавшейся Марии Клемм. Настала пора немного рассказать и о ней.

Урожденная По, она была шестым ребенком в многодетной семье дедушки поэта, «генерала» По. До двадцати семи лет жила с родителями, а в 1817 году вышла замуж за Уильяма Клемма-младшего, уже немолодого вдовца с пятью детьми. О нем, как о человеке состоятельном, мы уже упоминали в связи с отцом поэта[125]. Он был богат и тогда, когда женился на Марии. Но за девять лет, что они прожили в браке, состояние его (в результате нескольких неудачных торговых операций) изрядно сократилось, и в 1826 году, когда он умер, вдова осталась практически без средств к существованию. А на руках у нее было двое детей, восьми и четырех лет от роду[126]. С ней жила пожилая мать, вдова «генерала» По, миссис Элизабет По. Небольшая пенсия, которую эта женщина получала от правительства Соединенных Штатов, по сути, и составляла единственный источник существования семьи. Мария Клемм шила, вязала, обстирывала, пускала квартирантов, завела огородик, что в Балтиморе не представлялось тогда чем-то необычным. В общем, «крутилась» как могла. Немного легче стало, когда ее сын устроился учеником к каменотесу и в дом из плаваний вернулся Генри По. Но по мере того как взрослел ее сын и развивалась болезнь племянника, ухудшалось и материальное положение семьи. Не много проку было и от Эдгара. Но как можно жить без мужчины в доме? Особенно после того, как умер Генри, а другой Генри, ее сын, ушел из дому и сгинул где-то в морях?[127]Очень часто случалось, что в ее кошельке не только заканчивались деньги, но и нечем было кормить семью. В такие дни «миссис Клемм приходилось отправляться с рыночной корзиной не в торговые ряды, а к родственникам и знакомым. Эта большая плетеная корзина хорошо запомнилась многим из тех, кому не раз доводилось вносить лепту в ее содержимое. В черном вдовьем чепце, дородная, с круглым добродушным лицом, омраченным взывающей к состраданию скорбью, миссис Клемм являлась нежданной, сеявшей замешательство гостьей; в руке у нее была уже описанная корзина, в чистых серых глазах — тревожная мольба, а на устах — печальный рассказ о претерпеваемых ее домочадцами лишениях, который заставил бы разрыдаться даже маску Комедии. Устоять перед ней не мог никто, ибо все, что она

говорила, было горькой правдой: Вирджиния ходит в лохмотьях, „милый Эдди“ очень болен, старая миссис По стоит одной ногой в могиле (агония ее продолжалась уже пять лет), сама она — бедная вдова, сын Генри снова заглядывает в бутылку, огонь в камине погас, и в доме совсем нечего есть! Что можно было ответить этой осанистой, опрятной, просящей о помощи женщине, которая столь красочно описывала свою нелегкую долю? Слов не находилось — оставалось лишь положить что-нибудь в корзину. Ее темный ненасытный зев проглатывал детское платьице, цыпленка, несколько картофелин, реп или хлебных караваев и захлопывался в унисон с прощальными благословениями хозяйки. Некоторое время корзина не покидала дома, однако рано или поздно снова наставал ее час. Ибо череде бедствий, в таком изобилии обрушивавшихся на миссис Клемм, не было конца. К счастью для великого поэта, женщина эта обладала редкостным, изощренным нуждой умением находить прямую дорогу к человеческому сердцу, минуя воздвигнутые умом преграды. Духом она была чем-то сродни тем сестрам-черницам, на которых в своем вдовьем трауре походила и видом, что от века скитаются по миру, стучась в каждую дверь, чтобы напомнить благоденствующим о нищих, сиротах и страдальцах, живущих рядом и ждущих подаяния. Как ни противна была эта роль ее врожденному чувству собственного достоинства, играла она ее превосходно, так что сам святой Франциск мог бы гордиться такой ученицей».

Так в биографии поэта об этой поистине героической женщине и ее самоотверженных усилиях прокормить семью писал Герви Аллен[128]. Читатель понимает, что все подробности о «Вирджинии в лохмотьях», «милом Эдди», «цыпленке, картофелинах, репе и хлебных караваях» — домысел, «творческая реконструкция». Но она опирается на свидетельства тех, кто видел Марию Клемм в Балтиморе, а затем в Ричмонде и Нью-Йорке. Действительно, она всегда носила черное вдовье одеяние. И в свои походы — на рынок или к знакомым — ходила с большой корзиной. Да и родственников Клеммов и По в Балтиморе проживало немало, и в крайнем случае она могла обратиться к ним. И, видимо, обращалась. Потому что в дни 1831–1832 годов такие походы случались часто.

Но если сложная ситуация вызывала у миссис Клемм прилив энергии и желание действовать, совсем иную реакцию она порождала у племянника. Ее «милый Эдди» нередко впадал в меланхолию, а та порождала депрессию и толкала его на поступки не всегда объяснимые.

16 октября 1831 года По пишет «покаянное» письмо в

Ричмонд мистеру Аллану:

«Дорогой сэр!

Много времени минуло с тех пор, когда я писал вам… Так жалко, что столь редко я получаю от вас вести и даже слышу *о вас* — похоже на то, что все связи между нами оборваны, и тогда я думаю о тех долгих двадцати годах, когда я называл вас своим отцом, а вы меня звали сыном, я хочу расплакаться, как ребенок, оттого, что всему этому пришел конец. Вы знаете меня слишком хорошо, чтобы у вас проснулся интерес ко мне, — пусть так: но отчего я отвергал те тысячи знаков любви и добра, что вы давали мне? Это правда, что в обстоятельствах исключительных я всегда взывал к вам — но у меня не было другого друга, и только сейчас — в ситуации, когда я могу писать, не прося о помощи, я нахожу в себе отвагу открыть сердце и вымолвить слова о своей прежней привязанности. Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю обо всем — о том, как много вы пытались сделать для меня, — о вашем терпении и вашей щедрости, что вы являли, несмотря на самую вопиющую неблагодарность с моей стороны, то не могу отделаться от мыслей о своей собственной непроходимой глупости — и готов проклинать самый день, когда появился на свет. <…>

Я пишу только потому, что я одинок и думаю о прежних временах и своих единственных друзьях, и так будет до тех пор, пока мое сердце не наполнится вновь. А сейчас, при разговоре с новым знакомым, оно холодно как лед, и я предпочитаю говорить с вами, хотя знаю, что вы не испытываете ко мне ничего и, возможно, даже не прочтете мое письмо.

Мне нечего больше сказать и — на этот раз — не собираюсь ничего просить — хотя беден я чудовищно, но я тружусь и, во всяком случае, совершенно свободен от долгов.

Да хранит вас Бог,

Э. А. П.

Может быть, вы напишете хотя бы слово?»

Совсем нетрудно догадаться, чем было вызвано письмо отчиму. Конечно, приступом депрессии, одиночеством и отчаянной неуверенностью в будущем. Испытывал ли Эдгар те чувства к мистеру Аллану, что содержат приведенные строки? Да, он был искренен, когда писал все это. Поэт пишет правду: у него

действительно на тот момент нет долгов, и он на самом деле трудится — хотя и не в том смысле, в каком воспринимал глагол «трудиться» его опекун. Эдгар По трудится, сочиняя. Письмо написано, когда он создавал свои первые рассказы. В его восприятии это самый настоящий — и самый достойный, возвышенный — труд. Но ему нужна опора, эмоциональная поддержка. И по-человечески это вполне объяснимо.

Опекун, конечно, не ответил — По не дождался так страстно желаемого им «хотя бы слова».

Но это, казалось бы случайное, письмо — своеобразный крик одинокой души — оказалось прологом к целой серии — причем последней серии! — посланий поэта к мистеру Аллану.

В упомянутом письме По сообщает как о чем-то важном, что у него нет долгов. Он писал правду, но, как говорится, «накаркал».

Уже месяц спустя, 18 ноября, он вновь пишет в Ричмонд. И рассказывает, что «одиннадцать дней назад был арестован за долг, который никогда не собирался платить», потому что тот «принадлежал Генри (покойному старшему брату. — *А. Т.)*» и «был сделан два года назад». Как отмечают позднейшие биографы поэта, записи тюремного департамента города не содержат сведений об аресте, а тем более о заключении поэта. Но какие-то действия по возврату долга — а долг был довольно велик: 80 долларов, сумма по тем временам немалая! — кредиторами были предприняты. Вероятно, поэту угрожали. И наверняка арестом. А в те времена к должникам относились сурово. Например, в том же Балтиморе пять долларов — сумма достаточная, чтобы арестовать и заключить в тюрьму должника. Во всяком случае, в записях тюремного ведомства было немало бедолаг, сидевших месяцами за долг в пять «зеленых»[129].

Поэтому испуг молодого человека объясним, как объяснимы и слова:

«Если только до следующей среды вы вышлете мне сразу 80 долларов, я никогда не забуду вашей доброты и великодушия, но если вы откажете — один Бог знает, что я буду делать, а все мои надежды и будущее превратятся в руины».

Примечательно и обращение поэта: он начинает письмо «дорогой па». И это после того, как предыдущее осталось без ответа! Видимо, действительно испуг был велик. Но и на это послание отчим не ответил.

Между тем маневры кредиторов испугали не только невольного должника. Не дождавшись ответа из Ричмонда, миссис Клемм уже сама (5 декабря) пишет Аллану и, зная о предубеждении опекуна к ее «милому Эдди», не столько умоляет прислать денег, сколько в самом выгодном свете представляет

своего племянника, говоря о его доброте и благонравии.

Хотя и госпожа Клемм не дождалась ответа, но ее письмо явно тронуло суровую душу торговца, и он дает поручение оформить чек для отправки в Балтимор. Но, что интересно, не торопится перевести деньги: во всяком случае, в очередном (ставшем предпоследним в этой «серии» посланий поэта в Ричмонд) письме от 15 декабря, адресованном «дорогому па», Эдгар По униженно просит — буквально умоляет — опекуна о помощи:

«Я знаю, что вы никогда не оттолкнете бродягу от своих дверей, и потому обращаюсь к вам — я *молю* вас о небольшой помощи — во имя всего того, что прежде было дорого вам, и я верю, что вы поможете мне…»

Последнее письмо По отправил опекуну 29 декабря 1831 года. Оно короткое — на одной неполной странице и начинается словами «дорогой сэр». В письме уже нет слов об угрозе ареста, тюрьмы и т. п. Видимо, опасность миновала. Но строки проникнуты горечью и печалью:

«Я знаю, что не должен претендовать на вашу щедрость и то немногое — та доля вашей любви ко мне, давно уже утрачена, но ради того, что когда-то было дорого для вас, ради той любви, что жила в вас, когда я младенцем взбирался к вам на колени и называл вас отцом, — не оставляйте меня…»

В письме нет упоминаний о присланных деньгах. Оно и понятно: мистер Аллан выслал их только 12 января 1832 года.

Вполне может быть, что именно последние его строки заставили отчима сделать это. Правда, послал он не 80, а только 20 долларов. Скорее всего, мистер Аллан знал (возможно, проконсультировался с юристами), что заключение пасынку реально не грозит.

Как бы там ни было, приступ покаяния минул, и По, не дождавшись ответа от отчима, писать ему больше не стал. Через два с лишним года он напишет еще одно послание, которое будет не менее горьким и печальным, нежели то, о котором шла речь. В нем Э. По наконец поблагодарит мистера Аллана за деньги. Но это будет самое последнее его письмо отчиму.

1831 год, несмотря на выход третьей поэтической книги, принес Эдгару По в основном разочарования. Все получалось не совсем так, точнее — совсем не так, как он хотел. Планировал безболезненно (и даже с почетом) покинуть Вест-Пойнт. Не вышло. Надеялся на широкий резонанс стихотворного сборника. Но рецензий появилось совсем немного, и все они были, скажем так, не очень вразумительными. Пытался найти работу. Безрезультатно. Обрел пристанище в семье тетушки, но так и

остался неприкаянным: все-таки это была чужая семья. И безденежье. Оно давило, угнетало. Рассчитывал на помощь отчима, на его прошение — но и в этом обманулся. Наконец, был почти уверен, что победит в конкурсе на лучший рассказ. Но и здесь проиграл.

Кстати о конкурсе. Его итоги были подведены 31 декабря. Победителем провозгласили «мисс Дэлию С. Бэкон, штат Нью-Йорк», сочинившую рассказ «Мученица любви». В отечественной (да и в западной) критике принято с пренебрежением отзываться и о самой мисс, и о ее сочинении. Как же — отобрала приз у самого «великого По»! Да как посмела! Только некомпетентностью жюри такой конфуз и можно объяснить. Так и объясняют. При этом название рассказа на русский язык переводят неверно — «Мученик любви». Следовательно, этот самый рассказ и не читали. Не о «мученике» он, а о «мученице». Ведь категория рода в английском языке — смысловая! В основу сюжета положен совершенно реальный трагический факт из времен Войны за независимость: молодая женщина по имени Джейн Макгри, тоскуя об ушедшем на войну женихе, вместе с подругой отправилась навестить его, но была захвачена индейцами и оскальпирована — то есть погибла от любви, стала «мученицей». Ведь такая смерть поистине мучительна. Да и зря мисс Бэкон называют «некой». Несмотря на молодой возраст, ко времени конкурса она была уже опытным автором — опубликовала несколько историй в журналах и выпустила сборник «Рассказы пуритан». Потому хорошо представляла, какой текст необходим для победы в конкурсе, и все рассчитала верно. Тем более что тогда, в 1830-е, Америка переживала очередной приступ патриотизма. Так что где уж было тягаться мрачной истории о сумасшедшем германском бароне («Метценгерштейн») и совершенно несерьезных — о парижском рестораторе («Бон-Бон») или о мистере Вовесьдух и миссис Духвон («Без дыхания») с трогательным сюжетом из событий священной для молодой нации войны?

Кстати, впоследствии мисс Бэкон весьма плодотворно занималась литературной деятельностью: писала рассказы, пьесы, увлекалась шекспироведением[130]. С ней дружили и были весьма высокого мнения о ее способностях знаменитые Натаниэль Готорн и Ральф Уолдо Эмерсон[131]. Да и сам Эдгар По позднее, уже в 1840-е годы, однажды вполне благосклонно отозвался о ее сочинениях, специально указав на коммерческое чутье автора.

Поражение, конечно, обескуражило молодого автора. В какой-то степени его, возможно, утешило, что через неделю — вслед за опубликованной 7 января в «Сэтеди курир» «Мученицей

любви» мисс Бэкон — был напечатан «Метценгерштейн» (14 января), а затем и другие его истории: «Герцог де Л'Омлет» (3 марта), «На стенах иерусалимских» (9 июня), «Существенная потеря» (10 ноября), «Несостоявшаяся сделка» (1 декабря). Более того, одна из них — «Герцог де Л'Омлет» — была немедленно перепечатана (10 марта) балтиморским журналом «Минерва», а затем и «Литературной газетой», издававшейся в Олбани, штат Нью-Йорк (24 марта). Но утешение было слабым: по условиям конкурса все тексты переходили в собственность газеты, ее владельцы решали, что с ними делать — публиковать или нет, и никакого вознаграждения автору не предполагалось[132]. К тому же (такие нравы царили тогда в американской журналистике!) рассказы были опубликованы без указания автора, анонимно. Так что о том, что написал их не кто-нибудь, а наш герой, знали только он сам, его близкие с Микэникс Роу да немногочисленные знакомые. Впрочем, сам факт публикации был вполне убедителен: поэт может писать рассказы и рассчитывать на их появление в периодических изданиях.

Чем Э. По жил тогда, в эти неприкаянные дни, месяцы и даже годы, в Балтиморе? Сведений до обидного мало. Да и те в основном недостоверны, а то и откровенно апокрифичны.

Взять, например, широко разошедшуюся по биографиям поэта историю о романтических отношениях с некой Мэри Деверо, которые якобы имели место в 1832–1833 годах. Несколько страниц в своей книге о По им посвятила М. Филлипс[133]. Живописными подробностями расцветил их хорошо знакомый русскоязычному читателю Герви Аллен[134]. Не упустил этот сюжет и автор недавно изданной и переведенной на русский язык книжки о жизни поэта, маститый британский литератор Питер Акройд[135]. Но в действительности не было никаких свиданий под луной, не было стихов, посвященных Мэри Деверо, не было ссор, обид, ревности, попыток вломиться в девичью спальню и еще более «ужасающих» подробностей вроде избиения плетью несчастного дядюшки, которое в алкогольном исступлении вроде бы совершил поэт в ответ на запрет родственников видеться с возлюбленной.

Апокриф этот восходит к авторитетному «Харперс мэгэзин» («Harper's Magazine»), опубликовавшему в 1889 году статью некоего Аугустуса Ван Клифа[136], в которой приведены воспоминания той самой мисс Деверо, которая к этому времени была, мягко говоря, немолода, да к тому же так и осталась «мисс». Подробности, что она приводит в своих воспоминаниях, говорят о том, что, скорее всего, она действительно жила по соседству с домом тетушки Клемм, неоднократно видела поэта и,

вполне может быть, даже была с ним знакома. Но едва ли стоит всерьез воспринимать ее утверждение: «В течение года каждый вечер он приходил ко мне». Как очевидна и ложность другого пассажа из ее «воспоминаний»: «Эдди (!) говорил мне, что вторая жена мистера Аллана прежде служила его домоправительницей (!). Он говорил мне, что несмотря на то, что она является его супругой, она совсем о нем не заботится». Как-то слишком похоже на сплетню. Кем-кем, а уж сплетником Эдгар По точно никогда не был. Да и вообще как-то очень неумно выглядит мисс Деверо в собственных воспоминаниях. Видимо, такой она и была. Что же в таком случае могло привлечь поэта в этой женщине? Тем более на «год»? Вопросы — риторические. Но ответ очевиден: о романтических отношениях между ними говорить не приходится. Так что и ее суждение о поэте: «Для него не существовало законов — ни божеских, ни человеческих. Он был атеистом. Он бы охотно стал жить с женщиной без всяких обязательств жениться на ней» — пусть остается на ее совести. Тем более что это ни в малой степени не соответствует действительному отношению поэта к прекрасной половине человечества в целом и к знакомым ему дамам — в частности, и у читателя еще будет шанс не раз убедиться в этом.

Совсем иной портрет рисует другая современница поэта, неоднократно встречавшая его в «балтиморском свете» тех дней:

> «Мистер По ростом был около пяти футов восьми дюймов, с темными, почти черными волосами, которые он носил длинными, зачесывая назад, как принято у студентов. Волосы были тонкими и шелковистыми. Ни усов, ни бороды он не отпускал. Нос у него был длинный, прямой, черты лица правильные и тонкие, прекрасный рисунок губ. Он был бледен, и щеки его никогда не окрашивал румянец; кожу отличал красивый и чистый оливковый оттенок. Выражение лица он имел меланхолическое. Худощавый, но великолепно сложенный, он держался по-военному прямо и ходил быстрым шагом. Но более всего пленяли его манеры. Они были полны изящества. Когда он смотрел на вас, то казалось, что он читает ваши мысли. Голос он имел приятный и мелодичный, но несильный. Одевался По всегда в черный, застегнутый на все пуговицы сюртук со стоячим, на кадетский или военный манер, воротником; отложной воротник рубашки был схвачен черным завязанным свободным узлом галстуком. Он не следовал за модой, а придерживался своего собственного стиля,

> который отличала некоторая небрежность, точно его мало заботила одежда. По виду его сразу можно было сказать, что он совсем не такой, как другие молодые люди»[137].

Как мы видим — ничего безбожного и аморального в 23-летнем поэте окружающие не видели. Скорее, наоборот. Многим он казался своеобразным, но достойным молодым человеком.

Но зачем же все-таки было нужно мисс Деверо красочно расписывать отношения с человеком, с которым она едва ли была знакома? Нет в том никакой загадки. Психологически феномен вполне объясним. Скорее всего, имела место некая экстраполяция посмертного скандального образа поэта, сдобренная комплексами старой девы, помноженными к тому же на желание погреться в лучах славы в общем-то совершенно случайного и неразгаданного соседа отроческой поры. Да и вообще, кому из нас не свойственно это желание — приукрасить собственное прошлое? Просто подавляющее большинство остается в рамках здравого смысла. А Мэри Деверо — в силу означенных причин и, вероятно, недалекого ума — это не удалось. Вот и все. А досужие сочинители, падкие до пикантных подробностей, не прошли мимо, и… — пошла гулять история, обрастая деталями и домыслами.

Из действительно знавших и общавшихся с ним в этот период людей заслуживают внимания слова Ламберта Уилмера[138], тогда дружившего, а затем враждовавшего с поэтом (не по своей, кстати, вине):

> «Он нигде не служил и жил со своей тетей, миссис Клемм… Внешность По имел благородную и утонченную, но в ней не было ничего болезненного или отталкивающего, и я никогда не видел, чтобы он был одет неаккуратно. Напротив, если его костюм и не был скроен по последней моде, его можно было назвать элегантным… Почти ежедневно подолгу мы вместе гуляли по пригородам Балтимора и вели беседы на разные темы… В общении По был свободен, но не красноречив… Никогда не слышал, чтобы он с теплотой отзывался о ком-нибудь из поэтов, за исключением Альфреда Теннисона. Среди пишущих прозу образцом он считал Бен. Дизраэли[139]. Он был весьма любезным собеседником… В его обличье и в характере мыслей было нечто женственно-утонченное. Однажды Эдгар По, его двоюродная сестра Вирджиния и я гуляли в окрестностях Балтимора и приблизились к кладбищу,

где проходили чьи-то похороны. Вирджиния взволновалась и пролила слез больше, чем скорбящий. Ее эмоции передались и По, и он заплакал»[140].

Интересны и другие его свидетельства. Например, он утверждает, что в балтиморский период По не увлекался алкоголем. «Я ни разу не видел его в состоянии опьянения», — пишет Уилмер. Хотя вспоминает, как однажды тетушка пеняла Эдгару на позднее возвращение домой в пьяном виде, на что поэт извинился и ответил, что не смог отказать друзьям, которые пригласили его в таверну. Что это были за «друзья» и что поэта с ними связывало, к сожалению, неизвестно.

Или:

«Я никогда не встречал его в платье дурного покроя, он был всегда элегантен. Более того, в связи с этим я частенько задумывался, как же ему удается так хорошо одеваться, учитывая всегдашнюю его стесненность в средствах».

Действительно загадка. И ответить на нее мы можем, только предположив, что здесь, скорее всего, не обходилось без заботливых и умелых рук миссис Клемм. Ведь, кроме тех 20 долларов, что он получил от опекуна, и совершенно незначительных сумм, что он мог иметь от публикации нескольких стихотворений, никаких иных средств у него не имелось и быть не могло.

Кстати, в те дни, о которых идет речь, Уилмер некоторое время (с января по август 1832 года) редактировал еженедельник «Балтимор сэтеди визитор» («Baltimore Saturday Visitor»). Данное обстоятельство стимулировало поэта продолжить сочинение прозы: вероятно, он надеялся публиковать рассказы на страницах еженедельника Уилмера. 4 августа последний опубликовал следующее объявление: «Мистер Эдгар А. По удостоил нас прочтением рукописи нескольких рассказов, им сочиненных» (речь о «Рассказах Фолио Клуба», цикла, который Э. По тогда начал писать).

Идею этого цикла подсказала писателю литературная действительность. В 1820–1830-е годы страницы английских и американских журналов в изобилии заполняли разнообразные «истории с привидениями» и «страшные рассказы». По прекрасно видел невысокий художественный уровень этих историй, потешался над их авторами и читателями, и, конечно, его «Рассказы Фолио Клуба» были продиктованы стремлением высмеять такое увлечение. Эту «линию» он начал еще своими первыми рассказами, опубликованными на страницах «Сэтеди курир», и продолжил историями, сочиненными в 1832–1833 годах

и созданными позднее.

Считается, что «Рассказы Фолио Клуба» составляют пятнадцать историй, написанных По с 1831 по 1838 год. Это «Метценгерштейн», «Герцог де Л'Омлет», «На стенах иерусалимских», «Без дыхания», «Бон-Бон», «Рукопись, найденная в бутылке», «Свидание», «Береника», «Морелла», «Страницы из жизни знаменитости», «Король Чума», «Тень», «Четыре зверя в одном», «Мистификация» и «Молчание». Бытует мнение, что автор планировал объединить их образами рассказчиков, членов «клуба» (нечто наподобие «Декамерона»: каждый из собеседников излагает свой сюжет, который затем все обсуждают), и издать единым сборником. Вполне естественное для писателя стремление. Однако в то время, о котором идет речь, о сборнике поэт, скорее всего, еще не помышлял. Он сочинял новеллы для периодики. В частности, ориентируясь на «Сэтеди визитор», который редактировал его добрый знакомый.

Трудно сказать однозначно, над какими именно текстами работал По в 1832–1833 годах. Учитывая дату публикации, определенно можно говорить только о рассказах «Рукопись, найденная в бутылке» (напечатан в октябре 1833 года), «Свидание» (опубликован в январе 1834 года) и «Четыре зверя в одном». Но некоторые косвенные признаки указывают, что в работе были не только эти, но и другие новеллы из будущего «Фолио Клуба». Например, «Король Чума». Если помнит читатель, Уилмер упоминал, как однажды По высоко отозвался о Дизраэли. Скорее всего, отзыв этот был вполне ситуативен — ни до, ни после поэт никак особенно не выделял этого английского романиста среди коллег-писателей. Но для его рассказа «Король Чума» роман последнего «Вивиан Грей» (1827) имеет особый смысл: исследователи полагают, что застолье «короля» и его «двора» пародирует описание «Дворца вина» в книге Дизраэли. Видимо, и прозвучавший отзыв был связан с этим обстоятельством, и, похоже, именно тогда поэт писал свой рассказ о чуме и отважных моряках-пьяницах.

Есть и другие косвенные признаки. На сюжет о чуме писателя могла натолкнуть эпидемия холеры, обрушившаяся на Америку в 1831 году. Осенью она бушевала в Филадельфии и Балтиморе и унесла многие жизни, а весной 1832-го двинулась дальше, захватив южные штаты. Кстати, 12 августа в Ричмонде от холеры скончался давний приятель По — неоднократно упоминавшийся на страницах книги и дорогой его сердцу Эбенезер Берлинг. Известие об этом, конечно, не могло не взволновать и не опечалить поэта. В пользу версии говорит и письмо, отправленное нашим героем 4 мая 1833 года издателям «Нью-Инглэнд мэгэзин»

(«New England Magazine»), в котором помимо предложения опубликовать высланную в адрес редакции новеллу[141] есть и информация о том, что «она является частью цикла, который я предполагаю издать в виде книги под названием „Одиннадцать арабесок“» (в письме По — «Eleven Tales of the Arabesque»). Трудно сказать, были к тому времени все одиннадцать уже написаны или По только планировал сделать это. Но какая-то часть из них, несомненно, находилась в работе.

И вот здесь хочется вновь привести слова Ламберта Уилмера, так замечательно характеризующие нашего героя: «В моем представлении он был одним из самых трудолюбивых людей на земле. Я заходил его проведать в разные дни и в разное время суток и всегда отрывал его от дела — он работал»[142].

Да… великим трудягой был поэт… Но ведь в труде и заключена подлинная суть творчества; труд, который не тяготит, а составляет подлинное и постоянное содержание жизни.

Однако, несмотря на очевидную способность много и плодотворно трудиться, итоги минувших двух лет жизни и творчества Э. По в Балтиморе на первый взгляд выглядят не очень утешительно. Он не выиграл конкурс, опубликовал пять новелл, но это не повлияло на его литературную репутацию, поскольку вышли они анонимно. Предпринимал попытки пробиться со своими рассказами в журналы, но не преуспел. Подружился и вроде бы заручился поддержкой редактора журнала Л. Уилмера, но того сместили с должности (в августе 1832 года), и он уехал из города (в октябре). Правда, удалось «пристроить» несколько стихотворений («Серенада», «Энигма» и другие), но они появились уже в следующем, 1833 году. Тем не менее этот период оказался очень важен в развитии писателя — он много сочинял, нарабатывая опыт прозаика-новеллиста, продолжал развиваться и как поэт. И «количество» неизбежно должно было перейти в «качество». Этот переход состоялся во второй половине 1833 года.

Надо сказать, такие метаморфозы происходили в судьбе Эдгара По постоянно. Иллюстрацией тому, безусловно, был его первый поэтический сборник — «„Тамерлан“ и другие стихотворения». Можно считать таковой и вторую его книгу — «„Аль Аарааф“, „Тамерлан“ и малые стихотворения». Менее очевиден в этом смысле третий сборник, хотя и в нем, несомненно, есть тексты, отмеченные искрой поразительного таланта. Однако решительное «преображение» По происходит все-таки именно во второй половине 1833 года. И связано оно было отнюдь не с новой книгой, а, казалось бы, с событием совсем незначительным. Но это событие заставило Э. По отложить иные возможные планы собственной судьбы и окончательно сочетать

себя с литературой. И об этом событии речь впереди.

Что же до «неприкаянности» — она, конечно, не завершилась 1833 годом. Неприкаянным Эдгару По пришлось прожить почти всю жизнь, но самые тяжелые — нередко исполненные отчаяния, пронзительно одинокие — недели и месяцы 1831–1833 годов все-таки подходили к концу. Хотя весной и летом 1833 года поэт об этом, конечно, еще не догадывался.

Первый успех и последующие события. 1833–1835

15 июня 1833 года хорошо знакомый поэту еженедельник «Балтимор сэтеди визитор»[143] (редактировал его уже не Уилмер) опубликовал следующее объявление:

> «Премии
> Владельцы „Балтимор сэтеди визитор“, ощущая настоятельное стремление поддержать национальную литературу и одновременно движимые желанием представить своим читателям самое лучшее, объявляют об учреждении премий — 50 долларов за лучший рассказ и 25 долларов за лучшее стихотворение длиной не более ста строк…»

Финальной датой состязания было объявлено 1 октября, конкурс был анонимным, количество текстов не ограничивалось. Правда, сообщалось, что «все представленные произведения переходят в собственность издателей». Однако на этот раз в жюри входили люди компетентные и в национальной словесности известные. Среди них были, например, Джон П. Кеннеди и Джон Лэтроуб[144]. Поэтому Э. По мог надеяться на более объективную оценку своих творений. К тому же прошедший год, посвященный главным образом сочинительству рассказов, конечно же не прошел впустую — как прозаик автор серьезно продвинулся.

По решил участвовать в обеих номинациях. На поэтический конкурс он представил стихотворение «Колизей», на прозаический — шесть новелл. Заглавия пяти из них хорошо известны: «Четыре зверя в одном», «Рукопись, найденная в бутылке», «Страницы из жизни знаменитости», «Свидание» и «Тишина». Что касается шестой — здесь существует неясность. Биографы поэта, исследователи его творчества обычно ограничиваются информацией, что все шесть происходили из числа «Рассказов Фолио Клуба». А. Х. Квин предположил, что шестым текстом было «Низвержение в Мальстрем»[145]. Но последний рассказ не принадлежит к «Фолио Клубу». Да и написан он был, судя по всему, едва ли раньше 1840 года (впервые опубликован в мае 1841-го). Так что и эта маленькая загадка (в числе множества других) остается.

Как бы там ни было, стихотворение и шесть новелл были представлены на суд жюри. 12 октября на страницах еженедельника арбитры озвучили свое решение:

«Премии

Как будет видно из последующего письма, Комитет, принимая решение о премиях, основывался на достоинствах присланных нам произведений.

[Премии получили] „Рукопись, найденная в бутылке“, созданная Эдгаром А. По из Балтимора.

Стихотворение Генри Уилтона из Балтимора, озаглавленное „Песнь ветров“.

Премированные произведения будут опубликованы на следующей неделе».

Ниже, набранное другим шрифтом, воспроизводилось письмо жюри. Видимо, оно призвано было проиллюстрировать непредвзятость судей. Послание адресовалось владельцам газеты, «господам Клауду и Паудеру», и ту часть, что относится к нашему герою, имеет смысл воспроизвести:

«Мы получили два пакета, содержащие стихотворения и рассказы, представленные соискателями премии, объявленной вами в минувшем июле, и, в соответствии с вашими пожеланиями, тщательно изучили их на предмет присуждения им призов. <…>

Среди представленных рассказов немало обладающих разнообразными и высокими достоинствами, но, без умаления высоких достоинств иных присланных текстов, исключительная сила и красота представленных „Рассказов Фолио Клуба“, можно сказать, не оставила нам никаких оснований для колебаний и заставила выбирать из их числа. Соответственно, в данной категории мы присудили приз рассказу, озаглавленному „Рукопись, найденная в бутылке“. Едва ли справедливо по отношению к автору будет заявить, что из шести присланных им историй именно эта является лучшей. Все их мы прочитали с необычайным интересом и не можем удержаться, не выразив общего мнения, что автору, заботясь о своей собственной репутации, равно как и к удовольствию читающей публики, следует опубликовать весь сборник. Эти рассказы отмечены поразительно пылким, живым и поэтическим воображением, богатством стиля, неистощимой изобретательностью, разнообразной и удивительной ученостью. Наш выбор рассказа „Рукопись, найденная в бутылке“ объясняется прежде всего оригинальностью замысла и его объемом, нежели иными

достоинствами, превосходящими упомянутые сочинения того же автора».

Под письмом стояли подписи членов жюри: Дж. П. Кеннеди, Дж. Х. Б. Лэтроуба и Дж. Миллера.

Много лет спустя (в 1877 году) Джон Лэтроуб написал воспоминания, в которых есть и рассказ о том, как была присуждена нашему герою та самая премия. Он достоин того, чтобы привести фрагмент:

«Мы собрались погожим летним днем, после обеда, на выходящей в сад веранде моего дома на Малберри-стрит и, расположившись вокруг стола, на котором были несколько бутылок доброго старого вина и коробка хороших сигар, приступили к многотрудным обязанностям литературных критиков. Я оказался самым молодым из нас троих, и мне было поручено вскрывать конверты и читать вслух присланные рукописи. Возле меня поставили корзину для отвергнутых нами опусов…

О большинстве представленных на наш суд произведений у меня не сохранилось никаких воспоминаний. Одни были отклонены по прочтении нескольких строчек, другие — очень немногие — отложены для дальнейшего рассмотрения. Эти последние затем тоже не выдержали критики, и жюри готово уже было заключить, что ни одна из работ не заслуживает назначенной премии, когда взгляд мой упал на небольшую, в четверть листа, тетрадь, до сих пор по случайности не замеченную, быть может, потому, что видом своим она столь мало походила на внушительных размеров манускрипты, с которыми ей предстояло состязаться…

Помню, что, пока я читал про себя первую страницу, г-н Кеннеди и доктор наполнили свои бокалы и закурили сигары. Когда я сказал, что у нас, кажется, появилась наконец надежда присудить премию, они засмеялись так, словно в этом сомневались, и поудобнее устроились в креслах, в то время как я начал читать. Не успел я прочесть и нескольких страниц, как друзья мои заинтересовались не меньше меня. Закончив первый рассказ, я перешел ко второму, затем к третьему и т. д. и не остановился, пока не прочел всю тетрадь, прерываемый лишь восклицаниями моих товарищей: „Превосходно! Великолепно!“ — и тому подобными. Все, что они услышали, было отмечено печатью гения. Ни

малейшего признака неуверенности в построении фразы, ни одного неудачного оборота, ни единой неверно поставленной запятой, ни избитых сентенций или пространных рассуждений, отнимающих силу у глубокой мысли. Во всем царила редкостная гармония логики и воображения… Анализ запутанных обстоятельств путем искусного сопоставления косвенных свидетельств покорил заседавших в жюри юристов, а поразительное богатство научных познаний автора и классическая красота языка привели в восторг всех троих.

Когда чтение было закончено, мы стали решать, какой из вещей отдать предпочтение, испытав большое затруднение в выборе. Были вновь прочитаны вслух отрывки из различных рассказов, и в итоге жюри остановилось на „Рукописи, найденной в бутылке“…»[146]

Как мы видим, члены комитета нимало не погрешили против истины, когда осенью 1833 года писали о впечатлении, что произвело на них чтение «Рассказов Фолио Клуба». Более того, они явно пощадили самолюбие других конкурсантов, заявив, что «среди представленных рассказов немало обладающих разнообразными и высокими достоинствами». Насколько можно судить по приведенному фрагменту, таковых как раз не было. Во всяком случае, способных хотя бы приблизиться к той высокой планке, что задал своими текстами По[147].

Единственный упрек, который можно адресовать автору приведенных воспоминаний, — он явно запамятовал, утверждая, что члены жюри «собрались погожим *летним* днем». Подведение итогов, конечно, не могло состояться летом — объявленные правила это исключали[148].

Впрочем, единственный ли упрек? Среди биографов бытует версия, что По должен был получить обе премии — не только за рассказ, но и за стихотворение. Но якобы комиссия сочла, «что две награды сразу — слишком много»[149]. В воспоминаниях Лэтроуба ничего по этому поводу не говорится. Ни о чем подобном не упоминает и А. Х. Квин, а ведь он — самый дотошный и авторитетный среди исследователей жизни и творчества поэта. Зато упоминает о другом: под именем «Генри Уилтон», которому присудили приз за лучшее стихотворение, оказывается, скрывался Джон Г. Хьюитт, главный редактор «Балтимор сэтеди визитор»! Сформированный им премиальный комитет не только мог знать об этом обстоятельстве, но, видимо, учел его при подведении итогов конкурса.

Впрочем, автор настоящей книги живет в России начала XXI века и, вероятно, не свободен от ее разрушающих идеалы реалий. Может быть, члены жюри на самом деле ничего не знали и победитель сочинил действительно великолепное стихотворение — лучше представленного По? Что ж, вполне возможно и это. У автора этих строк нет возможности сравнить «Колизей» По и «Песню ветров» Хьюитта. Да если бы и была? Смог бы он сохранить объективность?

Но в объективности решения комитета сомневался и сам По. Много лет спустя соперник нашего героя вспоминал, как через несколько дней после выхода номера с премированными текстами (и после того, как стало известно настоящее имя автора «Песни ветров») По подкараулил его у входа в редакцию:

> «— Сэр, вы использовали закулисные средства, чтобы получить свой приз передо мной, — произнес он сурово.
>
> — Я отрицаю это, — таков был мой ответ.
>
> — Тогда почему вы скрыли свое настоящее имя?
>
> — Для этого у меня были причины, и вы не вправе расспрашивать меня о них.
>
> — Но вы оказали давление на комитет, сэр.
>
> — Полагая таким образом, вы оскорбляете членов комитета, — ответил я, глядя ему прямо в лицо.
>
> — Отнюдь. Я считаю, что члены комитета — джентльмены, — отвечал он, его темные глаза сверкали от гнева, — но вас я не могу числить по той же категории.
>
> Кровь моя моментально вскипела, и со своей обычной импульсивностью я тотчас нанес ему удар, от которого он пошатнулся, поскольку физически я был, конечно, сильнее соперника.
>
> По пылал отвагой, все шло к тому, что последует серьезное продолжение, но несколько господ вмешались, и дело было подавлено в зародыше. Дуэль не состоялась — к большому разочарованию моих друзей и доброжелателей»[150].

Трудно сказать, в какой мере приведенные строки соответствуют действительности и зачем вообще много лет спустя, уже после смерти Э. По, Хьюитт вспомнил об этом эпизоде. Хотел «погреться» в лучах славы покойной знаменитости?

Как бы там ни было, но победа в конкурсе, конечно, окрылила поэта. При этом можно не сомневаться, что основным

вдохновляющим фактором — как ни нуждался он в деньгах — была не сумма (по тем временам, кстати, немалая!) премии. Куда важнее для него были признание и тот великолепный отзыв о его рассказах, что опубликовала на своих страницах «Балтимор сэтеди визитор». По сути, это был не просто первый успех, но первое признание его таланта. Если помнит читатель, за весь предшествующий литературный опыт Э. По лишь однажды удостоился похвалы — от Джона Нила в связи с первыми поэтическими опытами. Но те слова (о которых По не забыл!), хотя и были признанием его дарования, все же больше обращались в будущее, нежели констатировали настоящее. А теперь это был свершившийся факт, и он признан публично!

«Рукопись, найденная в бутылке» и опус мистера Хьюитта, как и было обещано, опубликовали в номере от 19 октября. А через неделю, 26 октября, словно в утешение нашему герою, на страницах еженедельника напечатали и его «Колизей».

Было ли это связано с недавней «атакой» нашего героя на не слишком чистоплотного редактора? Вряд ли. Хотя публикация, конечно, не могла состояться без его ведома. Но кроме стихотворения в газете было опубликовано и объявление, извещавшее о подписке на книгу Эдгара По «Рассказы Фолио Клуба»:

> «„Фолио Клуб“
>
> Это заглавие сборника рассказов из-под пера Эдгара А. По, джентльмена, которому Комитет, учрежденный владельцами настоящего издания, присудил приз в 50 долларов. Книга вот-вот поступит к типографам и будет издана по подписке. Подписной лист находится в редакции. Любой желающий подписаться приглашается в офис. Книга будет стоить один доллар за экземпляр.
>
> Рассказ, удостоенный награды, не самый лучший у г-на По; среди повествований „Фолио Клуба“ немало историй непревзойденного достоинства. Всех их отличает оригинальность, блеск замысла и исполнения, особая утонченность, которую редко можно встретить в произведениях любимых авторов из числа наших соотечественников. Оказав помощь г-ну По в издании „Фолио Клуба“, друзья национальной литературы смогут ободрить молодого автора, энергию которого гасит как прохладное отношение прессы, так и равнодушие общества к трудам американских писателей. Он многое умеет, им написано немало, и приз, которого он удостоен, зиждется на признании его таланта — так

давайте дадим ему нечто большее, нежели просто похвала. Мы просим наших друзей прийти и подписаться на книгу — тех, кто желал бы увидеть ее опубликованной».

Как ни привлекательна для автора была идея воплотить рекомендацию жюри и опубликовать книгу своих рассказов, инициатором издания выступил, конечно, не он, а один из членов комитета — Джон Пендлтон Кеннеди. Скорее всего, и текст объявления принадлежал его перу. В лице Кеннеди Эдгар По обрел неофициального, но весьма влиятельного и, главное, деятельного и эффективного покровителя. Именно он по собственной инициативе связался с издателями из Филадельфии и предложил им напечатать рассказы По. Забегая вперед скажем, что ничего из этой затеи не вышло. Издатели, поначалу заинтересовавшиеся предложением, позднее отказались, сочтя дело слишком рискованным и неприбыльным.

Вот что писал по этому поводу Генри Кэри (один из издателей) Кеннеди:

«Книгу мы можем напечатать без проблем, но сильно сомневаюсь, что в этом есть какой-то смысл. Такие маленькие вещи (он имеет в виду и объем книги, и жанр рассказа. — *А. Т.)* редко бывают успешны; даже если что-то подобное и происходит, доход будет слишком мал. Я вообще его не ожидаю…»

На просьбу Кеннеди сколько-нибудь заплатить автору Кэри отвечал:

«Мне совсем не хочется умножать риски предприятия, выплачивая хоть что-нибудь автору вперед. <…> С удовольствием бы помог вашему другу, если бы знал как; сочинительство — весьма скудный бизнес, даже если автор и найдет способ привлечь общественное внимание, и сумеет вызвать пересуды. Но это редко случается с короткими рассказами. Публика желает чего-нибудь побольше и подлиннее».

Издатель знал, о чем говорит. Прекрасно знал об этом и Кеннеди, незадолго перед тем опубликовавший книгу, принесшую ему широкую известность. Это был роман — «Суоллоу Барн» (1832). А в то время он уже писал другой — исторический роман под названием «Робинзон Подкова» (1835), который вскоре принесет ему всеамериканскую известность, станет исключительно популярным и заставит соперничать с романами о Кожаном Чулке знаменитого Дж. Фенимора Купера.

Не приходится сомневаться, что эту мысль — о месте, что занимает рассказ в современной словесности, Кеннеди донес и до По. Прежде всего, именно этим обстоятельством можно объяснить

(и нередко объясняют) попытку По написать роман («Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», 1838), которую он вскоре предпримет. Но это в будущем. А пока Эдгару По, безусловно, повезло, что он встретил на своем пути такого человека.

Первая их встреча, как мы знаем, была заочной. Лично они встретились, скорее всего, 21 октября в упоминавшемся уже особняке Дж. Лэтроуба. Последний оставил описание поэта таким, каким запомнил его в тот день:

«Он был стройным, держался прямо и с достоинством, в нем чувствовалась военная выправка. Одет был во все черное, его сюртук был застегнут на все пуговицы до горла, вокруг которого повязан черный шейный платок, какой обычно тогда носили. Ничего белого не было вовсе. Отчетливо было видно, что его одежда, шляпа, сапоги и перчатки знавали лучшие дни, но все было тщательно вычищено, поглажено и починено — чувствовалась забота о том, чтобы все выглядело презентабельно. На большинстве одежда эта смотрелась бы потертой и заношенной, но было что-то в этом человеке, что удерживало любого от критических замечаний»[151].

Сам Кеннеди вскоре после смерти поэта вспоминал:

«Я встретил его в Балтиморе <…> он голодал. Я дал ему одежду, он получил возможность в любой день присутствовать за нашим семейным обеденным столом, мог пользоваться моей лошадью для прогулок. Он был на грани отчаяния, и я помог ему выйти из этого состояния»[152].

Вряд ли По в действительности когда-нибудь «пользовался лошадью» Кеннеди да и едва ли часто бывал за столом известного юриста и романиста — обостренное чувство личного достоинства не дозволяло ему не то что злоупотреблять, а просто пользоваться предложениями подобного рода. Но то, что поэт «был на грани отчаяния», — полностью соответствует истине. Об этом свидетельствуют безуспешные попытки По найти работу; отклики тех, кто знал его в балтиморский период; наконец, уже упоминавшееся письмо опекуну от 12 апреля 1833 года[153]. Не менее справедлива и вторая часть фразы — он действительно помог поэту «выйти из этого состояния».

И дело, конечно, не в победе на конкурсе. В чем здесь роль Кеннеди? В том, что был честен, справедлив и обладал достаточной проницательностью и искушенностью, чтобы оценить незаурядный литературный дар? Эту победу По завоевал собственным талантом. Другое дело, что на исходе осени 1833 года в лице Кеннеди Эдгар По обрел искреннего друга и покровителя. С дистанции минувших лет очевидно: само Провидение предопределило их встречу.

Е. В. Лазарева, советская исследовательница, изучавшая историю взаимоотношений Кеннеди и По, в свое время утверждала:

«Лишь благодаря положению, издательским связям и популярности Джона Пендлтона Кеннеди Эдгару По удалось достичь того весьма относительного благополучия, которым он вынужден был довольствоваться при жизни»[154].

Конечно, это преувеличение, но дальнейшее развитие событий покажет, что Кеннеди действительно придал карьере По необходимый вектор, сформировавший литературную и в определенной степени человеческую судьбу.

Появление Кеннеди именно в этот критический период было очень важно для Э. По и психологически — так была устроена душа этого человека, что он всегда остро нуждался в ком-то, кто о нем заботится. Сначала эту функцию выполняла миссис Фрэнсис Аллан. Когда ее не стало, «функция» перешла к опекуну, но он, главным образом по складу характера и мужской своей природе, не мог обеспечить пасынку безоглядной и всепрощающей любви и справлялся со своей ролью не так успешно, как его жена. Да и чрезвычайно трудно это было, учитывая взрывной, неуравновешенный характер избалованного (скажем прямо) пасынка. Человек очень рациональный и прагматичный, мистер Аллан не был способен *все* прощать, и отношения их в конце концов совершенно разладились. А «сыну» был необходим «любящий отец». И письма По мистеру Аллану — особенно последние, 1830-х годов — подтверждают это. В какой-то степени любящих родителей заменила миссис Клемм. Впоследствии, прежде всего после женитьбы По на ее дочери Вирджинии, значение этой женщины и ее место в жизни нашего героя умножатся, и он сам проникнется к ней особым, сходным с сыновним, чувством. Но тогда ее значение в существовании «милого Эдди», видимо, было еще не столь велико. И вот появился Кеннеди. Его открытость, искреннее желание помочь немедленно нашли самый живой отклик у поэта, страстно желавшего, чтобы о нем заботились, чтобы его опекали.

Вот вам небольшой пример. Кеннеди пишет записку По, приглашая к себе на обед. По немедленно отвечает:

«Ваше любезное приглашение на обед глубоко ранило меня. Я не смогу прийти — причина самая унизительная, состояние моего костюма. Вы можете представить то чувство глубокого унижения, что я сейчас испытываю, — но это неизбежно. Если ваше дружеское отношение ко мне на самом деле так безгранично, одолжите мне 20 долларов, и я завтра буду у вас — в противном случае сие невозможно, и я покоряюсь своей судьбе».

И Кеннеди дал По эти 20 долларов. Записка датируется мартом 1835 года. Конечно, к этому времени они знакомы уже почти два года и у них особые отношения, в которых у каждого своя роль: у Кеннеди — благодетеля и опекуна молодого дарования, а По… Едва ли могли произойти какие-то серьезные перемены в его характере. Он — капризный, неуравновешенный меланхолик, постоянно сетующий на несчастную судьбу, но… чертовски талантливый!

Как Кеннеди опекал По? Прежде всего, как человек в литературных кругах известный и обладающий разнообразными связями. Если он и давал поэту деньги «просто так», то в исключительных случаях. Но поэту и нужен был «поводырь» в литературном мире, в который он так стремился и в котором, несмотря на молодой еще возраст, уже набил себе достаточно шишек.

Первой «акцией» по продвижению молодого таланта была, как помнит читатель, попытка опубликовать «Рассказы Фолио Клуба». История длилась почти два года, породив обширную переписку Кеннеди с издателями и По, но осуществить задуманное благодетелю так и не удалось. Зная, как горячо По жаждет признания, зная его тяжелое материальное положение, Кеннеди активно занимался устройством рассказов своего протеже в журналы. Уже в январе 1834 года рассказ «Свидание» публикует респектабельный «Гоудиз лэдиз бук». Чуть позже один из рассказов «Клуба» Кеннеди сумел (за 15 долларов!) продать в другой журнал — респектабельный ежегодник «Атлантик сувенир». Помогал он и с публикацией стихотворений.

Для Э. По это было очень важно. Помимо того, что Кеннеди помогал ему добывать средства к существованию, он представлял нового, пока неизвестного редакторам журналов писателя. Он торил ему дорогу в эти издания. Ведь у каждого журнала был свой круг авторов («чужаку» проникнуть туда было непросто). Поэтому впоследствии — во второй, третий и т. д. раз — автору было значительно легче «пристраивать» в них свои тексты.

В прямом смысле судьбоносной для По стала инициатива Кеннеди опубликовать его рассказы в ричмондском журнале «Сауферн литерари мессенджер» («The Southern Literary Messenger»). Издание было совсем новым, первый его номер вышел в августе 1834 года. Еще раньше, примерно в мае того же года, к Кеннеди в числе других известных американских писателей[155] обратился его владелец мистер Томас Уайт и предложил сотрудничество. Кеннеди обещал содействие. Что важно и характерно: в отличие от многих «содействие» этот человек, искренне заинтересованный в развитии национальной

словесности, воспринимал не только как возможность публиковать *свои* тексты на страницах журнала, но и способствовать обогащению американской литературы, в потенциал которой он глубоко верил. Естественно поэтому, что мистеру Уайту с соответствующими рекомендациями были предложены и рассказы По.

Достоверно неизвестно, когда на столе Уайта очутился первый рассказ нашего героя. Вполне возможно, тогда же — между маем и августом 1834 года. Но сие не означало немедленной публикации. Уайт был владельцем журнала. Он определял стратегию. Тактикой занимался редактор, обязанности которого исполнял тогда некий мистер Хит, относившийся к беллетристике вообще, а к национальной в особенности весьма скептически. Как бы там ни было, в марте 1835 года на страницах журнала появился первый рассказ Эдгара По «Береника». Вскоре после этого Уайт, которому рассказ очень понравился, написал Кеннеди и попросил рассказать об авторе. Тот не замедлил с ответом:

> «Уважаемый сэр! По сделал правильно, сославшись на меня. Он искусно владеет пером и пишет в классическом и изысканном стиле. Ему не хватает опыта и руководства, но я не сомневаюсь, что он может быть вам очень полезен. Человек этот очень беден. Я посоветовал ему писать что-нибудь для каждого номера вашего журнала и сказал, что вы, возможно, сочтете в своих интересах предоставить ему какую-нибудь постоянную должность… Молодой человек обладает живым воображением и немного экстравагантен. Сейчас он работает над трагедией, но я склонил его заняться чем-нибудь таким, что может принести деньги…»

О какой «трагедии» вел речь Кеннеди, к сожалению, достоверно неизвестно. Но, скорее всего, он имел в виду трагедию «Полициан», которую По принялся сочинять в 1834 году, но закончил только через два года. Да и «какую-нибудь должность» его протеже Уайт на тот момент предоставить не смог, но рассказы с удовольствием печатал. Уже в апреле была опубликована «Морелла», в мае — «Страницы из жизни знаменитости», в июне — «Необыкновенные приключения некоего Ганса Пфааля»[156].

Существует мнение, что первой публикацией По в журнале стала не «Береника». Некоторые исследователи полагают, что еще до появления рассказов он поместил в журнале несколько рецензий. К сожалению, тогда (да и много лет спустя)

существовала традиция не указывать рецензента и материалы подобного рода выходили анонимно. Поэтому ни подтвердить, ни опровергнуть существование «рецензий По» невозможно. Но в любом случае речь может идти о вещах малозначительных. Даже если он и писал нечто подобное, то, скорее всего, с подачи Кеннеди и исключительно ради денег.

И вот здесь волей-неволей мы опять должны коснуться материального аспекта в существовании поэта. Во второй половине 1833 года и до середины лета 1835-го оно продолжало оставаться, без преувеличения, ужасным. В некоторой степени финансовое положение семьи поправили те самые 50 долларов, что молодой автор получил в качестве приза в октябре 1833 года. Но были долги, и какая-то часть суммы, скорее всего, пошла на погашение самых неотложных. Весной 1833 года По и Клеммы в очередной раз сменили место жительства. Теперь они обитали на Эмити-стрит, 3. Этот переезд (как, впрочем, и предыдущий) был вызван бедностью — не хватало средств, чтобы оплачивать прежнее обиталище, и они перебрались в домик поменьше (и подешевле). Комната Эдгара располагалась на втором этаже, мансарду сдавали.

Единственным стабильным источником пополнения семейных доходов, как и в прежние годы, оставалась пенсия Элизабет По. Пособие было совсем невелико, но его выплачивали более или менее регулярно[157]. Правда, бабка находилась в преклонном возрасте (ей шло к восьмидесяти) и постоянно болела. В июле 1835 года она умрет и этот источник иссякнет. Миссис Клемм и Вирджиния никаких доходов, понятно, не имели. Поэтому даже те небольшие деньги, что получал племянник за свои публикации, для семьи были очень важны.

Что же удивительного в том, что Эдгар По предпринимал попытки найти работу, не связанную с литературой? Едва ли возможно установить все инициативы нашего героя в этом направлении. Естественно, среди них не встречалось таких, что были связаны с физическим трудом. Так что утверждение одного из бывших товарищей по Вест-Пойнту, что в сентябре 1834 года он видел По на кирпичном заводе[158], скорее всего, ложно. Но в описываемый период молодой человек по крайней мере дважды обращался за протекцией к Кеннеди. И одна из просьб (в марте 1835 года) была — поспособствовать устроиться учителем[159]. Хотя Кеннеди предоставил необходимые рекомендации, ничего из этой затеи не вышло. Но сама идея иметь службу, гарантирующую постоянный доход, была вполне здравой. Среди современников Э. По не найти ни одного американского писателя, кто не совмещал словесность с делом, приносившим

стабильный и предсказуемый доход. Вашингтон Ирвинг был дипломатом; Натаниэль Готорн трудился на таможне; сначала матросом, а затем таможенником был и Герман Мелвилл; Фенимор Купер служил на флоте и был крупным землевладельцем; Кеннеди весьма успешно подвизался на ниве адвокатуры; Уильям Уирт, которым восхищались и По, и его благодетель (позднее Кеннеди напишет биографию Уирта), был государственным служащим и генеральным прокурором США. И ряд этот можно продолжать очень долго.

Но Эдгару По не суждено было стать в этот ряд. Возможно, он был недостаточно настойчив и последователен в своих поисках. Но даже если он и сумел бы устроиться на службу и обрести стабильный доход, как долго (учитывая особенности его психики) он бы на этой службе удержался? Да и пошла бы она на благо творчеству? Впрочем, вопросы эти так и останутся в сослагательном наклонении — судьба этого человека совершила очередной поворот и вывела его на стезю, о которой он уже тогда втайне мечтал. Этот поворот заставил Э. По покинуть Балтимор и направиться в родные края — в Старый Доминион, в Виргинию, в Ричмонд.

Но прежде чем декорации сменятся окончательно и наш герой надолго покинет Балтимор, необходимо расстаться еще с одним апокрифом — в душераздирающей коллизии он связывает Эдгара По, Джона Аллана и его вторую супругу миссис Луизу Паттерсон Аллан.

Суть сводится к следующему. Среди биографов существует версия, что в балтиморский период По дважды — в 1832 и 1834 годах — посещал Ричмонд и навещал отчий дом. Обе встречи закончились для него плачевно. Он вел себя несдержанно, в первый приезд жестоко поскандалил с новой миссис Аллан. И в этом, по мнению биографов, кроется причина отказа в наследстве. Второй раз он приехал примерно за месяц до кончины отчима и якобы приблизил фатальный конец.

Вот как Герви Аллен описывает последнее событие:

> «В начале года до По дошли вести о приближении события, которое не могло не оказать влияния на его дальнейшую судьбу и требовало его присутствия в Ричмонде. Джон Аллан умирал, и в феврале 1834 года По вновь оказался перед знакомыми дверями ричмондского особняка с твердым намерением встретиться и поговорить с опекуном. Должно быть, он хотел смиренно напомнить о своих „правах“, поведать об одолевавшей его нужде, возможно, раз и навсегда

объясниться, покончить со всеми распрями и, получив прощение, которого можно было ожидать от лежащего на смертном одре человека, вновь вернуться в лоно семьи с надеждой разделить благодеяния родственной любви. Конец был близок, и возможность примирения, пусть даже самая ничтожная, давала По шанс. Пренебречь им он просто не мог. Целый мир воспоминаний, связанных с Джоном Алланом, которого он когда-то считал своим отцом, и важные для его будущего интересы влекли По столь неодолимо, что он попытался силой проникнуть в дом, хотя оказанный ему там в последний раз прием не должен был оставить у него никаких сомнений относительно чувств, которые Алланы питали к своему злосчастному „родственнику“.

После его визита прошлой весной слугам были даны распоряжения, как поступить в случае, если „мастер Эдди“ вновь пожелает посетить ричмондский особняк. Однако прозорливость хозяев оказалась тщетной. По ворвался в дом, оттолкнув дворецкого, и проворно взбежал по лестнице, ведущей в большую комнату с окнами на передний двор, в которой, откинувшись на подушки, сидел и читал газету Джон Аллан. Рядом с ним лежала трость. Водянка сделала его совершенно беспомощным. Насмешливо-ироническая улыбка, часто игравшая у него на губах в молодости и придававшая лицу почти приятное выражение, давно угасла. Ставший еще более крючковатым ястребиный нос и кустистые черные брови угрожающе нависли над сообщающей последние новости газетой. Но вдруг его маленькие пронзительные глазки скользнули вверх и узрели в дверях призрак, явившийся из прошлого. Время точно вернулось вспять, и перед ним, как когда-то много лет назад, стоял его юный „приемный сын“ и с мольбой глядел на „отца“, по обыкновению, чувствуя себя в его присутствии скованно и неловко. Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, эти два непримиримых духом человека, встретившихся в последний раз. Затем По с довольно жалким видом попытался приблизиться и заговорить со стариком. Но Аллан, точно защищаясь от нападения, схватил прислоненную к креслу трость и стал свирепо ею размахивать, изрыгая поток брани и проклятий. Он кричал, что побьет По, если тот осмелится подойти к нему ближе, и угрожающе приподнялся с кресла, словно

умирающая хищная птица — страшная, неукротимая, способная и погибая сразить врага. На его крики прибежали испуганная жена и слуги-рабы, которые с позором вытолкали По за дверь. Вслед ему неслись возмущенные вопли немощного, дрожащего от гнева старика. По возвратился в Балтимор, до глубины души потрясенный и удрученный фактом, что в мире существовал человек, ненавидевший его до последнего вздоха.

…С этого момента состояние Аллана начало резко ухудшаться… 27 марта около одиннадцати часов утра домашние услышали ужасный крик миссис Аллан, хлопотавшей в это время в комнате больного. Поспешив туда, они обнаружили Джона Аллана мертвым в его кресле»[160].

Стоит извиниться перед читателем за обширную цитату из книги уважаемого автора, но как иначе продемонстрировать исключительную важность данного эпизода в судьбе По? Ведь здесь и характер писателя, и его мысли, чувства, переживания, выражение глаз, мимика, жесты… Здесь и отношения с отчимом, и его отношение к пасынку… И живописные подробности: портреты героев, их поступки, детали обстановки, событийная канва и тому подобное. Самое грустное, что ничего из того, что так ярко описал автор, не было. Не ездил в Ричмонд Эдгар По. Ни в 1832-м, ни в 1834 году. Не скандалил он с мачехой и совершенно не виновен в смерти отчима. Их общение в эти годы было эпистолярным. Да и то почти односторонним: мистер Аллан на письма пасынка не отвечал.

И что же? В конце концов, «каждый пишет, как он слышит… не стараясь угодить…». Герви Аллен так «слышал», так чувствовал и так видел. Автор настоящих строк ни в коей мере не стремится ограничить или поставить под сомнение право писателя писать так, как тот считает нужным. Но с легкой руки Аллена эта история, обрастая подробностями и деталями, пошла гулять по жизнеописаниям поэта и из мифа превратилась в факт биографии. А с этим примириться нельзя.

Откуда же взялась эта история?

Все очень просто. О визите Эдгара По в Ричмонд незадолго до смерти мистера Аллана поведал в своих воспоминаниях, опубликованных в 1881 году, Томас Эллис, сын партнера Аллана по бизнесу и товарищ Эдгара детских лет. Эпизод этот он осветил скупо — отвел ему всего два абзаца. Не содержалось там и выразительных деталей. Да и откуда они могли взяться? По

признанию самого Эллиса, свидетелем визита По в отчий дом он не был и в городе его не видел, а информацию получил «из вторых рук». Живописные же подробности — на совести автора биографии поэта, впервые переведенной на русский язык и вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 1984 году. Совершенно справедливо по этому поводу заметил А. Х. Квин: «Когда речь идет о том, что [Т. Эллис] видел лично, его словам можно доверять и относиться без всякого предубеждения… Когда же он говорит о том, что „слышал“… это вызывает серьезные сомнения». Тем более что в тех же воспоминаниях он приводит слова второй миссис Аллан (слышанные уже им лично): Эдгара она видела только дважды — и то уже после кончины своего мужа[161].

На том покончим с приведенным апокрифом. Тем более что он — не первый, да и не последний в непростой, запутанной личной истории Эдгара Аллана По, еще при жизни обросшей причудливыми — большей частью недостоверными — деталями.

«Сауферн литерари мессенджер». 1835–1837

Едва ли Эдгар По вновь и по собственной воле очутился в Ричмонде, если бы к этому не приложил руку его покровитель Дж. Кеннеди. В свое время — скорее всего, в конце 1834-го или в самом начале 1835 года — он, активно «продвигая» своего протеже, рекомендовал его рассказы Т. Уайту, владельцу журнала «Сауферн литерари мессенджер» («Южный литературный вестник»). Конечно, Уайта интересовали прежде всего «громкие имена» — на страницах журнала он жаждал видеть тех, кто сможет привлечь подписчиков. Эдгар По к их числу, понятно, не относился. Поэтому, обратившись к Уайту с предложением опубликовать свои истории на страницах «Мессенджера», По сослался на своего покровителя. И поступил совершенно правильно, поскольку присланные для публикации рассказы издателю не понравились. Особенные сомнения Уайта, человека здравомыслящего и в общем-то совсем «нелитературного» (до начала своего предприятия он подвизался печатником, владел типографским станком), вызвала «Береника», которую в числе других ему выслал молодой автор. Хотя тогдашний читатель был привычен к всевозможным готическим ужасам, едва ли владельцу журнала могла понравиться *такая* история — о преждевременном погребении и душевнобольном гробокопателе, который мало того что убил свою несчастную кузину, так еще и вырвал ее белоснежные зубы. Скорее всего, тем бы дело и закончилось, но Эдгара По рекомендовал *сам* Кеннеди — так завязалась переписка между нашим героем и владельцем ричмондского журнала.

Очевидно, что По, несмотря на всю свою импульсивность, умел (ведь он был «виргинским джентльменом»!) проявить терпение и учтивость, в некоторых обстоятельствах был даже способен согласиться с критикой своего труда. Уайту, который прежде всего был бизнесменом и не слишком разбирался в изящной словесности, весьма по нраву пришлись рассуждения молодого человека о литературе, свидетельствовавшие об изрядной начитанности и очевидной учености. Не мог не покорить и стиль посланий — изящный, ясный и учтивый, стиль человека, способного и привычного обращаться со словом. Тем более что в весенние — летние месяцы 1835 года Э. По с видимым удовольствием не только консультировал Уайта по литературным вопросам, но и поместил несколько самых доброжелательных рецензий на вышедшие номера журнала в

нескольких балтиморских газетах[162]. Так на страницах «Сауферн литерари мессенджер» и появились рассказы По. Сначала та самая «Береника» (март 1835 года), затем «Морелла» (апрель), «Страницы из жизни знаменитости» (май) и «Необыкновенные приключения некоего Ганса Пфааля» (июнь). Июльский номер журнала содержал уже два его произведения: рассказ «Свидание» и стихотворение «К Мэри» («Любимая! Средь бурь и гроз, / Слепящих тьмой мой путь земной…»). Две публикации обнаруживаются и в августовском выпуске — «многострадальный» «Колизей»[163] и рассказ «Бон-Бон».

Едва ли По принимал непосредственное участие в составлении июльского и августовского номеров за 1835 год. Но что он одним из первых держал их в руках, упаковывал, готовя к рассылке, — не подлежит сомнению, поскольку уже в июле он объявился в редакции и утвердился за одним из столов — в арендованном для офиса помещении на втором этаже трехэтажного здания на углу Главной и Пятнадцатой улиц.

Однако прежде чем поведать об обстоятельствах возвращения нашего героя на его «малую родину», необходимо несколько слов сказать о том, что собой представляло издание, о его — к тому времени еще совсем короткой — истории и о том, кто оказался к ней причастен.

В мае 1834 года ричмондский типограф Томас Уиллис Уайт опубликовал и разослал в местные (и не только[164]) газеты проспект, извещавший о грядущем старте нового издания. Журнал задумывался как литературный, исторический и философский, должен был выходить дважды в месяц, днем выхода первого номера издатель объявил 15 июня 1834 года. Свою основную задачу журнал видел в необходимости «разбудить гордость и таланты Юга, вдохнуть жизнь в развитие литературы в этой части страны»[165].

Надо сказать, что время и место для нового издания были выбраны удачно. Ричмонд активно развивался, превращаясь в крупный торговый, промышленный, финансовый и интеллектуальный центр американского Юга. Увеличивалось число его обитателей — умножалось и количество тех, кто мог стать читателями нового журнала. К тому же совсем неподалеку располагались и высшие учебные заведения Юга: колледж Святого Уильяма и Святой Марии в Уильямсбурге и Виргинский университет в Шарлоттсвилле. Вообще интеллектуальной столицей Юга тогда еще считался Чарлстон. Время от времени и здесь затевались литературные журналы, но жизнь их, как правило, была коротка.

На тот момент у нового журнала совсем не было конкурентов

— все литературные журналы издавались на севере и востоке США. Южнее Балтимора подобных изданий не существовало вовсе. А если учесть, что уже тогда южный сепаратизм (во всяком случае, культурный) был уже вполне ощутим, можно понять, что перспективы у «Мессенджера» были неплохие.

Тем не менее сам Уайт едва ли взялся бы за издание журнала — слишком хлопотное, ненадежное да и незнакомое ему это было занятие. Но он состоял членом местного Виргинского исторического и философского общества, объединявшего в своих рядах значительную часть местной интеллектуальной элиты — адвокатов, врачей, университетскую профессуру, крупных чиновников и политиков. Собственно говоря, именно эти люди, среди которых особенно выделялись друзья Уайта — видные юристы Б. Такер, Л. Майнор и Дж. Хит, и вдохновили его на предприятие. К чести этих персонажей необходимо заметить, что они были совершенно искренними радетелями своего края — интересовались науками, историей, заботились о культурном развитии сограждан. Последний из них, Джеймс Хит (1792–1862), несмотря на то, что исполнял обязанности секретаря поименованного общества и занимал должность главного аудитора штата, взялся редактировать журнал. Причем делал это на безвозмездной основе[166]. Имелся у него и кое-какой литературный опыт: в 1828 году Уайт анонимно (истинному виргинскому джентльмену не пристало искать популярности) опубликовал его роман «из плантаторской жизни»[167], к тому же он сочинял пьесы, некоторые из них ставились и (опять же анонимно!) публиковались.

Таким образом, почти всю редакционно-литературную работу (включая отбор рукописей, часть переписки с авторами, обзор книжных новинок, редакционные статьи и т. п.) осуществляли Хит (он официально числился редактором) и его друзья Майнор и Такер. Они определяли политику и направление журнала. Уайт занимался в основном «техническими» вопросами (подписчиками, рассылкой, рекламой, оформлением и печатью).

Годовая подписка стоила пять долларов. Хотя издатель обещал выпустить первый номер в июне, тот появился только в августе 1834 года. Но начиная с августа выходил регулярно. Как и было обещано, журнал издавался форматом в одну восьмую листа, на тридцати двух страницах и выходил дважды в месяц. Впрочем, довольно скоро было решено превратить издание в ежемесячник. Что и произошло начиная с ноября того же года. Соответственно, объем вырос до шестидесяти четырех страниц.

С появлением «Мессенджера» Виргинское историческое и философское общество обрело свой собственный неформальный

печатный орган. В нем публиковались серьезные умные люди, «серьезные умные» материалы. Что касается литературной составляющей — это было то, что казалось достойным друзьям Уайта, соответствовало их представлениям о словесности. Как и было заявлено, предпочтение отдавалось южным авторам. Но публиковали произведения не только признанных «звезд» — таких как Дж. П. Кеннеди, У. Г. Симмс, Р. Г. Уайлд[168], но и тексты авторов, давно канувших в Лету (таких было подавляющее большинство, и это естественно). На страницах журнала появлялись и северяне. И вот здесь отбор был если не самый строгий, то вполне тенденциозный. По нему можно адекватно судить о подлинных вкусах и пристрастиях тех, кто управлял журналом. Например, одним из излюбленных авторов была миссис Сигурни из Коннектикута[169] — «сладкий голос Хартфорда», известная морализаторскими виршами и прозой. Соответственно, основными подписчиками журнала были люди того же круга, что определяли его политику, — профессура, местные общественные деятели и т. д.

Поначалу число подписчиков «Мессенджера» не превышало пятисот человек. К концу 1834 года их количество возросло до семисот. Но это был предел: несмотря на поистине героические усилия, увеличить эту цифру Уайту не удалось. Это обстоятельство не могло его радовать как бизнесмена: прибыли журнал почти не приносил, но при той политике, что вел Хит со товарищи, ожидать иного не имело смысла. Владелец экспериментировал с оформлением, вел обширную переписку, стал активнее вмешиваться в редакционную работу, но… избавить свое детище от провинциализма ему не удавалось.

Росло раздражение и с другой стороны. В конце концов Хит сложил с себя полномочия редактора. В апреле 1835 года журнал возглавил Эдвард Спархоук (1798–1838). В отличие от Уайта и Хита, дилетантов в журналистике, он был профессионалом, несколько лет проработал в нью-йоркских газетах и имел опыт редакторства. Но, к сожалению, «Южный литературный вестник» он возглавлял недолго — всего три месяца, а затем, неудовлетворенный уровнем оплаты своего труда, покинул Уайта и уехал из Ричмонда.

Все предшествующие месяцы Уайт в числе других корреспондентов вел переписку и с нашим героем. И По явно следил за тем, что происходило с журналом. Во всяком случае, он приветствовал приход Спархоука на редакторский пост и в связи с этим писал: «Поздравляю вас с тем, что вы заполучили к себе на службу мистера С[пархоука]. Он обладает высокой репутацией и способностями» (из письма Т. Уайту от 12 июня 1835 года). Не

замедлил По отметить и произошедшие изменения к лучшему в содержании и оформлении журнала и даже советовал изменить шрифт в заголовках статей и передовиц (в письме от 22 июня).

Вообще, насколько можно судить по сохранившимся письмам Э. По Т. Уайту, они активно переписывались. Письма поэта насыщены размышлениями о литературе, соображениями о том, как увеличить число подписчиков, какие рубрики и аспекты могут помочь это сделать. Что же удивительного в том, что вскоре после того, как Спархоук покинул «Мессенджер»[170], Уайт пригласил По перебраться в Ричмонд и помочь управляться с журналом.

Очевидно, поэт оказался в столице Старого Доминиона не позднее середины июля 1835 года. Об этом можно судить по письму Уайта одному из своих друзей, Л. Майнору. 18 августа он сообщал:

«Мистер По тоже находится здесь. Он тут уже целый месяц и будет помогать мне во всем, что подразумевает круг его обязанностей».

В то же время ясно, что По не мог оказаться в Ричмонде раньше 9–10 июля: 7 июля в возрасте семидесяти девяти лет скончалась его бабушка, вдова «генерала По», которую похоронили на следующий день утром, и наш герой был среди тех, кто проводил ее в последний путь.

Со смертью Элизабет По Эдгар превратился в единственного кормильца семьи. Несмотря на то что позднее он неоднократно предпринимал попытки сохранить (возобновить) выплаты и даже собирался нанять адвоката, чтобы тот отстаивал интересы семьи в конгрессе Мэриленда и в суде, апеллируя к тому обстоятельству, что ежегодная пенсия в 240 долларов, которую получала его бабка в течение семнадцати лет, никоим образом не могла покрыть расходы, понесенные ее супругом в годы Войны за независимость. Их он оценил в огромную сумму — более 20 тысяч долларов. Откуда он взял эту цифру? Остается только гадать. Несмотря на то что он был уверен в своей правоте, выплаты возобновить не удалось. Так с кончиной бабушки исчез основной источник финансовых поступлений семьи тетушки Клемм. И это обстоятельство накладывало на нашего героя очевидные обязательства. Так что приглашение от Т. Уайта перебраться в Ричмонд и заняться «Мессенджером» оказалось как нельзя кстати. Конечно, даже если бы оно поспело раньше — он бы не раздумывал.

Первые свои дни в Ричмонде По провел в семействе Маккензи. Герви Аллен сообщает: «Мистер и миссис Маккензи встретили его с обычным радушием, но больше всех обрадовался молодой Джек Маккензи — все такой же грубовато-добродушный

и веселый, как раньше… Розали по-прежнему была там — счастливый, не омраченный мыслями о будущем взрослый ребенок… Тетушка Нэнси украдкой пришла от Алланов, чтобы повидать Эдгара и рассказать ему о последних часах опекуна, шепнув несколько слов о завещании»[171].

Трудно сказать, откуда извлек эти подробности биограф. Увы, автор настоящих строк не может ни подтвердить, ни опровергнуть их. Единственное, с чем необходимо согласиться, — «Розали по-прежнему» жила в приемной семье и по-своему была счастлива.

Известно и то, что По не задержался у Маккензи и через несколько дней перебрался в пансион некой миссис Пуэр. Что это было за заведение, кто был в числе соседей нашего героя, общался он с кем-нибудь или, напротив, ни с кем не поддерживал контактов, информация отсутствует. Куда больше известно о том месте, где работал По.

«Вотчиной» По был офис. Находясь постоянно в разъездах, Уайт появлялся нечасто, и там обычно царил наш герой. Стол его всегда был завален бумагами и присланными на рецензию книгами, и со всем этим нужно было разбираться именно ему. Кроме этого, ему необходимо было редактировать тексты, вычитывать корректуру, вносить правку и сообщать о ней метранпажу, вести переписку (весьма обширную!) с авторами, реестр подписчиков да еще заниматься рассылкой журнала. Таков был круг основных обязанностей По в «Мессенджере». За эту работу ему платили жалованье: Т. Уайт положил своему новому сотруднику 60 долларов в месяц, что составляло 15 долларов в неделю.

В биографиях поэта его должность в журнале, как правило, обозначают словом «редактор», подразумевая, что он был главным редактором издания. Англоязычный термин *editor* сие, по сути, и подразумевает. Что, конечно же, неверно. Джеймс Хит действительно был редактором. Он определял политику журнала. С полным на то основанием словом *editor* можно обозначить и позицию Э. Спархоука. Положение Эдгара По в журнале было иным. Что красноречиво иллюстрирует редакционное объявление, помещенное в декабрьском номере:

«Джентльмен, упомянутый в девятом номере „Мессенджера“ в качестве персоны, занимающей редакторское кресло, начиная с одиннадцатого номера издания, выходит в отставку от должности; теперь издание будет возглавлять его владелец, а помогать в этом ему будет джентльмен, наделенный замечательными литературными талантами»[172].

Как, верно, догадался читатель, «в отставку» вышел

Э. Спархоук, а «джентльмен, наделенный замечательными литературными талантами», — это, конечно, наш герой. Таким образом, в «редакторское кресло» уселся Уайт, а должность По правильнее все-таки было бы обозначить как помощник редактора.

Но что интересно. Как мы увидим в дальнейшем, По действительно не определял «политику» журнала и почти не влиял на отбор авторов и произведений. Однако, даже находясь в таких ограниченных условиях, сумел изменить «лицо» журнала и обеспечить его успех у читателей. Однако карьера молодого сотрудника чуть было не прервалась — по причинам совершенно личного свойства.

В большинстве биографий писателя об этом печальном эпизоде говорится мельком или не упоминается вовсе. Не заметить и игнорировать его, однако, нельзя — он очень важен, поскольку указывает на особенности душевной организации нашего героя. В двух словах эпизод сводится к следующему: Эдгар По запил, и через некоторое время Уайт его уволил.

В глазах как современников, так и потомков именно пьянство — патологическая тяга к алкоголю и органическая неспособность поэта одолеть недуг — стало причиной этого да и других увольнений. На самом деле пьянство было не причиной, а следствием того душевного заболевания, которое уже тогда терзало писателя. Автор — не психиатр и, конечно, не берется ставить диагноз. Тем более что попытки сделать это много раз предпринимали биографы и исследователи творчества, но едва ли преуспели. Каким заболеванием страдал писатель? Была у него шизофрения или дисфория? Маниакально-депрессивный психоз? Биполярное расстройство? Особая форма аутизма? Или он обладал некой — особо чувствительной — организацией психики и малейшее воздействие извне могло спровоцировать глубокий нервный срыв, ведший к неадекватному восприятию действительности? Версий тут существует множество, но ни одна из них, конечно, не может быть доказана.

Что касается упомянутого эпизода, ситуация могла развиваться следующим образом. Приехав в Ричмонд, По оказался вырванным из уже ставшего привычным окружения — комнат, улиц, запахов, звуков, участия и забот миссис Клемм и милой Сисси — Вирджинии. Он очутился в городе своего детства и юности. В городе, который прежде ассоциировался с «домом», заботой и любовью, а теперь — с рухнувшими надеждами и утраченным счастьем; в городе, который был населен призраками — воспоминаниями и могилами горячо любимой и так любившей его «мамы», миссис Стэнард, Эльмиры Ройстер, Эбенезера

Берлинга, отчима. Там, где и прежде, стоял его дом. Но теперь он не мог его считать своим. И не мог в него зайти. Он ходил по тем же улицам и переулкам, видел знакомые лица, но все это было чужим и рождало лишь чувство невосполнимой утраты. Даже чуть ли не с младенчества знакомый дом — контора фирмы «Эллис и Аллан» (что за злая ирония судьбы!) — стоял ровно напротив редакции «Мессенджера», и дважды в день — каждый день! — идя на работу и возвращаясь с нее, Э. По проходил мимо. Как, должно быть, тягостно все это было столь тонко и остро чувствующему человеку!

Ученые мужи-психологи называют такое состояние депривацией. Но ведь на это состояние накладывалось и другое: надежды на будущее, которое вдруг обратилось в настоящее; и страх, что он не сможет справиться с теми обязанностями, которые так желал возложить на себя, — корректурой, бумагами, рукописями и книгами, требующими срочного прочтения и рецензий, очередным номером журнала, который необходимо разослать подписчикам, и десятком других неотложных дел. И нужно — просто необходимо! — читать, сочинять, творить! Как же со всем этим справиться?

Налицо «несоответствие желаний имеющимся возможностям». А это состояние называется уже фрустрацией.

В предыдущей жизни нашего героя ситуации, подобные этой, случались: в Шарлоттсвилле, в бытность студентом Виргинского университета, а затем в Военной академии в Вест-Пойнте. Что происходило в результате? По совершал необоснованные поступки и… пил. То есть не пьянство вызывало помутнение рассудка, но расстройство вело к алкоголю.

Вот здесь, в Ричмонде, в августе 1835 года, это состояние и настигло Эдгара По. Стремясь избавиться от него, он потянулся к бутылке, чего делать ему совершенно не следовало. Но тетушки Клемм рядом с ним не было, и некому было остановить его.

Неадекватность восприятия ситуации демонстрирует письмо, отправленное миссис Клемм 29 августа 1835 года. Мы не будем приводить его полностью — оно очень большое, но часть необходимо воспроизвести:

> «Моя самая дорогая тетушка,
>
> меня слепят слезы, в то время как я пишу это письмо, — и нет желания продлить еще один час жизни. Среди горя и беспокойства глубочайшего меня настигло ваше письмо — а вы хорошо знаете, как слаб и не способен существовать я под грузом печали. Если бы злейший враг мой мог читать в моем сердце, и тот

содрогнулся бы от жалости ко мне. Мое последнее, мое последнее, мое единственное (так в тексте письма. — *А. Т.),* что удерживало меня к жизни, жестоко вырвали — у меня нет желания жить, и я *жить не буду*[173]. Но пусть долг мой будет свершен. Я люблю, *вы знаете*, я люблю Вирджинию страстно и преданно. Я не могу выразить словами ту горячую преданность, что чувствую по отношению к моей маленькой кузине — моей собственной, моей дорогой. Как это выразить? О, сделайте это за меня, ибо я не способен сейчас мыслить. Все мои мысли заняты сейчас предложением, тем, что и вы и она предпочтете отправиться к Н[ельсону] По».

Здесь необходимо прерваться и пояснить, что непосредственным поводом для письма стало предложение, поступившее Марии Клемм от Нельсона По — троюродного брата поэта: забрать тетушку и Вирджинию в свою семью и заняться воспитанием и образованием последней. Нельсон По недавно женился, неплохо зарабатывал и жил в просторном доме. Миссис Клемм и ее дочь ни в чем не будут нуждаться. Он хочет помочь. Тетя сообщила о предложении «Эдди», и оно вызвало вот такую реакцию.

«Искренне верю, что ваш каждодневный покой будет обеспечен — не могу сказать это же по поводу вашей души. У вас обеих чуткие сердца — и вы всегда будете чувствовать, что мое отчаяние будет неизмеримо больше того, что я смогу вынести — что вы довели меня до могилы — что вам никогда не сыскать любви, моей сильнее. Бесполезно скрывать правду — если Вирджиния уедет к Н[ельсону] П[о], я никогда ее больше не увижу — это совершенно точно. Пожалейте меня, моя милая тетушка, пожалейте меня. Нет никого, кто может сейчас поддержать меня, я среди чужих, моя неприкаянность больше той, что я в силах вынести. Бесполезно ждать совета от меня — что я могу сказать? Разве — по чести и по правде — я могу сказать — Вирджиния! Не ходи! — не ходи туда, где вы будете обитать в удобстве и, возможно, будете счастливы — а я… спокойно смогу оставить свою самою жизнь. Если бы она действительно любила меня, разве не отвергла бы она предложение с презрением? О Господи, помилуй меня! Если она идет с Н[ельсону] П[о], что делать вам, моя милая тетушка?

Я подыскал замечательный маленький домик в тихом районе на Черч-хилл — его недавно построили, он

стоит в большом саду, там все удобства — и всего за пять долларов в месяц. Я мечтал каждый день и каждую ночь, [был] в восторге от того, что я буду чувствовать, когда я смогу видеть моих единственных друзей — единственное, что я люблю на Земле, — и они будут там со мной; с гордостью я представлял, как удобно вам там обеим будет и как я буду называть ее своей женой. Но мечта рассыпалась, пусть Г[осподь] помилует меня. *Для чего* мне жить? Среди чужих, без *единой души, что любила бы меня».*

В абзаце, который мы опускаем, По ведет речь о финансовых перспективах, о том, что получает достаточно, чтобы содержать семью, что послал бы им денег сейчас, но не доверяет почте, так как письма часто вскрывают. Упоминает он о письме, которое получил от Уильяма По (троюродного брата) и в котором тот писал, что хочет помочь миссис Клемм. «Очень скоро он, без сомнения, окажет вам самую действенную помощь», — пишет поэт и завершает абзац восклицанием: «Уповаю на Господа!» А затем от дел практических вновь возвращается к переживаниям:

«Тон вашего письма ранил мне душу — о тетушка, тетушка, ты любила меня прежде — как можешь быть ты такой жестокой сейчас? Вы говорите о том, чего достигнет Вирджиния, выйдя в свет, — и говорите об этом так *по-обывательски.* Вы уверены, что она будет счастливее. Неужели вы думаете, что кто-то сможет любить ее сильнее, чем я? У нее будут возможности выйти в свет и здесь — нежели с помощью Н[ельсону] П[о]. Здесь каждый встречает меня с распростертыми объятиями.

Прощайте, моя милая тетушка. *Я не могу вам советовать.* Спросите Вирджинию. Предоставьте решать ей. Дозвольте мне иметь письмо, начертанное ее собственной рукой, со словами прощания — навсегда — и я смогу умереть — сердце мое разорвется — больше я ничего не скажу.

Э. А. П.

Поцелуйте ее вместо меня — миллион раз».

Но этими словами он не закончил. Насколько можно судить по автографу (он воспроизведен в книге А. Х. Квина), — почерк разнится — По не отправил послание сразу, но через некоторое время вскрыл уже запечатанное и готовое к отправке и сделал приписку — специально для Вирджинии:

«Вирджинии,

Моя любовь, моя нежнейшая Сисси, моя дорогая маленькая женушка, подумай хорошенько, прежде чем ты разобьешь сердце своего кузена Эдди.

Я вскрыл письмо, чтобы вложить пять долларов — я только что получил ваше письмо в ответ на мое предыдущее. Сердце мое обливается кровью [в мыслях] о вас. Самая дорогая моя тетушка, счастлив, что вы думаете обо мне как о части себя. Я буду бережлив, насколько это возможно. Единственные деньги, что я потратил на себя, это 50 центов — они ушли на стирку. У меня осталось еще 2 доллара 25 центов. Скоро вышлю вам еще. Напишите немедленно. Я буду весь охвачен тревогой и страхом, пока не услышу вас. Постарайтесь убедить мою дорогую Вирджи в том, как преданно я люблю ее… Да сбережет и защитит Господь вас обеих».

В свое время А. Х. Квин по поводу приведенного письма совершенно справедливо и очень милосердно заметил: «Обнародование этого письма выглядит вторжением в интимную сферу, которой не должен касаться посторонний взор и на которую даже мертвые имеют право»[174]. Возможно, и нам не следовало вторгаться в эту сокровенную часть жизни поэта. Но как иначе продемонстрировать терзавшую его душевную смуту?

Не только почерк автора, но и сама стилистика письма, его эмоциональный и смысловой строй указывают на спутанность сознания По. Вполне может быть, что когда он писал, то был нетрезв. Но даже если это так, откуда он взял историю о «замечательном маленьком домике в тихом районе на Церковном холме», что собирается снять за пять долларов в месяц? Разумеется, никакого дома не было, тем более за такие деньги. Он находился в плену своих представлений и верил в них. Да и сама причина письма — Нельсон По предложил миссис Клемм и Вирджинии жить у него. Что ж такого? Он хотел помочь своим бедным родственникам. Но По в своем воспаленном сознании увидел ситуацию совершенно в ином свете и воспринял ее как крушение каких-то планов, которые нарисовало его воображение.

Сумеречное состояние, в котором Э. По пребывал в конце августа, никуда не делось и в сентябре. Хотя можно предположить, что случались и периоды «просветления» — ведь он как-то исполнял свои обязанности, переписывался, общался.

11 сентября По, явно пребывая в отчаянии от своего состояния, пишет Кеннеди:

«Уважаемый сэр!

Я получил вчера письмо от доктора Миллера, в котором он сообщает, что вы уже в городе (Балтиморе. — *А. Т.)*. Спешу тем не менее написать вам, — чтобы выразить в письме то, что всегда находил невозможным сказать словами, — глубокую благодарность за постоянную и деятельную помощь, которую вы мне оказывали, и вашу доброту. Ваше влияние побудило мистера Уайта предоставить мне место в редакции журнала в качестве его помощника с жалованьем 520 долларов в год. Мое новое положение вполне меня устраивает, и по многим причинам, — но, увы, теперь ничто, кажется, не может принести мне ни радости, ни даже самого малого удовлетворения. Прошу простить меня, уважаемый сэр, если письмо это покажется вам слишком бессвязным. Чувства мои сейчас поистине достойны жалости. Я переживаю такой глубокий упадок духа, какого никогда не знал прежде. Мои усилия побороть одолевающую меня меланхолию тщетны. *Вы поверите мне,* если я скажу, что по-прежнему чувствую себя несчастным, несмотря на значительное улучшение обстоятельств моей жизни. Я говорю, что вы мне поверите, по той простой причине, что человек, пишущий ради *эффекта,* не станет писать так. Сердце мое распахнуто перед вами — читайте в нем, если оно заслуживает быть прочтенным. Я страдаю — и не знаю почему. Утешьте меня, ибо вы можете. Но поторопитесь, иначе будет поздно. Ответьте мне немедля. Уверьте меня в том, что жить стоит, что жить нужно, и вы докажете мне свою дружбу. Убедите меня поступать благоразумно. Я не хочу, чтобы вы сочли все, что я пишу вам сейчас, шуткой — о, горе мне! Ибо я чувствую, что слова мои бессвязны, — но я превозмогу свой недуг. Вы не можете не видеть, что я испытываю упадок духа, который погубит меня, если продлится долго. Напишите же мне, и поскорее. Вразумите меня. Ваши слова будут иметь для меня больший вес, чем чьи-либо еще, ибо вы были мне другом, когда никто другой не был. Не откажите, — если вам дорог ваш будущий душевный покой.

Э. А. По».

Как, должно быть, удивило и испугало это письмо покровителя. И он тотчас ответил. Правда, по письму Кеннеди можно понять, что он — человек здравомыслящий и совершенно адекватный — не понимал состояния поэта, но увидел в его

посланию лишь свидетельство меланхолии, пусть и очень глубокой:

«Мой дорогой По, — мне грустно видеть вас в столь плачевном состоянии, о коем ваше письмо свидетельствует. Это странно, что как раз в то время, когда все вас хвалят и когда Судьба начала вам улыбаться, вы становитесь жертвой злодейских духов уныния. Связано это, однако, с вашим возрастом и складом характера. Но будьте уверены — немного решимости, и вы сможете повергнуть врага навсегда. Вставайте пораньше, живите полно и свободно, водите дружбу с людьми веселого нрава, и я не сомневаюсь, что скоро вы сможете послать к дьяволу все ваши тревоги. Несомненно, отныне вы будете преуспевать на стезе литературы и умножите не только собственные жизненные блага, но и писательскую известность, которая — мне доставляет большое удовольствие сообщить это вам — повсеместно растет. Кстати, не могли бы вы написать несколько забавных пьесок — на манер французских водевилей? Если вы захотите (я думаю, вы легко сможете это), то их можно было бы неплохо пристроить, продав нью-йоркским антрепренерам. Мне хотелось, чтобы вы подумали над этим предложением».

Едва ли По мог «подумать над предложением». Его терзали одиночество, отчаяние и мысли о самоубийстве. Он пил, чтобы преодолеть это состояние. Но от вина становилось только хуже. А потом — в один не самый прекрасный день — в редакции объявился мистер Уайт. Его новый помощник справлялся со своими обязанностями, но на него жаловались (видимо, сотрудники), утверждая, что «когда он выпьет, с ним совершенно невозможно иметь дела».

Мы не знаем, когда точно и в каких выражениях был произведен «разбор полетов», но, судя по всему, это случилось едва ли позднее десятых чисел сентября. Потому что уже 22 сентября Эдгар По совершенно определенно был в Балтиморе: этой датой помечена брачная лицензия, разрешавшая ему взять в жены Вирджинию Клемм.

В многочисленных биографиях поэта история его женитьбы расцвечена множеством живописных подробностей. Нет смысла воспроизводить даже некоторые из них, поскольку факты (а также отсутствие объективных свидетельств), к сожалению, их не подтверждают. Мы можем только предположить, что по возвращении По в дом на Эмити-стрит произошло решительное объяснение между ним и Клеммами. Очевидным результатом этого объяснения стал отказ тетушки и племянницы от переезда в семью Нельсона По. Очевидно, тогда же кузену «Эдди» была обещана и рука Вирджинии. Выправка лицензии Эдгаром По

вовсе не означала скорой (а тем более немедленной) брачной церемонии, как полагали иные биографы поэта. Не было не только апокрифического тайного венчания, но, скорее всего, не было и официального обручения — разве что По, придававший большое значение символам и ритуалам, по собственному почину купил кольцо и надел его на палец своей кузине. Оформление брачной лицензии, вероятно, из той же области — символов и ритуалов. Беспокойно-мнительному ипохондрику По очень важно было знать, что никаких формальных препятствий к браку с кузиной не существует.

Нашего современника, вероятно, удивит, что лицензия была выдана на брак с девушкой (да какой там девушкой — девочкой!) тринадцати лет. Но времена были совсем иные. Случалось, замуж выходили и в тринадцать, и даже в двенадцать лет. В связи с этим вспомним хотя бы бабушку и матушку нашего героя — в тринадцать обе были замужними особами.

Как бы там ни было, все, что произошло с Эдгаром По в Балтиморе, оказало на него целебное, преображающее воздействие. Приступ закончился, унося с собой паническое состояние и мысли о самоубийстве. Болезнь отступила. К нему вернулась способность адекватно воспринимать действительность. Естественным следствием этого стало письмо поэта в Ричмонд, Т. Уайту, с просьбой взять его обратно.

К сожалению, письмо это не сохранилось, и мы можем только гадать, какие объяснения, обещания, резоны и аргументы представил наш герой своему недавнему работодателю. Вполне возможно, что не обошлось и без заступничества покровителя — Дж. Кеннеди. Вероятно, что и он написал Уайту, обещая, что ничего подобного впредь не случится.

29 сентября Уайт ответил своему помощнику:

> «Ричмонд, 29 сентября 1835 года.
>
> Дорогой Эдгар!
>
> Если бы только в моих силах было излить все, что я чувствую, языком, каковым я желал бы владеть для подобного случая! Этого мне не дано, и потому удовольствуюсь тем, что скажу все попросту, как умею.
>
> В искренности всех ваших обещаний я вполне уверен. Но есть у меня опасение, Эдгар, что, ступив на эти улицы снова, вы забудете о своих зароках и опять станете употреблять хмельное — и так до тех пор, пока оно совсем не отнимет рассудок. Положитесь на собственные силы и не пропадете! Уповайте на помощь Создателя и тогда обретете спасение.

Как горько мне было расставаться с вами — никто, кроме меня, не измерит этого. Я был привязан к вам — и до сих пор — и с удовольствием бы сказал „возвращайтесь“, если бы не предполагал тот недалекий час, когда придется расстаться вновь.

Если бы вы поселились у меня в семье или сняли квартиру в любом другом семействе, где алкоголь под запретом, я думаю, была бы надежда. Но если вы пойдете в таверну или в любое другое место, где подают спиртное, вы в опасности. Я говорю это, исходя из опыта.

У вас блестящие таланты, Эдгар, и надо добиться, чтобы и их, и вас самого уважали. Научитесь уважать себя и очень скоро увидите, что вас уважают и другие. Распрощайтесь с бутылкой и с собутыльниками — навсегда!

Скажите мне, что вы можете и желаете это сделать, дайте мне знать, что твердо решено никогда больше не уступать соблазну.

На тот случай, если вы снова приедете в Ричмонд и снова станете моим помощником, между нами должно быть ясно оговорено, что я буду считать себя свободным от всяких обязательств с той минуты, когда вновь увижу вас пьяным.

Ни один человек, пьющий до завтрака, не может считать себя в безопасности. Ни один из тех, кто так поступает, не ведет дела как должно.

Я ваш настоящий друг,

Т. У. Уайт».

С последним утверждением По, вероятно, мог бы поспорить: ведь ему неоднократно удавалось «совмещать несовместимое» — в том числе и за столом в редакции «Мессенджера». Но, с другой стороны, он, конечно, не мог не оценить сердечности письма своего патрона. От себя добавим: видимо, совсем нелегко было справляться Уайту с журналом единолично.

Скорее всего, Э. По ответил. И нашел слова, убедившие работодателя, что на этот раз все будет по-другому. Тем более что возвращался он уже не один, а в сопровождении тетушки и Вирджинии. Жить они будут вместе. Таким образом, было кому теперь оберегать его от соблазна.

Так в октябре 1835 года Эдгар По вновь оказался в Ричмонде.

Семейство обосновалось в пансионе некой миссис Яррингтон на углу Двенадцатой и Банковской улиц. Это было «приличное» заведение. Они заняли две комнаты, и вместе «со столом»

выходило девять долларов в неделю. Эдгар По зарабатывал, напомним, пятнадцать. Миссис Клемм доходов не имела. Так что выходило совсем в обрез.

20 октября По вновь приступил к исполнению своих обязанностей в редакции «Мессенджера». Положение его не изменилось: он продолжал оставаться только «помощником». Возможно, между ним и Уайтом состоялся разговор о «замещении вакантной должности». Скорее всего, он обсуждался последним и с членами Виргинского исторического и философского общества. В письме от 24 октября Л. Майнор, обладавший большим влиянием на Уайта, настоятельно рекомендовал тому: «Вы можете представить имя мистера По среди тех, кто ведет журнал, но остерегайтесь упоминать его в качестве редактора»[175]. Трудно сказать, чем было вызвано это предостережение. Скорее всего, предубеждением со стороны «виргинцев» к По. И дело, вероятно, заключалось не только в несовпадении вкусов, но и в «ненадежности» нашего героя.

Октябрьский и ноябрьский номера «Мессенджера» не вышли. Причиной была объявлена болезнь мистера Уайта. На самом деле болел не Уайт — тяжело заболела его жена (и вскоре болезнь сведет ее в могилу). Но ему и в самом деле недосуг было готовить очередные номера, не мог (по известным причинам) делать этого и По. Но теперь он с энергией взялся разгребать образовавшиеся завалы и готовить декабрьский номер.

Кроме объемного (почти в сорок страниц!) обзора новинок литературы в декабрьском номере он поместил и свои тексты: рассказ «Рукопись, найденная в бутылке» и фрагмент под названием «Сцены из неопубликованной драмы». В декабре он опубликовал три сцены, в январе — еще две. Очевидно, что трагедия, впоследствии названная поэтом «Полициан», к тому времени была уже сочинена, но По ограничился публикацией лишь пяти сцен из одиннадцати.

Интересно, несмотря на «экзотический» сюжет (действие трагедии развивается в Италии), в основу трагедии легла реальная история, произошедшая в Америке в 1825–1826 годах. В городке Фрэнкпорт, штат Кентукки, обитал некий Соломон Шарп. Подвизался он адвокатом, был человеком состоятельным и изрядным ловеласом. Среди его жертв оказалась и некая Энн Кук. Она не простила Шарпа. Через некоторое время она вышла замуж за некоего мистера Бокампа, но перед свадьбой открыла ему тайну и отдала свою руку с условием, что тот поможет ей отомстить. После свадьбы молодой муж под каким-то предлогом вызвал соблазнителя на дуэль, но тот уклонился. Через некоторое время Бокамп подкараулил Шарпа и убил его. Убийцу

арестовали, в ходе следствия всплыла вся предыстория, в тюрьму заключили и супругу. Суд признал обоих виновными, и они решили вместе свести счеты с жизнью. У женщины задуманное получилось, а супруга постигла неудача — его спасли. Но только для того, чтобы по приговору суда вскоре повесить. История эта широко освещалась в прессе, сюжет использовали многие американские литераторы. Почти одновременно с По свою трагедию «Конрад и Адора, или Смерть Алонцо» сочинил Т. Чиверс[176]; в 1837 году история легла в основу трагедии некой Шарлотты Барнз «Октавия Брагалди» (тогда же ее поставили в одном из нью-йоркских театров, а затем перенесли и на британскую сцену); в 1840-м стала отправной точкой романа Ч. Ф. Хоффмана; в 1842 году сюжет использовал У. Г. Симмз; эксплуатировали его и позднее — в 1850-е годы.

Мы можем только гадать, почему Э. По не опубликовал в «Мессенджере» свою трагедию целиком, а позднее и вообще забросил ее (она так и не была ни издана, ни поставлена на сцене при жизни поэта, да и опубликовали ее впервые только в 1923 году). Скорее всего, будучи явным перфекционистом, он не был удовлетворен текстом и планировал улучшить его, но так и не собрался.

«Полициан» — одна из немногих по-настоящему оригинальных работ, созданных в ричмондский период. По публиковал много своих художественных текстов в журнале (два-три в каждом номере), но то были главным образом уже прежде напечатанные работы — стихотворения и рассказы. Причина заключалась в том, что редакционная работа отнимала практически все время, почти не оставляя досуга для сочинительства.

Тем не менее он был явно доволен тем, как теперь складывались обстоятельства его существования. Иллюстрацией тому письмо Дж. Кеннеди, написанное 22 января 1836 года:

> «Уважаемый сэр!
>
> Хотя я до сих пор не сообщил вам о получении письма, присланного вами несколько месяцев назад, содержащиеся в нем советы оказали на меня весьма большое влияние. С того дня я сражался с врагом мужественно и теперь, поверьте, доволен и счастлив во всех отношениях. Знаю, что вы будете рады это слышать. Чувствую я себя лучше, чем когда-либо за последние несколько лет, ум мой всецело поглощен работой, денежные затруднения миновали без следа. У меня неплохие виды на успех — одним словом, все идет

хорошо. Я никогда не забуду, кому в значительной мере обязан теперешним своим благополучием. Без вашей своевременной помощи я рухнул бы под тяжестью испытаний.

Мистер Уайт очень добр и помимо моего жалованья в 520 долларов щедро платит мне за дополнительную работу, так что зарабатываю я около 800 долларов в год. Кроме того, я получаю от издателей все новые публикации. В следующем году, то есть когда начну работу над вторым годовым томом журнала, жалованье мое должно повыситься до тысячи долларов. Мои ричмондские друзья встретили меня с распростертыми объятиями, и известность моя растет — особенно на Юге. Сравните все это с совершенно плачевными обстоятельствами, в которых вы нашли меня, и вы поймете, сколь веские у меня причины быть благодарным Господу Богу и вам. <…>

Был бы рад услышать ваше мнение по поводу того курса, который я веду в журнале. А как вам нравится мой Отдел критики?

Насколько я понял (из предисловия к 3-му изданию „Подковы“[177]), вы готовите новую работу. Если это так, не могли бы вы прислать мне экземпляр для рецензии?

Напомните обо мне вашей семье и знайте, что всегда остаюсь полон к вам самого высокого уважения и признательности.

Совершенно искренне, ваш

Эдгар А. По».

Уже в феврале он вновь писал своему корреспонденту, сообщая:

«С тех пор как я писал вам, мистер Уайт увеличил мне зарплату на нынешний год, и теперь я буду получать 104 доллара [в месяц] — что превышает мои самые смелые ожидания. Он чрезвычайно добр ко мне во всех отношениях».

Мы упомянули о том, что По, исполняя редакционные обязанности в «Мессенджере», практически не имел возможности заниматься собственным творчеством. В этом убеждает не только отсутствие новых текстов на страницах журнала, но и его письма, в которых он сообщает о большой загруженности текущей работой. Здесь и деятельность техническая, корректорская, редакторская, и огромный объем переписки, которую он постоянно вел с авторами. Но львиную долю его сил потребляла, конечно, критика.

В упомянутом февральском послании Кеннеди По писал:

«Я не вижу никаких трудностей идти в ногу с требованиями журнала. В февральском номере, который сейчас находится в руках пишущего эти строки, не менее сорока страниц *Editorials* (литературных обзоров и критики. — *А. Т.)* — возможно, это несколько и чрезмерно».

На самом деле он, конечно, не считал этот раздел журнала «чрезмерным». Более того, произошедшее увеличение зарплаты вовсе не было случайным — рос тираж журнала, росла и прибыль его владельца. И все это — и прежде всего — благодаря литературно-критическому разделу «Мессенджера», все материалы которого принадлежали исключительно перу и темпераменту Э. По.

Если задуматься, всю литературную критику можно, по сути, свести всего лишь к трем разновидностям. Бывает критика описательная — она только знакомит (обычно поверхностно) с новинками. Основная ее функция — информативная. В идеале она (если не является скрытой, а то и откровенной рекламой) — нейтральна. Бывает, напротив, критика предельно пристрастная — по своему характеру обычно деструктивная. Критик, как дубиной, крушит направо и налево негативными суждениями, уничижительными оценками — обычно без серьезного разбора и анализа — попавшие в поле зрения тексты. Критика такого рода обычно «партийна». И критик точно знает: к «нашим» или «не нашим» относится автор рецензируемого текста. Существует и конструктивно-аналитическая критика. В таком случае (опять же в идеале) критику нет дела до той группы, к которой неформально принадлежит автор. Сообразуясь со своей эстетической позицией, он разбирает произведение «по гамбургскому счету», непредвзято анализируя его действительные достоинства и недостатки. В идеальном случае критик даже доброжелательно советует автору, что нужно исправить, на что обратить особенное внимание и как это сделать.

В тот период, о котором идет речь, каждый американский (да и британский) журнал обязательно содержал отдел, отведенный критике. Как правило, он информировал читателя о вышедших книгах, знакомил с темой и содержанием новинок. То есть тексты этих разделов принадлежали к первому типу критики — описательной. Так было и в «Мессенджере», когда туда пришел Эдгар По. Поначалу, как помощник редактора и ответственный именно за эту часть журнала, он продолжил традицию: не мудрствуя лукаво составлял обзор новинок, присланных в редакцию. Но такая линия продолжалась недолго: как художник,

как человек талантливый и в словесности весьма искушенный, он не мог просто пролистывать и «регистрировать» на страницах «Мессенджера» книги из бандеролей, громоздившихся на его столе. Знакомясь с ними, он отчетливо видел художественную несостоятельность большинства. И это его как личность, вполне осознающую свое незаурядное дарование и потому обладающую правом судить, возмущало. Еще в большей степени вызывало негодование, что пишущие подобные тексты сами же нахваливали их в рецензиях. А тон в литературной Америке того времени задавали филадельфийцы, бостонцы и ньюйоркцы, издававшиеся там газеты и журналы, и, несмотря на свой дремучий провинциализм (а планка, которую установил для себя По, была очень высока!), позволяли себе с презрительным высокомерием взирать на тех, кто не принадлежал к их кругу. И вот тогда Э. По взял в руки перо, превратив его в «дубину» и обрушив на тех, кто, по его мнению, этого заслуживал.

Первой жертвой его критической «дубины» пал Теодор С. Фэй[178], автор тогдашнего бестселлера «Норман Лесли», романа нравов, населенного ходульными персонажами и ситуациями им под стать, скучного и назидательно-мелодраматичного. В декабрьском номере «Мессенджера» за 1835 год По несколько страниц посвятил сокрушительной критике этого романа, объясняя читателям, чем он плох и почему не стоит тратить время на подобные опусы. Следом, уже в другом номере, обрушился на У. Г. Лонгфелло, обвинив не только в полном незнании южных реалий (положения рабов и проблемы рабства в целом), но и в поэтической несостоятельности, упрекнув в склонности к объемным поэмам и впервые высказав идею (впоследствии она будет развита в «Поэтическом принципе» и других работах) о невозможности «длинного стихотворения» и «большого» поэтического текста вообще. Досталось Ф. Г. Хэллеку (а заодно и давно умершему Дж. Дрейку), У. К. Брайанту, а потом Ч. Ф. Хоффману и другим авторам[179]. Собственно, нападал По не столько на упомянутых литераторов и их произведения, сколько на узколобый «американизм» — по сути, синоним провинциализма, выражавшийся в нежелании объективно оценивать «своих» авторов. Пафос его критики можно выразить его же словами: нет оснований «хвалить тупую книгу только потому, что тупость ее имеет американское происхождение»[180]. Заявление, что и говорить, отважное, тем более в годы, когда страну охватил приступ отчаянного патриотизма и сам факт принадлежности автора к молодой нации уже означал чуть ли не главное достоинство книги.

В своих атаках По часто бывал необъективен и поспешен в

выводах. Впоследствии, эволюционируя в сторону критики аналитической, он пересмотрел некоторые оценки (например, отношение к поэзии У. Брайанта). Невозможно тем не менее утверждать, что тогда у него как критика не было иных критериев и мотивов, кроме эстетических. Э. По, конечно, был «партиен». Уже тогда его чрезвычайно раздражали «великодушная клика, что так долго вершит судьбы американской словесности» («Поэтический принцип»), ее оценки, пристрастия, суждения. Нетрудно заметить, что целью критической «дубины» чаще всего становились именно ее представители — известные и маститые писатели-северяне. По отказывался признать их авторитет и ратовал за литературную независимость Юга, явно преувеличивая художественные достоинства сочинений писателей-южан — того же Кеннеди, Пинкни или Лонгстрита[181].

Представители «северной клики» были не только писателями. Большинство из них подвизались редакторами в газетах и журналах и даже владели (как У. К. Брайант) периодическими изданиями. Естественным последствием стало начало настоящей «газетной войны», в которой Юг «сражался» с подавляющим превосходством Севера.

Лично для Эдгара По, по сути, развязавшего эту «войну», она имела главным образом неблагоприятные последствия. С одной стороны, его имя узнали — он получил национальную известность, но с другой — нажил себе множество врагов, и врагов влиятельных. Последнее обстоятельство еще не раз в будущем омрачит его жизнь — как литературную, так и личную.

Но на тот момент он был явно доволен результатами и не считал, что должен оправдываться, иначе не написал бы в письме (от 12 апреля 1836 года) одному из авторов журнала (миссис Л. Сигурни):

«Вы задавали вопрос по поводу редактора „Мессенджера“. Должен ответить вам, что в течение последних шести месяцев редакторские обязанности выполняются мной лично. И конечно, только я — и никто другой — несу ответственность за все литературно-критические публикации, помещенные в журнале за упомянутый период».

Сознавал ли По-критик возможные последствия своей деятельности? Возможно. Но, скорее всего, они волновали его в последнюю очередь. Для него важнее были собственные идеи и представления. Да и как человек особого склада он не способен был просчитывать варианты грядущего.

Кто выиграл от всего этого? Ответ очевиден: журнал. Он стал известен. Теперь каждого номера ждали с нетерпением — обсуждали, возмущались, посмеивались, интересовались.

«Мессенджер» перешагнул региональные границы: у него появились подписчики в Нью-Йорке, Филадельфии, городах Новой Англии, на северо-западе страны. К концу редакторства По в «Мессенджере» тираж его вырос до трех с половиной (по другим оценкам, даже до пяти с половиной) тысяч экземпляров[182]. Так что Уайт не зря поднял зарплату нашему герою — тому был прямой экономический резон.

Надо сказать, Эдгар По не только редактировал «Мессенджер» и наполнял его страницы «зубодробильной» литературной критикой, но выступал и как журналист, и даже автор «журналистских расследований». Наиболее известным среди них, безусловно, является очерк «Шахматист Мелцеля», опубликованный в апрельском номере.

В жизнеописаниях поэта этот очерк обычно предлагается в качестве бесспорного свидетельства логической гениальности, особого аналитического дара, которым был наделен его автор. Отчасти это действительно так. Очерк посвящен разоблачению «механического чуда», шахматного автомата Мелцеля, который с легкостью обыгрывал сильнейших шахматистов Америки того времени. Стройно, последовательно, опираясь на логику, будто решая математическую задачу, Э. По разоблачает хитроумный аттракцион и доказывает, что на самом деле не механизм, а спрятанный внутри человек обыгрывает соперников.

Современники (да и потомки — уже наши современники) были изумлены, с каким изяществом автор растолковал принцип действия автомата. Они, конечно, не знали, что По оказался не первым, кто разгадал загадку механического шахматиста. Тайна автомата, изобретенного австрийским механиком Вольфгангом фон Кемпеленом в 1769 году, стала известна многим европейцам уже в начале XIX века, когда информация просочилась сначала во французские, а затем и британские газеты. Вполне возможно, что По уже слышал или даже читал о нем. Более достоверный источник информации — публикации в балтиморских газетах 1827 года: некто, возможно по заданию редакции, наблюдал, как ночью какой-то человек вылезал из «автомата» и забирался обратно.

Тем не менее, несмотря на то что какие-то сведения и источники у По, безусловно, были, свое разоблачение он представил талантливо — мысль его развивается стройно, логично, поставленную перед собой задачу он решает поистине изящно.

16 мая 1836 года произошло одно из важнейших событий в жизни нашего героя — он женился на Вирджинии Клемм. Едва ли стоит всерьез воспринимать версию, что официальной брачной

церемонии предшествовала тайная — со священником, но без свидетелей, — которая произошла в последних числах сентября 1835 года. В ней просто не было никакого смысла. Куда интереснее другое: в брачном документе, подписанном свидетелем (неким Томасом Клеландом), указан возраст невесты — 21 (!) год. В то время как в реальности ей не сравнялось еще и четырнадцати. К тому же выглядела Вирджиния даже моложе своих лет. А уж поведение… она была совсем еще ребенком! Уже замужем, она продолжала играть в куклы и, как вспоминали те, кто видел ее в Ричмонде, с удовольствием резвилась с другим «дитя» — Розали — в саду у Маккензи. Зачем было нужно идти на этот подлог и мужу, и свидетелю, и миссис Клемм? Остается только гадать, ведь никаких претензий к возрасту невесты и иных формальных преград к браку не существовало.

Был у молодых и медовый месяц, хотя длился он несколько меньше. Они провели его неподалеку, в том же штате, в тихом городке Петербурге. Нет сведений о том, была ли вместе с ними миссис Клемм. Но, скорее всего, была. Куда они без нее?

Совершенно естественно возникает вопрос о физической близости между молодоженами. Не хотелось бы (подобно многим!) заниматься спекуляциями на тему интимной жизни поэта. Но, вероятнее всего, близости (во всяком случае, тогда) быть и не могло: жена-ребенок была просто не готова для таких отношений. А для поэта эта сторона любви (столь важная для многих!), видимо, была не очень существенна. Восторгом его наполнял сам факт, что эта неземная красота и чистота принадлежат теперь только ему и не могут принадлежать никому иному.

Но медовый месяц был исполнен не только восторга. Есть все основания считать, что именно тогда По впервые взялся за большую работу — решил написать роман.

Роман был, конечно, необходим. Об этом ему говорил Кеннеди, это объясняли издатели из «Кэри энд Ли», о том же писали из издательской фирмы «Харперс энд бразерс», куда он, заручившись поддержкой нескольких литераторов, обратился в 1836 году с очередным предложением издать сборник рассказов. Вот весьма красноречивый фрагмент из послания «Харперс»:

«Причины, по которым мы вынуждены отказаться от издания, сводятся к следующему. Во-первых, большая часть книги уже публиковалась прежде… Во-вторых, книга будет состоять из отдельных рассказов… а наш большой опыт учит, что и то и другое является очень серьезным препятствием к успеху книги. Читатели в этой стране совершенно определенно предпочитают, чтобы в книге (особенно это касается беллетристики) излагалась

одна определенная история и она занимала весь том или несколько томов».

Кстати, возражали они и против того, что тексты «слишком умны» и насыщены фантастическим:

«Третье соображение не менее убедительно. Представленные произведения чрезмерно научны и исполнены мистики. Они могут быть понятны и способны понравиться единицам — но не большинству».

И наконец:

«Самое важное для автора, чтобы его первая работа приобрела популярность. И нет ничего труднее для репутации — преодолеть осадок несправедливого провала».

Суждения, как мы видим, очень здравые. И Эдгар По не мог не оценить их справедливость. Так был дан старт самому большому из прозаических текстов писателя — «Повести о приключениях Артура Гордона Пима». Забегая вперед скажем, что он не успел закончить повесть в оставшиеся месяцы жизни в Ричмонде, а завершил ее позднее, уже покинув родной город. Однако успел напечатать первые главы в январском и февральском выпусках «Мессенджера».

Нет однозначного мнения, почему в начале 1837 года Э. По уехал из Ричмонда. У него совершенно не было таких намерений ни летом, ни осенью 1836 года. Напротив, все говорило о том, что он решил прочно обосноваться в городе.

После возвращения из свадебного путешествия По взялся за реализацию плана, который должен был сделать существование его семьи более прочным, а материальное положение — основательным. Ведь теперь на нем лежала ответственность за благополучие близких.

В июне он пишет письмо Кеннеди, в котором просит одолжить 100 долларов. Этот кредит он обещает погасить за полгода (По пишет, что получает 15 долларов в неделю, но с ноября будет получать уже 20, так что выплатить всю сумму не составит труда). Объясняет он, и для чего ему нужны деньги: мистер Уайт собирается приобрести дом, устроить в нем пансионат и жить здесь со своей больной женой; в нем же поселится и По с семьей; несколько комнат будут сдаваться, а хозяйство станет вести миссис Клемм. Дом новый, в нем нет мебели. По договоренности с Уайтом: меблировка — взнос По. Всего для этого требуется 200 долларов. Недостающую сумму займет миссис Клемм у своего старшего брата Уильяма, который служит кассиром в банке в Джорджии.

Неизвестно, как отреагировал Кеннеди. А вот Уильям По помог своей сестре, и она получила необходимые 100 долларов.

Но осуществить задуманное не получилось: мистер Уайт дом так и не приобрел. Видимо, решил не рисковать: десять тысяч долларов (столько стоил дом) — очень большая сумма.

Расстроившееся ли предприятие или что-то иное (в биографиях настойчиво циркулирует версия о возобновившемся пьянстве), но в конце декабря 1836-го — начале января 1837 года происходит нечто, прервавшее отношения Т. Уайта и Э. По. Действительно ли причиной расставания стал алкоголь? Или недовольство литературно-критическими текстами По со стороны друзей Уайта из числа «виргинцев» (из переписки владельца с Б. Такером и Л. Майнором, приведенной в книге Д. Джексона, посвященной деятельности По в «Мессенджере», такой вывод напрашивается[183])? Вероятно, и это сыграло свою роль. Но необходимо отметить и растущее раздражение самого Уайта все большей независимостью Э. По в его действиях в журнале. 27 декабря он писал Б. Такеру:

«Я устал от его писаний и от него самого. Он постоянно требует от меня денег. Собираюсь выплатить ему еще десяток долларов и вернуть все его рукописи, большинство из которых ничего не стоят. За „А. Гордона Пима“ он хочет по три доллара за страницу»[184].

Т. Уайт был человеком вспыльчивым, и, скорее всего, приведенные слова спровоцированы моментом. Хотя вполне может быть, что он действительно считал прозу своего сотрудника слишком «экстравагантной». О чем не раз, кстати, и говорил ему. Впрочем, едва ли владелец «Мессенджера» хорошо разбирался в изящной словесности. Правда, существует и еще одна версия, почему в декабре — в начале января Уайт мог быть зол на По: якобы тот стал оказывать знаки внимания его единственной дочери Лиззи. Понятно, что ухаживания нашего героя (как и большинство его ухаживаний) были вполне платоническими. Но как тут разберешь со стороны? Тем более если ты отец? Да и вообще трудно (возможно ли?) было понять прагматику нашего романтика…

Как бы там ни было, уже в конце декабря работодатель совершенно утвердился в мысли избавить По от его обязанностей. В том же декабре уже другому корреспонденту Уайт писал:

«Как бы высоко я в действительности ни оценивал способности г-на По, я вынужден буду дать ему расчет. Случится это через неделю или несколько позже, — но дольше я не могу одобрять его деятельность в качестве редактора моего „Мессенджера“».

И тут же добавлял:

«Если он сочтет возможным остаться в числе авторов

[журнала], я буду платить ему хорошо»[185].

Вот и верь высказываниям владельца! Впрочем, повторим: Т. Уайт был прагматиком и сотрудничество с По полагал коммерчески обоснованным.

На странице 72-й январского номера «Мессенджера» были опубликованы следующие строки:

«Внимание господина По обращено теперь в другом направлении, и, начиная с настоящего номера, он прекращает исполнять редакционные обязанности в „Мессенджере“. Рецензией на книгу „Цицерон“ профессора Энтона с этого месяца заканчивается и публикация его критических статей. С самыми наилучшими пожеланиями он прощается с журналом и говорит „до свидания“ немногим своим недоброжелателям и множеству друзей»[186].

Справедливости ради заметим, что после «Мессенджера» врагов у По, конечно, прибавилось. Что касается друзей — их едва ли стало больше. Да и с журналом он попрощался не навсегда — эпизодически сотрудничество будет продолжаться и в 1840-е годы, правда, главным образом в области литературной критики.

В январском и февральском номерах за 1837 год кроме начальных глав «Приключений Артура Гордона Пима» Э. По опубликовал в «Мессенджере» два новых стихотворения: «Подвенечная баллада» («Скреплен союз кольцом, / Порукою согласья») и «К острову Занте». Ни один из текстов не принадлежит к числу шедевров писателя, однако важнее другое: после долгого перерыва По вновь обратился к творчеству. Понятное дело, что «творческий» перерыв был вынужденным — все силы отнимала журнальная работа. Но журнальный опыт был очень важен и ценен. Э. По не только приобрел известность (пусть и неоднозначную) в литературных кругах, но и поверил в свои силы: теперь он мог не сомневаться в своей способности редактировать журнал. Сколь бы утопична она ни была, но после «Мессенджера» он обрел мечту — создать свой — «идеальный» — журнал и управлять им, сообразуясь только со своими представлениями о том, каким он должен быть.

В апреле 1837 года Уайт написал одному из своих приятелей: «Скажи мне, ты не знаешь где сейчас По и чем он теперь занимается?.. Я ничего не слышал о нем с тех пор, как он уехал отсюда»[187]. Вероятно, соскучился? А может быть, и сожалел, что расстался с поэтом. Ведь владелец издания был прагматиком! Справляться с журналом в одиночку ему было, конечно, нелегко. К тому же доходы падали. И хотя журнал продолжал

существовать и в 1840-е, и в 1850-е годы, с уходом Э. По звездный час «Мессенджера» минул — рекордные тиражи остались в прошлом, как и доходы его владельца.

А Эдгар По, покинув Ричмонд, вместе со своей маленькой семьей отправился в другом направлении — на Север, в Нью-Йорк. И мы последуем за ним.

«Плохой год» в Нью-Йорке. 1837–1838

Последние рабочие дни Эдгара По в «Мессенджере» закончились в середине января 1837 года: уже 23 января Т. Уайт сообщал, что вновь «взял в свои руки журнал» и «управляет делами». Вполне возможно, тогда же теперь уже бывший сотрудник получил и окончательный расчет. Но По и его домочадцы не сразу покинули Ричмонд — отъезд состоялся не раньше начала или середины февраля.

Сведения о маршруте путешествия По разнятся. Хорошо известно (да он и не скрывал этого), что семья уехала в Нью-Йорк. Но отправились они туда напрямую или все-таки двигались с промежуточными остановками? Кое-кто из биографов поэта говорит, что он сначала поехал в Филадельфию, кто-то утверждает, что путь его лежал в Балтимор, оттуда в Филадельфию и только затем в Нью-Йорк. Однако вне зависимости от маршрута он не мог задержаться в этих городах надолго — максимум на несколько дней. Остановки эти никаких изменений в его судьбе, конечно, произвести не могли. Поэтому и сама тема едва ли достойна внимания. Можно только констатировать, что уже в феврале Эдгар По и его небольшое семейство очутились в Нью-Йорке.

В Нью-Йорк влекли открывавшиеся возможности. Они, конечно, были несопоставимы с тем, на что он мог рассчитывать в любом из городов Юга. Ричмонд в ту пору, когда По подвизался в «Мессенджере», насчитывал чуть больше двадцати тысяч жителей, в Нью-Йорке к 1837 году обитало уже 300 тысяч. И пусть, если верить «Американским заметкам» Ч. Диккенса (а как не верить великому реалисту?), на улицах, примыкавших к Бродвею, копались в отбросах и свободно разгуливали свиньи, все-таки это был самый большой и стремительно развивавшийся город США. Он был не только экономическим центром американской цивилизации, но и ее культурным сердцем. Ни в одном из городов страны не издавалось так много книг, нигде не выходило столько газет и журналов. Возможности, связанные с последними, и влекли сюда Эдгара По.

Известно, что, покидая Ричмонд, поэт обзавелся рекомендациями нескольких видных литераторов. Определенные надежды он возлагал на Дж. Полдинга[188], который обещал помощь и протекцию в Нью-Йорке. Однако основные перспективы в грядущем трудоустройстве связывались с преподобным Фрэнсисом Л. Хоуксом[189], видным религиозным и общественным деятелем. На пару с другим преподобным, неким

Калебом С. Генри, тот затеял издавать в Нью-Йорке журнал «Нью-Йорк ревью» («New York Review»). В новом издании партнеры собирались завести и отдел критики, в который Хоукс и «сватал» По.

Забегая вперед заметим, что ничего из этой затеи не вышло. То есть журнал преподобные издавать начали, но по причинам, скорее всего, от них независящим, По в него не пригласили. Не смог помочь ему и Полдинг. Будучи не только писателем, но и видным в те годы политиком, он активно участвовал в политической борьбе и кампании по выборам очередного президента страны и в Нью-Йорке почти не бывал. Мало было шансов у Э. По пробиться в ряды нью-йоркских журналистов самостоятельно: слишком хорошо его знали местные редакторы, чтобы взять в штат. Своими критическими выступлениями в «Мессенджере» он многих северян настроил против себя, а те, кто, может быть, втайне и сочувствовал ему, боялись никкербокеров — уж очень большим влиянием в Нью-Йорке пользовались те, кого он задел своими статьями.

Впрочем, все это выяснилось не сразу. Тем более что поначалу поэт не форсировал свое трудоустройство. Как помним, в январском и февральском номерах «Мессенджера» были опубликованы начальные главы «Приключений Артура Гордона Пима из Нантакета» — первого крупного произведения писателя. Ко времени завершения карьеры в журнале повесть еще не была закончена. Между тем у По существовала предварительная договоренность с нью-йоркским издательством «Харперс», что если он напишет «большую вещь», то они ее издадут. Завершению этого объемного труда и посвятил весенние и первые летние месяцы поэт. В июне рукопись была представлена издателям, в июле «Харперс» выкупил у автора права на книгу. Но с выпуском ее в свет случилась длительная заминка: она была издана только в июле 1838 года.

Не стоит эти события связывать исключительно с личными особенностями поэта. Его вины в том почти не было. Просто переезд в Нью-Йорк он затеял в очень неудачное время.

Наверняка он мог бы найти себе работу в феврале — начале мая. Но предпочел сначала завершить книгу. А потом уже было поздно. 10 мая 1837 года разразилась знаменитая «паника 1837 года»: повсеместно банки перестали разменивать бумажные деньги на золотые и серебряные монеты, принимать и учитывать акции, долговые обязательства и векселя, залоговые документы на недвижимость. Не будем доискиваться до причин финансового коллапса — не наше это дело. Тем более что экономисты давно установили, что виной тому была «безумная» финансовая и

банковская политика президента Э. Джексона. Нам важнее последствия. А последствия таковы: почти на пять лет страна погрузилась в глубокий экономический кризис, замерла деловая активность, существенно выросла безработица, прекратили свое существование (или закрылись на длительный срок) большинство американских газет и журналов. Среди них и злополучный «New York Review», который возобновил работу только в ноябре. Пострадало и издательство «Харперс энд бразерс», которое больше полугода ничего не издавало. На улице оказались многие журналисты. Какая уж тут работа для того, кто нажил множество врагов и недоброжелателей! Конечно, Э. По осознавал это и даже не тратил силы, чтобы подыскать службу. Казалось, такие обстоятельства могли привести поэта в отчаяние и подтолкнуть к очередному срыву, но этого не случилось. Напротив, вынужденное безделье дало ему возможность серьезно заняться творчеством и кроме завершения работы над упоминавшейся повестью стимулировало к сочинению целого ряда новелл. И хотя с датировкой произведений существуют проблемы, можно назвать такие тексты, как «Тишина», «Лигейя», «Как писать рассказ для „Блэквуда“», «Трагическое положение». С большой вероятностью можно предположить, что именно в Нью-Йорке были написаны (или по крайней мере начаты) «Черт на колокольне», «Человек, которого изрубили в куски», «Падение дома Ашеров» и «Вильям Вильсон». Конечно, не все они равноценны, но по меньшей мере три из них числятся среди прозаических шедевров писателя. Не случайно исследователи связывают с Нью-Йорком 1837–1838 годов завершение раннего, «ученического», и начало уже зрелого периода в творчестве писателя. Так что «безработица» явно пошла ему на пользу. Хотя, с точки зрения обывателя, этот год в Нью-Йорке, конечно, — «плохой год».

Хорошо известны нью-йоркские адреса поэта. Поначалу он и его маленькое семейство поселились на Манхэттене, в старом кирпичном доме на углу Шестой авеню и Уэверли-плейс. Квартирка была маленькая, но финансовые обстоятельства были таковы, что приходилось сильно экономить. В мае 1837 года они сменили место жительства и перебрались в несколько больший по размерам деревянный дом на Кармайн-стрит. Переезд был напрямую связан с финансовыми обстоятельствами. Поэт почти ничего не зарабатывал[190], а жить как-то было надо. И вот тогда миссис Клемм (удивительная все-таки была женщина!) решила открыть пансион. С помощью этого предприятия она надеялась обеспечить жизнь семьи.

«Это было унылого вида строение под высокой, с крутыми скатами, крышей, над которой торчала одинокая кирпичная

труба. С фасада на улицу сурово смотрели семь окон со ставнями. Парадная дверь выходила на крыльцо с чугунными перилами» — так описал дом на Кармайн-стрит один из биографов По.

Помещений было довольно, чтобы в нем могли разместиться семья поэта и несколько постояльцев в отдельных комнатах. Имя одного из них известно — Уильям Гоуэнз, он был букинистом, содержал магазин и на почве книг довольно близко сошелся с нашим героем. Он был его соседом по первому адресу, а затем перебрался на Кармайн-стрит и стал одним из пансионеров миссис Клемм. Интересно его свидетельство — единственное, относящееся к данному периоду жизни поэта в Нью-Йорке.

«Быть может, — писал букинист в 1870 году, — и немного толку от моего мнения по поводу даровитого, но несчастливого гения, но оно обладает ценностью, поскольку исходит от того, кто видел и слышал его лично, а это должно иметь несомненное значение. На протяжении восьми или более того месяцев мы жили под одним кровом и ели за одним столом. В течение этого времени я много наблюдал его, имел возможность часто беседовать с ним и должен сказать, что никогда не замечал в нем ни пристрастия к вину, ни каких-либо иных порочных склонностей; напротив, он был одним из самых учтивых, благородных и умных людей, с которыми мне довелось встретиться в моих странствиях по свету; кроме того, у него имелась еще одна причина, побуждавшая быть хорошим человеком, равно как и хорошим мужем, ибо судьба дала ему жену несравненной красоты и очарования. Глаза ее могли поспорить с глазами гурии, а лицо было достойно гениального резца Кановы[191]; нрава она была необычайно кроткого и ласкового и любила мужа столь же нежно, как мать — своего первенца. В то время он писал свое самое объемное прозаическое произведение — роман под названием „Приключения Артура Гордона Пима“. Оно оказалось самым неудачным из его произведений, хотя и было издано влиятельной фирмой „Харперс энд бразерс“, которые обычно распродают любую свою книгу в течение недели, но эта не продавалась. По имел наружность необыкновенно приятную и располагающую, которую дамы обязательно назвали бы красивой».

Едва ли неуспех повести действительно объяснялся исключительно ее недостатками. Главную роль, скорее, играла конъюнктура рынка — она просто не могла быть благоприятной на пике кризиса. Но свидетельство букиниста тем не менее ценно. Не только сообщением о том, над чем работал писатель, но и характеристиками — жены поэта и его самого. Очевидец свидетельствует о полной гармонии в отношениях между

супругами. Они явно счастливы. И еще одно очень важное свидетельство: Гоуэнз ни разу не видел Эдгара По пьяным. Следовательно, несмотря на все невзгоды нью-йоркского периода, он, видимо, совершенно не пил. Что же касается продажи «Приключений…» — книга и в самом деле расходилась плохо.

Если читатель помнит, за два года до этого издатели из «Харперс» предупреждали: «Самое важное для автора, чтобы его первая работа приобрела популярность… нет ничего труднее для репутации — преодолеть осадок несправедливого провала». Похоже, нечто подобное случилось с повестью По — это был явный провал. Хотя, по справедливости, в большей степени виноват был не автор (с плохой книгой издатели просто не стали бы работать), а наступивший кризис. Такая солидная фирма, указывал искушенный книгопродавец Гоуэнз, без труда реализует *«любую* книгу в течение недели». Но в кризис, когда с финансами у обывателя трудно, книги (как мы видим из современного российского опыта) перестают быть насущной необходимостью.

Издатели, покупая у автора права на книгу, поступили абсолютно разумно. По сочинил историю о морских приключениях. В тогдашней Америке (не забудем: наряду с Британией она в то время была ведущей морской державой!) такие истории пользовались огромной популярностью. Их сочиняли не только американцы Фенимор Купер, В. Ирвинг, Р. Дана-младший, англичанин Ф. Марриет, но и множество других — к настоящему времени забытых или полузабытых авторов. Эдгар По, проницательный литератор, конечно, чувствовал конъюнктуру. Дотошные исследователи установили, что одним из вероятных источников для По, который, как мы помним, не обладал богатым морским опытом, послужила опубликованная незадолго до того книга воспоминаний Бенджамина Моррелла[192] «Повествование о четырех плаваниях в Южные моря и в Тихий океан» (1832). Свою роль, безусловно, сыграли и рассказы старшего брата, опытного морехода Генри Л. По. Но основным «источником» для По был Дж. Н. Рейнольдз[193], опубликовавший в 1836 году «Представление об исследовательской экспедиции в Тихий океан и в Южные моря». Эту книгу По рецензировал в бытность свою в «Мессенджере» и оказался захвачен предположением, высказанным Рейнольдзом, что Земля является полой внутри и вход в эту «другую Землю» находится где-то в районе Южного полюса.

Издатели из «Харперс» снабдили вышедшую книгу По «развернутой справкой» о содержании, включив ее в заглавие:

ПОВЕСТЬ

ОБ
АРТУРЕ ГОРДОНЕ ПИМЕ
ИЗ НАНТАКЕТА,
включающая детали о мятеже и ужасающей резне
на борту американского брига «Дельфин» на его пути
к Южным морям в июне месяце 1827 года,
с описанием повторного спасения судна
выжившими; постигшее их кораблекрушение
и последовавшие ужасные
страдания от голода; их спасение британской шхуной *Джейн Гэй;*
их короткое плавание на последней
в Антарктическом океане; ее захват
и убийство команды
островитянами на
ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОЙ ПАРАЛЛЕЛИ
ЮЖНОЙ ШИРОТЫ
наряду с невероятными приключениями
и открытиями
еще дальше к югу,
за которыми и иные бедственные происшествия последовали.

Автор настоящих строк попытался воспроизвести заглавие не только почти дословно, но и графически.

Такое развернутое заглавие, типичное для издательской практики XVIII — начала XIX века, конечно, тогда выглядело изрядным анахронизмом. Очевидно, однако, что таким образом, — кратко изложив содержание книги, — издатели стремились привлечь потребителя, обратив его внимание на модную тему, и увлечь сюжетом (убийства, приключения, кровожадные туземцы и т. п.). Тем не менее ухищрения не слишком помогли. Позднее раздавались голоса, что По слишком усложнил свое повествование ненужными научными деталями и подробностями, перенасытил ужасами и данные обстоятельства якобы и обеспечили неуспех книги. Едва ли это так. Издатели рассчитали все верно. Конечно, «усложненное» содержание могло оттолкнуть читателя. Нередко так и происходит. Но чтобы разочароваться, надо сначала прочитать, а чтобы прочитать — нужно прежде купить книгу. Вот с этим — в связи с кризисом —

дела обстояли совсем плохо.

Книга, повторим, вышла в июле 1838 года. Вне зависимости от ее успеха или провала, к этому времени Э. По стало уже совершенно ясно, что никаких ближайших перспектив его присутствие в Нью-Йорке не имеет. Между тем — в письмах и устно — до него доходили сведения, что Филадельфия не так пострадала от кризиса и дела там в области газетного дела и журналистики обстоят не так плачевно. И он решил уехать в Филадельфию.

Специалист в области конхиологии. 1838–1839

В части биографий поэта циркулирует версия, что его перемещения из Ричмонда в Нью-Йорк, а затем из Нью-Йорка в Филадельфию были обусловлены планами по созданию собственного журнала. Действительно, такая мечта появилась у По еще в начале 1830-х, в балтиморский период, и тогда же он поделился ею со своим приятелем Ламбертом Уилмером. Вместе они не раз обсуждали, каким должен быть такой журнал. И у того и у другого были основания для подобных разговоров: Эдгар По был обескуражен поражением в конкурсе, объявленном «Сэтеди курир», и трудностями с публикацией своих произведений; Уилмер возмущался некомпетентностью владельцев «Балтимор сэтеди визитор», который тогда редактировал, их вмешательством в редакционную политику еженедельника (который, напомним, вынужден был в связи с этим оставить). Оба были солидарны во мнении, что американские журналы поражены недугом провинциализма, банальны, слащавы, мелодраматичны, а те, кто ими владеет и кто их редактирует, лишены эстетического вкуса, не способны к адекватной оценке произведений. Подобные представления могли только усилиться в годы, когда По редактировал «Мессенджер». Следовательно, мечта об «идеальном» журнале крепла. Однако никаких механизмов ее осуществления у По не было — ни тогда, когда он жил в Нью-Йорке, ни тогда, когда отправился в Филадельфию. В глубине души, возможно, и жила эта мечта, но необходимо было думать о «хлебе насущном». Так что в Нью-Йорк его привела надежда на место в журнале, она же поманила его и в Филадельфию.

В конце 1830-х годов Филадельфия была вторым по величине городом США с населением около 220 тысяч жителей. И если Нью-Йорк был экономическим сердцем страны, то Филадельфия претендовала на право быть ее культурным центром, тем более что колыбелью американской демократии она уж точно была и гордилась этим. Уступая в многолюдности Нью-Йорку, Филадельфия опережала его по благосостоянию и (что важно) образованности горожан. Стоит ли удивляться, что в описываемый период Филадельфия превратилась в настоящую литературную столицу США. Хотя в 1842 году Ч. Диккенс и назвал город «унылым и безотрадным», на самом деле здесь кипела культурная жизнь, издавались газеты и книги, выходили

разнообразные литературно-художественные журналы и альманахи, на страницах которых печатались крупнейшие американские писатели того времени. Э. П. Оберхольтцер, автор энциклопедической по обилию информации «Литературной истории Филадельфии», называет период с конца 1830-х по середину 1840-х годов самым плодотворным в литературной истории города.

Семейство По (на этот раз они отправились все вместе) очутилось в Филадельфии в середине лета 1838 года. Поначалу поселились в одном из респектабельных пансионов в самом центре города, но вскоре — в самых первых числах сентября — вынуждены были перебраться в жилье гораздо дешевле, сняв маленький дощатый домик в три комнаты. Г. Аллен полагал, что именно это жилище описал Томас Майн Рид, встречавшийся с поэтом в Филадельфии, в своем очерке «В защиту умершего». Но биограф, конечно, ошибся, поскольку По жил там осенью 1838-го — зимой 1839 года, а Рид оказался в Филадельфии лишь в 1843 году, да и в Америку попал только в 1840-м[194].

Если помнит читатель, именно в Филадельфии, в газете «Сэтеди курир», в свое время были опубликованы первые рассказы По. Это обстоятельство поэт мог рассматривать как некий добрый знак, но едва ли стоило надеяться встретить здесь радушный прием. Ведь среди тех, кого он задел своими критическими публикациями в «Мессенджере», были не только «никкербокеры», но и многие из тех, кто сотрудничал в местных газетах и журналах. Тем не менее нельзя утверждать, что Э. По ехал «наудачу». У него здесь были контакты, были знакомые. Да и первый филадельфийский адрес — пансион на Двенадцатой улице, в районе Малберри — был не случаен. Здесь с семьей обитал некий Джеймс Педдер, который, собственно, и сагитировал По перебраться в Филадельфию. Педдер издавал здесь газету и, хотя не мог предложить в ней место, полагал, что его знакомый сможет найти здесь работу, и пообещал ему содействие. Вполне возможно, на первых порах журналист даже помогал семье поэта: во всяком случае, достоверно известно, что его дочери Энн и Бесси снабжали миссис Клемм продуктами[195]. С работой, однако, не получалось. То ли кризис был тому виной, то ли репутация Э. По.

Переезд на Шестнадцатую улицу, в «сшитый из досок домик», был вызван, повторим, финансовыми обстоятельствами. Деньги у По — Клеммов вышли, и они вынуждены были жить в долг. Мало известно о займах, к которым вынуждены были прибегнуть и По, и его теща. Но мы знаем, что в летние дни 1838 года с просьбами о вспомоществовании поэт обращался к Нельсону По,

Дж. Кеннеди, Н. Бруксу. Нет сведений о том, помогли ему двоюродный брат (скорее всего, да). Но Кеннеди помочь не мог, у него самого наступили трудные времена. Не помог и Натан Брукс, давний балтиморский знакомый. Но сообщил, что на пару с другим балтиморцем, Дж. Снодграссом, готовит к изданию первый номер общего ежемесячного журнала «Американ мьюзеум» («American Museum») и приглашает По сотрудничать в нем[196]. По немедленно выслал Бруксу свой рассказ «Лигейя», который был написан еще в Нью-Йорке. Уже в сентябре, с выходом первого номера журнала, Брукс выслал Э. По десять долларов — гонорар за рассказ. Так началось сотрудничество По с балтиморским «Американ мьюзеум», которое не прерывалось всю недолгую жизнь ежемесячника: он просуществовал девять месяцев — до мая 1839 года. И почти в каждом номере появлялись тексты По — рассказы, стихотворения, литературная критика, обзоры книжных новинок.

Однако «хлеб» литературного «фрилансера» в тогдашней Америке был скуден и жестковат. Едва ли кому это было известно лучше, нежели нашему герою. Именно этим обстоятельством объясняется письмо в Вашингтон Джеймсу Полдингу, недавно назначенному морским министром. Даже малый фрагмент из него красноречиво свидетельствует о положении, в котором оказался поэт и его маленькая семья:

«Могу ли я рассчитывать на ваш подарок — самую незначительную чиновную должность — в любом месте, на море или на суше — любую, способную избавить меня от несчастной доли неприкаянного литератора, что, разбивая мое сердце, выпала мне нынче — ни мой характер, ни мои способности не в состоянии выдержать это — и я не буду больше роптать на Божий промысел. Я чувствую, что тогда (обладая чем-то, что выходит за пределы литературы как профессии) я смог бы занять подобающее положение в обществе. Само собой разумеется, горяча и безгранична будет моя благодарность тому, кто таким образом спасет меня от нищеты и водворит меня в состояние полнейшего счастья. Вручаю свою судьбу в ваши руки…»

Неизвестен ответ Полдинга. Да и был ли он? Неужели и в те времена, в юной демократической Америке, возносясь вместе с большим постом на бюрократические высоты, человек мгновенно обрастал непробиваемым панцирем, обретая поразительную способность — не воспринимать чужую боль, не слышать голоса недавних друзей, если они, конечно, не принадлежат к чиновной элите? Хочется думать, что письмо вульгарным образом затерялось. Потому морской министр и не ответил недавнему коллеге. Однако — случайно или нет — По никогда больше не

писал Полдингу, и отношения между ними не восстановились с уходом последнего в отставку в 1841 году.

Переписка поэта тех лет показывает, что он очень надеялся на коммерческий успех своего недавно вышедшего «Пима». Надеялась на это и издательская фирма. Опубликовав книгу, они, как и полагается, разослали десятки экземпляров в разные концы страны — в журналы и газеты. Несколько экземпляров отправились даже за океан, в Англию. Акция была совершенно рутинной, носила рекламный характер: книга должна была попасть в традиционные для периодики обзоры новинок, вызвать интерес и обеспечить продажи. Отзывов было много — их оказалось куда больше, чем разосланных экземпляров. Но среди них — почти ни одного положительного. В основном повесть ругали: за приверженность автора к ужасам, откровенно посмеивались над причудливым полетом его безудержной — по мнению рецензентов — фантазии. Особенно усердствовали нью-йоркские газеты. Что ж, теперь безымянные рецензенты могли отомстить тому, кто в «Мессенджере» язвительно изничтожал их собственные сочинения или писания тех, кого они числили среди своих друзей, единомышленников и союзников. Диссонансом в этом хоре прозвучали голоса давнего приятеля поэта Ламберта Уилмера да анонимного обозревателя из «Военно-морской и армейской газеты» («Naval and Military Gazette»), похваливших книгу. С интересом к повести отнеслись и англичане, переиздав ее в 1839 году, — разумеется, пиратским способом.

В конце года По написал издателям из «Харперс» и интересовался возможностью дополнительного тиража. И следовательно, перспективой вознаграждения. Ответ он получил неутешительный: «…из отпечатанных 750 экземпляров продано всего 100». Ему посоветовали «взаимодействовать» с журналами и «организовать» несколько положительных отзывов. О переиздании, дополнительных тиражах и, следовательно, авторских выплатах не могло идти и речи.

Отчаянное безденежье привело нашего героя к эпизоду, который вроде бы не очень украшает его как писателя, но вполне объясним создавшейся ситуацией. Речь о книге, которой при жизни поэта суждено было стать самой успешной в коммерческом смысле, но, увы, не художественной.

Осенью 1838 года Эдгар По взялся за работу довольно странную: подрядился написать учебник по конхиологии — науке о раковинах. Трудно сказать, кто на кого вышел — издательство на Э. По или, наоборот, Э. По на издательство. Вполне может быть, что инициатива исходила и от частного лица — профессора Томаса Уайетта, специалиста в этой области.

Т. Уайетт за некоторое время до описываемых событий издал у «Харперс» изрядный фолиант под названием «Новое превосходное руководство по конхиологии» — в тисненом переплете, с массой иллюстраций, на хорошей бумаге. Книга получилась очень дорогой. А профессор, как многие американские профессора того времени, подрабатывал разъездными лекциями и в своих турне пытался приторговывать собственной книгой. Но выходило плохо — слишком дорогой она получилась. Он обратился к «Харперс» с просьбой переиздать ее в «бюджетной» версии. Издательство отказалось — куда же девать изданное? Другой бы на том успокоился, но не американский коммерческий ум. Ученый лектор обратился в местное издательство «Хасуэлл, Бэррингтон и Хасуэлл» с предложением напечатать дешевый вариант. Издатели согласились. Но попросту «украсть» книгу у «Харперс» было нельзя — судебный иск в таком случае был обеспечен. Решили не рисковать, а пойти по-иному пути: создать новую книгу под новым авторством. Так и появилась фигура нашего героя. Позднее По утверждал, что его имя на титульном листе учебника могло способствовать увеличению продаж (намекая на то, что в литературных кругах он человек небезызвестный), поэтому к нему и обратились.

На самом деле все было куда проще. Издателям нужен был человек, способный работать с текстом и готовый взять на себя утомительный труд «перелицовки» чужого материала за сравнительно небольшую плату. Профессор Уайетт не мог взяться за эту работу по упомянутым причинам. Наш герой очень нуждался и согласился сделать, что нужно, за 50 долларов. Какую-то часть он наверняка получил вперед и взялся за дело немедленно.

Биографы сообщают, что работа велась в помещении издательства на Рыночной улице с осени 1838 года до весны 1839-го, и у нас нет оснований им не верить. Хотя больший объем работы был осуществлен нашим героем, но трудился он не один — ему помогал инициатор и вдохновитель предприятия мистер Уайетт, который снабжал необходимыми материалами и консультировал автора. Весной 1839 года книга вышла. Заглавие, как и полагается труду научному, было длинным: «Начальная книга конхиолога, или Система панцирных моллюсков, предназначенная специально для использования в школах, в которой животные, согласно Кювье, даны с раковинами, а также добавлено большое число новых видов, к тому же дается полное, насколько возможно, точное представление о современном состоянии этой науки». Кроме заглавия титульный лист украшало и имя автора: «Эдгар Аллан По».

Трудно сказать, что конкретно в тексте книги принадлежит автору. Безусловно, он написал предисловие, в котором выражал признательность некоему мистеру Ли и профессору Уайетту за содействие в работе над книгой. Но вот по поводу дальнейшего… можно только утверждать, что По определенно «приложил руку». Непонятно, правда, в какой степени. Как установили исследователи, основой труда стала книга о раковинах некоего капитана Томаса Брауна, вышедшая в Англии в 1833 году. Основной материал Эдгар По извлек именно оттуда — не указав, разумеется, источник. Частично из нее, частично из труда Уайетта были позаимствованы и рисунки. Описания моллюсков наш герой извлек из трудов знаменитого французского ученого-естествоиспытателя и зоолога Жоржа Кювье (1769–1832), благо что с французским проблем у него не было, а необходимыми первоисточниками его снабдил уважаемый профессор. Описание раковин, их номенклатура, глоссарий и алфавитный указатель перекочевали из труда Уайетта.

Книга действительно получилась недорогой, и ее с успехом продавали как издательство, так и странствующий лектор. Неудивительно поэтому, что уже в следующем году понадобилась допечатка тиража. Однако предприятие имело и обратную сторону: Эдгара По обвинили в плагиате, установили и основной источник — труд капитана Т. Брауна. Не только в эру Интернета, но и тогда плагиатора уличить было в общем-то нетрудно — достаточно иметь желание. Эдгару По пришлось оправдываться — письменно и устно. Причем делать это неоднократно. В 1845 году, защищаясь от нападок, он писал:

«В 1840 году я опубликовал книгу „Начала конхиологии…“. Я писал ее во взаимодействии с профессором Томасом Уайеттом и профессором Мак-Марти из Филадельфии. Мое имя [как автора] оказалось на титульном листе из соображений рекламы — как наиболее известное. Я написал предисловие и введение и переводил из Кювье описания животных и т. п. *Все школьные учебники* делаются именно таким образом. Даже на титульном листе указано, что описания животных *даны по Кювье*»[197].

Несмотря на то что автор явно попутал год первой публикации книги, нетрудно уловить раздражение, которое сквозит в приведенных строках. И По можно понять: в глубине души он, наверное, не раз проклинал тот день и час, когда согласился стать специалистом в области конхиологии. А книга имела успех и переиздавалась. Дотошные исследователи подсчитали, что к 1850 году вышло по меньшей мере девять изданий. Учебник был переиздан и в Англии. Правда, начиная с третьего (в 1845 году), на титульном листе перестали указывать

имя Эдгара По. Но это не спасло нашего героя от гнева издателей из «Харперс энд бразерс»: они затаили злобу — ведь он покусился на «святое» — их бизнес, отнял доходы (дорогущий фолиант Уайетта «завис» на складах фирмы на долгие годы), а такое не прощается. Они вскоре отомстили, в оскорбительной форме отвергнув рукопись двухтомника рассказов По «Гротески и арабески». На тот момент у незадачливого сочинителя не было иного выхода — нужно было кормить семью, а заработать деньги он мог только своим пером.

Журнал Бёртона. 1839–1840

Как бы ни относились современники поэта и потомки к «Начальной книге конхиолога…», для фрилансера, каковым, употребляя современную лексику, в первые месяцы в Филадельфии Эдгар По и являлся, ее издание стало настоящей удачей. Семью здорово поддержали те 50 долларов, что были заплачены за учебник. Суммы, полученные за другие публикации, случившиеся в 1838–1839 годах, были куда меньше: три, пять, самое большее — десять долларов. Э. По публиковался главным образом в тех изданиях, где политику определяли его знакомые. Близкие отношения, что прежде связывали его с Дж. Кеннеди, теперь, увы, были в прошлом. Что или кто стал причиной охлаждения — можно только гадать, но факт остается фактом: Кеннеди перестал покровительствовать По, а По старался больше не обращаться к нему за помощью. За пределами семьи во второй половине 1838-го — начале 1839 года больше всего он общался с упоминавшимися прежде Натаном Бруксом и Дж. Снодграссом из балтиморского «Американ мьюзеум». В Филадельфии возобновил и давнюю дружбу с Ламбертом Уилмером, который подвизался теперь в «Сэтеди кроникл» («Philadelphia Saturday Chronicle»). В этих изданиях Э. По главным образом и печатался в указанный период. Брукс и Снодграсс представили не только его «Лигейю», но и «Как написать рассказ для „Блэквуда“», и «Трагическое положение», более или менее регулярно публиковали литературно-критические заметки, а в апреле напечатали стихотворение «Заколдованный чертог», впоследствии включенное автором в «Падение дома Ашеров»[198]. Хотя гонорары были относительно невелики, но именно на них в основном и существовала небольшая семья. Конечно, нельзя забывать о тех поступлениях, что время от времени приходили от родственников — братьев и племянников миссис Клемм. Но они были нерегулярны, и тут уж инициатива целиком исходила от тещи поэта — она была большой мастерицей по части добывания всевозможной помощи. Но иначе им было просто не выжить — положение семьи чаще всего было отчаянным.

В январе 1839 года Эдгару По исполнилось тридцать лет. Если для современности это возраст, в котором многие только вступают в самостоятельную жизнь, то для начала XIX века, когда люди жили совсем недолго, — возраст солидный. С чем пришел к этому рубежу наш герой? Прямо скажем: по меркам эпохи итог неутешительный. Как бы высоко — внутри себя — поэт ни оценивал то, чем занимался, в глазах современников он был,

конечно, неудачником. Ни собственности, ни счета в банке, даже службы (не говоря о бизнесе!) у него не было. Были семья, любимая жена, теща, которую он обожал и которая относилась к нему как к родному сыну. Но дать им достаток, а порой даже прокормить их он не мог. И хотя на мир обывательский Э. По взирал свысока, но свободен от его неписаных правил и ценностей, конечно, не был. И это только усугубляло свойственную ему ипохондрию.

Кто-то из биографов назвал образ Родерика Ашера из сочиненной тогда знаменитой новеллы «Падение дома Ашеров» «автопортретом художника в тридцать лет». Конечно, художественный текст — негодный источник для интерпретации личных обстоятельств автора. Да и сэр Родерик даже по внешнему облику, данному в новелле, не похож на По (как не похожа и леди Маделайн на Вирджинию). И все же в случае с Эдгаром По такое сравнение в некоторой степени оправданно. Естественно, бессмысленно вести речь о прямых параллелях между героем и автором в конкретный момент его жизни и судьбы. Но вот о внутренней атмосфере его существования, о его мироощущении мы можем судить. Рассказчик, описывая визит к Ашеру, свое пребывание там и переживания героев, постоянно твердит о «невыносимой подавленности», «совершенном упадке духа», о сердце, что «леденело, замирало, ныло», о «болезненной обостренности чувств» и «постоянно обостренном и взволнованном уме», об «атмосфере скорби», о «безрадостном пейзаже», «суровой, глубокой и безысходной мрачности», что пронизывает все вокруг. И не важно, что состояния эти относятся как к рассказчику, так и к героям новеллы. Они терзали самого поэта. И не только когда он сочинял эту новеллу. Прочитайте его ранние тексты: «Лигейю», «Рукопись, найденную в бутылке», «Беренику», «Метценгерштейна»; почитайте поздние «Бес противоречия», «Бочонок амонтильядо», «Сфинкс» да и другие новеллы, и везде (за исключением юмористических текстов) вы обнаружите то же самое. Конечно, вполне можно возразить: Эдгар По всегда заботился о правдоподобии. Поэтому «сумеречные» состояния его героев — лишь литературный прием, способ заставить читателя поверить в происходящее. С этим трудно спорить, но слишком уж однообразно для литературного приема. Тем более для такого искусного, тонко чувствующего малейшую фальшь писателя. Это был ужас души, с которым он жил постоянно, которым терзался, который душил его, от которого он пытался избавиться и который не мог не выплеснуться на страницы произведений.

Поэтому мы вполне можем судить о состоянии Эдгара По,

когда в апреле — мае 1839 года он сочинял «Падение дома Ашеров». Его не могло не усугубить и полученное тогда же известие из Балтимора, что Брукс и Снодграсс, не выдержав конкуренции, «прикрывают лавочку» и с июня их журнал перестает выходить. Конечно, он мог печататься в журнале Уилмера и в других изданиях (что и делал в дальнейшем), но только в отношениях с «Американ мьюзеум» мог быть уверен, что его тексты будут появляться регулярно и редакторы не станут навязывать ему свою точку зрения. Скорее всего, именно Брукс и Снодграсс, зная о стесненных обстоятельствах своего товарища, рекомендовали его владельцу филадельфийского журнала «Бёртонз джентльменз мэгэзин» («Burton's Gentlemen's Magazine») Уильяму Бёртону. Тот искал опытного помощника, способного взять на себя обязанности редактора.

Хотя письмо, отправленное По в начале мая 1839 года Бёртону, не сохранилось, но первым (и, безусловно, с подачи кого-то из друзей поэта), понятно, написал соискатель. Бёртон ответил немедленно:

> «Филадельфия, 10 мая 1839 года.
> Эдгару А. По, эсквайру.
> Милостивый государь!
>
> Я уделил вашему предложению самое серьезное внимание. У меня действительно есть желание заключить в некотором роде договор наподобие того, что вы предлагаете, и я не знаю никого, кто мог бы лучше вас соответствовать моим нуждам. Теперешние расходы журнала до ужасного велики, много больше, чем это допустимо при моих тиражах. Я уверен, что мои издержки выше, нежели несет любое существующее ныне издание, считая и ежемесячники, которые превосходят мой в цене вдвое. Конкуренция растет, и соперников с каждым днем все больше. Поэтому я вынужден тратиться на дорогие пресс-формы, использовать более плотную бумагу, улучшать печать — чтобы или превзойти неприятеля, или позволить ему победить. Мне дорого обходятся авторы, проценты по кредиту, обмен [бракованных экземпляров] и т. д., и это происходит все чаще. Я привел этот перечень трудностей как одну из причин того, почему мне нравится ваше предложение, и нет оснований, чтобы откладывать его обсуждение.
>
> Давайте остановимся, скажем, на десяти долларах в неделю в течение оставшегося до конца года времени. Если мы решим остаться вместе и дальше, к чему я не

вижу никаких препятствий, ваше предложение вступит в силу в 1840 году. Любому из нас надлежит уведомить другого по крайней мере за месяц о намерении расторгнуть договор.

Два часа в день, за отдельными исключениями, будет, я полагаю, вполне достаточно для той работы, что требуется, кроме тех случаев, когда речь пойдет о вещах вашего собственного сочинения. Так или иначе, вам всегда легко удастся найти время для любого другого необременительного для вас занятия — при условии, что вы не станете использовать ваши таланты в пользу каких бы то ни было иных изданий, стремящихся помешать успеху „ДМ“.

Сегодня в три я буду обедать у себя дома. Если захотите разделить со мной барашка, будет замечательно. Если нет, пишите или заходите ко мне, когда выкроите время.

Засим остаюсь, милостивый государь, вашим покорным слугой,

У. Э. Бёртон».

Даже не имея в распоряжении письма, на которое отвечал Бёртон, нетрудно увидеть, что свою работу в журнале наш герой ограничил рядом условий, поскольку, конечно, был научен опытом изматывающей работы в «Мессенджере». Там — читатель помнит — кроме разнообразных технических обязанностей помощник был вынужден читать массу книг и рукописей, писать по сорок (а то и больше) страниц литературной критики и обзоров, отвечать на письма, вести обширную переписку с авторами и т. д. и т. п. Так что времени на собственное творчество совсем не оставалось. Эдгара По это беспокоило — в очередную кабалу он влезать не хотел. Тем более что у него были серьезные творческие планы на середину и вторую половину года (мы о них скажем). Неясно с перспективами («вашим предложением») на 1840 год, о которых упоминает Бёртон. Биографы, которые касаются этой темы, считают, что По имел в виду собственный журнал, планируя «запустить» в следующем году. У нас нет оснований с ними спорить. Видимо, об этом наш герой и писал.

Как бы там ни было, оказия подвернулась вовремя, и По не мог не принять предложения. А что до зарплаты — десять долларов в неделю — она была вполне справедлива. Когда он начинал в «Мессенджере», Уайт платил ему столько же, но объем работы был несопоставим. А тут — «два часа» и — может быть —

даже не каждый день. В мае По приступил к своим обязанностям в редакции журнала на углу Док-стрит и Бэнк-элли.

Уже в июне очередной номер «ДМ» (так в переписке его называли и Бёртон, и По) вышел с извещением на последней странице, что его владелец «договорился с господином Эдгаром А. По, бывшим редактором „Сауферн литерари мессенджер“, чтобы тот употребил свои способности и опыт к исполнению части обязанностей по редактированию „Джентльменз магазин“». А в июльском номере имя поэта уже украшало титульный лист журнала и располагалось сразу за именем владельца. Так Эдгар По превратился в помощника Уильяма Бёртона.

Последний был человеком, безусловно, незаурядным, но обладал своеобразным характером, собственными представлениями о журнале и его целях и имел собственные планы как на журнал, так и на своего помощника, о чем не спешил (а скорее всего, и не собирался) информировать нашего героя. Все это предопределило непростые отношения между ними.

Уильям Эванс Бёртон (1804–1860), несомненно, заслуживает внимания, и не только в связи с героем нашего повествования.

Современники полагали, что Бёртон был не только наделен изрядной коммерческой сметкой, но и поразительно удачлив: ему удавалось практически всё, за что он брался. Родился в Лондоне, в семье печатника, увлекавшегося религией и сочинявшего духовные трактаты. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отец направил сына по стезе служителя культа. Сам Бёртон утверждал, что окончил Кембридж, но это мало походит на правду. Достигнув совершеннолетия, он выбрал другую карьеру и устремился на подмостки: сначала выступал в провинции, а в 1831 году дебютировал на столичной сцене. Говорят, что актером он был талантливым, особенно ему удавались персонажи Диккенса и шекспировские герои вроде Фальстафа. Г. Аллен в биографии поэта приводит слова современника и коллеги Бёртона по ремеслу, американского актера Дж. Джефферсона, который писал: «Бёртон был одним из забавнейших людей, когда-либо живших на свете. Как исполнитель фарсовых ролей он в свое время не знал себе равных… лицо Бёртона напоминало большую географическую карту, на которую были нанесены все испытываемые им чувства»[199]. К тому же (как прирожденный лицедей и расчетливый бизнесмен!) он всегда стремился произвести впечатление на тех, с кем общался. Что, кстати, без труда читается и в приведенном письме нашему герою.

Довольно быстро Бёртон понял, что актерством капитала не наживешь, и параллельно с игрой занялся и антрепренерством,

разъезжал с труппами по провинции, представлял и в Лондоне. Но на родине в театральном мире была слишком серьезная конкуренция, и он перебирается за океан, трезво рассудив, что американские перспективы несопоставимы с британскими. Это произошло в 1834 году. В Америке — в Филадельфии, Балтиморе и Нью-Йорке — он весьма успешно продолжил свою актерскую и продюсерскую карьеру и даже со временем основал свой театр, который — без затей — так и назвал: «Театр Бёртона». Здесь же, в Америке, он начал сочинять — писал и ставил пьесы, готовил и играл инсценировки романов поразительно популярного тогда в США Ч. Диккенса. Наделенный неуемной энергией, в 1837 году, уже в разгар упоминавшегося кризиса, взялся за издание собственного журнала «Бёртонз джентльменз мэгэзин», название которого можно перевести как «Журнал для джентльменов Бёртона». Он и полагал, что его журнал должен — ни много ни мало — «лежать на столе каждого джентльмена Соединенных Штатов». И хотя поставленной задачи он, конечно, не добился, но преуспел в деле, в котором мало что смыслил, в то время как многие опытные профессионалы сошли с дистанции.

В чем же заключалась причина его успеха? Никакого особенного секрета не было. Один из биографов нашего героя, характеризуя содержание журнала, писал: «Журнал… грешил той же тяжеловесной банальностью, что и его создатель. Стихи были тягучими и пресными, как недопеченные пироги, рассказы же, напротив, поражали воздушной легкостью, ибо не были отягощены никаким смыслом». С этим суждением можно согласиться: содержание бёртоновского детища действительно не отличалось стилистической изысканностью. Тексты не поражали оригинальностью замысла и мастерством исполнения, хотя, например, в сентябрьском номере за 1837 год Бёртон опубликовал новеллу собственного сочинения «Тайное узилище», которую можно считать одним из ранних образчиков детективной прозы. В ней лондонская полиция успешно ведет расследование похищения девушки.

Так что произведения (и прозаические, и поэтические) были невзыскательны. Литературная критика как таковая практически отсутствовала: Бёртон в основном ограничивался обзором книжных новинок и чурался подробных разборов текста. Владелец, видимо, несколько побаивался «слишком образованных» авторов: тяжеловесных научных и квазинаучных публикаций в его журнале было не много. Избегал он и политики. Поэтому номера действительно получались довольно легковесными. Но! Опытный лицедей, он понимал толк в визуальных средствах: в его издании было больше иллюстраций,

чем тогда это было принято, печаталось оно на бумаге высокого качества, и полиграфическое исполнение было лучше, чем у конкурентов. Добавим сюда рекламу и (обязательные в каждом номере!) материалы об охоте и яхтах. А о чем должны читать настоящие джентльмены? Не об античной же, в самом деле, истории и философии и не о деятелях англиканской церкви!

Подобное издание было, конечно, немыслимо на родине Бёртона. Но в Америке ко времени, когда он затеял свой журнал, издания такого рода уже появлялись: в 1831 году в Нью-Йорке стартовал «Спирит ов таймс» Уильяма Портера[200], чуть позже начал выходить литературно-женский — с обязательными новинками моды и их обсуждением, сплетнями, светской хроникой и очерками по домоводству — «Гоудиз лединз бук». Так что Бёртон не был, конечно, пионером в деле «гламуризации» журнального дела, но одним из первых, безусловно, являлся. Так что похоже — современный «гламур» начинался как раз в Америке 30-х годов XIX века, и одним из его первопроходцев был Уильям Бёртон.

Насколько можно судить по переписке Эдгара По тех лет, он невысоко оценивал уровень журнала, пренебрежительно именуя его то «Джентс. мэг.», то еще проще — «ДМ». Объясняет это и реакцию нашего героя на демарш Бёртона, который рядом со своим поместил его имя в качестве редактора на обложку июльского номера за 1839 год. Э. По возмутился и потребовал снять. Заботясь о собственном реноме, он не хотел, чтобы содержание журнала ассоциировалось с его именем. Он подряжался помогать Бёртону, но делить ответственность за несимпатичное «лицо» издания не желал.

Вообще это был «странный брак» — союз совершенно разных людей, в котором каждый действовал исходя из собственных интересов, не считая необходимым в полной мере посвящать в свои планы противоположную сторону. На самом деле Бёртон не нуждался в ком-либо, чтобы управлять журналом, — с его поразительной энергией и работоспособностью он с успехом совмещал функции владельца, редактора и даже автора. Тем более что у него имелись собственные представления и о содержательной составляющей своего детища. Однако его темперамент и энергетика имели и оборотную сторону: он быстро загорался, но, добившись успеха, быстро остывал. Тем более что вовсе не считал издательско-редакторскую деятельность своим призванием. Он был лицедеем, паяцем по призванию и теперь устремился в другое русло — решил подчиниться «зову сердца» и вернуться в театр. Эдгару По он объяснил, что у него есть проект на стороне и он вынужден тратить на него массу сил и времени.

Это было правдой. Однако Бёртон не сказал главного: что журнал теперь ему не интересен, он хочет обзавестись собственным театром и собирается немедленно избавиться от журнала, как только найдет для себя нечто подходящее.

«Себе на уме» был и По. Во-первых, ему, конечно, необходимы были средства к существованию. В этом смысле Бёртон и его малосимпатичный журнал были находкой. Во-вторых, и он видел в журнале только «временную пристань». Уже в июне 1839 года писатель заключил предварительное соглашение с фирмой «Ли энд Бланшар» об издании двухтомника своих рассказов и значительную часть времени посвящал его подготовке. В частности, нуждаясь в благоприятных отзывах и «готовя почву» к выходу сборника, Э. По завязал обширную переписку и должен был ее поддерживать. И наконец, в 1840 году он собирался дать старт своему собственному проекту — «идеальному журналу», который и издавать, и редактировать планировал самостоятельно. Много времени и сил он отдавал теперь этому проекту: с присущей ему тщательностью составлял проспект будущего издания, постоянно переделывая и переписывая, обдумывая его «контуры». Поэтому, конечно, он не собирался, что называется, «вкладывать душу» в работу, чего от него все-таки ожидал Бёртон.

Да и — скажем откровенно — чисто по-человечески Эдгару По Бёртон не нравился. Позднее — в письмах и разговорах — писатель называл его не иначе как «фигляр» и «позер». Но, похоже, и тот не испытывал личной симпатии к нашему герою.

Неудивительно, что недоразумения и размолвки между ними начались чуть ли не тотчас по водворении По в журнале. Владелец бывал теперь в Филадельфии главным образом наездами, но частенько не заставал По в редакции и нередко обнаруживал дела запущенными. Не в восторге он был и от тех публикаций, что помещал в журнале его помощник. Ему вообще не нравилась проза поэта — причудливая, нервная, исполненная мрачных фантазий. Кстати, в апреле 1839 года — накануне трудоустройства По в журнал — Бёртон опубликовал язвительный отзыв на «Приключения Артура Г. Пима», что, конечно, не могло добавить сердечности в их отношения, по крайней мере со стороны болезненно обидчивого поэта. Тем не менее Бёртон терпеливо сносил регулярное появление рассказов По (и платил гонорары) на страницах «ДМ». Справедливости ради стоит отметить, что большинство из них принадлежало к числу лучших сочинений (например, в сентябре это был рассказ «Падение дома Ашеров», в октябре — «Вильям Вильсон», а в декабре 1839 года — «Разговор Эйрос и Хармионы»). Очевидное

отторжение у владельца вызывала литературная критика Эдгара По. Причем даже не столько содержательная ее сторона, выбор авторов, произведений и т. п., но тональность выступлений. Бёртон полагал, что как литературный критик и обозреватель По излишне резок в суждениях и слишком категоричен в оценках. Он не хотел ввязываться в привычные его сотруднику журнальные войны, полагая скандалы пагубными для репутации истинно «джентльменского» издания. По поводу многих материалов он пенял По — как в письмах, так и устно. А поскольку в каждом номере (начиная с июля 1839 года по июнь 1840-го) наш герой публиковал обширные обзоры новинок и рецензии, ни столкновений, ни скандалов избежать не удалось. Особенный резонанс — крайне неприятный для Бёртона — вызвала рецензия По на одно из сочинений уже тогда крупнейшего поэта Америки Генри Лонгфелло. В ней редактор не только пренебрежительно отозвался о поэзии будущего «классика», но даже обвинил его в плагиате, развязав, таким образом, войну и с ним, и с его многочисленными почитателями.

Как бы там ни было, несмотря на постоянные трения с Бёртоном, в службе на благо «ДМ» для Эдгара По оказалось и немало положительного. Хотя время от времени — нередко не без влияния владельца журнала — он все-таки погружался в пучину отчаяния и ипохондрии и в такие моменты, случалось, прикладывался к бутылке, в целом его душевное состояние улучшилось. Конечно, самое благотворное влияние на него оказывала его маленькая семья — Вирджиния и миссис Клемм. То, что с появлением постоянной работы у «главы семейства» они обрели определенную финансовую устойчивость, безусловно, играло свою положительную роль. Важно и то, что журнал не слишком мешал По сочинять. Конечно, довольно часто он манкировал редакционными обязанностями (и в этом смысле недовольство Бёртона было обычно оправданно), но «щадящий график» давал возможность писать не только для своего журнала, но и для других изданий, в частности для «Алекзандерз уикли мессенджер» («Alexander's Weekly Messenger»), с которым По сотрудничал регулярно, публикуясь (с декабря 1839 года) чуть ли не в каждом еженедельном выпуске газеты[201].

Бёртон смотрел на этот побочный «промысел», видимо, без восторга, но и особенно пенять писателю не мог, поскольку сам печатал свой журнал в предприятии Ч. Александера[202], да и те материалы, что публиковались в еженедельнике, он едва ли хотел видеть на страницах своего журнала. Основной массив этих публикаций в среде «поведов» принято обозначать прилагательным *miscellaneous,* то есть «смешанное»,

«разнообразное» или, что по смыслу в данном случае вернее, «всякая всячина». За этим емким понятием скрываются разнообразные тексты. Здесь и размышления о перспективах возделывания сахарной свеклы, и рассказ о том, что такое дагеротипия (эта тема весьма интересовала писателя, и по поводу «праматери» фотографии он выступал неоднократно); рассуждения о собаках породы «кубинский бладхаунд», черных кошках и их повадках, о суевериях, с ними связанных, и многих других вещах, о которых, конечно, не пристало писать в журнале для джентльменов[203]. Но, безусловно, самой яркой главой в сотрудничестве с газетой мистера Александера были криптологические экзерсисы Э. По. Уже в декабре 1839 года он опубликовал заметку «Таинственное и загадываемое», в которой утверждал, что всё — любой шифр, тайнопись, криптограмма и тому подобное, — созданное одним человеком, может быть разгадано другим, и в одной из последующих публикаций объявил, что берется разгадать любое присланное ему зашифрованное послание. Объявление было напечатано в одном из первых номеров еженедельника за 1840 год. Трудно сказать, насколько сложными были присланные ему криптограммы, но все Эдгар По действительно разгадал и результаты своего анализа опубликовал на страницах газеты. Таким образом, господин Шарль Огюст Дюпен еще не появился на страницах рассказов — это случится несколько позднее, в рассказе «Убийства на улице Морг» (1841), — но образ сухого аналитика с трезвым рассудочным умом уже «постучался» в «двери» писательского воображения и, безусловно, имел автобиографические черты.

На страницах газеты мистера Александера, разумеется, нашлось место и для литературной критики, но она не была «зубастее» тех материалов, что публиковал По на страницах «ДМ», а тем более — «Сауферн литерари мессенджер».

Как и сколько платил мистер Александер своему автору? Видимо, немного. Но в то же время достаточно, чтобы почти на протяжении года Эдгар По еженедельно поставлял ему «всякую всячину». Очевидно также, что сотрудничество с упомянутыми изданиями серьезно изменило финансовое положение нашего героя и его семьи. Они не только позабыли, что такое недоедание, но вскоре сменили место жительства, переехав из убогого дощатого домика на Шестнадцатой улице в просторное обиталище на Коутс-стрит.

Новый дом, правда, находился далеко от редакции, и, чтобы добраться туда, Эдгару По приходилось дважды в день преодолевать пешком изрядное расстояние. Впрочем, расстояния в тогдашних городах были не столь велики, как в нынешних

мегаполисах, к тому же поэт любил совершать длительные пешие прогулки, и путь до работы был скорее в радость, нежели тяготил.

Новое жилище было просторным и удобным. Герви Аллен, который в начале XX века, видимо, имел возможность видеть его воочию, писал: «Дом представлял собой трехэтажное кирпичное здание с крыльцом из белого мрамора, стоявшее на небольшом, треугольной формы, участке, образованном пересечением улиц Коутс-стрит и Фэрмаунт-драйв с каким-то безымянным переулком» (неизвестно, занимали они весь дом или только какую-то его часть). Дом стоял в саду, на берегу реки, из его окон открывался чудесный вид, который отчасти портил расположенный поблизости железнодорожный парк — там формировали составы и разворачивали паровозы. Но биограф, скорее всего, прав, заявляя: «Это было, наверное, самое удобное жилище из всех, где им доводилось останавливаться с тех пор, как они покинули Ричмонд»[204]. Как жаль, что прожили они там не очень долго — до тех пор, как обстоятельства опять не изменились в худшую сторону.

Но пока все складывалось совсем неплохо. И дело не только в новом доме, достатке, возможности не задумываться о грядущем дне. Работа в журнале, постоянное взаимодействие с авторами, журналистами, редакторами, издателями, необходимость (и возможность!) вести светскую жизнь существенно расширяли социальный круг Эдгара По. Он принимал и отдавал визиты, посещал выставки, ходил в театр, на обеды и приемы. Трудно сказать, получал ли он от этой активности удовольствие. Но, во всяком случае, не чурался ее. Как верно догадывается читатель, По уже «входил в эту реку» — в Ричмонде. Но маленькая, провинциальная и чопорная столица Старого Доминиона не могла, конечно, идти в сравнение с «американскими Афинами» — толерантной Филадельфией, в которой на литераторов не смотрели свысока. Да и возможности для интересного общения в Пенсильвании были не сопоставимы с теми, что поэт имел в Виргинии.

Известны имена многих из тех, с кем Э. По общался в Филадельфии. Нетрудно догадаться, что это прежде всего представители литературного и окололитературного мира. Нет смысла говорить о каждом, но знакомства «знаковые», конечно, необходимо упомянуть.

Прежде всего, стоит отметить, что в Филадельфии По возобновил некоторые виргинские знакомства. Среди них — американский художник-портретист Томас Салли (1783–1872), которым, как нетрудно понять из знаменитого рассказа «Овальный портрет» (да и нескольких других текстов), По глубоко

и искренне восхищался. Если помнит читатель, среди школьных приятелей По упоминался Роберт Салли. Будущий поэт не раз бывал у них в доме и еще подростком познакомился с художником. Возможно, даже показывал ему свои рисунки — ведь художественная одаренность По очевидна. Едва ли в Филадельфии он тесно общался с выдающимся портретистом — они принадлежали к разным поколениям, да и интересы у них разнились. Но существует информация, что Т. Салли в 1839–1840 годах писал портрет поэта. Среди бумаг живописца, который вел учет своих многочисленных работ (только портретов за долгую жизнь он написал около двух тысяч), нет сведений о таком полотне. Но они циркулируют в среде искусствоведов и коллекционеров. Один из них, Айзек Хейзингер (1842–1917), известный филадельфийский врач и коллекционер, не только владел этим портретом, но и в 1905 году даже сфотографировал его, а потом в соответствии с оригиналом фотография была раскрашена. К сожалению, после смерти коллекционера следы полотна теряются[205]. Портрет небольшой: примерно 25 на 18 с небольшим сантиметров. Эдгар По, как и подобает поэту, изображен в «байроническом» виде (по композиции и колористике миниатюра явно перекликается со знаменитым портретом Байрона кисти Т. Филлипса) — в романтических одеждах с устремленным в пространство взором.

В доме Салли По познакомился с Джоном Сартейном (1808–1897), художником и гравером. Они подружились и довольно тесно общались на протяжении всех филадельфийских лет поэта. Позднее Сартейн занялся издательским бизнесом, выпускал журнал («Sartain's Magazine»), в котором эпизодически печатался и По. Впоследствии он написал воспоминания, где одну из глав посвятил нашему герою[206].

Среди близких Эдгару По людей необходимо отметить и Генри Хёста (1813–1874), они познакомились во второй половине 1839 года[207]. Хёст был тогда начинающим поэтом, моложе По и с большим пиететом относился к нему. Особенно сблизились они в начале 1840-х годов, когда Хёст, будучи дипломированным юристом, помогал своему другу советами (тот в очередной раз добивался восстановления пенсии за «генерала» По от властей Мэриленда в пользу Мэри Клемм). Надо сказать, По, который вообще был очень невысокого мнения о любой американской поэзии, кроме своей собственной, о стихах Хёста отзывался очень по-доброму, считал его одаренным версификатором, наделенным незаурядным воображением. Да и Хёст (в отличие от многих!) умел обходить «острые углы» в характере своего старшего товарища и смог сохранить с ним добрые отношения. Позднее

(как при жизни По, так и после его смерти) он оказался среди тех немногих, кто стремился защитить сначала самого поэта, а затем и его память от нападок многочисленных недоброжелателей. В связи с Хёстом нельзя пропустить и такой факт: он был орнитологом-любителем, большим знатоком жизни и повадок птиц. Одно время даже содержал лавку по продаже редких и экзотических пернатых. У него самого дома жил ручной ворон, которого он учил (и, видимо, научил!) «разговаривать»: несколько слов птица произносила вполне отчетливо. Не было ли в лексиконе ворона знаменитого *nevermore*? Во всяком случае, исключать этого нельзя, как и того, что именно Хёст стал тем, кто вызвал интерес По к вещей птице и вывел ее на страницы самого, пожалуй, знаменитого поэтического произведения.

Сартейна и Хёста связывали с нашим героем если не дружеские, то довольно близкие, приятельские отношения. Но, наверное, у любой дружбы есть не только светлые, но и темные стороны. Такая «сторона» была и у отношений поэта с упомянутыми персонажами. В период, о котором идет речь, Г. Хёст вел весьма рассеянный образ жизни: он был любителем спиртного, и возлияния следовали чуть ли не ежедневно. Сартейн также любил выпить, да к тому же еще экспериментировал с наркотиками (тогда это не считалось предосудительным, наркотики были совсем не того качества, что ныне), а любимым его напитком был абсент. Понятно, почему миссис Клемм относилась к приятелям зятя весьма негативно и в каждом видела угрозу для ее «Эдди». Во всяком случае, такой вывод можно сделать из эпизода, который привел в своих воспоминаниях другой знакомый По тех лет — Томас Инглиш.

«Однажды, — пишет Инглиш, — я шел вечером домой и увидел человека, который никак не мог подняться из сточной канавы. Предположив, что некто споткнулся и упал, я наклонился и помог ему. Оказалось, это был По». Инглиш предложил проводить По, и тот пошел, «выписывая по дороге кренделя и зигзаги». Когда в конце концов они добрались до дома, Мария Клемм открыла дверь и закричала: «Вы напоили Эдди, а теперь притащили его домой!»

История эта довольно известна, поэтому мы изложили ее словами П. Акройда — он привел ее в биографии поэта[208]. Эпизод английский писатель почерпнул, скорее всего, из воспоминаний Т. Инглиша, опубликованных в 1889 году. Хотя последний смертельно рассорился с По в 1845 году, нечто подобное вполне могло иметь место. Но столь уж велика в том была вина самого По? Мы же помним, какое воздействие на него могла оказать даже малая толика алкоголя. А тут пьющие

друзья…

С Инглишем По познакомился в редакции журнала Бёртона в июне 1839 года. Он, конечно, не мог «напоить Эдди», поскольку в отличие от Хёста и Сартейна спиртным никогда не увлекался. Через много лет он вспоминал обстоятельства знакомства:

> «Однажды я зашел в редакцию журнала и, когда Бёртон представил меня По, между нами завязалась беседа. Я был приятно поражен внешностью и манерами писателя. На нем был простой весьма потертый черного цвета сюртук, который был, однако, тщательно вычищен, на его фоне чистота белья была особенно заметна. У него были большие глаза, они сверкали и легко вспыхивали, манера держаться — легкой и изысканной, слова лились непринужденно и обаятельно. Через некоторое время мы, продолжая разговор, покинули офис и пошли по улице. Мы расстались на Чеснат-стрит, несколькими кварталами выше Третьей [улицы], похоже весьма довольные друг другом. За исключением восхищения, что я испытывал к его несомненному гению, поначалу между По и мной не возникло чувства взаимной привязанности. Оно появилось позднее, месяцы спустя, когда я сделался частым гостем в его семье. Миссис По была хрупкой женщиной с благородными манерами, в ней чувствовались воспитание и происхождение, а миссис Клемм была больше чем тещей — скорее матерью для него»[209].

Томас Данн Инглиш (1819–1902) был одним из авторов журнала Бёртона и пробовал силы в версификации, время от времени помещая свои стихи на страницах «ДМ». В глазах двадцатилетнего неофита Эдгар По, конечно, был признанным мэтром. Нескрываемое восхищение, которое без труда читал поэт в глазах юноши, льстило его самолюбию. Они подружились, и, по свидетельствам многих, не было у По в филадельфийский период жизни человека ближе и преданнее, нежели Инглиш. Более того, юноша добровольно (хотя, возможно, и по просьбе миссис Клемм) взял на себя обязанность ангела-хранителя поэта — оберегал от недобрых компаний и возлияний в дружеском кругу. Отчасти поэтому они были почти неразлучны в 1839–1844 годах, и Инглиш почти каждый день провожал своего кумира до дома.

Трудно сказать, насколько искусно По удавалось скрывать свое отношение к виршам молодого человека (а то, что оно было скептическим, едва ли подлежит сомнению и еще проявится позднее — после их ссоры), но в новом знакомом его явно

привлекала не литературная составляющая, а те специальные знания, коими тот обладал. Инглиш на момент знакомства только что окончил медицинский факультет Пенсильванского университета и стал дипломированным врачом. Хотя впоследствии по специальности он не работал, а подвизался на ниве юриспруденции, его выпускная работа была посвящена френологии — предмету, который живо интересовал По. Следы этого увлечения нетрудно отыскать среди текстов нашего героя — новелл и заметок из «всякой всячины».

Френология, разумеется, лженаука. Но это ясно нам, людям «просвещенной эпохи», а По и его современники относились к ней вполне серьезно и с большой заинтересованностью изучали свой (и не только) череп на предмет выпуклостей и впадин, пытаясь понять, почему одним обеспечен успех в жизни, а другим — неудачи. Френология толковала и особенности психики человека, поэтому По испытывал к ней пристальный интерес не только как писатель, но и человек, страдающий нервными расстройствами, — в попытке понять, что с ним происходит и почему.

Без сомнения, По многое узнал об этой таинственной сфере, общаясь с Инглишем. И, скорее всего, с помощью своего просвещенного друга нашел у себя на черепе некую шишку, свидетельствующую о незаурядных художественных способностях. Да и впадина, иллюстрирующая пагубную слабость к алкоголю, у него наверняка имелась. Но сделало ли его это «знание» счастливее, успокоило ли? Едва ли.

КУЛЬМИНАЦИЯ

«Гротески и арабески» и «идеальный журнал». 1840–1841

В ноябре 1839 года произошло событие, ознаменовавшее очередной важный этап в жизни и творчестве Эдгара Аллана По: в издательстве «Ли и Бланшар» (Филадельфия) вышел двухтомник его рассказов под названием «Гротески и арабески». У писателя, как мы знаем, это была далеко не первая книга, но ему впервые удалось осуществить *такое* издание — сборник собственных рассказов. Как, верно, помнит читатель, предыдущие попытки завершались неудачей.

Хотя книги вышли в конце 1839 года, на титульных листах фигурирует 1840 год. Такова обычная (в том числе и современная) издательская практика.

Название сборника восходит, судя по всему, к статье знаменитого Вальтера Скотта «О сверхъестественном в литературе», опубликованной в 1827 году в журнале «Форин куотерли ревью»[210], и конкретно отсылает к фразе: *«…гротеск* в его произведениях похож на живописную *арабеску,* на которой можно различить… романтические видения, на сложный орнамент, который ослепляет зрителя… необычайной плодовитостью вымысла и поражает его богатейшими контрастами всех возможных форм и оттенков»[211]. Очевидно, По не обратил (или не хотел обращать) внимания на ироническую окраску высказывания великого романиста, который вовсе не одобрял мрачных, «гофманианского толка», фантазий в литературе. Но, вероятно, Эдгару По все-таки была ближе мысль Ф. Шлегеля, которого читал и почитал и для которого *арабеска* была выражением «мистического, абсолютно свободного предчувствия бесконечности, вечного движения», «зримой музыкой», идеальной «чистой формой». Причудливый этот образ давно очаровал По. Если помнит читатель, еще в начале 1830-х годов, имея в своем багаже всего несколько новелл, он уже замышлял прозаический сборник, который планировал назвать «Одиннадцать арабесок». Тогда намерение осталось нереализованным. В ноябре 1839-го он его осуществил — уже в двух томах. И новелл в книге было не 11, а 25 (14 плюс авторское предисловие в первом и одиннадцать — во втором) — все, что он к тому времени сочинил.

Для Эдгара По «гротеск» и «арабеск», конечно, не просто красивые образы. Вынесенные в качестве заглавия к сборнику, они означали для него вполне конкретные модификации жанра

короткой прозы — то, что мы привыкли обозначать как «рассказ», «новелла», а По (и его коллеги-современники) называл *tales* — «истории», «выдумки», «россказни». Упрощая, можно определить так: гротеск — главным образом юмористическое, нередко пародийное повествование; арабеск — серьезная фантастическая (читай — мистическая) история, в которой автор свободно реализует полет творческого воображения. Ю. В. Ковалев в свое время предложил такое толкование: «Для него [По] различие между понятиями „гротеск“ и „арабеск“ — это различие в предмете и методике изображения, опирающееся в исходной точке на кольриджевскую концепцию воображения и фантазии. Гротеск он мыслил как преувеличение тривиального, нелепого и смехотворного до масштабов бурлеска; арабеск — как преобразование необычного в странное и мистическое, пугающего — в ужасное… Возникновение гротеска, по мысли По, — это процесс, в котором осуществляется количественное изменение материала — концентрация, преувеличение, „возвышение“, тогда как рождение арабеска сопряжено с его качественным превращением. Сам По признавал, что среди его „серьезных“ новелл преобладают арабески. При этом он, очевидно, имел в виду эстетическую доминанту повествования. Выделить в его творчестве гротески или арабески в чистом виде невозможно»[212].

Сохранилось кое-что из переписки По и издателей из «Ли и Бланшар». Вот фрагмент одного из их писем от 28 сентября 1839 года:

> «Поскольку ваше желание опубликовать ваши рассказы не подкреплено соответствующим финансовым обеспечением, мы издадим ваши рассказы за свой счет, при этом все риски мы возьмем на себя и отпечатаем небольшой тираж, скажем, 1750 экземпляров. Если это количество будет продано — в таком случае мы получим небольшой доход, но он будет принадлежать нам, — вы останетесь обладателем прав на книгу; кроме того, у вас будет несколько экземпляров, которые вы сможете подарить друзьям или распорядиться иным образом. Если данные условия вам подходят… мистер Хэсуэлл (типограф. — *А. Т.)* готов начать работу…»

Из приведенного фрагмента понятны условия, на которых был издан сборник. Не предполагалось, что автор получит хоть что-нибудь, кроме нескольких экземпляров двухтомника. Но это был тем не менее прогресс. Как мы помним, всего лишь двумя годами ранее издатели вообще отказывались от «книги

рассказов», утверждая, что такая продукция спроса иметь не будет. Но вот прошло некоторое время, и издательство берется публиковать сборник уже «на свой риск». Говорит это об одном: репутация Эдгара По явно возросла, известности прибавилось настолько, что «Ли и Бланшар» решили рискнуть и издать его «Гротески».

Впрочем, напечатали они не 1750, а 750 экземпляров: в последний момент было решено, что большее количество в условиях продолжающейся стагнации рынка они реализовать не смогут. Но и отпечатанные экземпляры продавались долго. Год спустя По вновь обратился к своим издателям с предложением:

«Джентльмены! Я хочу опубликовать новую подборку своих рассказов с таким примерно заглавием: „Прозаические истории Эдгара А. По с добавлением ‘Убийств на улице Морг’, ‘Низвержения в Мальстрем’ и иных позднейших фрагментов наряду со вторым изданием ‘Историй гротеска и арабесок’“[213]. Мне приятно, что вы продолжаете оставаться моими издателями, и, если у вас есть намерение выпустить книгу, я был бы рад сделать это на условиях, что предлагались прежде, — то есть вы оставляете себе всю прибыль, а мне предоставляете двадцать экземпляров для друзей».

В ответ из «Ли и Бланшар» ему сообщили, что «до сих пор не покрыли расходов по изданию предыдущей книги», поэтому новое издание (против которого, в принципе, они не возражали) возможно только «при совместном финансовом участии сторон».

Хотя, как мы видим, «Гротески и арабески» и не стали предприятием коммерчески удачным (правы все-таки были опытные дельцы из «Кэри энд Ли» и «Харперс энд бразерс», когда заявляли, что книгу рассказов едва ли ждет успех!), но резонанс вызвали большой. Десятки газет и журналов в разных концах страны откликнулись на выход двухтомника. Причем большинство не ограничились упоминанием о новинке в стандартных обзорах, а посвятили ей полноценные рецензии. Но в основном отклики эти оставляли двоякое впечатление: с одной стороны, восхищались причудливой фантазией автора и мастерством исполнения, с другой — упрекали в чрезмерной мрачности и следовании «германской» традиции. Конечно, в изрядной степени эти упреки были обоснованны. Даже сам факт, что заглавие сборника вызывает немедленные ассоциации с немецким романтическим гением, едва ли случаен. И По, конечно, понимал это. Не случайно и краткое авторское предисловие, помещенное в первом томе сборника, посвящено прежде всего отрицанию якобы присущего рассказам «германизма»: «Если ужас и составляет основу моих

произведений, то я утверждаю, что ужас этот родом не из Германии, а источником своим имеет мою собственную душу…»

Очевидно, нет смысла в обзоре многочисленных откликов на книгу. Отметим только, что широкий резонанс означал неформальное признание, и Эдгар По прекрасно это осознавал. Можно даже утверждать, что По до «Гротесков и арабесок» и после них — два разных автора. Если в мае 1839 года, нанимаясь в журнал Бёртона, он, по сути, был начинающим прозаиком с довольно неопределенной репутацией, то в начале 1840-го это был уже признанный новеллист. И конечно, данное обстоятельство не могло не осложнить отношений с издателем. Тем более что Бёртон не хотел или не мог понять этого.

Герви Аллен в своей книге утверждает, что в новеллистическом двухтомнике «предстают в завершенном виде все литературные типы, когда-либо созданные По, исключая лишь „Непогрешимого логика“, которому предстояло появиться вместе с серией рассказов, основанных на методе дедуктивных рассуждений»[214]. С этим можно согласиться, но только с важной оговоркой: во-первых, пресловутого «непогрешимого логика» осталось ждать совсем недолго — первая история с ним («Убийства на улице Морг»), судя по всему, была написана уже в 1840 году[215], а во-вторых, он уже существовал. Правда, не как литературный персонаж, а как вполне осязаемый мастер по разгадыванию криптограмм и шифров по имени Эдгар По.

Нетрудно заметить, что публикация новеллистического сборника не только способствовала упрочению писательской репутации нашего героя, но и стимулировала его творческую активность. Помимо начавшейся разработки «непогрешимого логика» и сочинения очередной порции рассказов (к ним, безусловно, относятся «Почему французик носит руку на перевязи», «Низвержение в Мальстрем», «Делец» и «Человек толпы») По предпринял вторую (и последнюю) попытку создать крупное прозаическое произведение — повесть под названием «Дневник Джулиуса Родмена».

Повесть эта печаталась с продолжениями в журнале Бёртона (с января по июнь 1840 года), но так и осталась неоконченной. Трудно сказать, почему По не завершил повествование. Скорее всего, разочаровался. С другой стороны, нетрудно понять мотивы, которыми он руководствовался, приступая к «большому тексту». Перед глазами у него был пример Вашингтона Ирвинга, который незадолго перед тем выпустил сразу несколько книг на «западную» тему: «Путешествие по прериям» (1832), «Астория» (1836) и «Приключения капитана Бонневилля» (1837). Страна развивалась и неудержимо рвалась на Запад, осваивая новые

территории. Все, связанное с необозримыми и почти неисследованными пространствами к западу и к северо-западу от Сент-Луиса и Великих озер, будоражило воображение многих американцев, и потому успех книг Ирвинга был предсказуем и закономерен[216]. Э. По, конечно, улавливал эти носившиеся в воздухе «флюиды». И тоже решил поэксплуатировать модную тему. Но в том-то и дело, что В. Ирвинг писал свои книги, опираясь на собственный опыт. У Э. По такого опыта не было, хотя он, безусловно, читал и «Путешествие по прериям», и «Асторию», и — больше, чем просто *читал*! — дневники знаменитых американских путешественников М. Льюиса и У. Кларка[217], впервые изданные в 1814 году и затем многократно переиздававшиеся. Более того, он явно весьма широко использовал материалы Льюиса и Кларка, благо что его мистер Родмен Якобы совершил точно такое же путешествие, но на двадцать с лишним лет раньше выдающихся путешественников. Однако, несмотря на обилие приключений, которые переживают его герои, индейскую, охотничью и прочую экзотику, сюжет развивается вяло: та динамика, что характерна для произведений По, в истории отсутствует. Что ни говорите, неорганичен все-таки был «большой жанр» для писателя — его талант был созвучен иным формам. Да и сам он, верно, чувствовал, что пишет не то и не так. Тем не менее, скорее всего, он завершил бы эту «большую книгу», но помешали обстоятельства — внешние и внутренние.

А они складывались следующим образом. В наступившем 1840 году У. Бёртон очень редко появлялся в редакции собственного журнала, по сути, переложив всю работу на По. Последний ясно видел, что интересы владельца «ДМ» все отчетливее обретают не связанный с журналом вектор. До него доходили слухи, что Бёртон собирается начать строительство собственного театра, к тому же «фигляр и позер» был вовлечен в несколько антреприз одновременно: в некоторых он был задействован как актер, часть продюсировал и постоянно разъезжал по гастролям. При этом жалованье По оставалось прежним. Несмотря на регулярные гонорары из «Алекзандерз уикли мессенджер», менее регулярные от Бёртона и эпизодические — из других изданий, денег не хватало, тем более что в «бёртоновский период» (игнорировать сие нельзя) По нередко «заглядывал в бутылку»[218]. В начале года он потребовал у Бёртона прибавку, но добился только единовременной выплаты в 100 долларов (характер этой выплаты исследователям неизвестен). В условиях обычного отсутствия владельца и собственных хворей, которые частенько (как в связи с алкоголем,

так и без него) в этот период терзали нашего героя, он откровенно манкировал своими обязанностями. В нечастые и обычно внезапные наезды в редакцию владелец находил дела запущенными, к тому же нередко По не оказывалось на месте. Это вызывало немедленный гнев темпераментного Бёртона, каждому «встречному и поперечному» он постоянно рассказывал, что По — пьяница, пьет на рабочем месте и с ним «невозможно иметь дела». Все это, конечно, усугубляло взаимное раздражение и превращало «развод» в неизбежность.

Спусковым крючком к разрыву послужили следующие события. В начале мая Бёртон вернулся в Филадельфию из Балтимора, где гастролировал с труппой, явился в редакцию и не обнаружил По на месте. Стол последнего был завален корреспонденцией, гранками, бандеролями и т. п. На вопрос, где По, ему ответили, что тот давно не появлялся. Владелец разгневался и приказал кассиру начиная с текущей недели вычитать из жалованья Э. По еженедельно три доллара, «до тех пор, пока долг в 100 долларов не будет уплачен»[219]. 21 мая Бёртон в нескольких газетах опубликовал объявление, что выставляет «Джентльменс мэгэзин» на продажу. Тогда же в городе стали расти слухи, что владелец начинает строительство собственного театра (слухи вскоре подтвердила информация в газете «Дейли кроникл»). Через несколько дней в одной из газет Бёртон увидел извещение, что По собирается начать с января 1841 года издание собственного журнала и планирует в ближайшие дни опубликовать его проспект. Бёртон немедленно пишет письмо По, упрекая его в том, что тот нарушает договоренность, собираясь запустить журнал без его ведома, требует вернуть задолженность и продолжить публикацию «Дневника Джулиуса Родмена», а в конце письма уведомляет, что начиная с 1 июня Э. По уволен. В ответ уволенный отправляет многостраничное послание, в котором заявляет, что «никогда бы не взялся за собственный журнал, если бы не увидел твердо выраженное намерение» своего корреспондента «избавиться от журнала и устремиться к театру». Но оправдания эти звучат, по сути, мимоходом — основную часть послания он посвятил выяснению финансовых обстоятельств. По яростно отрицает долг в 100 долларов, утверждая, что не он должен Бёртону, но «с цифрами в руках», — приводя подробные расчеты, — доказывает, что, напротив, тот должен ему еще 32 доллара. Завершая письмо, По уведомляет, что, поскольку ему не платят, он отказывается продолжать «Дневник» — до тех пор, пока не дождется внятного ответа.

Ответа на свое послание По не дождался. Соответственно, в

должности восстановлен не был и дописывать «Дневник» не стал. С владельцем «ДМ» они расстались врагами.

Читателя, возможно, удивит, что Бёртона разгневало известие о планах издавать собственный журнал. Какая разница, если он уходит из «бизнеса»? Куда понятнее претензии к неисполнению обязанностей и к долгу в 100 долларов. Но в том-то и дело, что намерение По, человека в литературных кругах известного, по мнению Бёртона, могло понизить цену выставленного на продажу предприятия, а он нуждался в деньгах.

Забегая немного вперед скажем, что журнал был куплен в ноябре 1840 года за 3500 долларов неким господином Грэмом. Тот владел довольно захудалым журналом «Каскет» и, видимо, надеялся таким образом поправить свои дела. Трудно понять, хорошую ли цену получил за свой «журнал для джентльменов» У. Бёртон. Получается, что ему заплатили из расчета один доллар за подписчика.

А Эдгар По начиная с июня все свои силы направил на организацию предприятия, о котором известил публику в мае.

Работа была велика. И ею наш герой весьма активно занимался с июня по октябрь. Следовало вести обширную переписку — с будущими авторами, корреспондентами, распространителями и агентами. Необходимо было набрать и какое-то количество потенциальных подписчиков, заручиться договоренностями с наборщиками, типографами, граверами. Нужно было выработать стратегию журнала, составить привлекательный проспект. Для такого «перфекциониста», как Э. По, это была непростая задача, требовавшая больших усилий. Наконец, нужно было напечатать и распространить проспект. А для этого необходимы деньги. Впрочем, куда большие средства требовались для того, чтобы просто начать издавать журнал.

С проспектом По справился: в октябре 1840 года напечатал и разослал. Он не очень велик, поэтому стоит привести основную его часть:

«ПРОСПЕКТ
„ПЕНН МЭГЭЗИН“
ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА Готовящегося к изданию в городе Филадельфии его редактором
Эдгаром А. По.

К публике. С тех пор как я сложил с себя обязанности редактора журнала „Сауферн литерари мессенджер“ в начале третьего года пребывания на

посту, меня не оставляла мысль основать новый журнал, сохранив некоторые из главных особенностей упомянутого ежемесячника и полностью либо в значительной мере изменив остальное. Однако в силу множества разнообразных причин приходилось откладывать исполнение данного намерения. Лишь теперь я получил возможность попытаться его осуществить.

Надеюсь, меня извинят, что я буду говорить, апеллируя к опыту „Мессенджера“. Не обладая никакими имущественными правами, я сталкивался с проблемой, когда мои представления вступали в противоречие с представлениями владельца; я не мог поощрять банальность, как того требовалось, поскольку уверен, что только *индивидуальность* может обеспечить успех любых подобных предприятий… Единственная возможность следовать до конца своим представлениям — основать свой собственный журнал.

Тем, кто помнит первые дни существования ричмондского журнала, о котором идет речь, вряд ли нужно говорить, что его характерной чертой была излишняя резкость критических заметок в рубрике, посвященной новым книгам. „Пенн мэгэзин“ сохранит эту суровость в суждениях лишь настолько, насколько того требует справедливость в самом строгом смысле этого слова. Будем надеяться, что прошедшие годы умерили воинственность критика, не лишив его, однако, творческой энергии. Впрочем, они, конечно же, не научили его читать книги глазами их издателей, равно как и не убедили в том, что интересы литературы не связаны с интересами истины. Первая и главная цель будущего журнала — приобрести известность в качестве издания, имеющего всегда и по всем предметам суждение честное и смелое. Ведущим его назначением станет утверждение словом и подкрепление делом неотъемлемых прав совершенно независимой критической мысли, чьи преимущества он будет доказывать своим собственным существованием…

Что касается других качеств „Пенн мэгэзин“, то здесь достаточно ограничиться лишь несколькими словами. Он направит свои усилия на содействие всеобщим интересам словесности, безотносительно к отдельным географическим областям, рассматривая в качестве истинной аудитории писателя весь мир. То, что

существует за пределами литературы, в собственном смысле этого слова, и содержится в предметах *наисерьезнейшей важности*, он оставляет заботам лучших наставников. Его цель главным образом заключается в том, чтобы доставлять *удовольствие* — посредством разнообразия, оригинальности и остроумия. Здесь, однако, уместно заметить, что сказанное в этом проспекте ни в коем случае не следует толковать как намерение осквернить чистоту журнала хотя бы самой малой примесью фиглярства, непристойности или пошлости — пороков, каковыми страдают некоторые из лучших европейских изданий. Во всех областях и жанрах литературы он будет черпать из высочайших и прозрачнейших источников.

Что касается технической стороны предприятия, то этой стороне, как и следует, будет уделено самое серьезное внимание. В этом смысле предполагается, что издание превзойдет обычный журнальный уровень. По форме и обличью „Пенн мэгэзин“ будет напоминать нечто близкое к [журналу] „Никкербокер“; бумага по качеству не будет уступать „The North American Review“; иллюстраций, выполненных лучшими художниками страны, будет много, но они не станут чрезмерными и будут соответствовать тексту.

„Пенн мэгэзин“ будет издаваться в Филадельфии и станет выходить первого числа каждого месяца, формируя каждые полгода том примерно в пятьсот страниц. Цена предполагается пять долларов за год, которые следует внести заранее или при получении первого номера, который выйдет 1 января 1841 года. Письма адресуйте редактору и владельцу,

Эдгару А. По».

Как видим, По намеревался издавать «идеальный» журнал, который и по форме, и по содержанию соответствовал бы самым высоким стандартам. Мог ли он осуществить задуманное? Теоретически — мог. Но вот практически… Издание требовало больших средств, которых у По, разумеется, не было. Известно, что он обращался к родственникам и друзьям. Но кто из них был в состоянии ему помочь? Мог ли он оформить заем? Известно, что пытался. Однако По собирался быть не только редактором, но и владельцем издания. На меньшее он был не согласен. Поскольку только таким образом получал средства осуществить «единственную возможность следовать до конца своим

представлениям».

Идея была, конечно, замечательная. Особенно выигрышно смотрелось название, в котором заключена игра слов: «реп» *(англ.* «ручка») и «Репп» — «Пенсильвания»[220], название штата, самым крупным городом и олицетворением которого является Филадельфия.

Насколько можно судить по переписке, еще в ноябре 1840 года По был уверен (или, во всяком случае, питал надежды), что его детище увидит свет в январе следующего года. Но тогда же, в ноябре, он заболел. И заболел, судя по всему, тяжело. Похоже, у него случился очередной нервный срыв, который совершенно лишил его сил и на несколько недель приковал к постели. Видимо, сказались последствия коллизии с Бёртоном и то огромное эмоциональное напряжение, что он испытывал, пытаясь осуществить свой амбициозный замысел. Такие приступы случались с ним и раньше — в Нью-Йорке и Балтиморе, возможно, в Ричмонде, но тогда длились обычно неделю или чуть больше.

1 января 1841 года По опубликовал объявление, что начало издания «Пенн мэгэзин» переносится на 1 марта. Однако и тогда не случилось.

1 апреля 1841 года Эдгар По написал письмо своему другу Дж. Снодграссу, в котором выражал надежду: «„Пенн“, я надеюсь, только ранен, но не убит». В письме он, кстати, объяснил, почему журнал не вышел в марте: «Он должен был появиться… в марте, как объявлялось… если бы не неожиданная подозрительность банка». И далее сообщал: «Мистер Грэм сделал мне очень хорошее предложение, которое я с большим удовольствием принял. Проект „Пенна“ будет, безусловно, возобновлен в будущем».

Увы, возобновить «проект» так и не удалось. Но надежда на «повторный старт» будет еще долго вдохновлять Эдгара Аллана По.

Редактор «Журнала Грэма». 1841–1842

В ноябре 1840 года сделка по продаже бёртоновского «журнала для джентльменов» была завершена, новым владельцем издания стал Джордж Рекс Грэм (1813–1894). Несмотря на то что ему было всего двадцать семь лет, он был человеком энергичным, хватким, с немалым жизненным опытом. Происходил Грэм из состоятельной семьи, но отец его разорился, когда он был еще ребенком, поэтому пробиваться ему пришлось самостоятельно. Юношей он обучался столярному делу, но профессии краснодеревщика предпочел юриспруденцию: при помощи дяди окончил юридическую школу и в 1839 году обзавелся адвокатской лицензией. Правда, и адвокатурой заниматься не стал, а пошел в журналистику и вскоре превратился в одного из редакторов весьма успешной и влиятельной филадельфийской газеты «Сэтеди ивнинг пост» («The Saturday Evening Post»), которой владел известный в то время журналист и издатель Сэмюэл Аткинсон. Последний издавал еще и журнал «Аткинсонз каскет»[221]. В свое время, на рубеже 1820–1830-х годов, журнал процветал и имел массу подписчиков, но к концу 1830-х пришел в упадок и стал убыточен. В числе прочих обязанностей Аткинсон поручил Грэму заняться и журналом, а через несколько месяцев Грэм превратился в полноценного владельца «Аткинсонз каскет». За год ему удалось поднять тираж с нескольких сотен до полутора тысяч экземпляров и выйти на уровень рентабельности. Поэтому покупка журнала Бёртона была разумна: за три с половиной тысячи долларов он получал три с половиной тысячи подписчиков, а объединив два журнала, — уже пять тысяч, и это было серьезное коммерческое предприятие. Единственное, что требовалось, — удержать подписчиков, не разочаровав их.

Последним обстоятельством, вероятно, и объясняется, что вскоре после покупки и объединения двух журналов в один (теперь он назывался «Graham’s Lady’s and Gentlemen’s Magazine»; на титуле имелась и приписка: «Casket and Gentlemen’s united») Грэм встретился с Эдгаром По и пригласил стать редактором издания. Видимо, дела шли не настолько хорошо, как хотелось бы владельцу, и он решил поручить дело тому, кто прежде доказал свою способность содействовать успеху издания. Грэма не остановили инсинуации Бёртона, предостерегавшего нового владельца от сотрудничества с По.

Вообще, судя по всему, Грэм был человек редкий — легкий, незлобивый, обладавший уникальным даром не наживать врагов, не обижаться и не обижать других. Очень характерно: за все

время, что он общался с Э. По, ему удалось ни разу с ним не поссориться, что, согласитесь, весьма необычно. При этом он не был бесхарактерным, всегда знал, что ему нужно, и оказался одаренным бизнесменом.

Известно, что Грэм встречался с По в конце января 1841 года. Тот был еще не совсем здоров, но, видимо, тогда же они оговорили детали и условия его присоединения к предприятию. Судя по всему, будущий редактор извлек уроки из сотрудничества с Уайтом и Бёртоном и обеспечил себе большую степень свободы. Не скрыл он и своих планов об учреждении собственного журнала и, что интересно, встретил со стороны Грэма самую горячую поддержку: тот обещал стать — ни больше ни меньше — совладельцем задуманного издания. Трудно сказать, насколько искренним было заявление Грэма. Скорее всего, вполне: тогда, в самом начале собственного предприятия, он, видимо, испытывал серьезные опасения по поводу его коммерческой судьбы. Эдгар По ему поверил и, как сообщал в упомянутом уже письме Дж. Снодграссу, посчитал «предложение очень хорошим» и «с большим удовольствием» его принял, — но был уверен, что «проект „Пенна“ будет, безусловно, возобновлен в будущем». Последним обстоятельством, вероятнее всего, можно объяснить и то, что По согласился редактировать журнал за сравнительно небольшое вознаграждение: Грэм положил ему годовое жалованье 800 долларов. Это были не очень большие деньги — чуть больше 15 долларов в неделю. В обязанности По как редактора входило вести переписку с авторами, вычитывать корректуру, руководить отделом литературной критики и поставлять соответствующие материалы в каждый номер. Кроме того, писатель обязывался ежемесячно публиковать по рассказу. Разумеется, за отдельную плату, но расценки были назначены небольшие.

20 февраля «дружественная» журналу газета Аткинсона «Сэтеди ивнинг пост» сообщила о «присоединении» нашего героя к Грэму[222]. Первым номером журнала, который готовил По, стал апрельский выпуск — над ним он работал в феврале — марте 1841 года. Так начался самый благополучный в финансовом плане и один из самых плодотворных — в творческом — период в жизни Эдгара По.

Надо сказать, что первый рассказ писателя на страницах обоих журналов Грэма (в последние месяцы 1840 года «Каскет» и «ДМ», хотя и принадлежали одному человеку, существовали самостоятельно и выходили отдельно, но содержание имели «унифицированное») появился еще в декабре. Это был «Человек толпы». Историю эту По сочинил, видимо, для бёртоновского детища, но после «развода» с последним опубликована она не

была, а вместе с бумагами проданного предприятия оказалась в собственности Грэма и, таким образом, очутилась на страницах обоих изданий.

Рассказ не принадлежит к числу самых известных творений писателя и, надо сказать, вообще не привлекает особого внимания. И совершенно напрасно, поскольку иллюстрирует ту работу, что происходила тогда в творческом сознании писателя, показывает, как он двигался от дешифратора-любителя из «Алекзандерз уикли мессенджер», с помощью логического анализа разгадывающего головоломки и криптограммы, к проницательному наблюдателю из «Человека толпы», способному по внешнему облику, повадкам и жестам безошибочно определить социальный статус, характер и профессию человека, и дальше — к Огюсту Дюпену, вооруженному логикой и наблюдательностью, раскрывающему загадочные преступления, полагаясь на так называемый «индуктивный метод мышления» и следуя в своих умозаключениях «от факта к его причине». Так что знаменитый рассказ «Убийства на улице Морг», появившийся на страницах апрельского номера «Журнала Грэма», — прямое следствие увлечения писателя разгадыванием криптограмм и размышлений над природой собственной проницательности.

Вспомним первые строки рассказа:

> «Так называемые аналитические способности нашего ума сами по себе малодоступны анализу. Мы судим о них только по результатам. Среди прочего нам известно, что для человека, особенно одаренного в этом смысле, дар анализа служит источником живейшего наслаждения. Подобно тому, как атлет гордится своей силой и ловкостью и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так аналитик радуется любой возможности что-то прояснить или распутать. Всякая, хотя бы и нехитрая задача, высекающая искры из его таланта, ему приятна. Он обожает загадки, ребусы и криптограммы, обнаруживая в их решении проницательность, которая уму заурядному представляется чуть ли не сверхъестественной».

Не правда ли, похоже на чувства, что, видимо, переживал наш герой, разгадывая присланные ему зашифрованные послания. Он, кстати, продолжил это занятие и в «Журнале Грэма», где опубликовал серию статей, посвященных криптографии, и демонстрировал свои способности к «криптоанализу»[223]. Из адресованных По нескольких десятков криптограмм и затейливо зашифрованных посланий он не разгадал всего одну, да и ту —

потому что считал ее «не имеющей решения»[224]. Брался разгадать возраст и характер человека по автографу (экспериментам в этой области он также посвятил несколько публикаций[225]). Судя по всему, Э. По считал свои способности врожденными и надеялся, что френология (наука, которую он искренне уважал) со временем найдет «шишку», отвечающую и за них. Причем собственные аналитические таланты связывал с художественным даром. Та же новелла в преамбуле содержит вроде бы отвлеченные, но на самом деле принципиальные для писателя соображения о различиях между фантазией и воображением и связи последнего с аналитическими потенциями:

> «Способность к анализу не следует смешивать с простой изобретательностью, ибо аналитик всегда изобретателен, тогда как не всякий изобретательный человек склонен к анализу. Умение придумывать и комбинировать, в котором обычно проявляется изобретательность… нередко наблюдается даже у тех, чей умственный уровень в остальном граничит с кретинизмом… Между умом изобретательным и аналитическим существует куда большее различие, чем между фантазией и воображением… нетрудно заметить, что люди изобретательные — большие фантазеры и что человек с подлинно богатым воображением, как правило, склонен к анализу»[226].

Фантазию, как мы видим, он не считал свойством ценным и редким, а вот воображение, которое для него являлось синонимом художественной одаренности, напротив — уникальным. А потому: «…я не мог не восхищаться неудержимостью и свежестью его воображения», — пишет о своем герое, Огюсте Дюпене, безымянный рассказчик в новелле.

Ну а как он мог не восхищаться? Ведь восхищался-то самим собой: кто такой месье Дюпен, как не «идеальный Эдгар По», наделенный поразительными аналитическими способностями, производными от богатого воображения, для него — синонима таланта?

А. Х. Квин (да и многие другие) полагал, что образ Дюпена возник благодаря знакомству По с мемуарами Видока[227], которые он, конечно, должен был прочитать, поскольку в числе многих американских журналов с сентября по декабрь 1838 года они публиковались также и на страницах журнала Бёртона. Да и имя Видока, как, возможно, помнит читатель, упоминается на страницах новеллы. Впрочем, По был не очень высокого мнения о его способностях и устами Дюпена дал следующую

характеристику:

«У Видока… была догадка и упорство при полном неумении систематически мыслить; самая горячность его поисков подводила его, и он часто попадал впросак. Он так близко вглядывался в свой объект, что это искажало перспективу. Пусть он ясно различал то или другое, зато целое от него ускользало»[228].

Так что если образ знаменитого сыщика как-то и повлиял на рождение Дюпена, то совсем не потому, что По намеревался ему подражать. И тем более не собирался его превзойти. Видок наделен всего лишь умом «изобретательным», то есть вполне заурядным, в то время как Дюпен (читай — его создатель) обладает способностью аналитической, производной от таланта редкостного — богатого воображения.

Ю. В. Ковалев в своей книге о творчестве писателя утверждал: «…главная заслуга По как родоначальника детективной литературы — в том, что он увидел возможность использовать криминальное расследование в качестве предмета беллетристического повествования, в центре которого стоял бы герой-детектив, и первым эту возможность реализовал»[229]. Ученый был, конечно, прав. Но едва ли По сознательно обратился к криминальному событию — нетрудно заметить, что преступление как таковое его не очень интересует, еще меньше он увлечен этапами расследования и тем более фигурой преступника. То есть все то, что в современном детективе выходит на передний план, у По обретается на периферии. «Идея» рассказа заключалась в другом, и писатель вполне определенно ее очертил в своей следующей, так называемой *детективной,* истории, «Тайне Мари Роже»:

«В рассказе „Убийства на улице Морг“ [я] попытался *дать* некоторые *представления* о необыкновенно *оригинальном складе ума* моего друга Ш. Огюста Дюпена… *Я ставил своей целью обрисовать этот ум…*»[230]

Он «стоял у истоков» детектива, но сочинял все-таки не *детектив* в современном понимании этого явления и не ставил перед собой задачи развлечь читателя расследованием загадочного преступления. У него была иная цель — продемонстрировать удивительные способности человека, одаренного воображением, проиллюстрировать его поразительный аналитический дар.

Таким образом, «Убийства на улице Морг», впрочем, как и другие «детективные» рассказы — упомянутая «Тайна Мари Роже», «Золотой жук», «Похищенное письмо», и не детективные — тот же «Человек толпы» и некоторые другие, — точнее было бы

назвать «аналитическими» рассказами. Ведь главное в них отнюдь не расследование, но человек, наделенный могучей силой воображения, его аналитический потенциал.

А как же — «родоначальник детектива»? Что же получается — не по праву Эдгар По носит этот почетный титул? Нет, здесь все в порядке. И владеет он им, конечно, по справедливости. Просто такова природа гения — мимоходом, но щедро разбрасывать зерна поразительных идей и открытий, давать им жизнь, взращивать их. Пожинать плоды и извлекать прибыль от урожая — этим занимаются уже потомки, и часто — как художники менее одаренные. Вроде того же сэра Артура Конан Дойла. Ведь его Шерлок Холмс и доктор Ватсон целиком «вышли» из немногочисленных детективных историй Э. По.

Тем не менее, как бы мы ни назвали новые рассказы — детективными или аналитическими, они прежде всего свидетельство того, что Эдгар По-художник стремительно развивался, не только создавая новые тексты, но активно осваивая и новые художественные территории. В этом русле, конечно, следует рассматривать и новеллу, появившуюся следом, — знаменитую «Низвержение в Мальстрем», опубликованную уже в майском номере; рассказы, появившиеся позднее, в следующих выпусках «Журнала Грэма»: «Остров феи», «Разговор Моноса и Уны», «Не закладывай черту своей головы». К их числу, разумеется, относится и рассказ «Элеонора», вышедший в сентябре 1841 года в ежегоднике «The Gift». Да и как литературный критик По явно прибавил и теперь не «размахивал», как бывало прежде, «критической дубиной», но в основном стремился к более взвешенному восприятию чужих текстов — примером тому многие рецензии и обзоры новинок, что он ежемесячно размещал на страницах журнала.

Движимый в том числе энергией и дарованием Эдгара По (нельзя, как это обычно делается, забывать о других сотрудниках редакции — ведь кроме По был и еще один редактор, занимавшийся в основном техническими вопросами, мистер Петерсон, да и владелец постоянно расширял сеть представителей, продвигавших журнал в других городах; например в Нью-Йорке, где у Грэма было много подписчиков, представителем был его родной брат Уильям) «Журнал Грэма» стремительно развивался, ежемесячно прибавляя по нескольку сотен (а то и тысяч) подписчиков. Уже к концу 1841 года стало совершенно ясно, что издание перешагнуло региональные границы и превратилось в явление национального масштаба. В декабре тираж достиг двадцати пяти тысяч. Среди тех, кто получал и читал журнал, были не только жители Пенсильвании и

Нью-Йорка, но и Бостона, Олбани, центральных и южных штатов, Новой Англии и западных территорий.

Очевидно, что по крайней мере первые полгода (а может быть, и чуть дольше) Э. По сохранял уверенность в том, что мистер Грэм исполнит свое обещание: они создадут общий журнал и станут партнерами. В пользу этого предположения убедительно свидетельствует письмо Дж. Кеннеди, датированное июнем 1841 года, в котором По приглашает последнего сотрудничать в задуманном издании:

> «Мистер Джордж Р. Грэм (житель Филадельфии) и я желаем учредить ежемесячный журнал… Мистер Грэм — юрист, но несколько последних лет занимается издательским бизнесом. Его опыт в журнальном деле велик. Он джентльмен высокого социального статуса и обладает достаточными финансовыми возможностями. Вооруженные исчерпывающими знаниями в этой области, мы сможем утвердиться на этом поприще и вместе преодолеем все трудности, что нас ожидают.
>
> Журнал будет выходить в одну восьмую листа на 96 страницах. Бумага будет самого высокого качества — значительно лучше, чем у „The North American Review“. Шрифт будет новым (всегда новым), ясным и четким. Материалы будут располагаться в одну колонку. Страница будет иметь широкие поля. Не будет гравюр на отдельных листах, а только в тексте — там, где требуется… Цена журнала составит пять долларов за номер.
>
> Полагаю, некоторое время назад я высылал вам проспект „Журнала Пена“, проект этот не состоялся из-за банкротства банка. Название журнала сохранится — как и те идеи, что были изложены…
>
> Главная особенность литературной составляющей журнала будет заключаться в том, что в нем станут эксклюзивно сотрудничать только самые выдающиеся литературные таланты Америки: или, если нам не удастся добиться этого в полной мере, мы ограничимся пятью-шестью наиболее известными именами — не допуская в журнал ничего из других источников, но и из них будем отбирать только лучшее. Мы будем прилагать усилия к тому, чтобы привлечь к постоянному сотрудничеству вас, мистера Ирвинга, мистера Купера, мистера Полдинга, мистера Лонгфелло, мистера Брайанта, мистера Хэллека, мистера Уиллиса, может

быть, еще одного-двух других».

Известно, что тогда же По направил письма сходного содержания Ирвингу, Лонгфелло и другим поименованным писателям[231]. Старт новому журналу писатель предполагал дать 1 января 1842 года.

Судя по всему, По не терял надежды на выход журнала и позднее — в сентябре, когда писал своему другу Дж. Снодграссу:

«Нет ничего невозможного в том, чтобы Грэм соединился со мной для издания „Пенна“. У него есть деньги. Между прочим, а возможно ли начать издание высококлассного журнала в Балтиморе? Нет ли там издателя или некоего джентльмена с приличным капиталом, который смог бы составить мне компанию в проекте и начать издавать журнал в Городе монументов? (Балтиморе. — *А. Т.)*».

По, как мы видим, уже испытывал серьезные сомнения, раз спрашивал своего друга о возможности осуществления проекта в Балтиморе.

Не стоит, однако, спешить осуждать Грэма. Наверняка, когда в начале года он заключал устный контракт со своим редактором, то верил, что такой проект в принципе возможен. И связано это было, скорее всего, с опасениями, что его собственный «Журнал Грэма» окажется не слишком успешным. Вот тогда и может понадобиться «переформатирование». А может быть (не очень прилично подозревать его в этом, но — все же!), талантливый бизнесмен таким образом стимулировал своего сотрудника на энергичную работу — ведь жалованье, как мы помним, он положил ему небольшое. Но в том-то и дело, что реальность превзошла все мыслимые ожидания и тираж издания в 1842 году составил уже 40 тысяч экземпляров. Не беремся судить, насколько велика заслуга в этом непосредственно Эдгара По и насколько — самого Грэма и его агентов, а также других сотрудников журнала[232]. Но в любом случае: зачем «душить курицу, несущую золотые яйца»? Естественно, что такого желания у Грэма не возникало.

Герви Аллен, который не скрывал возмущения вероломством мистера Грэма, с присущим ему блеском описал в своей книге процесс «выемки» пресловутых «золотых яиц»:

> «По утрам мистер Грэм и его супруга, жившие теперь на широкую ногу, подкатывали в собственном экипаже к дому, где находилась редакция, преодолевали три лестничных марша и, оказавшись в своих владениях, принимались разбирать только что доставленную почту, грудой сваленную на столе. Они извлекали из конвертов

банкноты и казначейские билеты, предоставляя отвечать на письма По и его помощникам. Затем с кипами денег в руках оба поспешно отбывали, чтобы как можно скорее обратить их в звонкую монету по самому высокому курсу в лавках менял на соседней улице. Эти набеги, без сомнения, до глубины души возмущали молодого редактора, на чьих плечах лежало основное бремя работы. В течение двух лет утренняя жатва ни разу не разочаровала Грэмов. К июлю 1841 года число подписчиков выросло до двадцати тысяч, что к концу года принесло владельцу журнала 15 тысяч долларов чистого дохода. Впрочем, доля По в этом урожае была крайне мала»[233].

Трудно сказать, откуда Аллен черпал эту информацию. Скорее всего, это результат творческой реконструкции. Едва ли, конечно, эти «набеги» бывали ежеутренними и даже еженедельными, но, скорее всего, регулярными и действительно «ни разу не разочаровали Грэмов». Вполне вероятно, они могли раздражать По, тем более что преуспеяние хозяев никак не отражалось на доходах редактора. Но наверняка сильнее раздражал тот факт, что ему как автору платили куда меньше, нежели «звездам» национальной литературы, публиковавшимся в журнале. Обычно он получал два-четыре доллара за страницу рассказа, пять, максимум десять долларов за стихотворение, в то время как Лонгфелло могли заплатить 50 и даже 100 долларов за поэтический текст. Огромные гонорары имели Ф. Купер, В. Ирвинг, Дж. Полдинг, другие известные и популярные в то время авторы. Изрядные деньги получали и иллюстраторы.

Славился Грэм и своим хлебосольством: обильные пиршества в особняке на углу улицы Франклина и Баттонвуд-стрит с неизменным приглашением сотрудников и авторов он устраивал регулярно. В бытность свою редактором журнала, По участвовал в них постоянно. Кстати, опасаясь, что зять потянется к бутылке, в такие дни его обычно сопровождала миссис Клемм, которая дожидалась своего «Эдди» на кухне. Возвращались они вместе, к тому же матушка неизменно брала с собой корзину, которую наполняла тем, что не сгодилось за «барским» столом. Корзину приходилось нести домой поэту. Пиры, конечно, не могли заменить звонкую монету, но самолюбия По не задевали. Джордж Грэм, повторим, был редкий человек и, видимо, умел так пригласить гостя, что тот не чувствовал себя ущемленным.

Тем не менее с точки зрения бизнеса подход Грэма был совершенно оправдан. В размышлениях по поводу собственного

журнала, явленных в многочисленных письмах, Э. По собирался действовать точно таким же образом: печатать на лучшем оборудовании и бумаге самого высокого качества, хорошо платить авторам, художникам и граверам. Однако очевидно: чем лучше шли дела у Грэма, тем туманнее становились перспективы рождения «Пенна».

Похоже, По отдавал себе в этом отчет. Отсюда — и мысли о возможности издания журнала в Балтиморе. Отсюда же и поиски альтернативной работы — не связанной с журналом и редакторской деятельностью.

Последними он занялся примерно с конца июня 1841 года — усилия в этом направлении фиксируют его письма. Прежде всего, послания Фредерику У. Томасу (1806–1866), с которым он познакомился за год до этого и тогда же — на всю оставшуюся жизнь — подружился. Поскольку тот сыграл определенную роль в жизни и судьбе писателя — они встречались, общались, активно обменивались мнениями, переписывались (сохранилось более пятидесяти их писем друг к другу), — о нем необходимо сказать несколько слов.

Эдгар По заочно давно знал Томаса — приятеля своего старшего брата Генри Леонарда. Людьми они были разными — по социальному статусу, опыту, пристрастиям, но их сближал общий интерес к литературе. Однако, если старший По успел совсем немного, так и не выйдя за пределы вполне дилетантских очерков и рассказов, Томас к своим писаниям относился серьезнее — много работал, постоянно сотрудничал в газетах, писал стихи, песни, малую и большую прозу. В 1835 году в «Мессенджере» Эдгар По довольно нелестно отозвался о первом крупном сочинении Томаса — романе «Клинтон Бредшоу». Но это не помешало им найти общий язык в мае 1840 года, когда они впервые встретились лично в офисе «Ли энд Бланшар», куда последний представил для публикации рукопись своего следующего романа[234].

Хотя Томас и был увлечен словесностью, но, как и большинство современников и соотечественников По, прекрасно понимал, насколько тяжела и переменчива судьба профессионального литератора, и потому предпочитал, чтобы кормило его нечто иное, пусть менее возвышенное, но зато куда более предсказуемое. Так что на протяжении значительной части своей жизни подвизался на чиновных должностях — небольших, невидных, но обеспечивавших средства к существованию. В связи с этим или по некой внутренней склонности занимался он и политикой — был мелким партийным функционером-демократом. Последнее обстоятельство и привело его весной

1841 года в Вашингтон, где он занял небольшую должность в министерстве финансов. В письмах По он весьма подробно описывал тамошнее житье-бытье, в частности, жаловался на безделье, на то, что приходит в офис поздно, занимается чем угодно, а уходит в два пополудни и за это получает тысячу долларов годового содержания. Нашего героя явно впечатлила эта картина и тем более ремарка Томаса, что и он без труда сможет добыть себе в Вашингтоне какую-нибудь должность. И вот в конце июня Э. По пишет своему приятелю:

> «Что касается меня, то, несмотря на безграничную любезность Грэма и неизменную его доброту, моя собственная ситуация вызывает у меня все большее и большее отвращение. Ты правда считаешь, что я смогу сделать то же самое, что и ты? Ты серьезно думаешь, что, если я обращусь к Тайлеру, это будет иметь положительные последствия? Мои преимущества, сказать по правде, совсем невелики. Я — виргинец. Во всяком случае, сам себя я таковым считаю, поскольку всю свою жизнь — за исключением последних лет — я прожил в Ричмонде. Мои политические принципы всегда были — насколько вообще возможно о них говорить — близки существующей администрации, и я всегда выступал за Гаррисона, когда предоставлялась такая возможность. С мистером Тайлером я немного знаком лично — по поводу одного дела, о котором он, скорее всего, забыл. Во всем же остальном я — человек литературы, и место в администрации мне необходимо только для того, чтобы иметь возможность сочинять. Есть ли у меня для этого хоть малейший шанс? Буду очень признателен тебе, если ты ответишь как можно скорее…»

Нашим соотечественникам, вероятно, не очень понятны отсылки поэта к собственному происхождению, упоминание имен Тайлера и Гаррисона. Поэтому необходимы пояснения. Гаррисон — это Уильям Генри Гаррисон (1773–1841), 9-й президент США, а Тайлер — Джон Тайлер (1790–1862), 10-й президент страны. Гаррисон в 1840 году был избран президентом от демократической партии, Тайлер являлся представителем партии вигов (существовала такая партия в Америке первой половины XIX века) и стал вице-президентом. Поскольку Гаррисон президентствовал всего месяц (он простудился во время иннаугурационной речи и умер от воспаления легких), его преемником стал мистер Тайлер. Однако, против ожидания одно-

партийцев, он продолжил политику, провозглашенную предшественником. Поэтому ремарка По важна. Немаловажна и отсылка к виргинскому происхождению. И Гаррисон, и Тайлер тоже были виргинцами, расположены к землякам и с недоверием относились к неюжанам. Непонятно, о каком «деле» говорил По, упоминая о личном знакомстве с президентом. Скорее всего, просто решил покрасоваться перед приятелем.

Как бы там ни было, уже 4 июля он вновь пишет Томасу (тот, наведя справки, ответил «как можно скорее» — уже 1 июля), что был бы согласен на «любую должность» и меньшее жалованье:

«Я был бы счастлив получить какое угодно — почти любое назначение, — даже если мне станут платить всего 500 долларов в год — только бы иметь средства к существованию, независимые от словесности. По моему разумению, конвертировать мозги в звонкую монету, говорю как человек искушенный, самая сложно решаемая задача на свете».

Да, превратить талант в деньги (а под «мозгами» поэт, конечно, подразумевал талант) — вопрос почти неразрешимый. Можно сказать, философский. И Эдгар По постоянно — и безуспешно — терзался им. Впрочем, в этом смысле мало что изменилось за прошедшие почти два столетия: талант, образование, «мозги» — мало ценятся и в наши дни. Едва ли кто не согласится с этим. Впрочем, в ответ на рекомендацию Томаса самому наведаться в Вашингтон и заняться собственным назначением По отвечал:

«Видит Бог, я желал бы поехать в Вашингтон, но, ты знаешь — все та же старая история, — у меня нет денег даже для того, чтобы добраться туда, не говоря о том, чтобы вернуться обратно. Трудная это штука — быть бедным, но поскольку это так, у меня нет оснований жаловаться».

Но причина, скорее всего, была все-таки не в деньгах. Э. По, конечно, раздобыл бы средства, если бы серьезно решил выбрать Вашингтон. Но в том-то и дело, что при всей привлекательности столичной синекуры он явно испытывал сомнения: продолжал надеяться на «Пенн», на Грэма и, конечно, желал сохранить независимость, которой, став чиновником, он бы лишился.

Так что, вероятно, препятствием было не отсутствие наличности. Во всяком случае, данное обстоятельство стояло не на первом месте.

Тем не менее, повторим, время сотрудничества с «Журналом Грэма» оказалось самым благополучным в жизни писателя — как в финансовом, так и в личном плане.

Но всему рано или поздно приходит конец. Закончился и длившийся с февраля 1841 года период стабильности. И

произошло это в обстановке самой мирной — когда, казалось бы, ничто не предвещало катастрофы.

> «Однажды вечером, в конце января 1842 года, в доме По на Коутс-стрит собралось небольшое общество. В камине пылал огонь, и пока Эдди развлекал гостей беседой и чтением вслух, миссис Клемм, за которой ходила по пятам кошка Катарина, хлопотала у большого сверкающего кофейника (ее любимого), готовясь подать немудреное вечернее угощение. Вирджиния, по обыкновению, должна была порадовать собравшихся музыкой. По очень гордился женой, ибо всеми своими скромными светскими совершенствами — умением немного говорить по-французски и петь под собственный аккомпанемент — она была обязана именно ему. Принесли арфу. Вирджиния с большими блестящими глазами на бледном, как воск, лице пробежала легкими детскими ручками по струнам и начала петь. Сейчас как никогда во всем ее облике и движениях было что-то ангельски неземное, вызывавшее у По почти благоговейный восторг.
>
> Голос ее, звонкий и верный, поднялся на несколько нот выше — и вдруг оборвался. Она схватилась руками за горло, и грудь ее обагрилась хлынувшей изо рта кровью. По и все остальные кинулись к ней. Какое-то мгновение казалось, что она умирает. Забрызганный ее кровью По отнес Вирджинию наверх и положил на постель. Пока миссис Клемм готовила холодные компрессы и пыталась помочь дочери простыми домашними средствами, Эдгар бросился за доктором»[235].

Так описал в своей книге трагический эпизод Г. Аллен. Едва ли можно поручиться, что все происходило именно таким образом. Но, скорее всего, биограф не слишком погрешил против истины — история эта хорошо известна: те, кто находился в гостях у поэта, оказались свидетелями произошедшего. Правда, печальный инцидент произошел не на Коутс-стрит, а в доме на Шестнадцатой улице. На Коутс-стрит семейство перебралось только в сентябре 1842 года. Но это уже не очень существенные детали.

Читатель, конечно, помнит болезненных героинь из рассказов-арабесок писателя: сестры или/и жены героев (и/или рассказчиков) мучительно страдают и умирают от странных болезней. Впервые такой персонаж появляется в «Морелле», а

затем в «Беренике». Оба эти текста написаны в 1835 году — в ту пору, когда По боялся потерять Вирджинию и собирался жениться на ней. Затем он возникает в «Лигейе» (1838), оказывается заживо погребенным в «Падении дома Ашеров» (1839), умирает в «Элеоноре» (1841). Легко и вполне обоснованно связать эти образы с совершенно земной женой поэта, поскольку ясно, что их появление — отражение того беспокойства, которое Э. По всегда испытывал по поводу ее здоровья. Современники, которые встречались с ней, отмечали ее почти неземную хрупкость, болезненность, мертвенную бледность кожи. Естественно, это не могло укрыться от поэта и не воплотиться в сюжеты новелл, вызвав к жизни образы болезненных героинь. Начиная с «Мореллы», эти образы будут постоянно будоражить сознание По и населять его арабески почти до самого конца. Но если в текстах, созданных до 1842 года, этот страх за жену-девочку — страх в общем-то умозрительный, то после прискорбного события в январе 1842 года он усиливается, приобретая глубину, яркость и напряженность высокой трагедии. Вполне естественно, что проникает он и в поэзию, рождая шедевры: от «Червя-победителя» к «Ворону», «Улялюм» и «Колоколам» до «Аннабель Ли».

В 1842 году, вскоре после упомянутого эпизода, Эдгар По написал и в апреле того же года опубликовал в «Журнале Грэма» рассказ «Жизнь в смерти», впоследствии переименованный им в «Овальный портрет». Рассказ этот известен широко и принадлежит, несомненно, к числу лучших прозаических творений. История немудрящая, но пронзительная: художник, восхищенный красотой жены, пишет ее портрет, но, охваченный вдохновением и отрешенный от всего, кроме своей работы, не замечает, что по мере того как совершеннее становится его полотно, жизненные силы покидают любимую. Наконец портрет закончен. Но завершение работы знаменует и конец жизни любимой — она умирает. Похоже, писатель винил себя в болезни жены, и это отразилось в рассказе.

Но это — искусство. К тому же потомкам остался портрет — выдающееся произведение. А в жизни — реальность: болезнь жены, которая не просто испугала По, но глубоко его потрясла, погрузила в бездну отчаяния. Рассудок его явно помутился, и на попечении врачей оказался не один пациент, а сразу два. И еще вопрос, чье состояние внушало им больше опасений — молодой женщины, у которой открылся туберкулез, или писателя, впавшего в бредово-исступленное состояние.

Что касается Вирджинии, после приступа она сильно ослабела, ее терзала лихорадка. Но в арсенале врачей имелись средства, способные облегчить состояние больной. Хотя

тогдашняя медицина еще не могла эффективно лечить чахотку, но уже накопила изрядный опыт по части замедления ее развития. Вероятно, предпринимались усилия, чтобы купировать и нервное напряжение у писателя. В то время (тем более в не очень просвещенной Америке) главным средством борьбы с любой болезнью были кровопускания, но некоторые врачи нередко применяли опий — иногда в смеси с табаком — для курения, но чаще — в виде спиртовой настойки — лауданума.

Интересно, что первая редакция «Овального портрета» (еще под названием «Жизнь в смерти» была опубликована в апреле 1842 года) открывалась такими словами:

> «Лихорадка моя была сильна и упорна. Я перепробовал все средства, какие только можно было достать в данной области Апеннин, и все без успеха. Мой слуга и единственный помощник, с которым мы очутились в уединенном замке, был слишком нервен и неловок, чтобы пустить мне кровь, да я и без того немало потерял ее в схватке с бандитами. За помощью я также не мог его послать. Наконец я вспомнил о небольшом запасе опиума… Но тут возникло затруднение: я не знал, сколько его полагается брать на один прием. При курении количество опиума не имело значения. Обычно я смешивал пополам опиум с табаком, набивал трубку и выкуривал ее, не испытывая иной раз никакого особенного действия. Случалось, что, выкурив две трети, я замечал признаки умственного расстройства, которые заставляли меня бросить трубку. Во всяком случае, действие опиума проявлялось так постепенно, что не представляло серьезной опасности. Теперь случай был совсем другой. Я никогда еще не принимал опиума внутрь. Мне случалось прибегать к лауданум и морфию, и относительно этих средств я бы не стал колебаться. Но с употреблением опиума я вовсе не был знаком, так что приходилось действовать наудачу. Впрочем, я долго колебался, решившись принимать его постепенно. На первый раз, думал я, приму совсем мало. Если это не подействует, буду увеличивать дозу до тех нор, пока не спадет лихорадка или не явится благодетельный сон, который так был мне нужен, но уже неделю бежал от моих смятенных чувств. Без сомнения, состояние, в котором я находился, — а я был уже в преддверии бреда, — помешало мне уразуметь нелепость моего намерения устанавливать большие и малые дозы, не

имея никакого масштаба для сравнения…»[236]

В окончательной редакции (1845) этот абзац был автором снят. Но вряд ли тогда появление этих строк было случайным: видимо, лечение было и упомянутые средства применялись. Но едва ли оно было регулярным и успешным: По впал в отчаяние, не контролировал свои действия, следствием стал как никогда тяжелый и продолжительный запой. Наверняка матушка Клемм пыталась вывести своего Эдди из этого состояния, но ей трудно было справиться с двумя пациентами сразу — дочерью и зятем.

Чтобы представить, в каком состоянии находился поэт, есть смысл процитировать еще один фрагмент. На этот раз из его письма, датированного 1848 годом и адресованного одному из друзей:

> «Шесть лет назад моя жена, которую я любил так, как не любил ни один смертный, повредила внутренний кровеносный сосуд, когда пела. Состояние ее сочли безнадежным. Уже навеки простившись с нею, я пережил все муки, которые несла мне ее кончина. Однако ей сделалось лучше, и ко мне вернулась надежда. Через год у нее снова лопнул сосуд. Все повторилось для меня сначала. Потом снова, снова, снова и снова — через разные промежутки времени. И всякий раз, когда к ней подступала смерть, меня терзали все те же муки. С каждым новым обострением болезни я любил жену все нежнее и все отчаяннее держался за ее жизнь. Но, будучи от природы человеком чувствительным и необычайно нервным, я временами впадал в безумие, сменявшееся долгими периодами ужасного просветления. В состояниях совершенной бессознательности я пил — один Господь знает, сколько и как часто. Разумеется, мои враги приписывали безумие злоупотреблению вином, но отнюдь не наоборот»[237].

В периоды «ужасного просветления», как мог, он исполнял свои редакторские обязанности, что-то писал, читал корректуру и даже дважды (в марте 1842 года) встретился со знаменитым Чарлзом Диккенсом, когда тот в ходе своего американского турне на несколько дней задержался в Филадельфии. По взял у него интервью, преподнес экземпляр «Гротесков и арабесок» и даже попросил посодействовать изданию его произведений в Англии.

По, конечно, пытался «взять себя в руки», но получалось это не всегда и — обычно — ненадолго. Неудивительно, что дела его в редакции пошли совсем плохо: он стал небрежен, нередко

появлялся в офисе пьяным. А поскольку в пьяном виде, по воспоминаниям современников, он становился совершенно невыносимым, его визиты парализовывали работу: он мешал сотрудникам, скандалил.

Так продолжалось до апреля 1842 года. И вот однажды, после очередного длительного перерыва, в один из погожих апрельских дней, приведя себя в порядок, абсолютно трезвый (наступил «период ужасного просветления»), он явился в редакцию, намереваясь вернуться к исполнению своих обязанностей. Однако, придя в офис, обнаружил свое место занятым: в *его* кресле, за *его* столом сидел другой человек. Если бы По был пьян, то наверняка устроил бы скандал, но он был трезв и, мгновенно оценив обстановку, не требуя объяснений, повернулся и вышел вон. Так неожиданно, но вполне предсказуемо закончилось его редакторство в «Журнале Грэма».

По мрачной иронии судьбы место Эдгара По в редакторском кресле «Журнала Грэма» занял Руфус Грисуолд (1815–1857), человек, которому суждено было сыграть зловещую роль в судьбе нашего героя — как при его жизни, так и *post mortem* — и с которым нам еще не раз придется встретиться на страницах этой книги.

Хотя нанесенная обида была, конечно, глубока, По не прервал отношений с Дж. Грэмом и не раз впоследствии появлялся в офисе журнала на Чеснат-стрит. Но уже только в качестве автора. «Редакторская» страница в его отношениях с журналом была перевернута навсегда.

В плену иллюзий. 1842–1843

Любого из нас ведут по жизни разнообразные мечты и надежды. Большинство из них оказываются иллюзорными и никогда не сбываются. Но, если серьезно, только они и заставляют куда-то двигаться, к чему-то стремиться, предпринимать разнообразные усилия, совершать поступки. Горизонты наших представлений и притязаний определяют как внешние — социальные и политико-экономические, социокультурные, национальные — факторы, так и внутренние — сугубо индивидуальные склонности и особенности личности. Поскольку закон этот, можно сказать, универсален, приложим он и к нашему герою. Разве что — в связи с тем, что человеком он был незаурядным, к тому же наделенным, скажем так, неординарным воображением, — внутренние мотивации, «личная механика» играли в его случае куда большую роль.

С болезнью жены и уходом от Грэма у Эдгара По начинается новый этап жизни и творчества, который длится около двух лет и завершает филадельфийский период. Он оказался весьма плодотворным в творческом плане, но по-житейски очень тяжелым — одним из самых трудных в судьбе писателя. Его можно назвать периодом больших, но несбывшихся надежд — иллюзий, которые вели поэта, но которым, в том числе и по вине самого Эдгара По, не суждено было исполниться.

Первая и самая большая иллюзия — конечно, надежда на выздоровление горячо любимой жены Вирджинии. Люди той эпохи имели богатый опыт «общения» с чахоткой. Опыт в подавляющей части скорбный: болезнь не жалела ни старых, ни малых, ни мужчин, ни женщин, косила богатых и бедных, хотя среди последних жертв было, конечно, куда больше. Но бывали и чудеса — случались исцеления. Надеялся на чудо, хотя не признавался в этом даже себе, и Эдгар По.

Подчиняясь ритму «ужасных и бесконечных колебаний между надеждой и отчаянием», протекало и почти все дальнейшее существование поэта. Отчаяние погружало в сумеречные состояния, принуждало пить, надежда — окрыляла, побуждала к работе и творчеству. И хотя в унисон «ужасному» ритму развивалась вся дальнейшая жизнь, все-таки «колебания» эти наиболее яростно проявлялись именно в филадельфийский период — слишком свежи были впечатления и потому так остра рефлексия.

Вторая иллюзия была связана с надеждой обрести наконец синекуру, которая смогла бы обеспечить его семье стабильный

доход. По был очень близок к этому — почти достиг желаемого. Но, как увидит читатель, по сути, — сам упустил свой шанс.

И, наконец, третья. Судя по всему, она представлялась самой близкой и досягаемой (и, возможно, была самой желанной), но оказалась самой иллюзорной. Это мечта о собственном журнале, которая так вдохновляла Эдгара По. Но и в том, что и этого не случилось, была изрядная доля его вины.

Впрочем, обо всем по порядку.

14 мая 1842 года в газете «Сэтеди ивнинг пост», которой теперь также владел талантливый мистер Грэм, появилось объявление, что «мистер Руфус У. Грисуолд, джентльмен, известный утонченным вкусом и наделенный талантами», приступил к обязанностям редактора «Журнала Грэма». Немного позднее, уже в майском номере, сообщалось, что «мистер Эдгар А. По вышел из редакции», но журнал желал своему бывшему редактору всяческих успехов и не сомневался, что ему «будет сопутствовать удача».

После первого сильного приступа болезни, после недель ужасной слабости, проведенных в постели, состояние жены пошло понемногу на улучшение. В марте она начала вставать. Тогда же, в марте, Эдгар По сочиняет мрачную историю-арабеску «Маска Красной смерти». Нет сомнения, что цветовую палитру новеллы определила яркая алая кровь, хлынувшая из горла Вирджинии в январе. Рассказ был опубликован в майском номере «Журнала Грэма» — последнем, в выпуске которого принимал участие Э. По.

То есть все говорит о том, что он вышел из пике. Но затем заболел сам. Что это было? Очередной приступ внезапной слабости, что по непонятной причине спорадически обрушивалась на поэта? Или последствия алкогольной интоксикации? По этому поводу информация отсутствует. Однако едва ли на этот раз болезнь длилась долго — потому что уже в апреле Э. По, как мы помним, исполнился решимости вернуться к обязанностям по журналу и наведался в офис. Что из этого вышло, мы тоже помним.

Оказавшись без работы, без средств к существованию, обремененный долгами, в состоянии «ужасного просветления», он вновь пишет в Вашингтон Фр. Томасу, умоляя «срочно подыскать» какую-нибудь должность, иначе он «содрогается» при мыслях о будущем.

Томас, как всегда, оперативен и очень быстро ответил своему другу, что вскоре, вероятно, появится возможность пристроить его на службу в филадельфийскую таможню, поскольку, как он узнал, состав ее намерены сменить и сделают это после того, как будет назначен новый руководитель. Когда имя его станет

известно, Томас переговорит со своим знакомым, Робертом Тайлером, старшим сыном президента, чтобы тот «замолвил словечко».

25 мая Эдгар По ответил Томасу:

> «То, что ты сообщил мне касательно ситуации в таможне, вдохнуло в меня поистине новую жизнь. Едва ли какое-либо иное предложение могло подойти мне более. Если бы мне удалось получить это назначение, я бы смог осуществить свои самые амбициозные планы. Оно покрывало бы все текущие издержки да к тому же оставляло время для размышлений, а замыслов много… Даже если бы жалованья едва хватало на самое насущное, я был бы положительно счастлив. Ты скажешь от моего имени мистеру Тайлеру, как я ему благодарен и искренне признателен за его участие в моем деле?»

В письме Томас, узнавший об отставке своего друга, судя по всему, из объявления в газете, интересовался ее причинами. Вот что ему ответил По:

> «Сообщение о том, что я расстался с компанией Грэма, совершенно правдиво… Наше сотрудничество закончилось майским номером. В будущем, время от времени, я планирую помещать там свои тексты. Мое место занял Грисуолд. Причина моей отставки — несогласие с жеманным характером журнала — с ним я ничего не смог поделать — я имею в виду все эти слащавые картинки, модные фасоны платьев, ноты и истории о любви. Более того, жалованье, что платили, не соответствовало той работе, что мне приходилось выполнять. С Грэмом у нас не было противоречий и непонимания, он на самом деле весьма благородный, хотя и слабохарактерный человек».

Как мы видим, По не открыл приятелю *всей* правды. Но «жеманный характер» «Журнала Грэма» действительно вызывал у него отвращение. Впрочем, те же претензии в свое время имелись у него и к детищу Бёртона. Странно, талантливый и проницательный журналист, неужели он не понимал, что все эти «слащавые картинки, модные фасоны платьев, ноты и истории о любви» — весь этот гламур XIX века — во многом и обеспечивал широчайший круг подписчиков? Тем более что тогда (да и сейчас) женщины составляли большую часть читателей. Трудно себе представить, как *его* журнал обходился бы без всего этого?

Если он считал, что коммерчески успешный журнал можно делать без статей и картинок о моде, без банально-слезливых историй, то — если бы ему удалось осуществить свою мечту — жизнь заставила бы изменить взгляды. В противном случае детище его ожидала бы печальная участь. Ну и, конечно, Э. По явно задело, что Грисуолду Грэм положил оклад больше — тысячу долларов в год. Отсюда и ремарка: «жалованье… не соответствовало той работе, что приходилось выполнять».

Тогда же, в конце мая, воодушевленный открывающимися перспективами, По садится за продолжение «похождений» Огюста Дюпена и сочиняет вторую «детективную» новеллу — «Тайна Мари Роже».

В отличие от вполне умозрительной истории «Убийств на улице Морг», в новом повествовании Э. По, уповая на свои аналитические способности, взялся за разгадку вполне реального, но загадочного для современников события — убийства девицы Мэри Роджерс, случившегося в Нью-Йорке за год до этого, в июле 1841 года. Поскольку преступление так и не было раскрыто (по крайней мере до ноября 1842 года), писатель, основываясь на анализе многочисленных газетных публикаций, решил предложить свою собственную версию. Однако, не желая рисковать репутацией проницательного аналитика и собираясь создать хорошо продаваемый текст (не забудем — ему нужно было кормить семью!), он написал рассказ, событийная канва которого до мельчайших подробностей совпадала с реальными событиями, но действие развивалось не в Нью-Йорке, а в Париже.

Тело 21-летней Мэри Роджерс было обнаружено 28 июля 1841 года неподалеку от Нью-Йорка, в устье Гудзона. При жизни это была красивая, очень живая, кокетливая девушка. Она работала продавщицей в табачной лавке некоего мистера Андерсона и потому была знакома многим местным журналистам и писателям. Они нередко заглядывали в табачную лавку на Либерти-стрит, чтобы не только прикупить табаку, но и пофлиртовать с бойкой красавицей. Поэтому событие оказалось в центре внимания местных газет: они ежедневно публиковали отчеты о расследовании и выдвигали свои версии по поводу личности преступника/преступников и мотивов преступления. Сначала подозрение пало на владельца лавки, но у него имелось алиби, затем на жениха покойной мистера Пэйна, потом на некоего таинственного смуглого красавца-моряка, следом — на ватагу хулиганов и т. д. Но преступление не было раскрыто. Интригу в расследование вносил и тот факт, что за три года до этого, в 1838 году, Мэри уже исчезала, но через неделю вернулась, не рассказав никому (вероятно, кроме матери), где

пропадала.

Вполне возможно, что, если бы к тому времени писатель издавал собственный журнал, он, стремясь увеличить тираж, вероятнее всего, оставил все как есть — и Мэри Роджерс, и других героев истории, и изящно распутал тайну. Но поскольку перед Э. По стояла другая задача, он, взявшись расследовать дело, укрылся за фигурой уже известного читателю Огюста Дюпена, действие перенес во Францию, время — на несколько лет назад. Гудзон стал Сеной, Мэри Роджерс превратилась в Мари Роже, поменяли имена и другие персонажи.

Что характерно: еще не завершив рассказ, По начинает прощупывать почву на предмет публикации и максимально возможного гонорара, пишет в журналы. В письмах он не только не скрывает, но, напротив, специально указывает на источник своей истории, справедливо полагая, что это в его интересах. Например, в письме своему приятелю Дж. Снодграссу (теперь он редактировал еженедельник «Сэтеди визитер» в Балтиморе) от 4 июня 1842 года Э. По пишет:

«Под предлогом описания того, как Дюпен разгадывает тайну убийства Мари, я фактически чрезвычайно скрупулезно исследую реальную трагедию в Нью-Йорке. Не упуская никаких деталей, последовательно анализирую мнения и доводы наших газетчиков по этому делу и показываю (я надеюсь, убедительно), что к раскрытию преступления никто еще и близко не подходил. Газеты пошли по совершенно ложному следу. Я полагаю, что не только продемонстрировал ошибочность версии гибели девушки от рук банды, но и выявил убийцу».

А в конце письма прагматически сообщает:

«…история получается довольно длинной — в „Журнале Грэма“ она заняла бы примерно двадцать пять страниц и, таким образом, могла принести мне сотню долларов, если считать по обычным журнальным расценкам. Конечно, не могу требовать от тебя такого щедрого подарка. Но если тебе захочется опубликовать, я бы смог отдать ее, скажем, за 40 долларов».

Тем же днем он пишет письмо Джорджу Робертсу, издателю журнала «Бостон ноушн», в котором за ту же историю уже просит 50 долларов и среди прочего сообщает:

> «Я только что закончил рассказ, который назвал „Тайна Мари Роже“, — его можно считать продолжением „Убийств на улице Морг“. История основана на убийстве Мэри Сесилии Роджерс, что несколько месяцев назад породило огромное возбуждение в Нью-Йорке. Таким образом, я изобрел нечто совершенно новое в

литературе. Я задумал целую серию подобных историй, действие которых развивается в Париже. Молодая гризетка, некая Мари Роже, была убита при точно таких же обстоятельствах, что и Мэри Роджерс. Я, показывая, как Дюпен (герой „Убийств на улице Морг“) распутывает тайну смерти Мари, в действительности произвожу собственный всесторонний и строгий анализ нью-йоркской трагедии. Воспроизведены все обстоятельства, ничего не упущено. Одни за другими я исследую версии и аргументы, прозвучавшие в прессе, и доказываю, что выводы, к которым пришло следствие, *необоснованны.* Думаю, что на самом деле я не только продемонстрировал ущербность основной версии — что девушка стала жертвой банды хулиганов, — но *указываю на убийцу*, с тем чтобы придать новый толчок расследованию. Тем не менее моя главная задача, как вы, видимо, уже поняли, — разработка верных принципов расследования, которые станут механизмом раскрытия сходных случаев».

Из писем По весны — лета 1842 года известно, что он предлагал свой рассказ чуть ли не десятку разных изданий в Нью-Йорке, Бостоне, Балтиморе. Нет ничего необычного в этом торге. Жизнь профессионального литератора заставляла его быть практичным. Тем более в условиях, когда для него уже не существовало проблем с публикацией: репутация его достигла такого уровня, что он мог выбирать. Проблема заключалась только в размере гонорара.

В конце концов По опубликовал «Тайну Мари Роже» (и, вероятно, получил за нее больше 40 долларов) в журнале У. Сноудена «Лэдиз компэнион» («Snowden’s Ladie’s Companion») двумя выпусками: в ноябре и декабре 1842 года. К этому времени следствие по делу было возобновлено, и уже в ноябре 1842 года установили, что непосредственной причиной смерти несчастной стал криминальный аборт. Виновник — тот самый «смуглый морской офицер», на которого недвусмысленно указывал поэт. По-расследователь оказался прав: все «ниточки» тянулись к моряку — он не убивал, но ребенок был его, он устроил аборт, отвел Мэри к коновалу, а когда несчастная девушка умерла от потери крови, избавился от тела, сбросив его в воду.

Трудно сказать, о какой «целой серии подобных историй, действие которых развивается в Париже», писал По. Скорее всего, такой замысел у него действительно имелся. Но из «серии историй» реализовать он сумел только две — «Золотой жук» и

«Похищенное письмо». Да и то лишь в последней действие развивалось в Париже и на сцене вновь появлялся Огюст Дюпен.

Однако мы забежали вперед. 4 июня, видимо, уже после того, как были написаны оба письма, фрагменты которых приведены, вновь произошло очень печальное событие: ближе к ночи у Вирджинии случился второй приступ кровохарканья. По опять впал в отчаяние. Последствием стали депрессия, помутнение сознания и… пьянство.

Но и в этом мучительном состоянии он продолжал сочинять: именно в дни «помутненного сознания» пишет две пронизанные ужасом новеллы: «Колодец и маятник» и «Сердце-обличитель». Даже если бы обстоятельства их появления на свет не были известны, о них красноречиво скажут первые строки и того и другого произведения.

«Колодец и маятник» начинается словами: «Я устал, смертельно устал от этой затянувшейся пытки…» И хотя речь в рассказе о пытках испанской инквизиции — разве они могли сравниться с мучениями писателя при виде страданий горячо любимой юной жены?

А в новелле «Сердце-обличитель» первые слова — слова человека, сознающего, что разум его помутился: «Я нервен, нервен ужасно — дальше уж некуда; всегда был и остаюсь таким; но откуда вы взяли, что я — сумасшедший? Болезнь лишь обострила мою восприимчивость, а не нарушила, не притупила ее»[238]. Да и сюжет новеллы, повествующей о чудовищном убийстве, внутренний монолог убийцы — всё говорит о том, что не только «герой», но и автор испытывает чудовищные душевные муки. Скорее всего, и это было связано с болезнью Вирджинии.

Тогда же, видимо в конце мая — начале июня, Э. По составляет план-проспект нового прозаического сборника. Он будет называться «Фантастические фрагменты». Писатель включил в книгу все сочиненные к тому времени «гротески» и «арабески». Он полагал, что теперь, когда его известность позволяет без проблем публиковать рассказы в периодике, без труда удастся выпустить и книгу. Подборка составляла тридцать девять рассказов. Сначала По задумал три тома, но потом вычеркнул из списка два еще не опубликованных к тому времени рассказа («Тайна Мари Роже» и «Колодец и маятник») и решил ограничиться двумя томами. Последнее обстоятельство свидетельствует, что проспект составлялся во вполне вменяемом состоянии. В ближайшее время (зная, что «Гротески и арабески» еще не распроданы) По едва ли собирался предложить проект кому-либо конкретно. Скорее всего, размышлял — без особой определенности — в будущем времени. Но очередной приступ

болезни заставил его резко поменять планы. Поэт устремился в Нью-Йорк.

Домашним и знакомым свой отъезд он объяснял некими договоренностями с издателями, в которые — в сумеречном своем состоянии — скорее всего, и сам верил. На самом деле никаких «договоренностей» у него не было. В Нью-Йорк его гнало отчаяние — куда угодно, только бы не видеть страданий горячо любимой, тающей на глазах Вирджинии.

Вокруг визита поэта в Нью-Йорк в двадцатых числах июня 1842 года за прошедшие десятилетия биографических изысканий нагромоздилось немало историй. В том числе весьма живописных. Но фактов, в действительности, совсем немного. Известно, что из своего дома он вышел трезвым, но на борт корабля, отправлявшегося в Нью-Йорк, взошел уже навеселе. Весь недолгий путь из Филадельфии По, говорят, провел на палубе. Следовательно, хорошо проветрился. Вместе с другими пассажирами он сошел на нью-йоркскую пристань. Тут следы теряются. Что он делал последующие несколько дней — можно только предполагать. Вероятно, навещал издателей. Наверняка — занимался поисками работы. Но лучше бы, конечно, он этого не делал, поскольку появился сначала в редакции «Демократ ревью», а затем в офисе «Лэдиз компэнион» в неприлично пьяном виде[239]. Где-то по пути (вероятно, в одной из таверн) он повстречал молодого поэта Уильяма Уолласа[240]. Тот совсем недавно перебрался в Нью-Йорк из провинции и, видимо, бедствовал. По проникся к несчастному пьяной симпатией и тут же, судя по стилистике — на «кабацком» столе, написал письмо в Вашингтон:

> «Мой дорогой Томас,
>
> сыщется ли в мире человек, способный сделать что-нибудь для моего друга У. Уолласа, — пусть это сделает Роб. Тайлер — за счет того, что причитается мне. Используй все свое влияние, чтобы предпринять все возможное. Не существует на свете человека лучше его. Напиши мне сразу же по получении почты. Почему от тебя так долго нет вестей?
>
> Искренне твой,
>
> Эдгар А. По
>
> Уоллас сообщил мне, что подавал прошение о зачислении его в штат по линии консульской службы (в оригинале — *Consulship. — А. Т.)*».

Знакомство с Уолласом было мимолетным. Одаренный поэт и образованный человек (окончил университет и юридическую

школу), он всего на несколько часов задержался в судьбе нашего героя, да и то лишь затем, чтобы спровоцировать приведенное короткое послание. Впоследствии Уоллас вполне преуспел: удачно женился, сделал юридическую карьеру, регулярно публиковался в ведущих периодических изданиях страны. Вполне может быть, что, когда По с семьей перебрался в Нью-Йорк, они встречались, но не переписывались и особой дружбы между ними не случилось. Впрочем, это не помешало нашему герою несколько лет спустя весьма благосклонно отозваться об Уолласе в одной из статей серии «Литераторы Нью-Йорка»[241].

Затем след Э. По теряется. Тем не менее вполне уверенно можно утверждать, что загул его продолжился (скорее всего, без вполне здравомыслящего Уолласа).

25 июня пьяного поэта видят на пароме, курсирующем между Нью-Йорком и Нью-Джерси. По какой-то прихоти он вдруг решил навестить свою давнюю соседку по Ричмонду Мэри Старр (а не пресловутую Мэри Деверо, о чем — весьма живописно — сообщает Г. Аллен[242], а за ним — несколько лаконичнее — и П. Акройд[243]), в замужестве Дженнингс. Предоставим ей слово:

«Он приехал в Нью-Йорк и отправился к мужу на работу, чтобы узнать, где мы живем. Был навеселе и, конечно, позабыл адрес, едва добравшись до парома».

Он пересек реку несколько раз, расспрашивая посторонних людей, пока случайно не узнал его вновь, сообщает женщина.

«Когда мистер По добрался до нашего дома, нас с сестрой не было и он сам открыл нам двери, когда мы вернулись. Мы увидели, что он нетрезв, а затем узнали, что он уехал из своего дома несколько дней назад… Мистер По остался на ужин, но ничего не ел: выпил только чашку чая… Затем он ушел. Через несколько дней после этого меня навестила миссис Клемм, очень обеспокоенная отсутствием „дорогого Эдди“, как она его всегда называла. Она не знала, где он находится, его жена сходит с ума от отчаяния. Я рассказала миссис Клемм, что он заходил навестить меня. Мы начали его искать и наконец нашли в пригородном лесу: он блуждал между деревьями как умалишенный. Миссис Клемм забрала его с собой обратно в Филадельфию»[244].

Похоже, что дома он очутился 29 июня и оправился, видимо, быстро, поскольку уже 30 июня отвечал одному из своих корреспондентов:

«Вернувшись минувшим днем из небольшого путешествия в Нью-Йорк, я обнаружил ваше письмо и вложенный внутрь чек на 20 долларов. Он поистине вдохнул в меня новую жизнь»[245].

Нам неизвестно, в оплату какого текста поступил

упомянутый гонорар. Правда, едва ли именно чек привел его в чувство. Куда более целебное действие на него оказали встреча с любимой женой и заботы преданной тещи. Возможно, не обошлось и без некоторой толики лауданума. Хотя опиум, конечно, и наркотик, но на людей чрезмерно нервных и возбудимых, да еще в таких небольших дозах, влияние его — благотворно. А в XIX веке, особенно в первой его половине, лауданум считали чуть ли не панацеей от нервных расстройств.

А вот что касается финансовой стороны — дела обстояли плачевно. Едва ли не сразу после ухода из «Журнала Грэма» семья (в конце мая 1842 года) съехала из комфортабельного дома на Шестнадцатой улице и перебралась на жительство по новому адресу, который, к сожалению, до сих пор не установлен. Однако понятно, что условия проживания там могли отличаться от прежних только в худшую сторону. Но и на этом месте они не задержались и уже в сентябре переехали на Коутс-стрит, в пригород. И здесь долго пожить не удалось — дом они занимали только до апреля 1843 года и снова переехали, теперь уже поближе к центральной части города (но район все равно считался пригородным), в дом 234 по Седьмой Северной улице, в очередной раз ухудшив жилищные условия.

Фр. Томас по партийным делам посетил в середине сентября Филадельфию и 17 сентября был гостем в доме По:

«Мы встречались с По в сентябре 1842 года. Он жил в сельского вида доме на окраине. Домик его был невелик и неказист, но изнутри вполне удобен. Комнаты были тщательно убраны, в них царил порядок, но буквально все говорило о крайней бедности. Хотя я оказался в доме поздно утром, миссис Клемм, теща По, принялась хлопотать о завтраке. Мое появление, возможно, случилось не вовремя, я заметил, что с продуктами у них совсем плохо».

Слова Томаса не дают исчерпывающего представления о жилище поэта на Коутс-стрит, но общую атмосферу передают точно: семья По жила в крайней нужде, возможно даже голодала.

Немногим больше сведений о последнем адресе Эдгара По в Филадельфии, о домике на Седьмой улице. Там с осени 1843-го до весны 1844 года его часто навещал знаменитый в будущем капитан Томас Майн Рид, тогда начинающий журналист и поэт. Вспоминая о жилище По, он писал:

«Когда я познакомился с По, тот обитал в пригороде Филадельфии, который назывался „Спринг гарден“… Это был тихий и спокойный пригород, известный тем, что здесь в основном селились местные квакеры. Я хорошо помню, что Э. По жил по соседству с одним из них… Тот проживал в великолепном

четырехэтажном строении, сложенном из красивых — цвета коралла — кирпичей, коими так славится Филадельфия, а поэт обитал в маленьком — из трех комнат и чулана — щелястом домике, больше походившем на мансарду. Он был сколочен из досок и жался к боку своего более претенциозного соседа»[246].

Можно представить, каково было там обитать семье поэта, один из членов которой был тяжело болен, — когда нет денег ни на нормальное питание, ни даже на дрова для камина, тем более что зима 1843/44 года, по свидетельствам очевидцев, была на редкость для тех мест суровой — несколько недель не сходил снег.

А о том, что денег отчаянно не хватало и жили они главным образом в долг, свидетельствуют не только современники поэта. Сохранились даже юридические документы, подтверждающие отчаянное положение семейства. Благодаря недавним изысканиям стало известно, что 19 декабря 1842 года окружной суд Филадельфии возбудил дело о признании Эдгара По банкротом. Общая сумма его долгов на основании предъявленных векселей была оценена судом в две тысячи долларов. Состоялись слушания, и 13 января 1843 года суд вынес решение признать По банкротом[247].

Понятно, что долги копились постепенно. И едва ли речь в суде шла исключительно о займах, сделанных поэтом в Филадельфии. Наверняка фигурировали также нью-йоркские, ричмондские и балтиморские долги. Безусловно, учтены были и все «набежавшие» проценты и даже проценты на проценты. В современных долларах США долг составил как минимум 70 тысяч. О чем это говорит? Не только об отчаянном положении, но и об отчаянной непрактичности: занять столько денег, все потратить непонятно на что, не иметь ни движимого, ни недвижимого имущества, да еще угодить в итоге под суд!

Впрочем, во всей этой печальной информации есть одно положительное обстоятельство. Хорошо, что суд состоялся в квакерской Пенсильвании. Если бы Эдгара По судили в Балтиморе, то посадили бы в долговую тюрьму. И сидел бы он там до тех пор, пока не выплатил долг (или пока не нашел поручителя, что едва ли). А квакеры — известные либералы, и, как мы видим, не только религиозные. Они признали его несостоятельным должником (по сути, простили) и отпустили на свободу — разрешили и дальше жить так, как он привык: перебиваться случайными литературными заработками и брать в долг. И это замечательно. Ведь «свобода, — как выразился один наш выдающийся современник, — лучше, чем несвобода». Справедливо. Разве с этим поспоришь?

Однако не стоит упрекать По в безответственности. Он всегда стремился, чтобы его семья не бедствовала (отчасти этим, кстати, объясняются и непомерные долги). Но обстоятельства (наследственность, склад характера, пороки, психофизическое состояние, социально-экономическая модель развития страны и т. д. и т. п.) оказались сильнее.

Тем не менее упомянутая встреча Фр. Томаса с Эдгаром По в Филадельфии в сентябре 1842 года не была праздной. Как свидетельствуют источники, По много рассказывал своему другу о будущем журнале, о планах, с ним связанных. Томас был более прагматичен и сообщал о предпринятых шагах по возможному трудоустройству По чиновником филадельфийской таможни, о предстоящем разговоре по этому поводу со старшим сыном президента Тайлера Робертом и о возможной протекции[248]. Они договорились встретиться на следующий день в конгрессе штата: Томас выступал на партийной конференции и мог представить По будущему таможенному начальству, но наш герой… не явился.

21 сентября, извиняясь за отсутствие, По в письме другу писал:

«Боюсь, ты сочтешь меня необязательным, поскольку я не сумел попасть в Конгресс-холл в воскресенье, и вот теперь пишу, чтобы извиниться. Мое обещание присутствовать [на твоем выступлении] не было пустым, но, возвратившись домой в субботу вечером, я свалился в жестокой простуде с лихорадкой и провалялся весь следующий день. Я слишком плохо себя чувствовал, чтобы отважиться выйти на улицу, но сделал бы это, если бы достало сил…»

Может быть, По действительно простудился, а не был мертвецки пьян, как утверждали его недоброжелатели. Но в результате он пропустил нужную встречу и упустил возможность завести знакомства, которые могли бы помочь получить желанную синекуру.

Но Томас не оставлял усилий, чтобы помочь другу. Ему удалось включить Э. По в список претендентов на должность, когда был назначен новый глава таможенного ведомства, некий мистер Смит. В октябре тот приехал в Филадельфию, чтобы сформировать аппарат местного отделения таможни.

В ноябре По писал своему другу, что трижды встречался с чиновником, но:

«По-моему, он [мистер Смит] издевается надо мной самым безобразным образом. В моем случае не было никакой необходимости изучать мои политические взгляды. Но он принялся допрашивать меня… а затем сообщил, что мы встретимся с ним через три дня, — поклялся мне в этом. Я

пришел к нему, но его не было дома. На следующий день я пришел к нему вновь и виделся с ним, тогда он сказал, что пошлет за мной, когда будет готов дать ответ… причем обнадежил, что он будет положительным. Так вот, прождав почти месяц, когда уже почти все назначения были произведены, я пришел вновь. Он даже не предложил мне присесть и — сквозь зубы — выдавил: „Я *пошлю за вами,* мистер По“, — и это все, что он сказал».

Тем не менее Томас продолжал обнадеживать и в письме сообщил, что подключил «тяжелую артиллерию» — сына президента, Роберта Тайлера. Тот имел беседу с мистером Смитом. Письмо с данной информацией датировано 14 ноября.

> «Твое письмо от 14-го дало мне новую надежду — я обрел почву под ногами, — сообщал По Томасу в письме от 19 ноября. — В тот же день газеты вышли с сообщениями о четырех перемещениях и назначениях. Среди последних я обнаружил имя — *Pogue.* Окольными путями я разузнал, что человека с такой фамилией не существует, что, скорее всего, это опечатка или ошибка репортеров, которые неверно воспроизвели *мое имя,* названное на таможне. Я прождал два дня, ожидая вызова мистера Смита, поскольку он дважды говорил мне, что „вызовет меня, когда назначение состоится“. Однако сегодня, так и не дождавшись знака, я отправился к нему и спросил, нет ли у него добрых вестей для меня. Он ответил: „Нет, я получил указания не производить более назначений“. На это, весьма удивленный, я сказал, что через друзей знаю, что с ним говорил Роб Тайлер. „Кто, вы говорите, со мной говорил?“ — перебив меня, резко спросил он. Я ответил: „Мистер Роберт Тайлер“. Хотел бы я, чтобы ты видел физиономию этого негодяя, — так вот, только между нами, мой дорогой Томас, — этот негодяй сказал: „Я получил указание от *Роберта* Тайлера? Хм! Я получаю указания только от *Президента* Тайлера. И он приказал не производить более назначений по ведомству, и я не буду их производить“. *Сразу же после* этого — я узнал — он *произвел* еще одно назначение».

Сопоставляя ситуацию с современными российскими реалиями, легко найти коррупционную составляющую. Конечно, взятки нередко давали и в Америке XIX века. Так что, может быть, и у пресловутого мистера Смита «рыльце», что называется, «в пушку». Но, скорее всего, По подвела собственная негибкость:

надо было действовать не напрямую, а через того же младшего Тайлера. Но он проявил несдержанность. И оскорбленный мистер Смит уперся. И назначил другого.

Как бы там ни было, неутомимый Томас не оставлял надежд «одарить» своего друга синекурой. К тому же он, вероятно, знал, что в Вашингтоне не очень довольны деятельностью мистера Смита, и потому в письмах зимы и весны 1843 года уговаривал По не отчаиваться, а запастись терпением — руководство сменится и назначение состоится.

Он оказался прав: в первых числах марта 1843 года мистера Смита отставили и заменили другой креатурой президента — неким Кэлвином Блайтом[249]. Тот, судя по всему, несколько иначе отнесся к советам и пожеланиям старшего сына главы администрации демократов. Томас вызвал По в Вашингтон, чтобы он предстал пред «светлы очи» нового главного таможенника и тот произвел долгожданное назначение.

Не мешкая, Эдгар По сел в поезд и отправился в столицу. Но — то ли потому, что визит, увы, не совпал с периодом «ужасного просветления» (Вирджиния переживала очередной приступ болезни), то ли его терзал «бес противоречия» — По, едва сойдя с поезда и поселившись в отеле, немедленно приложился к бутылке. На встречу он пришел навеселе и просто не мог произвести благоприятного впечатления.

Так, несмотря на все старания преданного Томаса и, по сути, по собственной вине нашего героя, рухнула очередная надежда — на синекуру в госаппарате.

Впрочем, домашние, вероятно, и не знали, что он отправляется в Вашингтон за назначением. В то время он уже был охвачен новой идеей, и были все основания верить, что она реализуется.

Собственно, идея была старая — журнал. Но под воздействием новых обстоятельств изменила очертания и обрела, как представлялось Эдгару По, уверенную перспективу в осуществлении.

Впрочем, по порядку.

В январе 1843 года на фоне безусловного успеха, что переживает По как литератор — прозаик и критик, он поделился своими планами (точнее, мечтаниями) об учреждении «Пенна» с Томасом Кларком, издателем еженедельника «Сэтеди мьюзеум», с которым эпизодически сотрудничал. Хотя издание приносило прибыль (да и Кларк был человеком небедным), оно отнюдь не процветало. Возможно, поэтому, а может быть, и потому, что был довольно амбициозен, Кларк воодушевился идеей По и сам предложил партнерство в задуманном издании. Правда, он

высказал суждение, что название «Пенн» имеет откровенно региональный характер, а он, конечно, думал о журнале национального масштаба. Хотя Эдгару По, как мы помним, название и заключенная в нем игра слов очень нравились, он согласился и предложил иное — «Stylus». Оно звучало, правда, не так красиво, но сохраняло некоторую интригу в значении[250]. Оговорили они и дату старта — 1 июля 1843 года.

Томас Кларк брал на себя финансовую сторону проекта, Эдгар По должен был подготовить проспект нового ежемесячника и заняться сбором подписчиков.

31 января компаньоны подписали и первый общий юридический документ: заключили контракт с тогда еще молодым, но уже известным художником Феликсом Дэрли[251]. Тот должен был разработать оригинальный дизайн титульного листа, а также на регулярной основе поставлять «потребное количество… иллюстраций (гравированных на доске или нарисованных на бумаге) собственной композиции самого лучшего качества на сюжеты, предложенные господами Кларком и По; упомянутые рисунки будут использованы для иллюстрации журнала, озаглавленного „Stylus“», но будет их «не более пяти ежемесячно». За это компаньоны обязались выплачивать художнику «по семь долларов за каждую»[252]. Это был серьезный документ: контракт подписали не только Кларк, По и Дэрли, но и юристы. Кстати, одним из тех, кто сочинял важную бумагу, был Генри Хёст — не только поэт и друг нашего героя, но и опытный крючкотвор.

В номере «Сэтеди мьюзеум» («Philadelphia Saturday Museum») за 24 февраля появился и составленный По проспект. Он сопровождался пространной статьей, в которой излагались принципы журнала, его характер, особенности оформления, объем («около ста страниц в одну восьмую листа, с текстом в одну колонку…»). Материал был подписан Т. Кларком — издателем и Э. По — редактором.

В течение месяца известие об учреждении нового журнала напечатали десятки газет и журналов в разных уголках страны. Теперь предстояла работа по формированию списка подписчиков и ангажированию авторов для сотрудничества. За эту давно знакомую для себя работу также взялся Эдгар По. Он писал письма, рассылал проспекты, вступал в переписку с будущими авторами.

Решено было заручиться и поддержкой столичных политических кругов и набрать подписчиков в Вашингтоне. Вот с этой целью прежде всего и отправился туда Эдгар По 8 марта 1843 года.

Кларк снабдил его наличностью, дав 20 долларов.

Ничто не предвещало катастрофы, да ее, скорее всего, и не случилось бы, не заболей Томас. Эдгар По застал своего друга в постели, и тот поручил гостя заботам другого общего приятеля, Джесси Э. Доу (1809–1850). В прошлом флотский офицер, он занимался журналистикой, немножко сочинял, а в то время подвизался на мелкой чиновной должности в палате представителей США[253]. Человеком он был очень доброжелательным, порядочным, не без способностей и искренне симпатизировал Эдгару По. Тем не менее худшую кандидатуру на роль чичероне для нашего героя подобрать было трудно. Настоящий моряк в душе и душа компании, он не мыслил своего существования без спиртного и не обходился без него ни дня. Поэтому нимало не задумывался, что на кого-то алкоголь может производить самое сокрушительное воздействие. Он даже представить не мог, что безобидная пирушка по случаю приезда гостя обернется для последнего трагедией.

Несколько дней спустя он вынужден был написать Томасу Кларку:

> «Вашингтон, 12 марта 1843 г.
>
> Уважаемый сэр!
>
> Считаю своей непременной обязанностью написать вам это поспешное письмо, касающееся нашего общего друга Э. А. П.
>
> Он прибыл сюда несколько дней назад. В первый вечер он казался несколько возбужденным после того, как его уговорили выпить немного портвейна. На следующий день он держался довольно уверенно, однако с тех пор бывал временами совершенно ненадежен.
>
> Своим поведением здесь он ставит себя в уязвимое положение перед теми, кто может очень повредить ему в глазах президента, и тем самым мешает нам сделать для него все, что мы желали бы сделать, прежде чем он возвратится в Филадельфию. Он не понимает политиков и не знает, как с ними следует обращаться, если хочешь получить для себя выгоду. Да и откуда ему знать?
>
> Г-н Томас нездоров и не может сопровождать г-на П. домой. Мои дела и недомогание жены не позволяют мне сделать это самому. Учитывая все имеющие место обстоятельства, полагаю необходимым, чтобы вы приехали сюда, дабы благополучно препроводить его домой…
>
> Торжественно заявляю вам, что пишу настоящее с

полной ответственностью. Г-н По — человек высочайшего ума, и мне нестерпима мысль о том, что он может сделаться жертвой бесчувственных людей, которые, подобно прожорливым моллюскам, хладнокровно подстерегают добычу и безжалостно пожирают все, что попадает в их щупальца…»[254]

Вполне возможно, Томас Кларк не знал, что собираются «сделать» для По вашингтонские друзья и чему тот «мешает». А вот *чем* «мешает», ему было, конечно, совершенно понятно. Но он наверняка смог соотнести послание Доу от 12 марта с письмом По от 11 марта:

«Вашингтон, 11 марта 1843 г.

Мой дорогой сэр,

хочу лишь проинформировать вас, как идут мои дела, — по сути, я до сих ничего не сделал. Мой друг Томас, от которого я завишу, болен. Но, полагаю, через несколько дней он выздоровеет. Однако я и сейчас делаю все от меня зависящее. Я еще не видел Президента.

Расходы мои оказались больше, чем предполагал, хотя экономил на всем. Виной тому болезнь Томаса, и это наполняет меня печалью. Но все идет как надо. У меня есть подписные листы из всех департаментов… Полагаю, мой приезд вызвал настоящую сенсацию, которая пойдет во благо журналу.

Послезавтра я буду читать лекцию.

Роб. Тайлер собирается дать мне свою статью [для публикации].

Отправьте мне почтой десять долларов по получении письма. Грустно, что мне приходится просить у вас деньги. Но будущая выгода покроет ваши траты многократно.

Ваш Эдгар А. По».

Кларк выслал испрошенную сумму. По, скорее всего, эти деньги пропил.

Лекция (вероятно, речь он вел не о «лекции», а о презентации журнала) — не состоялась.

Не очень ясно, существовали в реальности «подписные листы» на «Stylus» «из всех департаментов» или это, как и утверждение, что «все идет как надо», — лишь иллюзия.

15 марта Эдгар По самостоятельно вернулся в Филадельфию. На перроне его ожидала встревоженная миссис Клемм. Сам По, конечно, был обеспокоен письмом Доу и сразу же поспешил к

Кларку, чтобы отчитаться о проделанной работе и развеять его опасения. Нет сведений о том, как и о чем они говорили, но похоже на то, что «командированному» удалось в какой-то степени реабилитироваться.

Как бы там ни было, вашингтонский эпизод серьезно подорвал доверие к По со стороны партнера. Тем более что Кларк был человеком не только искренне набожным (а потому нетерпимым к любым проявлениям порока), но, как утверждала его дочь Анна (эти сведения подтверждает и художник Дж. Сартейн, сотрудничавший с «Сэтеди мьюзеум»), никогда не употреблял спиртного и не выносил запаха табака[255].

Между тем похоже, что после возвращения в Филадельфию По не смог остановиться: в литературных и окололитературных кругах все настойчивее циркулировали слухи о «гибнущем поэте». Об этом заговорили и друзья:

«Эдгар А. По (несомненно, ты знаешь о нем, если не знаком лично) превращается в одну из самых одиозных фигур среди пишущей братии. Он и я — давние друзья. Мы знаем друг друга с мальчишества, и наблюдение за теми превратностями, что он переживает в последнее время, причиняет мне нестерпимую боль. Бедолага! Конечно, он совсем не трезвенник, но я боюсь, он безрассудно движется по пути разрушения — морального, физического и умственного»[256].

Так писал старый друг Эдгара По Ламберт Уилмер в письме другому знакомому нашего героя — Джону Томлину[257] из Джексона, штат Теннесси. Он был искренен в своей тревоге. Но, конечно, не понимал природы пьянства, обнаруживая в нем лишь слабость характера. Томлин и сам был подвержен прискорбному недугу. Но в его случае речь шла как раз о бытовом пьянстве, болезненной тяге к спиртному, алкоголизме. В случае с По, как мы знаем, дело было в ином. Не пьянство являлось источником сумеречного состояния, но, наоборот, болезнь провоцировала пьянство. Понять этого друзья не могли.

Томас Д. Инглиш, воинствующий моралист, принципиальный абстинент и профессиональный врач, наблюдавший По в филадельфийские годы и всячески оберегавший от алкоголя, и тот не смог уяснить природу его отношений со спиртным. В связи с этим нельзя не вспомнить о романе Инглиша «Гибель алкоголика», который он, судя по всему, заканчивал как раз в те майские дни[258]. Считается, что в главном герое автор в сатирическом ключе изобразил поэта. Едва ли стоит говорить о злонамеренной карикатуре: тогда Инглиш еще искренне любил и жалел По, их окончательный разрыв произошел позднее (возможно, не без влияния упомянутого текста), но то, что *modus*

vivendi друга повлиял на сюжет романа, — бесспорно.

Несмотря на то что слухи и толки вокруг имени компаньона достигали ушей Т. Кларка, вплоть до конца мая 1843 года их уговор оставался в силе и Эдгар По продолжал подготовку журнала к выходу. Специально для первого номера он сочинил рассказ «Золотой жук», справедливо полагая, что он произведет настоящий фурор. Вероятно, Кларк все-таки надеялся, что его единомышленник одумается. Не случайно, кстати, он отложил на неопределенное время публикацию упомянутого романа Инглиша: поначалу предполагалось публиковать его с продолжениями с июня. Только в последних числах мая в «Сэтеди мьюзеум» Кларк объявил, что отказывается от планов издавать журнал. Он объяснил свое решение «экономическими трудностями». Понятно, что главная «трудность» заключалась в партнере по предприятию.

Между тем литературная известность По неуклонно росла. Он публиковался не только в филадельфийских и балтиморских изданиях — «Сэтеди мьюзеум», «Гоудиз лэдиз бук», «Лэдиз компэнион», «Гифт», «Журнале Грэма», но и в бостонских, нью-йоркских журналах. Его прозу, стихотворения, критику и публицистику перепечатывали другие газеты и журналы. Регулярно появлялись и отклики на его произведения.

Натаниэль Уиллис — один из влиятельнейших американских журналистов того времени (и самый высокооплачиваемый), откликаясь на появление очередного рассказа Эдгара По, писал, например, 7 января 1843 года в своей еженедельной колонке:

«Сочинение мистера По чрезвычайно живо и исключительно читабельно, настолько, что из материалов номера [журнала] подавляющее число подписчиков прочтут и запомнят только и именно его».

Ему вторил не меньший авторитет Хорас Грили:

«По создал сильное и профессиональное [произведение]… анализ чувств и мотивов обладает поразительной силой… пугающе правдоподобен и живописен»[259].

Оба журналиста отметили один и тот же рассказ — «Сердце-обличитель», опубликованный в первом номере нью-йоркского журнала «Пайонир» Джеймса Р. Лоуэлла.

Кстати, и тот и другой совсем недавно числились среди «врагов» По, поскольку принадлежали к упоминавшемуся выше кружку «никкербокеров». Тем весомее была их оценка.

Несмотря на сложные перипетии и обстоятельства личного характера, публикаторская и творческая активность Эдгара По в этот период была велика. Не без влияния примера Р. Грисуолда, опубликовавшего в 1842 году книгу-антологию «Поэты и поэзия

Америки», он взялся за составление собственной антологии «Поэты и поэзия Филадельфии», публиковавшейся сериально в «Сэтеди мьюзеум». «Второй выпуск» (от 25 февраля 1843 года) он посвятил «себе, любимому»: Г. Хёст написал биографическую статью (полную вымысла и совершенно неправдоподобную), а По подготовил изрядную подборку из шестнадцати своих стихотворений. Причем почти каждое из них он серьезно переработал и исправил.

Интересная подробность: в начале 1840-х годов По совсем не писал и не публиковал новых стихотворений. Последнее он напечатал в «Журнале Бёртона» в январе 1840 года (сочинил, скорее всего, в 1839 году). Это сонет «Тишина» («Есть свойства — существа без воплощенья…»). И с тех пор поэт замолчал, всецело отдавшись прозе. И вот теперь, после трехлетнего поэтического молчания, вновь «сочетался» с музой. И сочинил одно из самых мрачных своих стихотворений — «Червь-победитель»:

Смотри! огни во мраке блещут
(О, ночь последних лет!).
В театре ангелы трепещут,
Глядя из тьмы на свет,
Следя в слезах за пантомимой
Надежд и вечных бед.
Как стон, звучит оркестр незримый:
То — музыка планет.

Актеров сонм, — подобье бога, —
Бормочет, говорит,
Туда, сюда летит с тревогой, —
Мир кукольный, спешит.
Безликий некто правит ими,
Меняет сцены вид,
И с кондоровых крыл, незримый,
Проклятие струит.

Нелепый фарс! — но невозможно
Не помнить мимов тех,
Что гонятся за Тенью, с ложной
Надеждой на успех,
Что, обегая круг напрасный,
Идут назад, под смех!
В нем ужас царствует, в нем властны
Безумие и Грех.

Но что за образ, весь кровавый,
Меж мимами ползет?
За сцену тянутся суставы,
Он движется вперед,
Все дальше, — дальше, — пожирая
Играющих, и вот
Театр рыдает, созерцая
В крови ужасный рот.

Но гаснет, гаснет свет упорный!
Над трепетной толпой
Вниз занавес спадает черный,
Как буря роковой.
И ангелы, бледны и прямы,
Кричат, плащ скинув свой,
Что «Человек» — названье драмы,
Что «Червь» — ее герой.[260]

Но что это была за муза? Уж точно — не Эрато, частая гостья его прежних стихотворений. Быть может, Каллиопа? Или Мельпомена? Эвтерпа или даже Полигимния?[261] Судить о том трудно. Но ясно, что «сочеталась» она с «ужасом души» поэта: поэтический текст был продиктован глубоким разочарованием — тщетой усилий по созданию журнала, тщетой надежд на выздоровление Вирджинии и на «синекуру», тщетности известности и славы.

Развеялись ли питавшие его иллюзии? Вопрос, конечно, риторический. Но — едва ли. Они продолжали направлять и вести — и в жизни, и в творчестве.

Без иллюзий — нет человека и тем более — художника.

Обстоятельства личного и литературного характера. 1843–1844

Последний год Эдгара По в Филадельфии оставляет двоякое впечатление: с одной стороны, это был один из самых тяжелых периодов в жизни писателя и его семьи, но с другой, в творческом плане, — один из самых плодотворных.

В январе 1843 года в «Журнале Грэма» был опубликован «Червь-победитель». В феврале в нью-йоркском журнале напечатана знаменитая «Линор» («Разбит, разбит золотой сосуд! Плыви, похоронный звон! / Угаснет день, и милая тень уйдет за Ахерон»). А в марте — целая подборка изрядно переработанных стихотворений прошлых лет в «Сэтеди мьюзеум». В июне 1844 года, вновь в «Журнале Грэма», появляется еще одно совершенно новое стихотворение Э. По «Страна сновидений» («Вот за демонами следом, / Тем путем, что им лишь ведом…»).

Несмотря на «возвращение» поэзии, проза — в частности новеллистика — продолжала оставаться основным вектором приложения сил художника. В 1843–1844 годах, в дополнение к тому, что опубликовал в предыдущие два года, он напечатал уже упоминавшиеся «Сердце-обличитель» и «Золотой жук» (первый — в январе, второй — в июне 1843 года) да плюс к тому: «Черный кот» (1843, август), «Очки» (1844, март), «Повесть Скалистых гор», «История с воздушным шаром» (оба — 1844, апрель), а в июле — октябре 1844 года сразу пять новелл: «Преждевременные похороны» (июль), «Месмерическое откровение» (август), «Длинный ларь» (сентябрь), «Литературная жизнь Каквас Тама, эсквайра» (сентябрь) и «Ангел необъяснимого» (октябрь). Большинство из них, как знает читатель, принадлежит к числу лучших в творческом наследии автора.

Говорит это, понятно, не только об одаренности прозаика — мы ее не обсуждаем, — но о его работоспособности. Ведь каждый из своих текстов (не только поэтических, но и прозаических) он тщательно «отшлифовывал», взвешивая каждое слово, обдумывая его значение. Важную роль имели не только смысл, тональность, но даже ритм фразы. Понятно, что такая тщательная работа над текстом требовала времени и усилий.

Майн Рид, будущий викторианский романист, а тогда начинающий журналист и поэт, тесно общавшийся с Эдгаром По в его последние филадельфийские месяцы, восхищался его трудоспособностью: «Бывало так, что он на целый месяц запирался в своей хижине, прислонившейся к особняку богатого

квакера, и все свое время посвящал перу и бумаге — упорному труду, за который мало платили»[262].

При всей свойственной ему «расхлябанности» характера в работе над текстами он отличался поражавшей современников сосредоточенностью и аккуратностью, даже педантичностью. Вот, например, свидетельство Феликса Дэрли, несостоявшегося художника «Stylus» и иллюстратора «Золотого жука»:

> «По произвел на меня впечатление человека изысканного, очень сдержанного и чрезвычайно аккуратного; всегда заинтересованный, что было следствием его пытливого, но печального ума. Говорил он тихо и сдержанно, редко улыбался. Я помню, как он читал свои рассказы „Золотой жук“ и „Черный кот“, еще до того как они были опубликованы. Рукопись имела своеобразную форму: он писал на разрезанных пополам нотных листах, склеивая их по короткому краю. Получался длинный рулон, который он плотно сворачивал. По мере чтения он разворачивал его, и длинный конец стелился по полу. Текст был записан четким аккуратным почерком, видимо, совсем без помарок»[263].

Как жила семья По? Очень бедно. Если не сказать — в нищете.

Вот два красноречивых свидетельства людей, которые не были лично знакомы с поэтом и его семьей, но жили по соседству и наблюдали их повседневную жизнь.

Вспоминает девочка — она в школьном возрасте жила неподалеку и ежедневно ходила мимо дома поэта:

> «Дважды в день, на пути в школу и из школы… я проходила мимо дома и летом часто видела их. По утрам миссис Клемм и ее дочь обычно поливали цветы, что стояли у них на окнах. Женщины всегда выглядели радостными и счастливыми; мне слышался смех миссис По до тех пор, пока я не сворачивала за угол. Миссис Клемм всегда была занята. Я видела, как по утрам она мыла окна и чистила крыльцо и даже красила забор. Нельзя было не заметить, как у них все чисто и прибрано. Главную комнату рядом с кухней они сдавали постояльцам… сами, должно быть, спали в комнате под крышей»[264].

А вот свидетельство другой девочки — она жила по

соседству, на той же Седьмой улице:

> «Десятки раз я видела его [По], когда он проходил мимо наших окон, направляясь в город. Он носил испанский плащ: в то время многие надевали их вместо пальто. Меня всегда поражало печальное и задумчивое выражение его лица. Он выглядел значительно старше своего возраста, который мне был известен. Ему было чуть за тридцать, но его можно было принять за пожилого. Для соседей его имя мало что говорило. Только после того, как он уехал в Нью-Йорк и опубликовал „Ворона“, мы узнали, что он писатель. Он, его жена и миссис Клемм были привязаны друг к другу. У них была репутация людей очень бережливых — думаю, из-за их нищеты и большой надежды на успех. Мы знали, что они не платят за квартиру мистеру Элбургеру (владельцу дома. — *А. Т.*)…»[265]

Томас Майн Рид свидетельствовал, что поэт и его жена не отличались практичностью. Они постоянно брали в долг и едва сводили концы с концами. Но, вслед за юными свидетельницами, указывает на особую роль в жизни семьи миссис Клемм: «У них был ангел-хранитель — мать жены поэта, без которой им едва ли удалось бы выжить». Рид восхищался этой женщиной:

> «В хижине рядом с поэтом и его удивительной женой обитал еще один человек. То была грузная особа средних лет совершенно мужеподобной внешности, с лицом и фигурой, мало напоминавшими женскую. Незнакомец был бы поражен — как в свое время был потрясен я, будучи ей представлен: оказалось, она — мать того ангельского существа, что была назначена делить судьбу с Эдгаром По… Когда вы узнавали эту женщину ближе, внешняя ее мужеподобность совершенно растворялась в истинно женской сущности ее характера; перед вами представала одна из тех великих американских матерей, что жили в эпоху укрепленных поселений и домов, которые нужно было защищать; такие женщины выплавляли пули в своих раскаленных докрасна кастрюлях и перезаряжали ружья для своих сыновей и мужей, что вели из бойниц огонь. Такая женщина была тещей поэта По. И если ей не довелось оборонять свой дом от набегов дикарей-индейцев, то сражалась она с едва ли менее безжалостным и неумолимым врагом, победить которого было не легче, — с бедностью. Она

была неусыпным стражем этого дома, борясь с безмолвной, но неумолимо подступавшей нуждой, что с каждым днем становилась настойчивее и ближе. Она была единственной служанкой в доме, но все содержала в чистоте; единственным посыльным, осуществлявшим связь между поэтом и его издателями, и часто приносила холодные ответы: „Статья не принята“ или „Чек будет выдан не раньше такого-то числа“, а ежедневные расходы требовали денег немедленно»[266].

У нас нет оснований не доверять британскому романисту — те, кто жил в городе в это время и знал По и Рида, часто видели их вместе. Довольно часто они появлялись вместе на обедах и ужинах у Т. К. Кларка и обычно вместе же уходили.

Говард Пол, племянник несостоявшегося компаньона По, вспоминал:

«Капитан Майн Рид был одним из близких приятелей По, и когда они встречались за столом у моего дядюшки, а случалось это часто, между ними начинался обмен мнениями и суждениями в совершенно очаровательной, неподражаемой манере…»

Эдгар По считал, «что Майн Рид обладает бьющим через края и исключительно изобретательным воображением — особенно когда рассказывает о своем собственном опыте»[267].

Впрочем, не стоит думать, что По-художник мог относиться к Риду-литератору как к равному. Было бы даже странно, если бы великий поэт, всегда судивший об искусстве «по гамбургскому счету» — невзирая на лица, относился как к равному к версификатору-дилетанту. Можно добавить, что в своих оценках, если дело касалось литературы, По не стеснялся и мог быть жестоким и пренебрежительным и к тем, кто его любил. Судя по всему, Рид помнил это и обижался на покойного даже двадцать лет спустя[268]. Хотя в статье в защиту памяти Эдгара По Томас Майн Рид очень высоко оценивал его как прозаика и говорил, что «его проза по классической чистоте и острой аналитической силе до сих пор не превзойдена в республике литературы», о поэзии великого американца высказал совершенно вздорное суждение: «Не хочу говорить о поэтическом таланте. Сам я никогда не считал его дар великим, тем более что знаю — стихотворение, ставшее краеугольным камнем славы, создано не Эдгаром Алланом По, но Элизабет Баррет Браунинг (английская поэтесса „второго ряда“, жена поэта Роберта Браунинга. — *А. Т.)*. В „Ухаживании леди Джеральдины“ вы найдете оригинал „Ворона“».

Конечно, упрек в плагиате не нов. Правда, современники и

многие потомки поэта указывали иной источник «Ворона» — и мы обязательно об этом поговорим.

Что же касается отношения Э. По к Риду, оно было в основном доброжелательным. Хотя поэт и говорил, «что Майн Рид — колоссальный лгун», но добавлял, что лгун он «исключительно живописно-изобретательный». «Он выдумывает совершенно невообразимые вещи, но делает это так искусно и художественно-убедительно, что я всегда внимательно его слушаю», — с иронией говорил По[269].

После ухода Эдгара По из «Журнала Грэма» материально-бытовые и финансовые обстоятельства жизни семьи постоянно ухудшались. А вот дела литературные, напротив, шли по восходящей, и, хотя для обывателей это было незаметно, его писательская известность росла.

Мы уже отмечали, что теперь у По совершенно не возникало проблем с публикацией произведений. Напротив, он мог выбирать то издание, что заплатит ему больше, и активно этим пользовался, публикуясь то в Филадельфии, то в Нью-Йорке, Балтиморе или Бостоне.

В это время завязываются и укрепляются связи, которые вскоре поспособствуют его отъезду из Пенсильвании. К числу последних, конечно, необходимо отнести сотрудничество с Джеймсом Расселом Лоуэллом и его журналом «Пайонир» — это был серьезный шаг к выходу на общенациональную литературную арену.

Д. Р. Лоуэлл (1819–1891) — яростный аболиционист и один из крупнейших американских поэтов XIX века, в то время еще только начинал свою литературную карьеру, но к моменту знакомства с Э. По уже успел выпустить первую книгу стихов и удостоиться похвалы последнего. Их первый контакт состоялся в ноябре 1842 года, когда По, прослышав о намерении Лоуэлла издавать собственный журнал, написал ему, предлагая сотрудничество. Тот ответил, что почтет за честь публиковать тексты, «пожалуй, единственного *бесстрашного* американского критика». «Я даю вам карт-бланш на публикацию любого произведения — прозаического или поэтического — какого вам заблагорассудится, — отвечал Лоуэлл, оговаривая лишь одно условие: он не станет помещать рецензий, слишком резких по тону и оскорбляющих автора. — Для начала могу предложить вам десять долларов за материал, имея в виду, что буду платить больше, как только финансовое положение [журнала] позволит мне сделать это».

Журнал просуществовал недолго — его «жизнь» закончилась

третьим номером. Но в каждом из них присутствовал материал По. В январском выпуске был опубликован рассказ «Сердце-обличитель», в феврале — стихотворение «Линор», в марте 1843 года — статья «Заметки об английской поэзии».

Журнал прекратил существование из-за финансовых проблем. А они возникли главным образом потому, что Лоуэлл стремился (как в перспективе и По!) издавать «идеальный» журнал.

Казалось бы, «Пайонир» — лишь небольшой эпизод в творческой биографии нашего героя. Но публикации в бостонском журнале привлекли внимание (доброжелательное!) не только уже упоминавшихся маститых Уиллиса и Грили, но и других литературных законодателей из Новой Англии и Нью-Йорка.

И еще две серьезные литературные удачи По в 1843–1844 годах: публикации, вызвавшие широкий резонанс, — новеллистический «микросборник» «Прозаические повествования Эдгара А. По» и рассказ «Золотой жук».

Мы уже отмечали, что «Золотой жук» первоначально предназначался для первого номера «Stylus» — Эдгар По предчувствовал успех. Но обстоятельства — прежде всего финансовые — заставили продать его «Журналу Грэма». За него автор получил 52 доллара. Если иметь в виду изрядный объем текста, мистер Грэм заплатил по низшей ставке — всего два доллара за страницу.

Уже после того, как деньги были получены (и, видимо, потрачены), влиятельная филадельфийская газета «Доллар ньюспейпер» объявила конкурс на лучший рассказ с премиальным фондом 200 долларов. За первое место была назначена премия 100 долларов, за второе — 60 и за третье — 40 долларов[270]. К сожалению, по правилам конкурса претендент мог получить только один приз. Имелись и еще ограничения: «действие истории должно было развиваться в Америке» и рассказ не должен быть слишком коротким. Эдгар По, в полной уверенности, что его новелла получит первую премию, попросил Грэма не публиковать ее. К чести последнего, он не только дал возможность По участвовать в конкурсе, но даже не потребовал вернуть гонорар (По обязался «отработать» и отработал, опубликовав на страницах журнала несколько литературно-критических статей в июле — августе 1843 года).

«Золотой жук» стал третьей (из четырех) «детективной» новеллой писателя. Местом развития сюжета он избрал хорошо знакомый по давней воинской службе остров Салливан, на котором располагался форт Моултри. Должно быть, еще в те времена Э. По не раз слышал истории о якобы зарытом где-то

кладе знаменитого пирата капитана Кидда[271]. Поиском клада и занимается главный герой новеллы Вильям Легран.

Сюжет истории хорошо известен поклонникам творчества Э. По. Стоит, однако, заметить, что, хотя «Золотой жук» и считается детективом, он, пожалуй, дальше иных «детективных рассказов По» отстоит от литературного криминального расследования и ближе к тому, что, собственно, и породило данную модификацию прозы в творчестве писателя, — криптоанализу, которым так увлекался Эдгар По. В рассказе нет ни преступления, ни преступника (если не считать таковым капитана Кидда), но есть приключения героев, раскапывающих клад, и… подробное описание криптографического метода расшифровки путем подстановки. То есть того, чем сам автор занимался много, упорно и с успехом в предыдущие годы.

Ключевой эпизод новеллы — несколько фраз Леграна, объясняющего, как он догадался, что перед ним зашифрованное послание:

> «Эти знаки, конечно, — шифр; иными словами, они скрывают словесную запись. Кидд, насколько мы можем о нем судить, не сумел бы составить истинно сложную криптограмму. И я сразу решил, что передо мной примитивный шифр, но притом такой, который незатейливой фантазии моряка должен был показаться совершенно непостижимым.
>
> — И что же, вы сумели найти решение?
>
> — С легкостью! В моей практике встречались шифры в тысячу раз сложнее.
>
> Я стал заниматься подобными головоломками благодаря обстоятельствам моей жизни и особым природным склонностям и пришел к заключению, что едва ли разуму человека дано загадать такую загадку, которую разум другого его собрата, направленный должным образом, не смог бы раскрыть. Прямо скажу, если текст зашифрован без грубых ошибок и документ в приличной сохранности, я больше ни в чем не нуждаюсь; последующие трудности для меня просто не существуют»[272].

Э. По совершенно не лукавил — в его «практике» действительно «встречались шифры в тысячу раз сложнее». Но он их разгадывал. Поскольку обладал (он был в этом совершенно уверен) «особыми природными склонностями». Легран утверждает: «если текст зашифрован без грубых ошибок… последующие трудности для меня просто не существуют».

Конечно, это сокровенные мысли и слова Эдгара По. Он много раз их произносил, бросая вызов автору любого шифра и головоломки со страниц «Алекзандерз уикли мессенджер» и «Журнала Грэма». И вот нашел адекватную художественную форму для поэтизации собственного увлечения.

Можно говорить, что сюжет новеллы слаб. Что ему не хватает правдоподобия (чего стоит только «случайная» находка пергамента через полтора столетия после событий!), что он «недостаточно кульминирует» и «распадается» на части: вялую экспозицию, динамичную часть — поиски сокровищ и «скучную» — повествующую о процессе разгадки шифра (бьемся об заклад — для По она была самой интересной). Но дело не в художественных достоинствах или недостатках новеллы. Сочинив «Золотого жука», писатель создал «парадигму» — модель с огромным потенциалом для модернизации и дальнейшего совершенствования, из которой вышли и «Остров сокровищ» Р. Л. Стивенсона, и сочинения Р. Бэллантайна, многие сюжеты А. Конан Дойла да и других — давно ушедших и современных западных и отечественных сочинителей.

14 июля газета сообщила решение конкурсного комитета. Как По и ожидал, первый приз в 100 долларов присудили его рассказу. 21 и 28 июля двумя «подвалами» «Золотой жук» был опубликован в газете. По условиям конкурса права собственности на рассказ переходили к владельцам газеты, и уже 23 августа они зарегистрировали свой копирайт. В течение года «Золотого жука» перепечатали десятки газет и журналов по всей стране, что принесло владельцам прав сотни долларов. Их мог получить Эдгар По, но получили другие. Что ж, такова судьба таланта во все времена, и нынешние — не исключение: художник творит, а зарабатывают на нем другие.

Никак не отразился на финансовом самочувствии нашего героя и другой его успех. Вдохновленный фурором, произведенным «Золотым жуком»[273], Уильям Грэм, брат владельца одноименного журнала (и, видимо, по согласованию с ним — он владел правами), выпустил напечатанный в виде памфлета (то есть в самом экономичном формате, без обложки и на дешевой бумаге) сборник под названием «Прозаические произведения Эдгара А. По»[274]. Книжка включала всего два рассказа — «Убийства на улице Морг» и «Человек, которого изрубили в куски», но обложку «украшала» надпись «№ 1» и сообщалось, что перед читателем «сериальное издание».

По утверждениям исследователей, Эдгар По принял непосредственное участие в подготовке издания[275]. В дальнейшем планировались продолжения: № 2, № 3 и т. д.,

которые включали бы самые успешные новеллы писателя. Нет сомнений, что должны были последовать выпуски с «Тайной Мари Роже» и «Золотым жуком». Но задуманное не осуществилось. Что было тому причиной? Разногласия между автором и братьями-издателями? Финансовые обстоятельства? Мы можем только гадать. Но факт остается фактом: несмотря на коммерческий успех предприятия, продолжения не последовало.

Тем не менее резонанс публикаций «Золотого жука» и «Прозаических произведений Эдгара А. По» был велик. Ограниченные объемом книги, мы имеем возможность привести лишь несколько небольших фрагментов отзывов из газет и журналов того времени:

«„Золотой жук“ Эдгара А. По — вещь поразительная, и каждый, обладающий вкусом к литературе, прочтет ее с восхищением».

«„Золотой жук“, удостоенный приза рассказ Эдгара А. По… легко написан, читается с неослабевающим интересом, поражает точностью и силой деталей. Эта одна из лучших историй, созданных По».

«[„Золотой жук“] самое заметное из произведений американской литературы, опубликованное за последние пятнадцать лет».

«Мистер По обладает мощью большей, чем кто бы то ни был из современных авторов, не только потому, что способен создавать самые запутанные тайны, но и разгадывать их».

«Мистер По — человек удивительного и редкостного таланта, его прозаические шедевры не только оригинальны по стилю и замыслу, но, в целом, обладают уникальными достоинствами»[276].

Впрочем, известность, а тем более слава никогда не остаются безнаказанными. Эдгар По имел возможность в полной мере убедиться в правоте этой вечной истины.

> У поэтов есть такой обычай —
> В круг сойдясь, оплевывать друг друга… —

написал в свое время русский поэт Дмитрий Кедрин, подмечая в общем-то характерную для творческого человека — амбициозного, ранимого, вечно сомневающегося в себе — черту. В силу склада характера и темперамента Эдгар По не был склонен к пересудам вполголоса, предпочитая говорить открыто, а еще лучше — на страницах газет и журналов. Но, увы, не был совершенно свободен от этого греха творческой индивидуальности. Правда, к чести нашего героя необходимо

отметить: он никогда не обсуждал житейские обстоятельства того или иного человека, «не переходил на личности» — это его совершенно не интересовало, да и не пристало «виргинскому джентльмену». Он обсуждал творческие аспекты, но был совершенно негибок, порой несправедлив — мог обидеть и даже оскорбить. Таких «жертв» за годы его литературно-критической деятельности накопилось немало. Но, полагая себя если не гением, то чем-то около, существуя — главным образом — среди дилетантов и литературных «пигмеев», он был уверен в своем праве вольно раздавать эстетические щелчки и подзатыльники и потому коллег по цеху в основном не жаловал.

Читатель помнит, что в мае 1842 года Эдгара По на посту редактора «Журнала Грэма» заменил Руфус Грисуолд, «джентльмен, известный утонченным вкусом и наделенный талантами», как сообщалось в редакционном объявлении.

Что касается «вкуса», вероятно, на взгляд мистера Грэма, так все и обстояло: в 1842 году, незадолго до назначения на должность, он выпустил антологию «Поэзия и поэты Америки», и книга эта имела большой успех — ее читали и широко обсуждали. Издание, безусловно, было хорошо знакомо Э. По. И, конечно, по поводу «утонченного» вкуса ее составителя он не мог согласиться с Грэмом: поскольку себя полагал поэтом Америки номер один, а Грисуолд опубликовал только три его стихотворения. При этом миссис Сигурни была представлена семнадцатью стихотворениями, а Чарлз Ф. Хоффман, излюбленная мишень острот и, по мнению По-критика и поэта, совершенно бесталанная серость, аж сорока семью! [277]Больше, чем у По, было стихов в антологии и у Ф. Г. Хэллека, и у Р. У. Эмерсона, Дж. Г. Уиттьера, Дж. Р. Лоуэлла, не говоря о «плагиаторе» Г. Лонгфелло! Но в том-то и дело: Грисуолд был давно дружен с Хоффманом, а как обидишь давнего друга? По поводу «талантов» самого преподобного известно, что он писал стихи, но, думается, даже сам сознавал их ущербность. А вот что касается «джентльменства» Грисуолда, тут уж явное преувеличение. Джентльменом он никогда не был. И доказал это многократно: не только бессовестно оболгав Эдгара По посмертно, но и интригами при жизни поэта. Впрочем, интриговал не только Грисуолд, но и По. Увы, но и последнего нельзя назвать «рыцарем в белых одеждах».

Эдгар По познакомился с Грисуолдом, скорее всего, уже в конце 1840 года, когда тот перебрался из Нью-Йорка в Филадельфию и стал одним из редакторов влиятельной газеты «Дейли стэндард», в которой отвечал за литературную составляющую. Довольно скоро он приобрел репутацию критика

нелицеприятного и даже жестокого. Занятая им принципиально-жесткая позиция импонировала По, и, насколько можно судить по сохранившимся письмам, они быстро стали близкими приятелями. Со стороны По, человека в общем-то довольно открытого, отношение к коллеге, видимо, было вполне искренним. Едва ли это можно сказать о Грисуолде. Похоже на то, что по отношению к своему другу он с самого начала испытывал «комплекс Сальери» и, может быть неявно, но соперничал с ним. Вероятно, не столько в области поэзии (скрепя сердце он, конечно, сознавал превосходство Э. По), сколько в сфере литературной критики, в которой даже попытался превзойти соперника жесткостью оценок.

Он стремился стать непререкаемым авторитетом — вершителем репутаций, своеобразной «истиной в последней инстанции». Это страстное желание и подсказало ему способ достижения цели — составление антологий. «Поэты и поэзия Америки» стала первой из них. Позднее к ней добавились несколько выпусков «Биографического ежегодника», «Жемчужины американской женской поэзии», «Прозаики Америки» и «Поэтессы Америки». Как бы скептически ни оценивали иные американские литераторы (и Э. По в их числе) деятельность Грисуолда-антологиста, но она если и не превратила его в «истину в последней инстанции», то сделала одной из самых значительных фигур национальной литературной критики 1840–1850-х годов.

Объясняя влияние Грисуолда на современную ему американскую словесность, Ю. Ковалев совершенно справедливо отмечал:

«История литературы содержит немало парадоксов. Один из них — огромное влияние, которое приобрел в литературных кругах в 1840-е годы Руфус Гризволд, человек, лишенный вкуса, таланта, творческого темперамента. Дело, по-видимому, в том, что сборники Гризволда были первыми американскими антологиями, а сам он оказался в положении владыки, выдающего „пропуск“ в национальную литературу и, в некотором роде, лицензию на бессмертие. Большие и малые прозаики и поэты искали его расположения и старались всячески ему услужить. К его мнению прислушивались издатели, редакторы и критики. Одобрение или неодобрение „самого Гризволда“ означало многое в литературном мире»[278].

Зерна неприязни к Грисуолду в душе По проросли, скорее всего, когда по воле Грэма тот очутился в *его* редакторском кресле. Тем более что владелец журнала положил преемнику оклад гораздо больший. Поэтому и не смог сдержать раздражения в уже упоминавшемся письме Томасу.

Но все же в раздражении По в отношении коллеги больше было эстетического, литературного, нежели личного, человеческого. Первым прежде всего и следует объяснять появление серии публикаций под названием «Поэты и поэзия Филадельфии» в «Сэтеди мьюзеум». В июне в «Журнале Грэма» и в ноябре 1842 года в одном из бостонских журналов[279] Э. По весьма благосклонно отозвался о детище Грисуолда, но уже в январе следующего года опубликовал первый выпуск своих «Поэтов и поэзии». Скрытая полемика приобрела более явные очертания, когда вышел второй выпуск. Его Э. По «посвятил» себе, включив не только лестный очерк, сочиненный Г. Хёстом, но целых шестнадцать (!) своих стихотворений.

С этого все и началось: в личном общении, в переписке, в газетных и журнальных публикациях они хвалили и восхищались друг другом, а за глаза, в узком кругу, высказывались об оппоненте пренебрежительно.

К чести По, он никогда не говорил о личных обстоятельствах Грисуолда, хотя они были весьма и весьма запутаны и неприглядны: тот сбежал из Нью-Йорка, оставив там беременную жену и двоих дочерей, но в Филадельфии отнюдь не слыл «святым затворником». Но По ограничивался язвительными насмешками и колкостями относительно самомнения приятеля и его поэтических талантов, а также творчества тех персон, к которым тот благоволил.

Грисуолд, напротив, с удовольствием распространял слухи о дурных наклонностях поэта, смаковал подробности его пьяных похождений, сплетничал о странностях поведения.

Отношения их осложнились, когда Эдгар По взялся за чтение публичных лекций. Тем более что темой своих выступлений он также избрал поэзию Америки. Но его оценки и суждения весьма разнились с грисуолдовскими, а на неизбежные вопросы аудитории об антологии он отвечал в основном язвительно.

Может быть, читатели помнят недавний голливудский триллер «Ворон» (2012) с Джоном Кьюсаком в роли Эдгара По. Фильм, конечно, очень далек от реальных событий (да и Кьюсак, хотя и играет, как всегда, хорошо, совершенно не похож на нашего героя), но один эпизод — когда По читает лекцию, весьма правдоподобен и вполне может являть пример удачной реконструкции.

О лекциях По, конечно, необходимо сказать особо. Прежде всего, потому, что начиная с осенних дней 1843 года этот вид деятельности становится важной составляющей его жизни и творчества. Да, мы не оговорились — именно творчества. Ведь многие идеи, позднее реализовавшиеся в его знаменитых работах

«Философия творчества» и «Поэтический принцип», «обкатывались» не только и не столько в тиши рабочего кабинета, но и в общении с аудиторией с лекционной трибуны. Немаловажен и еще один аспект: лекции способствовали росту известности, можно сказать, даже популярности в читающих кругах, поскольку Э. По не только говорил о поэзии, но и читал свои стихотворения.

Вообще для Америки XIX века было совершенно естественно, что писатель общался с читателями не только через книги, журналы и газеты, но и непосредственно — в библиотеках, клубах, колледжах и университетах. Явление это еще ждет своего исследователя, но и сейчас ясно, что оно было очень важным инструментом приобщения американцев к литературе и искусству. Для писателей (известных и не очень) выступления с лекциями становились еще и источником доходов. Много таким образом, конечно, заработать не удавалось, но зато деньги за выступление можно было получить сразу.

Понятно, что Эдгар По обратился к лекционной деятельности вынужденно — причиной являлось тяжелое материальное положение.

23 октября 1843 года на страницах одной из филадельфийских газет была опубликована программа «Института Уильяма Уирта» на 1843–1844 годы. В ней говорилось, что в новом сезоне «институт» предполагает «устроить две дискуссии и провести восемь публичных лекций». В объявлении указывались имена выступающих, темы и даты чтений и среди прочего сообщалось: «21 ноября… состоится лекция г-на Эдгара А. По. Предмет — Американская Поэзия»[280].

Таким образом, дебют По-лектора состоялся 21 ноября. В объявлении, появившемся 18 ноября, сообщалось, что мероприятие состоится «в англиканской церкви на Юлианна-стрит» и начнется в половине восьмого вечера. Кстати, там же указывались и расценки: «Билеты на курс [лекций]: один джентльмен и две дамы — 1 доллар; одноразовые вечерние билеты: один джентльмен и две дамы — 25 центов; разовый вечерний билет на одного человека — 12 с половиной центов».

По удивительному стечению обстоятельств Э. По дебютировал с лекцией в «Институте Уирта» — того самого Уильяма Уирта, который в свое время помог юному Эдгару определиться в университет, а затем стал одним из первых читателей молодого поэта и, таким образом, способствовал его литературному дебюту. Правда, к тому времени, когда По прочитал свою лекцию, самого Уирта давно не было на свете. Но, как мы видим, остался институт его имени.

Не стоит, конечно, пытаться искать аналогии «Института Уирта» среди современных академических учреждений. Он не был «институтом» в современном смысле слова. Это было, скорее, просветительское сообщество — своего рода открытый клуб для тех, кто интересовался литературой, наукой и искусствами. В свое время Уирт оставил завещание, в котором предусмотрел солидную сумму на создание библиотеки и такого клуба. Через месяц после его смерти, в 1834 году, сие учреждение было открыто. Полное его название было «Библиотека и литературный институт Уильяма Уирта» («The William Wirt Library and Literary Institute»). У библиотеки, разумеется, имелось свое помещение. Здесь обычно и собирались члены клуба. Но оно было небольшим, поэтому для лекций и дебатов обычно арендовали залы попросторнее. В том числе церковные. Благо что толерантные квакеры относились к просветительской деятельности весьма терпимо.

Выступление Эдгара По, по сообщениям газет, имело большой успех. «Юнайтед стейтс газетт» сообщала о «сотнях» слушателей и добавляла, что «не все желающие были допущены в зал»[281]. Наверняка газета изрядно преувеличила — не было в Филадельфии церкви, способной вместить «сотни» слушателей. Но выступление было, видимо, и в самом деле успешным: Эдгар По оказался талантливым лектором, умел «держать аудиторию» и обладал риторическим даром.

Едва ли ему удалось много заработать. Но он был рад любому доходу, да и общение с теми, кто слушал, кто ловил его слова порой затаив дыхание, было очень ценно для него как художника, да и как человека, остро нуждавшегося не просто в похвале, но в психологической подпитке, поскольку переживал он очень тяжелые времена.

«Он бродил по улицам, охваченный не то безумием, не то меланхолией, бормоча невнятные проклятия, или, подняв глаза к небу, страстно молился (не за себя, ибо считал или делал вид, что считает, душу свою уже проклятой), но во имя счастья тех, кого в тот момент боготворил; или же, устремив взор в себя, в глубины истерзанного болью сердца, с лицом мрачнее тучи, он бросал вызов самым свирепым бурям и ночью, промокнув до нитки, шел сквозь дождь и ветер, отчаянно жестикулируя и обращая речи к неведомым духам, каковые только и могли внимать ему в такую пору, явившись на зов из тех чертогов тьмы, где его мятущаяся душа искала спасения от горестей, на которые он был обречен самой своей природой…»[282]

Такими словами описывал состояние Эдгара По в последние филадельфийские месяцы Р. Грисуолд в биографии поэта.

Последняя, конечно, полна измышлений, инсинуаций, губительна даже для посмертной репутации. В то же время главный хулитель По действительно был близок в те дни к поэту, наблюдал его, много общался с ним. И даже если знать, что он преувеличил, — все равно картина рисуется удручающая. Остается только гадать, как в *таком* состоянии Э. По продолжал выступать с лекциями[283] и сочинять.

Трудно сказать, какими конкретно обстоятельствами было продиктовано решение Эдгара По покинуть Филадельфию. Возможно, свою роль сыграла депрессия. А может быть, ему представилось, что он исчерпал возможности «американских Афин», удушающий провинциализм которых он тем не менее остро ощущал? Свою роль, безусловно, должны были сыграть контакты в Нью-Йорке и Бостоне, что он наработал за филадельфийские годы. Или — просто устал и остро захотел перемен.

Как бы там ни было, 6 апреля 1844 года он уехал в Нью-Йорк. Начинался новый этап в его жизни. В Филадельфию он еще не раз вернется. Но жить там уже не будет. Посещать — и только.

«Ворон» и другие события. 1844–1845

Переезд в Нью-Йорк, несмотря на очевидную скоропалительность и неподготовленность этого шага, пошел на пользу физическому и психологическому состоянию Эдгара По.

Очевидно, что в последние месяцы в Филадельфии поэт находился в глубокой депрессии и с каждым днем его состояние только усугублялось. Чтобы выйти из него — врачи-психиатры подтвердят, — необходимы длительная медикаментозная терапия (в идеале!) или серьезная встряска. Без «фармакопеи» только она и способна — хотя бы на время! — вывести человека из депрессии. Такой «встряской» для По стала решительная «перемена декораций» — стремительный переезд в Нью-Йорк.

Лучше любых сторонних свидетельств о состоянии нашего героя скажет его письмо-отчет, адресованное миссис Клемм и написанное тотчас после приезда в Нью-Йорк. Ценность его еще и в том, что оно содержит важные сведения бытового характера.

> «Нью-Йорк, воскресное утро,
> 7 апреля, сразу после завтрака.
> Моя дорогая Muddy[284],
> всего лишь минуту назад мы закончили завтракать, и я сразу засел за письмо, чтобы написать тебе обо всем… Самое главное — мы добрались благополучно… Путешествие мы начали в самом добром расположении духа… на поезде добрались до Эмбоя[285], что примерно в 40 милях от Нью-Йорка, затем сели на пароход и на нем проделали оставшийся путь. Сисси [Вирджинию] совсем не укачало. Когда мы подошли к пристани, начался сильный дождь. Перенеся вещи в дамский салон[286], я оставил ее на судне, а сам сошел на берег, чтобы купить зонтик и поискать меблированные комнаты. Мне попался человек, торговавший зонтиками, и я купил один за 62 цента. Затем я прошел вверх по Гринвич-стрит и скоро нашел дом, в котором сдавались комнаты… Несколько минут мне потребовалось, чтобы договориться, потом я нанял экипаж и поехал за Сисси. Я отсутствовал меньше получаса, и она, конечно, удивилась, поскольку не ожидала меня назад так быстро, думала, что мне потребуется не меньше часа. Кроме нее на борту оставались еще две дамы — так что ей не было очень одиноко. Когда мы добрались до места, нам пришлось ждать еще полчаса — пока комнаты

приводили в порядок. Дом старый и выглядит довольно обшарпанным. Владелица — пожилая, весьма общительная дама, отвела нам заднюю комнату на четвертом этаже: семь долларов — день, ночь плюс обслуживание и питание. Ничего дешевле я не встречал[287], имея в виду то обстоятельство, что дом расположен близко к центральной части города. Хотел бы я, чтобы Кэйт [домашняя кошка семьи] могла это увидеть — ей бы понравилось. Вечером, на ужин у нас был самый замечательный чай, что мне удалось когда-либо пить, — крепкий и горячий, пшеничный и ржаной хлеб, сыр, пирожные к чаю (очень симпатичные), большое блюдо (две тарелки) замечательной ветчины и еще две — холодной телятины, выложенные большой горкой и крупными ломтями, три тарелки печенья — и все это в изрядном разнообразии. Владелица не похожа на человека, который будет нас слишком прижимать, и мы чувствовали себя как дома. Она живет с мужем — толстым добродушным стариканом. Кроме нас здесь еще восемь или десять постояльцев — две или три из них леди и двое слуг. На завтрак у нас был замечательно сваренный кофе — горячий и крепкий, сливки, правда, не очень густые и в недостаточном количестве, а также телячьи котлеты, отличная ветчина и яйца, чудесный хлеб и масло. Никогда не доводилось вкушать завтрак обильнее и вкуснее. Очень жаль, что ты не видишь эти яйца и огромные блюда с мясом. Впервые поел [от души] после того, как покинул наш чудесный маленький домик. Сис — восхитительна, и мы оба пребываем в прекрасном настроении. Ее почти не укачало, и не было ночного пота. Сейчас она занята починкой моих брюк — я разорвал их, зацепившись за гвоздь. Вчера вечером выходил [в город] и купил моток шелковых ниток, моток обычных, две пуговицы, пару [домашних] тапочек и оловянную плошку для плиты. Мы не гасили огня [в печи] всю ночь. У нас осталось четыре с половиной доллара. Попытаюсь занять три доллара, так что завтра вечером собираюсь выйти. Я чувствую себя замечательно и не пил ни капли — надеюсь продолжать в том же духе и таким образом избавиться от напасти. Очень скоро соберу деньги и отправлю тебе. Ты не можешь себе представить, как сильно нам обоим не хватает тебя. Сисси очень плакала минувшей ночью, потому что тебя и Катерины (кошки. — *А. Т.)* нет с нами. Мы собираемся

снять две комнаты — как только сможем. В настоящее время едва ли возможно устроиться лучше, чем сейчас. Похоже на то, что все складывается наилучшим образом… Мы надеемся, что ты сможешь приехать *очень* скоро».

Вот такое письмо, ни прибавить, ни убавить — все ясно. И ужасающая бедность, и любовь, и надежда на скорое воссоединение.

Кроме того, видно, что «встряска» состоялась и По выбрался (хотя бы на время) из своего депрессивного состояния.

Но миссис Клемм осталась в Филадельфии не только потому (такое впечатление может сложиться из письма), что у семьи не хватило денег на общий переезд. Хотя имущества после банкротства и переездов у них оставалось немного, необходимо было избавиться и от того, что можно было продать, обратить в наличность. Прежде всего книги, которыми, где бы ни жил, По всегда «обрастал». Это сейчас книги могут восприниматься как обуза. Но в ту эпоху они были, во-первых, весьма дороги, а во-вторых, это был вполне ликвидный товар — книг не хватало. Поэтому миссис Клемм занималась и этим.

Кстати, с продажей книг вышла серьезная неувязка. Среди собственных книг По в его доме оказался переплетенный годовой (или полугодовой?) комплект «Сауферн литерари мессенджер» (за какой год — неизвестно), который он взял почитать у Хёста, но подшивка принадлежала не ему, а некоему господину Дуэйну. В письме есть приписка (мы ее опустили): «вернуть „Мессенджер“ Хёсту». Но миссис Клемм то ли не придала этому значения, то ли было уже поздно и все книги оказались проданы (?) оптом букинисту, но названный господин подшивки лишился и потом долго донимал По просьбами, а затем и требованиями вернуть ее. Эпизод, конечно, но эпизод неприятный. Добавивший негатива к образу поэта и пищи для пересудов недоброжелателей.

А «дорогая Мадди» воссоединилась с семейством примерно через месяц — в первых числах мая 1844 года, когда смогла закончить все хлопоты с реализацией имущества.

К тому времени дела стали налаживаться. Меньше чем через неделю По оказался в центре сенсации, связанной с публикацией «Истории с воздушным шаром».

А предыстория ее такова. В июне 1843 года филадельфийская газета «Spirit of the Times» опубликовала письмо известного в то время воздухоплавателя Джона Уайза, в котором он извещал о своих планах летом следующего года совершить трансатлантический перелет. Сообщение не прошло

незамеченным и, что называется, «зацепило» Эдгара По. Он решил сочинить историю, стилизовав ее под «репортаж с места событий». Такой опыт у него уже имелся: в свое время в подобном ключе он написал «Приключения некоего Ганса Пфааля» и уже упоминавшийся «Дневник Джулиуса Родмена».

Можно ли утверждать, что писатель с самого начала ставил перед собой задачу одурачить читателя? Судя по всему, ответить на этот вопрос следует положительно. Не случайно свою историю он принес в газету «Сан» («The Sun»), которая однажды уже проделывала такой трюк. В 1835 году была опубликована сенсационная история подвизавшегося в газете английского журналиста Ричарда Локка, который, ссылаясь на знаменитого астронома Джона Гершеля, «надул» читателей сообщением, что на Луне обнаружена цивилизация, подобная человеческой, и подробно описал внешний вид и повадки лунитов. Истории поверили, новость широко обсуждали и… покупали газету!

Судя по всему, уже через день или два, после того как По и Вирджиния прибыли в Нью-Йорк и обосновались в меблированных комнатах в Гринвич-Виллидж, наш герой отправился к редактору «Сан» Мозесу Бичу и изложил ему проект. Тому идея понравилась, и он без промедления купил историю для своей газеты.

Почему Э. По отправился именно в «Сан», а не в какое-либо иное издание? Ответить несложно. Эту ежедневную утреннюю нью-йоркскую газету можно считать прообразом современной бульварной («желтой») прессы. Это был «таблоид XIX века», в котором помещалось много рекламы, объявлений, а основу новостного блока (да и основное содержание) составляли истории о самоубийствах, пожарах, судебных тяжбах, скандальных разводах, убийствах, грабежах и иных преступлениях, происходивших в городе. Газета специализировалась на сенсациях. Сенсацию предложил и По.

История о воздушном шаре вышла 13 апреля 1844 года специальным выпуском и вызвала всеобщий ажиотаж в городе.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ!
СПЕЦИАЛЬНЫМ КУРЬЕРОМ ЧЕРЕЗ НОРФОЛК!
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН ПЕРЕСЕЧЕН ЗА
ТРИ ДНЯ!
ВЫДАЮЩИЙСЯ ТРИУМФ ЛЕТАЮЩЕЙ МАШИНЫ МИСТЕРА МОНКА МЕЙСОНА!

Приземление на острове Салливан
около Чарлстона (Южная Каролина)
гг. Мейсона, Роберта Холланда, Хенсона,
Харрисона Эйнсворта и четверых других
НА УПРАВЛЯЕМОМ ВОЗДУШНОМ ШАРЕ
«ВИКТОРИЯ»
ПОСЛЕ СЕМИДЕСЯТИ ПЯТИ ЧАСОВ ПОЛЕТА ОТ БЕРЕГА
ДО БЕРЕГА
ВСЕ ПОДРОБНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ!!!

С таким заголовком, набранным крупным шрифтом, и под таким названием — специальным отдельным выпуском — и вышла газета.

Впрочем, предоставим слово самому Эдгару По, который поделился своими впечатлениями от этой истории в газете «Columbia Spy» 25 мая того же года:

«„История с воздушным шаром“ наделала изрядного шума и произвела сенсацию — подобную той, что в свое время устроила „Лунная история“ Локка. В субботу утром после объявления [в утреннем номере газеты] вся площадь возле здания „Сан“ была забита народом — редакция оказалась в осаде — ни вход, ни выход были невозможны. Началось это с раннего утра и продолжалось примерно до двух часов пополудни. В обычном субботнем выпуске сообщалось, что новость только что получена, специальный выпуск готовится и поспеет к десяти часам утра. Тем не менее его не доставили по крайней мере до полудня. Когда же это случилось, мне никогда прежде не доводилось наблюдать подобного возбуждения в стремлении обзавестись газетой. Как только первые экземпляры появились, все бросились их покупать по любой цене у мальчишек-разносчиков, а те, конечно, этим немедленно воспользовались и взвинтили цены. Я сам видел, как один господин уплатил полдоллара за газету при обычной цене в 12 центов. Целый день я пытался раздобыть и себе экземпляр, но тщетно»[288].

История, как мы видим, наделала изрядного шума. Но в ту эпоху, когда чудеса буквально «носились в воздухе» и изобретатели что ни день поражали современников все новыми и новыми устройствами, а ученые и исследователи — удивительными, даже революционными открытиями, новость о пересечении Атлантического океана хотя и была встречена с энтузиазмом, но совершенно не выглядела неправдоподобной. Все-таки было у По особое чутье, особый журналистский талант

на сенсацию. Из этого таланта и родились многие рассказы-гротески, а «История с воздушным шаром» оказалась самой успешной из них.

Но упомянутый гротеск, конечно, не просто удачная литературная мистификация. Нередко, говоря о значении Эдгара По для мирового литературного процесса, мы прежде всего указываем на его заслуги в создании детективного жанра и не особенно задумываемся о других его — бесспорных — новациях. И уж тем более не рассматриваем в этом качестве «Историю с воздушным шаром». А зря. Ведь вся позднейшая «технологическая фантастика» Жюля Верна и Герберта Уэллса источником своим, по сути, имеет эту литературную мистификацию. Во всяком случае, сама схема, «модель для сборки», была впервые придумана и с успехом опробована Эдгаром Алланом По. Только потом, через много лет, появились «20 000 лье под водой» и «Робур-завоеватель», «Война в воздухе» и «Машина времени».

В Нью-Йорк По явился с изрядным запасом сюжетов. Какие-то из них (вроде упомянутого рассказа) были уже написаны, какие-то начаты и нуждались в доработке, иные существовали в замыслах, и он воплощал их уже в Нью-Йорке. На новом месте все они пошли в дело. В первые нью-йоркские месяцы По активно печатается в разных журналах: его репутация высока, и он не испытывает сложностей с публикациями[289]. Тем не менее того, что он выручал за свои произведения, едва хватало на самое скромное существование.

В мае удалось перевести из Филадельфии «дорогую Muddy». Семья увеличилась, и пришлось снять дополнительную комнату — в том же пансионе на Гринвич-стрит. Чтобы свести концы с концами, По взялся за журналистскую работу для небольшого еженедельника из города Колумбия, Пенсильвания, — подрядился еженедельно поставлять «письма» из Нью-Йорка с повествованием о здешнем житье-бытье: провинциальному обывателю было интересно, что творится в Городе грехов[290].

В поисках денег сотрудничал он и в других изданиях, сочиняя статьи и литературные обзоры для «Public Leader», «Dollar Newspaper», «Evening Mirror», «Godey's Lady's Book» и иных. Несколько текстов пристроил в «Журнал Грэма», а один рассказ-гротеск («Литературная жизнь Каквас Тама, эсквайра») — даже в старый добрый «Сауферн литерари мессенджер». Тот давно уже не процветал. С уходом По и со смертью Т. Уайта (в 1843 году) звезда его быстро закатилась.

Тем временем разгоралось лето — жаркое, душное, тяжелое — в уже тогда грязном, пыльном и скученном городе. По — отчасти из-за вечной нехватки денег, отчасти по давней привычке

— передвигался по городу пешком. И вот однажды забрел (во всяком случае, таково предание) в верхнюю часть Манхэттена — тогда еще пригород Нью-Йорка, и в районе между современными Бродвеем, Амстердам-авеню и 84-й улицей обнаружил прелестную уединенную ферму, в которой обитало семейство Бреннанов. Жили они выращиванием овощей, фруктов и цветов, их продажей в Нью-Йорке. А поскольку уже в то время многие ньюйоркцы старались на лето покинуть раскаленный город, сдавали и комнаты. Дом у них был большой и просторный. По, прекрасно понимая, как тяжело будет больной Вирджинии в летнем городе, уговорил фермеров сдать часть дома на лето. Тогда же они и переехали.

Естественно, усадьба Бреннанов не сохранилась. Бурно развивавшийся и постоянно расширявший свои пределы мегаполис довольно быстро поглотил и ее — как сотни других окрестных ферм. Но существует описание дома и участка перед ним, которое дает представление о том месте, где По и его семья провели один из наиболее спокойных периодов своей жизни.

«Довольно большой дом был построен в весьма распространенном когда-то колониальном стиле. Сбоку к нему примыкала более низкая постройка. Над домом и пристройкой торчали две невысокие, сложенные из кирпича печные трубы… Ведущая от калитки дорожка бежала мимо наполняемого каким-то ручейком маленького пруда, на берегу которого часто останавливали свои фургоны возчики, чтобы немного освежиться и отдохнуть. Дом и надворные постройки лежали в глубокой тени вековых деревьев, а над крышей поднималась одинокая плакучая ива…

Комната миссис Клемм находилась на первом этаже. По и Вирджиния поселились в мансарде; под ней находился кабинет По с большим камином, украшенным резной облицовкой; одна дверь выходила в коридор, другая на Блумингдейлскую дорогу»[291].

Эдгару По там очень понравилось, он называл это место «райским уголком», хотя, по словам одного из современников, тамошние места представляли собой «каменистую пустошь, поросшую кустарником и чертополохом, с редкими, одиноко стоящими фермерскими домами»[292]. А. Х. Квин полагал, что на единственное стихотворение, написанное в 1844 году в Нью-Йорке — «Страна сновидений», Э. По вдохновили как раз ландшафты этого уголка на берегу Гудзона[293].

По озерам, что простерты
В бесконечность гладью мертвой,

Где поникшие застыли
В сонном хладе сонмы лилий,
По реке, струящей вдаль
Вечный ропот и печаль…[294]

Что ж, во всяком случае, поэтический пейзаж не вступает в противоречие со свидетельством современника.

Но По здесь было хорошо, покойно. И косвенно это подтверждает тот факт, что миссис Бреннан, хозяйка фермы, была воинствующей абстиненткой. Следовательно, поэт, живя на ферме, избегал спиртного.

Здесь, в «кабинете с большим камином», был закончен знаменитый «Ворон». Кстати, у Г. Аллена имеется и описание кабинета:

«До По ее [комнату] занимал другой постоялец Бреннанов, француз, служивший в армии Наполеона и отправившийся в изгнание после падения Первой империи. Стены были обтянуты тяжелыми драпировками в стиле ампир и увешаны французскими гравюрами с изображением батальных сцен; немного громоздкая, обитая маркизетом мебель, книжный шкаф, прямоугольный письменный стол, стенные часы. Из двух небольших окон с квадратными переплетами и старинными толстыми стеклами открывался вид через Гудзон на Нью-Джерси. На прибитой над дверью полке стоял бюст беломраморной Паллады»[295].

Отсюда биограф делает вывод, что строки «Ворона» «запечатлели некоторые предметы обстановки этой комнаты». Что ж, может быть, он и прав, но кто поручится, что обстановка была именно такова? Ведь Аллен не имел возможности увидеть ее воочию. Однако, вне зависимости от этого, судя по всему, именно в этом кабинете происходила окончательная отделка стихотворения. На «Блумингдейлскую дорогу» поэт явился уже с готовым вчерне «Вороном».

Нет необходимости анализировать и подробно рассказывать о стихотворении, прославившем поэта в веках. За автора настоящих строк это давно сделали другие. Да и сам создатель «Ворона» подробно, шаг за шагом, раскрыл в «Философии творчества»[296] «механику» рождения стихотворения, рассказал, как он двигался от замысла к воплощению, как продумывал и выстраивал художественную идеологию сюжета, создавал атмосферу произведения, выверял его ритм, интонацию и эффекты.

Правда, среди исследователей бытует почти единодушное мнение: «Ворона» По писал по-другому, совсем не так, как изложил в своей статье. Это было ясно уже многим

современникам, понятно и потомкам. Вот что Ю. В. Ковалев писал по этому поводу:

«Одни восприняли статью как розыгрыш (hoax), другие увидели в ней попытку создать идеальную схему творческого процесса, третьим казалось, что „Философию творчества“ следует рассматривать как литературное произведение „на тему“, в котором все придумано».

И приводит в пример Т. С. Элиота, выдающегося английского поэта XX века, который «писал, что, анализируя собственную поэму, По либо разыгрывал читателя, либо обманывал сам себя, изображая процесс написания поэмы именно так, как ему хотелось бы, чтобы она писалась».

Исследователь делает следующий вывод:

«Вероятно, истина лежит где-то посередине. Можно не сомневаться, что По написал „Ворона“ не так, как поведал о том в статье. Но и розыгрыш читателя едва ли мог быть его целью. По-видимому, он просто избрал подобную форму, чтобы изложить некоторые взгляды на творческий процесс, и творческую историю „Ворона“ использовал по той причине, что поэма при выходе наделала много шуму и приобрела колоссальную популярность»[297].

Убежден, что статья была написана не только для того, чтобы «изложить некоторые взгляды на творческий процесс» (хотя, конечно, и для этого), но и дабы привлечь дополнительное внимание к «Ворону» и таким образом умножить его популярность и добавить известности создателю. Да и некоторый элемент столь любимого По «надувательства» читающей публики исключать не будем. Что же касается рассудочного характера стихотворения — едва ли стоит его отрицать. «Страсть — враг поэзии», — утверждал По. И, видимо, был совершенно искренен, когда заявлял: «…[поэт] должен приступать к своему труду в том душевном состоянии, в котором работает расчетливый мастер, способный думать о поставленной цели и о наиболее экономных способах ее достижения»[298]. Во всяком случае, нет поводов сомневаться в том, «что ни один из моментов его [стихотворения] создания не может быть отнесен на счет случайности или интуиции, что работа, ступень за ступенью, шла к завершению с точностью и с жесткою последовательностью, с какими решают математические задачи»[299].

Замысел «Ворона» вызревал у По постепенно. Его неосознанные контуры возникли у поэта, видимо, еще в начальную пору редакторства в журнале у Бёртона, когда он подружился с Генри Хёстом — тот был орнитологом-любителем, держал у себя дома ворона и, вероятно, немало интересного

порассказал об удивительной птице. Похоже, что замысел окончательно оформился летом 1843 года, когда поэт непродолжительное время лечил нервы на водном курорте в Саратога-Спрингс. Там он познакомился с четой неких Бархайтов. Энн, супруга мистера Бархайта, сочиняла стихи и среди прочих сочинений дала По на отзыв как профессионалу стихотворение под названием «Ворон»[300]. Кстати, в связи с этим обстоятельством Эдгара По впоследствии (еще при жизни) не раз упрекали в плагиате.

Конечно, в отношении художника данный упрек звучит довольно странно. В таком случае поэта легко упрекнуть в плагиате у Байрона, Кольриджа, Шелли, Теннисона, не говоря о Гофмане, Бульвер-Литтоне и Диккенсе; он «заимствовал» даже у собственного брата — Генри Леонарда По. А что в таком случае скажешь о Жюле Верне, Уэллсе, Стивенсоне и тысяче других замечательных авторов? В связи с этим на память неизменно приходят ахматовские строки: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда…» Так и замыслы — рождаются из множества случайных, мимолетных впечатлений, бессознательных аллюзий и реминисценций, слов, фраз, прочитанных книг, в том числе и текстов, написанных на близкую тему. Сходные мысли По развивает в статье «Новеллистика Натаниэля Готорна» и в «Marginalia». В той же «Философии творчества» он мимоходом обмолвился: «Тему дает или история, или какое-то злободневное событие, или… автор сам начинает комбинировать разительные события…»[301]

Там же он размышляет и об оригинальности, определяя ее как «способность тщательно, спокойно и разумно комбинировать». Так и родился «Ворон» — абсолютно оригинальный текст — комбинацией хорошо известных, если не сказать банальных, слагаемых. Собственно, в этом и заключается привилегия гения: сложить нечто совершенно новое и поразительное из в общем-то привычного — по крайней мере всем хорошо знакомого.

Есть сведения и о том, что один из первых вариантов своего «Ворона» По читал в редакции «Журнала Грэма» в начале 1844 года. Но тогда стихотворение не понравилось слушателям. Впрочем, это был «промежуточный» вариант. Сколько их было всего? Вероятно, По и сам не сумел бы ответить на этот вопрос. Работа над «Вороном» велась по меньшей мере в течение пяти лет.

Трудно сказать, с самого ли начала По замышлял своего «Ворона» как главный поэтический текст — свой *opus magnum*. Скорее всего, нет. Конечно, он всегда был убежден в собственной

творческой исключительности. Но после поразительного успеха «Золотого жука» и последовавшего затем переезда в Нью-Йорк, а также «Истории с воздушным шаром» Эдгар По, по-видимому, стал ощущать настоятельную потребность в *окончательном* признании. Он должен был создать нечто такое, что безоговорочно поднимет его писательскую репутацию на недосягаемую высоту, и он воцарится над окружающими «литературными пигмеями». Это был «проект», который Э. По готовил с присущей ему тщательностью, заранее просчитывая необходимый эффект. Поэтому *a priori* отрицать утверждение поэта, который писал в «Философии творчества», «что работа, ступень за ступенью, шла к завершению с точностью и последовательностью, с какими решают математические задачи», конечно, не стоит. Тем более что это вовсе не умаляет гений По, а, напротив, делает его еще более поразительным.

В месяцы, когда завершалась работа над «Вороном», Э. По начинает сотрудничать с еженедельником Н. Уиллиса «Ивнинг миррор». Натаниэль Паркер Уиллис (1806–1867) — один из немногих писателей-янки, о котором По отзывался доброжелательно, а его пьесу «Ростовщик Тортеза» еще в ту пору, когда редактировал «Журнал Бёртона», даже назвал в рецензии «лучшей драмой, вышедшей из-под пера американского писателя». В редакции еженедельника По оказался благодаря протекции Дж. Р. Лоуэлла — в то время их эпистолярная дружба переживала апогей. Именно тогда Лоуэлл по просьбе нашего героя писал статью о нем — она, так же как и грядущая публикация «Ворона», была призвана упрочить известность и авторитет По.

В эти дни — осенью 1844 года — Уиллис «переформатировал» еженедельник в ежедневную газету (сохранив недельный выпуск под названием «Уикли миррор»). Работы прибавилось, поэтому он остро нуждался в квалифицированных кадрах, но не мог предложить По редакторское кресло и нанял его в качестве, как бы мы сейчас сказали, «литературного сотрудника». Основной обязанностью было чтение присланных по почте рукописей и корректорская работа, а также верстка и правка идущих в набор материалов. Кроме того, По должен был писать рецензии, небольшие статьи и материалы «на злобу дня», значительная часть которых, по обычаю того времени, печаталась без авторства.

Возможно, По задевало нынешнее положение. Но, во-первых, он рассматривал его как временное, а во-вторых, должность, пусть и незавидная, давала возможность содержать семью. 15 долларов в неделю, что ему предложили в газете, позволяли

платить за квартиру и худо-бедно питаться, что, согласитесь, в его обстоятельствах было совсем не мало.

Начало работы в «Ивнинг миррор» своим закономерным следствием имело и расставание с гостеприимными Бреннанами — слишком далеко По стало добираться до редакции, а на рабочем месте он должен был находиться уже с девяти часов утра. И, видимо, не нарушал трудовую дисциплину. Во всяком случае, много позднее Н. Уиллис признавался, что знал своего сотрудника только с одной стороны — «как человека спокойного, трудолюбивого и весьма порядочного, который внушал глубочайшее уважение своим неизменно благородным поведением и способностями»[302].

Эдгар По приступил к новым обязанностям в начале октября 1844 года. А в первых числах ноября чета По и миссис Клемм распрощались с Бреннанами и вернулись в Нью-Йорк. Теперь они поселились в меблированных комнатах с пансионом на Эмити-стрит — неподалеку от места службы поэта. Он и прежде в основном передвигался пешком; теперь же и на работу и с работы путь по мостовым города совершал почти ежедневно. Кстати, вероятно, в связи с этим По развернул на страницах газеты дискуссию о тротуарах и писал о необходимости повсеместного их внедрения[303] — видать, в путешествиях из дома и обратно его изрядно доставали тележки, телеги, экипажи и омнибусы, а также продукты жизнедеятельности тех, кто их передвигал по улицам мегаполиса.

29 января 1845 года на страницах «Ивнинг миррор» напечатали «Ворона». Читатель, конечно, хорошо помнит начальные строки этого магического текста:

> Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,
> Задремал я над страницей фолианта одного
> И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,
> Будто глухо так застукал в двери дома моего.
> «Гость, — сказал я, — там стучится в двери дома моего,
> Гость — и больше ничего».[304]

Нельзя сказать, что уже на следующее утро, 30 января, поэт проснулся знаменитым. Но он сделал все, чтобы слава — большая и настоящая — наконец пришла к нему.

«Ворон» должен был выйти (и вышел) в февральском номере респектабельного журнала «Американ ревью»[305]. Эдгар По, утверждая, что «препринт» в газете привлечет внимание и пойдет на пользу недавно начавшему выходить журналу, уговорил

редактора разрешить опубликовать стихотворение.

И вот стихотворение появилось. Н. Уиллис, и сам очарованный строками По, счел необходимым предварить публикацию:

«Мы получили разрешение (предваряя ожидаемую публикацию в „Американ ревью“) напечатать следующее замечательное стихотворение. По нашему мнению, оно являет собой единственный пример „мимолетной поэзии“, известный американской литературе; а тонкостью замысла, изумительным искусством стихосложения, поразительно высоким полетом фантазии и своим „зловещим очарованием“ не имеет ничего равного и в английской поэзии. Это один из подлинных „литературных деликатесов“, что питают наше воображение. Его строки навсегда останутся в памяти тех, кто их прочитает»[306].

Стихотворение — и в газете, и через несколько дней в журнале — было напечатано анонимно. Это тоже составляло один из элементов «программы». По считал, что анонимность только увеличит толки и заставит публику говорить больше — строя предположение об авторстве. О «Вороне» заговорили — причем не только в литературных кругах, но и в кругах от литературы совсем далеких. И вот, когда пересуды достигли апогея, в недельном выпуске «Уикли миррор» от 8 февраля тайна была раскрыта и «Ворон» был опубликован вновь, но — уже с именем автора.

В течение нескольких дней стихотворение перепечатали многие американские газеты и журналы. Вообще-то перепечатка материалов из других изданий — не в традициях американской журналистики, но для «Ворона» сделали исключение. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что автор и сам приложил к этому руку, рассылая автографы «Ворона» и предлагая опубликовать стихотворение[307]. Что ж, это вполне вписывалось в задачу, которую он ставил перед собой: добиться максимальной известности.

Впрочем, многие, особенно провинциальные газеты, делали это и без всяких усилий со стороны По. «Ворон» начал звучать и со сцены. Вот здесь инициатором выступил автор. Много лет спустя вспоминал бывший мальчишка-рассыльный:

«[Однажды] в офис журнала явился По в сопровождении известного актера по фамилии Мердок… Мистер По собрал всех вокруг себя — нас было с десяток, все взрослые, только я был мальчишкой. Когда все собрались, По вытащил из кармана рукопись „Ворона“ и вручил ее Мердоку. Автор попросил нас послушать, как великий исполнитель читает только сочиненную им поэму… Это стало одним из главных впечатлений моей жизни

— я слушал бессмертную поэму в исполнении человека, чей голос звучал подобно перезвону серебряных колоколов…»[308]

Отметим, что, по воспоминаниям рассыльного, стихотворение прозвучало еще до обнародования авторства — в начале февраля 1845 года. Не терпелось По насладиться успехом!

В феврале произошло еще одно важное событие — Эдгар По превратился в совладельца литературного журнала.

Издание называлось «Бродвей джорнал» («Broadway Journal») и только начинало свою историю[309]. Еще в декабре 1844 года Дж. Р. Лоуэлл, который дружил с одним из владельцев журнала, Чарлзом Бриггсом (1804–1877), писал ему, предлагая привлечь По (тот очень нуждался тогда в постоянной работе и в числе многих обращался к Лоуэллу за протекцией) к сотрудничеству в качестве помощника редактора. Но тогда Бриггс отказал, полагая себя — опытного журналиста и известного литератора-юмориста — достаточно компетентным в роли руководителя еженедельника. С публикацией «Ворона» и славой, пришедшей к По, положение изменилось. Под нажимом своего партнера Джона Биско (1808–1895) — который был прежде всего бизнесменом и занимался финансами, печатью, распространением журнала, подписчиками и рекламой, — Бриггс скрепя сердце согласился, что По может стать ценным приобретением для журнала. 21 февраля 1845 года По и Биско подписали соглашение:

«Эдгар А. По соглашается помогать Ч. Бриггсу в редакционной работе „Бродвей джорнал“, издаваемом Джоном Биско, и разрешает, чтобы его имя было обнародовано в качестве одного из редакторов упомянутого издания, он обязуется также предоставлять в распоряжение журнала оригинальные высокого качества творческие материалы в объеме по крайней мере не меньше одной страницы каждую неделю».

Биско обязывался выплачивать По «одну треть от всех доходов, получаемых означенным „Бродвей джорнал“, и не препятствовать знакомиться со всеми бухгалтерскими книгами в любое время, когда бы ему это ни заблагорассудилось»[310].

Э. По, конечно, писал не по «одной странице в неделю». Он сразу же очень активно включился в работу и до ноября 1845 года публиковался почти в каждом номере журнала. Правда, на страницах «своего» журнала он публиковал главным образом статьи — литературно-критические, рецензии и обзоры, разнообразные журналистские материалы, а если это были художественные тексты, то, как правило, перепечатки — стихотворения и рассказы, публиковавшиеся прежде. В этом был очевидный резон: в собственном журнале По не мог рассчитывать на гонорары за художественные произведения и потому печатал

их в других изданиях, где за них неплохо платили.

Казалось бы, теперь, в первые месяцы 1845 года, все складывалось наилучшим образом: известность росла, поэт был на творческом подъеме и даже — сбылась-таки его заветная мечта! — превратился во владельца журнала (вскоре Э. По станет его единственным владельцем!), но… словно некий бес противоречия обитал в нем и безжалостно коверкал судьбу.

Бес противоречия. 1845–1846

В письме своему родственнику, Джорджу По, писатель в ноябре 1845 года признавался:

«Я продолжал настойчиво сражаться с тысячами трудностей и преуспел, хотя и не в финансовом смысле, но добился положения в литературном мире, и при настоящих обстоятельствах мне нет причин его стыдиться».

И был совершенно прав: известность его росла, он превратился не только в литературную, но и в заметную публичную фигуру. После оглушительного успеха «Ворона» По приглашают в дома местной элиты, устраивают обеды и вечера в его честь. У него берут автографы, просят почитать стихотворения. Он возвращается к лекционной деятельности, и выступления с лекциями отныне становятся для него важным источником денежных поступлений. Тем более что лектором он оказался замечательным — обладал несомненными актерскими и ораторскими талантами.

Первая нью-йоркская лекция Эдгара По состоялась 28 февраля 1845 года в местном Историческом обществе. По свидетельствам современников, послушать поэта собралось около трехсот человек. Тема лекции была та же, что и в Филадельфии, — «Поэты и поэзия Америки». Хотя в ней опять досталось его излюбленным мишеням — Лонгфелло, Брайанту, Хэллеку, Эмерсону и другим, но по сравнению с выступлениями двухгодичной давности критик явно сбавил тон, и язвительные пассажи время от времени перемежались похвалами в адрес некоторых современных американских поэтов. Неясно, правда, насколько Э. По был искренен, расточая их, — уж слишком они были преувеличены. Да и те, кого он хвалил, в основном не принадлежали к числу заметных явлений современной национальной поэзии.

Трудно сказать, обратил ли кто-нибудь из присутствовавших внимание, что на этот раз выступление По не содержало обычных прежде нападок на заклятого врага и соперника — Руфуса Грисуолда. В этом обстоятельстве читается явный умысел: порой — когда очень хотел — По умел быть рассудочным и расчетливым. А резон был прямой: Грисуолд готовил второе издание своей поэтической антологии, существенно дополненное и расширенное, и По очень рассчитывал, что на этот раз будет представлен в соответствующем новому статусу виде. К тому же до него доходили слухи, что Грисуолд задумал еще одну антологию — на тот раз «Прозаики Америки». И в ней Э. По также

хотел предстать в выигрышном свете. А поскольку, как мы помним, альтернативы Грисуолду пока не наблюдалось и других антологий никто не выпускал, от составителя зависело многое.

Существует версия, что По первым «протянул руку» Грисуолду и 10 января 1845 года направил ему письмо, в котором сообщал, что слышал о его намерении издать «прозаиков Америки». Он писал:

«…при нынешних ваших чувствах едва ли вы сможете быть справедливы ко мне в какой-либо критической статье, и меня вполне бы устроило, если после моего имени вы напишете просто: „Родился в 1811 году, в 1839 году опубликовал сборник рассказов ‘Гротески и арабески’; в последнее время проживает в Нью-Йорке“».

К сожалению, оригинал письма отсутствует, сохранилась только его копия — автограф Грисуолда. Поскольку репутация преподобного хуже некуда и достоверно известно, что после смерти По он подделал изрядное количество его писем, считается, что и это — фальшивка. Но, поскольку существует ответное послание критика, на этот раз есть основание ему поверить:

> «Хотя у меня есть личные причины обижаться на вас, и вы их легко припомните, ни при каких обстоятельствах не позволю, чтобы они влияли на мои суждения как критика…
>
> Следовательно, я сохранил сформировавшееся прежде благоприятное впечатление по поводу ваших произведений, которое раньше я не раз вам высказывал, и в той книге, что сейчас готовится, я собираюсь быть абсолютно справедливым.
>
> …„Кэри и Харт“ готовят сейчас к выпуску мою книгу „Прозаики Америки и их произведения“, и я, конечно, собираюсь включить вас… Буду весьма вам обязан… если вдруг в вашей краткой биографии, что помещена в „Поэтах Америки“, вы обнаружите неточности и сообщите мне об этом. Также, если это вас не затруднит, пришлите список всех ваших сочинений с указанием даты их создания».

Эдгар По, конечно, ответил ему и, вероятно, выслал то, что от него требовалось. Завязалась переписка, последовало новое сближение. Известно, что они обменивались книгами. Эдгар По посылал Грисуолду рукописи своих стихотворений и рассказов. Богатое собрание автографов По, которым владел составитель антологий, в этот период, видимо, особенно пополнилось.

Вероятно, встречались они и лично. Однако в отличие от По, который, по крайней мере на несколько месяцев, совершенно прекратил нападки на Грисуолда, тот, неизменно сохраняя любезный тон в письмах и при личных встречах, продолжал заглазно поносить поэта, распространяя сплетни о его пьянстве и психической неуравновешенности. В этом смысле весьма характерны строки из письма Бриггса, партнера По по «Бродвей джорнал», который тогда же, в январе 1845 года, писал Джеймсу Лоуэллу: «По мне очень нравится; мистер Грисуолд рассказывал мне о нем бог знает какие ужасные истории, но По опровергает их всем своим поведением…»[311]

Между тем кроме возобновления добрых (по крайней мере внешне) отношений с Грисуолдом Эдгар По продолжает предпринимать шаги, направленные на упрочение своего положения в литературном мире. Прослышав о планах «Уили и Путнэм», одной из крупнейших в то время издательских фирм в Америке, начать выпуск массовой «Библиотеки американских книг» (планировалось опубликовать произведения наиболее известных современных авторов), он обратился с предложением издать два сборника своих произведений — прозы и поэзии. Поскольку теперь, после публикации «Ворона», известность автора была высока и сулила прибыли, предложение нашло положительный отклик. В июне 1845 года вышел прозаический сборник с незатейливым названием «Рассказы». Он был издан в бумажной обложке, массовым тиражом и включал двенадцать историй Эдгара По. В сборнике были представлены, пожалуй, лучшие — во всяком случае, наиболее зрелые — новеллы писателя: «арабески», «гротески» и детективные истории. Хотя По и высказывал недовольство подбором произведений[312], надо признать, что Э. Дайкинк, один из самых проницательных критиков эпохи, сделал свою работу качественно, отобрав для сборника не только наиболее характерные, но и наиболее удачные тексты. Несколько месяцев спустя в упомянутой «Библиотеке» вышел и поэтический сборник «„Ворон“ и другие стихотворения».

Оба издания успешно продавались. Поэтический сборник даже пришлось допечатывать — спрос превысил предложение.

Финальным аккордом программы по «строительству» собственного имиджа стала, конечно, публикация «Философии творчества» в «Журнале Грэма» в апреле 1846 года. По мысли автора статья должна была окончательно утвердить его репутацию как художника не просто незаурядного, а необыкновенного, единственного в своем роде — уникального.

Казалось бы, По-рационалист все сделал правильно: не

только сочинил и *правильно подал* шедевры, но и весьма грамотно и последовательно провел то, что мы сейчас назвали бы *PR*-кампанией.

Теперь можно было «почивать на лаврах» и постепенно, шаг за шагом, упрочивать свое положение на национальном литературном Олимпе. Но слишком это банально и недостойно *гения.* Гения, которого терзал *бес противоречия.*

В «Журнале Грэма», почти за год до описываемого периода — в июле 1845 года, По опубликовал рассказ под названием «Бес противоречия». Как бы потомки ни восхищались творениями Эдгара По, будем справедливы: этот рассказ писателя далеко не самый лучший. Но, безусловно, очень важный: он помогает понять противоречивую натуру художника.

Главное в рассказе — не его сюжет и не фабула, а пространная преамбула, в которой содержатся интересные наблюдения. Так и хочется сказать: над человеческой природой. Но — не получается. Потому что наблюдения и выводы эти адресуют нас не к человеку вообще, а к характеру и особенностям конкретной личности — автору рассказа, Эдгару Аллану По.

В преамбуле писатель утверждает:

«…врожденным двигателем человеческих действий [выступает] парадоксальное нечто, которое за неимением более точного термина можно назвать *противоречивостью* или *упрямством».*

Что ж, в отношении некоторых натур необходимо признать справедливость суждения писателя. Но уже следующая идея: «по его подсказке мы действуем без какой-либо постижимой цели…» — вызывает понятные сомнения. Обычно человек упрямится как раз потому, что видит в упрямстве наиболее простой и удобный способ достижения цели. Но «поступаем так, — утверждает поэт, — именно потому, что так поступать не *должны».* «Теоретически, — продолжает он, — никакое основание не может быть более неосновательным».

И с этим суждением невозможно не согласиться. Но — тут же противоречит себе: «…фактически нет основания сильнее. С некоторыми умами и при некоторых условиях оно становится абсолютно неодолимым… Это врожденный, изначальный, элементарный импульс».

Автор раскрывает поступательный механизм действия. Вот как он работает: «Неясный порыв вырастает в желание, желание — в стремление, стремление — в неудержимую жажду…»

И приводит пример, который кажется ему весьма красноречивым:

«Мы стоим на краю пропасти. Мы всматриваемся в бездну — мы начинаем ощущать дурноту и головокружение. Наш первый порыв — отдалиться от опасности. Непонятно почему, но мы остаемся. Постепенно дурнота, головокружение и страх сливаются в некое облако — облако чувства, которому нельзя отыскать название. Мало-помалу, едва заметно, это облако принимает очертание, подобно дыму, что вырвался из бутылки, заключавшей джинна, как сказано в „Тысяче и одной ночи“. Но из нашего облака на краю пропасти возникает и становится осязаемым образ куда более ужасный, нежели какой угодно сказочный джинн или демон, и все же это лишь мысль, хотя и страшная, леденящая до мозга костей бешеным упоением, которое мы находим в самом ужасе. Это всего лишь представление о том, что мы ощущаем во время стремительного низвержения с подобной высоты. И это падение — эта молниеносная гибель — именно потому, что ее сопровождает самый жуткий и отвратительный изо всех самых жутких и отвратительных образов смерти и страдания, когда-либо являвшихся нашему воображению, — именно поэтому и становится желаннее. И так как наш рассудок яростно уводит нас от края пропасти — *потому* мы с такой настойчивостью к нему приближаемся. Нет в природе страсти, исполненной столь демонического нетерпения, нежели страсть того, кто, стоя на краю пропасти, представляет себе прыжок. Попытаться хоть на мгновение *подумать* означает неизбежную гибель; ибо рефлексия лишь внушает нам воздержаться, и *потому,* говорю я, мы и не *можем* воздержаться. Если рядом не найдется дружеской руки, которая удержала бы нас, или если нам не удастся внезапным усилием отшатнуться от бездны и упасть навзничь, мы бросаемся в нее и гибнем».

Из этого исходит лирический герой текста. И делает вывод;

«Можно рассматривать подобные поступки как нам вздумается, и все равно будет ясно, что исходят они единственно от духа *Противоречия.* Мы совершаем их, ибо чувствуем, что не *должны* их совершать».

Разумеется, по меньшей мере опрометчиво приписывать мысли и слова повествователя автору. Между ними всегда существует дистанция. Но вот насколько она велика в данном конкретном случае? Если анализировать некоторые поступки и

деяния нашего героя — не очень. Потому что «духом противоречия», точнее — «бесом противоречия» многие из них только и возможно объяснить. Настолько они не укладываются в сознание обычного человека.

«Я — одна из бесчисленных жертв *Беса Противоречия*»[313], — заявляет безымянный герой новеллы.

Что касается прилагательного «бесчисленных» — здесь можно поспорить. Но то, что одной из жертв стал наш герой, — несомненно. Во всяком случае, многие его поступки, совершенные в период, о котором идет речь, свидетельствуют именно об этом.

Начать, конечно, следует с уже упоминавшегося «Бродвей джорнал», одним из трех владельцев которого Э. По стал в феврале 1845 года.

Хотя поначалу «идеолог» и основатель издания Ч. Бриггс с энтузиазмом воспринял появление Э. По в журнале (и было отчего: по воспоминаниям сотрудников, тот сразу же взял на себя большую часть работы и проводил в редакции целые дни, нередко задерживаясь до глубокой ночи), очень скоро оно сменилось глухим недовольством, а затем и открытым противостоянием. Бриггс рассчитывал, что По станет просто помогать ему, но тот энергично взялся за управление журналом, сразу же оттеснив своего недавнего благодетеля.

На страницах еженедельника Эдгар По немедленно развернул безжалостную борьбу с серостью и плагиатом в национальной литературе. Благо если бы он ограничил фронт боевых действий нападками на излюбленную мишень — Г. Лонгфелло, который никогда не отвечал По и неизменно хранил гордое молчание, или других «никкербокеров». Но он взялся нападать на тех, кто числился в друзьях журнала и личных — Чарлза Бриггса. На робкие попытки последнего повлиять на компаньона тот обычно отвечал высокомерным молчанием, не считая нужным опускаться до разъяснений. Герви Аллен в своей биографической книге охарактеризовал Бриггса как «человека заурядного и лишенного воображения». Думается, это не совсем так. Но то, что Ч. Бриггс был мягким и нерешительным человеком, говорят письма Лоуэллу, в которых владелец журнала просит повлиять на По, образумить его. Трудно сказать, предпринял ли какие-то шаги в этом направлении Лоуэлл. Но — едва ли, поскольку знал, что По считал Бриггса «абсолютно необразованным» и однажды сказал даже, что тот «никогда в жизни не сочинил и трех предложений, выстроенных по правилам английской грамматики».

Конечно, Бриггс — в недавнем прошлом моряк и негоциант — не мог похвастаться ни южным (читай: благородным) происхождением, ни серьезным образованием. Но первый его

роман «Приключения Гэрри Франко» (1839) имел в свое время грандиозный успех. Да и второй — «Странствующий торговец» (1843) — тоже неплохо продавался. Но Эдгар По умел быть несправедливым — несправедлив он был и по отношению к компаньону. Тем более что другой пайщик журнала, Джон Биско, зачарованный известностью и самоуверенностью По, явно ему симпатизировал.

Летом глухое недовольство вылилось в открытое противостояние. Бриггс попытался выкупить журнал у Биско, но тот, явно не без влияния По, заломил за свою долю несусветную цену. Основатель «Бродвей джорнал» вынужден был отступить и покинул редакцию.

Теперь Эдгар По безраздельно властвовал в журнале. Но дела шли все хуже и хуже. Если прежде, в «Сауферн литерари мессенджер» и «Журнале Грэма», бескомпромиссная критика привлекала читателей, то теперь По явно «перегибал палку» — критические стрелы разили без особого разбора: доставалось не только «никкербокерам», но и тем, кто симпатизировал и поэту, и журналу. Борьба с плагиатом приобретала характер паранойи — для По не существовало авторитетов, ничего не значила дружба. Признаки «заимствований» он нашел даже у Джеймса Лоуэлла, который не только был неизменно расположен к писателю, но, собственно, и «пристроил» его в журнал. Авторы, напуганные политикой еженедельника, отказывались с ним сотрудничать. Число подписчиков медленно, но неуклонно сокращалось.

Опубликовав серию статей о том, как, платя гроши, американские журналы бессовестно эксплуатируют и обирают бесправных литераторов, Эдгар По восстановил против себя многие издания. Он умудрился поссориться и с тем, где недавно трудился, — с «Ивнинг миррор». Газета опубликовала анонимную статью, защищавшую американских авторов от упреков писателя. Э. По ответил. В «Ивнинг миррор» опубликовали следующую. По не смолчал. Те тоже не могли молчать и… пошло-поехало.

Другие журналы также не молчали — печатали поэтические пародии на его «Ворона». «Вещая» птица становилась то совой, то превращалась в бобра, газель и даже в козла. Но если пародии можно считать косвенным признаком популярности, то упреки в плагиате — уже по отношению к нему — конечно, не могли не выводить из себя. Перо его, и без того желчное, наливалось еще большим сарказмом.

Все это, конечно, обостряло полемику, делало ее резкой, озлобленной, и, безусловно, не шло на пользу ни самому По, ни его журналу.

При этом необходимо признать очевидное. Сам По работал

как одержимый: 80–90 процентов каждого номера составляли материалы, принадлежавшие перу единоличного редактора. В каждом выпуске обязательно присутствовали один или два его рассказа, одно-два стихотворения, а еще статьи, рецензии, литературные обзоры.

Интересно, что за все время существования под эгидой По в «Бродвей джорнал» не появилось ни одного нового рассказа и ни одного нового стихотворения владельца — он насыщал страницы своего детища уже опубликованным. Но. Нет среди них ни одного рассказа и ни одного стихотворения, которые Э. По — хотя бы немного — не переработал. Все эти прежде опубликованные тексты обязательно дополнялись, сокращались, переделывались. Оригинальными были литературная критика и журналистика.

В октябре 1845 года журнал покинул Джон Биско — к тому времени Эдгар По рассорился и с ним, да и журнал теперь приносил только убытки. По выкупил права на «Бродвей джорнал» за 50 долларов. Их он взял в долг у известного журналиста и редактора «Нью-Йорк трибьюн» Хораса Грили. Но с Биско расплатился не наличными, а векселем — реальные деньги были необходимы, чтобы журнал продолжал существовать.

С уходом Биско началась агония журнала. Понимал ли это Эдгар По? Видимо, да. Но «бес противоречия» мешал ему принять очевидное и смириться, и он продолжал бороться. Письма последних месяцев 1845 года — печальное чтение. По ведет интенсивную переписку, и почти в каждом письме — отчаяние и просьбы (а порой и требования!) дать денег. После длительного — в несколько лет — перерыва он пишет Кеннеди: «…я преуспел и от одного за другим избавился от всех своих компаньонов в „Бродвей джорнал“… Но истощил свои ресурсы покупкой и теперь пишу с просьбой о маленьком займе — скажем, в 50 долларов».

Трудно сказать, рассчитывал ли По на помощь Кеннеди (тот, кстати, не ответил, потому что в то время находился далеко от дома — в Виргинии[314]). Видимо, не очень, потому что в тот же день с аналогичной просьбой обращается в Филадельфию к Руфусу Грисуолду:

«После длительных маневров я преуспел и взял „Бродвей джорнал“ под свой полный контроль. Удача мне улыбнется, если я смогу удержать его. И у меня получится это сделать без проблем с небольшой помощью со стороны моих друзей. Могу ли рассчитывать на вас как на одного из них? Одолжите мне 50 долларов, и вам никогда не придется пожалеть об этом».

13 ноября он обращается к Э. Дайкинку, которого знает только заочно, и просит денег, приводя расчеты, сколько должен

получить от издателей из «Уили и Путнэм» («Wiley & Putnam») за книгу рассказов и поэтический сборник:

> «Всего я должен получить 195 долларов… Но сейчас я нахожусь под таким ужасным давлением, что мне вполне достаточно получить реальные 60 долларов (вместо обещанной в будущем суммы), чем ждать».
>
> Видимо, не получив денег, 15 ноября пишет в Джорджию своему другу Томасу Чиверсу, который еще в октябре пообещал дать 50 долларов, но смог тогда выслать только пять: «…если ты сможешь выслать [оставшиеся] 45 долларов, во имя Господа сделай это — *обратной почтой* (подчеркнуто. — *А. Т.),* — если не сможешь послать все, то хотя бы часть».

Чиверс немедленно отвечает, но пишет, что пока не может выслать деньги, поскольку не имеет возможности «самостоятельно распоряжаться финансами семьи».

В отчаянии По посылает письмо двоюродному брату отца — Джорджу По-младшему, банкиру, человеку весьма состоятельному. Послание его эмоционально — смесь вызова, оскорбленного самолюбия и мольбы:

> «Хотя вы в свое время и отказали мне (не важно по какой причине) в займе в 50 долларов, в которых я тогда отчаянно нуждался… я продолжал настойчиво сражаться с тысячами трудностей и преуспел, пусть и не в финансовом смысле, но добился положения в мире Литературы… По этим причинам и потому, что полагаю вас способным оценить мои усилия, чтобы возвысить имя нашей семьи, теперь вновь взываю к вам о помощи… Заем в 200 долларов освободит меня от всех трудностей».

Но родственник — в очередной раз — не помог.

Степень отчаяния Эдгара По можно представить уже по тому, что он обращается к Ф. Г. Хэллеку, которого неоднократно критиковал на журнальных страницах:

«…люди, особенно озлобленные на меня, пытаются сейчас окончательно уничтожить, разрушив „Бродвей джорнал“… Чтобы сохранить его, мне нужно 100 долларов… Если вы сможете одолжить сроком на три месяца всю сумму или какую-то ее часть, я не буду неблагодарен».

Хеллек ссудил ему 100 долларов[315], но их оказалось недостаточно. В декабре По — теперь ему нечем платить за

аренду — распускает сотрудников, съезжает из офиса и закрывает редакцию.

Тогда же, в декабре, вдруг появляется «ангел-спаситель» в лице некоего Томаса Лейна, негоцианта, состоятельного почитателя поэтического таланта нашего героя. Он предлагает помощь и даже собирается открыть редакцию по новому адресу, но у Э. По уже нет сил бороться, а дела журнала находятся в совершенно расстроенном состоянии. Лейн уплачивает самые неотложные долги «Бродвей джорнал» и, обсудив ситуацию с По, который абсолютно отказывается что-либо делать, решает закрыть журнал. Вместе с Томасом Инглишем, который, несмотря на сложные отношения, протягивает По руку помощи, они из имеющихся в распоряжении материалов составляют два номера.

Самый последний номер журнала выходит 3 января 1846 года. В нем прощальное послание Эдгара По — владельца и редактора:

> «Ввиду неотложных дел, требующих моего полного внимания, а также учитывая, что цели, ради которых был создан „Бродвей джорнал“, в том, что касается моего личного участия, достигнуты, я хотел бы настоящим проститься с друзьями, равно как и с недругами, пожелав и тем и другим всяческих благ.
>
> Эдгар А. По»[316].

Сам поэт написал «прощальное послание» или его сочинили Лейн и Инглиш? Трудно ответить на этот вопрос. Как бы там ни было, больше журнал с таким названием не выходил. И это был последний журнал, которым руководил Эдгар По. И единственный, которым он — так неудачно — владел.

Можно ли было ожидать другой судьбы «Бродвей джорнал» или он с самого начала был обречен? Под руководством По — безусловно. Как бы самоотверженно он ни трудился, сил одного человека было явно недостаточно, чтобы поднять такую «махину». К тому же у По не было необходимых финансовых ресурсов. Но главная причина, разумеется, заключалась в самом редакторе и владельце — слишком негибком и бескомпромиссном. Нажил множество врагов, но считал ниже своего достоинства идти на мировую. Отважно (и неосмотрительно) раздавал тумаки, но сам не способен был стойко держать удар. И — самое важное — не смог (и не мог!) вынести чудовищной психологической нагрузки. И, как всегда, когда не справлялся с напряжением (действительно, словно «бес» держал за руку!), Э. По брал стакан и… «падал в бездну».

> «Однажды я шел вниз по Нассау-стрит, — вспоминал друг поэта Томас Чиверс, — и случайно повстречал Эдгара По. Тот шел по тротуару, раскачиваясь из стороны в сторону, пьяный в стельку[317]. Неподалеку, у входа в какой-то кабачок или винный магазин, стоял человек. Заприметив [По], он, возвысив голос, позвал его: „Эй, американский Шекспир!“ Увидев меня, По захватил мой воротник и закричал: „О черт! А вот и мой друг! Куда ты направляешься? Пойдем, ты должен идти ко мне домой!“».

Чиверс взял поэта под руку и повел, но ушли они недалеко и буквально столкнулись с Льюисом Кларком, редактором журнала «Никкербокер» и, как полагал По, его лютым врагом. По устроил скандал и чуть было не полез в драку. Чиверсу большого труда стоило угомонить своего друга.

Случайный эпизод — подумает кто-то. И ошибется. Увы, это был не эпизод. А если и эпизод, то — один из множества. Начиная примерно со второй половины апреля 1845 года По снова запил, хотя до этого держался очень долго — около года.

Начало очередного «пике» зафиксировал Александр Крейн, мальчик-посыльный из редакции «Бродвей джорнал», восхищавшийся По. События восходят к 17–18 апреля 1845 года.

> «Вечер, когда должна была состояться вторая лекция [По], был ужасен. Разыгралась непогода, дул сильный ветер, постоянно шел дождь, перемежаясь снежными зарядами. Вследствие этого на лекцию собрались едва ли больше десятка человек. По взошел на трибуну и объявил, что при данных обстоятельствах лекция не может состояться; собравшиеся получат свои деньги обратно при выходе. Я был одним из присутствовавших, поскольку накануне По дал мне пригласительный. И, как сильно огорчен я ни был, по лицу своего хозяина я понял, что он опечален куда сильнее. Мелочь, конечно. Но он был человеком, которого мелочи способны глубоко ранить. На следующее утро он пришел в редакцию и дружески пожал мне руку, щедро обдав винными парами»[318].

Конечно, вряд ли несостоявшаяся лекция могла стать причиной срыва, но поводом — тем маленьким камешком, что провоцирует лавину, — вполне.

И вот еще одна выдержка — из воспоминаний пресловутого Р. Грисуолда:

> «…он бродил по улицам, охваченный не то безумием, не то меланхолией, бормоча невнятные проклятия, или, подняв глаза к небу, страстно молился (не за себя, ибо считал, или делал вид, что считает, душу свою уже проклятой), но во имя счастья тех, кого в тот момент боготворил; или же, устремив взор в себя, в глубины истерзанного болью сердца, с лицом мрачнее тучи, он бросал вызов самым свирепым бурям и ночью, промокнув до нитки, шел сквозь дождь и ветер, отчаянно жестикулируя и обращая речи к неведомым духам, каковые только и могли внимать ему в такую пору, явившись на зов из тех чертогов тьмы, где его мятущаяся душа искала спасения от горестей, на которые он был обречен самой своей природой…»[319]

Сцена, описанная Грисуолдом, не имеет привязки к конкретному времени и месту, но представить поэта, скитающегося в алкогольном исступлении по улицам Нью-Йорка, нетрудно. Собственно, ведь именно пьянство По стало одной из основных причин, почему Бриггс захотел расстаться с ним[320]. Видимо, и Биско, получив за свою долю в журнале, по сути, ничего не стоящую бумажку (едва ли он мог серьезно рассчитывать, что По хоть когда-нибудь сумеет уплатить обозначенные в векселе 50 долларов), понимал, что под *таким руководством* журнал уже погиб.

Алкоголь — причина бесчисленных невзгод поэта. Он мешал плодотворно работать, отнимал должности, губил надежды и перспективы, обрывал дружеские связи, рождал убийственные для репутации слухи и сплетни. Понимал ли это поэт? Несомненно. И в письмах близким — прежде всего Марии Клемм — неоднократно писал об этом. Он много раз пытался отказаться от спиртного — его переезды (по крайней мере некоторые из них) могли быть связаны с этим, и иной раз, как мы помним, преуспевал. Бывало — надолго: случалось, он совершенно не пил и год, и полтора. Но… все равно обязательно срывался. Окружающие — друзья и недруги — тягу к алкоголю объясняли главным образом слабостью характера поэта и дурной наследственностью. Мария Клемм объясняла пьянство своего «Эдди» любовью к Вирджинии и постоянным страхом за ее жизнь, которого самостоятельно — без спиртного — он вынести не мог.

Но, с другой стороны, так ли много пил По? Отнюдь. Джордж Бернард Шоу в свойственной ему парадоксально-ироничной манере однажды высказался: «Да за всю свою жизнь он выпил едва ли больше, нежели обычный современный успешный

американец выпивает за полгода». И был совершенно прав, поскольку По — в смысле количества — пил действительно очень мало. И от «закаленных» своих современников (да и потомков) отличался исключительно низкой толерантностью организма к спиртному. Майн Рид, тесно общавшийся с поэтом почти на протяжении двух лет, вспоминал: «Один бокал шампанского производил на него такое сокрушительное воздействие… что он едва ли потом мог нести ответственность за свои действия».

Да и миссис Клемм через некоторое время после эпизода, когда Т. Чиверс привел пьяного поэта домой, извиняясь, писала ему в Джорджию и объясняла: «…ему достаточно выпить всего стакан или два [вина]… и он совершенно не способен контролировать ни свои слова, ни свои поступки».

Необычно низкую стойкость поэта к спиртному отмечает и Э. Вагенкнехт, авторитетный американский исследователь его творчества. Затяжному «роману» Эдгара По со спиртным он даже посвятил специальную главу своей книги[321].

Вернемся к рассказу «Бес противоречия» и вспомним, какие эмоции испытывает герой на краю пропасти.

Всякий раз, когда Эдгар По заглядывал в эту пропасть, он — содрогался. Но именно поэтому раз за разом и бросался туда, прекрасно сознавая последствия своего падения. Смертельное, как известно, манит. А когда душу разрывает «бес противоречия», удержаться — почти невозможно.

Сколько раз он срывался в эту «пропасть», переживал «падения»! И всегда к ним его подталкивал пресловутый *imp of perverse* — бес противоречия. Это он тянул его руку к картам в университете и мешал повиниться перед мистером Алланом (юный поэт прекрасно понимал, какую боль он несет своей больной матери — Фрэнсис). Тот же самый «бес» вел его, и когда он решил «выйти» из академии в Вест-Пойнте, пил и нарушал уставы и присягу. А его отношения с владельцами журналов — Т. Уайтом, У. Бёртоном, Дж. Грэмом? Не говоря уже о попытках внелитературного трудоустройства. Понятно, что и там и там не обошлось без роковой когтистой длани! А весь его «роман с алкоголем»? Он мог (и подолгу!) обходиться без спиртного. Но все равно — рука тянулась, и случалось это, согласимся, в самые неподходящие моменты его жизни.

Чаще всего он «срывался» сознательно. Конечно, если это слово вообще допустимо, когда мы говорим о поэте и его пагубном пристрастии. И «падал в пропасть», не в силах более терпеть ужасное нервное напряжение: когда соединялись страх за жизнь любимой, отчаянное безденежье и изнуряющая многодневная работа. В такие дни ему изменял даже его *дар* — он

совершенно лишался способности творить, поразительная сила воображения угасала.

В связи с последним можно вспомнить эпизод с бостонской лекцией. Во второй половине сентября 1845 года поэту поступило лестное предложение: выступить в театре «Одеон». Гонорар предлагался солидный — 50 долларов. Единственное условие — прочитать *оригинальное*, то есть прежде нигде не звучавшее произведение[322]. Так вот, — несмотря на очевидные усилия, он так и не смог ничего сочинить. Он даже обращался за помощью к миссис Осгуд (о ней речь впереди), чтобы она помогла, подсказала какую-нибудь поэтическую «идею».

Выступление состоялось вечером 16 октября. При изрядном стечении публики — все-таки национальная знаменитость! — Эдгар По прочитал поэму под названием «Вещая звезда». Разочарованные слушатели начали покидать свои места еще до того, как он закончил. Импресарио, опасаясь скандала, попросил По прочесть «Ворона». Но он отказался. А после провального выступления на приеме (выступления подобного рода всегда заканчивались приемами) признался, что прочитал поэму «Аль Аарааф». Просто дал ей другое название. Да еще присовокупил, что сочинил ее в возрасте пятнадцати лет. Что же им двигало, если не «бес противоречия»? Неужели можно предположить, что поэт не догадывался о последствиях демарша для репутации? И уж тем более странно было повторить ту же историю на страницах «Бродвей джорнал» двумя неделями позже[323].

Так и с алкоголем: По всегда сознавал прискорбные последствия, знал, что «бросается в бездну», но делал роковой шаг.

РАЗВЯЗКА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Женщины, скандалы и войны. 1846–1847

В начале зимы 1846 года По опять переехал. Теперь его жилищем стал дом под номером 85 по Эмити-стрит. В отличие от других нью-йоркских адресов поэта этот существует и поныне. Примечательно, что в нескольких кварталах от него жила поэтесса Анна Линч (1815–1891). Тридцатилетняя, свободно мыслящая, образованная и обеспеченная, она была увлечена литературой, в частности литературой женской, и втайне считала, что в сфере изящной словесности женщины ничуть не хуже мужчин.

В «Литераторах Нью-Йорка» — скандальной серии очерков, которую По начал публиковать в мае 1846 года, он так характеризовал ее:

«Мисс Анна Шарлотта Линч написала мало — ее сочинений недостаточно, чтобы собрать даже небольшую книжку. Проза ее в основном публиковалась анонимно — главным образом это критика… В поэзии, однако, ее успехи впечатляют и являют примеры незаурядного дарования».

Там же присутствует и личностный (обязательный в «Литераторах Нью-Йорка») портрет поэтессы:

«Мисс Линч обладает характером, исполненным энтузиазма, рыцарства и самопожертвования… она способна даже принять мученическую смерть, если будет убеждена, что дело ее свято. У нее есть свои увлечения (идея долга и служения в них является главной), которые люди хитроумные легко используют в своих интересах…»

Описывает и ее внешность:

«Она немного выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами — весь облик ее внушает мысль о нерядовом уме. Манеры ее благородны, жесты изящны и несколько томны. Она живет интересами литературы».

В целом портрет, нарисованный поэтом, верен. По был хорошо знаком с мисс Линч, встречался и общался с ней многократно.

Поскольку человеком она была общительным и деятельным, то вокруг нее — ее же собственными усилиями — составилось общество литературных дам, главным образом (как и пристало прекрасным созданиям) поэтесс. Среди единомышленниц были Маргарет Фуллер, упоминавшиеся прежде миссис Сигурни и мисс Дэлия Бэкон, знаменитая актриса Фанни Кэмбл, поэтессы Ф. Осгуд, Э. Эллет, Дж. Хоу, Э. Смит и многие другие «прекрасные музы». В биографиях поэта это дамское сообщество нередко

именуют «синими чулками», что едва ли оправданно. Хотя им, разумеется, не были чужды идеи суфражизма, воинствующими феминистками они не были и разговоры вели не о науках и политике, как их британские коллеги второй половины XVIII столетия, а главным образом об изящной словесности. И тем более ничто в них не напоминало неряшливых, воинствующих, некрасивых, неженственных персонажей с карикатур Оноре Домье, зло высмеивавшего французских «синечулочниц». Напротив, они были весьма женственны и многие — красивы.

Во второй половине 1840-х — начале 1850-х годов по субботним вечерам дамы собирались у мисс Линч на квартире, приглашая в свой круг известных литераторов-мужчин, достойных общения. Среди тех, кто регулярно бывал у них, — Р. У. Эмерсон, У. К. Брайант, Х. Грили, Н. Уиллис. С подачи последнего в салоне мисс Линч появился и Эдгар По. Произошло это примерно через год после ошеломляющего успеха «Ворона» и вскоре после выхода изрядно нашумевшего поэтического сборника «„Ворон“ и другие стихотворения». Понятно, что новую знаменитость «музы» пропустить не могли. Тем более что стихи некоторых из них он даже хвалил.

«Он нас восхитил, — вспоминала одна из деятельных участниц салона, миссис Элизабет Смит[324], — своими изысканными манерами и живым выражением эмоций. Он был благодарным слушателем и ненавязчивым наблюдателем. Мы помним интерес, что испытывали ко всему, что выходило из-под его пера, — это так разительно отличалось от той скуки, что обычно сочиняли писатели, — он писал решительно, свежо и многозначно. Его критику читали с жадностью — и вовсе не потому, что с ним соглашались, — но мы ощущали его талант и отвагу»[325].

Впрочем, некоторые из дам уже были знакомы с поэтом. Прежде всего, это миссис Ф. Осгуд и миссис Э. Эллет. Знакомство это, поначалу вполне литературное, привело затем к скандалу, который изрядно повредил всем его участникам и прежде всего серьезно ударил по репутации Эдгара По, рассорив его со многими.

Однако по порядку.

Как, вероятно, помнит читатель, вскоре после публикации «Ворона», в феврале 1845 года, По выступил с публичной лекцией, которая прошла при немалом скоплении публики и с большим успехом. На этот раз в отличие от предыдущих выступлений поэт, видимо, вполне удовлетворенный славой, ему выпавшей, больше хвалил, чем ругал своих собратьев по перу. Среди тех, кто удостоился похвалы, были упомянутые дамы.

Особенно хорошо По отозвался о поэзии Фрэнсис Осгуд. Тогда они еще не были знакомы, но ее имя (как и ее строки) было ему известно: как раз в ту пору Э. По позировал ее супругу, художнику (довольно посредственному) С. Осгуду. Тот по заказу издательской фирмы «Уили и Путнэм» рисовал портрет писателя. Его планировали поместить в готовящийся сборник рассказов.

Миссис Осгуд должна была присутствовать на лекции поэта, но по какой-то причине не смогла прийти, о чем очень сожалела. Известие о похвале, конечно, достигло ее ушей немедленно. Она упросила Н. Уиллиса, хорошо знавшего поэта, как можно скорее познакомить ее с ним. И уже через несколько дней, вероятно, в первых числах марта, знакомство состоялось.

Через год после смерти Э. По в письме Р. Грисуолду сама Ф. Осгуд так описывала эту встречу:

> «Моя первая встреча с поэтом произошла в отеле „Астор Хаус“. За несколько дней перед тем, за обедом, мистер Уиллис вручил мне то странное и завораживающее стихотворение „Ворон“, сказав, что автор желает знать мое мнение. Оно произвело на меня сокрушительное, совершенно уникальное впечатление — его неземная, чарующая мелодика почти испугала меня, и вот теперь я слышу, что автор хочет моего отзыва. Я не могла отказаться, поскольку непозволительно прослыть неблагодарной — до меня только что дошли вести, что он высоко отозвался о моих писаниях».

То есть мы видим, что инициативу знакомства миссис Осгуд возлагает на поэта. Странно было бы ожидать иной интерпретации событий: в ту целомудренную эпоху приличная женщина (замужняя, с двумя детьми!), конечно, не могла быть инициативной стороной. Тем не менее инициатива принадлежала ей. Довольно необычна и просьба По «высказать мнение». Вот уж чего ожидать от поэта весьма странно.

Как бы там ни было, По произвел впечатление:

> «Я никогда не забуду то утро, когда мистер Уиллис позвал меня в гостиную, чтобы встретить [Эдгара По]. С гордо вскинутой красивой головой, взглядом темных глаз, сияющих искрами мысли и чувства, с непередаваемым сочетанием обаяния и надменности в выражении лица и манерах, он поздоровался со мной спокойно, серьезно и почти холодно, но так искренне, что это не могло не произвести на меня впечатления. С этого момента до его смерти мы были друзьями, хотя

встречались только в течение первого года нашего знакомства».

И миссис Осгуд произвела впечатление на поэта, несмотря на его напускную холодность.

Она действительно была красива. С этим согласится любой, кто видел ее портрет, написанный незадолго до этого знакомства, — в любой биографии поэта он неизменно присутствует. Если художник и приукрасил облик (так бывает), то самую малость. Во всяком случае, вот как описывала ее подруга, та самая мисс Смит:

> «Обладая нравом пылким, чувствительным и порывистым, она самым существом своим воплощает правдивость и честь. Эта жрица прекрасного, с душой столь безыскусной, что все в ней, кажется, дышит искусством, снискала необычайное восхищение, уважение и любовь. Что до внешности, то это женщина среднего роста, стройная, пожалуй, даже хрупкая, исполненная грации и в движении, и в покое; обычно бледная, с блестящими черными волосами и большими, лучистыми, необыкновенно выразительными серыми глазами»[326].

А вот как характеризовал ее сам поэт в одном из очерков своих «Литераторов Нью-Йорка»:

> «Она человек яркий, чувствительный, импульсивный; само воплощение истины и чести; поклонница прекрасного, наделенная сердцем совершенно бесхитростным, что ярко явлено в ее стихах, — ее все любят, восхищаются и уважают. Роста она среднего, очень стройная, даже хрупкая, всегда грациозная — в движении или в покое; лицо у нее обычно бледное; волосы очень черные, с вороным отливом; глаза — ясные, большие, серые, необычайно выразительные. Ее можно назвать красивой. Во всяком случае, те, кто ее знают, всегда задают вопрос: „Разве она не такова?“»[327].

В то время ей сравнялось тридцать три года; ее женское обаяние переживало пору расцвета.

В конце марта, впечатленная встречей и знакомством с Э. По, она выслала ему стихи — для публикации в «Бродвей джорнал». Поэтесса озаглавила их «Так пусть и будет. К***». И подписала

псевдонимом *Violet Vane* — одним из двух, которыми обычно пользовалась (второй — *Kate Carol* — она использовала реже).

5 апреля Эдгар По их напечатал. Среди прочих там были и такие строки:

Вы, верно, думаете — правы,
Принадлежа, увы, другой,
Когда спокойно и лукаво
Ваш взгляд витает надо мной…
……
…Вы, вероятно, справедливы,
Коль счастливы в уделе том.
О, Боже, дай мне только силы
Принять бесстрастный этот тон![328]

К тому же упоминалось там, будто ненароком, и имя «Израфил». Впрочем, По, конечно, и без этого красноречивого указателя понял, кому оно адресовано. И в номере от 26 апреля тоже ответил стихами, которые озаглавил «К Ф***»:

Коль хочешь ты любовь внушать,
Иди и впредь путем своим,
Всегда собою будь и стать
Не тщись вовек ничем иным.
Ты так чиста, так мил твой взор,
Краса так богоравна,
Что не хвалить тебя — позор,
А не любить — подавно.

К сожалению, даже замечательный перевод Ю. Корнеева не способен в полной мере передать колорит текста. В оригинале «приглашение к любви» звучит смелее, чем это удалось выразить переводчику.

Скорее всего, миссис Осгуд было невдомек, что она — не первая, кому поэт посвящает эти строки[329]. Но даже если это и не так, все равно она не могла не «воспламениться» и не ответить стихами, которые озаглавила «Песнь эха». Начиналась «песнь» следующими строками:

Я знаю сердце верное, что бьется
Для той, которая столь нежно любит,
И даже знаю — для кого так бьется…
Но не скажу — ведь слово чувство губит…[330]

Поэт ответил:

Любимая! Средь бурь и гроз,
Слепящих тьмой мой путь земной
(Бурьяном мрачный путь зарос,
Не видно там прекрасных роз),
Душевный нахожу покой,
Эдем среди блаженных грез,
Грез о тебе и светлых слез.
Мысль о тебе в уме моем —
Обетованный островок
В бурлящем море штормовом…
Бушует океан кругом,
Но, безмятежен и высок,
Простор небес над островком
Голубизной бездонной лег[331].

Хотя и это стихотворение он «переадресовал» (Э. По сочинил его в 1835 году и посвятил Мэри Уиндерн, подруге Эльмиры Ройстер, своей первой любви), но едва ли она могла знать об этом. Впрочем, это и не важно. «Литературный роман» разгорался. В течение года «обетованный островок» под своим именем и под псевдонимами опубликовал несколько стихотворений в «Бродвей джорнал». Впрямую они не были посвящены поэту, но сам факт публикаций, в которых он, разумеется, не был сторонним наблюдателем, красноречив.

Э. По уже не отвечал стихами, но между ними завязалась бурная переписка. Вполне вероятно, что в письмах были и стихотворные строки, но письма (читатель узнает почему) не сохранились. Они не просто стали видеться, но встречались очень часто — те, кто наблюдал за ними, свидетельствуют: ни одного литературного собрания, на которые теперь постоянно приглашали знаменитого автора «Ворона», не обходилось без участия Фанни (так ее звали некоторые друзья, так — с разрешения — ее называл и поэт). Один из свидетелей вспоминал «детское личико Фанни Осгуд, залитое слезами под влиянием его [По] колдовских чар». А Томас Инглиш, тогда уже недоброжелатель поэта, сплетничал: «Малышка Осгуд совершенно по-детски… не сводит глаз с По». Абсолютно прав был П. Акройд, когда утверждал: «По стал ее литературным кумиром» и «изо всех сил поддерживал Фрэнсис в ее идолопоклонстве»[332].

Хотя Фанни, безусловно, кокетничала, и порой на «грани фола», эту «грань» она, разумеется, переходить не собиралась. С ее стороны это был «острый», но совершенно литературный роман. Тем более что *до* По она довольно рискованно — в таком же ключе — флиртовала и с другими популярными литераторами. Например, с тем же Р. Грисуолдом.

Говорили, что она была несчастлива в браке, что ее муж, вечно поглощенный своей работой художник, не уделяет ей должного внимания. Может быть, и так. Но она родила ему троих детей. Да и «роман» развивался на его глазах. Никто ничего не скрывал. И со стороны мужа, судя по всему, никакого раздражения такое общение не вызывало. Тем более что он знал общительный характер жены, ведал, *что* значит для нее литература. К тому же он ей доверял.

Труднее сказать, как воспринимал свои отношения с миссис Осгуд поэт. Сам он однажды в нетрезвом виде признался Томасу Чиверсу, что «чертовски влюблен». Но подразумевало ли это нечто «за пределами литературы» — желание физической близости, например?

Маргарет Фуллер, женщина весьма рассудочная и трезвая (кстати, совсем не из числа доброжелателей По, скорее наоборот), непосредственно наблюдавшая развитие событий, полагала, что для поэта эти любовные отношения на самом деле были «полной страсти иллюзией, которой он развлекал себя, скорее сочиняя ее сам, чем подчиняясь искреннему чувству»[333].

Как сюда вписывается визит (в первых числах июля 1845 года) в Провиденс, штат Род-Айленд? Туда поэт отправился по приглашению Фанни (она гостила у подруги и послала записку с приглашением навестить ее). Да, в общем, без труда. Хотя свое путешествие По и предпринял втайне от семьи, заняв для этого десять долларов у Чиверса. Но это объяснить нетрудно: зачем беспокоить родных попусту?

С другой стороны, миссис Осгуд была нередкой гостьей в семье поэта, ее радушно принимали. Более того, по утверждению А. Х. Квина, Вирджиния считала положительным влияние, что оказывала супруга художника на ее мужа, полагая, что та отвращала его от бутылки. Вполне возможно, что именно так и было. Во всяком случае, поэт действительно не позволял себе появляться в ее присутствии нетрезвым и воздерживался от спиртного.

Об отношении Вирджинии к миссис Осгуд (и наоборот) красноречиво свидетельствует фрагмент воспоминаний последней об одном из таких посещений:

«Его [По] собственная семья была очень простой, но поэтичной и высвечивала характер Эдгара По в самом выигрышном свете. Игривым, ласковым, остроумным, послушным и своенравным одновременно, точно балованный ребенок, — таким он был для своей юной и нежной жены, которую боготворил. Таковым он был и для тех, кто приходил к нему в дом — даже если его заставали в самый разгар его беспокойных литературных трудов, — всегда улыбающийся, с добрым словом, внимательный и воспитанный… Вспоминаю его однажды утром (незадолго до того, как он переехал), когда он был особенно весел и беззаботен. Вирджиния, его милая жена, написала мне записку с приглашением навестить их. Я никогда не могла сопротивляться ее ласковым словам, тем более что наслаждаться обществом [По] мне больше всего нравилось в его собственном доме, нежели в ином другом месте, и я поспешила на Эмити-стрит. Там нашла его — он только что закончил очередную серию очерков для „Литераторов Нью-Йорка“. „Вот, смотрите, — сказал он с торжествующей улыбкой, указывая на несколько небольших рулонов узкой бумаги (он всегда писал таким образом). — Я собираюсь показать вам, как, исходя из величины этих рулонов, я оцениваю значение тех или иных представителей нашей литературной братии. Один из них содержит и вашу подробную характеристику. Вирджиния! — позвал он. — Иди сюда и помоги мне!“ И один за другим они принялись разворачивать их. Наконец нашли один, который казался бесконечным. Развернув его целиком, Вирджиния с началом рукописи со смехом отбежала в дальний конец комнаты, а ее муж, с окончанием в руках, занял противоположный. „Ну и кому посвящен сей длиннейший свиток?“ — спросила я. „Вы только послушайте ее, — вскричал он, — можно подумать, ее тщеславное сердечко ничего ей не подсказало!“»[334].

Действительно, очерк, посвященный миссис Осгуд, — один из самых больших в «Литераторах Нью-Йорка». Стоит ли говорить, что и один из самых (если не самый) доброжелательных — с цитированием стихов и дифирамбами таланту. Но ведь и не был никогда Эдгар По критиком справедливым — не только «партийная принадлежность», но и личные симпатии и антипатии всегда играли важную роль в его журналистских публикациях.

Последнее стихотворение, адресованное «Фанни», По написал

13 февраля 1846 года и прочитал его в субботу 14 февраля, на День святого Валентина, в собрании литературных дам — в салоне Элизабет Оукс Смит. Вот эти строки в переводе В. Брюсова:

Фантазия — для той, чей взор огнистый — тайна!
(П**р**и нем нам кажется, что звезды Леды — дым.)
Зд**е**сь встретиться дано, как будто бы случайно,
В ог**н**е моих стихов, ей с именем своим.
Кто в**с**мотрится в слова, тот обретет в них чудо:
Да, тал**и**сман живой! да, дивный амулет!
Хочу на **с**ердце я его носить! Повсюду
Ищите же! **С**тихи таят в себе ответ.
О, горе, поз**а**быть хоть слог один. Награда
Тогда поте**р**яна. А между тем дана
Не тайна Горд**и**я: рубить мечом не надо!
Нет! С крайней **ж**аждою вникайте в письмена!
Страница, что теп**е**рь твой взор, горящий светом,
Обходит медлен**н**о, уже таит в стихах
Три слова сладос**т**ных, знакомых всем поэтам,
Поэта имя то, велик**о**е в веках!
И пусть обманчивы в**с**егда все буквы (больно
Сознаться) ах, пусть л**г**ут, как Мендес Фердинанд, —
Синоним истины тут зв**у**ки!.. Но довольно.
Вам не понять ее, — гирлянд**а** из гирлянд.

Брюсовский перевод — не лучший из переводов на русский язык стихотворения Э. По «A Valentine» (заглавие обычно переводят: «Другу сердца в День святого Валентина»). Но, подобно оригиналу, он содержит зашифрованное имя адресата послания — Frances Sargent Osgood — если читать первую букву первой строки, затем вторую — второй, третью — третьей, четвертую — четвертой и т. д. Автор настоящих строк специально выделил их.

Трудно сказать, сразу же догадались о шифре присутствующие или потом, но к тому времени отношения между поэтом и Фанни не только не были секретом, но давно стали предметом сплетен и неодобрительных пересудов. К тому же за симпатии поэта боролись и другие литературные дамы. Им и самим хотелось этой «игры»: стихотворных посланий, обмена двусмысленными фразами, рискованной переписки, понимающих взглядов, обожания, свиданий… Нет, конечно же — не преступая последней грани! Но приключение могло стать подлинным — пряным и острым — украшением такой пресной и монотонной

жизни в рамках приличий!

Среди тех, кто, помимо Фанни Осгуд, особенно настойчиво стремился завязать особые отношения с поэтом, была некая Элизабет Эллет (1818–1877), довольно посредственная поэтесса, но весьма амбициозная дама и изрядная интриганка. В то время когда был еще «жив» «Бродвей джорнал», По опубликовал на его страницах несколько ее текстов (среди них, пожалуй, самое известное произведение «Песня кокетки» — в начале декабря 1845 года), а на приемах, бывало, обменивался с нею любезностями и лестно отзывался о ее опусах. Литературная леди возомнила, что сможет залучить поэта в свои сети, и принялась бомбардировать его недвусмысленными посланиями. Надо признать, что и По нравилась эта игра. Он отвечал. И, возможно, слишком любезно — поощряя к интриге. Но, как мы знаем, предпочел другую.

Что же касается «другой» — тут тоже не все просто. В своем увлечении поэтом миссис Осгуд — во всяком случае, в глазах «общества» — явно перешла границы благопристойности. Слишком откровенно демонстрировала она свои чувства. И для досужих сплетниц (к тому же соперниц!) совершенно не важно было, чем они на самом деле вызваны — самим поэтом или его поэзией. К тому же *до* По мимолетным предметом увлекающейся Фанни был Руфус Грисуолд. И он, конечно, не мог простить ни «ветреную» поэтессу, ни тем более своего заклятого друга. А поскольку интриганом он был изрядным, то с удовольствием смаковал слухи и вместе с Бетти Эллет и другими обиженными кумушками распускал сплетни о романтических отношениях между По и миссис Осгуд.

Искры пересудов — то разгораясь, то затухая — тлели всю вторую половину 1845-го — первые месяцы 1846 года. Выступление По 14 февраля 1846 года в литературном салоне мисс Смит с чтением стихотворения на День святого Валентина, адресованного «другу сердца», видимо, стало «последней каплей». Скандал разразился.

Элизабет Эллет решила нанести удар поэту и сопернице в наиболее уязвимое место и пришла с визитом к Вирджинии. Однако известие об отношениях не оказало того эффекта, на который рассчитывала интриганка. Простодушная Вирджиния не только не видела в дружбе ее Эдди с миссис Осгуд ничего предосудительного, но даже поделилась собственными приятными воспоминаниями о посещениях их дома милой дамой. Она рассказала, что и сама нередко приглашала ее, переписывалась с ней, и даже принесла и показала ей письма Осгуд, которые, оказывается (о ужас!), поэт не только не скрывал

от своей жены, но, похоже, даже читал их ей.

Горя праведным гневом, госпожа Эллет, в нужном ключе интерпретировав историю, поделилась ею со старшими подругами — мисс Смит и премудрой Маргарет Фуллер. Те признали, что письма необходимо вернуть автору, связались с Фрэнсис и посоветовали ей сделать это. Фанни обратилась к По и попросила возвратить письма. Поэту не составило труда узнать, кто стал инициатором демарша. Письма он вернул, но, конечно, возмутился вмешательством в его личную жизнь и не преминул при свидетелях язвительно напомнить миссис Эллет, что и она «заражена зудом переписки». И посоветовал ей самой «получше следить за своими собственными письмами». И действительно, в одном из двух дошедших до наших дней писем мадам Эллет (от 15 декабря 1845 года) содержится приписка, компрометирующая ее: «У меня есть для вас письмо. Не будете ли вы любезны зайти и взять его сегодня вечером после семи часов».

А ниже — стихотворение из трех строк:

> О, что за бурю вызвали вы в сердце!
> О, что за чувства в нем вы пробудили,
> Но кровоточит воспарившая душа…[335]

Конечно, каждый волен трактовать приведенные строки в «меру своей испорченности». Но, согласитесь, приглашать постороннего мужчину в дом… и ближе к ночи… По меркам того времени — не самых свободных нравов — приглашение можно истолковать определенным образом. К тому же никакого «письма», похоже, не было. А если и было, то автором его, скорее всего, являлась сама миссис Эллет.

Правда, По не явился. Вероятно, намек он не понял. Тем более что и приписка, и стихотворные строки были написаны влюбленной мадам по-немецки. Благодаря прекрасному образованию немецким она владела свободно. А вот поэт в этом языке, как известно, был, увы, не силен. Жаль, что та, в чьем сердце он посеял бурю, этого не знала. Могла бы выразиться и яснее.

Вслед за тем поэт собрал письма Эллет и отослал их ей. Но *того самого* письма среди них не было! И это серьезно ее встревожило. Она обратилась за помощью к брату. Брат, Уильям Льюммис, был человек военный (полковник!), прямой, к тому же ожидал отправки в действующую армию (американо-мексиканская война уже шла). Он потребовал вернуть *все письма* сестры. В противном случае обещал пристрелить поэта. По отвечал, что отправил *все* письма. Полковник утверждал, что он

нагло лжет. Дошло не только до взаимных оскорблений, но и до потасовки. В общем, сцена получилась донельзя некрасивая и нервная.

Самое грустное, что все это происходило на глазах по-детски чувствительной Вирджинии. Волноваться ей было совершенно нельзя, и эта ссора, возможно, оказалась для нее фатальной. К тому же прискорбный инцидент не исчерпал ситуацию: миссис Эллет, так и не получив компрометирующего послания, принялась засыпать несчастную женщину анонимными письмами, в которых обливала грязью ее мужа, Фанни, их отношения и даже утверждала, что недавно родившийся третий ребенок миссис Осгуд — плод преступной связи[336]. Впоследствии По — что это: реальность или самовнушение? — утверждал: «Она [миссис Эллет] постоянно терзала мою бедную Вирджинию своими анонимными письмами. На смертном одре жена призналась, что миссис Э. стала ее убийцей»[337].

Не оставила интриганка в покое и семью Осгуд. Только после того как супруг Фанни в июле 1846 года потребовал публичного извинения перед супругой (иначе он возбудит дело о клевете), Эллет успокоилась. И даже извинилась.

А Фрэнсис Осгуд покинула Нью-Йорк. И больше с Эдгаром По никогда не встречалась. Никаких отношений — ни эпистолярных, ни поэтических — они уже не поддерживали.

Впрочем, сплетни не смолкали и после смерти поэта. Миссис Осгуд даже возмущалась:

«Это так жестоко, потому что я была единственной из всех этих литературных дам, кто специально не искал с ним [По] знакомства, — миссис Эллет сама упрашивала меня представить ее и повсюду его преследовала, мисс Линч умоляла меня привести его к ней и посылала приглашения на дом, миссис Уитмен засыпала его валентинками и письмами задолго до того, как он свел с ней личное знакомство; да и все другие — слали ему стихи и письма, — слишком жестоко, что теперь, после его смерти, я оказалась единственной жертвой…»[338]

К сожалению, это еще не конец истории.

После бурного объяснения с мистером Льюммисом, видя, как тяжело переживает инцидент несчастная Вирджиния, По впал в неистовство и решил сам… застрелить полковника. Он бросился вон из квартиры и помчался к Томасу Инглишу. Хотя с тем у него были натянутые (если не враждебные) отношения, он почему-то направился именно к нему, ворвался в дом и потребовал дать ему пистолет. Инглиш пистолета не дал, но попытался остановить поэта и выяснить, в чем дело и что привело его в такое состояние. Успокоить По ему не удалось. Более того, они даже подрались.

Поэт покинул Инглиша и — вероятно, какое-то время «бродил по улицам… бормоча невнятные проклятия… отчаянно жестикулируя и обращая речи к неведомым духам…». А потом… прибег к самому верному средству — бутылке.

«По — блестящий автор вне зависимости от того, пьян он или трезв, и мог бы превратиться в нечто совершенно выдающееся, если бы не был неисправимым плутом и мошенником, — в последнем номере „Гоудиз“ [„Гоудиз лэдиз бук“] опубликовал несколько очерков о литераторах Нью-Йорка; говорят, они весьма остры. Я их не видел, но они произвели сенсацию; в городе списки с них продают поштучно. Я дважды просил раздобыть мне хотя бы один, но безуспешно. Журнал объявил, что эта серия будет переиздана с добавлением в июньском номере. Полагаю, что здесь, в городе, его переиздадут специально. По покинул Нью-Йорк насовсем и отправился на Юг, но сочинения его будут продаваться и впредь, поскольку он гений»[339].

Так писал Хорас Грили одному из своих приятелей в мае 1846 года, отзываясь на выход первых очерков большой серии «Литераторы Нью-Йорка», опубликованных в майском номере одного из самых тиражных периодических изданий той поры — филадельфийского журнала «Гоудиз лэдиз бук».

Действительно, их появление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ведь те, о ком писал По, были его современниками. И нелицеприятная характеристика (а она была совершенно нелицеприятной), данная их творчеству и человеческим качествам, естественно, не могла понравиться — тем, о ком он написал, и обеспокоить — тех, о ком он написать еще не успел, но планировал. При том что к большинству своих коллег По не испытывал ни личных, ни литературных симпатий. И об этом знали.

Справедливости ради необходимо отметить, что, опубликовав первую серию из семи очерков, едва ли Эдгар По смог серьезно задеть своих героев. Избранные им фигуры были в основном невелики. Кто, например, сейчас знает о журналисте по имени Уильям Киркленд? Или о таких авторах, как Уильям Гиллеспи или Джон У. Фрэнсис? Кому, кроме уж очень узких специалистов, известен романист по имени Джордж Колтон (1818–1847) или историк-богослов Джордж Буш (1796–1859)? Тогда они были известны, конечно, больше, но и в те годы явно не числились в «звездах». Совсем иной статус был у двух других «героев» По — знакомых читателю Натаниэля Уиллиса и Чарлза Бриггса. Что касается последнего, ему трудно было ожидать благосклонности. По не только разгромил его сочинения, но и дал саркастическое

описание внешнего облика своего недоброжелателя: здесь и «суетливая походка», и «маленькие, близко расположенные серые глазки», и маленький рост. И вообще, «внешность мистера Бриггса, — как писал автор, — нельзя назвать располагающей». Отзыв же о Н. Уиллисе, напротив, хотя и был сдержанным, но совсем не враждебным.

Однако это была только первая «порция». Планировалось и продолжение. А многообещающий подзаголовок публикации «Некоторые искренние суждения о литературных достоинствах взятых наугад авторов с добавлением вольных слов по поводу их личных качеств» — сулил неожиданности и многих обеспокоил.

Реакция последовала незамедлительно. На фоне отголосков недавнего скандала с Фрэнсис Осгуд и «благородными» литературными дамами газеты ринулись обливать поэта грязью, обвинять его в аморализме и безбожии, провозглашали его сумасшедшим, а тему пьянства поэта — впрямую или полунамеками — не обошло, наверное, ни одно из изданий, упоминавших в эти дни его имя.

Вроде бы и волновались они напрасно: июньский номер «Гоудиз» помимо обещанного перевыпуска майских очерков включал еще восемь новых, и среди них не было ни одного, способного «взорвать» публику. Их «герои», за исключением, пожалуй, Чарлза Энтона (1797–1867), не принадлежали к «первому ряду». Да и характеристики, им данные, вовсе не губили их репутации. А очерк, посвященный профессору Энтону, постоянному корреспонденту и в некоторой степени даже покровителю поэта (во всяком случае, человеку, всегда к нему расположенному), «самому крупному, — по словам По, — из современных американских ученых», вообще можно назвать панегириком.

Тем не менее война была развязана. И жертвы были неизбежны.

Уильям Гилмор Симмс[340], один из самых влиятельных в то время американских писателей, южанин, с сочувствием относившийся к Э. По, писал ему тогда же:

> «Уверен, нет необходимости говорить, как глубоко и искренне я сочувствую вам в связи с неприятностями, что на вас обрушились, — тем более что не вижу способов [исправления ситуации] иных, кроме тех, что зависят от ваших же действий и поступков… Деньги, конечно, можно заработать, но не только это вам необходимо… Пользуясь привилегией искреннего друга, хочу сказать откровенно, что вы, возможно, переживаете

сейчас самый рискованный период в вашей карьере, — именно сейчас — в эту пору, — когда любой неверный шаг становится большой ошибкой, — а большая ошибка может иметь роковые последствия, вы уже не мальчик. После тридцати надо взрослеть».

Увы, даже если бы По и хотел последовать совету старшего друга, то не мог этого сделать — в силу характера и обстоятельств. Очерки были написаны давно и находились в распоряжении редакции «Гоудиз», а деньги, о которых, видимо, и упоминает Симмс, давно получены и истрачены. Да и характер самого поэта — его «бес противоречия» — не позволял поступить иначе. Только продолжать схватку.

В июле вышла очередная «порция» «Литераторов». На этот раз досталось давним недругам — Ф. Г. Хэллеку, Т. Олдричу и Т. Инглишу. Особенно едко Э. По прошелся по последнему.

В свою очередь, Инглиш опубликовал в газете «Нью-Йорк миррор» «Ответ г-ну По», в котором смешал все мыслимые и немыслимые грехи поэта, высмеял его характер, провозгласил законченным алкоголиком, объявил сумасшедшим и безбожником, пренебрежительно отозвался о сочинениях, прошелся по финансовым обстоятельствам, вспомнил о долгах и займах, а под конец обвинил его в подлоге. Последнее было очень серьезным обвинением, при том что он ссылался на конкретный эпизод. К тому же статью Инглиша — его стараниями — перепечатали многие газеты.

Но и на этом он не успокоился и засел за сочинение сатирического романа (!), одним из действующих лиц которого стал поэт. А поскольку его перо подогревало чувство мести, писал он быстро, и уже в конце июля газета «Уикли миррор» опубликовала начало. Роман назывался «1844, or The Power of the „S. F.“», публиковался еженедельно — сериями, без указания авторства. Но авторство не составляло секрета. Поэта Инглиш вывел под именем Мармадьюк Хаммерхед[341]. Этот герой впервые появился в первом сентябрьском номере газеты — в седьмой части «сериала». Он постоянно пил, скандалил, бахвалился и требовал денег.

Д. Томас и Д. Джексон в своей летописи жизни поэта приводят характерный диалог двух героев, обсуждающих Мармадьюка. Фрагмент настолько красноречив, что автор настоящих строк не может удержаться, чтобы не процитировать его:

«— А кто это?..
— Это — Мармадьюк Хаммерхед. Очень известный

автор дешевых бульварных листков; стремится стать критиком, но человеком чести не является. Он автор стихотворения под названием „Черная ворона“, вызвавшего некоторое шевеление в литературных кругах.

— А что он за человек?

— Проходимец. Но никогда не напивается чаще пяти дней в неделю. Если говорит правду — то только по ошибке. Обладает моральными устоями, в соответствии с которыми считает важным пороть жену, когда думает, что она это заслужила, а также по случаю — когда подворачивается под руку. Ворует по мелочи. Но под суд, насколько мне известно, еще ни разу не попал. Время от времени ему устраивают-таки порку и таскают за нос, отчего последний увеличился до необыкновенной длины, несвойственной представителям человеческой расы»[342].

Текст, конечно, оскорбительный. Трудно сказать, прочитал ли сочинение По. Целиком — наверняка нет. Приведенный фрагмент — вполне может быть. Но едва ли обиделся на «роман» и Мармадьюка. Вот если бы это было написано остро, талантливо и художественно убедительно… Кстати, в ноябре 1846 года со страниц «Гоудиз» он ответил Инглишу. И сделал это и убедительно, и изящно — новеллой «Бочонок амонтильядо».

Но если на пасквиль можно ответить изящно-литературно, литературного ответа на обвинение в подлоге — то есть в преступлении — было мало. Слишком серьезное обвинение. К тому же косвенно страдала высокая репутация респектабельного журнала «Гоудиз лэдиз бук», в котором не только публиковались тогда «Литераторы Нью-Йорка», но и Э. По был одним из постоянных авторов. Как же можно давать «трибуну» преступнику?

Луис Гоуди, владелец издания, настоял, чтобы По ответил на обвинения Инглиша, прозвучавшие в «Нью-Йорк миррор». Что поэт с удовольствием сделал. Он, разумеется, не стал (и не мог!) опровергать обвинения в несдержанности и пристрастии к вину, но отмел все иные и, более того, заявил: «Свою невиновность я сумею доказать в суде».

Последняя фраза — едва ли инициатива самого поэта. У него не было денег даже на то, чтобы подать исковое заявление, а тем более оплатить судебные издержки. Несомненно, на судебном преследовании настояли издатели.

«Ответ г-ну Инглишу и другим» появился 10 июля. Разумеется, мистер Гоуди не мог опубликовать его в своем

респектабельном издании — этого не позволяли сделать ни формат журнала, ни его периодичность. Материал был напечатан в ежедневной, вполне «бульварной» и очень тиражной «Spirit of the Times». Существенно, что за публикацию — десять долларов — заплатил мистер Гоуди[343]. Вслед за тем был подан иск в нью-йоркский городской суд по делу о клевете к «Нью-Йорк миррор» и Т. Инглишу. Едва ли приходится сомневаться, что и эта инициатива исходила не от поэта, а от его филадельфийских издателей.

Но вся эта суета — тем более что дело и его обстоятельства широко обсуждались как в нью-йоркской, так и в филадельфийской прессе (не говоря о тогдашней «литературной тусовке») — очень тяжело действовала на Э. По, погружая его в меланхолию. Некий мистер Сондерс, служащий «Библиотеки Астора», знавший поэта, поскольку тот был ее читателем, примерно в это время встретил Эдгара По на улице:

«Я увидел, что он очень удручен и, видимо, страдает от одного из приступов меланхолии, которым был подвержен. Он говорил о заговоре, что составился среди американских писателей, желавших принизить его гений и помешать его трудам. „Но пусть судит время, — сказал он, гордо сверкнув глазами. — Будущие поколения сумеют отсеять золото от песка“…»[344]

Томас Чиверс, навещавший поэта в те дни, свидетельствовал:

«Не проходило дня, чтобы По не получал по почте анонимных писем от каких-нибудь подлых негодяев, которые так истерзали его душу, что в конце концов он уверовал, будто весь род людской, одержимый самим дьяволом, ополчился на него…»

Адвокаты, нанятые мистером Гоуди, суд выиграли. Процесс начался 17 февраля. Двенадцать присяжных признали справедливость выдвинутого обвинения в клевете. Вердикт был вынесен 22 февраля 1847 года. В пользу истца владельцы «Нью-Йорк миррор» обязывались выплатить 326 долларов 48 центов. Из них По предназначалось 225 долларов, остальное составляли судебные издержки[345].

Ирония судьбы: судя по всему, эти самые 225 долларов — самая большая сумма, которую Эдгару А. По приходилось когда-либо держать в руках. Очередное красноречивое свидетельство того, что литература явно не принадлежит к числу доходных занятий.

Здесь вроде бы уместна ремарка: вот, смотрите, даже в тогдашней Америке действовали законы и обычному человеку можно было выиграть иск в суде.

Разумеется, это заблуждение. Иск выиграл не Эдгар По, как

бы справедливы ни были его доводы (они, насколько можно судить по материалам прессы, были весьма шатки), а дорогие адвокаты, нанятые владельцем «Гоудиз лэдиз бук».

«Самым прискорбным во всей этой досадной истории, — писал в биографии поэта Г. Аллен, — начавшейся с неоправданных атак на Инглиша в „Гоудиз лэдиз бук“, было то, что в итоге некоторые человеческие слабости По стали всеобщим достоянием».

С этим суждением нельзя не согласиться. Суд был выигран. Истец получил солидную компенсацию. Но ущерб его репутации был нанесен непоправимый.

«Ничто, — продолжает тот же автор, — не причинило такого вреда доброму имени По, как распря с Инглишем. Несовершенства других выдающихся людей, избежавшие широкой огласки, были впоследствии забыты. Слабости же, присущие По, на все лады склонялись целым сонмом жалких газетенок, редакторы которых с мстительной радостью обливали грязью собратьев по перу в те годы, когда уличные сплетни считались вполне пригодным материалом»[346].

И в этом биограф тоже прав. Впрочем, не только Т. Инглишу следует предъявить обвинения в испорченной репутации поэта. Их было много — и среди его современников, и среди потомков. Но будем справедливы: немалая часть вины лежала и на самом Эдгаре По, настроившем против себя слишком многих.

Фордхэм, смерть Вирджинии. 1847

«Начните по три-четыре раза на дню говорить негодяю, что он верх совершенства, — вы на деле превратите его в то, что можно назвать „воплощением респектабельности“. С другой стороны, возьмитесь с настойчивостью клеймить человека достойного как мерзавца — и вы наполните его извращенным стремлением доказать вам, что вы не вполне ошибаетесь».

Это горько-парадоксальное замечание прозвучало в «Marginalia»[347] — размышлениях и заметках по разному поводу, которые поэт время от времени (с ноября 1844-го по сентябрь 1849 года) публиковал в разных периодических изданиях. Нет сомнений, что он учитывал и свой собственный печальный опыт. А ремарка об «извращенном стремлении» красноречиво указывает на «беса противоречия», которого, как мы видим, По приписывал не только себе.

Его собственный «бес противоречия», разумеется, предписывал ему продолжать борьбу. Но с некоторых пор, а точнее — с лета 1846 года, распря с многочисленными недругами явно отходит для него на второй план. Переживания, связанные со скандалом вокруг поэта и «благородных дам», с войной, вызванной публикацией «Литераторов», вызвали серьезное осложнение болезни Вирджинии. В конце мая По снимает коттедж за городом и перевозит туда семью. Вскоре, вероятно, в самом начале лета, присоединяется к ним и сам. И хотя публикация скандальной серии продолжается (последний — шестой — выпуск появился в октябрьском номере «Гоудиз») и разворачивается коллизия с судебным иском, По, по сути, принимает в этих событиях минимальное участие. В этом смысле весьма характерна ремарка Х. Грили в письме, выдержку из которого мы приводили выше: «По уехал из Нью-Йорка насовсем и отправился на Юг». Видимо, даже те, с кем он более или менее постоянно общался, не знали, куда он делся.

На День святого Валентина, тот самый день, когда в «благородном дамском собрании» он читал зашифрованное послание, адресованное Фанни Осгуд, его жена Вирджиния подарила ему собственное стихотворение, валентинку:

Это я пишу к тебе с любовью!
Дорогой мой, жизнь моя — в тебе.
Господи, о дай нам дней без боли.
Ах, как хочется навеки мне
Радость приютить в жилище милом,

А за окнами пусть сплетни и грехи,
Лишь бы ты и я всегда любили,
Лишь бы легкие мои дышать могли.
Ах, блаженные часы уединенья! —
Никогда не скучно мне с тобой.
Пусть продлится жизнью наслажденье,
Обойдут несчастья стороной.[348]

Разумеется, в художественном отношении (да и в мелодике) перевод лучше оригинала. Но он вполне адекватно воспроизводит форму и смысл текста. Это акростих. Видно, немало потрудилась, сочиняя его, Вирджиния, совсем не «литературная» жена поэта. Вполне ясно выраженное ею желание бежать из города, безусловно, разделял и По. Известно, что тогда же, еще на излете зимы, он навестил Бреннанов. Можно ожидать, что о том, прежнем «уединении», и мечтала Вирджиния. Но договориться с ними на этот раз отчего-то не получилось. И По нашел (возможно, с их «подачи») другой вариант — Фордхэм.

Это сейчас Фордхэм — респектабельный городской университетский район в той части Нью-Йорка, что расположена чуть севернее кварталов Бронкса. А тогда, во второй половине 40-х годов XIX века, это был даже не пригород, а совершенно сельская глубинка в двадцати с лишним километрах от окраин города.

Разумеется, дом (точнее, домик), в котором обитала семья поэта, не сохранился, но сохранилось его изображение.

«Коттедж, в котором поселились По, размещался на треугольном участке земли площадью около акра[349]… В этом небольшом домике с широкими дверями и забранными частым переплетом окнами было четыре комнаты — по две на каждом этаже, кухня с открытым очагом и пристройка для скота. Спереди — маленькая веранда, „увитая побегами жасмина и жимолости и уставленная горшочками с дивными цветами“, как писал По. Он вспоминает также „яркую зелень тюльпановых деревьев, частично затенявших дом, и идущие от него в разные стороны дорожки, выложенные большими и гладкими, неправильной формы, гранитными плитами… утопающими в чудесном мягком дерне, — неплотно пригнанными, с пробивающимся в частых промежутках бархатистым мхом“. Крыша была в ту пору из темной сосновой дранки.

Самая просторная общая комната, где обычно

работал По, находилась на первом этаже. Ее обстановку составляли круглый стол, несколько стульев, кресло-качалка и диван или, скорее, даже кушетка. К общей комнате примыкала крошечная спальня миссис Клемм, куда позднее положили больную Вирджинию. Две комнаты наверху были отведены для По и Вирджинии.

Окрестности были очень живописны. Обращенный фасадом на запад, дом стоял на невысоком холме вблизи дороги. В маленьком дворике росли кусты сирени и раскидистая вишня. С севера к дому почти вплотную подступали небольшая рощица и яблоневый сад. С поросшего травой южного склона холма, сбегавшего к берегу мелководной речушки Милк-Крик, открывался вид на привольно раскинувшиеся вдали фермерские угодья»[350].

Так описывал загородное обиталище поэта и его семьи Герви Аллен.

От картины, нарисованной биографом, несколько отличается та, что представила в своих воспоминаниях миссис Мэри Гоув (1810–1884), посетившая поэта в конце лета — начале осени 1846 года. Ее сопровождал романист Джордж Колтон. Это был «визит вежливости»: оба удостоились благосклонного отзыва поэта в «Литераторах». Но от взгляда литераторши не ускользнули интересные подробности:

«Мы разыскали его [По], его жену и его тещу… они обитали в маленьком домике на вершине холма. Он стоял на лугу площадью в один или два акра и был обнесен забором… Во дворе росли несколько старых вишен, дававших густую тень. В доме было три комнаты — кухня, гостиная и спальня. Она располагалась над гостиной. Имелась еще и терраса — с фронтальной стороны. Небольшая, но очень милая. Там хорошо было сидеть в летние дни — в тени вишневых деревьев. [Возле дома] не было ни огорода, ни цветника — только лужайка с коротко стриженной травой».

Место было уединенное, как раз такое, о каком мечтала Вирджиния. Оставила миссис Гоув и описание женщин, обитавших в коттедже:

«По случаю меня представили молодой жене поэта и ее матери, которой тогда было уже за шестьдесят. Она была высокой, достойной пожилой дамой с

благородными манерами. Ее черное платье, хотя и довольно поношенное, смотрелось на ней элегантно. На голове был вдовий капор особого кроя, очень изысканно сочетавшийся с ее снежно-седыми волосами. У нее были крупные черты лица, и они гармонировали с ее внушительной фигурой. Вызывало удивление, как такая крупная царственная особа могла стать матерью миниатюрной дочери. Миссис По выглядела очень юной; у нее были огромные черные глаза, оттененные бледностью жемчужной белизны кожей лица. Ее бледное лицо, искрящиеся глаза, волосы цвета воронова крыла производили впечатление совершенно неземное».

Но от взгляда посетительницы, естественно, не ускользнуло, что Вирджиния очень больна:

«Не было нужды в особой проницательности, чтобы понять — душа едва теплится в этом прекрасном создании, и, когда она кашляла, становилось понятно, что жить ей осталось совсем недолго».

Однако вернемся к жилищу поэта.

> «Дом был пронизан духом аристократизма и вкуса, источником которого служили его обитатели. Все было очень аккуратно, бедно, почти без мебели, но такого очаровательного жилища я никогда прежде не видела. Пол на кухне был выскоблен добела. Стол, стул и небольшая печка — вот и все, что там находилось, но обстановка казалась завершенной — ничего не добавишь. Пол в гостиной укрыт половиком; четыре стула, легкая конторка для письма и книжная полка на стене завершали меблировку»[351].

Хотя от посетительницы не укрылась бедность обитателей Фордхэма, картина получилась почти идиллической. Увы, таковой она могла представляться только со стороны. Семья бедствовала. Летом — усилиями деятельной миссис Клемм — им еще как-то удавалось сводить концы с концами (помогали «дары природы» и приношения сердобольных соседей), но с приближением осени ситуация стала приобретать угрожающий характер. Тем более что По ничего не писал и гонораров, соответственно, не было. В декабре 1846 года он сообщал Чиверсу:

«Я проболел около шести месяцев и большую часть этого времени — тяжело, будучи не в силах составить даже обычного письма. Все мои журнальные публикации, появившиеся в этот

период, были переданы издателям еще до того, как я захворал».

Что касается «обычных писем», изучение переписки показывает, что это не совсем так. Ее интенсивность летом, осенью и в начале зимы действительно снизилась. Но письма По писал. А вот то, что он ничего не сочинял и не занимался журналистикой, полностью соответствует действительности.

Что касается *его* болезни — речь не идет об «интоксикации». В Фордхэме поэт не пил. Можно предположить, что после водворения в загородном доме Эдгара По настиг очередной приступ упадка сил. Что, впрочем, совершенно неудивительно, учитывая те треволнения, что предшествовали этому. А осенью и зимой это могла быть простуда — много ли тепла давала «маленькая печка» на кухне? Денег на дрова (а тем более на уголь) у них не было. Топить приходилось сухой травой и хворостом. Пальто — единственное — у поэта имелось. Но поношенное. Согревало оно плохо.

«Хворь», о которой он писал Чиверсу, была главным образом, конечно, нервного свойства: его Вирджиния угасала, а он ничем не мог ей помочь.

В ноябре коттедж в Фордхэме вновь навестила миссис Гоув:

«Пришла осень. Миссис По быстро угасала от туберкулеза. Я увидела ее в спальне. Все кругом нее было в чистоте и безупречном порядке и так скудно и по-нищенски убого, что вид несчастной страдалицы вызвал во мне щемящую жалость — такую, какую способны испытать лишь бедняки к беднякам. На кровати не было покрывала, только соломенный тюфяк, а на нем белоснежные простыни. Погода была холодной, больную сотрясал озноб, что обычно сопровождает чахотку. Она лежала на соломенной подстилке, укутавшись в пальто мужа, а на груди у нее лежала огромная пестрая кошка. Чудное создание, видно, понимало, что приносит большую пользу. Пальто и кошка единственно только и согревали несчастную страдалицу, за исключением того, что муж согревал ее руки, а мать — ноги»[352].

Случайный, видимо, визит принудил женщину к немедленным действиям:

«Как только я увидела эту ужаснувшую меня картину, я направилась в Нью-Йорк, где заручилась сочувствием и помощью одной дамы, чье сердце всегда открыто, а руки готовы помочь всем обездоленным и страдающим».

Даму, к которой обратилась миссис Гоув, звали Мэри Луиза Шью (1821–1877). Она была далека от литературного мира, и едва ли ей было знакомо имя Эдгара По. Но она деятельно занималась благотворительностью, изучала медицину и совершенно искренне сопереживала больным и страждущим. Если

бы ее не было, даже трудно представить, каким тяжелым оказался бы уход Вирджинии. И что сталось бы с ее мужем в первые недели после ее смерти.

«Пуховая перина и разнообразные постельные принадлежности были посланы немедленно, — продолжает миссис Гоув. — Леди организовала подписку и уже на следующей неделе приехала и вручила им собранные 60 долларов»[353].

С конца ноября — начала декабря 1846 года миссис Шью прочно обосновалась в доме, установив дежурства у постели Вирджинии. Она самоотверженно ухаживала за больной и, судя по всему, не только смогла облегчить ее страдания, но своими заботами и назначенным лечением (несколько раз, оплатив визиты, она привозила врача) отсрочить кончину молодой женщины.

Поэт, несмотря на то что все время пребывал в отчаянии и ни на чем не мог толком сосредоточиться, был глубоко потрясен этим великодушием и, несомненно, сумел оценить самоотречение и бескорыстность миссис Шью.

Известно, что он посвятил ей несколько стихотворений. Все они были написаны, конечно, не тогда же, а позднее — уже после того, как страдания жены и его собственные были позади. К великому сожалению, сохранились только два из них. Одно — оно озаглавлено без затей «К М. Л. Ш***» (то есть «К Мэри Луизе Шью») — невозможно не процитировать:

Из всех, кому тебя увидеть — утро,
Из всех, кому тебя не видеть — ночь,
Полнейшее исчезновенье солнца,
Изъятого из высоты Небес, —
Из всех, кто ежечасно, со слезами,
Тебя благословляет за надежду,
За жизнь, за то, что более чем жизнь,
За возрожденье веры схороненной,
Доверья к Правде, веры в Человечность, —
Из всех, что, умирая, прилегли
На жесткий одр Отчаянья немого
И вдруг вскочили, голос твой услышав,
Призывно-нежный зов: «Да будет свет!» —
Призывно-нежный голос, воплощенный
В твоих глазах, о светлый серафим, —
Из всех, кто пред тобою так обязан,
Что молятся они, благодаря, —
О, вспомяни того, кто всех вернее,
Кто полон самой пламенной мольбой,

Подумай сердцем, это он взывает
И, создавая беглость этих строк,
Трепещет, сознавая, что душою
Он с ангелом небесным говорит.[354]

Здесь и бесконечное преклонение, и удивление человеческими качествами миссис Шью, ее самоотверженностью, и искренняя признательность «светлому серафиму» и «ангелу небесному».

«Небесный ангел» предпочитал, однако, совершать благодеяния без шума и огласки. И вполне вероятно, так бы и пестовал жену и самого поэта, если бы не литературные знакомые По. После того как стало известно о бедственном положении обитателей Фордхэма, к ним зачастили визитеры. Их появление раздражало миссис Шью, да и нашего героя, скорее всего, тоже. Правда, ими двигали самые добрые побуждения. Мэри Хьюитт (1807–1894), одна из «крестниц» автора «Литераторов» (он посвятил ей очерк в шестом выпуске), посетила По в десятых числах декабря и тотчас принялась собирать деньги для поэта. Ее начинание приобрело огласку, и уже 15 декабря на страницах нью-йоркской газеты «Монинг экспресс» появилась следующая заметка:

> «Болезнь Эдгара А. По
>
> С сожалением узнали мы, что означенный джентльмен и его супруга опасно больны чахоткой, что длань несчастья легла тяжелым бременем на их житейские обстоятельства. Мы с прискорбием отмечаем тот факт, что они находятся в плачевном состоянии и испытывают жестокие затруднения в самом необходимом. Участь их воистину печальна, и мы надеемся, что друзья и почитатели таланта г-на По придут ему на помощь в этот горький час нужды…»[355]

«Почитатели» и просто знакомые (и не знакомые) откликнулись: редактор газеты «Монинг курир» некий мистер Уэбб собрал 60 долларов; такую же сумму пожертвовал бруклинский адвокат Сильванус Д. Льюис — супруг почитательницы таланта Эдгара По, поэтессы Анны Сары Льюис. А журнал «Бостонец» объявил подписку на сбор денег для поэта среди своих читателей. Какую-то сумму собрал и отвез в Фордхэм и Натаниэль Уиллис. Впрочем, этим давний доброжелатель По не ограничился. После визита к поэту он, человек увлекающийся, фонтанирующий прожектами, в журнале, который тогда

редактировал, поместил редакционную статью под заголовком «Приют для инвалидов умственного труда». В статье Уиллис предложил учредить специальное заведение для престарелых и больных «работников литературного труда», таким образом, «немедленно вознеся их… на уровень общественного призрения»[356].

Экземпляр журнала со статьей, сопроводив его сердечным письмом и очередной суммой, он отправил Эдгару По. Но тот, против ожидания, ответил хотя и любезно, но был явно весьма раздосадован внезапным вниманием благотворителей. Ему было неприятно, что он оказался в центре внимания по такому поводу, а его плачевное положение стало пищей для пересудов. Особенно задело, как можно понять из ответного письма от 30 декабря 1846 года, заявление, не раз звучавшее в газетах, что у него «нет друзей»:

> «…я действительно нуждаюсь в деньгах, и было бы глупо сие отрицать, но это неизбежное следствие долгой болезни. Но то, что я страдаю от лишений и степень страданий превосходит мои силы, не совсем правдиво. И уж совершенная клевета, что у меня „нет друзей“… Даже в Нью-Йорке я без труда могу назвать сотню имен — тех, к кому я могу обратиться за помощью, абсолютно не чувствуя себя униженным».

Письмо заканчивалось такими словами:

> «…мой дорогой Уиллис… Мне лучше, хотя могу дополнить — возможно, это добавит удовольствия моим недругам — во мне живет страх, что станет хуже. Но истина такова: мне еще предстоит очень много дел, и я постараюсь сохранить разум, пока их все не переделаю».

Опасения По были, разумеется, связаны с состоянием Вирджинии. Новый, 1847 год принес резкое ухудшение ее самочувствия. Больную терзала лихорадка, бросая то в жар, то в холод. Ей трудно было дышать, она беспрерывно кашляла кровью, ее мучили боли.

Она, конечно, догадывалась, что дни ее сочтены, и, по воспоминаниям тех, кто ухаживал за нею, говорила: «Я знаю, что неизлечимо больна и скоро умру». Но бодрилась и потому повторяла: «Я хочу, насколько это возможно, быть счастливой и делать счастливым Эдгара».

29 января стало совсем плохо. Эдгар По написал Мэри Шью, с которой и он, и его жена очень сблизились в последние месяцы:

«Самый добрый — самый дорогой друг — моя бедная Вирджиния еще жива, хотя быстро угасает и страдает сейчас от невыносимой боли. О, если бы Господь дал ей пожить до тех пор, пока она еще раз увидит вас и поблагодарит снова! Ее сердце переполнено — как и мое — безграничной — невыразимой благодарностью вам. Поскольку вас она больше никогда не увидит — она велит мне сказать, что шлет вам поцелуй любви и умрет, благословляя вас. Но придите — придите завтра! Да, *я буду* спокоен — я способен быть таким для вас. Моя мама тоже посылает вам свою теплую любовь и благодарность. Она спрашивает вас, может ли она подготовиться, чтобы завтра вы смогли остаться у нас на ночь…

Да хранит вас Бог, и прощайте.

Эдгар А. По.

Фордхэм 29 января [18]47».

Мэри Шью приехала на следующий день. По сведениям первого биографа поэта Дж. Ингрэма (их сообщила ему миссис Шью), Вирджиния подарила ей миниатюру — детский портрет мужа и шкатулку, которая прежде принадлежала его матери[357].

В тот же день, ближе к ночи, Вирджиния умерла.

На следующий, когда готовились к похоронам, вдруг обнаружилось, что ни в семье, ни где бы то ни было нет ни единого изображения покойной жены поэта — ни миниатюры, ни портрета, ни дагеротипа. Тогда одна из женщин (кто она — неизвестно) сделала акварельный набросок с уже безжизненного лица. Позднее акварель подретушировали — «открыли» глаза, попытались «вдохнуть жизнь». И все же в этом многократно растиражированном изображении так и застыло что-то нездешнее, неживое. Но другого, увы, нет. Оно — единственное.

«Эврика». 1847–1848

После похорон Вирджинии Эдгар По слег — напряжение минувших месяцев не прошло бесследно. У него начался сильный жар, он впал в беспамятство, появились галлюцинации. Миссис Шью не на шутку встревожилась: не сумев отстоять у могилы одну жертву, испугалась, что придется отдать и следующую. Так она вновь оказалась у постели, но теперь уже другого больного.

Недели, проведенные рядом, невольно сблизили их. Согласно заметкам, которые впоследствии — в 1870-е годы — она передала в распоряжение Дж. Ингрэма[358], ее пациент постоянно пускался в воспоминания. Трудно сказать, верила ли она тому, что ей рассказывал поэт. Вероятно, не очень. И вполне могла принять их за бред больного. Поскольку, например, по его словам выходило, что автобиографический роман «Жизнь несчастного художника» на самом деле принадлежит не популярному тогда Эжену Сю, а ему — это он написал его на французском. Намекал, что и некоторые другие известные тексты в действительности написаны им, а не теми, чьи имена фигурируют на переплетах. Он вообще много рассказывал о своей жизни во Франции: как бился на дуэли, как был опасно ранен и как потом его выхаживала «одна благородная дама шотландских кровей». Особенно тронули миссис Шью его рассказы о матери: что она родилась на борту корабля, что в ее жилах течет кровь французских и шотландских аристократов. Поэт поведал, что его бабушка — жена знаменитого и проклинаемого американцами генерала Бенедикта Арнольда. И, следовательно, он — его внук. Говорил он и о «проклятии», что якобы тяготеет над их родом.

Верила она ему или нет — не важно. Она его жалела. А По — в силу особенностей своей душевной организации — всегда очень чувствовал это и тянулся к людям, что были способны ему сострадать. К тому же ему всегда не хватало утешения, любви и заботы. Как в давние времена он потянулся к миссис Стэнард, так теперь — к миссис Шью. Безусловно, истоки его чувств отличались от тех, что он испытывал недавно к миссис Осгуд, но их результат оказался тем же — он влюбился. Однако если его поэтичная возлюбленная могла ответить ему хотя бы «литературно», да и была женщиной эмоциональной, остро и тонко чувствующей, то Мэри Шью была совсем иной.

Человек сострадательный, но рассудочный и прагматичный, она испугалась тех эмоций, невольной виновницей которых стала. Едва По почувствовал себя лучше, она вернулась в Нью-Йорк. Время от времени она продолжала навещать своего пациента и

миссис Клемм, но явно избегала тесного общения с поэтом, осторожно (чтобы, не дай бог, не ранить: ведь она считала болезнь поэта болезнью душевной), но твердо старалась соблюдать дистанцию. В те дни она переживала кризис собственной семейной жизни, который через некоторое время закончился разводом (в 1848 году) и новым браком (в 1850 году). Но Эдгар По, разумеется, был совершенно не тем человеком, которого она могла представить рядом с собой. Однако, по «терапевтическим» причинам, не форсировала события, рассудив, что время лечит, что легче и разумнее все спустить на тормозах. Тем более что страсть По была спорадической — приступообразной: он то засыпал «любимую» письмами и стихами, то замолкал; то преследовал, то забывал на недели. Бывало, навещал ее в нью-йоркском доме. Кстати, миссис Шью утверждала, что именно она «помогла» написать одно из самых известных стихотворений — «Колокола».

По ее словам, это произошло в первых числах лета 1848 года. Однажды вечером Э. По пришел к ней домой — нервный, взвинченный, измученный. Она впустила его в дом. «Я должен написать стихотворение, — заявил он. — Но у меня нет ни чувства, ни вдохновения, ни темы. Я совершенно выжат». В это время в церкви, расположенной неподалеку, ударили колокола. Его лицо исказила мучительная гримаса, и он зажал руками уши. Миссис Шью принесла ему перо и бумагу. И собственноручно написала: «Эдгар А. По. Колокола». Помедлила, а затем добавила: «Маленькие серебряные колокольчики» и подвинула лист поэту. По тут же сочинил первые семь строк стихотворения:

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвенье говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном…

И… застопорился. Мэри Луиза вновь пришла на помощь и написала: «Тяжелые чугунные колокола». Взгляд поэта ожил, и он написал еще одиннадцать строк:

Слышишь, воющий набат,
Точно стонет медный ад!
Эти звуки, в дикой муке, сказку ужасов твердят.

Точно молят им помочь,
Крик кидают прямо в ночь,
Прямо в уши темной ночи
Каждый звук,
То длиннее, то короче,
Выкликает свой испуг, —
И испуг их так велик,
Так безумен каждый крик,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могут только биться, виться и кричать, кричать, кричать! [359]

Закончив стихотворение, он ушел спать и проспал двенадцать часов кряду. Затем миссис Шью отвезла его в Фордхэм[360].

То есть первоначально в знаменитом тексте было всего восемнадцать строк. В окончательной редакции их оказалось гораздо больше — 113[361].

Тогда же, несколько недель спустя, миссис Шью, видимо, убедившись в бессмысленности дальнейшей опеки (с весны По снова начал пить), написала письмо, в котором попросила больше не настаивать на встречах с ней. Дальнейшее общение с поэтом компрометировало ее. Она не хотела стать жертвой пересудов. Тем более что ее собственная ситуация осложнялась.

Э. По тотчас ответил большим письмом. Полностью текст приводить не стоит, но процитируем наиболее яркие его строки:

«Неужели это верно, Луиз, что в уме вашем закрепилась мысль оставить вашего несчастного и злополучного друга и вашего больного? Вы не сказали так, я знаю, но в течение целых месяцев я знал, что вы покидаете меня не добровольно, но тем не менее достоверно — мою судьбу —

страдальца, чьи мученья возрастали, как теченье
Рек весной, чье отреченье от надежды навсегда
В песне вылилось — о счастье, что, погибнув навсегда,
Вновь не вспыхнет никогда.

…неужели это должно возникнуть как продолжение вслед за всеми благодеяниями и благословениями, которые вы так великодушно даровали мне? Или вы должны исчезнуть, как все, которых я люблю и желаю, от моей затемненной и „потерянной души“? …Ваша чистосердечная сочувствующая природа будет постоянно ранена в ее соприкосновении с пустым, бессердечным миром; а что до меня, увы, если только какая-нибудь правдивая и

нежная и чистая женская любовь не спасет меня, едва ли я проживу еще более года!.. Такие редкие души, как ваша, так украшают эту землю! так освобождают ее от всего, что есть в ней отталкивающего и грязного. Так делают лучезарными ее муки и заботы, трудно потерять их из виду даже на краткое время… но вы должны знать *и быть уверены* в моем сожалении и в моей скорби, если что-нибудь, что я когда-либо написал, ранило вас. *Мое сердце никогда не посягало на вас.* Я ставлю вас *в моем уважении — со всей торжественностью* — рядом с другом моего отрочества — рядом с матерью моего школьного товарища, о которой я говорил вам, и как я повторил в поэме… как правдивейшую, нежнейшую из самых женственных душ этого мира и как доброго ангела моей потерянной и затемненной природы. Во имя вас я не скажу опять „потерянная душа“. Я попытаюсь победить мою печаль во имя бескорыстной вашей заботы обо мне в прошлом, и в жизни и в смерти я всегда ваш…»[362]

Вообще-то он «попытался победить печаль», причем даже не немедленно, а еще до окончательного расставания с миссис Шью (напомним: «я знал, что вы покидаете меня»!), уже в марте 1847 года завязав переписку с поэтессой Джейн Локк (1805–1859). В декабре 1846 года, откликаясь на упоминавшуюся статью Н. Уиллиса, она сочинила и отправила тому стихотворение «Послание страдающему гению», которое Уиллис переслал поэту[363]. Позднее она и сама писала Эдгару По и помогала деньгами. В марте он ответил, и начался обмен пылкими посланиями. Судя по всему, нашего героя в поэтессе привлек изрядный пессимизм, окрасивший в элегические тона ее стихотворения. Ему было совершенно невдомек, что порождены они не некой, как ему казалось, душевной и эстетической близостью, а сугубо личным опытом женщины, обремененной большим семейством (у нее было пятеро детей) и плохим здоровьем. Долгое время их роман развивался в эпистолярной форме, пока наконец они не встретились: 10 июля 1848 года По приехал выступить с лекцией в город, где жила миссис Локк (Лоуэлл, штат Массачусетс). Он пригласил ее. Они встретились. Можно представить, *как* был обескуражен поэт, обнаружив вместо восторженного небесного создания почтенную даму сорока трех лет, грузную, выглядевшую к тому же значительно старше. Правда, когда он оказался у нее дома, где был устроен небольшой прием, то встретил-таки небесное создание — миссис Ричмонд, «Анни», соседку миссис Локк, которая станет его «сердечным другом» и которой он еще посвятит одни из лучших своих стихотворений[364]. Но это произойдет потом.

А пока, будем справедливы, «сердечная дружба», как бы много она ни значила в последние годы жизни Э. По, все-таки находилась на периферии. Пора было возвращаться в литературу.

1846–1847 годы — наименее продуктивный период в творчестве писателя. Хотя в 1846-м он опубликовал немало (кроме нашумевших «Литераторов» в разных журналах появлялись его рецензии, выходили «Маргиналии», были напечатаны два рассказа — «Сфинкс» в январе и «Бочонок амонтильядо» в ноябре), все тексты были написаны в первую половину года и даже раньше — в 1845-м, что подтверждает фраза из письма поэта Чиверсу от 30 декабря 1846 года: «Все мои журнальные публикации, появившиеся в этот период, были переданы издателям еще до того, как я захворал».

Болезнь и смерть Вирджинии и собственные «хвори», как до, так и после кончины горячо любимой жены, надолго оторвали его от письменного стола. В 1847 году состоялись всего четыре новые публикации. В журнале Н. Уиллиса «Хоум джорнэл» в марте было напечатано стихотворение «К М. Л. Ш.», посвященное миссис Шью, в «Журнале Грэма» — рецензия на поэтический сборник Ф. Кука, в «Гоудиз лэдиз бук» — статья о новеллистике Н. Готорна и, наконец, в декабре в «Американ ревью» («American Review») — баллада «Улялюм».

Между тем указанный период — время, когда имя и произведения писателя становятся все известнее за пределами Соединенных Штатов. Разумеется, первой его «открыла» Британия. Но там, в викторианской Англии, традиционно сильно было предубеждение против американской литературы. По инерции Америку продолжали рассматривать в качестве литературной провинции (если не колонии) Альбиона. Эту инерцию не смогли преодолеть ни новеллы В. Ирвинга, ни романы Фенимора Купера, не говоря о сочинениях тех, кого хвалил или хулил Эдгар По. Справедливости ради необходимо отметить, что комплекс литературной неполноценности — несмотря на самоотверженные усилия (в том числе и нашего героя) — продолжали испытывать многие американские литераторы 1830–1840-х годов.

Совершенно иная ситуация складывалась во Франции. Со времен американской и Великой французской революций там всегда с интересом следили за тем, что происходит за океаном. В том числе и в области словесности. Французы «открыли» По в 1845 году, когда был опубликован перевод «Золотого жука». В следующем перевели «Низвержение в Мальстрем», «Убийства на улице Морг», «Разговор Эйрос и Хармионы». Тогда же появилась и первая статья, посвященная творчеству американского писателя.

Ее автором был Эмиль Форге[365], он же перевел и три последних рассказа. В 1847 году к ним добавились (как в его, так и в переводах других авторов) «Похищенное письмо», «Черный кот», «Тайна Мари Роже». В 1848 году на «сцене» наконец появился Шарль Бодлер, чье значение в посмертной судьбе поэта преувеличить невозможно, и оно, конечно, требует очень серьезного и глубокого исследования. Он выступил переводчиком и познакомил французов с рассказом «Месмерическое откровение». Трудно сказать, в насколько полном виде информация о переводах и статьях доходила до Э. По, но что-то ему было известно[366]. Конечно, «французская известность» тешила самолюбие, но, во-первых, никак не отражалась на состоянии его кошелька, а во-вторых, не добавляла известности на родине. А он после вынужденного перерыва ощущал настоятельную потребность, чтобы о его необыкновенном таланте вновь заговорили. Он должен был взять новую высоту и сочинить нечто такое, что сделало бы его литературную репутацию непререкаемой.

В 1847 году, как мы помним, По сочинил совсем немного. Рецензия на стихотворный сборник Филиппа П. Кука была, разумеется, написана исключительно ради денег. Хотя поэтическое посвящение миссис Шью и статья о прозе Готорна принадлежат к числу важных достижений писателя, но и они были опубликованы, скорее всего, в стремлении хоть немного заработать. Это тем более очевидно, что текст о новеллистике Готорна не был написан специально, а представлял переработку материала, предназначенного для «Литераторов». Совершенно иной случай — появление знаменитого стихотворения «Улялюм». Его сочинение и публикация — очевидная иллюстрация того, о чем мы уже говорили. Это был результат длительной и вдумчивой работы. Подобно той, что шла над «Вороном». Аналогичными были цели и задачи поэта. Что же удивительного в том, что он пошел по «проторенной тропе»?

«Улялюм» был опубликован там же, где за два с лишним года до этого увидел свет «Ворон», — в журнале «Американ ревью». И напечатан точно так же — без указания авторства, анонимно. Он появился на страницах декабрьского номера журнала. Кто из почитателей поэтического таланта Э. По не помнит эти волшебные строки:

Небеса были пепельно-пенны,
Листья были осенние стылы,
Листья были усталые стылы,
И октябрь в этот год отреченный

Наступил бесконечно унылый.
Было смутно; темны и смятенны
Стали чащи, озера, могилы. —
Путь в Уировой чаще священной
Вел к Оберовым духам могилы.

И эти:

Пепел слов угасал постепенно,
Мысли были осенние стылы,
Наша память усталая стыла.
Мы забыли, что год — отреченный.
Мы забыли, что месяц — унылый
(Что за ночь — Ночь Ночей! наступила,
Мы забыли, — темны и смятенны
Стали чащи, озера, могилы),
Мы забыли о чаще священной,
Не заметили духов могилы.

И, разумеется, эти:

Сердце в пепел упало и пену
И, как листья, устало застыло,
Как осенние листья, застыло.
Год назад год пошел отреченный!
В октябре бесконечно уныло
Я стоял здесь у края могилы!
Ночь Ночей над землей наступила —
Ах! зачем — и забыв — не забыл я:
Тою ночью темны, вдохновенны
Стали чащи, озера, могилы
И звучали над чащей священной
Завывания духов могилы!
Мы, стеная, — она, я — вскричали:
«Ах, возможно ль, что духи могил —
Милосердные духи могил —
От влеченьем от нашей печали
И несчастья, что склеп затаил, —
Страшной тайны, что склеп затаил, —
К нам на небо Астарту призвали
Из созвездия адских светил —
Из греховной, губительной дали,
С небосвода подземных светил?»

Увы, даже великолепный перевод В. Топорова не дает полного представления об удивительной мелодике и образности шедевра. Только те, для кого родной язык — английский, и способны в полной мере насладиться волшебной музыкой этих строк!

Разумеется, поэт рассчитывал на успех не меньший, нежели тот, что выпал на долю «Ворона». Но… Нельзя сказать, что никто не заметил появления «Улялюм». Конечно, заметили. Его читали, обсуждали, хвалили. Возможно, восхищались. Но того резонанса, что вызвал «Ворон», и в помине не случилось.

В чем же дело? Возможно, этот вопрос задавал себе и поэт. Трудно вообразить его ответ (или ответы). Но с дистанции времени многое становится понятнее и виднее. Во-первых, «Улялюм» по ритмике, по образности значительно сложнее «Ворона». «Ворон» был понятен. Он был проще, «демократичнее». Его читали и понимали все. А во-вторых, время. Для стихотворения оно оказалось неудачным. Шла война. Все мысли и чаяния нации были устремлены к Мексике, к тем драматическим событиям, которые там разворачивались. К тому же «Американ ревью» был политическим журналом. Сражения, что выигрывали американские генералы, были не только военными схватками, но и политическими баталиями, которые в преддверии грядущих президентских выборов вели между собой виги (журнал был их органом) и демократы. Соответственно, аудитория журнала поменялась. Если в январе 1845 года его с удовольствием читали и «литературные дамы», то теперь основную аудиторию составляли политизированные мужчины. Едва ли «странные» поэтические образы могли тронуть их сердца.

То, что поэт стремился повторить успех «Ворона», не укрылось и от современников. Н. Уиллис, которому По сразу после выхода журнала со стихотворением выслал рукописную копию, заметил: «Все очень просто. Он пытается спровоцировать точно такое же возбуждение, какое в свое время произвел „Ворон“»[367].

Насколько можно судить по переписке, неудача «Улялюм» не обескуражила поэта. К тому времени он был увлечен совершенно иным текстом — книгой, которая, как он был убежден, должна произвести революцию, совершить настоящий переворот в представлениях человечества о природе вселенной. Это была «Эврика».

Вообще «Эврика», конечно, одна из неразгаданных до сих пор загадок По. Прежде всего, совершенно не ясно, что это. Поэма?

Философский трактат? Естественно-научное сочинение? Сам автор предпочитал называть свою книгу поэмой. Исследователи склонны «повышать планку» и настаивают на том, что это одновременно и философский, и естественно-научный труд. Впрочем, данное утверждение совсем не противоречит представлениям Эдгара По (да и других романтиков) о роли поэта и о могуществе творческого сознания. Сам автор в преамбуле к сочинению декларировал намерение говорить о предметах «физических, метафизических и математических — о Вещественной и Духовной вселенной: о ее Сущности, ее Происхождении, ее Сотворении, ее Настоящем состоянии и о ее Грядущем». Совсем не скромно. Но скромностью поэт никогда и не отличался. Тем более что поэма действительно содержала все, о чем говорил ее автор.

Ю. В. Ковалев характеризовал «Эврику» как «творение безумное, фантастическое, гениальное и совершенно невероятное». И добавлял: «Когда-нибудь оно попадется на глаза историкам науки и о нем будут написаны специальные исследования. Да и философам будет над чем задуматься». Литературовед так характеризовал этот труд:

> «Эдгар По создал картину конечной, безграничной, динамической, пульсирующей вселенной. Опираясь на данные современной ему астрономии и удивительную интуицию, он разработал космогоническую теорию, которая в основных чертах (включая идею „космического яйца“ и „большого взрыва“) предвосхищает представления о происхождении вселенной, созданные наукой середины XX столетия, вооруженной теоретическими идеями Римана, Эйнштейна, Фридмана, Гамова, мощным арсеналом современной наблюдательной техники и достижениями радиоастрономии.
>
> „Эврика“ — великое творение мыслителя и поэта, чудовищный конгломерат гениальных прозрений и наивных заблуждений, великих идей и плоских тривиальностей, железной математической логики и беспомощного „метафизического“ барахтанья. Читать ее страшно, странно и неудобно. Бредя по мелководью, рискуешь сорваться в бездонную глубину, где скромных твоих познаний недостаточно, чтобы выплыть на поверхность; приготовившись погрузиться в глубины, обнаруживаешь, что воды — по колено. Чтобы понять развитие мысли По, надо быть физиком и математиком,

астрономом и поэтом, идеалистом и материалистом»[368].

Ю. В. Ковалев по первому (прерванному Второй мировой войной) образованию был физиком. Так что ему и карты в руки. Впрочем, уже в XXI веке это не помешало другому исследователю, Э. Ф. Осиповой, в книге «Загадки Эдгара По» заявить: «Научное и философское содержание трактата в каком-то смысле закодировано, и полная его дешифровка станет делом будущего»[369]. Что же, остается констатировать: загадки остаются. И это — замечательно.

Поэт начал работать над «Эврикой» вскоре после кончины Вирджинии. Миссис Клемм вспоминала, как это было:

> «Он [По] никогда не любил одиночества, и я, бывало, находилась рядом с ним, нередко до четырех утра. Он сидел за столом, писал, а я занималась своими делами, сидя в кресле. Когда он сочинял „Эврику“, мы, случалось, гуляли по саду, его рука обнимала меня, моя — его, и так длилось до тех пор, пока я не уставала настолько, что не могла идти. При этом он останавливался каждые несколько минут и объяснял мне свои идеи и спрашивал, понятен ли мне их смысл»[370].

Очевидно, что в начале 1848 года работа над поэмой-трактатом еще не была завершена. Тем не менее написал и осмыслил к этому времени он достаточно, чтобы выступать с лекциями по предмету своих изысканий. Первая состоялась 3 февраля 1848 года. Ее тема звучала следующим образом: «О происхождении Вселенной». Не больше и не меньше.

Возобновление лекционной деятельности, конечно, нельзя связывать только с неуемным честолюбием поэта (хотя это важно!), но и с обстоятельствами вполне прозаическими — необходимо было думать о хлебе насущном, а лекции приносили доход.

К тому же в январе 1848 года Эдгар По вернулся к идее издания собственного журнала и принялся рассылать его проспект. Он использовал давно составленный текст — тот самый, что изготовил еще пять лет назад. Прежними остались предполагаемая цена («пять долларов за год по подписке или три доллара авансом»), объем («около ста страниц обычного журнального формата в одну восьмую листа»), художественное оформление («самое лучшее»). Новым — с первого номера он обещал начать публикацию серии статей «Литературная Америка», над которой «работал последние два года».

Информация эта, конечно, отсылала читателя к «Литераторам». Э. По обещал, что будет «стремиться в подробных деталях представить подробный обзор литературных произведений, литературного люда и литературных отношений в Соединенных Штатах». Да и название журнала он оставил прежним — «Stylus».

Он разослал проспект своим знакомым с просьбой содействовать начинанию и привлекать потенциальных подписчиков. Как всегда, денег, чтобы осуществить задуманное, у него не было, но он надеялся, что имя и слава, — которые (в числе других мероприятий) должны были умножить «Эврика» и другие писания, — помогут ему. Основную же надежду По возлагал на лекционное турне, что собирался предпринять (и предпринял). Перед глазами у него был красноречивый пример: так основал собственный журнал один из знакомых, Фримен Хант. Он разъезжал с лекциями по городам, зарабатывал деньги выступлениями и вербовал себе подписчиков.

В начале января Э. По делился этими планами со своим восторженным поклонником Джорджем Эвелетом (1819–1908):

«Я продолжал подготовку к кампании по поводу журнала, а также работал на своей книгой [„Эврикой“] — к тому же написал несколько безделиц, — они еще не опубликованы… Что касается „Толкования поэзии“, я продал [статью]… Грэму, Грэм до сих пор ее держит, но это не продлится долго, — собираюсь забрать ее, пересмотреть или переписать… и превратить в лекцию, которую намереваюсь читать, когда отправлюсь в свою журнальную экспедицию на Юг и на Запад».

Интересно упоминание поэта о статье «Толкование поэзии». Он действительно забрал ее у Грэма и опубликовал позднее двумя «подвалами», в октябре и ноябре 1848 года, в старом знакомом — «Сауферн литерари мессенджер». Статью же эту он позднее и в самом деле очень серьезно переработает. К сожалению, в преображенном виде она будет опубликована только посмертно: Н. Уиллисом в «Хоум джорнал» в августе 1850 года. Это будет знаменитый «Поэтический принцип», один из программных текстов По — теоретика поэтического творчества. А «Толкование поэзии» он использует в грядущем лекционном турне.

Мы видим, писатель был полон решимости осуществить очередные планы по «запуску» собственного журнала. Впрочем, сколько таких планов у него было! А сколько было решимости! Вот и на этот раз все сорвется — «бес противоречия» снова «не подведет»!

Очевидно, что и первая после долгого перерыва лекция тоже была частью *плана.* И По не скрывал этого. Н. Уиллис, неизменно

доброжелательный к поэту, 5 февраля так прокомментировал в своем издании цели состоявшегося выступления:

«Мы понимаем, что цель г-на По — сформировать необходимый капитал для учреждения журнала, который он намеревается назвать „The Stylus“. Те, кто любит литературу без оков, а критику без перчаток, внесут свои имена в список подписчиков»[371].

К сожалению, публики собралось немного (около шестидесяти человек — по свидетельствам очевидцев). Да и те, кто пришел, едва ли поняли, о чем толкует поэт. Хотя один из его тогдашних слушателей, восхищаясь, вспоминал «…его бледное, тонкое, умное лицо и потрясающие глаза». А «его лекция была подобна великолепной рапсодии. Он появился как само вдохновение и заразил своим вдохновением аудиторию. Изящное тело плотно обхватывал аккуратно застегнутый сюртук…»[372]. Возможно, в связи со сложностью предмета или по какой-то иной причине, но число подписчиков лекция не увеличила. Вероятно, поэтому впоследствии — в ходе лекционного турне — По предпочитал рассуждать на более близкие «литературному сообществу» темы, прежде всего о поэтах и поэзии.

В апреле Эдгар По закончил «Эврику». И отправился к издателю, Джорджу Путнэму. В 1845 году, как, вероятно, помнит читатель, По уже сотрудничал с его фирмой, но тогда вел переговоры с партнером знаменитого издателя, мистером Уили. Теперь Путнэм, после возвращения из Великобритании, работал самостоятельно и впервые встретился с нашим героем лично. Впоследствии Путнэм вспоминал:

> «Он сел напротив меня к столу и целую минуту смотрел мне в лицо сверкающими глазами, потом произнес: „Я господин По“. Я весь „обратился в слух“. Конечно, я был искренне заинтересован. Ведь это был не кто иной, как автор „Ворона“ и „Золотого жука“! „Не знаю, с чего начать то, что я вам хочу сказать, — произнес он после паузы. — Это дело чрезвычайной важности“. Снова повисла пауза, затем поэт, казалось, преодолевая сильное волнение, продолжал и сказал, что произведение, которое он предполагает опубликовать, имеет исключительное значение. Ньютоново открытие закона всемирного тяготения — небольшой эпизод по сравнению с теми открытиями, что содержатся в этой книге. Она немедленно привлечет к себе всеобщее и настолько сильное внимание, что издатель сможет забыть обо всех остальных проектах и сделать эту книгу

> бизнесом всей своей жизни. Начать можно с пятидесяти тысяч экземпляров — в качестве первого тиража такой цифры будет достаточно… Меня это глубоко впечатлило, но — не убедило. Я пообещал дать ответ в понедельник. Поэта возмутило, что он должен ждать так долго (дело происходило в субботу, ближе к вечеру). Пожалуй, только сомнения, что он занизил цифру начального тиража, да небольшой аванс только и смогли его смягчить. Мы — рискнули. И издали книгу, но не пятьдесят тысяч, а пятьсот экземпляров»[373].

«Эврика» оказалась последней книгой, изданной при жизни писателя. Эдгар По продолжал публиковать свои тексты в газетах и журналах, но своих *новых книг* он больше уже не увидел.

Между Еленой и другими. 1848–1849

В 1860 году, через одиннадцать лет после смерти Эдгара По, в Нью-Йорке вышла книга Сары Хелен Уитмен «Эдгар По и его критики». Появление ее было продиктовано прежде всего стремлением защитить память поэта и хотя бы отчасти реабилитировать. Она не скрывала, что ее работа — реакция на «Воспоминания» Р. Грисуолда, которые «читают и обсуждают, перевели на иностранные языки», в то время как они полны «извращенных фактов и безосновательных домыслов» по поводу Эдгара По. Несомненно, автор имела полное право на собственную правду о поэте. Хотя история общения миссис Уитмен и Эдгара По была значительно короче его отношений с Грисуолдом, но женщина «подошла» к поэту куда ближе. Ведь он чуть на ней не женился.

Один из эпиграфов к книге — взятый из «Маргиналий» поэта — обещал: «При помощи этих ключей мы сможем отчасти разгадать тайну»[374].

Едва ли миссис Уитмен смогла подобрать *нужные* «ключи». Она знала По, конечно, очень близко. Но недолго. И то, что ей было известно *наверняка*, — не менее фантастично, чем домыслы Грисуолда. Ведь главным источником ее знаний о поэте было то, что он рассказывал сам. А мы знаем, как он умел выдумывать! Тем более когда это касалось его личной истории.

Впрочем, нам интересна не книга. И даже не сама миссис Уитмен. А история ее взаимоотношений с поэтом. Это была весьма важная страница в жизни Эдгара По. Тем не менее начать придется все же с «героини романа» — миссис Уитмен.

Сара Хелен Пауэр Уитмен принадлежала к уже известному читателям клубу экзальтированных «синих чулок», в котором заправляли Маргарет Фуллер и мисс Линч. Она была знакома и с Фанни Осгуд, и с миссис Эллет, и с Анной Льюис, и со многими другими. Обитала неподалеку от Нью-Йорка, в городе Провиденс, штат Род-Айленд. Была вдовой. Жила с матерью и сестрой — весьма эксцентричной, говорят, особой. Довольно редко покидала родной город, но дружила и вела активную переписку с членами дамского сообщества — теми, кто собирался по субботам в доме Анны Линч. Разумеется, она была поэтессой. Однако, как замечал А. Х. Квин, «ее поэзия ни в коем случае не была скверной». Более того, она довольно активно публиковалась (с 1829 года). Впрочем, поэзия была скорее увлечением (и развлечением), нежели делом жизни. В тридцать лет оставшись вдовой, она, хорошо обеспеченная, вела жизнь уютную и необременительную.

Но едва ли согласилась бы с такой характеристикой, поскольку считала, что страдает фатальной болезнью сердца и «истерзанными нервами». Сердцебиения и нервы она успокаивала эфиром, полагая, что вдыхание его паров благотворно. Прожила миссис Уитмен долгую жизнь (умерла в семьдесят пять лет). Но всегда знала, что дни ее сочтены, а потому время от времени в письмах друзьям многозначительно и печально сообщала о своей неизбежной и — увы и ах! — очень близкой кончине.

«К 1848 году призраки прочно обосновались в Америке, — писал Герви Аллен, — в их неосязаемом присутствии столы начинали отплясывать джигу, занавески таинственно колыхались и трепетали, а дамы впадали в транс, часто переходивший в истерики. Спиритизм и прочая мистика сделались велением моды. Даже среди людей, ей не поддавшихся, было мало таких, на кого все это не производило бы впечатления… Хелен Уитмен была душой местного духовидческого братства. В ее руках сходились нити переписки с многочисленными друзьями и единомышленниками, на которых она имела немалое влияние. Прелестная, утонченная, туманно-загадочная и ускользающая, облаченная в покровы из легкого шелка, она являлась, защищаясь веером от чересчур резкого света дня, словно идеальное воплощение духовной женственности, и неслышно, едва касаясь земли изящными туфельками, проплывала мимо — следом, развеваясь, тянулся тонкий, как паутинка, шарф и едва ощутимый запах эфира, которым был пропитан ее платок»[375].

Эдгар По, как известно, относился к повальному увлечению весьма скептически, неоднократно высмеивал его в своих публикациях и даже посвятил этому предмету язвительный гротеск «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром»[376]. Несомненно, рассказ написался не без влияния «дамского клуба», в котором не только регулярно происходили спиритические сеансы, но и вообще культивировались «духовидство» и прочая мистика.

Впервые Эдгар По увидел миссис Уитмен летом 1845 года, когда навещал в Провиденсе миссис Осгуд. Но даже не познакомился с ней. Позднее (в письме от 1 октября 1848 года) он объяснял это тем, что считал ее замужней дамой, счастливой в своем браке. Это, конечно, неправда. В письме Анне Блэквелл, английской писательнице и своей корреспондентке (от 14 июня 1848 года), он упоминал, что впервые услышал о существовании миссис Уитмен от Анны Линч в начале 1845 года. Та отзывалась о ней как о «весьма эксцентричной особе»[377]. Должно быть, знал он и о ее матримониальном статусе. Но был тогда увлечен Фанни Осгуд. И когда та, увидев подругу на крыльце дома, захотела их

познакомить, По с негодованием отверг предложение.

«Только по этой причине (счастливого замужества. — *А. Т.*), — объяснял свое поведение поэт в письме к Уитмен, — когда мы с миссис Осгуд гуляли по Провиденсу, я решительно отказался поддержать ее в намерении зайти к вам. Ей показалось, что мой отказ не имеет смысла, и мы даже поссорились из-за моего упрямства».

Более того, он утверждал, что уже тогда благоговел перед нею и потому:

«…не смел не только подойти, но не отваживался сказать, почему не могу этого сделать. Я не смел заговорить о вас — не то что познакомиться с вами. Годы ваше имя никогда не слетало с моих губ, в то время, когда душа — с неодолимой жаждой — впитывала все, что касалось вас».

Простим эту ложь поэту — тогда он был влюблен (или ему казалось, что влюблен). И собирался жениться на миссис Уитмен.

Как бы женщина ни пыталась представить, что не она, а поэт оказался инициативной стороной, факты говорят совсем об ином. Даже если мы не будем принимать во внимание свидетельство мисс Линч, что ее подруга расспрашивала о поэте и о его отношениях с Фанни Осгуд еще в июне 1845 года (в конце концов, женщины — всегда женщины! — им интересно)[378].

Во второй половине января 1848 года мисс Линч пригласила подругу принять участие в ежегодном поэтическом суаре на День святого Валентина и, если не сможет быть лично, прислать стихотворную валентинку. Предполагалось (такова была обычная практика), все что они будут прочитаны на праздничном вечере, а затем опубликованы в одном из литературных журналов. Миссис Уитмен откликнулась и прислала несколько своих текстов. Среди них была и валентинка, адресованная По. Она была без заглавия. Но все догадались о ком речь и кому она посвящена:

Мрачный Ворон — порожденье
Тьмы Плутоновой ночной,
Часто призрачным виденьем
Нарушаешь мой покой,
Тень твоих огромных крыльев
Не рассеется луной.

В страшном грохоте машинном
Каждый хлыщ и попугай
Меты «золотого века»
Хочет видеть невзначай.
Только каркает с насмешкой

Ворон черный: «Не мечтай!»

Беззаботных глупых пташек
В честь прогресса слышен хор:
Прославляется подделка с позолотой
С давних пор.
Но мне чудится — я слышу
Возглас хриплый: «Nevermore!»[379]

Приведенное стихотворение было прочитано среди остальных. И, безусловно (память о скандале была жива), вызвало определенный резонанс. Потому публиковать его (как остальные тексты) не стали. Мисс Линч написала подруге в Провиденс о резонах этой непубликации:

> «Постараюсь ответить на твои расспросы… По меньшей мере более года я не видела По. Некоторое время назад разразилась изрядная война в нашем *сообществе синих чулок,* и По вел себя не самым благородным образом — истина такова, что, при всем своем гении, он лишен морального чувства; он сказал и сделал много такого, что можно назвать отвратительным… Твоя [валентинка] к По меня восхитила, и я хочу опубликовать ее вместе с другими, но у него такая дурная репутация… что я могу потерять многих, кого ценю больше»[380].

Стихотворение тем не менее было напечатано. Но позднее — 18 марта, в журнале Н. Уиллиса «Хоум джорнал». Теперь у стихотворного послания уже было заглавие: «Эдгару А. По».

Разумеется, о существовании стихотворения, ему посвященного, По узнал задолго до публикации. Видимо, еще в феврале. И хотя тогда он продолжал еще надеяться на взаимность со стороны миссис Шью (а также обменивался посланиями с миссис Локк и Анной Льюис), конечно, «воспламенился». 2 марта он получил и текст послания. Что интересно: текст ему переслала мисс Линч. Через посредство (!) миссис Осгуд, у которой был адрес поэта (у первой его не было). Видимо, в письме имелись и координаты миссис Уитмен. Немедля По отправил собственное послание в Провиденс. Было в конверте и стихотворное посвящение — «К Елене». Поэт не стал сочинять нечто новое, а поступил очень просто — вырвал страницу из собственной книги[381]. Читатель, вероятно, догадывается, что это был за текст, — то самое, юношеское еще, послание, что он когда-то

посвятил Джейн Стэнард:

Елена, красота твоя,
Как челн никейский, легкокрыла…

Трудно сказать, какие еще слова — кроме стихотворения — были в письме. Оно не сохранилось. Знала ли госпожа Уитмен, что это стихотворение юношеское и у него есть адресат? Скорее всего, ей было это известно. Но — что за дело! Теперь-то оно посвящено ей. Тем более что и зовут ее Елена!

В самом начале июня в Провиденс полетело следующее послание:

Тебя я видел раз, один лишь раз;
Не помню, сколько лет назад, — но мало.
В июле, в полночь, полная луна,
Твоей душе подобная, дорогу
Искала к самому зениту неба,
Роняя света серебристый полог,
Исполненный истомы и дремоты…

Полусклоненная, среди фиалок
Ты мне предстала в белом одеянье;
Свет лился медленно на лики роз,
На лик твой, поднятый — увы! — в печали.

Не Рок ли этой полночью в июле,
Не Рок ли (что зовется Скорбью!)
Остановил меня у входа в сад,
Чтобы вдохнул я роз благоуханье?[382]

Конечно, «все случилось» не в полночь. И «лик» он вряд ли хорошо разглядел. Да и «у входа в сад», как мы помним, его ничто не «остановило». Хотя «роз благоуханье» поэт, вероятно, мог уловить. Но что за дело до маленьких неточностей тем, кто увлечен рискованной игрой? Для миссис Уитмен это была, конечно, игра. А для По?

Фрэнсис Осгуд, естественно, понимала, что ее давняя подруга решила завязать поэтический роман. И сочла своим долгом предупредить ее:

«…Смотрю, Ворон долетел до вашей маленькой голубятни в Провиденсе. Дай Бог, чтобы Провиденс защитил вас — уж слишком магическим притяжением обладает голос зловещей

птицы. Он и в самом деле „дьявол“, хотя и славный — с большим сердцем и воображением»[383].

А Э. По в это время продолжал ухаживать за миссис Шью и засыпал ее записками, приглашая вновь навестить его в Фордхэме.

К тому же «славного дьявола» все сильнее захватывала идея возрождения «Stylus». Он рассылал проспекты и вел переговоры. Но «бес противоречия» не мог не вмешаться в его планы.

В конце апреля По и Дж. Путнэм подписали соглашение об издании «Эврики». Соглашение предусматривало и аванс в счет будущего гонорара. По не скрывал, что деньги намеревается потратить на подготовку лекционного турне по Югу и Западу, а в ходе его планирует навербовать подписчиков и заработать средства для старта предприятия. Он собирался отправиться в тур сразу по получении аванса. Но… встретил Грисуолда. И, конечно (сохраняя нейтралитет, они, разумеется, продолжали оставаться соперниками), похвастался. Кто предложил отметить этот успех, сказать трудно. Нельзя исключать, что это мог быть и Грисуолд. Во всяком случае, зная его злокозненный характер… Как бы там ни было, результат оказался прогнозируемо плачевным: По напился, ему стало плохо. Скорее всего, по просьбе поэта послали за помощью к миссис Шью. Она связалась со знакомыми докторами — неким мистером Хопкинсом и мистером Хотеном (будущим вторым мужем миссис Шью). Хопкинс вспоминал:

«Доктор Хотен и я обнаружили его [По] мертвецки пьяным на руках у полиции. Мы отвезли его домой в Фордхэм (одиннадцать миль), где его ждала несчастная миссис Клемм. Он отсутствовал в доме уже три дня — отправился получить деньги за статью, загулял, потратил все, и нам пришлось оставить пять долларов на насущные нужды, поскольку в доме не было ни цента»[384].

К сказанному добавим, что следом за докторами приехала и миссис Шью — помочь госпоже Клемм ухаживать за поэтом. Тогда же, кстати, врачи вынесли вердикт: пить категорически нельзя, это сведет поэта в могилу — может не выдержать сердце. Сердечную болезнь диагностировали они же.

Разумеется, пить По не перестал. Алкоголь и полная непредсказуемость — вот что прежде всего заставило миссис Шью наконец отказаться от общения с ним. Правда, впереди был еще эпизод с «Колоколами», а также заключение контракта с Путнэмом на издание «Эврики». Оно состоялось 23 мая. Миссис Шью (вместе с госпожой Клемм) подписала контракт в качестве свидетеля[385]. Но в июне 1848 года их отношения окончательно завершились.

А уже в первых числах того же месяца в Провиденс из

Фордхэма отправилось упоминавшееся стихотворное послание («Тебя я видел раз, один лишь раз…»). Теперь поэт был готов к новым отношениям. Но он ничего не знал о предмете своей симпатии. Поэтому почти одновременно со стихотворным посланием в Род-Айленд пишет письмо Анне Блэквелл, давней знакомой миссис Уитмен:

«Вы знаете миссис Уитмен? Мне глубоко интересны ее поэзия и ее характер. Я никогда с ней не встречался… Ее поэзия, несомненно, *поэзия*, отмеченная гениальностью. Не можете ли вы рассказать мне о ней — что-нибудь — все, что вам известно — и сохранить в секрете — то есть никто не должен знать, что я просил вас об этом, хорошо?»

Едва ли Э. По был увлечен поэзией Сары Хелен Уитмен. Похоже, его больше интересовала она сама. А стихотворения? Несомненно, придавали особую остроту отношениям.

В начале июля началось давно запланированное и все время откладывавшееся лекционное турне. Первым был городок Лоуэлл в штате Массачусетс. Здесь его ждала миссис Локк, у нее в доме По и остановился.

На этот раз оратор решил не повторять лекцию о вселенной, а вернулся к давно знакомому и многократно опробованному предмету: «Поэтам и поэзии Америки». За несколько дней до него в Лоуэлле выступал Грисуолд. Он говорил о прозаиках Америки. Лекция прошла успешно, но где ему — неказистому внешне и довольно посредственному оратору — тягаться с По! Даже много лет спустя одна из тех, кто слушал ту речь поэта, вспоминала:

> «Манера его выступления… очаровала меня, хотя он не прибегал ни к каким драматическим эффектам. Читал он четко, разборчиво интонируя, с прекрасной дикцией, большое внимание уделяя ритму: он почти выпевал наиболее музыкальные поэтические строки. Больше всего остального я запомнила модуляции его мягкого баритона, когда он читал начальные строки из „Абидосской невесты“ Байрона: „Кто знает край далекий и прекрасный, где кипарис и томный мирт цветут…“ — эффект был просто поразительный…»[386]

Чтения прошли с большим успехом. Как ни падок был По на знаки признания, то, что происходило тогда в Лоуэлле, запомнилось ему наверняка не поэтому. После лекции писатель в сопровождении миссис Локк отправился к ней домой. Там был устроен небольшой прием. И вот здесь произошла встреча, которая, безусловно, озарила особым светом оставшиеся дни жизни поэта и оставила неординарный след в его творчестве. Он

встретил «Анни» Ричмонд.

К сожалению, не сохранилось изображений молодой Анни — той поры, когда она познакомилась с поэтом (ей было двадцать восемь лет). Существуют только фотографии уже немолодой женщины. И судить о ее красоте по ним, конечно, трудно. Но у потомков есть словесный портрет — в рассказе «Домик Лэндора». О том, что Э. По изобразил именно ее, свидетельствует не только имя героини — Энни, но и прямое указание автора — в письме от 21 января 1849 года[387]. Вот фрагмент, о котором упоминает По:

> «Не обнаружив звонка, я постучал тростью в полуоткрытую дверь. И тут же к порогу приблизилась фигура — молодая женщина лет двадцати восьми — стройная или, скорее, даже хрупкая, чуть выше среднего роста. Пока она приближалась с некоторой не поддающейся описанию скромной решимостью, я сказал себе: „Право же, я увидел совершенство естественного, нечто прямо противоположное заученной грациозности“. Второе впечатление, произведенное ею на меня, и куда более живое, нежели первое, было впечатление горячего радушия. Столь ярко выраженная, я бы сказал, возвышенность или чуждость низменным интересам, как та, что сияла в ее глубоко посаженных глазах, никогда еще дотоле не проникала мне в самое сердце. Не знаю почему, но именно это выражение глаз, а иногда и губ — самая сильная, если не единственная чара, способная вызвать у меня интерес к женщине. „Возвышенность“ — если мои читатели вполне понимают, что я хотел бы выразить этим словом, — „возвышенность“ и „женственность“ кажутся мне обратимыми терминами; и, в конце концов, то, что мужчина по-настоящему любит в женщине, — просто-напросто ее женственность. Глаза Энни (я услышал, как кто-то внутри позвал ее: „Энни, милая!“) были „одухотворенно серого“ цвета; ее волосы — светло-каштановые; вот все, что я успел в ней заметить»[388].

«Заметить» он, конечно, успел куда больше — ведь после вечеринки в доме Локков По пригласили в дом к Ричмондам и, по воспоминаниям младшего брата женщины, поэт провел у них «весь вечер и часть следующего дня» — до самого отъезда из города. Все это время он буквально не отходил от Анни. Говорил в основном поэт — красноречиво и вдохновенно. О чем он рассказывал, в общих чертах известно — в 1877 году миссис Ричмонд в письме биографу поэта, Дж. Ингрэму, сообщала:

«Он был так *не похож* на всех иных людей. Тогда я едва осознавала, что не могла думать о нем так же, как о других — его невозможно было сравнить с кем бы то ни было — нельзя измерить обычным аршином — и все события его жизни, о которых он мне рассказывал, были исполнены совершенной нереальности — точно так же, как и его новеллы»[389].

Ясно, что она *произвела* впечатление на поэта. Вот только не очень понятно: уже тогда По влюбился или это произошло все же несколько позднее?

Задержаться поэт не мог — ему предстояло продолжение лекционного тура, в котором Лоуэлл был только первым пунктом.

Вскоре (в конце июля) Эдгар По очутился в Ричмонде. Трудно сказать, как долго он намеревался пробыть в своем родном городе (Бостон, место своего рождения, он, понятно, не считал таковым). Судя по всему, первоначально он не собирался там задерживаться, а планировал выступить с лекцией и «навербовать» подписчиков для «Stylus». Но задержался. Говорят, виной тому оказался давний приятель, Джек Маккензи, сводный брат сестры Розали. «Старый холостяк», он вел разгульный образ жизни и немедленно вовлек в разгул Эдгара По. Герви Аллен утверждал:

«В Ричмонде По был у себя дома. Лишь здесь он не чувствовал себя всем чужим и одиноким изгоем. Его окружали друзья детства, с которыми он мог быть самим собой, и славу свою он ощущал сейчас как благо, не как досадное бремя. Впервые после смерти Вирджинии, стряхнув печаль и уныние, он отчасти обрел вновь душевное равновесие и способность радоваться, свойственные ему в ранней юности. Двухмесячное пребывание в Ричмонде, наверное, продлило его жизнь на целый год»[390].

Довольно странно читать это — факты говорят о совершенно обратном.

«Тысячи видели его пьяным на улицах города, — вспоминал Джон Дэниэл, редактор местной газеты „Экземинер“. — Едва только он выпивал, его невозможно было остановить, и он пил до тех пор, пока позволяли силы». Но он же и замечал: «Его тяга к алкоголю была болезнью — ни в коем случае ни источником удовольствия, ни источником радости»[391].

Редактор старого доброго «Сауферн литерари мессенджер» Джон Томпсон (1823–1873) вспоминал:

«По… находился здесь около трех недель, [все это время] он постоянно пьянствовал и каждый вечер декламировал свою „Эврику“ перед завсегдатаями питейных заведений. Друзья пытались удержать его от выпивки и принудить к работе, но

тщетно…»

Он утверждал, что По пил без перерыва до самого отъезда из Ричмонда:

«Мне очень хотелось, чтобы он что-нибудь написал для меня, пока находился здесь, но периоды трезвости были столь кратки и нерегулярны, что это было практически невозможно. Я приобрел его „Толкование поэзии“, но сделал это почти из милости, потому что тема… уж очень эксцентрична для обычной публики…»[392]

Впрочем, скорее всего, преемник По несколько преувеличил. Известно, что поэт частенько бывал в доме Маккензи, общался и гулял с Розали. Понятно, что в этих случаях он, конечно, был трезв. Встречался (по меньшей мере раз) и со своей первой любовью — Эльмирой Ройстер (в замужестве Шелтон). К тому времени она уже овдовела, владела изрядным состоянием и стала весьма набожна. Разительно изменилась она и внешне. Эти перемены легко заметить, сравнив тот самый — *романтический* — карандашный портрет юной девушки, что Эдгар По набросал в 1825 году, и известный по многочисленным биографиям поэта дагеротип миссис Шелтон 1850 года. Понятно — поэт был поражен. Много лет спустя она вспоминала, как, увидев ее, он воскликнул: «Ах, Эльмира, неужели это вы?»

Вполне может быть, что он был не против возобновить давний роман, но покуда другая (другие?) занимала его мысли. Тем более что в августе в Ричмонде его настигло письмо, отправленное миссис Уитмен, — его переслала туда заботливая миссис Клемм. В нем было только стихотворное послание — всего две строфы — без подписи, но с датой и местом отправления — Провиденс:

Звуки музыки печальной
Все звучат неотвратимо:
Это в сумерках деревья —
Тонколистые осины
Засыпают на холме.
Дремлет фавн в прохладной тьме.

И жасмин уж смежил веки,
Звезды, глаз сокрыв в бутоны,
Лилии щекочут ноздри
Ароматом сладко-томным.
Мир застыл в ночных одеждах —
Красота, ты есть надежда.[393]

По без труда догадался, кто был отправителем, хотя миссис

Уитмен, разумеется, была не единственной, кто адресовал ему стихотворные послания. Но если к стансам Сары Льюис («Стеллы») он относился вполне добродушно и с сочувствием[394], поскольку испытывал искреннюю признательность за поддержку в последние дни Вирджинии (и за теперешнюю помощь — деньгами, продуктами, визитами к миссис Клемм), то страстные послания миссис Локк вызывали у него явное раздражение. Примерно тогда же его настигла поэма последней объемом… в тридцать одну строфу. И каждая дышала страстью… Поэма называлась «История Эрмины» (под псевдонимом «Эрмина» миссис Локк публиковала свои стихи) и, разумеется, была посвящена поэту. Конечно, нечто странное было в чувствах, что испытывала немолодая женщина — матрона! — к поэту. Что же удивительного, что в связи с этим циркулировали слухи и сплетни[395]. Доходили они и до поэта и были ему неприятны. Тем более что после шока, испытанного при личной встрече, ни о какой взаимности со стороны По не могло идти и речи.

Было ли тому причиной послание миссис Уитмен или отчетливое осознание, что миссия провалилась и дальнейшее пребывание в Ричмонде только во вред и репутации, и планам (да и творчеству: за без малого два месяца на Юге По ничего не написал — рецензия на книжку «Стеллы» не в счет), но в самом начале сентября он уехал в Нью-Йорк.

5 сентября Эдгар По в Нью-Йорке и пишет в Провиденс. Это была, конечно, игра: укрывшись за псевдонимом «Эдвард С. Т. Грей», он представляется миссис Уитмен коллекционером автографов:

«Будучи увлечен собиранием автографов наиболее заметных американских авторов, я, конечно, очень хотел бы обзавестись и вашим, и, если вы удостоите меня ответом, пусть даже самым кратким, я был бы исключительно польщен».

Позднее в бумагах миссис Уитмен данное послание было обнаружено. На его оборотной стороне имеется ее собственноручная запись: «Послано Э. А. П. под вымышленным именем, с целью выяснить, нахожусь ли я Провиденсе».

Трудно сказать, когда была сделана запись — тогда или позже. Последнее больше похоже на правду, поскольку просьба «коллекционера» осталась без ответа.

Таким образом, «выяснить» поэту ничего не удалось. Но отсутствие отклика, видимо, только подогрело его интерес к прекрасной даме.

Наконец По вернулся в Фордхэм. Судя по всему, ему удалось преодолеть себя и засесть за сочинительство — именно тогда была написана (или начата?) новелла «Mellonta Tauta»[396]. Но

уже 15 сентября он снова в Нью-Йорке, встречается с одной знакомой и запасается рекомендательным письмом к миссис Уитмен. Ее образ явно все сильнее бередит его душу.

И вот 21 сентября он уже в Провиденсе, стоит перед домом на Бенефит-стрит, 76 — «у входа в сад», где прежде «вдохнул роз благоуханье», и вручает миссис Уитмен рекомендательное письмо от ее нью-йоркской подруги. Встреча состоялась…

Можно только вообразить те чувства, что владели поэтом и поэтичной вдовой. Но похоже, что первое — очное — впечатление ни ту, ни другую сторону не разочаровало. Скорее, наоборот.

Конечно, мужчина должен дарить даме цветы. Но… это так банально. Тем более когда встречаются два поэта. И По дарит своей симпатии две собственные книги: сборник рассказов и поэтический сборник «„Ворон“ и другие стихотворения». Обе книги специально переплетены вместе, в тканевый переплет, на котором начертаны слова:

«To Mrs. Sarah Helen Whitman — from the most devoted of her friends. Edgar A. Poe»[397].

Но этого По, видимо, показалось все-таки недостаточно. И он вручает «Елене» еще и два переплетенных полутома «Бродвей джорнэл» за 1845 год. Свои собственные — наиболее значительные — публикации он в оглавлении собственноручно пометил карандашом, написав букву «П»[398].

На следующее утро они встретились вновь. Как и подобает натурам артистическим и литературным, они отправились… в местную библиотеку. Никому постороннему не известно, о чем они разговаривали, но много лет спустя Уитмен утверждала, что среди прочего она поинтересовалась, читал ли Э. По «Улялюм» — анонимное стихотворение, опубликованное в декабрьском номере «Американ ревью» за 1847 год.

«К моему величайшему удивлению, — вспоминала она, — По сказал, что он его автор. Достав из шкафа переплетенный том с выпусками журнала, нашел [нужный] и подписал текст своим именем»[399].

На конец дня миссис Уитмен запланировала «вечеринку друзей», чтобы отметить приезд поэта в город. Тогда же, утром, они навестили Анну Блэквелл, гостившую в Провиденсе писательницу, с которой оба были знакомы, и пригласили ее прийти. Она обещала, но позднее прислала письмо с отказом. В нем кроме извинений содержались предостережения миссис Уитмен и просьба избегать общения с поэтом.

Увлеченная поэтом, скорее всего, — уже влюбленная, «Елена», конечно, не обратила внимания на предупреждение.

А вечером состоялась та самая «вечеринка друзей». Чувства,

которыми были охвачены оба, не могли укрыться от приглашенных. Одна из них вспоминала:

«По и миссис Уитмен сидели в разных концах комнаты напротив друг друга… Взгляды всех присутствующих были устремлены на По, глаза которого сверкали, а речь была яркой и образной. Его взгляд был устремлен к миссис Уитмен… Внезапно все осознают, что По и Хелен очень взволнованы. Одновременно оба поднимаются со своих стульев и идут к центру комнаты. Встретившись, он заключает ее в объятия, целует, на мгновение они замирают, затем он ведет ее туда, где она сидела. Все время, пока разворачивалась эта странная сцена, в комнате висела мертвая тишина»[400].

Конечно, то, что увидели гости, было неожиданно — ведь они пришли поглазеть на нью-йоркскую знаменитость, а тут такое…

Весь следующий день он и она, разумеется, провели вместе. Сначала встретились у нее дома на Бенефит-стрит. Много и долго разговаривали. Повествовал в основном поэт, а Хелен слушала. Чуть больше десяти лет спустя в одном из писем миссис Клемм Хелен Уитмен вспоминала, что Э. По пересказал ей всю свою жизнь. Она слушала его рассказы о матери, о миссис Фрэнсис, об отношениях с мистером Алланом, о юношеском романе с Эльмирой и т. д.[401] Потом гуляли: сначала по берегу реки Сиконк, затем — долго — пробыли на местном кладбище *(Swan Point Cemetery)*.

Читателя, возможно, удивит избранное ими место — среди надгробий и могил. Но ведь они были поэтами! А что может быть поэтичнее кладбища?

Здесь она услышала от По то, чего, должно быть, не ожидала: он предложил ей выйти за него замуж…

«Он пытался… убедить меня, — вспоминала она, — что мое присутствие рядом с ним, мое влияние смогут вдохнуть жизнь в его существование, вывести из того оцепенения и отчаяния, в котором он пребывает, и вдохновить его гений на новые свершения»[402].

Предложение льстило, но случилось уж очень внезапно. Хелен была готова к *отношениям*, но не к замужеству. Потому, отговорившись, что не настолько «принадлежит себе» — у нее мать и сестра, предложила ему «отложить решение» и «писать ей».

С тем они и расстались.

По должен был уехать на другой день, но паром отменили, и он остался до следующего. А затем, уже из Фордхэма, написал миссис Уитмен:

«Наутро после этой встречи я вновь посетил кладбище… Не

могу объяснить вам — ибо и сам не понимаю, — что за чувство побудило меня не увидеться с вами еще раз перед отъездом, не сказать вам еще раз „прощайте“. Сердце мое томило печальное предчувствие. В кладбищенском уединении вы сидели подле меня — на том самом месте, где рука моя, трепеща, впервые обвилась вокруг вашего стана»[403].

После нескольких дней раздумья она написала ему, видимо, раскаиваясь, что позволила слишком многое: «…Вы должны знать, что я очень переменчива и неизбежно разочарую вас, если надеетесь, что завтра я останусь такой же, какой была вчера…»

Интересно, что она имела в виду? «Руку, трепеща, обвивающую ее стан»? Или что-то другое? Тем не менее: «…мое преклонение перед вашим интеллектом и мой восторг вашей гениальностью заставляют меня чувствовать себя совершенным ребенком в вашем присутствии…» Но: «Вы, быть может, не знаете, что я на много лет вас старше…»

Она действительно была старше на шесть лет. Человека нашей эпохи такие мелочи, конечно, не смущают. Но тогда — тем более для женщины — то была целая пропасть. К тому же: «Здоровье миссис Уитмен (тут она переходит на речь от третьего лица. — *А. Т.)* мешает ей выйти [за вас] замуж. У нее слабое сердце и расстроены нервы».

Все-таки, видимо, тогда, на кладбище, она наговорила (и, возможно, позволила) поэту лишнего: «Думаю, что теперь я уже не смогу повторить все то, что обещала». Но прекращать игру явно не хотела: «Могу только сказать вам, что, если бы у меня были молодость, здоровье и красота, я бы смогла жить для вас и умереть с вами…»

Э. По ответил 1 октября многостраничным страстным письмом, в котором уверял в искренности своих чувств и безграничной любви. Миссис Уитмен отвечает тотчас по получении письма из Фордхэма, но чувствуется, что она колеблется. Напоминает, что на ней «лежит бремя ответственности за мать и незамужнюю сестру», что лишена финансовой самостоятельности. К тому же — это ясно из послания — до нее доходят разные неприятные слухи о поэте: «Как часто слышала я от мужчин и даже от женщин, что они говорили о вас: „Он обладает большой интеллектуальной силой, но у него нет принципов — нет морального чувства“».

Эти слова, конечно, были знакомы — По, безусловно, расслышал в них «змеиное шипение» нью-йоркских «синих чулок». И 18 октября разразился новым посланием, в котором клялся в любви, оправдывался и призывал любимую вознестись над мирской суетой слухов и сплетен.

Казалось бы, теперь — после столь интенсивной переписки — поэт должен немедленно отправиться в Провиденс (и он собирался это сделать), но… очутился в Лоуэлле. Здесь По планировал повторить свою лекцию «О поэтах и поэзии Америки». С дороги он послал записку миссис Уитмен, умоляя «пересмотреть свое решение» (не выходить замуж), и сообщил, что надеется получить ответ еще в Лоуэлле.

Существовала предварительная договоренность, что — как и в прошлый раз — поэт поселится в коттедже у Локков. Но вместо этого По остановился в доме четы Ричмонд. Позднее в письме Анни Ричмонд (от 18 февраля 1849 года) он вспоминал, что даже поссорился из-за этого с Локками.

Лекция, однако, не состоялась: подходящего помещения подыскать не удалось, так как шла очередная президентская предвыборная кампания. Эдгар По, связанный ожиданием ответа из Провиденса, жил в доме Ричмондов. Что там происходило, как общались, о чем говорили — неизвестно, но результат тех нескольких прожитых в Лоуэлле дней очевиден: поэт, который — мы помним — с самой первой встречи испытывал глубокую симпатию к Анни Ричмонд, теперь, судя по всему, в нее влюбился.

Для человека обычного это может показаться весьма странным — любить одновременно двух женщин. А. Х. Квин попытался объяснить этот феномен тем обстоятельством, что По «любил Анни как мужчина любит женщину, в то время как Хелен Уитмен он любил» по-другому — «как поэт любит поэтессу». Впрочем, это не помешало биографу заметить почти тут же: «Множество нормальных мужчин, сватаясь или назначая помолвку с одной женщиной, — которую любят достаточно, чтобы жениться на ней, омрачены пониманием того, что женились бы на другой, будь она свободна»[404]. Вторая часть суждения явно противоречит первой, но, судя по всему, находится гораздо ближе к истине.

Таким образом, По очутился в крайне затруднительной ситуации. «Дело» можно было поправить, если бы он немедленно уехал. Но поэт никуда не уехал, а больше двух недель провел рядом с Анни.

Сестра последней, тогда еще девочка школьного возраста, вспоминала:

> «В течение дня он [По] был предоставлен себе и, как говорил сам, „слонялся по холмам“. Я помню, как мы сестрой [Анни] стоим на крыльце и смотрим, как он возвращается, как сходит с пыльной дороги и ступает на

газон, что ведет к нашей двери; вот снимает шляпу и идет к нам с непокрытой головой, и глаза его словно становятся больше; он возбужден прогулкой… А потом моя память фиксирует его снова: он сидит у зажженного камина ранним осенним вечером, пристально вглядываясь в тлеющие угли; он держит в своих руках руку дорогого друга — Анни, оба долго молчат, и только тиканье старых часов в углу комнаты нарушает тишину…»[405]

Трагическая ситуация. Особенно для человека с обнаженными нервами, как у Эдгара По. Он обо всем рассказывает: о Хелен Уитмен, о том, что собирался жениться на ней, но теперь любит ее, Анни. А она советует жениться, «рана затянется», они «останутся друзьями». Понятно, что начинается депрессия и день ото дня становится глубже. Напиться, как он обычно поступал, было бы наиболее верным средством. Но в доме Анни Э. По, разумеется, не пил.

Наконец 2 ноября приходит письмо из Провиденса: нерешительное, непонятное, смятенное. Хелен Уитмен много лет спустя вспоминала:

«Изо дня в день я все откладывала и откладывала написать ему, не желая вымолвить то, что сможет разделить нас раз и навсегда, но и не могла дать ему тот ответ, которого он страстно желал. Наконец я написала короткую записку, которая, как я поняла затем, должно быть, озадачила и возбудила его. Обратной почтой он сообщил мне, что будет в Провиденсе на следующий вечер»[406].

Очевидно, что По обо всем рассказал миссис Ричмонд. И она посоветовала ему ехать в Провиденс. Он подчинился, но взял слово, что «она придет к нему на могилу».

А дальше ситуация развивалась следующим образом. Вечером 4 ноября Эдгар По приехал в Провиденс. Но вместо того чтобы отправиться к Хелен, остался в отеле, где, как он сообщал в письме Анни от 16 ноября, провел «ужасную длинную, длинную ночь отчаяния». Едва рассвело, вышел на улицу, надеясь, что холодный морской воздух приведет его в чувство. Но тщетно. Тогда, как он сообщал в упомянутом письме, зашел в аптеку и, чтобы успокоиться, принял «две унции лауданума» (двойную дозу). Затем… сел в поезд и уехал в Бостон.

Теперь предоставим слово поэту:

«Когда я приехал, сразу написал вам письмо, в котором открыл все свое сердце — тебе — моя Анни, которую я так безумно, так восторженно люблю, — я

> рассказал, что страдания мои больше тех, что способен выдержать — как душа моя протестует против слов, что должны быть произнесены [для миссис Уитмен] — настолько, что даже во имя возлюбленной я не смогу вымолвить их. Затем я напомнил вам о клятве, что вы мне дали… — священное обещание, что при любых обстоятельствах — вы будете у моего смертного одра. Я умолял вас прибыть сразу — упомянув место, где собирался остановиться в Бостоне. Написав письмо, я принял еще примерно полдозы лауданума и поспешил на почту — намереваясь не принимать остального, пока не увижу вас — потому что ни минуты не сомневался, что Анни исполнит свое священное обещание. Но я не рассчитал силы опиума, ибо… рассудок мой совершенно исчез…»

Он потерял сознание. Его отвезли в больницу. Анни, разумеется, не приехала.

В Провиденс По вернулся через два дня — 7 ноября утром — и отправился к миссис Уитмен. Та, по воспоминаниям, «совершенно не была готова его принять», поскольку находилась «в растрепанных чувствах», так как «ожидала его еще 4-го». Она попросила служанку передать, что сможет встретиться в полдень. По отвечал, что у него неотложное дело и им необходимо увидеться тотчас же. Пока служанка ходила, написал записку:

> «У меня *нет* дела, но я очень болен — настолько, что мне должно без промедления уехать домой… — но если вы скажете „останься“, я попытаюсь. Если вы не можете свидеться со мной — напишите мне одно слово, скажите, что вы *любите меня* и что — при *любых обстоятельствах* — будете моей».

В ответ она сообщила, что ждет По через полчаса в городской библиотеке.

Они встретились. Поэт был очень возбужден и требовал, чтобы она вышла за него замуж и без промедления вместе с ним уехала в Нью-Йорк. Ее слова нам неизвестны, но, вероятно, просила время еще подумать. Затем они встретились еще раз — уже ближе к вечеру. Хелен, видимо, говорила, что не против брака, но все ее близкие и друзья возражают против него. И в качестве иллюстрации продемонстрировала письмо, в котором «излагались некие неприятные факты и обстоятельства его жизни».

«Он был глубоко уязвлен и ранен итогами того нашего

свидания», — вспоминала миссис Уитмен.

Тем же вечером По запил. О чем ей незамедлительно сообщили доброхоты, видевшие его в баре, расположенном неподалеку от отеля. Впрочем, она и сама догадалась об этом, получив от него записку. «Анормальное» состояние автора зафиксировали и почерк, и содержание послания. В нем поэт сообщал, что уезжает, «возвращает ей все обещания» и говорит «прощай».

Хелен была уверена, что По отбыл в тот же день вечерним поездом. Но она заблуждалась. Он остался еще на два дня. Отправился в художественную мастерскую и сделал дагеротип. Портрет был готов 13 ноября. Он широко известен. По направил его миссис Уитмен в качестве прощального подарка — ну как без красивого жеста? — и тем же днем в шесть вечера отбыл на поезде в Стонингтон, штат Коннектикут, где пересел на паром до Нью-Йорка. На следующий день он был уже в Фордхэме.

Письмо — короткая записка — от миссис Уитмен уже было там: она беспокоилась о его здоровье и сообщала, что днями (21-го) отправит ему подробное письмо.

«Подробное» письмо — тогда — она ему так и не написала. 20-го поэт получил известие, что она собирается напечатать его «Улялюм» в местной газете и просит на то разрешения. Плюс к тому она выслала свое стихотворение под названием «To Arcturus» с просьбой дать отзыв. А еще сообщила, что «хотя она измучена страданиями, их женитьба зависит от твердости его характера».

По отвечал:

«Все зависит, дорогая Хелен, не от твердости моего характера — все находится в зависимости от искренности твоей любви».

В самом начале декабря поэт снова в Провиденсе. То была оказия: он выступал там с лекцией. Они безусловно встречались и говорили. Видимо, тогда же — «окончательно» — было решено: быть свадьбе. Эдгар По принял и поставленное условие — бросить пить.

Миссис Пауэр, мать «невесты», видя, что дочь настроена решительно, предприняла «контрмеры», дабы обезопасить семью от возможного нового родственника: имущество, деньги, ценные бумаги были переданы под ее опеку.

Впрочем, грядущий брак был не по душе не только родственникам невесты. Миссис Клемм писала миссис Ричмонд:

«Я так сильно боюсь — *она* не сможет устроить все так, чтобы он был счастлив. Я боюсь, что не смогу полюбить ее. Я знаю, я никогда не буду любить ее так, как люблю вас, моя дорогая»[407].

Но что она могла поделать? Тем более что миссис Ричмонд —

Анни — была несвободна.

20 декабря Эдгар По вновь прибыл в Провиденс. В 17.30 того же дня он выступил с лекцией «Поэтический принцип». Зал был переполнен. По оценкам газет, послушать поэта собралось около двух тысяч человек. Аншлаг, безусловно, вдохновил оратора: ему много аплодировали, преподнесли цветы, брали автографы — успех был полный. Ну как миссис Уитмен могла теперь устоять? Сразу после лекции Эдгар По сделал ей предложение «немедленно пожениться». Она согласилась.

22 декабря днем в доме миссис Уитмен состоялась «деловая встреча»: в присутствии адвоката (а также соседа и поэта-дилетанта) мистера Пибоди Эдгара По ознакомили с документами, касающимися материального положения будущей жены. По не возражал, что всем имуществом и ценностями распоряжается теща — миссис Пауэр. Был составлен документ. Своими подписями его скрепили По, миссис Пауэр и мистер Пибоди. После этого, вечером, в доме на Бенефит-стрит состоялось небольшое торжество и было объявлено о помолвке.

Трудно что-либо сказать о состоянии поэта. Радовался ли он грядущему событию? Ясно одно: он был взвинчен и крайне возбужден.

23 декабря он сообщил миссис Клемм: «Мы поженимся в понедельник, 25 декабря, и прибудем в Фордхэм во вторник». Затем спустился в бар отеля и выпил бокал вина. После этого направился на Бенефит-стрит. Накануне они с миссис Уитмен запланировали променад в экипаже.

Вот как Герви Аллен описал то, что произошло следом:

> «В субботу 23 октября По и миссис Уитмен поехали вместе на прогулку. Затем Хелен вернулась домой, чтобы уложить вещи. Во второй половине дня они… встретились в библиотеке, где ей было передано письмо, в котором ее предостерегали против брака с По и сообщали о его ухаживаниях за Энни Ричмонд, вызвавших громкие толки в Лоуэлле. Миссис Уитмен узнала также… что тем же утром По видели в питейном заведении в окружении целой компании веселых друзей. Все это убедило ее в том, что его не переделать. По пути домой Хелен сообщила По о том, что́ узнала, и в его присутствии распорядилась не печатать извещение об их бракосочетании. Она в отчаянии слушала его протесты и опровержения, вместе с тем не без облегчения сознавая, что, нарушив слово, По освободил и ее от данного обещания… По ушел, и миссис Уитмен сообщила о

случившемся матери. Эта дама, которой не терпелось спровадить По из города, к вечеру послала за ним, чтобы совершенно покончить с делом и вернуть бывшему жениху кое-какие бумаги.

Миссис Уитмен и ее мать приняли По в той самой гостиной, где он добивался взаимности Хелен… Миссис Уитмен готова была разразиться истерикой или лишиться чувств. Дрожащими руками она возвратила По его письма и другие бумаги и, обессиленная переживаниями, в изнеможении опустилась на кушетку, прижимая к лицу успокоительный платочек. По приблизился к ней, умоляя сказать, что это не последняя их встреча. Но миссис Пауэр пришла на помощь дочери, напомнив о времени отправления следующего поезда в Нью-Йорк, на который, как она горячо надеялась, По еще успеет. При этих словах По упал на колени, моля Хелен переменить решение.

Наконец она едва внятно пробормотала:

— Что же я могу сказать?

— Скажите, что любите меня, Хелен!

Придвинувшись ближе, он услышал ее последние слова, обращенные к нему.

— Я люблю вас, — прошептала миссис Уитмен дрожащим от боли голосом сквозь пропитанный эфиром платочек»[408].

Что и говорить, душераздирающая сцена. Но, к сожалению, все это в основном — вымысел. Во всяком случае, в той части, что касается «пропитанного эфиром платочка» и диалога со словами о любви. Исчерпывающую информацию о произошедшем миссис Уитмен изложила в письме, адресованном приятельнице, в сентябре 1850 года[409]. Там фигурируют прогулка, встреча в библиотеке, анонимное письмо, «раскрывающее глаза» (о чем конкретно шла речь в письме, миссис Уитмен не пишет). Кстати, скорее всего, письмо было написано ревнивой миссис Локк. Нет там ничего ни про «его письма и другие бумаги», которые «она возвратила дрожащими руками», ни про «кушетку», куда она «в изнеможении опустилась». Зато говорилось о том, что от него пахло вином и он еще до свадьбы нарушил слово, ей данное. Но мать присутствовала, был и мистер Пибоди.

С последним По и отбыл на вокзал. Он без труда успел на поезд, уходивший в шесть вечера.

25-го он уже был в Фордхэме, а 28-го миссис Клемм с видимым облегчением и радостью сообщала миссис Ричмонд в

Лоуэлл: «Я чувствую такое счастье [освобождения] от *всех* моих тревог. Эдди не собирается больше жениться на миссис У.».

Теперь Эдгар По мог любить ту, кого он хотел любить, — свою Анни. Любить, правда, платонически. Но, согласитесь, в этом есть нечто совершенно изысканное, почти неземное. Да и была ли у По потребность в «простой» — земной — любви? На этот вопрос пытались ответить многие. Но никто не преуспел. Загадка — осталась.

Расставшись с миссис Уитмен, По будто избавился от морока, от наваждения. Словно воскрес. Это настроение пронизывает стихотворение, сочиненное (или только начатое), видимо, тогда же. Речь идет о знаменитом послании поэта «К Анни»:

Закончена с жизнью
Опасная схватка,
Болезнь разрешилась,
Прошла лихорадка,
Зовут ее Жизнь,
А она — лихорадка.

Бессилье, недвижность
Томят меня мало.
Да, сил я лишился,
Но мне полегчало, —
Да, я неподвижен,
Но мне полегчало.
……
И вот я спокойно
Лежу распростертый
(В любви я забылся!) —
Вы скажете: мертвый?
Но как я спокойно
Лежу распростертый
(И грежу об Анни!) —
Вы скажете: мертвый?
Вы взглянете, вздрогнете,
Скажете: мертвый!

Но ярче всех ярких
Светил в мирозданье
Зажглось мое сердце
Сиянием Анни,
Его озаряет
Любовь моей Анни,

И память о свете
В очах моей Анни.[410]

ФИНАЛ ИСТОРИИ

Последнее путешествие. 1849

От слухов и сплетен, что множились вокруг его имени в связи с последними событиями, По укрылся в Фордхэме. Он «зализывал раны», и миссис Клемм, его «Мадди», помогала в этом. Он, видимо, совсем не сожалел, что его отношения с миссис Уитмен закончились столь плачевным образом. Напротив, испытывал изрядное облегчение. В двадцатых числах января он писал в Лоуэлл «своей» Анни:

> *«Верная* Анни! Как буду я всегда благодарен Богу за то, что Он дал мне, во всех моих превратностях, такого верного, такого красивого друга! Я был *глубоко* ранен… и, однако же, предвидел почти все… Из глубины моего сердца я прощаю ей [Уитмен] все и простил бы ей еще более…»

Он был уверен, что Анни «на его стороне», и обещал, что никогда больше не совершит подобной ошибки:

> «От этого дня впредь я избегаю чумного общества *литературных женщин.* Это бессердечная, противоестественная, ядовитая, бесчестная шайка, без какого-либо руководящего принципа, кроме безудержного самопочитания. Миссис Осгуд есть *единственное* исключение, которое я знаю…»

Он убеждал, что впредь не будет так остро реагировать на мнение «общества»:

> «На самом деле, Анни, я начинаю быть более мудрым и не беспокоюсь более столь много, как делал это раньше, о мнениях людей, каковых я вижу собственными моими глазами…»

Но был уверен, что с ним обошлись несправедливо. Он беден, а «быть бедным значит быть негодяем».

Следовательно: «Я должен сделаться богатым. Тогда все будет хорошо».

Из переписки, что он активно вел в эти первые месяцы 1849 года, ясно и другое: он испытывал радость — радость возвращения к литературному труду. Если мы окинем взором прошедшие два года, то увидим, что в творческом смысле они прошли во многом впустую. Он написал удивительно —

непозволительно — мало. Правда, среди созданного была «Эврика», был написан «Улялюм», сочинены первые строки «Колоколов». Но в основном то, что появлялось на страницах газет и журналов, — все это были старые тексты, в лучшем случае — переработки. Теперь ситуация явно изменилась. Он воспрянул и с радостью делился с Анни:

> «Я так деятелен теперь и чувствую столько энергии. Приглашения писать сыплются на меня каждый день. За последнюю неделю у меня было два предложения из *Бостона*. Вчера я послал статью в *American Review*, о „Критиках и критике“. Не так давно я отправил в *Metropolitan* очерк под названием „Коттедж Лэндора“: там есть нечто об Анни, появится это, как я думаю, в мартовском номере. В *Южный литературный вестник* я послал пятьдесят страниц „Заметок на полях“, по пяти страниц на каждый месяц в текущем году. Я прочно договорился также с каждым журналом в Америке (кроме *National* Питерсона), включая один цинциннатский журнал, называемый *The Gentlemen's*. Таким образом, вы видите, что мне нужно только твердо держаться в бодром настроении, чтобы выйти из всех моих денежных затруднений. Наименьшая цена, которую я получаю, это 5 долларов за „страницу Грэма“, и я легко могу средним счетом написать 1 ½ страницы в день, то есть заработать 7 ½ долларов. Как только денежные переводы придут, я выйду из затруднения»[411].

В феврале он с энтузиазмом пишет своему давнему другу Фр. Томасу — в ответ на письмо, в котором тот сообщал, что оставил чиновную должность и «вернулся в литературу»:

> «Исключительно рад, что ты снова вернулся на верную стезю — в сферу „изящной словесности“. Что бы ни говорили, но, в конце концов, Томас, Литература — самая благородная из профессий. Пожалуй, это единственное занятие, достойное мужчины. Что до меня, ничто с этого пути меня не свернет. Я буду литератором — пусть самым обыкновенным — всю свою жизнь… Кстати, тебе никогда не приходило в голову, что ничего из того, чем дорожит человек, посвятивший себя литературе — в особенности поэт, — нельзя купить ни за какие деньги? Любовь, слава, интеллект, ощущение собственной силы, упоительное чувство прекрасного, вольный простор небес, упражнения для тела и ума,

дающие физическое и нравственное здоровье, — вот и все, что, собственно, необходимо поэту».

Судя по всему, в тот момент он считал, что все это у него есть или, во всяком случае, существует надежда приобрести это в будущем.

Работает он очень активно: сочиняет стихи, прозу, пишет литературные обзоры, литературно-критические статьи, продолжает «Маргиналии».

1849 год начался в Америке с тяжелого приступа «золотой лихорадки». В предыдущем году в Калифорнии открыли богатые залежи золота. По информации из газет (естественно, непроверенной!), получалось, что самородки буквально валяются под ногами — только успевай подбирать! И люди — тысячами, десятками тысяч — снимались с насиженных мест и устремлялись в «златокипящую», только недавно ставшую американской, провинцию. Теперь в американской периодике не было темы важнее Калифорнии. Естественно, По не мог пройти мимо этого и не придумать новое «надувательство», в чем, как мы помним из «Истории с воздушным шаром», был весьма искушен.

В феврале он сочиняет рассказ под названием «Фон Кемпелен и его открытие» — ироничную историю о неком немецком изобретателе, который, опираясь на размышления знаменитого британского химика Хэмфри Дэви[412], научился превращать свинец в золото. История (как и полагается настоящему «надувательству») стилизована под газетный репортаж. Автор смешивает реальные факты и сведения с вымыслом — читатель должен поверить в существование вымышленного фон Кемпелена и его открытие. Ссылается на свое личное с ним знакомство (еще бы — тот уже «засветился» в истории с шахматным автоматом!), сообщает сведения о его аресте в Бремене, описывает тайную лабораторию и — главное — огромный, совершенно неподъемный чемодан, набитый «золотом — золотом не только настоящим, но и гораздо лучшего качества, чем то, которое употребляют для чеканки монет, — золотом абсолютно чистым… без малейшей примеси». Теперь только вопрос времени — узнать, как «чистое золото можно легко и спокойно получить из свинца в соединении с некоторыми другими веществами, состав которых и пропорции неизвестны». Разумеется, пока — неизвестны. Следовательно, нет смысла стремиться в далекую Калифорнию. Тем более что, как «конфиденциально» сообщает автор, вследствие известия об открытии «в Европе… цена на свинец повысилась на двести процентов…»[413].

В начале марта Э. По переправил рассказ для публикации в

Бостон. И в связи с этим писал известному литературному критику и издателю той поры (и своему знакомцу) Э. Дайкинку, что надеется на резонанс «надувательства»:

«Я искренне верю, что девять из десяти (даже из числа наиболее информированных) *поверят* в мистификацию, и таким образом внезапная сенсация, хотя бы временно, приостановит золотую лихорадку…»

Рассказ опубликовали в апреле. Но… сенсации — во всяком случае, аналогичной «надувательству» с воздушным шаром — он не вызвал. Видимо, те, кого уже ослепило калифорнийское золото, были глухи и слепы или совсем не читали газет.

А может, дело было в газете «Flag of Our Union» («Знамя нашего Союза»), где публиковалась история. Хотя очень скоро (в начале 1850-х годов) издание превратится в одно из самых тиражных в стране (75 тысяч экземпляров), тогда газета еще только начинала свою историю и распространялась в основном в Бостоне и его окрестностях. А жители Новой Англии в отличие от эмоциональных южан люди недоверчивые.

Кстати о газете. С «Flag of Our Union» По «завязался» в феврале 1849 года с «подачи» все того же Дайкинка. Издатели еженедельника предложили нашему герою весьма выгодные условия сотрудничества и обещали платить десять долларов в неделю (плюс оригинальные публикации). Для Эдгара По в его, как обычно, катастрофических финансовых обстоятельствах предложение стало спасением. К сожалению (по независящим от По причинам, о них — дальше), сотрудничество не продлилось долго. Последняя публикация в еженедельнике датируется 7 июля 1849 года. Это будет знаменитый сонет «К матери». Взаимодействие с изданием оказалось плодотворным. Оно ознаменовало последний творческий взлет писателя — стимулировало его художественную активность, заставляло больше работать. На его страницах были опубликованы почти все — по крайней мере лучшие — из последних произведений Эдгара По. Среди них (кроме упомянутых) и жестокий арабеск «Прыг-Скок»[414], и юмористическая история-гротеск «Как была набрана одна заметка», и рассказ «Домик Лэндора», а также последние опубликованные при жизни стихотворения: «Эльдорадо» и «К Анни».

В апреле в Фордхэм пришло неожиданное письмо из провинциального городка Окуока, штат Иллинойс. Оно проделало долгий путь, отправившись в путешествие еще в декабре 1848 года. Автор не знал, где жил поэт, и потому написал на адрес издательской фирмы Дж. Путнэма с пометкой «для Эдгара А. По». Оттуда письмо попало в Провиденс и только затем

— какими-то странными путями — в апреле оказалось в руках у поэта. Содержание письма не просто обрадовало — восхитило нашего героя. Автор, молодой человек по имени Эдвард Паттерсон, оказался истовым поклонником писателя и предлагал ему учредить общенациональный литературный журнал. Руководить изданием он предложил своему кумиру, а всю финансовую сторону брал на себя. Высказывал он и соображения относительно того, что должен представлять собой будущий журнал.

Э. Паттерсон (1828–1880) был очень молод. Упомянутое письмо он отправил, когда ему еще не сравнялось и двадцати одного года. Но полагал себя опытным журналистом, поскольку с юности подвизался в газете своего отца — в местном «Наблюдателе» («Spectator»), а с недавних пор — после смерти родителя — возглавил издание. Теперь он ждал, когда ему исполнится двадцать один год и он сможет распоряжаться наследством. А распорядиться им он хотел, основав совместно с Эдгаром По респектабельный журнал.

По совершенно не смутил юный возраст Паттерсона. Разумеется, он немедленно ответил и горячо приветствовал намерение молодого человека. В ответном письме поэт представил свое видение журнала — оно не отличалось от тех идей, что в свое время излагались в проспекте «Stylus». Кроме практических соображений в апрельском письме поэта присутствуют напоминания о своих «былых победах»: о том, как успешно он руководил «Сауферн литерари мессенджер», подняв за год число подписчиков до пяти тысяч, а затем и «Грэхеме мэгэзин», в котором «их число увеличилось с 5000 до 52 000». Немедленно созрел у него и план, что и как нужно делать.

«Мой план… предполагает совершить поездку по главным штатам — особенно по южным и западным, посещая малые города, — там результат вернее, нежели в крупных, — я буду читать лекции, чтобы покрыть расходы. В каждом я собираюсь задержаться на продолжительное время — с тем, чтобы заинтересовать своих знакомых (давние мои приятели по университету и Вест-Пойнту рассеяны повсюду) в успехе предприятия. Я гарантирую, что посредством этих усилий через три (или четыре) месяца наберется тысяча подписчиков — с письменными обязательствами оплатить подписку по получении первого номера. При таких обстоятельствах успех неизбежен. У меня есть около двухсот имен тех, кто решил поддержать [меня] в предприятии, которое я давно наметил и жду — когда это можно устроить *наверняка*».

Конечно, многое По преувеличил (насчет «приятелей» —

особенно). Но у него действительно имелись контакты, и он, как мы помним, и в самом деле «давно наметил» это «предприятие».

Но есть в письме и опасения. Связаны они были с внезапным кризисом, охватившим газетно-журнальный рынок Америки: повсеместно журналы и газеты закрывались или (конечно, временно!) приостановили выплаты авторам. Можно только предполагать, что косвенной причиной кризиса стала охватившая Штаты «золотая лихорадка», лишившая многие издания и подписчиков, и кредитов (деньги потекли в Калифорнию). Особенно пострадали издания без длинной истории. Среди них, как это ни печально, оказалось и «Знамя нашего Союза», исправно до того платившее поэту за его публикации. Приостановил выплаты и «Сауферн литерари мессенджер», печатавший статьи Э. По и очередные выпуски «Маргиналий».

По в очередной раз очутился в сложном положении. И, конечно, это не могло не отразиться на его самочувствии. В письме Анни он тогда же писал:

«…Моя печаль *необъяснима*, и оттого я еще более печален. Я полон мрачных предчувствий. *Ничто* не веселит и не утешает меня. Жизнь моя кажется пустой, будущее — точно угрюмый пробел».

Это был тревожный сигнал. Поэт вновь явно погружался в депрессию.

Ответ, пришедший из Иллинойса, однако, должен был его взбодрить. Паттерсон с энтузиазмом соглашался на все предложения По, оставляя за собой только техническую сторону — печать, финансы и т. д. Юноша писал:

«Своей главной задачей я ставил завоевать ваши симпатии и возбудить интерес к изданию, его литературная составляющая будет находиться *исключительно* под вашим контролем, что и обеспечит предприятию успех…»

По ответил не сразу — размышлял около двух недель. Потом написал письмо, в котором утверждал, что «предощущает» успех журнала. И… берется за это дело. В письме он сообщал, что в ближайшее время намерен отправиться в Бостон, а затем в Лоуэлл — читать лекции. Там:

«[я] задержусь на неделю; и немедленно после этого отправлюсь в Ричмонд, где буду ждать ответа на это письмо. Пожалуйста, адресуйтесь прямо туда, надписав… Джону Р. Томпсону, редактору „Южного Лит[ературного] Вестника“. По получении вашего письма я отправлюсь в Сент-Луис, и там мы встретимся. Мы сможем вместе отправиться в Нью-Йорк, или я продолжу [лекционное] турне, если мы достигнем соглашения».

К письму По приложил и давний проспект «Stylus». Он был

извлечен из небытия — смахнув пыль, поэт и его отправил в Иллинойс.

Ситуация с журналами между тем ухудшалась. В то время когда на столе у По лежало письмо от Паттерсона и он обдумывал свой ответ, он писал Анни:

> «Я [в последние дни] испытал одно разочарование за другим. Прежде всего обанкротился „Columbian Magazine“, потом „Union“ (уничтожив главные мои расчеты); потом „Whig Review“ должен был прекратить подписку — затем „Democratic“, потом (из-за угнетения и наглости) я вынужден был поссориться окончательно с…; и потом, в довершение всего, „[Flag of Our Union]“ (от какового журнала я ожидал так много и заключил с ним при этом правильный договор о десяти долларах в неделю в течение года) обратился к своим корреспондентам с циркуляром, сообщая о своей бедности и отклоняя дальнейший прием каких-либо статей… А еще „С. л. мессенджер“, который должен мне изрядную сумму, не может ее уплатить, и я теперь целиком завишу от Сартейна и Грэма, причем оба чрезвычайно ненадежны»[415].

Что же тут удивляться просьбе о займе, с которой поэт обратился к Паттерсону:

«Сомневаюсь, что смогу покрыть текущие расходы, связанные с предполагаемым лекционным туром… поскольку я не обременен деньгами (каков этот нищий чертяка-автор?), то вынужден обратиться с просьбой предоставить мне половину суммы, необходимой для начала, — что-то около 100 долларов. В связи с этим, пожалуйста, вложите 50 долларов в конверт с вашим ответом, который я буду ждать в Ричмонде».

Юноша поступил так, как его попросил писатель, и уже 7 июня отправил письмо в Ричмонд, в котором соглашался совершить поездку в Нью-Йорк и там («в июле или августе») подписать соглашение. Деньги, разумеется, тоже были отправлены.

В конце мая — начале июня около десяти дней Эдгар По провел в обществе Анни и ее семьи в их доме в предместье Лоуэлла. Нет достоверных сведений о том, состоялись ли его лекции. Зато есть сведения о фотографическом портрете писателя. Точнее, о двух: один после смерти поэта оказался у Анни, а другой известен как дагеротип «Стеллы».

Анни Ричмонд — будто предчувствуя, что более они не увидятся? — настояла, чтобы Э. По съездил с нею в Лоуэлл. Там

она отвела поэта в мастерскую, где и был сделан портрет. С одной пластины сделали отпечаток для нее. Другую она отдала Эдгару По.

Естественно, По рассказал Анни о своих планах. Но 16 июня еще находился в Фордхэме и отправил ей письмо — самое последнее. Он писал:

> «Вы просили меня, чтобы я написал вам перед тем, как я выеду в Ричмонд, а я должен был выехать в прошлый понедельник (11-го) — таким образом, быть может, вы думаете, что я уже уехал, не написав и не сказав „прощайте“ — но, поистине, Анни, я *не мог* так поступить. Дело в том, что, с тех пор как я написал, я каждый день готов был уехать — и, таким образом, откладывал новое письмо до последней минуты — но меня ждало разочарование — и я не могу более удержаться от того, чтобы не послать вам хоть несколько строк, показать вам, *почему* я так долго молчал. *Когда* я могу теперь уехать, это недостоверно — но, быть может, я могу уехать завтра или через день — все зависит от обстоятельств, находящихся вне моего контроля…»[416]

Тогда он не уехал — ни «завтра», ни «через день». «Обстоятельств», о которых упоминает поэт, было по меньшей мере два. Первое связано с нездоровьем. По возвращении из Лоуэлла Э. По заболел. Что это было? Достоверных сведений нет. Но скорее всего, то был очередной приступ полного упадка сил. Ухаживала за ним — как всегда, самоотверженно и с любовью — его «Мадди».

Вторая причина — безденежье. В связи с крушением журналов поступления почти иссякли. Разве что продолжал платить «Сауферн литерари мессенджер» — за «Маргиналии» (с апреля по июль выпуски XIII–XVI печатались в журнале). Но этих крайне скудных средств не хватало. Зная, что Паттерсон вложил 50 долларов в письмо, адресованное ему и дожидавшееся его в Ричмонде, По вынужден был обратиться к Джону Р. Томпсону, чтобы тот переслал письмо в Фордхэм. Что последний и сделал.

Чем был занят в этот последний месяц поэт, сочинял ли что-нибудь? На этот вопрос, несомненно, следует дать положительный ответ. Скорее всего, именно тогда, в июне, в Фордхэме он написал очередную (ставшую последней) подборку «Заметок на полях»[417] и, вероятно, завершил (или был очень близок к завершению) знаменитую «Аннабель Ли»[418].

Там же он закончил поразительный по искренности и глубине сонет «К матери»:

Постигнув, что не только человек —
Но ангелы — из всех благословений,
Способных нежность выразить навек,
Не отыскали имени блаженней,
Я «матерью» назвал тебя, и ты
Вошла мне в сердце самою родною
И стала жить в нем — в доме пустоты,
Покинутом покойною женою.
Мою родную мать (по ком я тоже
Скорблю) ты материнством превзошла:
Жизнь дорога — Вирджиния дороже,
Ты, дав ей жизнь, мне этим жизнь дала;
Отныне же, когда ее не стало,
И для меня небытие настало[419].

Читал ли поэт эти строки своей драгоценной «Мадди»? Едва ли подлежит сомнению — он делился с нею всем сокровенным. В том числе — всегда — и своими сочинениями. Вирджиния и она обычно становились первыми слушателями его произведений.

Наконец деньги пришли. Эдгар По засобирался в дорогу.

Трудно сказать, смогла ли Мария Клемм соединить в единое целое элегические мотивы стихотворения, ей посвященного, и поручения, данные «ее Эдди» перед отъездом из Фордхэма. А они были таковы: По наказал «матери», чтобы в случае его смерти «надзирать за литературным наследием и заниматься публикацией его произведений» взялся Руфус Грисуолд. А «написать воспоминания о жизни и характере… и [выступить] в защиту его памяти» он поручал Н. Уиллису[420].

Даже современников (по крайней мере младших) удивил выбор поэта. На самом деле ничего удивительного в нем нет. Натаниэля Уиллиса По знал как человека очень честного и неизменно к нему расположенного. Другое дело, что у того не оказалось достаточной энергии, чтобы «защитить память» поэта. А Грисуолду По, возможно, и не очень доверял, но тот был важной фигурой современной американской литературной действительности. Во всяком случае, в вопросах, касающихся публикаций. В конце концов, те поэтические и прозаические антологии, что он составлял, если и не были единственными, то, безусловно, считались самыми авторитетными. Доверяла последнему и миссис Клемм (а он сумел искусно втереться в доверие к ней, да и помогал деньгами). Так бумаги поэта оказались в его руках. Что из этого получилось, мы знаем.

Рано утром 29 июня, в пятницу, Эдгар По в сопровождении

«Мадди» покинул Фордхэм. Они остановились в доме у «Стеллы» — поэтессы Сары Льюис и ее мужа, адвоката Сильвануса Д. Льюиса. Те организовали обед по случаю отъезда По. Скорее всего, именно тогда поэт подарил свой портрет (известный как «дагеротип Стеллы») хозяйке дома. В начале пятого пополудни стали прощаться. Мистер Льюис позднее вспоминал:

«Когда он [По] уезжал в свое последнее путешествие на Юг, мы простились у входной двери, поцеловались и пожали друг другу руки. Он был полон надежд, мы — печальны: слезы потоком хлынули из глаз „дорогой Мадди“, когда он ее целовал, заплакала и моя жена, когда говорила „до свидания“»[421].

Меньше чем через час Эдгар По на поезде покинул Нью-Йорк[422]. Миссис Клемм, переночевав у Льюисов, на следующий день вернулась в Фордхэм.

Далее события развивались следующим образом. Вместо того чтобы, доехав до Филадельфии и там не мешкая пересесть на пароход, идущий в Ричмонд, По остался в городе. Здесь его следы на некоторое время теряются.

9 июля миссис Клемм, не получая известий от него, в великой тревоге писала Анни:

«Эдди уехал десять дней тому назад, а я еще не получила от него ни слова. Будете ли вы удивляться, что я совершенно *как безумная*? Я боюсь всего… Эдди должен был ехать через Филадельфию, и как я боюсь, что он запутался там в какие-нибудь трудности; он *так* искренно обещал написать мне оттуда. Я должна была получить от него письмо в последний понедельник, а теперь уже опять понедельник — и ни слова… О, если что-нибудь злое случилось с ним, что сможет утешить меня?»[423]

Родной человек сердцем чувствовал беду: ее «Эдди» действительно «запутался в трудностях». Он напился. И судя по всему, это произошло немедленно после того, как он очутился в Филадельфии.

Позднее, в письме, отправленном все-таки «Мадди» (рукой поэта оно помечено 7 июля, но отослано было, видимо, несколько позже; местом отправления указан (!) Нью-Йорк), он сообщал:

> «Я так болен — я заболел холерой или чем-то таким же ужасным и едва держу в руках перо. Как только ты получишь это [письмо], немедленно приезжай ко мне. Радость видеть тебя всегда утешает в наших горестях. Мы могли бы умереть вместе. Но сейчас нет смысла рассуждать об этом; я должен умереть. У меня нет желания продолжать жить после того, как я написал

> „Эврику“… Ты всегда была для меня всем, дорогая, бесконечно любимая мама и мой самый дорогой, самый надежный друг… Меня заключали в тюрьму за то, что я был пьян. Но я не был пьян. Это случилось из-за Вирджинии».

По, конечно, *был* пьян. Хотя выпить — первоначально — мог «из-за Вирджинии». Точнее, чтобы одолеть депрессию. В которой (это совершенно ясно из письма) он явно находился. Из письма также понятно, что поэт очень нездоров не только физически, но и сознание его спутанно.

Что же касается тюремного заключения, то как такового его не было. В своих воспоминаниях давний филадельфийский знакомец Дж. Сартейн утверждал, что поэта задержала полиция за «непотребный (читай: очень пьяный) вид». Несколько часов продержали в участке. Затем кто-то опознал его, и он был отпущен[424].

Хуже другое. Поэт потерял саквояж, в котором находились вещи и тексты лекций. К тому же лишился всех денег (когда он уезжал, с собой у него было больше 40 долларов). Через несколько дней саквояж нашелся, но ни лекций, ни тем более денег в нем не оказалось.

2 июля Эдгар По появился в мастерской упоминавшегося Сартейна. Он был «бледен и измучен, глаза были встревоженные и безумные». Он просил об «убежище и защите», объяснив, что «какие-то люди» пытаются убить его. Свидетель вспоминал:

> «Я уверил его, что здесь он всегда желанный гость, что в моем доме ему будет совершенно безопасно и он может оставаться в нем сколько захочет… После долгой паузы он [По] внезапно произнес: „Если эти мои усы убрать, меня не так-то легко будет и узнать; не одолжите мне бритву, чтобы я мог их сбрить?“ Я отвечал ему, что поскольку никогда не бреюсь, то бритвы не держу, но, если он желает, я бы мог состричь их ножницами. Мы отправились в ванную комнату и там успешно провели операцию»[425].

Похоже на то, что Э. По оставшиеся дни в Филадельфии пользовался гостеприимством Сартейна. Последний немного помог и с деньгами. Вдобавок поэт продал «окончательную версию» своих «Колоколов» (за 15 долларов) и «Аннабель Ли» (за пять долларов). Но и эти деньги он быстро спустил — пить не перестал.

Тем не менее пребывание в доме Сартейна, судя по всему,

помогло Эдгару По до некоторой степени улучшить самочувствие. Хотя 14 июля, уже на пути в Ричмонд, он и писал Марии Клемм, что «чувствует себя несчастным», но «смертных мыслей» в этом письме уже не было — была лишь «тоска по дому».

Добраться до Ричмонда ему помогли. Насколько можно судить по письму, это были его старый приятель Джордж Липпард[426] и его товарищ по фамилии Бэрр. Они купили ему билет до Балтимора (пять долларов) и оплатили проезд оттуда до Ричмонда (семь долларов). Какую-то толику денег, видимо, дали и с собой.

Вечером 14 июля Эдгар По был уже в Ричмонде. Сначала снял номер в «Новом американском отеле» на углу Одиннадцатой и Главной улиц, затем, через день или два, переехал — нашел подешевле — в комнату на втором этаже в таверне «Лебедь». Здание не сохранилось, но его изображение широко известно как последнее пристанище поэта. Располагалось оно на Брод-стрит между Восьмой и Девятой улицами.

19 июля он сообщает Марии Клемм, что ему лучше:

> «По моему почерку вы сразу увидите, что мне лучше — значительно лучше — и со здоровьем, и с настроением. О, если бы вы только знали, как ваше дорогое письмо меня порадовало! Я жил как в тумане. Страдал я от того, что мной овладела страшная мысль — от которой я никак не мог избавиться, — мысль о том, что вы умерли. Более десяти дней я был совершенно невменяем, хотя не пил и капли…»

Свое состояние По объяснял *mania-a-potu* — «манией пьянства» (так в то время называли белую горячку) и обещал:

> «…если это *вообще возможно,* моя самая дорогая мама, я освобожу себя от этой обузы во имя тебя — моя дорогая, бесконечно дорогая… Допускаю, Небеса специально изыскали такой способ… все эти галлюцинации… чтобы они стали предупреждением на все оставшиеся мне дни. Если это так, я не стану сожалеть о тех ужасных, отвратительных муках, что я пережил».

Он, похоже, действительно решил взять себя в руки и по меньшей мере месяц (а то и больше) совершенно воздерживался от спиртного. Навещал прежних знакомых, выезжал за город, гулял с Розали, общался с местными журналистами и издателями. И вскоре, видимо, оправился настолько, что

восстановил текст лекций и вернулся к выступлениям. Его первая лекция («Поэтический принцип») состоялась 17 августа и прошла с большим успехом. Через неделю он повторил выступление. Тема была другой, но успех — не меньший.

В двадцатых числах августа поэт писал в Фордхэм:

«Все говорит о том, что, если я выступлю еще раз, а билеты будут по цене в 50 центов, я получу 100 долларов чистыми. Я никогда не переживал такого успеха. Газеты только и делают, что расхваливают мою лекцию…»

Сообщал он и о событиях иного рода. Среди них промелькнуло такое: «Вечер Рози [Розали] и я провели в доме у Эльмиры».

Это важно. Еще в июле Эдгар По возобновил знакомство со своей первой возлюбленной — миссис Эльмирой Шелтон (в девичестве Ройстер). Причем не просто возобновил, а взялся ухаживать. Да так рьяно, что, как позднее свидетельствовала вдова, уже в конце месяца завел речь о женитьбе. К тому времени, когда По сообщил миссис Клемм, что встречается с вдовой, слухи об их отношениях и грядущей свадьбе уже вовсю гуляли по Ричмонду. А 28 августа и сам По сообщил своей «Мадди», что собирается жениться на Эльмире.

Овдовевшей (в 1844 году) женщине, видимо, несложно было поверить в искренность «маневров» По, ведь «обмануть нетрудно», когда — и «сам обманываться рад!». Да и была она, согласитесь, достаточно молода (и притом совершенно здорова!), чтобы ставить крест на собственном женском счастье. К тому же память о давнем юношеском романе, конечно, грела ее сердце. Другое дело, что ее дети (уже взрослые юноша и девушка) резко выступали против перспективы брака. Да и она, понятно, сомневалась: слухи о поведении и образе жизни поэта, естественно, до нее доходили. Тем более что в августе По опять сорвался. Впрочем, поэт явно пытался себя контролировать, и до катастрофы, подобной той, что случилась с ним в Филадельфии, дело не доходило.

Об искренности чувств со стороны По говорить не приходится: он любил Анни. И страдал от невозможности союза с ней. В письме, написанном «Мадди» в конце августа, он писал:

«Ничего не говорите мне об Анни — я ничего не хочу слышать — разве что известите меня о кончине господина Р[ичмонда]».

И, размышляя о месте жительства будущей семьи (поэт, Мадди и Эльмира), делился с ней сомнениями:

«Где мы сможем быть счастливее — в Ричмонде или Лоуэлле? Я полагаю, мы никогда не будем счастливы в Фордхэме — но,

Мадди, я *должен* находиться там, где смогу видеть Анни… я хочу жить *подле Анни…»*

И тут же заявляет: «Обручальное кольцо у меня есть, а найти фрак, я думаю, не составит труда».

По непоследователен. Впрочем, разве иного можно ожидать от поэта? В письме, отправленном двумя неделями спустя, он пишет:

«Я полагаю, она [Эльмира] любит меня больше, чем кто-либо другой. И я не могу не отвечать ей любовью. Но пока еще ничего не ясно».

Но к середине сентября, видимо, все окончательно «прояснилось». Последнее препятствие, видимо, было связано с «дурными привычками» По. Он дал зарок не прикасаться больше к спиртному. 15 сентября миссис Клемм, ссылаясь на письмо «Эдди» от 12 сентября (оно не сохранилось), сообщала Анни в Лоуэлл, что он «присоединился к „Сынам Умеренности“» и выслал ей подписанную им «клятву воздерживаться от алкоголя»[427].

И вот 22 сентября решилось: свадьбу назначили на 17 октября. Этот вечер По провел в доме у Эльмиры. Еще прежде (18 сентября) он написал письмо «Мадди» с известием о грядущем событии. Теперь в конверт, отправлявшийся в Фордхэм, легло еще одно послание — письмо миссис Шелтон матери жениха. Разумеется, так полагалось по этикету. Среди уверений в искренности чувств, что она питает к ее сыну, и убеждений, что она осознает свою ответственность, есть и такие:

«Я совершенно готова полюбить вас и искренне надеюсь, что мои чувства окажутся взаимными…

Ваш неведомый друг — Эльмира»[428].

24 сентября Эдгар По последний раз выступал перед ричмондской аудиторией с лекцией[429]. Это был опять «Поэтический принцип» — с чтением стихов — как собственных (в том числе, конечно, знаменитого «Ворона»), так и других (главным образом английских) поэтов.

Его жизнь снова резко переменилась, и теперь он вновь был полон самых радужных планов. Особое место в них, разумеется, принадлежало состоянию Эльмиры. А оно впечатляло: после смерти муж оставил 100 тысяч долларов в ценных бумагах и вкладах. Чтобы наш современник мог адекватно представить его размеры, достаточно увеличить эту сумму примерно в 30 раз. Получается, что вдова была миллионершей. К тому же ей принадлежали несколько домов и земельных участков — в Ричмонде и окрестностях. Правда, в завещании почившего супруга оговаривалось, что миссис Шелтон остается

полноправной хозяйкой указанного имущества только в том случае, если не выйдет вновь замуж… Но (не случайно так яростно возражали против ее брака дети) поэту и не нужно было *так много!* Ему вполне достаточно было и того, что у нее останется.

Видами на приданое, скорее всего, объясняется и очевидное охлаждение Эдгара По к предложению из Окуоки. Понятно, он полагал, что, обладая даже маленькой толикой состояния «миллионщицы», легко сможет и самостоятельно возродить свой «Stylus». Впрочем, По не «отрезал пути к отступлению»: в августе он ответил на очередное письмо молодого человека и сообщил, что намеченная встреча и дальнейшее совместное путешествие в Нью-Йорк в указанное время не могут состояться. В ответном письме Паттерсон перенес встречу на 15 октября. Они должны были встретиться в Сент-Луисе. На это письмо поэт уже не ответил.

Сразу после выступления с лекцией По засобирался в дорогу: необходимо было завершить дела в Нью-Йорке и Фордхэме, подготовиться к свадьбе и перевезти на Юг «дорогую Мадди». Несмотря на то что он «не мог жить вдали от Анни», на первое время местом жительства будущие супруги избрали Ричмонд. В дороге По планировал «на несколько дней» сделать остановку: его ждали в Филадельфии мистер и миссис Лауд. Еще 17 августа По получил очень выгодное предложение мистера Лауда отредактировать сборник стихов его «балующейся поэзией» супруги. За эту работу владелец фабрики по производству роялей, фисгармоний, клавесинов и пианино обещал заплатить поэту 100 долларов. Разумеется, от такого предложения По не мог отказаться, несколько раз просил об отсрочке и наконец сообщил, что приедет 25 или 26 сентября[430].

Но 25 сентября поэт еще находился в Ричмонде. В тот же день он отправился за город навестить семью Талли, своего приятеля, с которым дружил в детстве. Сьюзен Талли, будущий биограф поэта, а тогда еще подросток, вспоминала:

«Он говорил о своем будущем с жадным восторгом, словно предвидел его как юноша. Он заявил, что никогда не был так счастлив, как в эти последние несколько недель в обществе старых и новых друзей»[431].

Вечером По вернулся в Ричмонд, переночевал в доме у Маккензи. Утром побывал в таверне «Лебедь», распорядился подготовить багаж (он обзавелся обтянутым черной кожей и обитым по углам железом небольшого размера сундуком) и отправился в город — попрощаться с друзьями. Среди последних дольше других общался с Томпсоном, редактором «Мессенджера»,

говорил о планах на будущее, собирался вернуться через две недели. На прощание подарил свой дагеротипический портрет. Его — по собственной инициативе — сделал местный фотограф Уильям Пратт[432]. Видимо, По заходил к нему и теперь подарил Томпсону отпечаток.

Ближе к вечеру поэт добрался до Эльмиры. От того энтузиазма, что он источал накануне в гостях у Талли, не осталось и следа. Он был грустным, выглядел очень усталым и жаловался, что чувствует себя неважно. Невеста встревожилась:

«Я проверила его пульс и нашла, что у него лихорадка; сказала — не думаю, что он в состоянии ехать завтра… Я думала о нем всю ночь и на следующий день встала рано, чтобы справиться о его здоровье, но, к ужасному моему сожалению, узнала, что он отплыл на пароходе в Балтимор».

Приведенные слова — из письма миссис Шелтон, отправленного 11 октября в Фордхэм миссис Клемм.

Видимо, По действительно чувствовал себя плохо, поскольку «около половины девятого вечера» заходил к врачу, некоему Джону Картеру (тогда совсем молодому человеку), у которого просил «средство от лихорадки». После визита он отправился в ресторан Сэдлера на Главной улице, где поужинал.

«Сэдлер потом мне рассказывал, — вспоминал врач много лет спустя, — По ушел от него ровно в двенадцать ночи в компании из нескольких человек, что [также] собирались на балтиморский пароход… По словам Сэдлера, поэт находился в добром расположении духа и выглядел трезвым, хотя, безусловно, выпивал за столом, и похоже на то, что забыл свой багаж в таверне „Лебедь“»[433].

Вот, пожалуй, и всё, что достоверно известно об обстоятельствах, предшествовавших отъезду Эдгара По из Ричмонда. Затем следы его теряются до 3 октября 1849 года.

Скорее всего, он попал на пароход, отходивший на Балтимор. Пароход назывался «Покахонтас». В четыре часа утра судно отдало швартовы, а 28 сентября — путь недальний — уже было в Балтиморе.

По собственному плану, Э. По должен был пересесть на поезд в Филадельфию, задержаться там на несколько дней, отредактировать сборник мадам Лауд и получить причитающиеся за работу 100 долларов. Затем, опять же поездом, выехать в Нью-Йорк. Но по какой-то причине этого не случилось.

3 октября, во второй половине дня, Джеймс Снодграсс, редактор «Baltimore Saturday Visiter», еженедельника, который в свое время принес первый успех поэту, получил написанную явно впопыхах записку:

«Уважаемый сэр! В таверне около избирательного участка 4-го округа сидит какой-то довольно потрепанный джентльмен, который утверждает, что его зовут Эдгар А. По, и, похоже, находится в ужасном состоянии, и он говорит, что знаком с вами — он нуждается в немедленной помощи»[434].

Снодграсс, безусловно, хорошо знал По, переписывался с ним и весьма почитал его как прозаика и поэта. Он немедленно откликнулся на призыв о помощи и поспешил по указанному адресу.

> «Когда я вошел… то сразу узнал лицо того, кого я видел часто и знал хорошо, хотя застывше-бессмысленное его выражение заставило меня содрогнуться. Блеск умных глаз совершенно исчез… Вполне может быть, я и не узнал бы его сразу, если бы не был осведомлен относительно его костюма. На голове была шляпа — скорее всего, чужая; очевидно, что он оказался жертвой грабежа или обмана — поношенная, из пальмовой соломы, без ленты и грязная, дешевое пальто с чужого плеча, заношенные, неопределенно-серые кашемировые брюки, испачканные и мешковатые. На нем не было ни жилета, ни шейного платка… рубаха измята и сильно перепачкана. Он был до такой степени оглушен алкоголем, что не было смысла и пытаться заговорить с ним, тем более что [он] был окружен толпой изрядно подвыпивших мужчин, коими двигало не сочувствие, а досужее любопытство. Я немедленно распорядился приготовить для него номер, где он мог находиться, пока я не разыщу его родственников, которых, как я знал, в Балтиморе было несколько. Как раз в тот момент, когда я отдавал распоряжения, один или два из них, видимо, также получивших известие, появились [в таверне]. Они отказались взять на себя заботу о нем, ссылаясь на некие прошлые случаи, когда он был неблагодарен и в пьяном виде оскорблял их. Решено было отправить его в госпиталь… Он находился в совершенно бесчувственном состоянии, к экипажу мы несли его как труп, говорить не мог, бессвязное и бессмысленное бормотание — вот и все, что можно было расслышать»[435].

Поэта перевезли в расположенную поблизости больницу «Вашингтон хоспител».

Как Эдгар По очутился в таверне, где был и что делал в предыдущую неделю? Предположений и версий по этому поводу немало. С течением времени их количество лишь множится, в том

числе возникают и совершенно фантастические. Автор настоящих строк — безусловный сторонник редукционизма — избегает конспирологических теорий. Потому едва ли стоит «множить сущее без надобности». Разумнее и проще воспользоваться теми сведениями, что лежат на поверхности.

А они таковы. На 3 октября в Балтиморе были назначены выборы в конгресс и законодательное собрание штата. Понятно, что подготовка к голосованию началась задолго до указанной даты. В то время в Америке выборы происходили путем прямого волеизъявления граждан и были предельно демократичными. Даже слишком. Не существовало списков избирателей — любой мог явиться на избирательный пункт и проголосовать. Мог проголосовать и повторно — на другом участке, а потом мог сделать это и на следующем, и еще раз — на следующем… Естественно, что этим активно пользовались противоборствующие партии и группировки. И организовывали то, что мы называем сейчас «избирательные карусели». Заблаговременно — обычно за несколько дней — формировались «мобильные группы» таких «избирателей». Как правило, из числа персонажей асоциальных и сильно пьющих. Поддерживая в состоянии алкогольного дурмана, их содержали в специальных помещениях (тогда их называли «курятники») и уже оттуда перемещали по городу в «избирательной карусели». Похоже, что и По попал в такую «карусель».

Как мы помним, поэт покинул Ричмонд, уже будучи на взводе. В Балтиморе он, вероятно, продолжил загул и… стал легкой добычей «карусельщиков». В алкогольном тумане он провел несколько дней в «курятнике». Там он, похоже, и лишился собственной — приличной — одежды. Затем, видимо, «проголосовал» (или — не «проголосовал»). Состояние, в котором он тогда находился, судя по всему, сделало невозможным его дальнейшее использование. И его оставили — в той самой «таверне около избирательного участка 4-го округа».

В больнице, куда Эдгара По привезли около пяти часов вечера, он оказался на попечении некоего доктора Морана. Впоследствии тот вспоминал, что до трех утра следующего дня пациент находился в совершенно бесчувственном (близком к коматозному) состоянии, затем у него начались конвульсии, он стал бредить. Состояние несколько улучшилось только на следующий день (5 октября). Позднее, в ноябре, по просьбе миссис Клемм доктор сообщил ей в письме о последних часах жизни ее «Эдди»:

«Меня позвали к его постели, как только его

состояние улучшилось. Я стал расспрашивать о семье, месте жительства, родственниках и т. д. Но ответы были спутанными и смутными. Он сообщил мне, что у него есть жена в Ричмонде, но не знал, когда он покинул этот город, что стало с его багажом и одеждой. Желая ободрить его… я сказал, надеюсь, что вскоре он сможет насладиться обществом своих друзей, которые придут сюда, а я был бы счастлив помочь ему и облегчить его состояние. При этих словах он неожиданно встрепенулся и с большим чувством произнес: „Лучшее, что мог бы сделать надежный друг, — вынести из его головы мозги напрочь выстрелом из пистолета“… После этих слов мистер По, казалось, лишился сил, и на короткое время я его оставил. Когда вернулся, увидел, что он впал в буйство и две медсестры с трудом удерживают его в постели. Это состояние длилось до вечера субботы (то есть до 6 октября), когда он начал звать: „Рейнольдс! Рейнольдс!..“ Призывы длились всю ночь — до трех утра воскресенья. Потом он обессилел и затих. Казалось, заснул. Затем повернул голову и произнес: „Господи, помоги моей бедной душе“ и ушел».

Что это был за Рейнольдс, которого так долго и настойчиво звал поэт, и зачем он был нужен ему — так и остается загадкой.

Сумрачный гений. Сумеречный гений.

Сюжеты лучших новелл и стихотворений Эдгара По своим источником всегда имели ту сумеречную зону, что расположена на грани сна и яви, мира живых и области мертвых, на смутной, едва уловимой границе реальности и фантазии. Даже собственные сумеречные состояния он полагал доказательством, следствием и свойством своего таланта.

Он так и ушел — перед рассветом — на границе ночи и дня, на зыбком пересечении мрачных ночных теней и призрачных предрассветных видений… И сумрак не отпустил его…

POST SCRIPTUM

Эдгара По хоронили 8 октября. Разумеется, миссис Клемм на похоронах не присутствовала — она ничего не знала. Известие о смерти «Эдди» настигло ее только 9 октября. Тем же днем она написала миссис Ричмонд:

«Анни, мой Эдди мертв — он умер в Балтиморе вчера — Анни, моя Анни, молитесь за меня, вашу покинутую подругу. Чувства оставили меня — как только я узнала, я написала в Балтимор. Напишите и посоветуйте, что мне делать».

Анни пригласила ее к себе. Какое-то время Мария Клемм жила в семье возлюбленной «сына». Через несколько месяцев перебралась к «благодетельнице» миссис Шью и жила в ее доме по крайней мере до лета 1852 года. Затем ее приютила «Стелла», миссис Сара Льюис. Тут она прожила довольно долго. Но госпожа Льюис в конце концов развелась с мужем и уехала в Англию. Вслед за тем Мария скиталась по родственникам. В начале 1860-х годов жила у некой мисс Салли Ф. Робинс в Огайо. Той взбрело в голову, что она должна составить жизнеописание поэта. Впрочем, вскоре врачам удалось «переубедить» ее — мисс Робинс очутилась в сумасшедшем доме. Средств у миссис Клемм совсем не было, и она добывала их, обращаясь с просьбами — в основном письменными — к родственникам и тем, кто знал «ее Эдди». Эти просьбы долетели даже до Лондона: известно, что в 1868 году Ч. Диккенс перевел несчастной женщине тысячу долларов. Под конец жизни она очутилась (ирония судьбы!) в Балтиморе — в церковном приюте для обездоленных, где и умерла в 1871 году.

Очевидно, что миссис Клемм следовала воле покойного, когда отдала его бумаги Руфусу Грисуолду. Когда хотел, тот мог быть обходительным и умел располагать к себе людей. Тем более женщину, сына которой он называл своим другом, да к тому же помогал деньгами и клялся, что гений «ее Эдди» не будет забыт, а он, Грисуолд, приложит к тому все усилия.

Он и «приложил». Трудно сказать, прочла ли она тот обширный некролог, что Р. Грисуолд поместил в газете «Daily Tribune» на следующий день после похорон поэта — 9 октября 1849 года, что начинался словами:

«Эдгар Аллан По мертв. Он умер в Балтиморе позавчера. Это известие поразит многих, но мало кого опечалит. В этой стране поэт был широко известен в связи со своей репутацией, а кто-то знал его и лично; у него имелись читатели в Англии и в нескольких странах континентальной Европы, но друзей у него было совсем немного или вообще не было…»

Хотелось бы верить, что не прочла. Да и сам Грисуолд (будем надеяться!), возможно, испытывал некоторую неловкость от своих собственных — мстительных и несправедливых — слов. Может быть, поэтому он и подписал тот некролог не собственным именем, а псевдонимом «Людвиг»?

Впрочем, ровно год спустя, в октябре 1850 года, он вполне успешно ее преодолел, опубликовав в журнале «International Monthly Magazine» обстоятельный, но полный лживых измышлений и порочащий писателя очерк его жизни. Уже за своей подписью. А затем эти «факты» пошли «в народ», и ярлык высокомерного скандалиста и алкоголика прочно приклеился к имени поэта. По меньшей мере на четверть века. Впрочем, эхо тех давних измышлений Грисуолда можно услышать и сейчас. Разумеется, его главными мотивами были месть и зависть. Правда, закрадывается и иное подозрение: а может быть, он все-таки понимал истинную величину гения поэта? Помните, что во сне Пилату говорит булгаковский Иешуа Га-Ноцри: «Мы теперь будем всегда вместе… Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня, — сейчас же помянут и тебя». Может быть, в этом дело?

Завистник ненадолго пережил того, кого обидел. Умер он в 1857 году. Умирал в мучениях, от туберкулеза. Да и предшествующие — 1850-е годы — дались ему тяжело: здесь и смерть дочери, и судебные преследования, и обвинение в двоеженстве, и сумасшествие близкого друга, да и много всего другого. В общем, «не желай ближнему…».

«Анни», миссис Нэнси Локк Хейвуд Ричмонд, возвышенно-платоническая любовь поэта, прожила долгую, спокойную и, вероятно, счастливую жизнь (умерла в 1898 году): в достатке, в окружении любимых детей и родственников. Но, видимо, память беспокоила. В ином случае едва ли после смерти мужа (в 1873 году) она стала бы вносить изменения в собственное имя и, пройдя юридическую процедуру, официально стала не только Нэнси, но и Анни. Уже без кавычек.

Совсем иная — короткая и печальная — судьба ожидала Фанни — Фрэнсис Сарджент Осгуд. Потеряв родившегося в 1846 году ребенка (девочку по имени Фанни Фэй), она пережила глубокую депрессию. По этой ли причине или потому, что уже несла в себе фатальную болезнь, она умерла от туберкулеза на тридцать девятом году жизни. После нее остались дочери — четырнадцати и одиннадцати лет. Но и те только на год пережили мать — сгорели от чахотки.

«Елена», Сара Хелен Уитмен, несмотря на «слабое» здоровье и «проблемы с сердцем», дожила до семидесяти пяти лет (умерла в

1878 году), путешествовала (в том числе по Европе), продолжала писать стихи и не уставала удивлять современников своей экстравагантностью; не бросала спиритизм и, видимо, не раз вызывала дух своего великого друга. Кто знает, может быть, именно он и надоумил ее написать книгу («Эдгар А. По и его критики»)? Тем более что это был прекрасный повод напомнить и о себе — такой необыкновенной, талантливой, загадочной и любимой. Ей удалось сохранить значительную часть перешедшего в конце концов от матери состояния. Она употребила его на издание стихов — своих и сестры, а после смерти (оставшуюся часть) завещала на помощь цветным детям и защиту домашних животных от насилия.

О ком еще стоит сказать? Эдвин Паттерсон — тот самый юноша, с которым Эдгар По собирался осуществить свой самый заветный проект — издавать *собственный* журнал. Его судьба сложилась следующим образом. Получив известие о смерти кумира, он продал «Наблюдателя» и покинул родной Окуоки. Вложив все деньги, отправился в Калифорнию за золотом. Но… все вышло как у По — в его знаменитом «Эльдорадо»:

Ночью и днем
На коне лихом,
Сверкая парчой наряда,
Рыцарь скакал
И с песней искал
Волшебный край Эльдорадо.
Но стал он сед
Под ношею лет,
Душа преисполнилась хлада:
Нигде он не мог
Найти уголок,
Похожий на Эльдорадо…[436]

Вернулся на родину, женился, завел детей, похоронил жену и перебрался в Колорадо. Здесь он основал газету «Горняк Колорадо» («Colorado Miner»), которую и редактировал до самой своей смерти в 1880 году.

А что сталось с памятью Эдгара По в Америке после его смерти? Да по большому счету постарались забыть: с подачи Грисуолда она превратилась в досадную, неловкую и весьма непонятную страницу в литературной истории страны. Но то, что соотечественникам показалось досадным и неловким, о чем (и о ком) не следует говорить в приличном обществе, напротив, восхитило и воодушевило Шарля Бодлера и «проклятых поэтов».

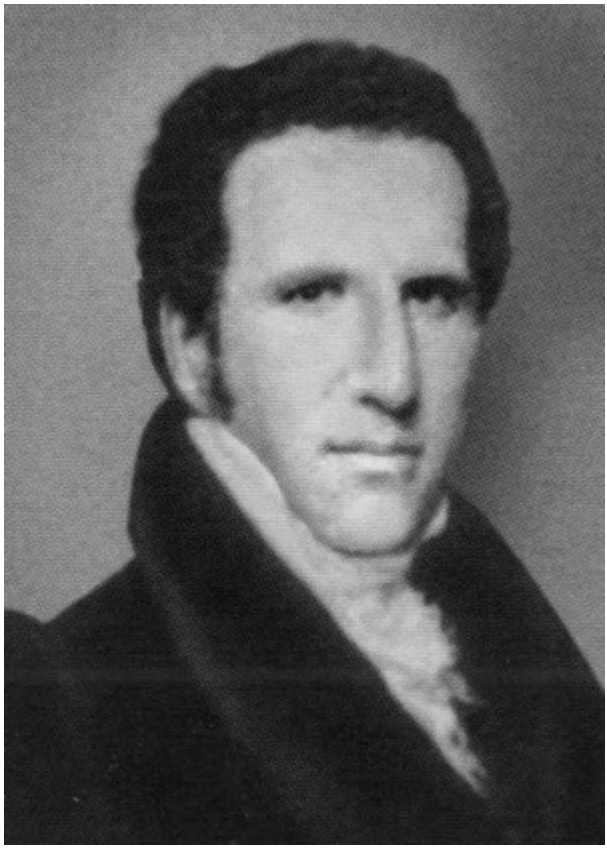
В их глазах Э. По — о, это был настоящий, восхитительный *enfant terrible!* Да еще и поразительный поэтический гений! Как им не восторгаться? Они провозгласили его «своим» и «вернули», но — европейским читателям. Уже оттуда, из Европы, волна посмертной славы По докатилась до англоязычного мира. В том числе и до викторианской Англии. Предметом заинтересовался молодой британский ученый Джон Ингрэм (1842–1916). Он взялся распутать противоречивый клубок жизни поэта, отделив зерна от плевел. Благо что многие из тех, кто хорошо знал его героя, были еще живы и могли сообщить множество фактов и предоставить самые разнообразные материалы. Результатом огромной работы стала книга (автор настоящих строк, разумеется, с ней хорошо знаком и не раз на нее ссылался) — первая адекватная история жизни Эдгара Аллана По. А потом…

Но это, согласитесь, уже другая история. История очень длинная, со множеством страниц, открытий и заблуждений, успехов и поражений, в которой, при всем ее разнообразии и объеме, явно не хватало одной — русскоязычной биографии писателя.

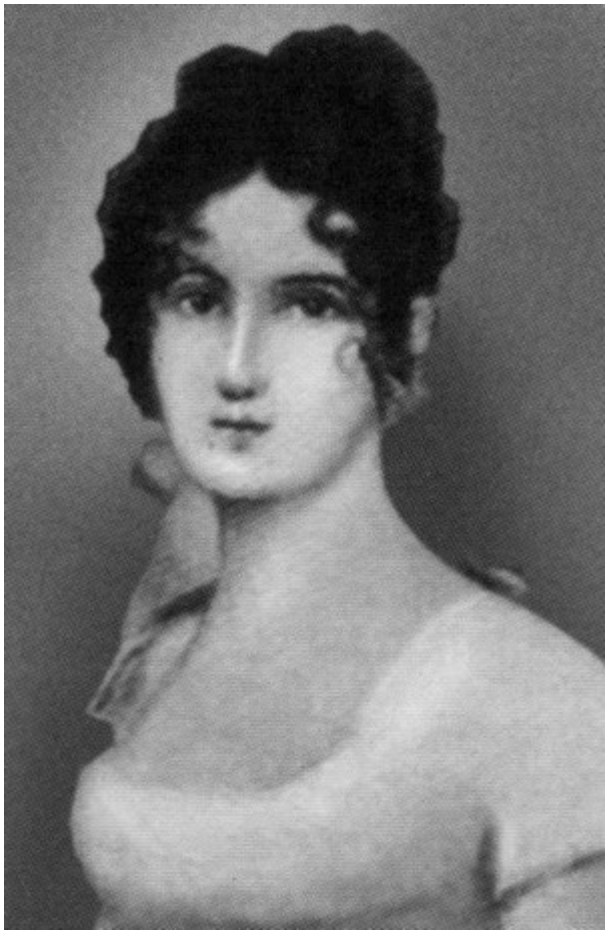
А история продолжается…

ИЛЛЮСТРАЦИИ

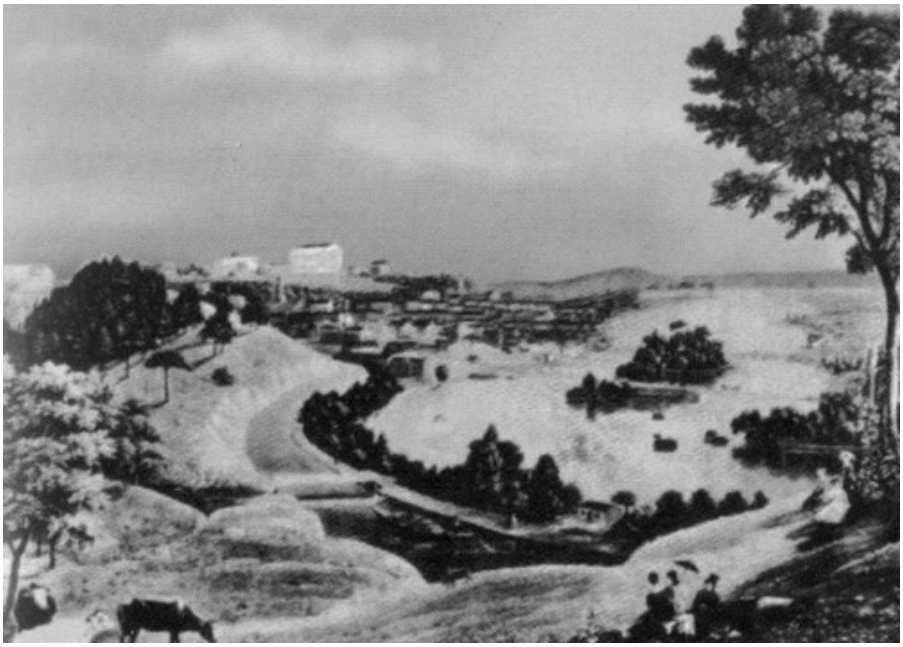
Элизабет По, мать писателя



Джон Аллан, опекун



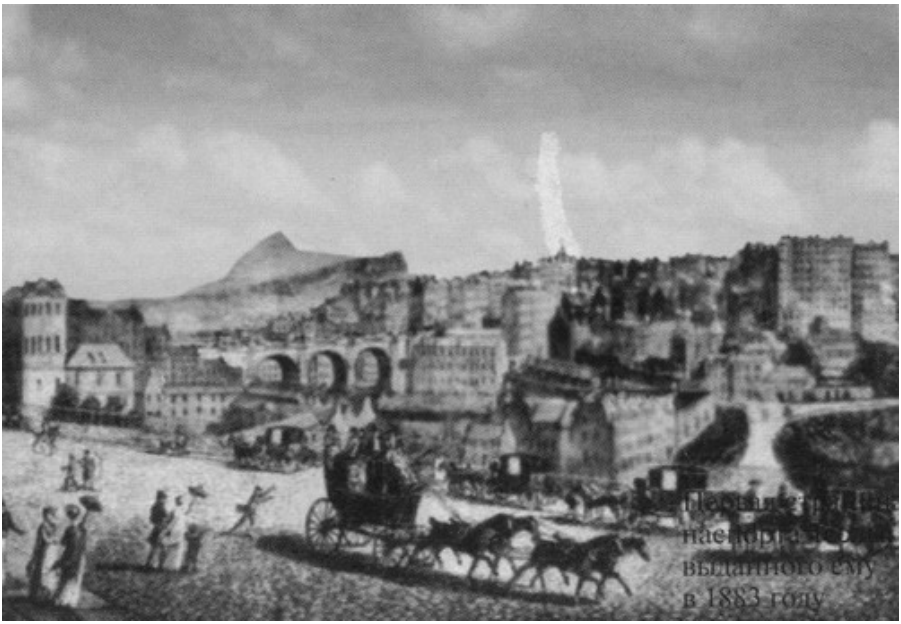
Фрэнсис Аллан, приемная мать Эдгара По



Ричмонд во времена Эдгара По

Пожар в Ричмондском театре в 1811 году

В лавке фирмы «Эллис и Аллан»



Эдинбург (Шотландия), который Эдгар По посетил в 1815 году

Лондон, дом, в котором жил юный Эдгар

Пансион в пригороде Лондона Стоук-Ньюингтоне, где Эдгар По учился и жил в 1817–1820 годах

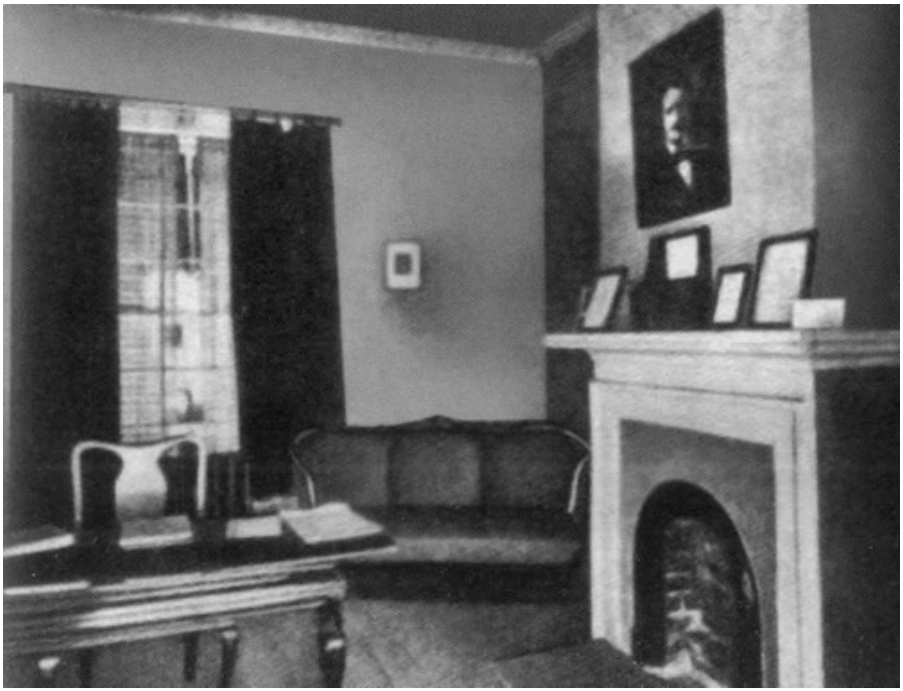
Джейн Стэнард

Эльмира Ройстер. Карандашный портрет, сделанный Эдгаром По

Особняк Джона Аллана, в котором жила его семья с 1825 года

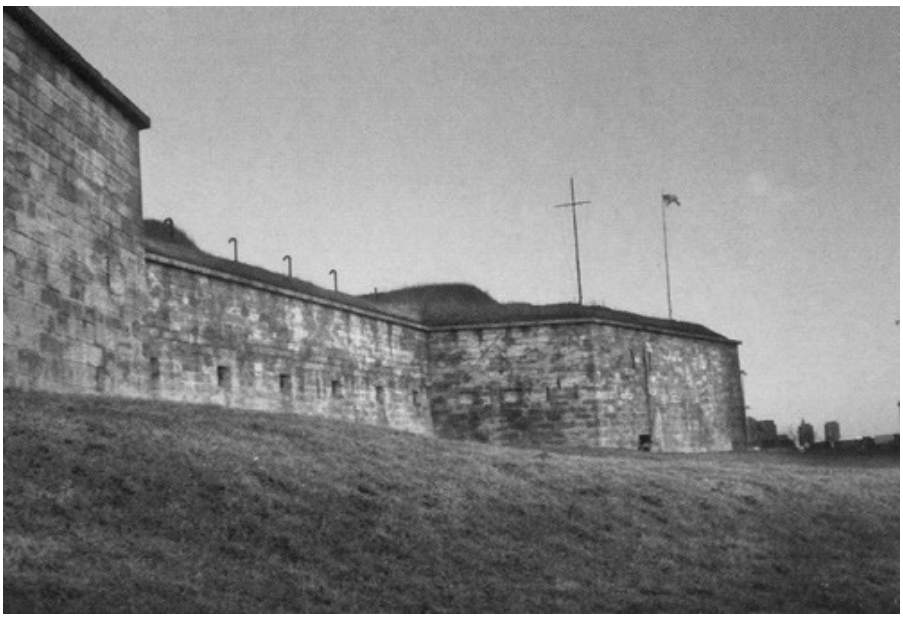
Виргинский университет в Шарлоттсвилле. Основан

Т. Джефферсоном в 1825 году



Комната Эдгара По в университете

Бостон во времена Эдгара По

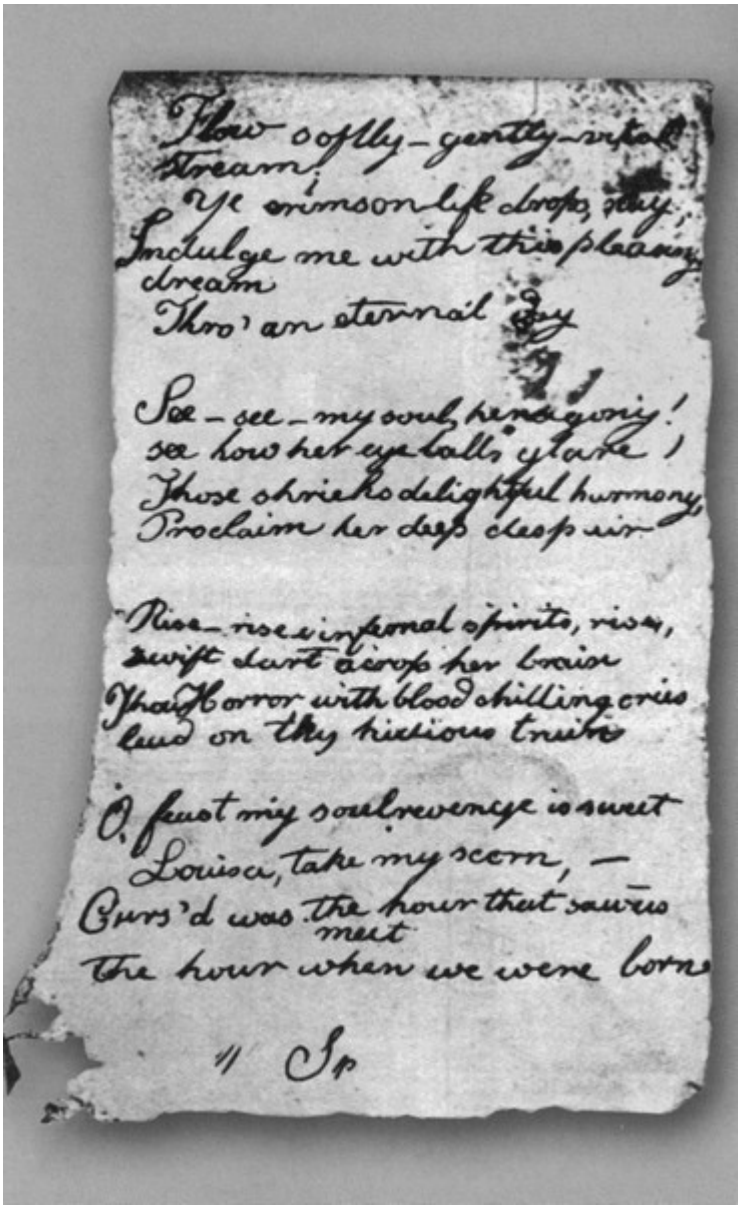


Бостонский форт Индепенденс, место службы Эдгара По

Форт Моултри на острове Салливан

Военная академия США в Вест-Пойнте в 1830 году. С картины

художника Дж. Кэтлина



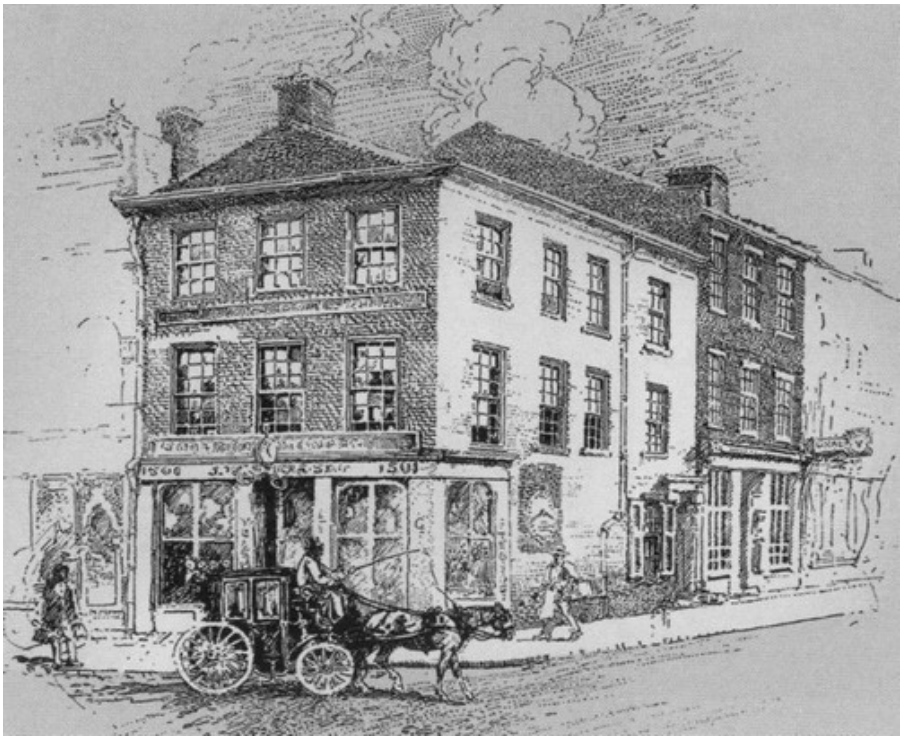
Автограф одного из ранних стихотворений Эдгара По

Балтимор времен Эдгара По

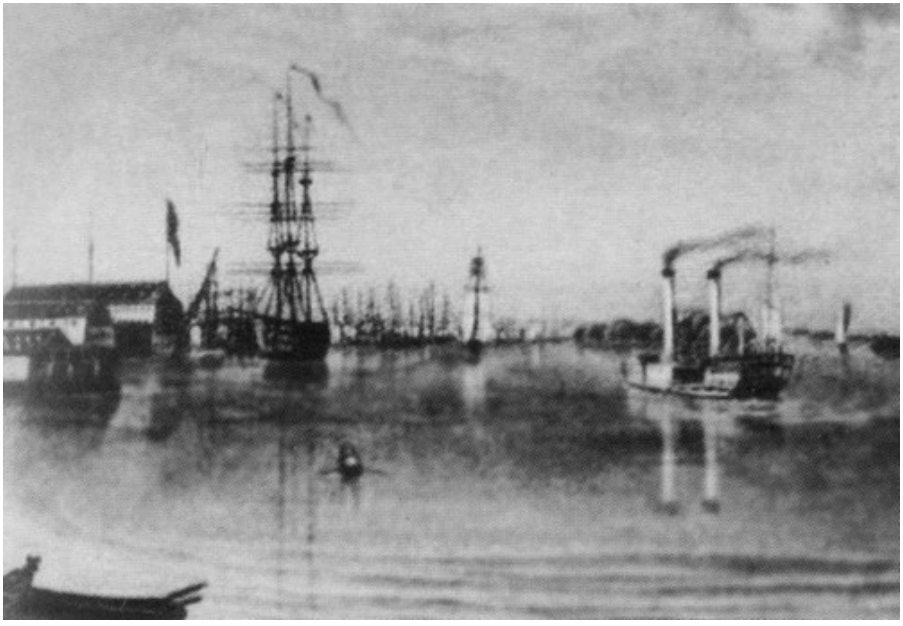
Мария Клемм

Томас Уайт, редактор журнала «Сауферн литерари мессенджер»

Джон Пендлтон Кеннеди



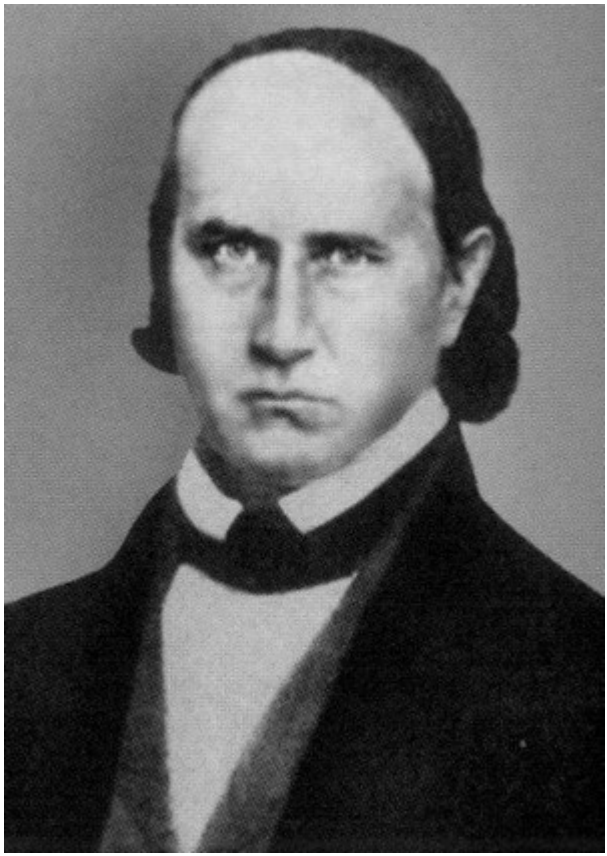
Здание редакции журнала «Сауферн литерари мессенджер» в Ричмонде



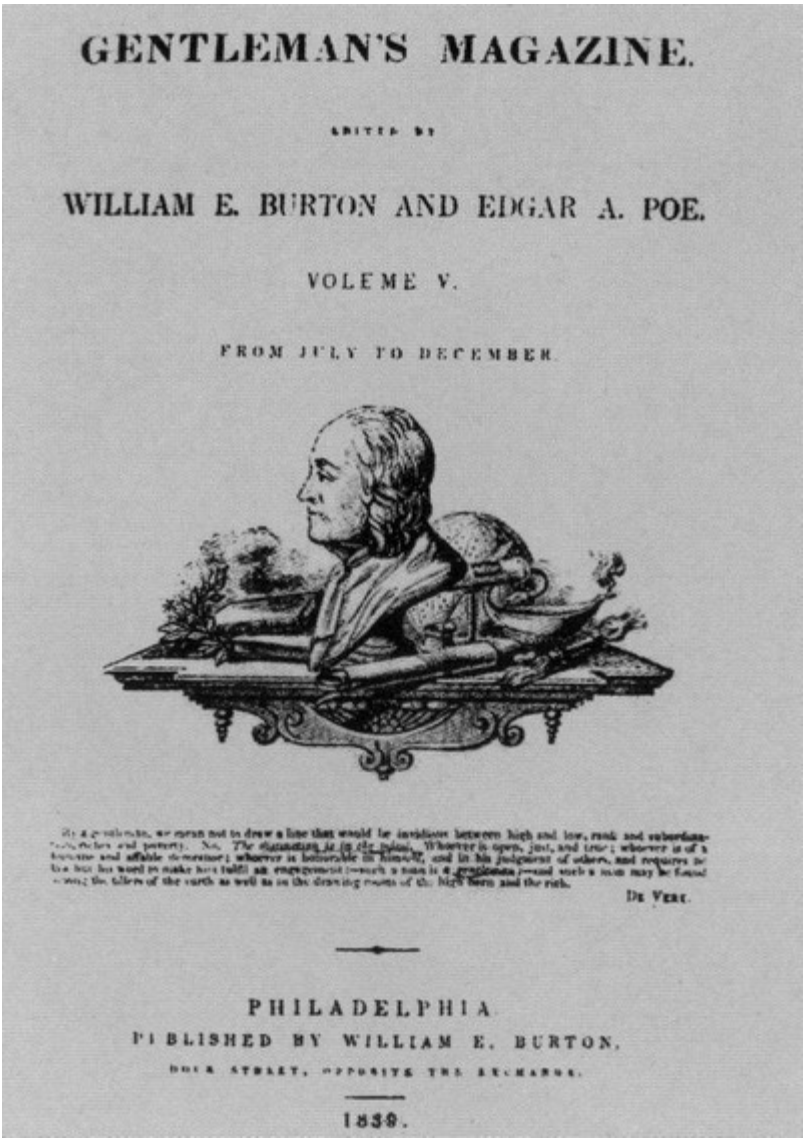
Филадельфийский порт

Дом в Филадельфии, в котором жила семья Эдгара По

Уильям Бёртон. 1858 г.

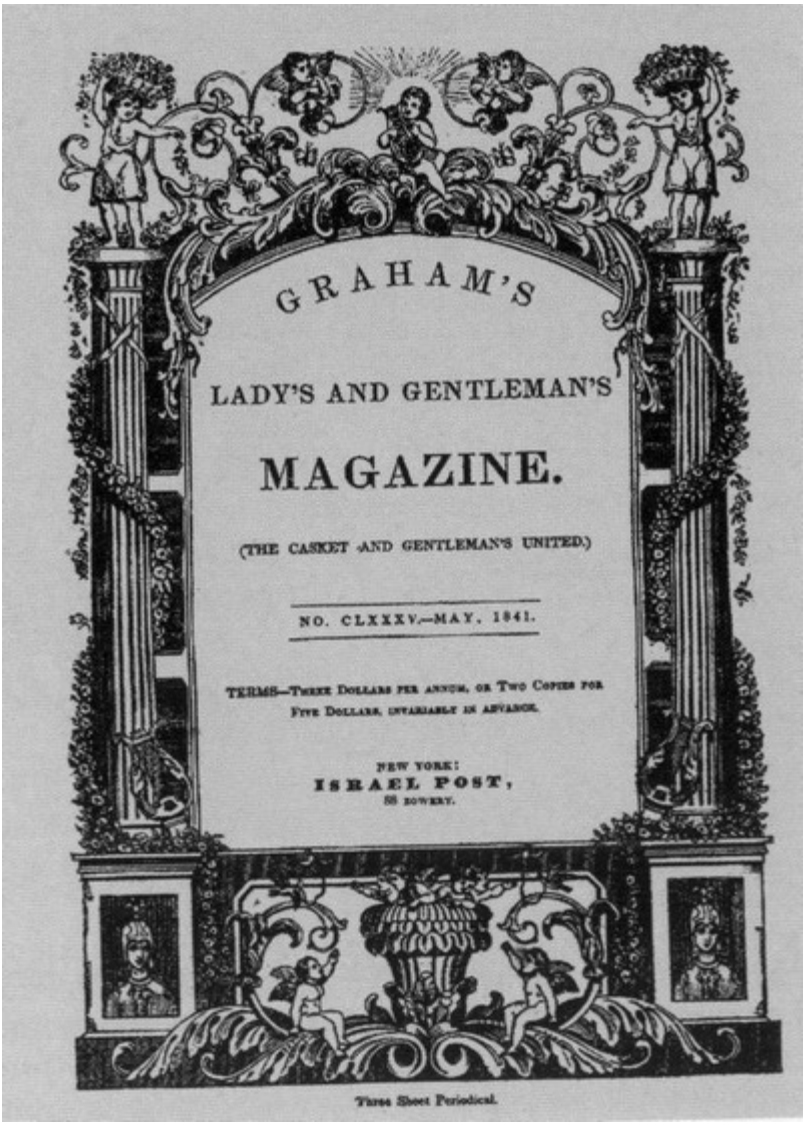


Томас Холи Чиверс



Обложка журнала «Джентльменз мэгэзин», который Эдгар По редактировал в 1839–1840 годах

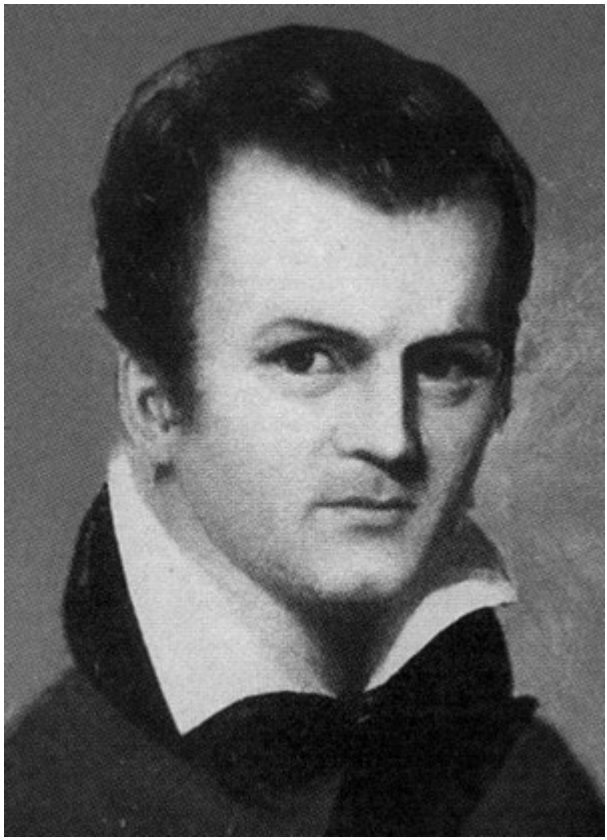
Джордж Грэм



Титул «Журнала Грэма». 1841 г.

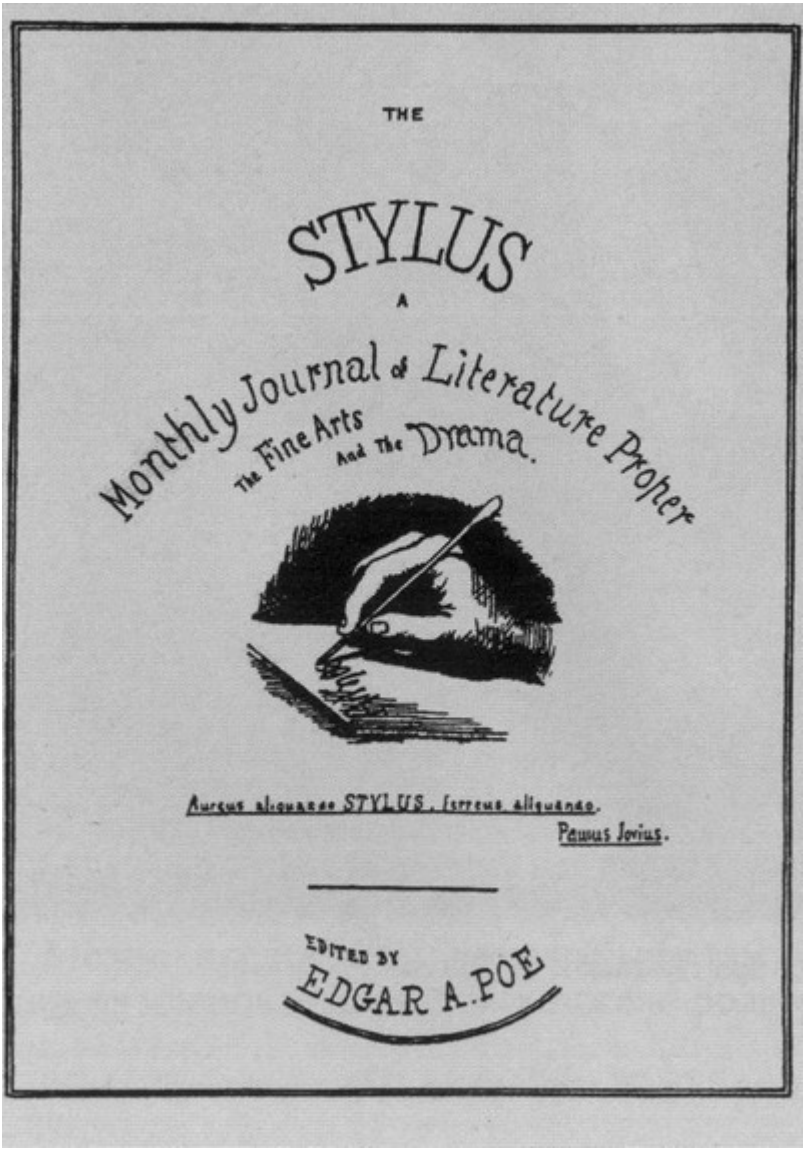
Иллюстрация Эдуара Мане к стихотворению Эдгара По «Ворон»

Утраченный портрет Эдгара По кисти Т. Салли



Фредерик Томас, многолетний друг Эдгара По

Томас Майн Рид. Середина 1870-х гг.



Эскиз обложки журнала «Stylus», сделанный Э. По и высланный Э. Паттерсону

Иллюстрация к рассказу «Тайна Мари Роже». 1853 г.

Иллюстрации к рассказу «Золотой жук», напечатанному в филадельфийской газете «Доллар»

Иллюстрация Г. Кларка к рассказу «Колодец и маятник». 1919 г.

Коттедж Эдгара По в Фордхэме (близ Нью-Йорка), где он жил в 1846–1849 годах

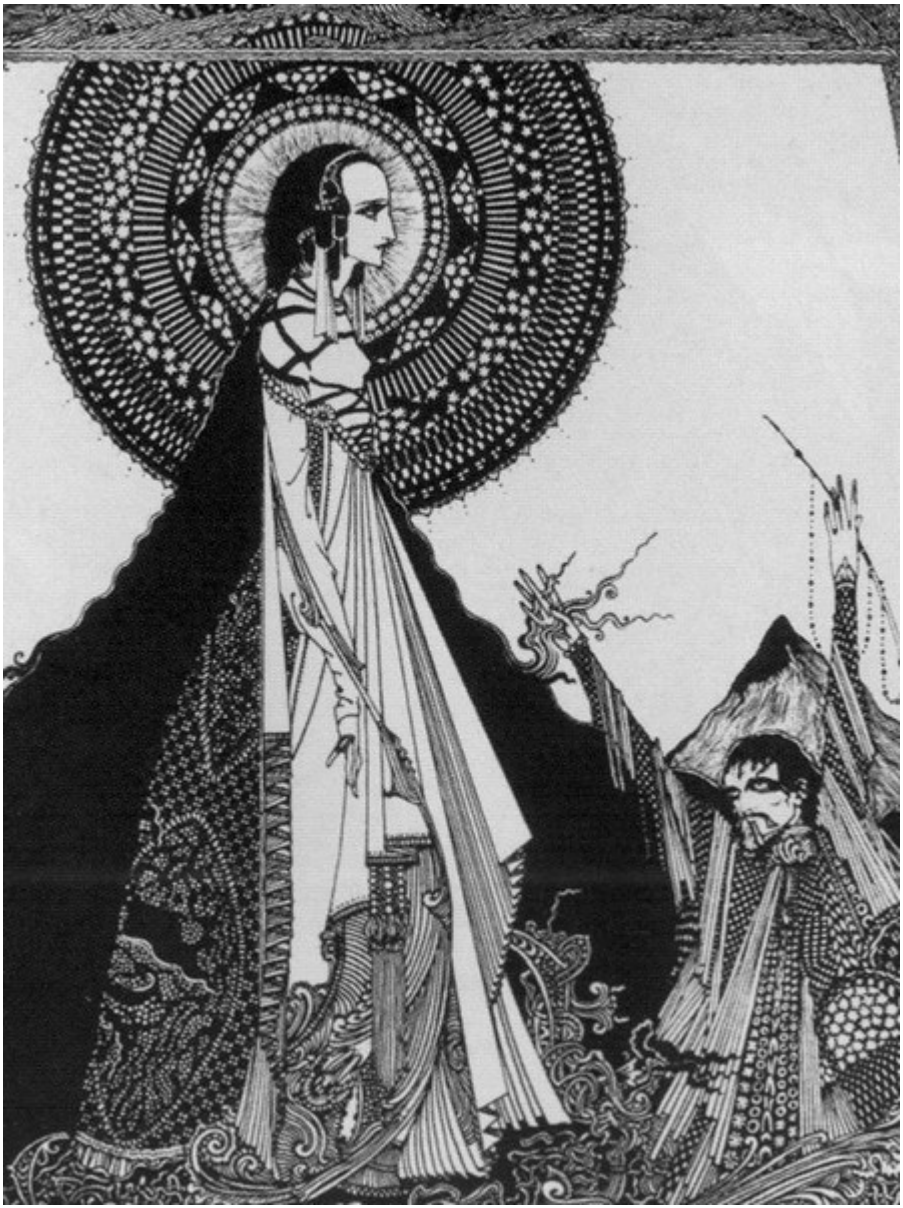
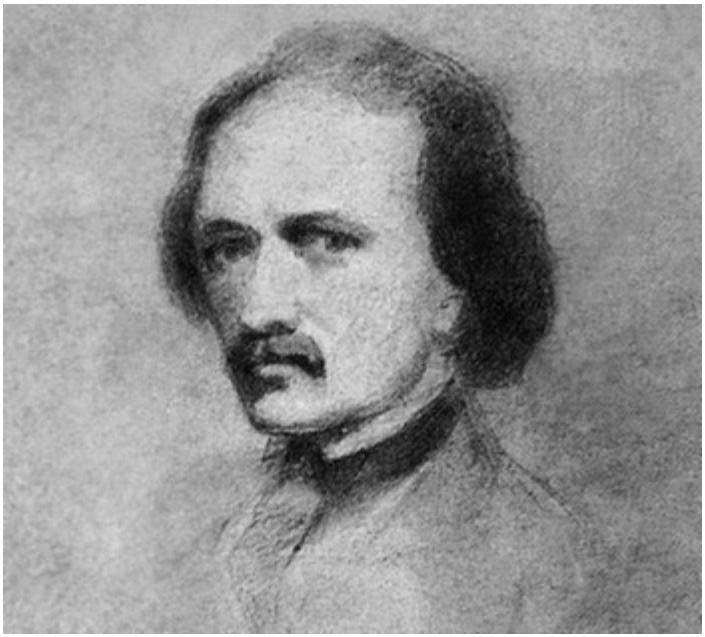


Иллюстрация Гарри Кларка к рассказу «Лигейя». 1919 г.



Э. По. Автопортрет. Ориентировочно 1845 г.

THE BROADWAY JOURNAL.

VOL. I. NEW YORK, SATURDAY, MAY 10, 1845. NO. 19.

C. F. BRIGGS, EDGAR A. POE, H. C. WATSON, EDITORS.

GLIMPSES OF BROADWAY.

NO. I.

FROM UNION SQUARE LOOKING DOWN BROADWAY

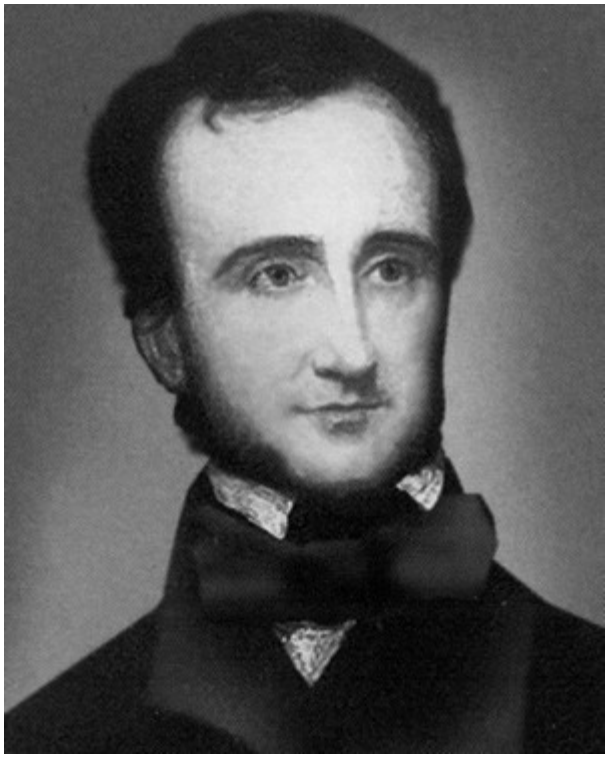
Rankin's Apothecary's Shop. Mansion of C. V. S. Roosevelt. James Phalen. J. F. Pendleton.

THE NATIONAL ACADEMY.

PORTRAITS.

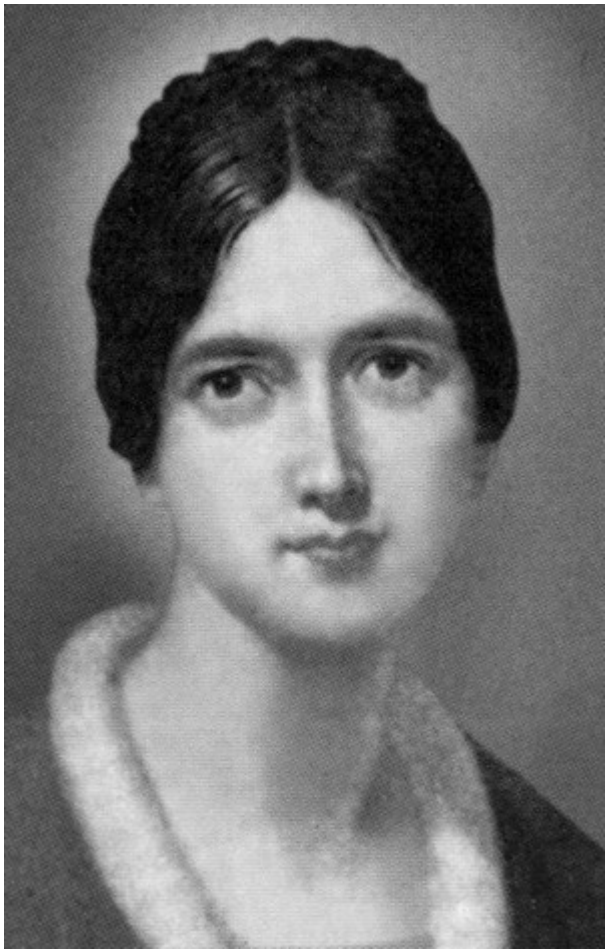
Every year upon the opening of the exhibition, we hear the senseless cry repeated from shallow-thoughted writers, "too many portraits—who wants to see men's faces—why don't they give us more historical works?" as if historical pictures were anything but groups of men's faces. A portrait is to a historical composition what a biography is to history, or a legend to a novel. For ourselves, we prefer portraiture to historical compositions; and we regard a good portrait as the very highest reach of art: and so does the world at large regard it. The most valuable paintings in the world are portraits; they sell at higher prices than any other pictures, and give the highest degree of pleasure. Even the gross beauties of Rubens are valued more highly than any other of his paintings, and the portraits of Van Dyke and Titian are the most esteemed of their productions. Take the portraits from the list of Reynolds' works, and there would be nothing left worth having. Among our own painters, Copley, Stewart, Trumbull, and Alston's portraitures comprise the best and most numerous of their productions. Perhaps the finest collection of pictures in the country, is the Portrait Gallery of Harvard College, which contains some of the finest of Copley's and Stuart's heads. A bad portrait of a bad subject is certainly not a pleasant thing to contemplate; but a fine portrait of a fine head, is one of the most charming and profitable objects in Art. A portrait of Shakspeare by such an artist as Van Dyke, would be worth more than all the historical pictures painted in his century. It is the true object of

Титульная страница «Бродвей джорнал» за май 1845 года



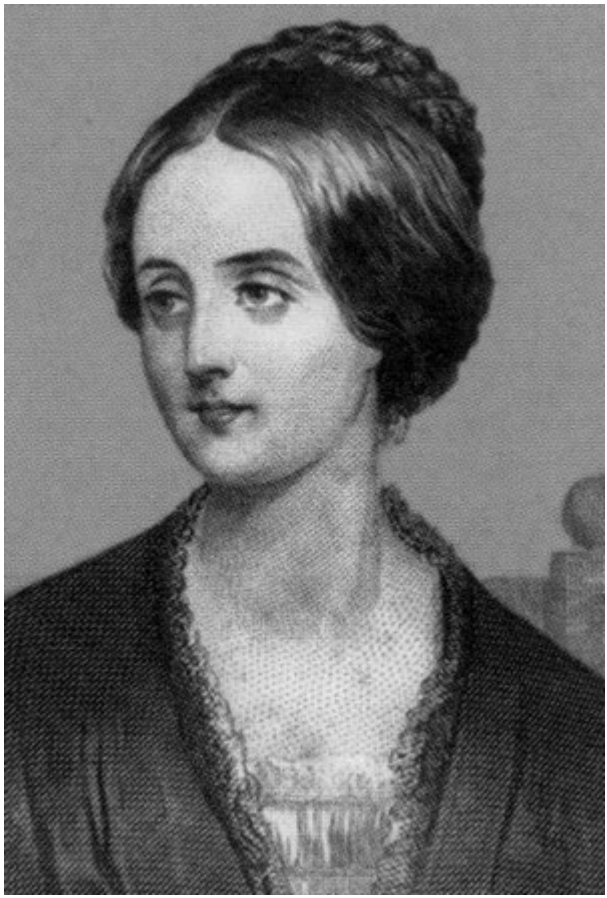
Э. По. Портрет кисти С. Осгуда. 1845 г.

Чарлз Бриггс

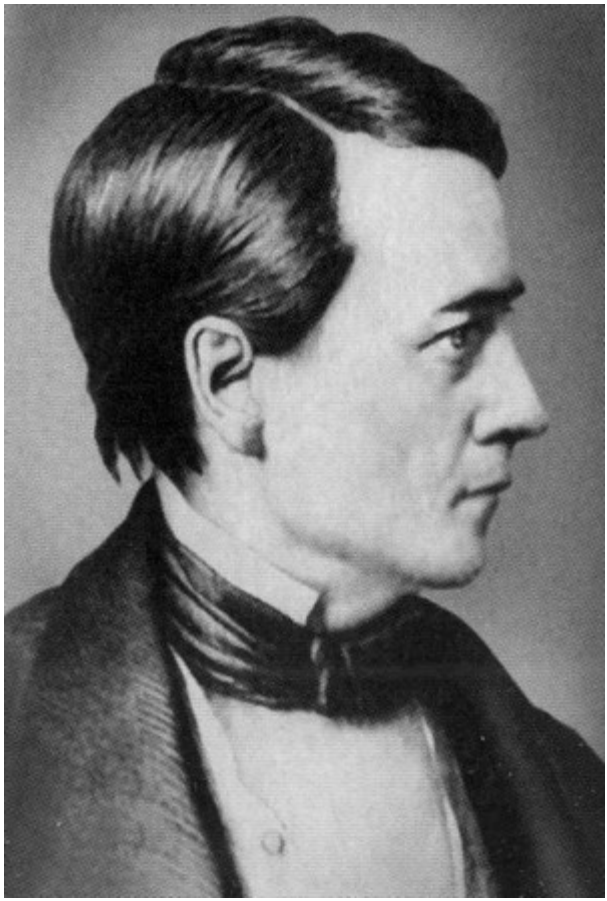


Фрэнсис Сарджент Осгуд. 1846 г.

Элизабет Эллет



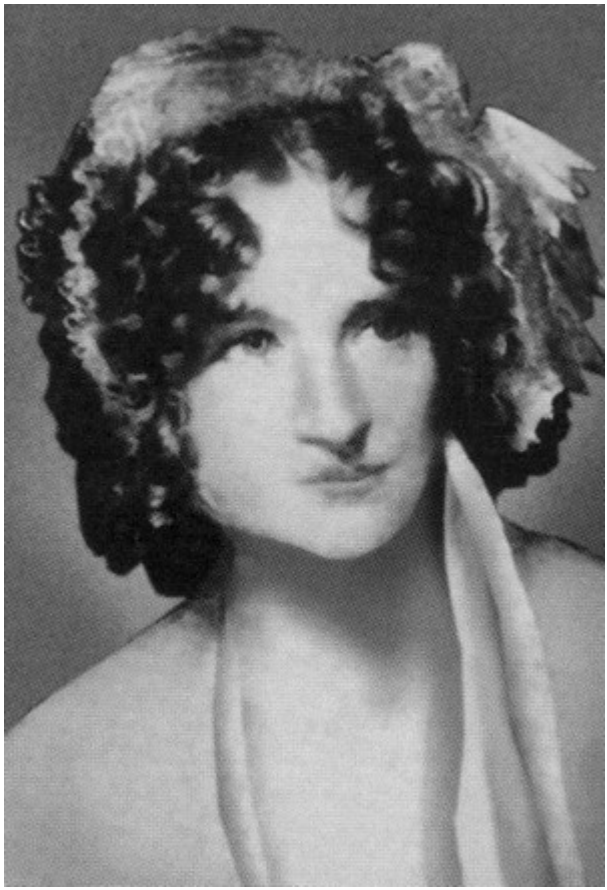
Элизабет Оукс Смит



Томас Данн Инглиш

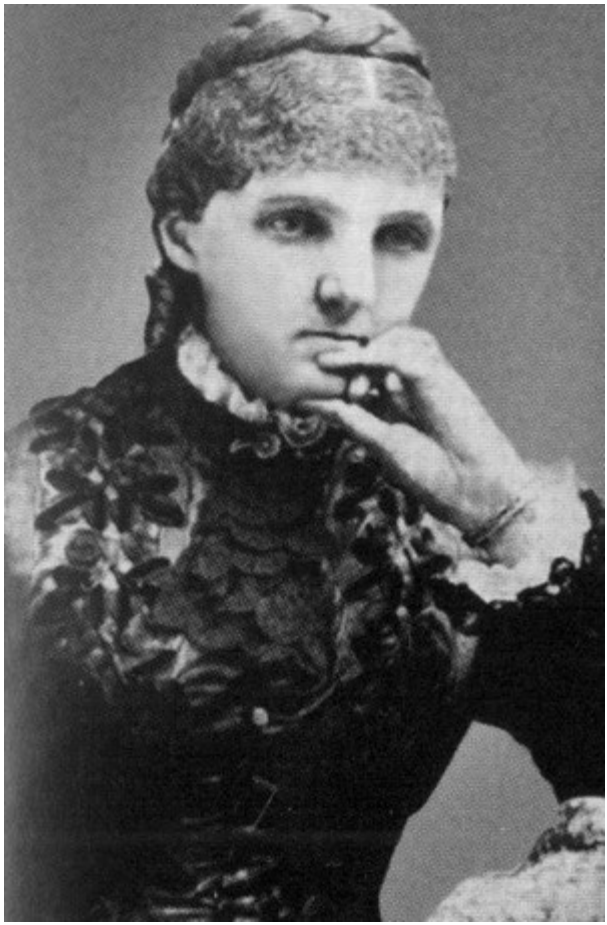
Руфус Грисуолд. 1850-е гг.

Вирджиния По

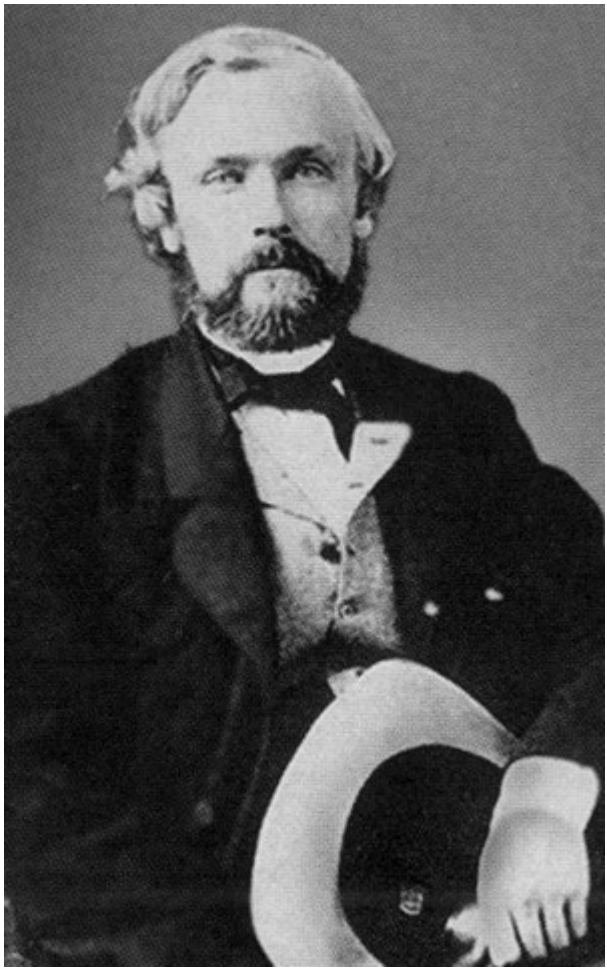


Сара Хелен Уитмен

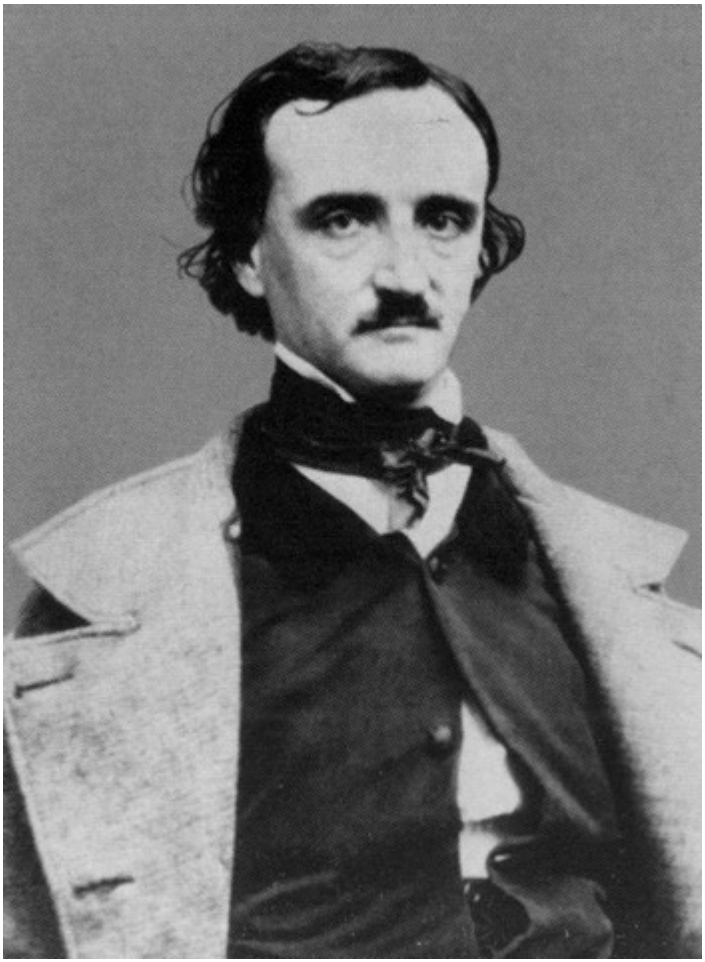
Дом миссис Уитмен на Бенефит-стрит в Провиденсе



Анни Ричмонд. Фото 1860-х гг.

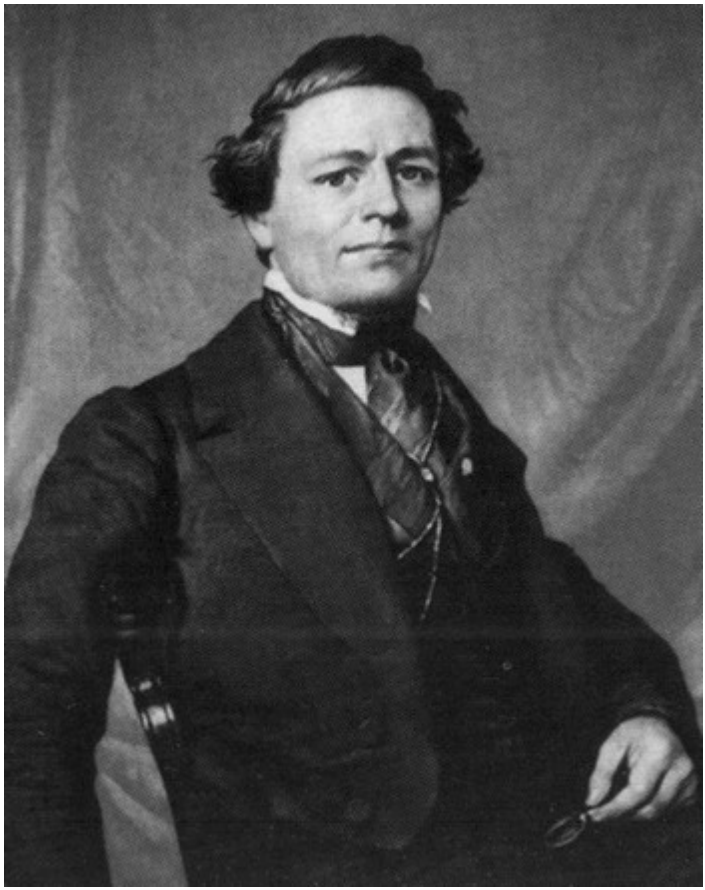


Эверт Дайкинк

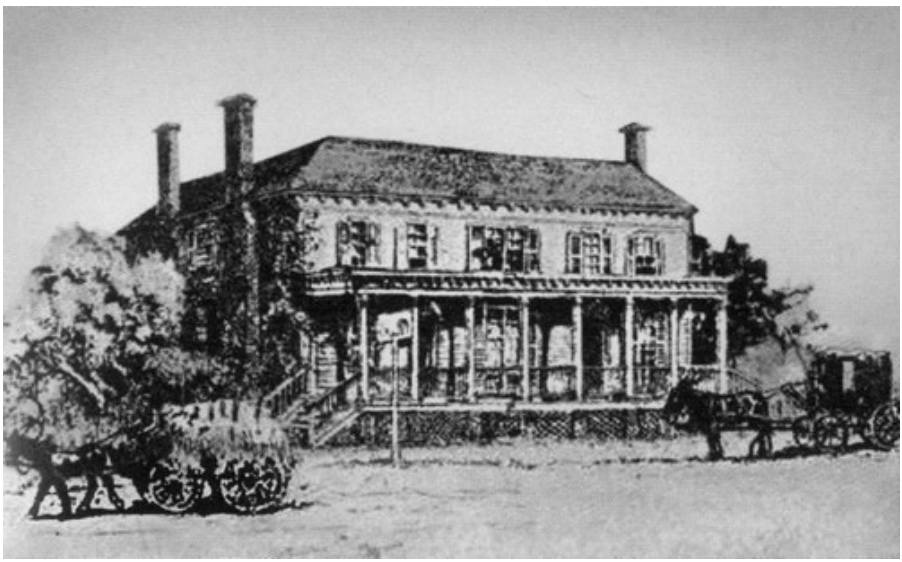


Э. По. Дагеротип, сделанный 13 ноября 1848 г.

Эльмира Ройстер. Фото 1850-х гг.



Дж. Сартейн

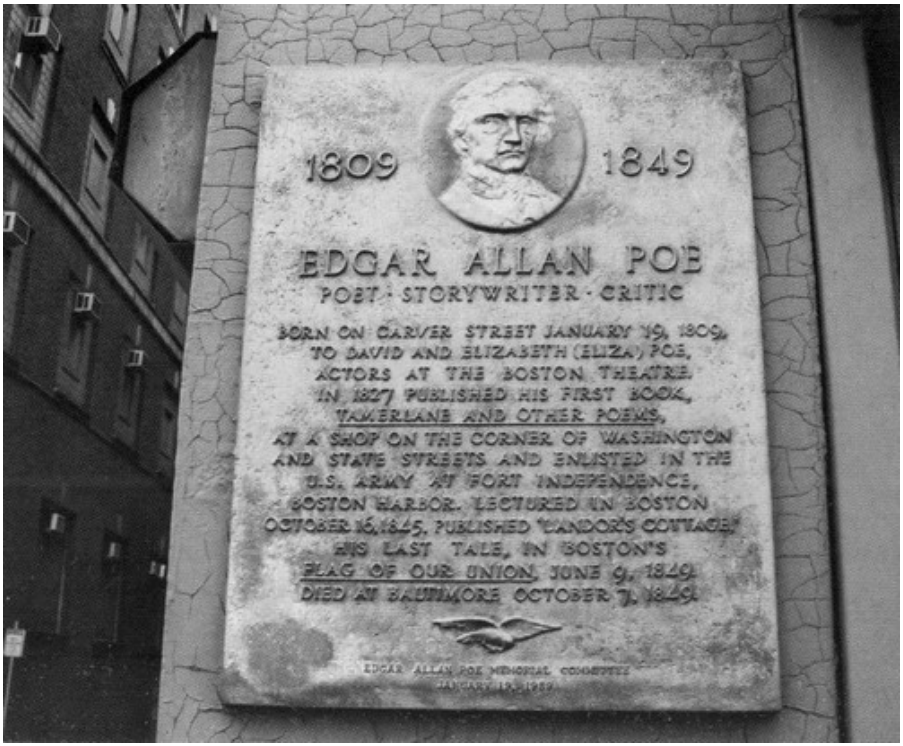


Ричмондская таверна «Старый лебедь», в которой Эдгар По жил в 1849 году

Балтимор. Больница, где умер Эдгар По

17 ноября 1875 года состоялось перезахоронение праха Э. По, на могиле был установлен памятник. Рисунок того времени

Могила Эдгара Аллана По в Балтиморе



Мемориальная доска, установленная примерно в том месте Бостона, где находился дом, в котором родился Эдгар Аллан По

Бюст Эдгара Аллана По в Зале славы в Нью-Йорке

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭДГАРА АЛЛАНА ПО

***1809**, 19 января* — в Бостоне, в семье актеров Дэйвида и Элизабет По (урожденной Арнольд, в первом замужестве Хопкинс) родился второй сын — Эдгар. В феврале того же года его старший брат, Генри Леонард, передан отцом на воспитание в семью дедушки, «генерала» По.

***1810**, январь* (предположительно) — таинственно исчезает отец поэта, Дэйвид По. Его жена остается одна с двумя детьми, но продолжает выступать на сцене.

Конец ноября — начало декабря — у Элизабет По рождается третий ребенок, девочка. Сестру Эдгара назвали Розали.

***1811**, ноябрь* — Элизабет По тяжело заболевает, перестает выходить на сцену.

8 декабря — мать будущего поэта умирает от туберкулеза. Эдгар взят в семью ричмондского торговца Джона Аллана и Фрэнсис Киллинг Аллан. Розали берет к себе (и впоследствии удочеряет) семейство Маккензи.

26 декабря — сгорает театр, в котором играла мать поэта. В огне гибнут более семидесяти человек. По счастливой случайности в тот вечер Алланов в театре не было.

***1814**, осень* — Эдгар идет в школу в Ричмонде.

***1815**, 23 июня —28 июля* — путешествие через Атлантику из Норфолка, штат Виргиния, в Ливерпуль, Англия.

Август — сентябрь — вместе с миссис Аллан и тетушкой Нэнси Эдгар живет у родственников в городке Климарнок, Шотландия. *Октябрь* — Алланы переезжают в Лондон и поселяются в квартире на Саутгемптон-роу, 47. В ноябре Эдгара отдают в начальную школу мадам Дюбуа.

***1817**, сентябрь* — будущего поэта отправляют в Стоук-Ньюингтон (сейчас это часть Лондона), он начинает учебу в школе Мэнор-хаус-скул преподобного Джона Брэнсби.

***1820**, май* — не закончив учебный год, Эдгар возвращается в Лондон. Поспешность была вызвана решением мистера Аллана вернуться в США.

14 июня — 21 июля — путешествие из Ливерпуля в Нью-Йорк на паруснике «Марта».

2 августа — Алланы прибывают в Ричмонд. Начинается второй «ричмондский» период в жизни Эдгара По.

1820, сентябрь — 1825, март — учится в школе Джозефа Г. Кларка (весной 1823 года уехавшего из Ричмонда Кларка

сменяет новый наставник — У. Берк).

***1823**, июнь* — встреча с Джейн Стэнард. Предположительно в это время Эдгар По начинает писать стихи.

***1824**, зима* — болезнь миссис Стэнард, знакомство с Эльмирой Ройстер.

Апрель — смерть Джейн Стэнард.

Ноябрь — визит генерала Лафайета в Ричмонд. Пятнадцатилетний По исполняет обязанности лейтенанта роты «Юных добровольцев Ричмонда», участвует в параде и в торжествах по случаю визита прославленного полководца.

***1825**, март* — оставляет школу, начинает подготовку к поступлению в только что открывшийся Виргинский университет. Признается в любви мисс Ройстер, она соглашается ждать и обещает выйти за него замуж.

***1826**, февраль* — уезжает в Шарлоттсвилл, становится студентом Виргинского университета.

21 декабря — покидает университет; Рождество встречает уже дома, в Ричмонде.

***1827**, ночь на 19 марта* — ссора с отчимом, бегство из дома; два или три дня живет в номере при таверне «Корт Хаус», затем (предположительно) возвращается домой.

23 (или 22) марта — покидает Ричмонд.

24 марта — отплывает из Норфолка в Бостон.

Май — сводит знакомство с начинающим типографом К. Томасом, тот соглашается напечатать его поэтический сборник «„Тамерлан“ и другие стихотворения».

26 мая — назвавшись «Эдгаром А. Перри», подписывает стандартный армейский контракт сроком на пять лет и становится рядовым Первого артиллерийского полка армии США.

Июнь — тиражом 50 экземпляров издана первая книга поэта «„Тамерлан“ и другие стихотворения».

Ноябрь — полк, в котором служит Э. По, морем перебрасывают из Бостона в форт Моултри, расположенный возле города Чарлстона, Южная Каролина, на острове Салливан.

***1828**, декабрь* — часть Э. По переводят в форт Монро, штат Виргиния. Поэт вступает в переписку и возобновляет отношения с мистером Алланом, предпринимает усилия демобилизоваться из армии.

***1829**, январь* — Эдгару А. Перри присваивают звание главного сержанта *(sergeant-major)* полка — самый высокий неофицерский чин.

28 февраля — умерла приемная мать поэта, миссис Фрэнсис Аллан.

15 апреля — Эдгар А. Перри увольняется со службы в армии

США, вновь становится Эдгаром Алланом По и возвращается в Ричмонд.

7 мая — покидает Ричмонд и уезжает в Вашингтон, оттуда — в Балтимор, где возобновляет родственные связи и хлопочет об издании своего второго поэтического сборника.

Август — поселяется в доме на Молочной улице, в семье своей бабушки Элизабет По и тети Марии Клемм, деля мансарду со старшим братом Генри Леонардом.

Декабрь — в конце месяца балтиморские издатели «Хэтч энд Даннинг» выпускают вторую книгу поэта — сборник «„Аль Аарааф“, „Тамерлан“ и малые стихотворения». Возвращается в Ричмонд, здесь встречает Рождество и Новый год.

***1830**, январь — май* — живет в доме на Пятой улице, в марте приходит подтверждение о внесении его в списки поступающих в Вест-Пойнт. В мае, после ссоры с опекуном, уезжает в Балтимор; конец мая и первую половину июня вновь живет в семье Марии Клемм.

Июнь — уезжает в Вест-Пойнт, в конце месяца становится кадетом Военной академии армии США.

***1831**, 28 января* — суд над кадетом Э. А. По; его отчисляют из академии за «грубое нарушение служебного долга» и «неповиновение приказам».

19 февраля — покидает Вест-Пойнт и уезжает в Нью-Йорк.

Апрель — в Нью-Йорке, в издательстве Элама Блисса, тиражом в тысячу экземпляров выходит третья книга — «Стихотворения», которая кроме поэтических произведений содержит и первый литературно-теоретический текст «Письмо к…».

Май — переезжает в Балтимор, живет в семье Марии Клемм, предпринимает тщетные попытки найти работу.

21 мая — филадельфийская газета «Сэтеди курир» объявляет конкурс на лучший рассказ с премией победителю 100 долларов. Принимается за сочинение рассказов.

1 августа — в возрасте 24 лет умер старший брат поэта Генри Леонард По.

Ноябрь — декабрь — высылает на конкурс пять рассказов — свои первые опыты в прозе.

31 декабря — газета подводит итоги конкурса, премия присуждается рассказу мисс Дэлии Бэкон «Мученица любви».

1832 — весь год в «Сэтеди курир» без указания авторства печатаются все пять рассказов, присланные им на конкурс. Продолжает писать рассказы, к концу года в основном сформировав сборник, которому дал название «Рассказы Фолио Клуба».

***1833**, июнь* — балтиморский еженедельник «Балтимор сэтеди визитор» объявляет конкурс на лучший рассказ и лучшее стихотворение. Представляет несколько рассказов из «Фолио Клуба» и стихотворение «Колизей».

12 октября — за рассказ «Рукопись, найденная в бутылке» получает премию 50 долларов. Знакомится с Джоном Пендлтоном Кеннеди, который на ближайшие несколько лет становится его лучшим другом и покровителем.

***1834**, 27 марта* — умер Джон Аллан, опекун Эдгара По. Все активы, движимое и недвижимое имущество он завещал своей второй супруге и ее детям. Поэт в завещании упомянут не был.

Август — в Ричмонде Томас Уайт начинает издавать ежемесячный журнал «Сауферн литерари мессенджер» и привлекает к сотрудничеству Дж. Кеннеди; тот рекомендует Уайту Э. По как молодого и многообещающего писателя.

***1835**, март* — начинает сотрудничать с журналом, «Мессенджер» публикует его первый рассказ «Береника».

Июль — Т. Уайт приглашает Эдгара По переехать в Ричмонд и стать его помощником.

Август — сентябрь — приступает к исполнению обязанностей помощника редактора. В конце августа у него случается приступ депрессии, который приводит к запою и помутнению сознания; он не способен исполнять свои обязанности. В начале сентября Уайт его увольняет; поэт возвращается в Балтимор; миссис Клемм обещает ему руку дочери Вирджинии; здоровье поэта восстанавливается; он пишет покаянное письмо Уайту, тот разрешает вернуться и восстанавливает в должности.

Октябрь — вместе с миссис Клемм и Вирджинией возвращается в Ричмонд и вновь приступает к редактированию журнала.

***1836**, 16 мая* — женитьба на Вирджинии Клемм.

1837, январь — по инициативе Уайта уходит из «Мессенджера».

Начало февраля — вместе с семьей уезжает в Нью-Йорк.

***1837**, февраль — 1838, июль* — живет в Нью-Йорке, предпринимает тщетные попытки найти работу, много сочиняет: пишет рассказы, завершает начатую в Ричмонде самую крупную свою прозаическую вещь — повесть «Приключения Артура Гордона Пима из Нантакета».

***1838**, июль* — издательская фирма «Харперс энд бразерс» публикует четвертую книгу писателя — «Приключения Артура Гордона Пима». Вместе с семьей переезжает в Филадельфию, сотрудничает с балтиморским журналом «Американ мьюзеум»,

который издают его знакомые Н. Брукс и Дж. Снодграсс, публикует в нем стихи, прозу и литературную критику; принимает предложение написать учебник по конхиологии — науке о раковинах.

***1839**, зима* — в филадельфийской издательской фирме «Хасуэлл, Бэррингтон и Хасуэлл» выходит пятая книга Эдгара По — «Начальная книга конхиолога, или Система панцирных моллюсков».

Май — принимает предложение У. Бёртона, владельца «Бёртонз джентльменз мэгэзин», взять на себя обязанности редакционного сотрудника журнала.

Лето — издательская фирма «Ли и Бланшар» соглашается издать сборник рассказов «Гротески и арабески».

Ноябрь — «Ли и Бланшар» выпускает «Гротески и арабески» в двух томах тиражом 750 экземпляров, куда включают все написанные к тому времени новеллы.

Декабрь — параллельно с журналом Бёртона начинает сотрудничать в «Алекзандерз уикли мессенджер», где публикует заметки и очерки на разнообразные темы; успешно занимается криптоанализом и разгадыванием шифров.

***1840**, октябрь* — публикует в газетах проспект своего журнала «Пенн», который планирует начать издавать с января 1841 года.

Ноябрь — У. Бёртон продает свой журнал Дж. Грэму, владельцу захудалого журнала «Каскет». В декабре «Каскет» и «Бёртонз джентльменз мэгэзин» прекращают свое существование, и с января 1841 года начинает выходить объединенный «Журнал Грэма».

***1841**, январь* — извещает своих подписчиков, что выход журнала «Пенн» переносится на март.

Февраль — становится редактором «Журнала Грэма» с годовым окладом 800 долларов. По условиям контракта художественные произведения оплачиваются отдельно. Грэм обещает свое содействие в издании его собственного журнала.

Апрель — в «Журнале Грэма» опубликована первая детективная («аналитическая») новелла «Убийства на улице Морг».

Май — «Журнал Грэма» печатает «Низвержение в Мальстрем».

Декабрь — за неполный год тираж «Журнала Грэма», редактируемого Э. По, вырос с 3500 до 20 тысяч экземпляров (к середине 1842 года увеличится до 40 тысяч экземпляров). Издание «Пенна» откладывается на неопределенный срок.

***1842**, январь* — в конце месяца у Вирджинии По случается первый приступ туберкулеза с горловым кровотечением;

начинается длительная болезнь, которая через шесть с небольшим лет сведет ее в могилу. Эдгар По неделями не появляется в редакции.

Май — уходит с должности редактора «Журнала Грэма»; предпринимает безуспешные попытки устроиться таможенным чиновником; начинает сочинять «Тайну Мари Роже».

Ноябрь — журнал «Ladie's Companion» публикует «Тайну Мари Роже» двумя выпусками (в ноябре и декабре). Окружной суд возбуждает дело о банкротстве Эдгара По.

***1843**, 13 января* — судебным решением Эдгар По признан несостоятельным должником. Начинает сотрудничать в «Сэтеди мьюзеум» Т. Кларка и договаривается с ним о совместном издании собственного журнала, который будет называться «Stylus».

31 января — компаньоны заключают соглашение с художником-иллюстратором Ф. Дэрли, который обязуется разработать дизайн обложки и поставлять иллюстрации для журнала.

Январь — март — продолжает попытки устроиться в таможню; сотрудничает с журналом «Pioneer» Дж. Р. Лоуэлла; пишет рассказ «Золотой жук», который предназначает для первого номера «Stylus».

24 февраля — в «Сэтеди мьюзеум» публикует проспект своего журнала, который должен выходить с 1 июля.

Май — в конце месяца со страниц «Сэтеди мьюзеум» Кларк объявляет об отказе от планов по изданию «Stylus», объяснив свое решение «экономическими трудностями».

Июль — газета «Dollar Newspaper» присуждает приз в 100 долларов рассказу Эдгара По «Золотой жук»; отдельным изданием (в виде памфлета) выходит прозаический сборник, который включает рассказы «Убийства на улице Морг» и «Человек, которого изрубили в куски».

21 ноября — впервые успешно выступает с лекцией «Американская поэзия».

***1844**, 6 апреля* — вместе с Вирджинией уезжает в Нью-Йорк.

13 апреля — в газете «Сан» специальным выпуском вышла «История с воздушным шаром»; «надувательство» было принято за чистую монету и вызвало большой ажиотаж.

Июль — с семейством перебирается в пригород, живет в усадьбе Бреннанов; завершает работу над стихотворением «Ворон».

Октябрь — приступает к работе в газете Н. Уиллиса «Ивнинг миррор» («Evening Mirror»).

***1845**, 29 января* — «Ивнинг миррор» публикует

стихотворение «Ворон».

Февраль — начинает сотрудничать с журналом «Бродвей джорнал»; тогда же становится одним из трех совладельцев журнала.

Март — первая встреча с Ф. Осгуд; начало бурного «литературного» романа.

Июнь — издательская фирма «Уили и Путнэм» выпускает сборник из двенадцати рассказов.

Июль — Ч. Бриггс, основатель «Бродвей джорнал», рассорившись с По, уходит из журнала.

Октябрь — По выкупает долю у Джона Биско, второго совладельца «Бродвей джорнал», и становится единоличным владельцем журнала.

16 октября — скандальное выступление в Бостоне с чтением юношеского стихотворения.

Ноябрь — выходит поэтический сборник «„Ворон“ и другие стихотворения»; известность поэта достигает апогея.

***1846**, 3 января* — выходит последний номер «Бродвей джорнал», Э. По прощается с читателями; журнал прекращает существование.

Февраль — март — скандал вокруг отношений Эдгара По с Фанни Осгуд.

Апрель — в «Журнале Грэма» публикует статью «Как я писал „Ворона“, или Философия творчества».

Май — в журнале «Годиз лэдиз бук» печатает серию статей «Литераторы Нью-Йорка». С семьей переезжает в пригород Нью-Йорка, в Фордхэм.

Июнь — газета «Уикли миррор» публикует письмо Т. Инглиша «Ответ господину По».

Июль — по совету издателей «Годиз лэдиз бук» обращается в суд с иском о клевете.

***1847**, 30 января* — смерть Вирджинии По.

Март — заочное знакомство с поэтессой Джейн («Эрминой») Локк, переросшее затем в бурный эпистолярный роман.

10 июля — выступление с лекцией в Лоуэлле (Массачусетс), знакомство и начало платонического романа с «Анни» — миссис Нэнси Ричмонд.

Декабрь — в журнале «Американ ревью» анонимно напечатана баллада «Улялюм».

***1848**, весна* — начало заочного — «поэтического» — романа с «Еленой» — Сарой Хелен Уитмен.

Июнь — издание «Эврики», последней книги, опубликованной при жизни писателя.

Сентябрь — По в Провиденсе (Род-Айленд). Личное

знакомство с миссис Уитмен, «кладбищенская прогулка», признание в любви благосклонно принято.

Ноябрь — повторный визит в Провиденс, предлагает миссис Уитмен выйти за него замуж, она колеблется.

Декабрь — с большим успехом выступает с лекцией в Провиденсе. «Елена» соглашается стать его женой, начинается подготовка к свадьбе. Церемония назначена на 25 декабря.

23 декабря — миссис Уитмен получает анонимное письмо и отказывает Э. По. Возвращение в Фордхэм.

1849 — в Америке начинается «золотая лихорадка», многие журналы закрываются или перестают выплачивать гонорары авторам. Единственным средством существования для По становится лекционная деятельность.

Апрель — получает письмо из городка Окоука (Иллинойс). Его автор — восторженный почитатель поэта, юноша по имени Эдвард Паттерсон, — предлагает учредить журнал, распоряжаться которым Эдгар По сможет независимо ни от кого. Необходимым капиталом для этого Паттерсон обладает.

Июнь — уезжает в Ричмонд читать лекции и собирать подписчиков для нового журнала.

Июль — «происшествие» в Филадельфии. Теряет все деньги, тексты лекций и только с помощью филадельфийских знакомых добирается до Ричмонда. Возобновляет знакомство с Эльмирой Ройстер (в замужестве — Шелтон), теперь она вдова, владеет изрядным состоянием. Начинает ухаживать за ней и в конце июля предлагает руку и сердце.

Сентябрь — присоединяется к местному обществу трезвенников под названием «Сыны умеренности». Миссис Шелтон дает согласие на брак, свадьба назначена на 17 октября.

27 сентября — отправляется пароходом из Ричмонда в Балтимор.

3 октября — в бессознательном состоянии помещен в балтиморскую больницу «Вашингтон хоспител».

7 октября — смерть Эдгара Аллана По.

9 октября — в «Нью-Йорк трибьюн» («New York Tribune») опубликовано стихотворение «Аннабель Ли».

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

По Э. Полное собрание рассказов. М., 1970.

По Э. Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1995.

По Э. А. Стихотворения. М., 1988.

Акройд П. Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984.

Бодлер Ш. Эдгар По: Жизнь и творчество. Одесса, 1910.

Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993.

Гроссман Дж. Эдгар По в России. СПб., 1998.

Диккенс Ч. Американские заметки. М., 1958.

Зверев А. М. Эдгар Аллан По //История литературы США. Т. III: Литература середины XIX века (поздний романтизм). М., 2000.

История США: В 4 т. М., 1983. Т. 1: 1607–1877.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По: Новеллист и поэт. Л., 1984.

Николюкин А. Н. Американский романтизм и современность. М., 1968.

Николюкин А. Н. Жизнь и творчество Эдгара Аллана По // *По Э. А.* Полное собрание рассказов. М., 1970.

Осипова Э. Ф. Загадки Эдгара По: Исследования и комментарии. СПб., 2004.

Танасейчук А. Б. Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012.

Тлостанова М. В. Литература Старого Юга //История литературы США. М., 1999. Т. II: Литература эпохи романтизма.

Эстетика американского романтизма. М., 1977.

Яценко В. И. Южная школа американского романтизма. Иваново, 1983.

На английском языке

Poe E. A. Complete Poems. Urbana-Chicago, 2000.

Poe E. A. Tales and Sketches: In 2 vol. Urbana-Chicago, 2000.

Poe E. A. The Letters of Edgar Allan Poe /Ed. by J. W. Ostrom: In 2 vol. Cambridge (Mass.), 1948.

Poe E. A. The Complete Works / Ed. by J. A. Harrison. N. Y., 1902. Vol XVII.

Allen H. Israfel. The Life and Times of Edgar Allan Poe: In 2 vol. N. Y., 1926.

Barnes N. A Dream within a Dream: The Life of Edgar Allan Poe. L., 2009.

Brigam C. Edgar Allan Poe's Contributions to Alexander's Weekly Messenger//American Antiquarian Society. 1942. April.

Davidson E. Poe: A Critical Study. Cambridge (Mass.), 1957.

Didier E. The Life of Edgar Allan Poe. N. Y., 1877.

Frank F., Magistrale T. The Poe Encyclopedia. Westport, 1997.

Hoffman D. Poe Poe Poe Poe Poe. N. Y., 1973.

Ingram J. Edgar Allan Poe. His Life, Letters, and Opinions: In 2 vol. L., 1880.

Jackson D. Poe and The Southern Literary Messenger. Richmond, 1934.

Jacobs R. D. Poe. Journalist and Critic. Baton Rouge, 1960.

Krutch J. Edgar Allan Poe. N. Y., 1926.

Miller J. C. Building Poe Biography. Baton Rogue (Louisiana), 1977.

Myers J. Edgar Allan Poe. His Life and Legacy. N. Y., 1992.

Oberholtzer E. P. The Literary History of Philadelphia. Philadelphia, 1906.

Phillips M. Edgar Allan Poe. The Man: In 2 vol. Chicago, 1926.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998.

Rein D. M. Edgar Allan Poe. The Inner Pattern. N. Y., 1960.

Sartain J. The Reminiscences of a Very Old Man. N. Y., 1899.

Silverman K. Edgar A. Poe: Mournful and Never-Ending Remembrance. N. Y., 1991.

Smith G. The Brief Career of Eliza Poe. Cranbury; L., 1988.

Stedman E. Edgar Allan Poe. Cambridge (Mass.), 1881.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log: A Documentary Life of Edgar Allan Poe. 1809–1849. Boston, 1987.

Tuckerman H. The Life of John Pendleton Kennedy. N. Y., 1871.

Varner J. Edgar Allan Poe and «The Philadelphia Saturday Courier». Charlottesville, 1933.

Wagenknecht E. Edgar Allan Poe: The Man behind the Legend. N. Y., 1963.

Weiss S. The Home Life of Poe. N. Y., 1907.

Whitman S. The Life and Poems of Edgar Allan Poe. N. Y., 1885.

Woodberry G. The Life of Edgar Allan Poe. Boston, 1885.

Слова благодарности

Автор благодарит всех, кто помогал и поддерживал его в процессе работы. Специальные слова благодарности The Edgar Allan Poe Society of Baltimore. Без материалов, которыми располагает общество и которыми щедро делится, едва ли книга могла состояться. Особая признательность Марине Танасейчук — любимой жене автора, доброжелательному и неизменно требовательному читателю и редактору его книг и просто — талантливому человеку. Стихи, переведенные ею для настоящей книги, замечательны.

notes

Примечания

1

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984 (1987 год — 2-е издание); *Акройд П.* Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. Едва ли в качестве источника сведений о жизни поэта стоит в наши дни всерьез рассматривать существующий в русскоязычном пространстве очерк Ш. Бодлера (1856) в переводе К. Бальмонта, а также его собственную книгу «Эдгар По» (1911), равно как и относительно недавно опубликованную «Иностранной литературой» (1999, № 3) «Жизнь Эдгара По» аргентинца Х. Кортасара.

2

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По: Новеллист и поэт. Л.: Художественная литература, 1984.

Kaufhold J. The Neuroses of Edgar Allan Poe: A Fever Called Living. Lincoln, 2008.

По Э. А. Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 341.

5

Г. Дадли (Dudley, 1745–1824), *Дж. Фишер (Fisher,* 1744–1806), *Дж. О'Кифф (O'Keeffe,* 1747–1833) — популярные английские драматурги (и либреттисты) конца XVIII — начала XIX века, авторы так называемых комических опер. *Айзек Биккерстафф (Bickerstaffe,* 1733–1812?) — известный английский композитор, музыкант и постановщик.

6

Здесь и далее (кроме специально оговоренных случаев) цитаты из писем, документов различного рода, воспоминаний о жизни поэта и его близких приводятся по одному из указанных источников: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe: A Critical Biography. Baltimore; L., 1998 (первое издание — 1941 год); The Letters of Edgar Allan Poe: In 2 vol. / Ed. by J. W. Ostrom. Cambridge (Mass.), 1948.

Barnes N. A Dream within a Dream: The Life of Edgar Allan Poe. L., 2009. P. 14.

8

Желтая лихорадка (амариллез) — острое геморрагическое заболевание вирусной этиологии сродни малярии. Передается укусом комара. До 1937 года, когда была создана вакцина, с заболеванием боролись, уничтожая комаров и осушая болота. В XVIII–XIX веках летальный исход во время эпидемий составлял примерно 50–60 процентов.

9

Война за независимость (*American Revolutionary War, American War of Independence)* — война, которую в 1775–1783 годах вели тринадцать североамериканских колоний Британии за независимость от метрополии.

10

Армейская должность По-старшего по-английски звучала *Assistant Deputy Quartermaster General,* что означало «помощник заместителя главного квартирмейстера». Круг его полномочий был весьма широк — он был главным интендантом в Балтиморе. Первым своего дедушку по отцовской линии «удостоил» генеральского звания сам Эдгар По в автобиографической справке, составленной по просьбе Р. Грисуолда в 1841 году для готовившейся антологии «Американские поэты». С его «легкой руки» апокриф и начал гулять по книгам и статьям о поэте.

11

Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбир дю Мотьи, маркиз де Лафайет (Marie-Joseph Paul Yves Roch Gilbert du Motier, marquis de La Fayette, 1757–1834) — генерал французской и американской армий, активный участник Войны за независимость.

12

Пикантность ситуации придает тот факт, что У. Клемм вторым браком (после смерти первой жены) был женат на Марии По, младшей сестре актера, и стал отцом Вирджинии Клемм, будущей жены поэта.

13

А. Х. Квин выдвигает иную версию: супругов По в Нью-Йорк пригласил Э. Купер, актер и постановщик, знавший их по совместной работе в Бостоне. С. Прайс привлек его к работе в своем театре.

14

Но и здесь ситуация не ясна: большинство биографов поэта ничего не говорят по этому поводу (не исключение и А. Х. Квин, самый «дотошный» из них). Определиться (хотя бы примерно) с датой исчезновения Д. По означает ответить на вопрос, был отцом младшей сестры поэта, Розали, его родитель или нет. Не было никаких сомнений по этому поводу у его отчима, мистера Аллана: он считал, что ее отцом был не Д. По, а кто-то другой. Не раз в минуту раздражения он напоминал об этом пасынку, и это глубоко ранило последнего. Этой версии, кроме глубокой обиды и озлобления, поэт ничего противопоставить не мог — слишком мал был, да и опровергнуть обидчика своей матери был не способен.

15

Дж. Ингрэм, автор первой обстоятельной биографии поэта, утверждает, что Д. По сопровождал жену и детей в Ричмонд и там — по приезде — умер (см.: *Ingram J.* Edgar Allan Poe. His Life, Letters, and Opinions. Vol. I. L., 1880. P. 7). Но никаких фактов, подтверждающих версию, не приводит.

16

В своей недавно изданной беллетризованной биографии поэта британский романист П. Акройд утверждает, что Э. По только «делал вид», будто не знает, что случилось с отцом, но никаких сведений, раскрывающих тайну, не приводит.

17

В биографиях поэта обычно называется другой адрес: «угол Четырнадцатой улицы и Табачного переулка» и указывается, что дом был просторный, опоясанный галереями, трехэтажный. Эта информация не соответствует действительности. В него семейство Аллан переберется позднее, в 1825 году, после того как мистер Аллан получит наследство своего дяди — У. Гэльта.

18

А. Х. Квин в биографии поэта приводит письмо от 8 февраля 1813 года Элизы По (тетки поэта) миссис Аллан. Кроме восхищения «миссис Аллан» (так в письме ее называет Э. По), которая «обладает сердцем такой редкостной природной щедрости и благородства, что и помыслить невозможно», просьб засвидетельствовать почтение супругу, приветов от «тети Элизы» и старшего брата, «который знает и часто спрашивает о младшем братишке», каких-либо пожеланий относительно дальнейшей судьбы родственника высказано не было.

19

Дж. Аллан оставил обширное эпистолярное наследие. Человек педантичный, со всех писем (входящих и исходящих, в том числе собственных, частного характера) он неизменно снимал и хранил копии. Этот архив находится в Библиотеке конгресса США. Его широко использовал в своей книге А. Х. Квин, им пользовались и другие исследователи творчества писателя.

20

В Америке того времени женщины не учились в колледжах и университетах. Для них были предусмотрены специальные *женские* учебные заведения — семинарии. Хотя какого-то специализированного образования они не давали, их выпускницы имели право работать в качестве учителя — в доме или школе.

21

Роберт Бёрнс (Burns, 1759–1796) — выдающийся шотландский поэт, считается одним из предшественников европейского романтизма.

22

Перевод Ю. Корнеева.

23

Стихотворение «К озеру» датируется примерно 1826 или 1827 годом.

24

Гинея — золотая монета достоинством 21 шиллинг (то есть фунт стерлингов плюс шиллинг). Имела хождение в XVII–XIX веках.

25

Перевод В. Рогова.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 30.

27

Вот как они описаны в новелле: «Классная комната была самая большая в здании — и, как мне тогда невольно казалось, во всем мире. Она была очень длинная, узкая и удручающе низкая, с заостренными готическими окнами и дубовым потолком. В отдаленном, внушавшем ужас углу располагалось отгороженное пространство футов в восемь или десять — святая святых главы нашей школы, преподобного доктора Брэнсби, на время занятий. Это было солидное сооружение с тяжелой дверью — все мы охотнее согласились бы погибнуть от пыток, нежели бы открыть ее в отсутствие Господина. В других углах находились два похожих чулана, к коим мы испытывали куда меньше почтения, но все же немало их боялись. В одном из них преподавал „классик“, в другом — „англичанин и математик“. Беспорядочно расставленные по классной комнате, сдвинутые под разными углами, без конца пересекались неисчислимые скамейки и парты, черные, старые, обветшалые, отчаянно загроможденные захватанными книжками и так исчерченные всяческими инициалами, именами, написанными полностью, карикатурными изображениями и прочими созданиями ножа, что они вконец лишились того немногого из их первоначальной формы, что отличало их в давно миновавшие дни. В одном конце комнаты стояло огромное ведро с водою, а в другом — колоссальные часы».

28

Довольно подробно (приводя свидетельства участников события, школьных товарищей поэта Дж. Престона и Р. Эмблера) написал об этом эпизоде Дж. Ингрэм. См.: *Ingram J.* Edgar Allan Poe. Vol. I. P. 21, 22.

См.: *Didier E.* The Life and Works of Edgar Allan Poe. N. Y., 1877.

30

См.: *Ingram J.* Edgar Allan Poe. Vol. 1. P. 25–27.

31

Видя бедственное положение своего родственника, на исходе 1822 года Джеймс Гэльт, дядя мистера Аллана, предложил перебраться в один из домов, которыми он владел, — на углу Пятнадцатой улицы и Табачного переулка. Этот дом был передан семье Аллан в безвозмездную аренду.

32

Книга Г. Аллена на русском языке издавалась трижды: в 1984 и 1987 годах в серии «ЖЗЛ» («Молодая гвардия») и в 1992 году («Деловой центр»).

33

Сохранились свидетельства современников, некоторые из них приводит Дж. Ингрэм. См.: *Ingram J.* Edgar Allan Poe. Vol. I. P. 22, 23.

Девиантность в развитии не помешала Розали прожить долгую жизнь: скончалась она в 1874 году и, видимо, была по-своему счастлива, воспринимая мир по-детски радостно и светло.

35

Перевод Р. Дубровкина.

Существует около десятка вариантов перевода стихотворения на русский язык, его переводили К. Бальмонт, В. Брюсов, Г. Кружков, Б. Томашевский и многие другие, но версия Р. Дубровкина представляется нам наиболее удачной — самой близкой (насколько это вообще возможно при переводе поэзии) к оригиналу.

37

Акройд П. Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 37.

38

В начальный период Войны за независимость генерал командовал дивизией, сформированной из уроженцев штата. Кстати, свою младшую дочь (она оставила содержательные воспоминания об отце) он, видимо не случайно, назвал Виргинией.

39

Дело не только в том, что Америка — демократическая страна, но и в революционных традициях. В милицейских частях, формировавшихся в годы революции, командиры выбирались в основном стихийно: их выдвигали из своей среды сами бойцы.

Некоторые исследователи утверждают, что знакомство произошло раньше — летом или осенью 1823 года.

41

«Дом Ройстеров, — пишет Г. Аллен, — был хорошо виден из окна комнаты, которую занимал Эдгар. Пользуясь этим, влюбленные имели обыкновение подавать друг другу знаки взмахами платка. Эдгар — из окна, а Эльмира — стоя на верхней площадке лестницы, поднимавшейся в дом со двора. Как, должно быть, трепетали их юные сердца, когда они обменивались этими бессловесными посланиями!» Насколько эти слова соответствуют действительности, судить трудно, но то, что отношения (по крайней мере со стороны поэта) были весьма романтичны, едва ли подлежит сомнению.

42

Перевод Ю. Корнеева.

43

Томас Джефферсон (1743–1826) — один из «отцов-основателей» американского государства, выдающийся деятель революции и Войны за независимость, президент США (1801–1809), один из авторов Декларации независимости (1776), политический деятель, дипломат, философ-просветитель.

44

«Жиль Блаз» — плутовской роман французского писателя Алена Рене Лесажа (1688–1747): «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1736).

В Виргинском университете он преподавал в 1825–1828 годах, а затем вернулся в Англию.

46

В Виргинском университете Блэттерманн прослужил до 1838 года и был уволен «за неподобающее поведение». Говорят, он был вспыльчив, поколачивал жену и мог быть несдержан по отношению к нерадивым студентам.

47

Торкватто Тассо (1544–1596) — выдающийся итальянский поэт эпохи Возрождения, автор знаменитой поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1575).

48

А. Х. Квин, изучавший читательские предпочтения студентов, основываясь на анализе бухгалтерских книг шарлоттсвилльских книготорговцев, утверждал, что издания Байрона пользовались особым спросом и были своеобразными бестселлерами того времени, намного превосходя книги иных авторов. См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 104.

Krutch J. Edgar Allan Poe. A Study in Genius. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1926. P. 28.

Драки, кстати, в те времена случались довольно часто, и по крайней мере одна закончилась смертельным исходом. Некоторые из них поэт наблюдал, а по поводу двух даже был вынужден давать свидетельские показания. См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L, 1998. P. 107.

51

Перевод В. Рогова.

52

Прислать деньги По просит уже в первом письме, отправленном из Шарлоттсвилла 21 февраля 1826 года. Просьба повторяется неоднократно и в последующих письмах поэта отчиму (в марте, апреле, мае).

53

Цит. по: *Wagenknecht E.* Edgar Allan Poe. The Man behind the Legend. N.Y., 1963. P. 30.

54

Нежелание признавать долги пасынка повлекло за собой массу последствий — обширную переписку с кредиторами, а затем и судебные иски. Но мистер Аллан твердо стоял на своем и подавляющее большинство тех, у кого По занимал, так и не получили своих денег.

55

У. Уэртенбейкер был служащим университета, а не студентом. Поэтому едва ли они могли быть по-настоящему близки.

Перевод Т. Гнедич.

57

Болезнь миссис Аллан началась, вероятно, еще в Англии (а может быть, и раньше). Заболевание, которое в конце концов свело ее в могилу, так и не сумели диагностировать, что при тогдашнем уровне медицины неудивительно. Судя по всему, у миссис Аллан были серьезные проблемы с обменом веществ. Об этом говорит нарастающая слабость, анемичность, проблемы с пищеварением и вестибулярным аппаратом. Вполне возможно, что она страдала диабетом. Но распознать болезнь, а тем более лечить ее тогда еще не умели.

Например, Г. Аллен утверждал, что какое-то время (в «рождественские каникулы»), чтобы не встречаться со своими университетскими товарищами, По жил «на плантации отчима». Но никакой «плантации» у мистера Аллана не было.

59

Некоторые биографы сообщают, что поэт какое-то время служил в магазине (приказчиком?) фирмы «Эллис и Аллан». Другие упоминают, что он подвизался на складе фирмы (учетчиком?). Но ни то ни другое не подтверждается. Нет записей о трудоустройстве пасынка в бумагах торговца, ничего не сообщают об этом ни мистер Эллис, ни его сын Томас. Скорее всего, это домысел. Опровергается он и самим поэтом, сетовавшим позднее в письме отчиму, что тот ничего не сделал, чтобы помочь ему с работой.

Перевод И. Озерской.

61

Перевод Н. Вольпин.

Вот что пишет по этому поводу Г. Аллен: «Аллан, должно быть, нашел По в библиотеке… Потрясая перед ним его письмом к Миллсу, он потребовал, чтобы Эдгар ясно ответил, собирается ли он, как явствует из письма, уехать из Ричмонда или останется в городе, чтобы, заработав денег, рассчитаться с долгами. Увидев в руках у опекуна свое письмо, По пришел в ярость и высказал все, что о нем думал, обвинив Аллана в скупости, которая толкнула его на необдуманные поступки во время учебы в университете. На это Аллан, наверное, возразил, что пенять Эдгару надо лишь на собственное мотовство и распущенность, и тут речь, очевидно, зашла о его карточных долгах — предмете, неприятном для обоих. По настаивал на том, чтобы Аллан дал ему возможность продолжить занятия в университете, заплатив его долги чести и те небольшие суммы, которые он одалживал у товарищей, — об остальном он обещал позаботиться сам… Аллан наотрез отказался отпустить его обратно в Шарлоттсвилл… и заявил, что Эдгар может остаться в доме лишь на его, Аллана, условиях, дав воспитаннику одну ночь на размышление».

63

В 2009 году на аукционе неизвестный коллекционер приобрел издание К. Томаса за рекордную сумму: 662 тысячи 500 долларов.

6,75 на 4,5 дюйма — примерно 15 на 11,3 сантиметра.

В первом сборнике поэма «Тамерлан» была опубликована в первоначальной редакции. Тогда она состояла из 406 строк. В окончательной редакции 1845 года (в таком виде она и известна современному читателю) объем поэмы составил 234 строки. В таком виде она была опубликована во втором сборнике поэта «„Аль Аарааф“, „Тамерлан“ и малые стихотворения» в 1829 году. В дальнейшем поэт продолжал совершенствовать текст и в 1831 году еще сократил поэму, но в 1845-м возвратился к варианту 1829 года.

Перевод С. Силищева.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт. Л., 1984. С. 70.

Там же. С. 72.

В 1827 году на выход сборника откликнулись только два издания: «The United States Review and Literary Gazette» (август) и «The North American Review» (октябрь). Но они сообщили только о самом факте выхода книги и никакого критического разбора или оценки не содержали.

См.: *Woodberry G.* Edgar Allan Poe. Boston: Houghton, Mifflin and C°, 1885. P. 36–43.

71

171 сантиметр.

Перевод А. Старцева.

Впервые артиллерийские позиции там разместили в 1812 году во время англо-американской войны 1812–1814 годов. Американцы опасались действий британского флота и захвата Норфолка. Тогда же возвели и земляные укрепления.

Цит. по: *Woodberry G.* Edgar Allan Poe. Boston: Houghton, Mifflin and C°, 1885. P. 40.

75

Вест-Пойнт — Военная академия Соединенных Штатов Америки, готовившая офицерские кадры, старейшее (в то время — единственное) высшее военное учебное заведение армии США.

76

Уильям Уирт (1772–1834) — американский государственный деятель, в то время генеральный прокурор США (1817–1829). Виргинец, жил в Ричмонде, Дж. Аллан был знаком с ним. С его помощью в свое время Э. По был зачислен в число студентов Виргинского университета. *Генерал Скотт* (1786–1866) — американский генерал, виргинец, впоследствии главнокомандующий армией США. В то время занимал высокую должность в штабе армии, носил звание генерал-майора.

77

Во многих биографиях поэта Э. Стивенсона (1784–1857) называют спикером законодательного собрания штата Виргиния (в том числе такие сведения сообщает и Г. Аллен). Это не соответствует действительности. Он был виргинцем, уроженцем Ричмонда, но занимал куда более важный пост: в 1827–1834 годах был спикером конгресса США.

78

Несмотря на молодой возраст (в 1829 году ему не было и сорока лет) и невысокий воинский чин, Джон Итон (1790–1856) был очень влиятельным политиком, поскольку числился среди ближайших друзей президента страны Эндрю Джексона (1767–1845).

79

Патрик Генри (1736–1799) — выдающийся деятель американской революции, один из так называемых отцов-основателей американского государства. Роман назывался «Записки британского шпиона» и впервые был издан в 1803 году.

80

Роберт Уолш (1785–1859) — американский писатель, публицист, юрист и дипломат.

81

«Мне следовало прибегнуть к посредничеству господина Уолша, — писал По, — который милостиво обещал представить меня вам, но, к сожалению, этого не случилось, поскольку он уехал на следующее утро после моего приезда».

82

Тихо Браге (1546–1601) — датский астроном, астролог и алхимик эпохи Возрождения. Первым в Европе начал проводить высокоточные астрономические наблюдения, на основании которых его ученик и соратник И. Кеплер вывел законы движения планет. Звезда Аль Аарааф была открыта Браге в 1572 году: 11 ноября она внезапно засияла в созвездии Кассиопеи. Астроном провел тщательные измерения, вычислил ее координаты. Звезда горела на небе в течение семнадцати месяцев; вначале была видна даже днем, но постепенно ее блеск тускнел. Ученые полагают, что это была вспышка сверхновой. Эту историю и использовал По, создавая свою поэму.

83

Поэма осталась незаконченной. Непонятно, о какой «четвертой части» упоминает По; скорее всего, он ввел издателей в заблуждение и никакой «четвертой части» не существовало. Вызывают вопросы и «три части» поэмы. Известно только о первой и второй частях «Аль Аарааф». Исследователи полагают, что «третья часть» при подготовке книги к изданию была включена во вторую.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По: Новеллист и поэт. Л.: Художественная литература, 1984. С. 80–99.

85

Бенедикт Арнольд (1741–1801) — активный участник Войны за независимость в США, генерал сначала американской, а затем английской армии. Прославился в боях за американскую армию, а затем добровольно перешел на сторону неприятеля. Довольно противоречивая фигура, в американской историографии рассматривается и как герой, спасший США от уничтожения, и как предатель, продавший свою страну за деньги. Поскольку Э. По принял апокриф «за чистую монету», его беспокойство вполне понятно и логично.

В биографии поэта А. Х. Квин высказывает сомнения, что По жил в это время в семье миссис Клемм, и в подтверждение ссылается на его письмо мистеру Аллану от 10 августа 1829 года: в нем отсутствует указание на то, что поэт переехал к родственникам. Но в том же письме содержится обстоятельная информация о состоянии дел в семье тетки — чем занимаются ее члены, какую пенсию и от кого получает бабушка и т. д., что можно считать косвенным указанием на упомянутую перемену. А то, что он не сообщил об этом опекуну, вполне объяснимо: зная характер мистера Аллана, он мог предположить, что тот использует данное обстоятельство, чтобы сократить и без того нерегулярные выплаты. Другим косвенным свидетельством проживания поэта в доме на Молочной улице следует считать и «обстоятельство» совершенно литературное. Как известно, в творческом наследии По есть произведения, свидетельствующие об искушенности автора в морском деле. Но По не имел реального личного морского опыта (трансатлантические путешествия пассажиром — не в счет). Понятно, что необходимую информацию он мог получить только со стороны. Но среди знакомых у него не было моряков. Во всяком случае, таких, с кем он мог общаться продолжительное время. Зато Генри По провел много лет в плаваниях, подвизался китобоем, ходил в Северную Атлантику, бывал в странах Магриба и Леванта, хорошо знал Средиземноморье и порты Южной Европы.

87

Джон Нил (1793–1876) — известный американский литератор, влиятельный журналист и публицист, редактор ряда журналов, автор биографий и сказочных историй.

Перевод С. Силищева.

89

В сборнике «„Тамерлан“ и другие стихотворения» стихотворение было опубликовано под названием «Visit of the Dead».

90

Нельсон По (1809–1884) — сын Джейкоба По (1774–1860), двоюродного брата отца поэта Дэвида По-младшего, внук Джорджа По-старшего (1744–1823), старшего брата дедушки поэта, «генерала» Дэвида По-старшего (1748–1818).

91

См.: *Barnes N.* A Dream within a Dream: The Life of Edgar Allan Poe. L., 2009. P.61.

См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe: A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 166.

93

Barnes N. A Dream within a Dream. L., 2009. P. 61. Таким образом, к 1830 году у мистера Аллана было уже четыре внебрачных ребенка (в марте 1833 года один из близнецов умер), но ни один из них не обладал статусом законного наследника.

Перевод С. Силищева.

См .: *Аллен Г.* Эдгар По. М., 1984. С. 106.

Диккенс Ч. Американские заметки / *Диккенс Ч.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 9. С. 267.

97

Будущая военная академия изначально (в годы Войны за независимость) создавалась как крепость, задачей которой было сделать невозможным продвижение британского военного флота вверх по Гудзону. Форты крепости начиная с 1778 года строились по указанию Дж. Вашингтона, проект был выполнен польским офицером Тадеушем Костюшко. После окончания второй англо-американской войны 1812–1815 годов боевое значение утратила. Академия открылась на территории крепости в 1802 году.

Перевод С. Силищева.

99

См.: *Gibson Th.* Poe at West Point //Harper's New Monthly Magazine. 1867. November. P. 754.

100

Из письма Джону Аллану от 3 января 1831 года.

101

Гибсон вспоминал, что «уже в самом начале своего недолгого пребывания в Вест-Пойнте он прославился поэтическим талантом; ежедневно из комнаты 28 появлялись стихи и эпиграммы на темы кадетской жизни, быстро распространявшиеся по всей академии».

102

Phillips M. Edgar Allan Poe. The Man. In 2 vol. Chicago, 1926. Vol. I. P. 385.

103

Phillips M. Edgar Allan Poe. The Man. In 2 vol. Chicago, 1926. Vol. I. P. 380.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 119, 120.

105

Суперинтендант — начальник Военной академии в Вест-Пойнте.

106

Слова, выделенные курсивом, в письме подчеркнуты Эдгаром По.

107

Генри Инмэн (1801–1846) — известный американский художник, портретист и пейзажист, автор картин на исторические темы.

108

Сильванус Тайер (1785–1872) — полковник (впоследствии бригадный генерал) армии США, начальник академии Вест-Пойнт в 1817–1833 годах. Талантливый военный педагог, он заложил основы военного образования в США. Военная академия, которую он возглавлял, до сих пор зиждется на его принципах. Был яростным сторонником военно-инженерного образования, покинул свой пост из-за разногласий с президентом Э. Джексоном.

109

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log: A Documentary Life of Edgar Allan Poe. 1809–1849. Boston, 1987. P. 117.

110

Разные источники указывают разные цифры: от пятисот до тысячи экземпляров. Но необходимо помнить, что Элам Блисс издал сборник По дважды: в 1831 году и переиздал его в 1832-м. Общий тираж, конечно, не мог быть меньше тысячи экземпляров.

111

Уже упоминавшийся Томас Гибсон вспоминал: «Книга была встречена всеобщим возмущением и негодованием. Она оказалась тщедушной по объему… скверно напечатанной на грубой бумаге и хуже всего — в ней не было ни одного из тех ярчайших всплесков сатиры, что, собственно, и формировали его репутацию в академии». Цит. по: *Gibson Th.* Poe at West Point //Harper's New Monthly Magazine. 1867. November. P. 755.

112

Выходные данные сборника: *Edgar Allan Poe.* Poems: Second Edition. New York: Published by Elam Bliss, 1831.

113

Позднее публиковалось под названиями «The City in the Sea», «The City of Sin».

114

В издании 1831 года опубликовано под названием «Irene».

115

Здесь и далее «Письмо к Б.» цитируется по: Эстетика американского романтизма. М., 1977. С. 87–92. Перевод З. Е. Александровой.

116

Из письма Э. По мистеру У. Гвинну от 6 мая 1831 года.

117

Г. Аллен ошибочно называет газету еженедельником и искажает ее название. Автор считает необходимым восстановить справедливость и исправить ошибку. Полное название издания: «Федерал газетт энд Балтимор дейли эдвётайзер» («Federal Gazette & Baltimore Daily Advertiser»). Выходила она ежедневно.

118

В газете «American and Commercial Daily Advertiser».

119

За весь 1831 год По сумел опубликовать в журналах только два стихотворения, за которые в общей сложности ему заплатили меньше десяти долларов.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По: Новеллист и поэт. Л., 1984. С. 167.

121

Циркулирующие версии, что Э. По сочинял рассказы в студенческие годы, в Шарлоттсвилле и позднее в Вест-Пойнте, не находят бесспорных доказательств.

Позднее рассказ был переработан автором и опубликован в журнале «Southern Literary Messenger» под названием «Без дыхания», под которым и известен почитателям По.

Впоследствии публиковался под названием «Бон-Бон».

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По: Новеллист и поэт. Л., 1984. С. 168.

125

См. главу «Актриса не может составить счастья своим детям…» настоящей книги.

126

У Марии и Уильяма Клемм был и еще ребенок — Вирджиния Мэри Клемм, но она не прожила и двух лет (родилась в 1820 году, умерла в 1822-м). Будущую жену поэта назвали в честь умершей сестры.

127

Точная дата бегства Генри Клемма неизвестна: это произошло не раньше 1831-го и не позже 1832 года.

См.: *Аллен Г.* Эдгар По. М., 1984. С. 128, 129.

129

А. Х. Квин сообщает, что в 1832 году более половины заключенных балтиморской тюрьмы составляли должники (см.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 190).

130

Дэлия Бэкон (1811–1859) увлеклась шекспироведением, в 1840-е годы опубликовала несколько работ, посвященных «шекспировскому вопросу». Выдвинула версию, что «Шекспир» — коллективный автор, под маской которого скрывались Фрэнсис Бэкон, сэр Уолтер Рэйли и Эдмунд Спенсер.

131

Натаниэль Готорн (1804–1864) — выдающийся американский писатель-романтик, внес существенный вклад в развитие национальной литературы. В своих критических статьях Э. По будет неоднократно обращаться к его творчеству, рассказы Готорна станут одним из важных источников в его размышлениях о теоретических аспектах короткой прозы; *Р. У. Эмерсон* (1803–1882) — американский поэт, эссеист и философ, один из основоположников философии трансцендентализма. Э. По был последовательным и яростным его оппонентом.

Подробнее см.: *Varner J. G.* Introduction /Edgar Allan Poe and The Philadelphia Saturday Courier. Charlottesville, 1933. P. IV.

133

Phillips M. Edgar Allan Poe. The Man: In 2 vol. Chicago, 1926. Vol. I. P. 430–437.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 131–135.

135

Акройд П. Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 81, 82.

Van Cleef A. Poe's Mary //Harper's Magazine. LXXVIII (March, 1889). P. 634–640.

137

Перевод С. Силищева.

138

Ламберт Уилмер (1805–1863) — американский журналист, редактор и писатель. Владел коллекцией рукописей По (в том числе рукописью сборника «„Аль Аарааф“, „Тамерлан“ и малые стихотворения», 1829), большинство из которых были ему подарены поэтом.

139

Альфред Теннисон (1809–1892) — английский поэт, крупнейшее поэтическое явление Викторианской эпохи; *Бенджамен Дизраэли* (1804–1881) — известный романист и политический деятель Викторианской эпохи, премьер-министр Британской империи (1868, 1874–1880).

140

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log: Л Documentary Life of Edgar Allan Poe. 1809–1849. Boston, 1987. P. 125, 126.

141

Речь идет о новелле «Четыре зверя в одном». Впервые под названием «Epimanes» (под этим же названием он предлагал ее и издателям «Нью-Инглэнд Мэгазин») она была опубликована в журнале «The Southern Literary Messenger» только два с лишним года спустя — в марте 1836-го.

142

Цит. по: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L.,1998. P. 197.

143

В «Балтимор сэтеди визитор» По к тому времени опубликовал три стихотворения: «Энигма» (2 февраля), «Серенада» (20 апреля) и «К…» (11 мая).

144

Джон Пендлтон Кеннеди (1795–1870) — американский писатель, юрист и государственный деятель. Писать и публиковаться начал в конце 1810-х годов, наибольшая известность связана с опубликованными в 1830-е годы романами «Суоллоу Барн» и «Робинзон Подкова». Литератор безусловно талантливый и многообещающий, начиная с 1840-х годов он почти оставил творческую стезю и активно занялся политикой. Был конгрессменом, морским министром (1852–1853), яростным противником сецессионистов. *Джон Лэтроуб* (1803–1891) — американский писатель и драматург, юрист, художник.

145

См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 202.

Перевод С. Силищева.

147

Вот что по этому поводу в частном письме писал Дж. Лэтроуб: «Я обратился к тетради [Э. По], в которой было много историй, и прочитал их все от начала до конца. Они так значительно — просто несравненно превосходили все то, что мы прочитали прежде, поэтому ни малейших затруднений мы не испытали, присуждая первый приз их автору. Единственной трудностью был выбор конкретного рассказа среди прочих. Мы выбрали „Рукопись, найденную в бутылке“». Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log: A Documentary Life of Edgar Allan Poe. 1809–1849. Boston, 1987.P. 132.

148

Подведение итогов состоялось в воскресенье, 7 октября 1833 года.

Акройд П. Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 85.

150

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log: A Documentary Life of Edgar Allan Poe. 1809–1849. Boston, 1987. P. 134.

151

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 133, 134.

152

Цит. по: *Tuckerman H.* The Life of John Pendleton Kennedy. N. Y., 1871. P. 376.

153

В нем есть такие слова: «Я [живу] здесь без друзей, без всяких средств к существованию, без надежды получить работу, я погибаю — абсолютно погибаю без помощи… Я не совершал никакого преступления против общества, которым мог заслужить такую ужасную судьбу. Ради бога, пожалейте меня и спасите меня от гибели».

Лазарева Е. В. Эдгар А. По и Джон П. Кеннеди // Американская литература. Проблемы романтизма и реализма. Краснодар, 1975. Вып. 3. С. 3.

155

Т. Уайт (1788–1843), человек энергичный, ангажировал многих. Среди них, например, были В. Ирвинг, Фенимор Купер, Дж. Адамс, Дж. Полдинг. Можно утверждать, что ни одна маломальски значимая фигура на национальном литературном небосклоне тех лет не избежала письма от Уайта.

156

В «Сауферн литерари мессенджер» рассказ был напечатан под названием «Hans Phaall, a Tale».

157

Пенсия Элизабет По составляла 240 долларов в год, или 20 долларов в месяц. Но, скорее всего, выплаты производились не ежемесячно, а ежеквартально, в иные годы — раз в полгода и даже единовременно — один раз в год.

158

См.: *Thomas O., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 141.

159

Там же. P. 148.

Перевод С. Силищева.

161

См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 206.

См.: *Jackson D.* Poe and *The Southern Literary Messenger.* Richmond, 1934. P. 5.

163

Интересно, что стихотворение было снабжено ремаркой «A Prize Poet», то есть «стихотворение, удостоенное премии». Как помнит читатель, «Колизею» премию не дали, но По, как видим, пребывал в убеждении, что по справедливости приз должны были присудить именно его стихотворению.

Среди опубликовавших известие были не только периодические издания Старого Доминиона, но и газеты, выходившие в Балтиморе, Филадельфии, Новом Орлеане, в штатах Джорджия, Миссисипи, в Нью-Йорке и Бостоне.

Jackson D. Poe and *The Southern Literary Messenger*. Richmond, 1934. P.31.

Ibidem. P. 49.

167

Edge-Hill, or The Family of the Fitzroyals. Richmond, Va.: T. W. White, 1828.

168

Уильям Гилмор Симмс (1806–1870) — выдающийся американский писатель и поэт, автор исторических романов на южную тему; *Ричард Г. Уайлд* (1789–1847) — известный юрист и политик, писал стихи, был весьма популярен. Ходили слухи, что его стихотворением «Моя жизнь — как летняя роза» (1815) восхищался сам Байрон. В 1841 году, оценивая значение его поэзии, Э. По отозвался о нем довольно кратко: «Едва ли он заслуживает такого шума. Гораздо более достойные вещи можно найти в каждой второй газете». В 1830-е годы на страницах «Мессенджера» его стихотворения появлялись довольно часто.

169

Лидия Ховард Сигурни (1791–1865) — популярная американская поэтесса и прозаик. Первая известность пришла к ней с публикацией назидательных «Moral Pieces in Prose and Verse» (1815). В «Мессенджере» печаталась регулярно, наибольшую известность принесли «Письма к молодым леди» (1833), «Стихотворения для детей» (1834), «Письма к матерям» (1838), сборник «Покахонтас и другие стихотворения» (1841). Как редактор Э. По переписывался с ней. Письма к миссис Сигурни составляют важный источник информации о поэте.

170

Э. Спархоук уехал в Петербург, штат Виргиния, чтобы возглавить местную газету, где ему предложили более высокую оплату.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 151.

Цит. по: *Jackson D.* Poe and *The Southern Literary Messenger*. Richmond, 1934. P. 58.

173

Слова и фразы, выделенные курсивом, в оригинале письма подчеркнуты поэтом.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 224.

175

Цит. по: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 230.

176

Томас Холи Чиверс (1809–1858) — американский поэт, прозаик и драматург, врач и ученый-естествоиспытатель. В 1840-е годы приятельствовал с Э. По, активно переписывался с ним. Сохранилось около трех десятков их писем друг другу.

177

Э. По подразумевает роман Дж. П. Кеннеди «Робинзон Подкова».

178

Т. С. Фэй (1807–1898) — американский романист, журналист и дипломат, автор целого ряда нравоучительных романов. В конце 1820-х — середине 1830-х годов занимал должность редактора «New York Minor».

179

Джозеф Р. Дрейк (1795–1820) — поэт; *Фитц Грин Хэллек* (1790–1867) — известный поэт, при жизни его нередко называли «американским Байроном»; *Уильям Калеб Брайант* (1794–1878) — поэт-романтик и журналист, многолетний (1828–1878) редактор влиятельной «New York Evening Post»; *Чарлз Ф. Хоффман* (1804–1884) — поэт, прозаик, журналист, основатель и редактор журнала «Knickerbocker». Все упомянутые литераторы принадлежали к неформальной, но влиятельной в американской словесности тех лет группе, объединившейся вокруг упомянутого журнала.

180

Цит. по: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L.,1998. P. 245.

181

Эдвард Кут Пинкни (1802–1828) — поэт-южанин, старший современник Э. По; *Огастес Б. Лонгстрит* (1790–1870) — южанин, писатель-прозаик, известность ему принесла книга очерков и рассказов «Картинки Джорджии» (1835). Э. По рецензировал ее на страницах «Мессенджера».

182

Информация о тиражах «Мессенджера» восходит в том числе и к самому Э. По. Оставив журнал, он через несколько лет сообщал (в письме от 31 октября 1844 года) своему знакомому профессору Ч. Энтону (1797–1867), что за пятнадцать месяцев тираж вырос до 5500 подписчиков, а другому знакомцу, журналисту Э. Паттерсону, в 1849 году заявлял, что увеличил число подписчиков до пяти тысяч. Интересно и вот что: Э. По даже подсчитал возможный доход своего работодателя: он составил десять тысяч долларов в год (см.: *Jackson D.* Poe and *The Southern Literary Messenger.* Richmond, 1934. P. 70).

183

См.: *Jackson D.* Poe and *The Southern Literary Messenger.* Richmond, 1934. P. 13, 14.

Там же. P. 14.

185

Цит. по: *Meyers J.* Edgar Allan Poe: His Life and Legacy. N. Y., 1992. P. 91.

Jackson D. Poe and *The Southern Literary Messenger*. Richmond, 1934. P. 13.

187

Цит. по: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 262.

188

Джеймс П. Полдинг (1768–1860) — известный американский писатель и политический деятель; в администрации восьмого президента США М. Ван-Бюрена (1782–1862) занимал пост министра военно-морского флота (1838–1841).

189

Ф. Л. Хоукс (1798–1866) — известный пресвитерианский священник и проповедник. Э. По переписывался с ним в 1836–1837 годах, и тот обещал ему должность в своем журнале. См.: *Jackson D.* Poe and *The Southern Literary Messenger*. Richmond, 1934. P. 14.

Живя в Нью-Йорке, Э. По опубликовал всего два рассказа: «Мистификация» и «Тишина», несколько рецензий и продал права на свою повесть. За эти публикации получить много он не мог, и жить на эти деньги семья была не в состоянии.

191

Антонио Канова (1757–1822) — итальянский скульптор-классицист. Современниками По почитался как явление выдающееся и в своем роде уникальное.

192

Бенджамин Моррелл (1795–1839) — американский мореплаватель и литератор. В историографии отношение к нему двоякое: признаются его очевидные исследовательские заслуги, но скептически оценивается упомянутый труд — слишком много явных небылиц, преувеличений и апокрифов он содержит.

193

Джеремия Рейнольдз (1799–1858) — журналист, издатель, литератор, исследователь и лектор. Участвовал в нескольких морских экспедициях, одну из которых (неудачную, 1829) организовал за собственный счет. В 1836 году обратился в конгресс с проектом экспедиции к Южному полюсу, но предложение было отвергнуто.

Подробнее см.: *Танасейчук А. Б.* Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 249.

196

Натан Ковингтон Брукс (1809–1898) — англиканский священник, поэт, журналист и педагог. Э. По познакомился с ним в 1831 году в Рейстерстауне, когда пытался устроиться в Академию Франклина. *Джозеф Эванс Снодграсс* (1813–1880) — врач, издатель и публицист, известный своими выступлениями за трезвый образ жизни. С Э. По (начиная с осени 1838 года) их связывала многолетняя переписка. Видимо, Снодграсса По интересовал не только как автор, но и как пациент — человек, подверженный пагубному пристрастию к алкоголю.

197

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 276, 277.

Новелла «Как написать рассказ для „Блэквуда“» появилась в «Американ мьюзеум» под названием «Госпожа Зенобия»; «Трагическое положение» имело название «Коса времени». Обзоры и литературная критика в журнале публиковались в основном анонимно. Наиболее примечательной в этой сфере публикацией Э. По в журнале были заметки под названием «Literary Small Talks», напечатанные в январском и февральском номерах за 1839 год.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 188.

200

Полное название журнала: «Spirit of the Times: A Chronicle of the Turf, Agriculture, Field Sports, Literature and the Stage» («Дух времен: хроника скачек, сельского хозяйства, спорта, литературы и сцены»). Подробнее см.: *Танасейчук А. Б.* Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012. С. 100–102.

201

Существует предположение, что По одновременно со службой в «Бёртонз джентльменз мэгэзин» исполнял также обязанности редактора «Алекзандерз уикли мессенджер». Хотя газета была относительно небольшой (четыре полосы увеличенного формата), едва ли эта информация соответствует действительности.

202

Чарлз У. Александер (1796–1866) по основному роду занятий был типографом. В его предприятии печатался целый ряд периодических изданий, выходивших в Филадельфии. Своим постоянным клиентам он предоставлял хорошие скидки, поэтому Бёртону сотрудничество с ним было выгодно. К своему еженедельнику, судя по всему, мистер Александер относился без особого пиетета, рассматривая его лишь в качестве дополнительного финансового источника. «Алекзандерз уикли мессенджер» выходил с января 1837-го по ноябрь 1848 года.

203

Весьма подробно и обстоятельно о текстах, опубликованных По в газете мистера Александера, рассказано в статье К. Бригэма, опубликованной в 1942 году в журнале Американского общества антикваров. — См.: *Brigam C.* Edgar Allan Poe's Contributions to *Alexander's Weekly Messenger* //American Antiquarian Society. 1942. April. P. 45–125.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 191, 192.

205

См.: *Deas M. J.* The Portraits and Daguerreotypes of Edgar Allan Poe. Charlottesville: Univ. of Virginia Press, 1989. P. 120, 121.

Sartain J. The Reminiscences of a Very Old Man. N. Y., 1899. P. 196–217.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 264.

Акройд П. Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 117, 118.

209

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 263.

См.: *Scott W.* On the Supernatural in Fictitious Composition; and particularly on the works of Ernest Theodore William Hoffmann // Foreign Quarterly Review. 1827. Vol. 1.№ 1. P. 60–98.

211

Цит. по: *Скотт В.* Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1960–1965. Т. 20. С. 632.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт. Л., 1984. С. 174.

213

В оригинале: «The Prose Tales of Edgar A. Poe, Including „The Murders in the Rue Morgue“, „The Descent into the Maelstrom“, and all his later pieces, with a second edition of the „Tales of the Grotesque and Arabesque“».

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 194.

215

Рассказ был опубликован в апрельском номере «Журнала Грэма» («Graham’s Magazine») за 1841 год. Это был первый текст, опубликованный По в этом издании.

216

О «западных» писаниях В. Ирвинга и о «западной» теме в американской литературе первой половины XIX века см. весьма интересную (хотя и вполне академичную) книгу Е. А. Стеценко «История, написанная в пути…» (М., 1999).

217

Мерцутер Льюис (1774–1809), *Уильям Кларк* (1770–1838) — выдающиеся американские исследователи, политики, военные. В 1803–1806 годах предприняли большую экспедицию на северо-запад, через горные хребты и прерии, к тихоокеанскому побережью.

Что было тому причиной — многочисленные друзья и знакомые или напряженная работа и связанное с ней нервное истощение? Скорее всего, совокупность факторов.

219

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 295, 296.

220

Название штата образовано от имени Уильяма Пенна (1644–1718), которому в 1681 году король Карл II даровал большой участок земли, где он основал колонию, названную в его честь.

221

Полное название журнала «The Casket: Rowers of Literature, Sentiment and Wit».

См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 310.

223

Речь идет о статьях «Несколько слов о тайнописи» (1841, июль), «Тайнопись. Дополнение» (1841, август), «Тайнопись. Дополнение II» (1841, октябрь).

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 327.

225

См.: «A Chapter of Autography I» (Graham's Magazine. 1841. November), «A Chapter of Autography II» (Graham's Magazine. 1841. December), «An Appendix of Autographs» (Graham's Magazine. 1842. January). Эти публикации нетрудно отыскать в Сети — проще всего, заглянув на сайт «Общества Эдгара Аллана По в Балтиморе» (http://www.eapoe.oig/index.htm.).

По Э. А. Полное собрание рассказов / Пер. с англ. Р. Гальпериной. М., 1970. С. 285, 287.

227

См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 310, 311. *Франсуа Эжен Видок* (1775–1857) — французский преступник, ставший впоследствии главой французской полиции, а затем и первым профессиональным частным сыщиком; считается родоначальником частного сыска; оставил мемуары, пользовавшиеся большой популярностью в XIX веке.

По Э. А. Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 296.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт. Л., 1984. С. 204, 205.

По Э. А. Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 373.

231

См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 320.

Кроме Э. По в состав редакции входил «младший редактор» Джозеф Петерсон, а с декабря 1841 года добавились две «леди-редактора»: некто миссис Энн Стефенс и миссис Э. С. Эмбери.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 202.

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 295.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 210.

236

Цит. по: *По Э. А.* Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 763, 764.

237

Перевод С. Силищева.

По Э. А. Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 409, 421.

239

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 370, 371.

240

Уильям Росс Уоллас (1819–1881) — американский поэт. Наиболее известным и удачным считается его стихотворение «Рука, качающая колыбель» (1857), посвященное женщине-матери и проникнутое подлинно глубоким чувством.

241

Статьи этой серии публиковались в «Cody’s Lady’s Book» с мая по октябрь 1846 года.

242

См.: *Аллен Г.* Эдгар По. М., 1984. С. 217, 218. Среди прочего Аллен «воспроизводит» довольно странный диалог между нетрезвым поэтом и Мэри Деверо, в котором тот допытывается, зачем она вышла замуж за этого «проклятого» человека и «по любви ли вышла за него». Откуда взялись эти живописные подробности, остается только гадать, тем более что Аллену были известны воспоминания Мэри Старр и он не раз на них ссылается.

243

См.: *Акройд П.* Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 134, 135. Английский писатель вполне корректен в описании ситуации, но почему-то считает, что фамилию Дженнингс носила апокрифическая Мэри Деверо, а не ричмондская соседка По, вполне реальная Мэри Старр.

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 371.

Там же. P. 372.

См.: *Танасейчук А. Б.* Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012. С. 89.

См.: *Cantalupo B.* Interview with Jefferson Moak //E. A. Poe Review. Vol. VIII. №. 2 (Fall 2007). P. 92–98.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 381.

249

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 406.

250

Stylus — от греческого стило (*stilos*), остроконечная палочка для письма.

251

Феликс Дэрли (1822–1888) — известный американский художник (акварелист) и иллюстратор. Прославился иллюстрациями к произведениям В. Ирвинга, Дж. Фенимора Купера, Г. Лонгфелло, Н. Готорна. Иллюстрировал и Э. По. Его рисунки к «Золотому жуку» считаются одними из лучших.

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 395, 396.

Phillips M. Edgar Allan Poe the Man: In 2 vol. 1926. V. I. P. 906.

Перевод С. Силищева.

255

См.: *Sartain J.* The Reminiscences of a Very Old Man. N. Y., 1899. P. 217.

Цит. по: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P.401.

257

Джон Томлин (1806–1850) — американский поэт. В 1839–1844 годах состоял в интенсивной переписке с Э. По, который помогал ему с публикацией стихотворений в филадельфийской периодике. Служил почтмейстером. Умер от туберкулеза в приюте, в глубокой нищете.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 414.

259

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 395.

260

Перевод В. Брюсова. Автору книги известно по меньшей мере около десятка переводов этого стихотворения на русский язык. Перевод Брюсова по точности, возможно, уступает переводу В. Рогова, а по мелодичности — переводу К. Бальмонта, но «по духу», по настроению — он ближе всех к оригиналу. Впрочем, это всегда лишь приближение. Адекватных способов перевода поэзии, увы, не существует.

261

Каллиопа — муза эпической трагедии и знаний; *Мельпомена* — муза трагедии; *Эрато* — муза любовной поэзии; *Эвтерпа* — муза лирической поэзии; *Полигимния* — муза торжественных песнопений в честь богов.

См.: *Танасейчук А. Б.* Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012. С. 90.

Woodberry G. The Life of Edgar Allan Poe. Boston, 1885. P. 181.

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 445.

265

Цит. по: *Phillips M.* Edgar Allan Poe the Man: In 2 vol. 1926. V. I. P. 827.

См.: *Танасейчук А. Б.* Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012. С. 90, 91.

Там же. С. 89.

268

Очерк Т. Майн Рида «В защиту умершего» («The Dead Man Defended») был опубликован в 1869 году, в канун двадцатилетия смерти Э. По.

269

См.: *Танасейчук А. Б.* Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012. С. 92.

Thomas D., Jackson D. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 409.

271

Уильям Кидд (1645–1701) — знаменитый английский пират конца XVII века. Хотя сам факт его пиратской деятельности не доказан, он со временем превратился в легендарную фигуру. Поскольку за годы каперства (морского разбоя по патенту) он должен был накопить изрядные богатства, а их на момент ареста у него не оказалось, стали циркулировать слухи, что он зарыл свои несметные сокровища. Поскольку он действовал в основном в американской части Атлантического океана, считается, что тамошние острова и укрыли его богатства.

Перевод А. Старцева.

Он многократно умножился в июне — июле 1843 года, после того как Джон Дю Солле, редактор влиятельной газеты «Spirit of the Times», обвинил По в плагиате: якобы он позаимствовал свой сюжет у тринадцатилетней школьницы Энн Шербурн, опубликовавшей в 1839 году рассказ под названием «Имоджин, или Пиратские сокровища», в котором фигурируют и остров, и зарытый под старым деревом клад Кидда, и скелет на сундуке. Через некоторое время Дю Солле дезавуировал свой выпад и извинился перед Э. По.

Полное название сборника — «The Prose Romance of Edgar A. Poe, author of „The Gold-Bug“, „Arthur Gordon Pym“, „Tales of Grotesque and Arabesque“, etc. etc. etc.». Продавался он по цене 12,5 цента.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 397.

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 420–430.

277

В последнем, вышедшем при жизни Р. Грисуолда издании «The Poets and Poetry of America» (1856) количество стихотворений Эдгара По, правда, увеличилось до шестнадцати, а текстов Хоффмана — уменьшилось, но все равно их было больше, чем у По. Неужели Грисуолд считал последнего поэтом менее значительным, чем его друг? Едва ли. Но вот таким он был человеком.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По: Новеллист и поэт. Л., 1984. С. 8, 9.

279

В журнале «The Boston Miscellany of Literature and Fashion».

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 440.

Ibid. P. 441.

282

Перевод С. Силищева.

Известно, что после успешных чтений 21 ноября он читал свою лекцию в городах Уилмингтоне и Ньюарке (штат Делавэр), выступал в Балтиморе и Ридинге, а затем повторил ее в Филадельфии 10 января 1844 года.

284

Автор намеренно сохранил оригинальное обращение поэта к теще. Ох уж эти милые семейные прозвища! Они почти не поддаются переводу: слишком много культурных и интимно-личных смыслов и эмоций в них заключено. «Muddy» дословно можно перевести как «грязнуля», «грязнулька», «грязнуха» и т. п. Но едва ли По мог так называть свою тещу, известную аккуратистку и чистюлю. Возможно, это сложение двух ласкательно-уменьшительных — «mummy» и «daddy»: для нашего героя миссис Клемм олицетворяла и отца и мать одновременно, авторитет ее был непререкаем, а любовь и забота — безмерны. Впрочем, это версия, и не более того.

285

Перт-Эмбой — железнодорожная станция, город и порт в штате Нью-Джерси.

На паромах, морских и речных судах в то время дамы располагались отдельно от джентльменов.

287

Поэт не уточняет, но речь, видимо, идет о цене не за день, а за неделю.

Цит. по: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P.410.

Единственное исключение — рассказ «Продолговатый ящик», который удалось пристроить только по очень низкой для него цене — всего полдоллара за страницу. Видимо, издателей напугал мрачный колорит повествования. Впрочем, есть у По истории и помрачнее.

290

«Письма» Э. По в «Columbia Spy» публиковались под названием «Doings at Gotham» в мае — июне 1844 года. Всего было опубликовано семь «писем».

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 240, 241.

Акройд П. Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 156.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P.415.

Перевод Н. Вольпин.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 241.

296

Полное название статьи: «Как я писал „Ворона“, или Философия творчества».

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По: Новеллист и поэт. Л., 1984. С. 134, 135.

Там же. С. 135, 136.

По Э. А. Философия творчества //Эстетика американского романтизма. М., 1977. С. 112.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 435.

301

По Э. А. Философия творчества //Эстетика американского романтизма. М., 1977. С. 110.

Цит. по: *Аллен Г.* Эдгар По. М., 1984. С. 246, 247.

303

Речь идет о статье поэта под названием «Why Not Try a Mineralized Pavement?», опубликованной в «Ивнинг миррор».

Перевод М. Зенкевича.

305

Полное название журнала «The American Review: a Whig Journal of Politics, Literature, Art, and Science». «Ворон» был опубликован во втором номере на страницах 143–145. Любой желающий может ознакомиться с оригиналом знаменитого текста: https://archive.org/details/ americanreviewwh01colt

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 496.

307

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 496.

Цит. по: *Isani M. A.* Reminiscences of Poe by an Employee of the *Broadway Journal* //Poe Studies. 1973. December. Vol. VI. №. 2. P. 34.

309

Первый номер журнала вышел 4 января 1845 года.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 751.

311

Из письма от 9 января 1845 года. Цит. по: *Barnes N.* A Dream within a Dream. L., 2009. P. 178.

312

В письме своему приятелю, литератору Ф. Куку (1816–1850), от августа 1846 года По сетовал, что Дайкинк не проявил должного профессионализма, отдав преимущество «рационалистическим рассказам» (у По — *tales of ratiocination),* и не включил в сборник «Лигейю», «которую, — писал он адресату, — могу назвать лучшей своей новеллой».

Здесь и выше цитаты приводятся по изданию: *По Э. А.* Полное собрание рассказов /Пер. с англ. В. Рогова. М., 1970.

314

Об этом Кеннеди сообщает в письме По от 1 декабря 1845 года.

315

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 600.

Перевод С. Силищева.

317

В оригинале: «as drunk as an Indian» — дословно: «пьяный как индеец».

Цит. по: *Isani M. A.* Reminiscences of Poe by an Employee of the *Broadway Journal* //Poe Studies. 1973. December. Vol. VI. № 2. P. 34.

319

Пер. С. Силищева.

320

27 июня Бриггс писал Лоуэллу: «…он опять взялся за свои старые привычки, и я боюсь, это нанесет непоправимый вред».

321

См.: *Wagenknecht E.* The Man behind the Legend. N. Y., 1963. P. 30–43.

См.: *Phillips M.* Edgar Allan Poe the Man: In 2 vol. 1926. V. 2. P. 1050.

323

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 577.

324

Элизабет Оукс Смит (1806–1893) — американская поэтесса и прозаик, в 1850-х годах деятельная участница борьбы за женское равноправие в США.

325

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P.612.

Перевод С. Силищева.

327

Очерк, посвященный Фрэнсис Осгуд, По опубликовал в «Godey’s Lady’s Book» в сентябре 1846 года.

Перевод М. А. Танасейчук.

329

Первой, кому Э. По посвятил эти строки, судя по всему, была его кузина Элизабет Херринг. Год спустя он адресовал эти строки Элизе Уайт, юной дочери Т. Уайта, владельца «Сауферн литерари мессенджер», чем, кстати сказать, вызвал его изрядный гнев.

Перевод М. А. Танасейчук.

Перевод Б. Томашевского.

Акройд П. Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 178.

Там же. С. 181.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 480.

335

Перевод М. А. Танасейчук.

Ребенок (это была девочка, ее назвали Фанни Фэй) родился в последних числах июня 1846 года и прожил недолго — умер в октябре того же года. Как ни привлекательна эта версия, она не находит (и не может найти) подтверждения. Даже автор самой скандальной биографии поэта последних лет К. Силвермэн эту версию опровергает. См.: *Silverman K.* Edgar A. Poe: Mournful and Never-Ending Remembrance. N. Y., 1991. P. 290.

337

Из письма По Саре Э. Уитмен от 24 ноября 1848 года.

Цит. по: *Myers J.* Edgar Allan Poe. His Life and Legacy. N. Y., 1992. P. 193.

339

Цит по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 640, 641.

340

О Симмсе см. содержательную книгу, к сожалению, рано ушедшего советского литературоведа-американиста В. Яценко: *Яценко В.* Южная школа американского романтизма. Иваново, 1983. См. также: *Тлостанова М. В.* Литература Старого Юга: У. Г. Симмс. Дж. П. Кеннеди //История литературы США. М., 1999. Т. II: Литература эпохи романтизма. С. 320–346.

Hammerhead — тупоголовый *(англ.)*.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 663.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 652.

Цит. по: *Allen H.* Israfel. The Life and Times of Edgar Allan Poe: In 2 vol. N.Y., 1926. Vol. II. P.650.

345

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 692.

Перевод С. Силищева.

Marginalia — заметки на полях (лат.).

Перевод М. А. Танасейчук.

349

1 акр — 0,405 гектара.

350

Перевод С. Силищева.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 508, 509.

352

Цит. по: *Miller J. C.* Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 108.

Там же. P. 138.

354

Перевод К. Д. Бальмонта.

355

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 672.

Там же. P. 674.

Ingram J. Edgar Allan Poe. His Life, Letters, and Opinions: In 2 vol. L., 1880.Vol. II. P. 109.

Cm.: *Miller J. C.* Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 88.

359

Перевод К. Д. Бальмонта.

Ingram J. Edgar Allan Poe. His Life, Letters, and Opinions: In 2 vol. L., 1880. Vol. II. P. 155.

По меньшей мере трижды поэт исправлял и дополнял исходный текст и только в феврале — марте 1849 года поставил точку. В печати «Колокола» появились уже посмертно: в ноябре 1849 года в «Sartain's Magazine», журнале давнего филадельфийского знакомца поэта Джона Сартэйна.

362

Перевод К. Д. Бальмонта.

363

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 674.

В 1877 году «Анни» Ричмонд в письме Дж. Ингрэму, составлявшему биографию поэта, правда, утверждала, что первая встреча миссис Локк с По произошла накануне его приезда в Лоуэлл. Та в преддверии визита По якобы специально в конце июня приезжала в Фордхэм, чтобы пригласить поэта остановиться в их доме. См.: *Miller J. C.* Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 166.

365

Эмиль Форге (1813–1883) — французский журналист, театральный и литературный критик, переводчик с английского.

См.: *Quinn A. H.* Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 516–519.

367

Цит. по: *Barnes N.* A Dream within a Dream. The Life of Edgar Allan Poe. L., 2009. P. 233.

Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Л., 1984. С. 268, 269.

Осипова Э. Ф. Загадки Эдгара По: Исследования и комментарии. СПб., 2004. С. 81.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 714.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 720.

Цит. по: *Акройд П.* Эдгар По: Сгоревшая жизнь. М., 2012. С. 211.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 731.

Whitman S. H. Edgar Poe and His Critics. N. Y., 1860. P. 9.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 286, 287.

Рассказ был опубликован в декабрьском номере журнала «Американ ревью» за 1845 год, а 20 декабря того же года перепечатан в «Бродвей джорнэл» Э. По.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 537.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 536, 537.

Перевод М. А. Танасейчук.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 719, 726.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 573.

382

Перевод В. Рогова.

383

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 730.

Miller J. C. Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 100, 101.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 734.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 741, 742.

387

«Не так давно, — пишет поэт, — я отослал один [рассказ] в „Metropolitan“, он называется „Домик Лэндора“: в нем кое-что есть и об Анни».

Перевод В. Рогова.

Miller J. C. Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 162, 163.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 290.

391

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 750.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 568.

393

Перевод М. А. Танасейчук.

Правда, теперь отвечал не в стихах, а в прозе. В августе в журнале «United States Magazine» он поместил очерк, посвященный «Стелле»: «Литераторы Нью-Йорка — С. Анна Льюис». В нем он дал высокую оценку ее поэтическому таланту. Находясь в Ричмонде, написал рецензию на ее недавно вышедший поэтический сборник «„Дитя моря“ и другие стихотворения» (ее опубликовал «Сауферн литерари мессенджер» в сентябре).

395

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 751.

396

Была опубликована в январе 1849 года (в февральском номере) журнала «Годиз лэдиз бук».

397

«Миссис Саре Хелен Уитмен — от самого преданного из друзей. Эдгар А. По».

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 755, 756.

399

См.: *Miller J. C.* Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 116, 117.

Phillips M. Edgar Allan Poe the Man: In 2 vol. 1926. V. 2. P. 1315, 1316.

401

См.: *Poe E. A.* The Complete Works: in XVII vol. N. Y., 1902. V. XVII: Poe and His Friends Letters Relating to Poe. P. 422–430.

Phillips M. Edgar Allan Poe the Man: In 2 vol. 1926. V. 2. P. 1317.

403

Перевод С. Силищева.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 592.

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 763.

Miller J. C. Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 346.

Цит. по: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 773.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984. С. 295, 296.

409

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 780.

Перевод А. Сергеева.

Здесь и выше перевод К. Бальмонта.

412

Хэмфри Дэви (1778–1829) — английский химик и физик-экспериментатор, один из основоположников электрохимии, первооткрыватель нескольких элементов.

По Э. А. Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 675.

414

Бытует мнение, что «Прыг-Скок» — «рассказ-месть» литературному сообществу, точнее, нью-йоркским «синим чулкам». В образе карлика-шута По изобразил себя, а его миниатюрная сообщница — это Анни, король и его министры, соответственно, враги и недоброжелатели.

415

Перевод К. Бальмонта.

Перевод К. Бальмонта.

417

Маргиналию XCII опубликовал журнал «Сауферн литерари мессенджер» в сентябре 1849 года.

В последнем письме Анни он сообщал: «Я написал балладу, которая называется „Аннабель Ли“, и скоро пошлю ее вам». Но не случилось. Анни прочитала стихи уже после его смерти.

419

Перевод В. Топорова.

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P.811.

Miller J. C. Building Poe Biography. Baton Rogue, 1977. P. 198.

422

Г. Аллен утверждал, что По отправился в Ричмонд (через Перт-Амбой) морем (см.: *Аллен Г.* Эдгар По. М., 1984. С. 303), что не соответствует действительности.

423

Перевод К. Бальмонта.

См.: *Sartain J.* The Reminiscences of a Very Old Man. N. Y., 1899. P. 210.

Sartain J. The Reminiscences of a Very Old Man. N. Y., 1899. P. 206, 207.

О Липпарде см.: *Танасейчук А. Б.* Майн Рид: Жил отважный капитан. М., 2012. С. 93–96.

427

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 834.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. Baltimore; L., 1998. P. 634.

429

В этот ричмондский период жизни лекции были почти единственным и довольно щедрым источником финансовых поступлений для поэта. В Ричмонде он дважды (или трижды) выступал в июле 1849 года, по меньшей мере два раза — в августе, выезжал также в Норфолк (Виргиния) и читал там лекцию 14 сентября.

См.: *Thomas D., Jackson D. K.* The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 828–830, 838.

431

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 842.

432

У. Пратт вспоминал: «Я хорошо его знал, и он мне часто обещал позировать… Я стоял у входа в студию, а он проходил мимо и заговорил со мной. Я напомнил о невыполненном обещании… Он ответил: „Но я одет совершенно неподобающим образом“. — „Не обращайте внимания, — отвечал я ему. — Буду только рад запечатлеть вас таким, как вы есть“». Так и появился последний портрет Эдгара По, известный как «дагеротип Пратта».

Carter J. F. Edgar Poe's Last Night in Richmond //Lippincott's Monthly Magazine. 1902. November. Vol. LXX. P. 566.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 844.

Thomas D., Jackson D. K. The Poe Log. 1809–1849. Boston, 1987. P. 844, 845.

436

Перевод В. Рогова.